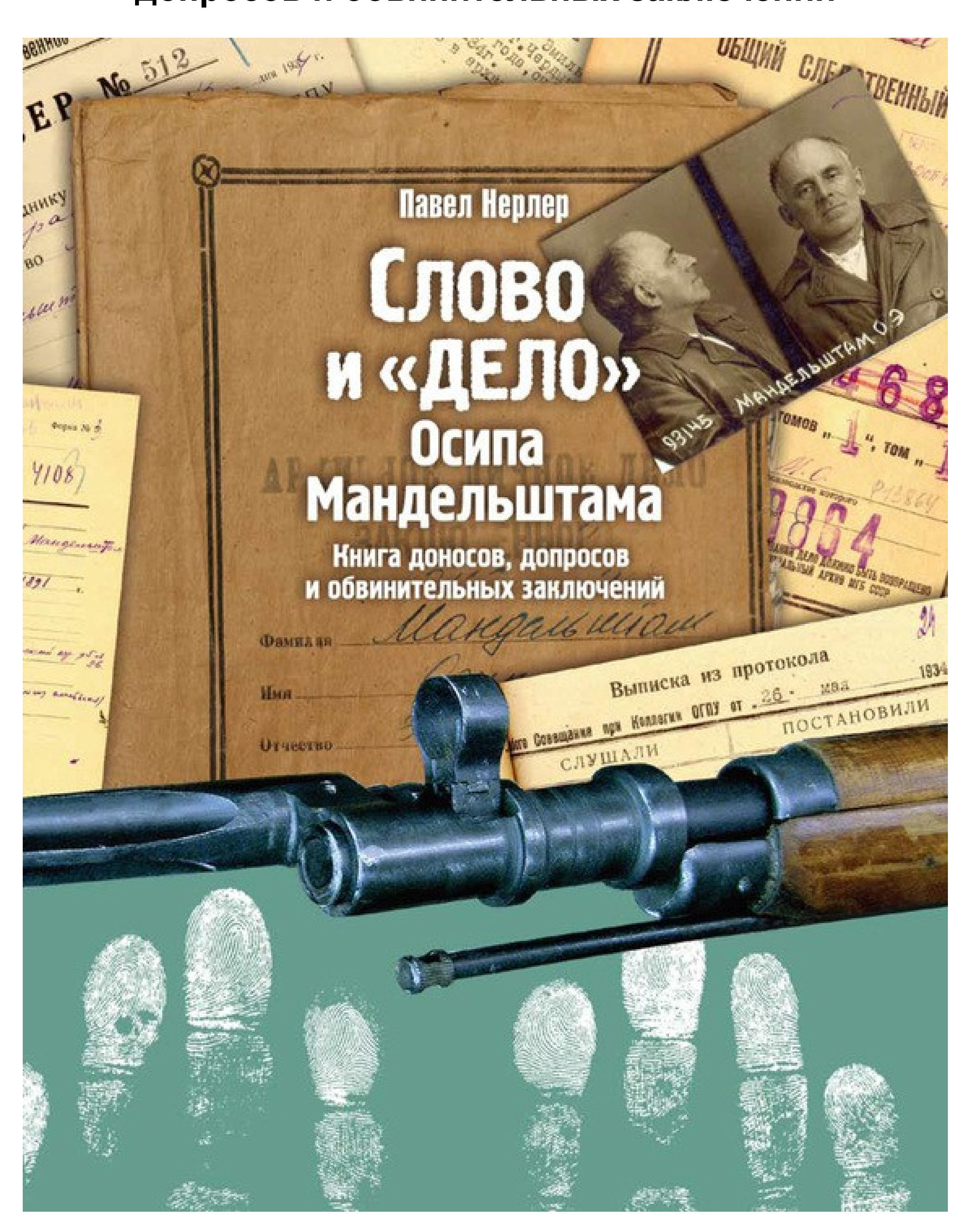
Павел Нерлер

Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений

Аннотация

Осип Мандельштам всегда был в достаточно напряженных отношениях с властями. Еще до революции за ним присматривала полиция, подозревая в нем возможное революционное бунтарство. Четырежды его арестовывали: дважды в 1920 г. (в Феодосии – врангелевцы и в Батуме – грузинские меньшевики), в третий раз ОГПУ в Москве в 1934 г. и в четвертый – НКВД в доме отдыха «Саматиха» в Мещере в 1938 г. Всем репрессиям против поэта, в том числе и неосуществившимся, посвящена эта книга. Она выстроена хронологически – в порядке развертывания репрессий или усилий по их преодолению (например, по реабилитации). Каждая глава имеет организационную привязку – к конкретному карательному или иному органу, осуществлявшему репрессию или реабилитацию. Каждая содержит в себе текстовую и документальную части, причем большинство документов полностью публикуется впервые. Глава о дореволюционном надзоре за Мандельштамом (далее О.М.) в Финляндии написана Д. Зубаревым и П. Нерлером, о «мандельштамовском эшелоне» – П. Нерлером и Н. Поболем, все остальные тексты написаны П. Нерлером. Книга проиллюстрирована фотографиями и документами из публикуемых «дел» и рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

Первое издание книги (М.: Петровский парк (при участии «Новой газеты»), 2010) вошло в шорт-лист премии «НОС» («Новая словесность») за 2011 год и заняло в нем второе место. Второе основательно переработано и ощутимо дополнено.

Павел Нерлер
Слово и «Дело» Осипа Мандельштама
Книга доносов, допросов и обвинительных заключений
(Издание 2-е, дополненное и переработанное)
К 75-летию со дня гибели

Всё, что ты видел, забудь –
Птицу, старуху, тюрьму…

И меня только равный убьет…

Я к смерти готов…

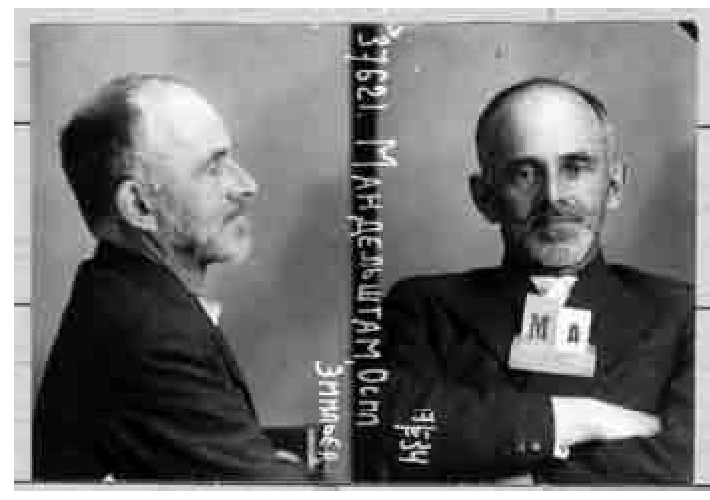
Авторы: П. Нерлер при участии Д. Зубарева и **Н. Поболя**
Редактор: С. Василенко

Поэт и стихи сквозь призму карательных органов

Ведь Гепеу – наш вдумчивый биограф…
Леонид Мартынов[1]

1 Из стихотворения «Корреспондент» (1927).

1

Осип Эмильевич Мандельштам был в достаточно напряженных отношениях с властями. Еще до революции за ним присматривала полиция, подозревая в нем возможное революционное бунтарство. Революционное бунтарство хотя и имело место, но никогда не носило административно-кадрового характера. Тем не менее дважды – в июле 1918 и в начале 1919 года – его устойчивые связи с левыми эсерами и их изданиями вполне могли привести его в большевистский застенок.

Этого не произошло, но тюрьма – и даже две – поджидали его в 1920 году. Первый раз в августе – в Феодосии, а второй – в сентябре, в Батуме. По иронии судьбы, его заподозрили в службе у большевиков.

В 1933 году О.М. написал стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны…» и еще несколько, значительно повышавших его шансы быть арестованным. ОГПУ не упустило этой возможности, и арест воспоследовал – в мае 1934 года: но то, чем отделался О.М. в этом случае – всего-навсего тремя годами ссылки – было воспринято всеми как чудо, автором которого был лично Сталин, а адресной аудиторией – творческая интеллигенция.

В 1938 году О.М. арестовали во второй раз и вроде бы за пустяки – за нарушение паспортно-административного режима, но времена решительно переменились.

За время, прошедшее между первым и вторым арестами О.М., численность заключенных в ГУЛАГе выросла вдвое – с 510,3 тысячи человек в 1934 и до 996,4 в 1938 году. Особенно разителен зазор между этими двумя годами по статистике осуждений по политическим мотивам: в 1934 году их было всего лишь 78.899 – самый низкий уровень после 1929 года и почти вчетверо меньше, чем в 1933 году (239.664). В 1938 году число осужденных по 58-й статье превысило полмиллиона (554.258) и уступало по этому показателю только 1937 году (790.665). На 1937–1938 годы приходятся и максимальное число (более 680 тысяч за два года!), и максимальная доля расстрельных приговоров (42,3% в 1937 и 59,3% в 1938 году – против, скажем, 2,6% в 1934 году). Наиболее массовой мерой наказания была именно жизнь в ГУЛАГе, то есть содержание в тюрьмах, лагерях и колониях. Только в 1937–1938, а также в 1924 и 1926 годах она была «на вторых ролях», уступив в первом случае – смертной казни, а во втором – ссылке и высылке.

Из 78.899 репрессированных в 1934 году 2.056 человек было расстреляно, 59.451 направлено в ГУЛАГ, а к ссылке и высылке приговорено было 5.994 человека – едва ли не самый «гуманный» год из всего десятилетия. Одним из этих 5.994 сосланных оказался и Осип Эмильевич, так что с годом первого ареста ему, можно сказать, повезло.

Формально «повезло» ему и в 1938 году, когда число осужденных по 58-й составляло 554.258 человек, притом что каждых трех из пяти расстреляли. Оказавшись в числе прошедших сквозь это «сито» судьбы, но будучи приговоренным не к ссылке или высылке (таких в 1938 году было всего 16.842 человека, или 3%), а к отправке в ГУЛАГ (а таких было 205.509 человек, или 37,1%), он – со своим стариковским здоровьем и «пятью годами лагерей» на Колыме – также получил фактически смертный приговор, но с переносом места и с отсрочкой времени его исполнения.

С момента ареста и до дня смерти пройдет всего шесть с

половиной месяцев: большего О.М. вынести не смог и 27 декабря 1938 года, в пересыльном лагере под Владивостоком, – умер.

В 1931–1940 годах в системе ГУЛАГ (без учета погибших при побегах[1]) умерло 376.154 заключенных.

Осип Мандельштам был одним из них.

2

Взгляд на поэта и на его «слово» через его «дело» – довольно неожиданный ракурс. Особенно если посмотреть из-за плеча палачей: даже элементарное знакомство с кем-то предстает тогда антисоветским проступком, а написанное стихотворение – гнусным пасквилем и контрреволюционным деликтом. В «Разговоре о Данте» находим у О.М. страницы, посвященные спайке свободы и заточения, повальной зараженности воли миазмами тюрьмы. Во Флоренции, конечно, но О.М. это чувствовал кожей и в Москве. Иначе бы не написал в ноябре 33-го свои роковые строки – «Мы живем, под собою не чуя страны…».

Несколько неожиданно, но иногда «дело» может иметь и текстологическое значение для «слова», коль скоро иных беловых автографов, кроме записанных в кабинете следователя, у некоторых стихотворений не существует. Тут мы «обязаны» чекистам, кроме только что процитированного, еще и стихотворением «Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым…» (оно сохранилось, правда, только в записи под диктовку О.М. рукой следователя).

Менее аутентичен протокол допроса. Как жанр он просто немыслим без следовательского нажима и невольного «соавторства», а вот жанровой особенностью собственноручных показаний (нечастая, впрочем, штука)

1 Скачки смертности наблюдались в 1933 и 1938 гг. За 1934–1940 гг. из лагерей бежало 323.739 человек, из них было поймано и возвращено 205.447, или 63,4 %. С учетом колоний число бежавших приблизится к 0,5 млн. человек. Статистика – по: Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы (демографический аспект) // Социологические исследования. 1996. № 7. С. 9.

являлось отсутствие цензуры, на что немного ехидно указывал в своих признаниях 15 февраля 1933 года Иванов-Разумник[1].

Первой собирать материал об арестах и последних днях О.М. начала его вдова Надежда Яковлевна. Она же автор (или адресат) многих из документов, вошедших в книгу, особенно в связи с процессом реабилитации. Свое первое «интервью» у очевидца она взяла еще в 1940-е годы, когда в Ташкенте, где она жила, вдруг объявился Юрий Казарновский. В 1960-е годы ряд таких свидетельств зафиксировали Илья Эренбург, Моисей Лесман, Александр Морозов и Игорь Поступальский. В конце 1980-х – начале 1990-х Виталий Шенталинский первым ознакомился со следственными делами О.М. (август 1990 года), Эдуард Поляновский записал ценнейшие свидетельства Юрия Моисеенко, Светлана Неретина – Дмитрия Маторина[2], а пишущий эти строки, первым получивший доступ к тюремно-лагерным делу О.М.[3], записал и ввел в оборот свидетельства того же Е. Крепса, Д. Маторина, Ю. Моисеенко и ряда других. Нельзя не упомянуть и Валерия Маркова, сумевшего идентифицировать место предполагаемого захоронения поэта и собравшего сведения о пересыльном лагере, где погиб О.М.

В январе–июне 1991 года ксерокопии документов из всех трех «дел» О.М. экспонировались в Государственном литературном музее СССР на выставке, посвященной юбилею

---

1 Растерзанные тени. Избранные страницы из «дел» 20–30-х годов / Сост. Ст. Куняев, С. Куняев. М., 1995. С. 110.

2 Неретина С. «Река Яузная, берега кляузные». Интервью с человеком, который одним из последних видел О.Э. Мандельштама / Комм. П.М. Нерлера // Вечерний Владивосток. 1989. 19 авг.

3 Позднее избранные материалы из всех трех дел неоднократно перепечатывались. Первым западным републикатором стал Бенгд Янгфельдт, в 1992 г. напечатавший на шведском языке в общей сложности двадцать документов из трех дел О.М. (см.: Jangfeldt B. Osip Mandelstams akt i KGB: s arhiv // Lyrikvännen. Tidskrift for fib: s Lyrikklubb. 1992. Nr. 2. S. 116–134). Утруднять себя и читателя ссылками на архивные источники или на своих российских предшественников шведский филолог не стал. Куда цивилизованнее проявил себя юрист Питер Маггс, факсимильно воспроизведший шестнадцать страниц документов из тюремно-лагерного дела О.М. и сопоставивший их с восьмьюдесятью пятью страницами из дела идишского писателя Пинхаса Кагановича (дер Нистера), арестованного в феврале 1949 г. (Maggs P. B. The Mandelstam and «Der Nister» Files. An Introduction to Stalin-era Prison and Labor Camp Records. M.E. Sharpe. Armonk, New York, London, England, 1996. 173 p.). Другое дело, что он не разобрался в некоторых деталях, в частности, в тех, что связаны не только с разным временем осуждения О.М. и дер Нистера, но и с разными типами дел – тюремно-лагерным в первом случае и следственным во втором (кстати, ОЛП – это отдельный лагпункт, а не отдел лагерных поликлиник, как предположил Маггс, и т. д.)

поэта, а в мае 2008 года сканированные изображения фрагментов этих дел появились в интернете в рамках «Воссоединенного цифрового архива Осипа Мандельштама»[1] по адресу: www.mandelstam-world.org.

П. Нерлеру, Э. Поляновскому и В. Шенталинскому принадлежат и первые книги, целиком или частично, но специально посвященные гибели О.М. Естественно, что мимо этих вопросов не прошли и авторы имеющихся биографий поэта – К. Браун, Н. Струве, О. Лекманов и Р. Дутли.

3

Настоящая книга выстроена хронологически – в порядке развертывания репрессий или усилий по их преодолению (в частности, по реабилитации). Каждая глава имеет организационную привязку – к конкретному карательному или иному органу, осуществлявшему ту или иную репрессию (или, наоборот, реабилитацию). Каждая содержит в себе текстовую и документальную части, причем большинство документов впервые публикуется полностью.

Глава о дореволюционном надзоре за О.М. в Финляндии написана Д. Зубаревым и П. Нерлером, о «мандельштамовском эшелоне» – П. Нерлером и Н. Поболем, все остальные тексты написаны П. Нерлером.

Цитаты из произведений О.Э. Мандельштама, если иное не оговорено, даются по изданию: Осип Мандельштам. Собрание сочинений в 4-х тт. / Под ред. П. Нерлера и А. Никитаева. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1997. Индивидуальные ссылки на цитируемые произведения опускаются.

Цитируемые фрагменты, а также автографы и рукописные вставки внутри документов даются курсивом, рукописные тексты (автографы) самого О.Э. Мандельштама – полужирным курсивом. Архивные сигнатуры и сокращенные

1 Проект Мандельштамовского общества и Оксфордского университета. См.: www.mandelshtam-world.org

названия часто встречающихся изданий также даются курсивом.

Персональные сведения о репрессированных лицах приводятся по компакт-диску: Жертвы политического террора в СССР. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Звенья, 2007. Справки о сотрудниках ОГПУ–НКВД даются по изданиям: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002; Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2003. В отдельных случаях использованы сведения, предоставленные Н.В. Петровым.

В книге приняты следующие сокращения:

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

АМ – Принстонский университет. Файерстоунская библиотека. Отдел рукописей и редких книг. Коллекция О.Э. Мандельштама

АП РФ – Архив Президента Российской Федерации, Москва

а/с агит. – антисоветская агитация

АССР – автономная советская социалистическая республика

АУ ФСБ СПбиЛО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург.

Ахматова, 2005 – Ахматова А.А. Победа над судьбой. Т. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М.: Русский путь, 2005. 984 с.

б/п – беспартийный

ВПВТО – Воронежская право-троцкистская вредительская террористическая организации

в/с – военнослужащий

ВК ВС СССР – Военная коллегия Верховного суда СССР

г. – год, город

ГААРК – Государственный архив Автономной республики Крым, Симферополь

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва

Гардзонио, 1998. – Гардзонио С. Письмо Э.Л. Миндлина В.И. Сидорову (Баяну). Еще о литературной Феодосии // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 481–487.

ГБ – государственная безопасность

гг. – годы

Герштейн, 1998 – Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. 524 с.

ГЛМ – Государственный литературный музей, Москва

гор. – город

г. р. – год рождения

гр. – гражданин, гражданка

ГУГБ – Главное управление государственной безопасности

ГУЛАГ – Главное управление лагерей ОГПУ–НКВД–МВД СССР

Гыдов, 1993 – Гыдов В.Н. О. Мандельштам и воронежские писатели (по воспоминаниям М.Я. Булавина) «Сохрани мою речь…» Вып. 2. М., 1993. С. 37–39.

д. – дело; дом; деревня

ж. д. – железная дорога

Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама, 1990 – Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. с.

зав. – заведующий

зам. – заместитель

з-д – завод

з/к – заключенный-колонист

и.о. – исполняющий обязанности

ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Санкт-Петербург

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

Кацис, 2008 – Кацис Л. Борис Николаевский о судьбе Осипа Мандельштама: к проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946) // Вестник РГГУ. Сер.: Журналистика. Литературная критика. 2008. №11. С. 143-149.

Кацис, 2011 – Кацис Л. О «делах», жизни и судьбе Осипа Мандельштама // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 330-362.

кв. – квартира

КГБ – Комитет государственной безопасности СССР

к-з – колхоз

КПВО – Боль и память: Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области: В 2 т. Т. 1. Владимир: Фолиант, 2001

КПКО – Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан: В 4 т. Калуга, 1993–2003

КПМО – Помнить поименно: Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М.: ООО «ФЭРИ-В», 2002

к-р, к-р. – контрреволюционный, контрреволюционная деятельность

КРД, крд, к.р.д. – контрреволюционная деятельность

к-р. деят./агит. – контрреволюционная деятельность/агитация

Кунтур, 2009 – Кунтур Я. Чердынская городская больница в 30-е годы // Миры Мандельштама. VI Мандельштамовские чтения. Пермь, 2009. С. 40-57.

Купченко, 1991 – Купченко В.П. Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. М., 1991. С. 176–182.

Кураев, 1988 – Кураев В.В. Дневник ссыльного большевика (1933 – 1935). М.:

Азбука, 1998. 104 с.

л. – лист

л. д. – лист дела

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 212-258.

МВД – Министерство внутренних дел СССР

МГБ – Министерство государственной безопасности СССР

Милютина, 1997 – Милютина Т.П. Люди моей жизни. Тарту, 1997. С. 343-344.

Миндлин, 1979 – Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979. 560 с.

МП – газета «Московская правда»

Нерлер, 1991 – Нерлер П. «Он ничему не научился…» О.Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 91-95.

Николаевский, 1946 – Николаевский Б. [«Преступление и наказание» поэта О. Мандельштама] Из летописи советской литературы // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 1. 18 янв. С. 21–25.

Никольский, Поболь, 1999 – Никольский А., Поболь Н. Как их везли // Железнодорожное дело. 1999. № 2–4. С. 43-47.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР

н/п, н/пр – надзорное производство

нрзб – неразборчиво

Н.М. – Надежда Яковлевна Мандельштам

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление СССР

О.М. – Осип Эмильевич Мандельштам

оп. – опись

Осип и Надежда, 2002 – Осип и Надежда Мандельштамы

в рассказах современников / Подгот. текстов, сост., коммент., вступит. ст. О.С. и М.В. Фигурновых. М., 2002. 544 с.

п., п.п. – пункт, пункты

«Подвергнутая экспертизе литература…», 2005 – «Подвергнутая экспертизе литература…»: Из следственного дела И.М. Наппельбаум / Публ. Е.М.Царенковой, вступ. статья и примечания А.Л. Дмитренко // In memoriam: Сб. памяти Владимира Алоя. СПб., 2005. С. 390-417.

Растерзанные тени, 1995 – Растерзанные тени. Избранные страницы из «дел» 20–30-х годов / Сост. Ст. Куняев, С. Куняев. М.: Голос, 1995. 480 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

РГВА – Российский государственный военный архив, Москва

Реабилитация: как это было, 2000 – Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М., 2000. 504 с.

РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.

РНБ – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Рюрик Ивнев, 2008 – Рюрик Ивнев. С Осипом Мандельштамом на Украине / Публ. Н. Леонтьева // Сохрани мою речь. Вып. 4. М., 2008. С.120-132.

с. – страница, село

СВЭ – социально-вредный элемент

с-з – совхоз

СОЭ – социально-опасный элемент

ССП – Союз советских писателей

Тименчик, 2008 – Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. 684 с.

тр. – троцкистский

ул. – улица

УМВД – областное управление МВД СССР

УРЧ – Учетно-регистрационная часть

УСО – Учетно-статистический отдел

УНКВД – областное управление НКВД СССР

УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей, Магадан

ф. – фонд

ф-ка – фабрика

х. – хутор

ч. – часть

ЦА МВД – Центральный архив МВД, Москва

ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности, Москва

ЦГАЛИ – см. *РГАЛИ*

Шнейдерман, 1996 – Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82–126.

Элиасберг, 2005 – Элиасберг Г.А. «Один из прежнего Петербурга»: С.Л. Цинберг – историк еврейской литературы, критик и публицист». М., 2005. 574 с.

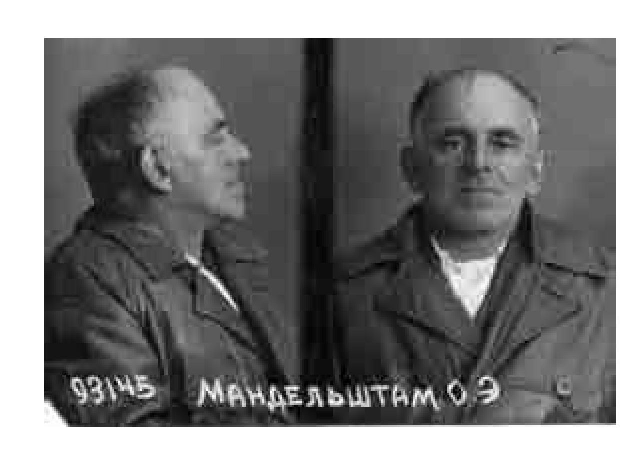
ЮВЖД – Юго-Восточная железная дорога

В оформлении и иллюстрировании книги использованы материалы *АВП РФ, АП РФ, ГАРК, ГАРФ, ГЛМ, РГАЛИ, РГАСПИ, РГВА, ЦА МВД, ЦА ФСБ*, собраний Мандельштамовского общества (Москва), С.Василенко (Фрязино) и Б.Фрезинского (Санкт-Петербург).

Моя первая благодарность – моим соавторам: Д. Зубареву и **Н. Поболю**, умершему 27 января 2013года, редактору первого издания книги – С. Василенко, его дизайнерам (А. Грошеву, Е. Прокофьевой и В. Ванюкову) и издательству «Петровский парк» (директор В. Каневский).

Заново благодаря и всех остальных, кто помогал мне при подготовке первого издания, здесь перечислю лишь тех, чьи суждения помогли при подготовке второго. Это – М. Бейзер,

Н. Громова, В. Драницын, А. Дмитренко, В. Зарубин, Л. Кацис, К. Морозов, В. Мочалова, А. Поморский, Г. Суперфин, А. Тепляков, Д. Черашняя и Г. Элиасберг.

Особый отдел департамента полиции (1912): «Некий еврей Мандельштам…»: К вопросу о любознательности охранки[1]

1

Дело, из которого почерпнуты публикуемые ниже документы, – под номером 122А, т. 4 делопроизводства Особого отдела Департамента полиции[2] за 1911 год (ныне фонд Р-102 ГАРФ) – называлось так: «Разработка адресов,

1 Впервые отрывки из данного комплекса документов воспроизведены А.Г. Мецем в публикации «Неизвестные стихотворения Мандельштама» (Даугава. Рига. 1988. № 2. С. 106–107). Ссылки на них содержатся также в его примечаниях к публикации выдержек из дневника С.П. Каблукова в кн.: Мандельштам О. Камень. Л.: Наука, 1990. С. 359, 361 (с указанием номера фонда). Промежуточной является также наша газетная публикация: «Некий еврей Мандельштам…». По документам департамента полиции / Публ. и пояснения Д. Зубарева и П. Нерлера // Русская мысль. Париж, 1993. №№ 3893 (11–17 июня), с. 11 и 3894 (18–25 июня), с. 9. В полном виде комплекс документов впервые в другой, более полной, публикации: «Некий еврей Мандельштам…». По материалам департамента полиции / Публ. и пояснения Д. Зубарева и П. Нерлера // Сохрани мою речь. Вып. 3/2. М., 2000. С. 105–125.

2 Департамент полиции просуществовал в России с 6 августа 1880 по 27 февраля 1917 г. Главной задачей этого органа политического сыска и управления являлось «предупреждение и пресечение преступлений и охрана общественной безопасности и порядка». В его ведении находились охранные и сыскные отделения, полицейские учреждения, адресные столы и пожарные команды, а также гласная и негласная агентура. Собственный аппарат Департамента состоял из Особого отдела, девяти делопроизводств и еще нескольких составных частей. Входя в состав МВД, Департамент занимал в нем особое положение; в частности, теснейшим образом он был связан с Отдельным корпусом жандармов (общее руководство и тем и другим осуществляло одно лицо – товарищ министра внутренних дел). Непосредственной главой департамента был директор (всего их сменилось восемнадцать).

обнаруженных по обыску у Веры Дилевской и Мячина». В нем 262 листа, начато в ноябре 1911, закончено в августе 1914 года.

Это настоящее пособие по теме «Борьба карательных органов Российской империи с революционным подпольем накануне мировой войны». Одним из его фигурантов, сам того не подозревая, оказался и Осип (тогда еще Иосиф) Мандельштам.

…Пансион Линде[1] под Петербургом в Мустамяках (ныне станция Горьковская) вошел в историю – но не столько как лечебница для легочников с отменной молочной кухней, сколько как место, где чуть ли не постоянно жили или отдыхали революционеры всех мастей и направлений. В нем «*находили приют все скомпрометированные в глазах петербургской жандармерии лица… Меньшевики, большевики, бундовцы, социалисты-революционеры, анархисты, – все перебывали на правах пансионеров в скромном, населенном, как улей, мустамякском доме*»[2]. По соседству были дачи Екатерины Федоровны Крит, поклонницы Максима Горького, и Марии Карловны Иорданской, по первому мужу – Куприной (дом не сохранился, будучи в 1924 году, перед выездом хозяев в Россию, продан на снос). Пансион принадлежал Полине Фелициановне Жанковской (по мужу Линде) и ее сыновьям

1 Линде Федор Федорович (1881–1917) – математик и беспартийный революционер, автор вступительной статьи к книге Л. Кутюра «Философские принципы математики» (СПб.: Изд. Карбасникова, 1913) и собственной книги «Строение понятия. Логическое исследование» (Пг., 1915). Будучи вольноопределяющимся Финляндского лейб-гвардейского пехотного полка, вывел его 20 апреля 1917 г. из казарм и повел к Мариинскому дворцу с требованием отставки Милюкова. 13 мая 1917 г., согласно удостоверению Петросовета, был назначен помощником комиссара Особой армии Юго-Западного фронта, где и погиб 25 августа в результате солдатского самосуда в расположении 443 полка 3-й пехотной дивизии; похоронен в Финляндии. О смерти Ф. Линде см. газетные отклики: «Новая жизнь» (27 авг. 1917), «Голос солдата» (2 сент. 1917), «Свободный зритель» (2 сент. 1917), «Известия советов рабочих и солдатских депутатов» (2 сент. 1917), «Биржевые ведомости» (6 сент. 1917), а также «Речь» и «Социал-демократ». См. также воспоминания П.Н. Краснова «На внутреннем фронте» (Архив Русской революции. Том 1. Берлин, 1922. Гл. 3). Ф. Линде – прототип прапорщика Кнопа в романе П.Н.Краснова «от двуглавого орла к красному знамени» (1922; там же встречается и «вольноопределяющийся Линде») и комиссара Гинце в романе Пастернака «Доктор Живаго», под своим именем он фигурирует в узле четвертом «Апрель Семнадцатого» эпопеи А. Солженицына «Красное колесо» (гл. 50, 55 и 57). О.М. был хорошо знаком с Ф. Линде, и его гибель, по предположению Н.М., отозвалась в стихотворении О.М. «Когда октябрьский нам готовил временщик…».

2 Канторович В. Федор Линде // Былое. 1924. Кн. 24. С. 230.

Ивану (Иоганну-Альберту-Фридриху) и Федору (Фридриху-Михаилу) Линде[1].

Летом 1911 года, в частности, там находились Вера Дилевская и знаменитый большевистский боевик–экспроприатор – неуловимый Константин Мячин[2]. В 1911 году, живя в Финляндии, он занимался подъемом оружия с затопленного в 1905 году у берегов Ботнического залива парохода «Джон Графтон». В начале августа 1911 года здесь была устроена внезапная облава, но самая крупная «дичь» ушла: бросив важные документы, Мячин и Дилевская сумели бежать. Арестованы были только хозяева пансиона – братья Линде[3].

Зато информационный «улов» был богатым: захваченных бумаг было столько, что на годы была обеспечена работа жандармских управлений и охранных отделений чуть ли не по всей России. Письма и телеграммы так и шныряли из столицы – в Ашхабад, Баку, во Владивосток, Вятку, Гродно, Екатеринбург, Екатеринодар, Екатеринослав, Иркутск, Калугу, Киев, Ковно, Нижний Новгород, Одессу, Пермь, Ростов, Рыбинск, Севастополь, Тамбов, Тверь, Тифлис, Томск, Уфу, Харьков – и обратно. В деле – секретные и совершенно секретные циркуляры, перлюстрированная и расшифрованная конспиративная переписка, адреса и особые приметы «нелегалов», протоколы столичных и провинциальных обысков и допросов, справки паспортистов, шифротелеграммы с особо секретными сведениями.

Нашлось занятие и для заграничной агентуры. Ее

---

1 Этими сведениями о пансионе и семье Линде мы обязаны Елене Ивановне Хучуа-Линде, Тбилиси.

2 Мячин Константин Алексеевич (он же «Антон», он же «Николай», он же «Сотник», он же «Василий Васильевич Яковлев», он же «Стоянович»; 1886–1938) – в 1906–1909 гг. участник и организатор пяти «экспроприаций» на Южном Урале, в ноябре 1910 – марте 1911 г. слушатель и один из руководителей партийной школы в Болонье, организованной группой «Вперед» на деньги от ограбления группой Мячина станции Миасс. В апреле 1918 г. возглавил секретную миссию по вывозу царской семьи из Тобольска на запад. Подробнее о нем см. в ст.: Лешкин Н. Последний рейс Романовых // Рифей. Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1989. С. 28–89.

3 См., например, заметку «Арест революционеров в Финляндии» (Петербургский листок. 1911. № 216. 9 авг.). Постановлением Особого совещания при министре внутренних дел от 20 февраля 1912 г. Федор и Иван Линде – «за сношения с видными активными деятелями боевой организации РСДРП» – были приговорены к ссылке в Нарымский край Томской губернии сроком на два года. В апреле 1912 г. ссылка Ф. Линде была заменена выездом за границу на тот же срок.

начальник А.А. Красильников, чиновник для особых поручений при Министре внутренних дел, слал из Парижа донесения об эмигрантах, упоминаемых в захваченной переписке, об их замыслах и заговорах, плетущихся в Цюрихе и Давосе, Вене и Неаполе, Берлине и Мюнхене, Лондоне и Льеже.

В деле упоминаются сотни «известных Департаменту полиции» имен революционеров – эсеров и эсдеков, большевиков и меньшевиков, анархистов и максималистов. А имена Засулич, Плеханова, Бурцева, Брешко-Брешковской, Савинкова и Троцкого уже тогда были известны не только Департаменту полиции, но и всей России. Пройдет время, и столь же известными станут и другие имена: Якова Свердлова и Анатолия Луначарского, Адольфа Иоффе (будущего посла в Германии) и Арона Сольца (будущего председателя ЦКК). Здесь, в деле, впервые сошлись имена Варвары Яковлевой – будущего председателя Петроградской ЧК – и Вадима Чайкина – будущего члена ЦК партии социалистов-революционеров (вторично эти имена встретятся в списке расстрелянных по приказу Сталина в Орловской тюрьме в сентябре 1941 года).

Словом, работа кипела, и полиция, кажется, уже знала всё и обо всех!

И вдруг – «сигнал» о «некоем еврее», связанном с дачей Линде и совершенно неизвестном Департаменту полиции!

Всякий, кто имел хоть какое-то касательство к этому пансиону, определенно возбуждал к себе сыщицкий интерес. Но никаких точных сведений ни о личности О.М. (не считая блестящей разгадки его национальности[1]), ни о характере его противоправительственной агитации в донесении не содержится, кроме упоминания, что он – «по слухам»! – проживал в 1911 году в пансионе Линде и скрылся оттуда во время арестов летом того же года. Однако и слух, всерьез

1 Попутно обозначим сквозящую в этих документах тему служебно-бытового антисемитизма в полицейских кругах, апогеем которого стало, разумеется, дело «жида» Бейлиса.

взволновал полицию, уязвленную неудачей с поимкой Мячина. После чего высшим чинам политического сыска Российской империи не лень было возиться с этим «неким евреем» целых полгода!

2

Началось всё, по-видимому, с рукописной анонимки, «любительского» доноса, поступившего к помощнику начальника Финляндского жандармского управления[1] по Бьернеборгскому пограничному району полковнику Базаревскому[2]. Тот передал сведения в несколько адресов: в районное охранное отделение, своему непосредственному начальнику полковнику Утгофу[3] (который, очевидно, не придал доносу никакого значения) и генерал-майору Лампе[4], начальнику жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог, который, напротив, дал делу энергичный ход. В пользу предположения, что неизвестный нам донос был рукописным и анонимным, говорит то, что гельсингфорские жандармы не могли проверить изложенные в нем сведения, а одна из упоминаемых в нем фамилий была при перепечатке неразборчивого рукописного текста переврана – «Фейсранов» вместо «Феофанов». На основании этого доноса Лампе отправил 24 июня 1912 года в Санкт-Петербургский департамент полиции секретное донесение о том, что «некий еврей Мандельштам» проживал в пансионе «Лейно» в деревне Неувола, где занимался «противуправительственной агитацией». Но мало того: чины местной финской полиции ему покровительствуют и даже

1 При первичном просмотре фондов Финляндского жандармского управления и Жандармского управления Финляндских железных дорог (ГАРФ. Ф. Р-494, Ф. Р-495с) документов, имеющих касательство к этому делу, обнаружить не удалось.

2 Базаревский Давид Иосифович (1867–?) – полковник, вероисповедания магометанского. С 17 октября 1910 г. – и. о. помощника начальника Финляндского жандармского управления по Бьернеборгскому пограничному району.

3 Утгоф Карл-Рудольф Карлович (1860–?) – полковник; в службе с 1 июля 1877 г., в 1908–1913 гг. – начальник Финляндского жандармского управления.

4 Лампе Александр Богданович (1850–?) – генерал-майор, с 3 сентября 1901 г. начальник жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог.

выполняют его поручения!

В завязавшейся между Финляндским жандармским управлением, столичным Охранным отделением и Особым отделом Департамента полиции интенсивной переписке ставилась четкая задача: вывести на чистую воду, «разъяснить» этого подозрительного и опасного революционного семита, этого Мандельштама!

Гм, Мандельштама? Но какого?!

Надо сказать, что обладателей этой «фамилии чортовой» проходило по делам Департамента полиции изрядное множество. Как правило, их всё же друг от друга отличали, но нередко и путали. Так что замешательство полиции было понятно.

Судите сами. Было известно, что в Териоки наезжает знаменитый киевский профессор-окулист Макс Эмильевич (Емельянович) Мандельштам (1838–1912), «закаленный – по отзыву начальника Киевского губернского жандармского управления – еврей, но получивший отличное высшее образование». Когда в 1899 году киевские жандармы узнали, что он был одним из российских делегатов на Третьем всемирном сионистском конгрессе, они попросили его представить им записку о сионизме, каковую Макс Эмильевич для них охотно составил, указав, что «*заселение Палестины евреями… может служить службу всем, в особенности же самой России*»[1]. Впрочем, столь резвая агитационная деятельность в случае почтенного окулиста была едва ли представима.

1 Цит. по: Локшин А. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX – начале XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992, № 1. С. 46–47. Интересно, что в 1910 г. судьба свела М.Э. и О.Э. Мандельштамов в пансионе в Хангё. Об их встрече сохранилось свидетельство в дневнике С.П. Каблукова (в то время секретаря Религиозно-философского общества) за 7 июля 1915 г. Так, «киевский» Мандельштам назвал фельетон известного сиониста М. Нордау «перлом»: «Фраза была сказана и звучала так: “Эташперла!” = “Это же перл”. Трудно передать особую интонацию и акцент, с каким это было сказано. В первый миг ни И.Е. (Иосиф Эмильевич – Комм.), ни я не поняли этого слова, затем, поняв, стали безудержно и вполне невежливо смеяться в лицо милому старику, делая тщетные усилия прекратить смех, всё усиливавшийся. И сейчас, вспоминая об этом с И.Е. Мандельштамом, я почти никогда не могу заставить себя не смеяться. То же и мой соучастник И.Е.» (Мандельшам О. Камень. Л., 1990. С. 250). Об этой встрече М.Э. и О.Э. Мандельштамов см. также в кн.: Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 519–520 (там же – о визите самой Надежды Яковлевны, тогда десятилетней девочки, к знаменитому киевскому врачу).

Несколько проще было представить в этой роли переводчика Исая Бенедиктовича Мандельштама – к слову сказать, племянника и воспитанника киевского профессора. В 1908 году он закончил технический факультет Льежского университета, был там душой русской студенческой колонии, по обыкновению зараженной русским крамольным духом. С 1910 года – студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Пожалуй, единственным реальным революционером среди Мандельштамов был знаменитый большевик Мартын Николаевич Мандельштам (1872–1947; подпольные клички Лядов и Одиссей). Впервые привлеченный к дознанию в Москве в 1892 году, все последующие двадцать лет он не давал полиции поводов забыть о себе: в 1893 году – кратковременный арест, в 1895 – организация первой маевки под Москвой, в 1896 – новый арест и пятилетняя ссылка в Верхоянск, в 1902 – первомайская демонстрация в Саратове, в 1903 – бегство за границу. Там, познакомившись с Лениным, он становится одним из организаторов партии большевиков и непременным участником всех ее съездов. Вернувшись в 1905 году в Россию, он участвует в событиях «кровавого воскресенья» и в руководстве Московским вооруженным восстанием в декабре 1905 года, поработал он и в финской военной организации. В 1909 году, разойдясь с Лениным, Мандельштам-Лядов стал одним из организаторов ультрареволюционной группы «Вперед», читал лекции в организованных этой группой партийных школах на Капри (1909) и в Болонье (1910–1911). Департаменту полиции было известно, что секретарем этой последней школы была его жена Лидия (кстати, замеченная в перлюстрации переписки слушателей), а среди самих слушателей – и товарищ Антон, он же Константин Алексеевич Мячин – главное действующее лицо в событиях на даче Линде[1]. И в 1911 году этот Одиссей,

1 Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. М., 1990. С. 78, 80, 98, 104, 107, 294–295, 297.

по которому плакали и каторга, и виселица, как ни в чем не бывало возвращается в Россию и устраивается на работу в контору братьев Нобель в Баку секретарём редакции журнала «Нефтяное дело». В сентябре 1918 г. был арестован турками, а в ноябре, при отступлении турок, был лепортирован в Грузию (Впрочем, для такого матерого большевистского волка бегать по териокским дачам тоже было как-то несерьезно…)

А может быть это Моисей Лейбович (он же Михаил Львович) Мандельштам? Он хоть и не живет всю жизнь по чужим документам, как тот, но тоже крамольник известный. Еще двадцать пять лет назад, в 1886 году, попал он в Петербурге за студенческую демонстрацию в кутузку, был исключен из университета. Правда, с тех пор его больше не арестовывали: окончив юридический факультет Казанского университета, стал он присяжным поверенным, даже диссертацию защитил и, состоя в кадетской партии, адвокатствовал с 1903 года в Москве. Но вот кого же он защищал!?

Исключительно крамольников, и не просто крамольников, а злодеев-террористов – Гершуни, Каляева[1]. Того самого Каляева, что в московском Кремле бомбой подорвал дядю царя – великого князя Сергея Александровича. Конечно, никакая защита Каляеву не помогла – повесили, но все-таки примечательно, что из всех московских адвокатов Каляев выбрал именно Мандельштама. Правда, сомнительно, чтобы эта хитрая бестия, приезжая отдыхать на Финское взморье, бегала по дачам и чего-то там агитировала, но проверить надо.

В картотеке был и еще один подозрительный Мандельштам – Николай Николаевич (Эммануил Львович) (1879–?), высланный из Москвы в Воронеж в 1903 году за хранение подпольных брошюр и бесследно скрывшийся оттуда в феврале 1904 года.

Да еще и Иосиф Менделевич Мандельштам, сын

1 См. его книгу: 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931.

Паневежского второй гильдии купца, имя которого еще всплывет в документах «дела Мандельштама».

3

К ним, кстати, пора и вернуться.

В переписке о Мандельштаме, продолжавшейся с июня и до декабря 1912 года, прослеживается три этапа розыскных мероприятий:

– с июня по октябрь (первые пять документов): выяснение личности (со служебной командировкой филера Ефимова)[1];

– октябрь–ноябрь (документы 6–8, 10–11): уточнение по картотекам возраста, адреса, занятий, революционной деятельности и проч.;

– ноябрь–декабрь (документы 9 и 12): попытка удостовериться в том, что этому «некоему еврею» хотя бы жить в Финляндии не положено (увы, и здесь неудача!).

Сведений же о том, что Мандельштам этот – поэт, в делопроизводстве Департамента полиции обнаружено не было.

Документы

‹1›

Обращение начальника жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог генерал-майора А.Б. Лампе в Департамент полиции МВД от 24 июня 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

1 Еще бы: при таком богатом «выборе» Мандельштамов знание отчества играло определяющую роль!

Получены сведения, что некий еврей Мандельштам (имя и отчество не выяснено) по слухам проживавший в 1911 году в пансионе Линде близ станции Мустамяки Финляндской железной дороги и скрывшийся оттуда во время арестов летом прошлого года, – в настоящее время проживает в новом пансионе «Лейно» в деревне Неувола Усикирского прихода и занимается противуправительственной агитацией между проживающими в 9 пансионах около станции Мустамяки. Пансионы эти часто посещаются многими лицами, приезжающими из Петербурга на короткое время и здесь устраиваются собрания, на которых присутствуют Мандельштам и приезжие гости. Собрания большею частью происходят в пансионе Ребановича[1] *(близ станции Мустамяки). Местная полиция в лице помощника ленсмана Фейсранова, обер-констабля Саволайнена и констабля Викстрема*[2] *покровительствует проживающим в пансионах, между которыми много евреев, не имеющих права жительства в Финляндии. Викстрем, по слухам, исполняет даже поручения Мандельштама и развозит его корреспонденцию разным лицам в Териоки и Райвола.*

Об изложенном полковником БАЗАРЕВСКИМ донесено начальнику Финляндского Жандармского Управления и сообщено в Районное Охранное Отделение, вместе с сим за №№ 38 и 39.

---

1 Ребанович (очевидно, Рабинович) – имеется в виду пансион доктора С. Рабиновича, в котором Мандельштам, действительно, неоднократно останавливался; с сыном д-ра Рабиновича – Григорием – Мандельштам был дружен, благодаря его воспоминаниям до нас дошел ряд шуточных стихотворений поэта (Мандельштам О. Соч. в 2-х тт. М., 1990. Т. 1. С. 595).

2 Фейсранов (Феофанов), Саволайнен и Викстрем – дополнительными сведениями об этих служащих финской полиции мы не располагаем.

Генерал-майор Лампе

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 149–149 об. **На бланке: «Начальник Жандармского Полицейского Управления Финляндских железных дорог, 24 июня 1912 г., № 152, г. Гельсингфорс». Помета вверху: *«27/6»* и штамп: «28 июн. 1912» – очевидно, дата получения адресатом; в середине – слева, под штампом, резолюция: *«Надо об этом запросить полковн‹ика› Утгофа»* и, посередине, по тексту: *«Исх. № 103354»*, внизу – помета: *«В отд. 28.VI»* и штамп: «28 июн. 1912».**

В августе 1911 г. О.М. отдыхал в санатории Конкалла под Выборгом, где познакомился с А.Ф. Кони (о чем он писал В.И. Иванову). Известие о налете полиции на пансион Линде произвело на О.М., по-видимому, сильнейшее впечатление. С этим его состоянием, по предположению А.А. Морозова, непосредственно связано стихотворение «Как кони медленно ступают…» (Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 81).

‹2›
Обращение и. о. вице-директора Департамента полиции МВД полковника Еремина к начальнику Финляндского жандармского управления К.-Р.К.Утгофу от 5 июля 1912 г.

Секретно

Начальнику Финляндского Жандармского Управления

Начальник Жандармского Полицейского

Управления Финляндских железных дорог донес, что по полученным им сведениям в пансионе «Лейно», в дер. Неувола, Усикирского прихода, проживает, занимается противуправительственной агитацией в среде населяющих пансионы у станции Мустамяки некий еврей ***Мандельштам****, успевший избежать ареста еще в минувшем году, причем местная полиция покровительствует проживающим в этих пансионах евреям, лишенным права жительства в пределах Финляндии, а констебль Викстрем даже исполняет поручения Мандельштама по развозке его корреспонденции.*

Принимая во внимание, что об изложенном Помощником Вашего Высокоблагородия по Бьернеборгскому пограничному району уже донесено Вам за № 38, Департамент Полиции просит Вас сообщить надлежащие по сему предмету сведения.

За Вице-Директора, подпис‹ал› полковник Еремин[1]

За Заведующего Особым Отделом П. Шиллер[2]

За Начальника Отделения Подпись

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 150–150 об. **На бланке: «Министерство внутренних дел. Департамент полиции. По Особому отделу. 5 июля 1912 г. № 103354», ниже впечатано: «По I Отделению». Пометы вверху –** ***«19354/12»*****, под обращением –**

1 Еремин Александр Михайлович (1872–?) – полковник, в 1906 г. – начальник Киевского охранного отделения, которому сдался видный эсер-максималист Соломон Рысс; в связи с этим делом был переведен в Петербург, на должность помощника начальника секретного (особого) отдела Департамента полиции (Герасимов А.В. На лезвии с террористами / Всероссийская мемуарная библиотека. Сер.: «Наше недавнее». Том 4. Париж, 1985. С. 88). В службе – с 30 августа 1891 г., в резерве отдельного корпуса жандармов с 9 марта 1910 г.; в 1910–1913 гг. заведующий особым отделом Департамента полиции Министерства внутренних дел.

2 Шиллер Петр Николаевич – в службе с 1899 г. В 1912 г. – коллежский асессор, старший помощник делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции.

«отв‹ет› вх. 26938/26506».

‹3›
Обращение начальника Финляндского жандармского управления К.-Р. К. Утгофа в Особый отдела Департамента полиции от 31 августа 1912 г.

Секретно

В Департамент Полиции (по Особому Отделу)

По наведенным Помощником моим по Выборгскому району справкам как негласным путем, так и через агентуру, оказалось, что в 5-ти километрах от ст. Мустамяки Финляндской жел. дороги в пансионе Лейно в дер. Неувола Усикирского прихода действительно проживает некий еврей МАНДЕЛЬШТАМ, имя и отчество которого установить пока не представилось возможным, так как в местном Полицейском Управлении он не прописан. – По-видимому, МАНДЕЛЬШТАМ не имеет права жительства в Финляндии, так как часто переезжает с места на место, посещая при этом довольно часто пансион РЕБАНОВИЧА, где МАНДЕЛЬШТАМ проживал зимою этого года; что касается противуправительственной агитации, которую МАНДЕЛЬШТАМ ведет будто бы с местными жителями и лицами, прибывающими из Петербурга, то собрать об этом какие-либо сведения не представилось возможным. – В районе местности Мустамяки действительно проживает очень много евреев, не имеющих здесь

права жительства, с чем местной полиции, ввиду ее малочисленности и изворотливости евреев, очень трудно бороться. – Сведения о том, что местные полицейские обер-констабли ФЕОФАНОВ (а не ФЕЙСРАНОВ) и САВОЛАЙНЕН и констабль ВИКСТРЕМ будто бы покровительствуют этим евреям, причем последний будто бы исполняет различные поручения МАНДЕЛЬШТАМА, негласною проверкою подтвердить не удалось, и неблагоприятных сведений об этих полицейских чинах добыть негласным путем не удалось. –

Донося об изложенном, присовокупляю, что об этом мною вместе с сим сообщено Полковнику БАЗАРЕВСКОМУ.

Полковник Утгоф

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 161–161 об. **Бланк: «Начальник Финляндского Жандармского Управления. 31 Августа 1912 г. № 2708. Гор. Гельсингфорс. На № 103354». Пометы: вверху –** ***«91593»*****, штамп: «4 Сен. 1912», «*****16/д/9*****» и, в правом углу, штамп: «Особый Отдел. 4 Сент. 1912. Вход. № 26506»; в середине, над исходящим номером, штамп: «11 Сен. 1912», под исходящим номером – резолюции: «*****Запросить свед‹ения› об имени, отчестве и звании Мандельштама. Е‹ремин?› 14/IX*****», «*****Предоставляется в ОО*****[1]** ***Деп. для прописки. 12/IX Кур‹очк›ин*****», еще ниже рукописная помета** ***«122а т. 4/12»*** **и еще ниже –** ***«Не отм‹ечено›».***

1 Особый отдел.

‹4›
Запрос Департамента полиции об установлении имени, отчества и звания Мандельштама от 19 сентября 1912 г.

Секретно

Начальнику Финляндского Жандармского Управления

Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие сообщить сведения об имени, отчестве и звании ***Мандельштама****, помянутого в Вашей записке от 31-го Августа сего года за № 2708.*

Вице-Директор С. Виссарионов[1]
Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин
Начальник Отделения В. Курочкин[2]

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 164**. На листе бумаги, исх. № неразборчив, дата: «*****19 Сентября 1912*****», помета: «*****По 3 Отделению*****». Под обращением – «*****Отв. 30842*****».**

‹5›
Справка начальника Финляндского жандармского управления К.-Р. К. Утгофа Особому отделу Департамента полиции о Мандельштаме Иосифе Эмильевиче от 17

1 Виссарионов Сергей Евлампиевич (1860–1918) – действительный статский советник, вице-директор Департамента полиции МВД. Будучи арестован после Февральской революции, дал обширные показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Был свидетелем на процессе провокатора Р.В. Малиновского в Верховном революционном трибунале (5 ноября 1918 г.). Расстрелян.

2 Курочкин Владимир Васильевич – в службе с 1902 г. В 1912 г. – коллежский асессор, старший помощник делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции.

октября 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ (по Особому Отделу)

По наведенным справкам оказалось, что имя и отчество МАНДЕЛЬШТАМА – Иосиф Эмильевич, сын С.Петербургского 2-й гильдии купца, проживает по паспорту Пристава 4-го участка Московской части С.-Петербургской столичной полиции от 28 июня 1911 года за № 315.

Полковник Утгоф

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 165*. Бланк: «Начальник Финляндского Жандармского Управления. 17 Октября 1912 г. № 3404. Гор. Гельсингфорс. На № 106351». Помета: «*108607*» и штамп: «Особый Отдел. 18 Окт. 1912. Вх. № 30842». Поверх подписи: «*Препровождаю ‹нрзб›. 18/X*». Поверх этой резолюции и самого письма, наискосок снизу вверх: «*Предложить нач‹альни›ку Финл‹яндского› упр‹авления› выяснить его револ‹юционную› деятельность, а также имеет ли он право жительства в Финляндии, а нач‹альнику› СПБ О‹хранного› О‹тделения› о том, имеет ли право жит‹ельства› в СПБ и нет ли у них свед‹ений›, подтверждающих свед‹ения›, излож‹енные› в донес‹ении› Нач‹альника› ЖПУ Финл‹яндских› ж. д.*», «*4/XI. Исх. 108732–731*», «*Прошу составить на него

***справку. Е‹ремин›».* Справа, по вертикали (снизу вверх): «*Справки препровождаю*». Внизу, в правом углу: «*А/III/127. 912. Не отв.*».**

‹6›
Справка на Мандельштама Иосифа Эмильевича по Центральному справочному алфавиту от 25 октября 1912 г.

СПРАВКА ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ СПРАВОЧНОМУ АЛФАВИТУ[1]

Д‹елопроизвод›ство: *О‹собый› О‹тдел› III Отд‹еления› Вх. № 30842*

По каким Делопроизводствам и за какие годы требуется справка*: По Делу Р‹озыскного› О‹тделения›: № 77693 25/X*

Фамилия: *Мандельштам*

Имя и отчество: *Иосиф Эмильевич*

Звание: *Сын СПетерб. 2-ой гильдии купца.*

Д‹елопроизвод›ства №№ дел №№ входящих бумаг Особ‹ая› отметка

Справку наводил Тарасов

25 Октября 1912 года

***ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 166.* Бланк-формуляр «Справки по центральному справочному алфавиту». Вверху слева помета: «*Немедленно*», справа**

1 Центральный справочный алфавит Департамента полиции – картотека (к 1917 г. насчитывала около 2 млн. карточек!) на всех поданных Российской империи и иностранцев, так или иначе упомянутых в делопроизводстве Департамента. В настоящее время входит в состав справочных картотек фонда 102 ГАРФ.

штамп: «В розыскном алфавите 2-го делопроизводства сведений не имеется. ***9/XI–12 г. Крохин*»**. Слева снизу вверх: «*Младший Помощник Делопроизводителя. Подпись*»**, **штамп слева: «Карточки на** ***Мандельштама Иосифа Эмильевича*** **в Фотографическом Бюро не имеется.** ***9/XI–1912. Подпись*»**. Внизу в правом углу штамп, фиксирующий время поступления запроса, начало и конец работы по нему*: «Принята: 12 ч.40 м.; Наведена: 12 ч. 50 м.; Сдана: 2 ч. 15 м.».* **В первом столбце номера делопроизводств Департамента полиции – с 1-го по 7-е и Особый отдел. Во втором номера дел: отметим, что только два из указанных шифров касаются непосредственно О.М. – 8-3/910 и само данное дело № 122 А, т. 4, тогда как в остальных делах речь идет о тезке и однофамильце поэта – Иосифе Менделевиче Мандельштаме, сыне Паневежского второй гильдии купца, проживавшем в 1892 г. в Америке. В третьем столбце к О.М. имеет отношение документ № 14157/910, а также документы №№ 30842/912 и 26938/912 (см. документы 2 и 5).**

‹7›
Справка на Мандельштама Осипа Эмильевича от 9 ноября 1912 г.

Входящий №: 30892 СПРАВКА
Дело №: 127 – 1912 г. По Особому Отделу

1. Фамилия: МАНДЕЛЬШТАМ

2. Имя: Осип

3. Отчество: Эмильев

4. Клички: Неизв‹естны›

5. Звание: Сын Петербургского купца.

6. Год и место рождения: Сведения 1910 г. – 20 лет.

7. Вероисповедание: Неизв‹естно›

8. Образовательный ценз: Неизв‹естен›

9. Семейное положение и родственные связи: Мать Флора Осиповна Мандельштам.

10. Приметы и время их: Неизв‹естны›

11. Имеется ли фотография, где находится и год: нет

12. Упоминается ли в Цирк‹улярах› Д‹епартамента› Полиции: нет.

1) Сведения о революционной деятельности:

8–3–2-го Д‹елопроизводст›ва 910 г.

В Октябре месяце 1910 года на имя Директора Департамента Полиции поступило прошение жены Петербургского купца Флоры Осиповой Мандельштам, в коем она просила Директора телеграфировать Русскому Консулу в гор. Кенигсберге о том, чтобы он выдал сыну ея Осипу Эмильеву проходное свидетельство[1] *. Кроме того, из этого прошения усматривается, что помянутый сын ея, 20 лет, неврастеник, летом того же года находился на излечении в Финляндии, откуда водным путем проехал в Берлин, где Флора Мандельштам лежала на операции в клинике. Возвращаясь в Россию, Осип Мандельштам на границе был задержан как*

1 См. прошение Ф.О. Мандельштам, матери О.М., Директору Департамента Полиции от 14 октября 1910 г. о пропуске в Россию из Кенигсберга О.Э. Мандельштама с просроченным паспортом (ГАРФ. Ф. Р-102. 2 д-во. 1910 г. Д. 8. Ч. 3. Л. 58, 58 об.).

имевший просроченный паспорт, выданный С.Петербургским Градоначальником, причем последний, будто бы, отказал в ходатайстве Русского Консула в Кенигсберге разрешить Мандельштаму вернуться в Россию, не имея на это власти, а ее, Флору Мандельштам, направил в Департамент Полиции.

15 Октября 1910 года Департаментом Полиции была послана телеграмма Русскому Консулу в Кенигсберге о том, что со стороны Департамента не встречается препятствий в выдаче свидетельства на возвращение в Россию находившемуся в болезненном состоянии русскому подданному Осипу Эмильеву Мандельштаму, имевшему паспорт, выданный С.Петербургским Градоначальником, если в личности Мандельштама не встречается сомнений.

9 ноября 1912 года
За Начальника Отделения: Угаров ‹?›

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 170–170 об. **Машинопись, отдельные ответы (на вопросы №№ 4, 7, 8, 10–12) – рукой. Единственная помета – неразборчивое слово вверху листа.**

‹8›
Письмо начальника Финляндского жандармского управления К.-Р. К. Утгофа Особому отделу Департамента полиции о Мандельштаме Иосифе Эмильевиче от 11 ноября 1912 г.

Секретно

В Департамент Полиции по Особому Отделу

Помощником моим по Выборгскому району 11 прошлого Октября был командирован филер ЕФИМОВ[1] *для собирания сведений о МАНДЕЛЬШТАМЕ, проживающем близ ст. Мустамяки (требование Департамента Полиции за № 103354), о Софии ПЛЕВКО, проживающей в РАЙВОЛО*[2] *(запрос Ломжинского Губернатора за № ‹пробел›) и о личности писателя Микко УОТИНЕНА*[3]*, проживающего в Териоках*[4] *(отношение Отдельного Корпуса Жандармов Ротмистра Сосновского*[5] *за № 829), при этом филером израсходовано 40 м. 25 п. (15 руб. 9 к.).*

Филером установлено, что имя и отчество МАНДЕЛЬШТАМА – Иосиф Эмильевич, сын С.Петербургского купца 2 гильдии, проживает по паспорту Пристава 4 участка Московской части от 28 июня 1911 г. за № 315; литератор Микко УОТИНЕН, бывший начальник Красной Гвардии, занимается агитацией по панфинской пропаганде, произносит зажигательные речи против ИМПЕРАТОРСКОГО правительства; София ПЛЕВКО – брошена с четырьмя детьми мужем, хлопочет о выдаче ей отдельного вида на жительство,

Номер, за которым препроводится в 3 Делопроизводство счет, будет сообщен

1 Филер Ефимов – унтер-офицер Финляндского жандармского управления.

2 Дополнительными сведениями о ней не располагаем.

3 Уотинен Микко (1885–1931) – финский писатель и публицист, жил в Териоках; в апреле 1918 г., после победы белых в Гражданской войне в Финляндии был назначен временным полицеймейстером Териокского района (см. запись в дневнике Л. Андреева от 21 апреля (4 мая) 1918 г. в кн.: Андреев Л. S.O.S. М.–СПб., 1994. С. 70).

4 Райвола и Териоки – известные дачные места в Финляндии близ Петербурга (ныне Рощино и Зеленогорск).

5 Сосновский Василий Васильевич (1880–?) – в службе с 1899 г., в Отдельном корпусе жандармов – с 1907 г. В 1912 г. – ротмистр в распоряжении петербургского градоначальника.

дополнительно.

***ПОЛКОВНИК** Утгоф*

***ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 180–180 об*. Бланк «Начальник Финляндского Жандармского Управления. 11 Ноября 1912 г. № 3699. Гор. «Гельсингфорс». Пометы и штампы: «*118408*»: «Особый Отдел. 12 Нояб. 1912. Вход. № *33741*», «Северный», «*III/122а/т/11. И.П. Васил‹ьев?›. Подп. Сушков и Ватров. 12/XI*».**

‹9›
Запрос Департамента полиции об установлении революционной деятельности Мандельштама Иосифа Эмильевича от 31 ноября 1912 г.

Секретно

Начальнику Финляндского Жандармского Управления

14 ноября 1912
‹Исх. № – ‹нрзб›› 108730
По 3 Отделению

Вследствие записки от 17 Октября 1912 года за № 3404, Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие выяснить революционную деятельность Иосифа Эмилиева Мандельштама, а также уведомить – имеет ли названное лицо право жительства в Финляндии.

Вице-Директор С. Виссарионов

Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин

Начальник 3 Отделения С. Васильев[1]*, майор*

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 181. **На листе бумаги. Пометы: слева вверху: «*30842*», наискось: «*Отв. 37185*», штамп: «108730». Под обращением: «*Усикир. 31/XI–12. А/109595*».**

‹10›
Запрос Департамента полиции в Санкт-Петербургское охранное отделение об установлении революционной деятельности Мандельштама Иосифа Эмильевича от 13 ноября 1912 г.

Секретно.

Начальнику С.Петербургского Охранного Отделения.

13 ноября 1912
‹Исх. № › 108731
По 3 Отделению

Вследствие записки Помощника Начальника Финляндского Жандармского Управления по Бьернеборскому пограничному району от 24 Июня 1912 года за № 39 на Ваше имя, Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие уведомить, имеет ли право жительства в

1 Васильев Сергей Дмитриевич – в службе с 1892 г. В 1912 г. – надворный советник, младший помощник делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции.

С.Петербурге помянутый в означенной записке сын С.Петербургского купца Иосель Эмильев Мандельштам и подтверждаются ли сведения, изложенные в означенной записке за № 39.

Вице-Директор С. Виссарионов

Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин

Начальник 3 Отделения С. Васильев, майор

***ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 182.* Пометы: под обращением – «*Отв. 35544*», слева в середине: «*В дело 122а, т. 4*».**

‹11›
Справка Санкт-Петербургского охранного отделения в Департамент полиции об отсутствии сведений о революционной деятельности Мандельштама Иосифа Эмильевича от 28 ноября 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Сын С.Петербургского купца Иосель Эмильев МАНДЕЛЬШТАМ, по распоряжению Охранного Отделения обыску и аресту не подвергался и к таковым предназначен не был.

Сведений, кроме изложенных в записке Помощника Начальника Финляндского Жандармского Управления по Бьернеборскому пограничному району, о происходивших будто бы летом текущего года в пансионах, расположенных близ станции Мустамяки,

противоправительственных собраниях и об участии в них Мандельштама в качестве агитатора, в вверенное мне Отделение не поступало.

По имеющимся в Отделении сведениям, Иосель Мандельштам по своим убеждениям примыкает к Р.С.Д.Р.П., но активной работы не проявляет. В делах Отделения имеются сведения, что он в Ноябре 1907 года, будучи гимназистом 1-й С.Петербургской гимназии, был замечен в сношении с лицом, наблюдавшимся по военной боевой организации[1] *. О нем имеется циркуляр Департамента Полиции от 10-го марта 1909 года за № 151018/34, п.819, как о лице, утерявшем свой паспорт*[2] *. Кроме того, по сообщению Начальника Тифлисского Губернского Жандармского Управления от 30-го Января 1910 года за № 1798, адрес Мандельштама обнаружен при обыске 15-го января 1910 года у студента Московского Университета, Михаила Михайловича КАРПОВИЧА*[3]*, принадлежавшего к Тифлисской ученической организации партии социалистов-революционеров. За последнее время неблагоприятных сведений о нем не поступало.*

Указаний о запрещении права жительства в столице названному Мандельштаму, в делах Отделения не имеется.

---

1 Эти сведения, по-видимому, могут иметь касательство и к другому лицу, поскольку О.М. в 1-й гимназии не учился, а в ноябре 1907 г. находился в Париже. Тем не менее О.М. безусловно контактировал с лицами, имевшими то или иное отношение к социал-демократам (с тем же «репетитором русской революции» Сергеем Ивановичем Белявским, например – см. в примечаниях П. Нерлера к «Шуму времени» в кн.: Мандельштам О. Соч. в 2-х тт. М., 1990. Т. 2. С. 394–395). Еще более красноречивое свидетельство влияния идей марксизма на О.М. – глава «Эрфуртская программа» в том же «Шуме времени».

2 Документация пока не обнаружена.

3 Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – русский историк, журналист и издатель. С Мандельштамом познакомился в декабре 1907 г. в Париже, где они часто встречались до отъезда Мандельштама в апреле 1908 г. (в 1909–1912 гг. эпизодически общались в Петербурге). См.: Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом // Даугава. Рига, 1988. № 2. С. 109–112.

За Начальника Отделения,
Помощник его, Подполковник Покрошинский[1]

***ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 183–183 об*. На бланке: «Начальник Отделения по Охранению Общественной Безопасности и Порядка в С.–Петербурге. По Району. 28 Ноября 1912 г. № 20177. На № 108731 По Особому Отделу (3-е Отделение)». Аббревиатура «Р.С.Д.Р.П.» подчеркнута адресатом. Штамп и помета: «Особый Отдел. 29 Нояб 1912 Вход. № *30544*», «*Представленные Г‹осподином› зав‹едуюшим› О‹собым› О‹тделом› ввиду‹?› резол‹юции?› 30842. 18/XII Нач. Подпись*». Под ней еще помета: «*‹Нрзб› на № 109782. 1/XII. III/122а т. 4/12*».**

‹12›
Справка Санкт-Петербургского охранного отделения в Особый отдел Департамента полиции о правомочии проживания Мандельштама Иосифа Эмильевича от 28 ноября 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ по Особому Отделу.

По наведенным Помощником моим по Выборгскому району справкам оказалось, что Иосиф Эмилиев МАНДЕЛЬШТАМ, как крещеный

1 Покрошинский Иван Телесфорович (1867–?) – подполковник, с 4 декабря 1908 г. – в резерве отдельного корпуса жандармов, в 1912 г. – помощник начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге.

еврей, пользуется правом жительства в Финляндии. В Октябре месяце сего года он выехал из селения Мустамяки неизвестно куда. – Сведений о его революционной деятельности, кроме упомянутых в донесении моем от 31-го Августа 1912 года за № 2708, добыть не представилось возможным.

Полковник Утгоф

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 184. **Бланк «Начальник Финляндского Жандармского Управления. 12 Декабря 1912 г. № 4021. Гор. «Гельсингфорс». На № 108732». Слова «как крещеный еврей» подчеркнуты адресатом. Штамп и пометы: «*130707*», «Особый Отдел. 14 Дек. 1912. Вход. № *37185*», «*Препровождена Г. Зав. ОО ‹нрзб›. 18/12. Нач. Отд. Курочкин. 122а т. 4/12*».**

Особый отдел Штаба Главнокомандующего Русской Армии (1920 г.): «Упадает основательное подозрение…»: Арест Осипа Мандельштама в Феодосии в 1920 году

1

Начнем немного издалека – с весны 1919 года, хотя бы с середины апреля, когда О.М. приехал в Киев в несколько неожиданной для себя официозной роли наркомпросовского эмиссара. Он был откомандирован из Москвы, где работал в Отделе реформы высшей школы в Наркомпросе, для работы в

Театральном отделе Киевского Губнаробраза[1]. Вместе со своим средним братом (Шурой) и другим откомандированным – Рюриком Ивневым – он остановился в гостинице «Континенталь», раз или два читал свои стихи на вечерах.

Кульминацией его «эмиссарства», как, возможно, и всего большевистского присутствия в Киеве в 1919 году, стало карнавально яркое празднование Первомая.

Этот день, – быть может, самый важный и самый насыщенный в его жизни – сложился из трех разрозненных составляющих!

Утром – поход в Киево-Печерскую Лавру, впечатление – самое удручающее: «*...Здесь та же “чрезвычайка”, только “навыворот”. Здесь нет “святости”*»

Днем – собственно первомайские торжества и демонстрация на Софийского площади, где разместились не только собор и памятник Хмельницкому, но и цитадель советского правительства. Площадь, да и весь город стараниями добровольцев-авангардистов – художников, литераторов, артистов и музыкантов – изменились до неузнаваемости.

Через улицы тянулись полотнища с подобающими случаю лозунгами, наспех разрисованными студийцами и студийками Экстер (их развешивали и натягивали накануне ночью сами художники, врываясь – в сопровождении управдомов – в квартиры и со смехом будя их спящих и трясущихся от страха обитателей не хуже чекистов). На той же Софийской, рядом с конным, но все еще бронзовым гетманом поставили гипсовый обелиск в честь Октябрьской революции. Тут же, рядом, такие же гипсовые Ленин и Троцкий и еще узенькая фанерная «триумфальная арка», сквозь которую браво прогарцевали конные красноармейцы и опасливо продефилировали пешие силы и все сознательные граждане. Арку огибала колонна открытых грузовиков, на которых артисты разыгрывали подходящие к случаю агитки – своего рода первый лав-парад

1 Губернский отдел народного образования.

в честь революции и солидарности трудящихся.

Гипс – этот податливый, но хрупкий и недолговечный материал – вобрал в себя всю хирургию и всю символику момента. На Крещатике – гипсовый же Карл Маркс, на Красноармейской – такой же Фридрих Энгельс, на Европейской площади – Тарас Шевченко (ну чем не «вождь революции»?), перед Оперой – Карл Либкнехт, на Контрактовой – Роза Люксембург, а возле завода «Арсенал» – Яков Свердлов, сраженный буржуазным сыпняком.

Но Мандельштама, стоявшего, скорее всего, на начальственной трибуне на Софийской, впечатлили не аляповатые фигуры-однодневки, а монументальные стены прекрасного собора. Он сказал тогда Ивневу, показывая на них: «*Поверьте, что все это переживет все*»[1]

А вечером того же дня – отмечание дня рождения критика и переводчика Александра Дейча, одного из киевского «табунка» Н. М., в кафе «ХЛАМ» («Художники – Литераторы – Артисты – Музыканты»). Кафе размещалось в подвале той самой гостиницы «Континенталь», где жил О. М. Он спустился вниз и был немедленно приглашен присоединиться к «табунку», рассевшемуся за составленными столиками. За одним из столиков сидела и Надя Хазина, юная художница, вскидывавшая иногда в его сторону полные насмешливого любопытства карие глаза.

Мандельштама попросили почитать стихи – и поэт, обычно на публике капризный и заставляющий себя упрашивать, тут же и охотно согласился: *«Читал с закрытыми глазами, плыл по ритмам… Открывая глаза, смотрел только на Надю Х.»* [2] Смотрела на него и она – зрачки в зрачки, дерзко и загадочно улыбаясь…

Разгоряченные, они вышли на улицу (оба курили) – и за столики уже не вернулись. Всю ночь гуляли по притихшему после праздника городу, вышли по Крещатику на

1 Рюрик Ивнев, 2008. С.123-126.
2 Дейч А. Две дневниковые записи. Публ. Е. Дейч // Сохрани мою речь. Вып. 3. М., 2000. С. 146.

Владимирскую горку и, забыв о гипсовых идолах и о вполне осязаемых бандитах и страхах[1], кружили аллеями по-над Днепром, встречали рассвет над Трухановым островом. И, не умолкая, говорили – обо всем на свете. Словно бы предупреждая о возможных в сочетании с ним осложнениях, Мандельштам рассказывал Наде о Леониде Канегиссере, своем родственнике, убийце Урицкого, и о «гекатомбе трупов», которой на его теракт ответили большевики[2].

Пробирал холод, и мандельштамовский пиджак перекочевал на Надины плечи. Но со своей задачей не справлялся и как надо не грел. Не беда: через каждые сто метров парочка останавливалась – они обнимались, целовались, перешептывались…

Сама Н. М. вспоминала об этом так: «*В первый же вечер он появился в «Хламе», и мы легко и бездумно сошлись…*»[3] И в тот же день, 2 мая, – буквально на одном дыхании, что было так несвойственно для неторопкой мандельштамовской музы, – была написана «Черепаха» – стихи ничем еще не потревоженного счастья, где «*...холодком повеяло высоким От выпукло-девического лба*» и где только «*мед, вино и молоко*».

Сама дата 1 мая стала для них как бы сакральной и совершенно свободной от пролетарских коннотаций. О. М. вспоминал о ней, например, 23 февраля 1926 года, когда писал: «*Надюшок, 1 мая мы опять будем вместе в Киеве и пойдем на ту днепровскую гору тогдашнюю…*»[4]

Вспоминали ее и в 38-м, в снежной западне в Саматихе, когда под самое утро 2 мая, ровно в 19-ю годовщину киевской «помолвки», их разбудили энкэвэдэшники и разлучили уже навсегда. «*Ночью в часы любви я ловила себя на мысли – а вдруг сейчас войдут и прервут? Так и случилось первого мая 1938 года, оставив после себя своеобразный след – смесь двух*

1 Спустя полтора месяца, 14 июня, бандиты, например, застрелили А.А. Мурашко.
2 Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 428.
3 Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 21.
4 Мандельштам О. Собр. соч. Т.4. М., 1997. С. 68-69.

воспоминаний» («Об Анне Ахматовой») Мандельштама, подталкивая в спину, увели, а все его бумаги покидали в мешок: «*Мы не успели ничего сказать друг другу – нас оборвали на полуслове и нам не дали проститься*»[1]

… В Киеве Мандельштам провел тогда еще около трех недель. 10 мая они ходили в Соловцовский театр[2] на премьеру спектакля по пьесе Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»), поставленного Константином Марджановым (Марджанишвили). Угнетенные испанские средневековые женщины дружно восставали против своих угнетателей и насильников, а в самом конце, плотоядно поводя бедрами, ни с того, ни с сего кричали: «Вся власть советам!». Исаак Рабинович, один из лучших учеников Экстер, был сценографом спектакля, а Надя Хазина одной из двух его ассистенток[3]. После представления на поклоны выходили и они, вкушая свою толику успеха – оглушительные аплодисменты и вороха дешевых киевских роз. Свой букетик из рук О. М. получила и Надя.

Не позднее 21 мая – и все в том же сопровождении – О. М. возвращается в столичный Харьков, где хлопочет о командировке в Крым[4]. Вскоре, однако, возвращается – вдвоем с Шурой – в Киев, где они продолжают жить в «Континентале». После того как их оттуда вежливо попросили, братьев приютил кабинет Я.А. Хазина[5].

Но в конце августа братья снова покинули Киев: с артистическим вагоном доехали до Харькова, оттуда – в Ростов и оттуда, наконец, в Крым. На прощанье Н. М. подарила О. М. свою фотографию с надписью: «На память о будущей встрече»[6].

---

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 427.
2 Нынешний Театра им.Франко. См.: Рюрик Ивнев, 2008. С.125.
3 Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С.19-20.
4 Рюрик Ивнев, 2008. С.132 (запись за 22 мая 1919 г.).
5 Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 26.
6 Дутли Р. "Век мой, зверь мой…" Осип Мандельштам. Биография. СПб., СПб., 2005. С. 125-134.

Встреча эта, по плану, намечалась еще в Харькове, куда Н. М. должна была приехать в обществе Эренбургов. Плану, однако, не было суждено осуществиться, так что встреча, хотя и состоялась, но с порядочным опозданием – приблизительно в полтора года.

Они часто писали друг другу, но сохранилось только четыре письма Н. М.[1] В них она называет О. М. «братиком», «дружком» и «доней». В сентябре она все еще ищет оказию в Харьков или Крым и все ждет от «дони» телеграмму. Он и отправил ее 18 сентября, но пришла она только… 13 октября: все имевшиеся оказии были упущены.

На самом деле она и не хочет никуда уезжать – и то зовет его к себе в Киев, то, описывая киевские трудности, отговаривает его от этого и тут же, через строчку, снова зовет.

А Мандельштама ждала его причерноморская одиссея – с двумя арестами – в Феодосии и Батуме, с обретением старых и новых друзей – и врагов, и с новыми стихотворениями:

Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

2

…Не позднее 11 или 17 сентября 1919 года Осип Мандельштам вместе с братом Александром прибыли из Харькова в Крым. Живя попеременно то в Феодосии, то в Коктебеле, они провели здесь около года.

Ко времени их приезда Крымская Советская Социалистическая Республика уже пала под натиском Добровольческой армии. Была восстановлена Таврическая губерния[2], позднее вошедшая в Новороссийскую область. Приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга

1 Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем / Сост.: А.Г. Мец. Т.3. М., 2011. С.604-606.
2 В ее состав, как и прежде, были включены Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды.

России А.И. Деникина Главноначальствующим Таврической губернии был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг, но фактическим правителем Крыма был генерал-майор Я.А. Слащев – он же «воспетый» Булгаковым Хлудов. Жители Крыма на себе могли испытать и сравнить все «прелести» красного и белого режимов[1].

Пусть каждый окровавлен день
И смерть гребет рукою жадной,
Но у домов в тени прохладной
Влюбленным продают сирень.

Это строки Вениамина Бабаджана, напечатанные в альманахе «Ковчег» (Феодосия, 1920), – поэта, расстрелянного красными еще в том же году[2].

В Феодосии же и Коктебеле, как обычно, собралась пестрая литературная компания, – привычная смесь «местных», как Волошин или Вересаев, и приезжих. Сам Волошин вернулся в Коктебель только 20 июля (он был в Екатеринодаре). В августе компанию ему составили Дмитрий Благой с женой, Майя Кудашева, Евгений Ланн и Андрей Соболь, а в октябре – Владимир Вересаев и О.М. с братом.

Но была в этой старой компании одна новая особенность: гости оседали здесь не на недели, как обычно, а на месяцы и годы. Гражданская война загнала их сюда – кого по убеждениям, кого по отсутствию оных, и к их кружку примкнули интеллигенты из военных, наподобие Цыгальского или Новинского[3]. Наезжал из Керчи еще один бывший красный «комиссар» – поэт Георгий Шенгели[4].

---

1 См. подробнее об этом периоде: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С.210–322; Зарубин В.Г. Гражданская война // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 456–469.

2 Гардзонио, 1998.

3 См. о них ниже.

4 Весной 1919 г. Шенгели командировали из Харькова «комиссаром искусств» в Севастополь, но летом Крым был захвачен Врангелем, и ему, с фальшивым паспортом, пришлось скрываться – сначала в родной Керчи, а потом в Одессе, где он провел около двух лет (Шенгели Г. Автобиографическая проза. Предисл., публ. и примеч. К.Ю. Постоутенко // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.–СПб., 1994. С. 376–377).

Центром всей этой жизни был ФЛАК – Феодосийский литературно-артистический кружок. Местная периодика не скупилась на заметки о его деятельности. Вещественными следами деятельности ФЛАКа стали его издания – журнал «К искусству»[1] и альманах «Ковчег».

Одним из активистов кружка стал двадцатилетний Эмилий Львович Миндлин. Жил он в Феодосии по Екатерининскому проспекту, дача Воод, квартира Чудновского. В своих «Необыкновенных собеседниках» он пишет, что из родного Александровска (Запорожья), стонавшего то под белыми, то под Махно, он истово рвался в Москву, но, прибыв в Феодосию в августе или самом начале сентября 1919 года, когда уже и Крым побелел, так и застрял здесь – дожидаясь и дождавшись прихода Красной армии.

21 сентября – «лежа на берегу чудесного лазурного моря, купаясь в лучах южного солнца, в нераздельной группе безработных поэтов» – Миндлин писал своему доброму знакомому, поэту-футуристу и крупному домовладельцу Владимиру Сидорову (он же Вадим Баян):

> *Поэтами и литераторами Крым полон. И неоднократно наша богема в Феодосии жалела о том, что Вас нет здесь. Макс. Волошин, Георгий Шенгели, Дмитрий Благой, Андрей Соболь, В.В. Вересаев, Осип Мандельштам, П. Соловьева-Аллегро – общество во всяком случае интересное и в большинстве своем проникнутое утонченными настроениями нашей новейшей поэзии, экзотической красотой современных устремлений возрождающегося человеческого духа… Привет Вам от этих поэтов, гордо несущих Я своего творчества через гущу*

1 Известен только второй его номер, вышедший 10 ноября 1919 г. Первый номер – по свидетельству Э. Миндлина, с текстами О.М., М. Цветаевой и многих других – вышел в августе 1919 г., но так и не разыскан (Купченко В.П. Литературная Феодосия в 1920 году. По материалам газеты «Крымская мысль» // De visu. 1994. № 3–4. С. 82).

> *господствующего мещанства. ‹…› Среди этих людей не так сильно чувствуется, что где-то еще льется кровь, где-то гремят пушки и что нет еще свободной России, но мы верим горячо в ее великое будущее и свои способности и дарования будем счастливы отдать ей, посвятить созданию ее культуры, ее искусству…*

Далее шли сетования на то, что, несмотря на наличие таких светлых сил и возвышенных устремлений, направленных скорее против существующих властей, эти самые «*власти не дают бумагу, сейчас военная диктатура и поэзии пока запрещается показывать нос… Волошин, правда, артачится, бесится, выгнал от себя одного офицера за оскорбление собравшихся поэтов… Он и теперь под подозрением у властей*».

Затем Эмилий Львович придает дружному возлежанию на гальке несколько неожиданное и романтическое звучание и значение:

> *На берегу моря – мы подготовляем новую Революцию, Революцию поэтов, ‹…› интеллектуальную Революцию и куем оружие более сильное, чем пушки! Наш лозунг – вся власть поэтам! Когда придет новая весна – зацветут цветы нашей первой победы. Впрочем, мы не теряем надежды получить бумагу и всё же издать что-нибудь. Может быть, сборник, а может быть и периодический журнал.*[1]

Так, покружив над столь неожиданно преисполнившимся революционности пляжем, двадцатилетний певец с головокружительных высот ловко спускается на землю и вместо скандирования лозунгов о чуть ли не «диктатуре

1 Гардзонио, 1998. С. 484–485.

поэзии» требует от эксплуататорского класса бесплатных «средств производства»!

Разделял ли О.М. такой поэтический экстремизм – неизвестно, хотя и собственный его революционный романтизм, в частности, в стихотворении «Актер и рабочий», никак не может быть проигнорирован.

Но печатался он охотно и от гонораров никогда не отказывался. Так что бумагу, видимо, белые все-таки дали.

3

5 декабря 1919 года, воспользовался неожиданной оказией, О.М. попробовал написать в Киев, Надежде Хазиной:

Дитя мое милое!

Нет почти никакой надежды, что это письмо дойдет. Завтра едет «в Киев» через Одессу Колачевский. Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто как Божий день. Ты мне сделалась до того родной, что всё время я говорю с тобой, зову тебя, жалуюсь тебе. Обо всем, обо всем могу сказать только тебе. Радость моя бедная! Ты для мамы своей «кинечка» и для меня такая же «кинечка». Я радуюсь и Бога благодарю за то, что он дал мне тебя. Мне с тобой ничего не будет страшно, ничего не тяжело…

Твоя детская лапка, перепачканная углем, твой синий халатик – всё мне памятно, ничего не забыл…

Прости мне мою слабость и что я не всегда умел показать, как я тебя люблю.

Надюша! Если бы сейчас ты объявилась здесь

– я бы от радости заплакал. Звереныш мой, прости меня! Дай лобик твой поцеловать – выпуклый детский лобик! Дочка моя, сестра моя, я улыбаюсь твоей улыбкой и голос твой слышу в тишине.

Вчера я мысленно, непроизвольно сказал «за тебя»: «Я ***должна*** *(вместо “****должен****”) его найти», т. е. ты через меня сказала…*

Мы с тобою как дети – не ищем важных слов, а говорим что придется.

Надюша, мы будем вместе, чего бы это ни стоило, я найду тебя и для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, сама того не зная – голубка моя – «бессмертной нежностью своей»…

Наденька! Я письма получил четыре сразу, в один день, только нынче… Телеграфировал много раз: звал.

Теперь отсюда один путь открыт: Одесса; всё ближе к Киеву. Выезжаю на днях. Адрес: Одесский Листок, Мочульскому. Из Одессы, может, проберусь: как-нибудь, как-нибудь дотянусь…

Я уже 5 недель в Феодосии. Шура всё время со мной. Был Паня. Уехал в Евпаторию. В Астории живет Катюша Гинзбург. В городе есть один экземпляр «Крокодила»!! А также Мордкин и Фроман. (Холодно. Темно. «Фонтан». Спекулянты.) Не могу себе простить, что уехал без тебя. До свиданья, друг! Да хранит тебя Бог! Детка моя! До свиданья!

Твой О.М.: «уродец».

Колачевский едет обратно. Умоляю его взять

тебя до Одессы. Пользуйся случаем!![1]

Какие четыре письма от Надюши получил О.М. в начале декабря и каким образом эти письма прорвались через все кордоны Гражданской войны, мы не знаем и не узнаем.

Намерение же выехать в Одессу и пробраться через нее в Киев, однако, не осуществилось.

4

Зимой 1919/1920 года (точнее, к сожалению, мы не знаем) братья Мандельштамы перебрались из Федосии в Коктебель и поселились на даче И.П. Харламова.

Тогда-то и состоялась первая попытка арестовать О.М., впрочем, не слишком достоверная. Сообщает о ней единственно Максимилиан Волошин, причем в «Воспоминаниях», написанных в апреле 1932 года. Относиться к этим свидетельствам приходится с особой осторожностью: и не потому, что у Волошина, находившегося в многолетней ссоре с О.М., были причины выставить его в невыгодном свете, и даже не потому, что бес мистификации был ему, мягко говоря, не чужд. Просто потому, что в других частях воспоминаний Волошина определенно подводила как минимум память: так, описание Флоры Осиповны Вербловской, матери О.М., на приеме у Изабеллы Афанасьевны Венгеровой[2] настолько разительно расходится с другими ее описаниями, что один из мандельштамоведов в качестве снимающей противоречия гипотезы выдвинул догадку, что то была вовсе не мать, а бабушка О.М.!

Вот как описывает Волошин эту первую попытку ареста:

Однажды М‹андельштам› вошел ко мне очень взволнованный.

---

1 В письме имеется приписка Александра Эмильевича: «Милая Надежда Яковлевна! Шлю Вам сердечный привет, братец N…» (Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 24–25).

2 Волошин М. Воспоминания // Волошин М.А . Собр. соч. Т. 7, кн. 2. М., 2008. С. 422.

«Макс Алекс‹андрович›, сейчас за мной пришел какой-то казацкий есаул и хочет меня арестовать. Пойдемте со мной. Я боюсь исчезнуть неизвестно куда. Вы знаете, как белые относятся к евреям».

Мы с ним пошли на дачу Харламова, где он занимал комнату вместе с братом. У них сидел, действительно, пьяный казацкий есаул в страшной кавказской папахе и, поводя мутными глазами, говорил: «Так что, я нахожу, что у Вас бумаги не в порядке, и я Вас арестую». Этот есаул откуда-то свалился в деревню Коктебель и пил безвыходно несколько дней, а потом, спохватившись, нашелся: «Есть ли у Вас в Коктебеле жиды?» Крестьяне очень предупредительно ответили: «Как же – двое есть – у моря живут всю зиму – братья Мандельштамы».

Есаул тотчас же отправился к ним делать обыск. Он сидел посреди комнаты, икал во все стороны и рассматривал книги, случайно попавшие ему в руки.

«А это Евангелие, моя любимая книга – я никогда с ним не расстаюсь», – говорил Мандельштам взволнованным голосом и вдруг вспомнил о моем присутствии и поспешил меня представить есаулу. «А это Волошин – местный дачевладелец. Знаете что? – Арестуйте лучше его, чем меня». Это он говорил в полном забвении чувств. На есаула это подействовало, и он сказал: «Хорошо. Я Вас арестую, если М‹андельшта›м завтра не явится в Феодосию в 10 ч‹асов› утра». Учреждением, куда должны были явиться братья Мандельштам (не помню, как оно называлось), было учреждение, которым заведовал полк‹овник›

Цыгальский – поэт и поклонник М‹андельшта›ма.

Сам Осип Эм‹ильевич› находился в таком забвении чувств, что, вернувшись к нам в дом, обнаружил у себя в руке ключ от Майиной комнаты, который бессознательно зажал у себя в руке.[1]

Возможно, роль полковника Александра Викторовича Цыгальского[2] в спасении О.М. была именной такой, как пишет Волошин, но вот учреждение, в котором тот служил – школа юнкеров, где он преподавал артиллерийское дело – никак не могло быть местом для каких-либо следственных действий. Шаржированным и потому не слишком правдоподобным выглядит и параллелизм: «А это *Евангелие*… А это Волошин…». Да и зажатый в руке ключ от комнаты Майи Кудашевой – скорее всего, из другого эпизода воспоминаний Волошина, где никакого есаула и в помине не было…

5

В середине 20-х чисел июля 1920 года Волошин из Коктебеля написал своему давнему знакомому – начальнику Феодосийского порта капитану 2-го ранга Александру Александровичу Новинскому (1878–1960, Лос-Анджелес). Знал его, кстати, и О.М., посвятивший Новинскому очерк «Начальник порта» из цикла «Феодосия» в «Египетской

1 Там же. С. 423–424.

2 О военном инженере и поэта А.В. Цыгальском (1874–1941, Лин, Массачусетс, США) см. в очерке О.М. «Бармы закона» из цикла «Феодосия» в «Египетской марке»:

Полковник Цыгальский нянчил сестру, слабоумную и плачущую, и больного орла, жалкого, слепого, с перебитыми лапами, – орла Добровольческой армии. В одном углу его жилища как бы незримо копошился под шипенье примуса эмблематический орел, в другом, кутаясь в шинель или в пуховый платок, жалась сестра, похожая на сумасшедшую гадалку. Запасные лаковые сапоги просились не в Москву, молодцами-скороходами, а скорее на базар. Цыгальский создан был, чтобы кого-нибудь нянчить и особенно беречь чей-нибудь сон. И он, и сестра похожи были на слепых, но в зрачках полковника, светившихся агатовой чернотой и женской добротой, застоялась темная решимость поводыря, а у сестры только коровий испуг. ‹…›Однажды, стесняясь своего голоса, примуса, сестры, непроданных лаковых сапог и дурного табаку, он прочел стихи. Там было неловкое выраженье: «Мне всё равно, с царем или без трону», и еще пожеланьео том, какой нужна ему Россия: «Увенчанная бармами закона», и прочее, напомнившее мне почерневшую от дождя Фемиду на петербургском Сенате. «Чьи это стихи?» – «Мои».

марке», где он аттестуется «добрым меценатом», «морским котенком в пробковом тропическом шлеме», «человеком, который, сладко зажмурившись, глядел в лицо истории, отвечая на дерзкие ее выходки нежным мурлыканьем», но при этом «морским божеством города и по-своему Нептуном», «начальником моря», «покровителем купцов, вдохновителем таможни и биржевого фонтана», «коньячным, ниточным, валютным, одним словом, гражданским морским богом».

В письме Волошин просит о присылке прописанного доктором лекарства и о содействии в возвращении книги О.М. «Камень», якобы украденной его средним братом Александром[1]. Но поскольку выяснилось, продолжает Волошин, что Любовь Михайловна Эренбург, которой О.М. переподарил этот «Камень», собирается вернуть книгу владельцу, и инцидент тем самым как будто исчерпан, свою вторую просьбу в приписке к тому же письму он снимает.

Во «Второй книге» Н.М. представила это письмо как донос на О.М.[2], что действительности всё же не соответствует. Пришло оно за совместным завтраком Новинского с О.М., и Новинский имел неосторожность прочесть его целиком или процитировать Мандельштаму. Чем спровоцировал негодующее письмо самого О.М. Волошину, написанное 15 (28 по новому стилю) июля 1920 года:

Милостивый государь!

Я с удовольствием убедился в том, что вы толстым слоем духовного жира, простодушно принимаемого многими за утонченную эстетическую культуру, – скрываете непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина. Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я

1 Купченко, 1991. С. 178–179. К вопросу о точности мемуаров Волошина: в 1932 г. он сообщал, что непосредственным похитителем «Камня» был Эренбург (Волошин М.А. Собр. соч. Т. 7, кн. 2. М., 2008. С. 425).

2 Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 92–93.

«давно уже обкрадываю вашу библиотеку» и, между прочим, «украл» у вас Данта, в чем «сам сознался», и «выкрал у вас через брата свою книгу».

Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником.

Нужно быть идиотом, чтобы предположить, что меня интересует вопрос, обладаете ли вы моей книгой. Только сегодня я вспомнил, что она у вас была.

Из всего вашего гнусного маниакального бреда верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастье потерять 3 года назад одну вашу книгу.

Но еще большее несчастье вообще быть с вами знакомым.

О. Мандельштам[1]

Копию этого письма О.М. отправил еще и Эренбургу, тем самым сознательно придав «инциденту» публичность. После чего и сам Волошин предал это несомненно уязвившее его письмо огласке. На ближайшей же после получения письма читке своих стихов он язвительно объяснил слушателям всю подоплеку своей ссоры с О.М. и зачитал его письмо как образец «ругательного» стиля[2].

Мандельштам же с братом в это время находился в Феодосии – в ожидании транспорта на Батум. И уже в порту, чуть ли не при посадке, – О.М. арестовали! Причиной, согласно И.Г. Эренбургу, послужило то, что какая-то женщина заявила, что О.М. служил у красных и пытал ее в Одессе![3]

1 Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 26–27 (с неточной датой), со ссылкой на ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Д. 818. Л. 10–11. Благодарим А.В. Лаврова за уточняющую сверку.

2 Купченко, 1991. С. 180, со ссылкой на ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 445.

3 Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. Т. 1. М., 1990. С. 146.

Мандельштам, согласно Волошину, «*обезумел от ужаса, как тогда, при инциденте с есаулом, и, будучи введенным в тюрьму, робким шепотом спросил у офицера: “А что, у Вас* ***невинных*** *иногда отпускают?”*»[1]

В ответ, согласно легенде, последовало: «Сначала лишаем невинности, а потом отпускаем». «*Когда его заперли в одиночку, он начал стучать в дверь, а на вопрос надзирателя, что ему нужно, ответил: “Вы должны меня выпустить – я не создан для тюрьмы…”*»[2]. После чего О.М. перевели в психиатрическое отделение тюремной больницы[3].

Александр Мандельштам, брат О.М., арестован не был. Он-то и сообщил незамедлительно об аресте в Коктебель, надеясь на помощь находившихся там Эренбурга и других писателей, но прежде всего – на помощь Волошина. Тот, однако, был в ссоре с О.М. Первая две попытки уговорить Волошина, предпринятые княгиней Майей Кудашевой и Эмилием Миндлиным, окончились неудачей. Третьим пошел сам Эренбург, также находившийся в ссоре с Волошиным. Но последний искал примирения, – так что уговаривать Волошина вообще не пришлось[4].

Сам Волошин вспоминал об этом в 1932 году так:

> *Тогда все друзья М‹андельш›тама стали меня уговаривать, что я* ***должен*** *за него заступиться. Раньше я мог делать или не делать. Это было в моей воле. А теперь (после того, как он мне написал ругательное письмо), я* ***обязан*** *ему помочь. Напрасно я им доказывал, что сейчас не могу ехать в Феодосию, т‹ак› к‹ак› у меня болит рука и я никого из влиятельных лиц в Добр‹ольческой› армии не знаю.*
>
> *В конце концов было решено: я напишу под*

---

1 Волошин М. Воспоминания // Максимилиан Волошин. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. М., 2008. С. 426. Согласно Эренбургу, О.М. произнес эту фразу несколько позже – на допросе.

2 Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. Т. 1. М., 1990. С.308.

3 Купченко В.П. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1997. С. 296.

4 Миндлин, 1979. С. 34.

диктовку письмо начальнику Контр-разведки, которого я в глаза не видел («но он твое имя знает…» и только подпишусь. Я продиктовал такое письмо:

«М‹илостивый› Г‹осударь›! До слуха моего дошло, что на днях арестован подведомственными Вам чинами – поэт Иос‹иф› Мандельштам. Т‹ак› к‹ак› Вы, по должности, Вами занимаемой не обязаны знать русской поэзии и вовсе не слыхали имени поэта Мандельштама и его заслуг в области русской лирики, то считаем своим долгом предупредить Вас, что он занимает в русской поэзии очень к‹р›упное и славное место. Кроме того, он человек крайне панический и, в случае, если под влиянием перепуга, способен на всякие безумства. И, в конце концов, если что-нибудь с ним случится, – Вы перед русской читающей публикой будете ответственны за его судьбу. Сколько верны дошедшие до меня слухи – я не знаю. Мне говорили, что Мандельштам обвиняется в службе у большевиков. В этом отношении я могу Вас успокоить вполне: Мандельштам ни к какой службе вообще не способен, а также и к политическим убеждениям: этим он никогда в жизни не страдал».[1]

Письмо поехали вручать Майя Кудашева, поэтесса и вдова погибшего в бою офицера белой армии, а также В.В. Вересаев и А.В. Цыгальский. Завершим цитату из Волошина:

Нач‹альник› К‹онтр›-разведки, получив карточку: «Княгиня Кудашева», принял Майю очень любезно, прочитал письмо про себя,

1 Волошин М. Воспоминания // Максимилиан Волошин. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. М., 2008. С. 426–427.

> *восклицая: «А кто же такой Волошин? Почему же он мне так пишет?»*
>
> *– «Поэт… Он со всеми так разговаривает…», – отвечала Майя высоким и наивным голоском. Письмо нарочно было написано в таком духе: оно было корректно, но на самом лезвии. Оно звучало как личное оскорбление и по этому запоминалось. Это был обычный тон моих отношений с Д‹обровol›ческой армией». Нач‹альник› к‹онтр›разведки очень недовольным жестом сложил бумагу и сунул в боковой карман. И на другой день велел отпустить Мандельштама.*[1]

Не будучи вполне уверенным в успехе хлопот по освобождению О.М. непосредственно в Феодосии, Волошин предпринял и другие шаги. Так, сохранился недатированный черновик его письма П.Б. Струве, начальнику управления внешних сношений Совета начальников управлений при Главнокомандующем Русской армией (Правителе Юга России) П.Н. Врангеле[2], где Волошин сообщает о том, что О.М. арестован уже две недели назад. Считая обвинение О.М. в большевизме совершенно нелепым, Волошин просит освободить его на поруки или хотя бы ускорить производство следствия[3].

Волошин, впрочем, был не единственным писателем, вступившимся за О.М. По словам Миндлина, А.Т. Аверченко также посылал из Севастополя телеграмму с просьбой вмешаться в судьбу арестованного: «*Аверченко подтвердил телеграммой, что хорошо знает Мандельштама как замечательного поэта, знаком с ним по Петрограду, и ходатайствовал об освобождении поэта, далекого от всякой*

1 Там же. С. 427.

2 4 апреля 1920 г. генерал-лейтенант и барон П.Н. Врангель сменил А.И. Деникина на посту Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (с 19 августа – Правитель Юга России). Соответственно, и Вооруженные силы Юга России были переименованы в Русскую армию.

3 Купченко В.П. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. С. 297.

политики»[1].

Свою версию освобождения О.М. из тюрьмы излагает и Надежда Яковлевна:

> *На самом деле было так: до Коктебеля дошел слух об аресте Мандельштама, случившемся перед самым отъездом в Грузию… Эренбург бросился к Волошину и с огромным трудом заставил его сдвинуться с места и поехать в Феодосию, чтобы спасти арестованного. В те годы, как и потом, впрочем, ничего не стоило отправить на тот свет случайно попавшегося человека. Связи у Волошина были огромные: он был местной достопримечательностью. Волошин проканителил несколько дней, а когда он явился в Феодосию, Мандельштама уже выпустили на свободу. Своим освобождением он обязан полковнику Цыгальскому… Что же касается до Волошина, я думаю, что ‹…› вернувшись, он просто сказал Эренбургу, что Мандельштам выпущен, а Эренбург решил, что вытащил его Волошин.*[2]

Версия вдовы О.М. существенно отличается от версии Эренбурга, Миндлина и Волошина. В 1990-е гг. симферопольский историк Вячеслав Зарубин обнаружил в Государственном архиве Автономной Республики Крым (ГААРК) в фонде прокурора Симферопольского окружного суда небольшое дело – «Переписка о Мандельштаме, обвиненного в большевизме» (так в подлиннике).

Эта «Переписка» состоит из двух постановлений, направленных для сведения товарищу прокурора Симферопольского окружного суда по Феодосийскому

1 Миндлин, 1979. С. 32. Миндлин, правда, не помнил, пришла ли телеграмма Аверченко до или после освобождения О.М.

2 Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 94–95.

участку И.Н. Астафьеву, в прошлом жандармскому полковнику. Они позволяют определить точные даты нахождения О.М. под стражей в Феодосии и уточнить существо предъявленного ему официального обвинения[1].

Согласно первому постановлению, О.М. арестовали 22 июля (по старому стилю, или 4 августа по новому) 1920 года – по обвинению в принадлежности к партии большевиков. Согласно второму – его освободили из-под стражи 1/14 августа в связи с тем, что эти подозрения не подтвердились. В сущности, это всё, что содержат в себе постановления.

Документы

‹1›
Постановление начальника Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего Русской армии полковника Астафьева от 4 августа 1920 года об аресте Иосифа Мандельштама в связи с подозрением его в принадлежности к коммунистической партии

Копия № 1397
Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1920 года июля 22 дня в г. Феодосии я, Начальник Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба

1 Первым обнаружил и опубликовал эти документы историк из Симферополя В.Г. Зарубин. См. его публикации: «…Из-под стражи освободить», или приключение Мандельштама в Крыму // Таврические ведомости. Симферополь, 1993. 8 окт. С. 3; К вопросу об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму (По материалам Центрального Государственного Архива Крыма) // Русская культура и Восток: Материалы III Крымских Пушкинских чтений. – 13–19 сентября 1993 г. – Бахчисарай. Симферополь. 1993. С. 78; Об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму (1920 г.) // Крымский контекст. Симферополь. 1996. № 4. С. 71–72; Об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму в 1920 г. // Евреи Крыма. Очерки истории. Москва–Иерусалим. 1997. С. 86–89. До публикаций Зарубина циркулировало неточное имя следователя: Апостолов.

Главнокомандующего В.С.Ю.Р.[1], Полковник АСТАФЬЕВ, имея в виду, что на задержанного Иосифа МАНДЕЛЬШТАМА упадает основательное подозрение в принадлежности его к партии коммунистов-большевиков, руководствуясь § 4 Раздела I Правил производства расследований чинами К.Р.[2]

ПОСТАНОВИЛ:

впредь до выяснения всех обстоятельств дела подвергнуть названного МАНДЕЛЬШТАМА личному предварительному задержанию в Феодосийской тюрьме, о чем ему объявить.

Подлинное подписал Начальник Феодосийского Наблюдательного пункта Полковник Астафьев

С подлинным верно, Помощник Начальника пункта

Подполковник *Подпись*

ГААРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1367. Л. 2. **Машинописная копия.**

‹2›
Постановление начальника Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего Русской армии полковника Астафьева от 14 августа 1920 года об освобождении из-под стражи Иосифа Мандельштама в связи с неподтвержденностью подозрений в его адрес

1 Словоупотребление ВСЮР (Вооруженные силы Юга России) в документе – скорее всего своеобразная дань традиции. В июле 1920 г. Врангель возглавлял Русскую армию, и ВСЮР как таковых уже не существовало.

2 Контрразведки.

Копия № 1553
Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1920 года августа 1-го дня в г. Феодосия я, Начальник Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего В. С. Ю. Р., полковник АСТАФЬЕВ, рассмотрев расследование произведенное в отношении Иосифа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА, возникшее по павшему на него подозрению в принадлежности к партии большевиков–коммунистов и в участии его в деятельности чрезвычайной комиссии этой партии в г. Феодосии, НАШЕЛ: произведенными расследованиями и опросами по делу подозрение это подтверждения не получило, а потому и, принимая во внимание заключение Товарища Прокурора Симферопольского Окружного Суда по Феодосийскому участку, изложенное в сношении от 31-го июля с. г. за № 860, ПОСТАНОВИЛ: Иосифа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА из под стражи освободить а расследование о нем препроводить в Особый Отдел при штабе Главнокомандующего.

Подлинное подписал
Полковник Астафьев

(Надпись от руки): С подлинным верно
Обер-офицер для поручений Подпоручик *Подпись*

ГААРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1367. Л. 1–1об.

Заверенная машинописная копия. Орфография источника.

Особый отряд Штаба Чрезвычайного комиссара Батума и Батумской области (1920 г.): Карантин. Об аресте Осипа Мандельштама в Батуме в 1920 году

1

Первое очное знакомство О.М. с Грузией состоялось в августе 1920 года в Батуме. Как и при каких обстоятельствах – об этом ниже. Но Грузия, грузинская тема вошла в его стихи значительно раньше – по крайней мере, осенью 1916 года.

Именно так датировано стихотворение О.М. «“Я потеряла нежную камею…», впервые напечатанное в харьковском журнале «Камена» (1918, № 1) и включавшееся затем в сборники «Tristia» (1922) и «Камень» (1923). В предпоследней его строке мы встречаемся с некой Тинатиной: «Я Тинатину смуглую жалею…» Кто она, эта Тинатина, эта прекрасная грузинка? Н.И. Харджиев, ссылаясь на В.М. Жирмунского, сообщает, что имеется в виду Тинатина Джорджадзе[1] – дочь офицера русской службы Давида Джорджадзе[2], которая была замужем за Танеевым (братом знаменитой Вырубовой) и умерла в эмиграции в Париже.

Декабрем 1916 года помечены и стихи О.М. «Соломинка»[3]. Эта «двойчатка» (термин Н.М.) обращена к другой грузинской знакомой поэта – Саломее Николаевне Андрониковой (Андроникашвили, в замужестве – Гальперн), с

1 Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1983. С. 311.

2 См. о нем в кн.: Горгидзе М. Грузины в Петербурге. Тбилиси, 1976. С. 366.

3 Впервые – в альманахе «Тринадцать поэтов» (1917), кроме того, в феодосийском альманахе «Ковчег» (1920) и в журнале «Москва» (1922, № 7); входило в сборники «Tristia» и «Стихотворения».

1900 по 1919 год жившей вместе с отцом в Петербурге. В 1916 году ей было 28 лет, О.М. – 26[1]. Влюбленный поэт сравнивает ее в стихах с героинями Эдгара По (Лигейя, Ленор) и Бальзака (Серафита). В другом посвященном ей стихотворении 1916 года («Мадригал») О.М. обыгрывает семейную легенду о происхождении княжеского рода Андроникашвили от достославного византийского императора[2].

Заочными «встречами» О.М. с Грузией можно считать и некоторые прижизненные публикации его стихов или статей в Грузии – публикации, о которых он сам, возможно, и не подозревал. Так, в 1919 году – почти что за год до первого приезда О.М. в Грузию – в тифлисском журнале «Орион» (№ 6), который редактировали С. Рафалович и

С. Городецкий, было напечатано стихотворение О.М. «Золотистого меда струя из бутылки текла…». А уже после того, как О.М. из Грузии уехал, в батумских газетах перепечатывались и статьи О.М.: в газете «Искусство» за 20 июня 1921 года – статья «Слово и культура»[3], а в «Батумском часе» за 11 февраля 1922 года – «Письмо о русской поэзии»[4].

2

Тут самое время перейти к обстоятельствам очного знакомства О.М. с Грузией. Обстоятельства же эти таковы.

В августе двадцатого года после пяти или семи суток плавания «*ветхая плоскодонная баржа, которая раньше плавала только по Азову*» и на которой находились братья Осип и Александр Мандельштамы, стала на батумском рейде[5]. Вечером с палубы город был похож на «*гигантское*

1 Она умерла в Лондоне в возрасте 94 лет. Подробнее см.: Шарадзе Г. «Муза двадцатого века…» // Литературная Грузия. 1983. № 3. С. 168–173; Васильева Л. Саломея, или соломинка, не согнутая веком («Огонек». 1988. № 3. С. 22–26).

2 «Дочь Андроника Комнена / Византийской славы дочь! / Помоги мне в эту ночь / Солнце выручить из плена, / Помоги мне пышность тлена / Стройной песнью превозмочь, / Дочь Андроника Комнена, / Византийской славы дочь!»

3 Впервые: Дракон. Пг., 1921. Вып. 1. С. 73–78.

4 Впервые: Советский юг. Ростов-на-Дону. 1922. 21 янв.

5 Скорее всего, это произошло около 11 сентября (тифлисское «Слово» сообщило о прибытии Мандельштама в Батум и о его аресте в связи с недоразумениями с визой 12 сентября).

казино, горящее электрическими дугами, светящийся улей, где живет чужой и праздный народ, – писал О.М. в очерке «Возвращение». – *Утром рассеялось наваждение казино и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний, словно японская прическа, чистенький и волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в стеклянном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она, Грузия!..*»

Прием, однако, был не слишком гостеприимным: О.М. с братом Александром препроводили в тюрьму – с тем, чтобы отправить обратно во врангелевский Крым.

В том, что этого не произошло, возможно, сказалась и договоренность между РСФСР и Грузией о правилах взаимного въезда и выезда их граждан, ограничивавшего передвижение лиц, находившихся под следствием[1]. Тем не менее существуют две версии спасения О.М. из батумской тюрьмы, а точнее – из карантина.[2]

Первая – «голубороговская». В воспоминаниях Нины Табидзе «Память» этот эпизод выглядит так:

> *В первый год после нашей свадьбы мы поехали на лето в Батум. Соблазнил нас Нико Мицишвили, который там одно время работал в газете. Он и Тициану предложил с ним работать. Он же организовал в Батуме вечер Тициана, который прошел очень тепло и интересно.* ‹...›
>
> *Раз, выходя с пляжа, я увидела Тициана,*

1 Слово (Тифлис). 1920. 15 авг. Между прочим, это не помешало С.М. Кирову, бывшему тогда полномочным представителем РСФСР в Грузии, направить меньшевистскому правительству протест против продолжающихся арестов и высылки российских граждан из Батума в Крым. На этот протест чрезвычайный комиссар Батума и Батумской области В.С. Чхиквишвили ответил, что в начале августа, действительно, были арестованы около 30 человек, «представляющих собой неблагонадежный элемент и содержащихся не в тюрьме, а в карантине в Махинджаури» (Слово. 1920. 25 авг.). Кстати сказать, советским представителем в Батуме в конце августа 1920 г. был назначен Л.Н. Старк, а консулом Зверев (Слово. 1920. 27 авг.).

2 В городе была зафиксирована вспышка чумы; городскую комиссию по борьбе с ней возглавлял профессор Широкогоров.

идущего с какими-то молодыми людьми. Я окликнула его, они остановились. Тициан объяснил мне, что в батумском карантине оказался приехавший из Крыма поэт Осип Мандельштам и надо как-то вызволить его оттуда.

Место, где люди находились в карантине по случаю возможной эпидемии чумы, было обнесено проволокой, туда никого не пускали. Тициана пропустили, а я ждала его на улице. Он вышел оттуда очень взволнованный. Оказывается, когда ему показали на Мандельштама, он сперва не поверил, что этот поэт, этот эстет, сидит на камне, обросший, грязный. Тициан некоторое время не верил, что это и есть Мандельштам, и даже стал задавать вопросы, на которые он один мог бы ответить. Например: «Какое ваше стихотворение было напечатано в таком-то году, в таком-то журнале». Тот назвал и даже прочитал свои стихи наизусть. Потом читал еще другие стихи. Тициан понял, что перед ним действительно Мандельштам…

Мы уезжали из Батума, и Мандельштам поехал с нами в Тифлис…[1]

Более подробно описывает ту же историю Николоз Мицишвили:

В 1919 году[2] *летом в Батум приехал из Крыма известный русский поэт Осип Мандельштам. Приехал он на маленьком пароходе в числе десяти каких-то сомнительных пассажиров. Все они были арестованы береговой охраной.*

В те времена я и поэт Тициан Табидзе жили в

1 Табидзе Н. Память (глава из книги) / Дом под чинарами. Тбилиси, 1976. С. 41–42.
2 Надо: 1920.

Батуме. Как-то раз на улице настигает нас какой-то старичок-еврей, останавливает и говорит, что он стар‹ей›шина местной еврейской общины, и справляется – известен ли нам поэт Мандельштам. Мы ответили, что – да, известен.

– Если так, – сказал старик, – поэты должны помочь поэту: Мандельштам арестован и сидит в Особом отряде.

Мы пошли в Особый отряд. Нам сказали, что среди арестованных на самом деле есть какой-то Мандельштам, но невозможно, чтоб этот был наш знакомый: такой уж непоэтичный на вид.

Самого Мандельштама нам не показали, однако, усомнившись в правильности подхода к поэзии со стороны Особого отряда, мы отправились к генерал-губернатору Батумской области Бения Чхиквишвили.

– Посмотрим, кто это за человек, – ответил он и тотчас же распорядился по телефону доставить Мандельштама к нему.

Доставили.

Входит низкого роста, сухопарый еврей – лысый и без зубов, в грязной, измятой одежде и дырявых шлепанцах. Вид подлинно библейский.

Чхиквишвили взглянул на него и обратился к нам по-грузински:

– Я думал, в самом деле кто-нибудь, а это какое-то страшило, черт возьми. На него дунуть – улетит. Нашли тоже опасного человека.

Затем усадил его, дипломатически выяснил, что он действительно поэт Мандельштам, и вежливо извинился.

Мандельштам, как воробей, присел на край стула и начал рассказывать:

– От красных бежал в Крым. В Крыму меня

арестовали белые, будто я большевик. Из Крыма пустился в Грузию, а здесь меня приняли за белого. Какой же я белый? Что мне делать? Теперь я сам не понимаю, кто я – белый, красный или какого еще цвета. А я вовсе никакого цвета. Я – поэт, пишу стихи и больше всяких цветов теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс…

Затем коснулся Крыма.[1]

Письмо Я.З. Черняка[2], редактора мицишвилиевской книги, к автору сохранило для нас реакцию О.М. на эти прижизненные мемуары о событиях десятилетней давности:

Забыл упомянуть, что на днях говорил случайно с поэтом Мандельштамом, который рвет и мечет по поводу строк, посвященных ему в В‹ашей› книге. Особенно волновался Мандельштам из-за ваших «цветовых» характеристик («…а я не белый и не красный…») – и требовал, чтобы я их устранил из рукописи. Я ему, разумеется, указал, что редактор не вправе вносить такого рода изменения, что редактор обязан вмешаться лишь в тех случаях, когда мемуарист искажает исторически бесспорные даты и т. д. Моим резонам Мандельштам, к сожалению, не внял – так что ждите от него грозного послания, смертоносное действие которого может быть ослаблено разве только тысячекилометровым расстоянием, отделяющим Вас от пылкого и по-африкански темпераментного поэта.[3]

1 Цит. по: Мицишвили Н. Пережитое. Тбилиси, 1963. С. 164–165.

2 Черняк Яков Захарович (1898–1955) – поэт и издательский работник, исследователь жизни и творчества Н.П. Огарева. В 1922–1929 гг. – ответственный секретарь редакции журнала «Печать и революция», в 1929–1931 гг. Я.З. Черняк работал редактором отдела русской литературы в издательстве «Земля и фабрика».

3 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 7122. Л. 209-209 об.

Примерно в том же духе, что и грузинские поэты, описывает в своих мемуарах вызволение О.М. и Илья Эренбург.

Его, однако, считала необходимым поправить Н.М. Со слов мужа она рассказывала, что грузинские поэты, действительно, пришли в портовый карантин, где содержался Осип Эмильевич с братом Александром. Они предложили поручиться за О.М. и моментально освободить его, но за его брата поручаться не стали. На таких условиях О.М., разумеется, принять личную свободу не мог. Помог О.М., как он это сам описывает в очерках «Возвращение» и «Меньшевики в Грузии», солдат-конвоир Чагуа, сочувствовавший большевикам, хотя не исключено, что грузинские поэты, уезжая, предупредили об О.М. чрезвычайного комиссара Батума и области В.С. Чхиквишвили, вмешательство которого окончательно решило вопрос о свободе братьев Мандельштам.

3

Пребывание О.М. в Грузии в 1920 году было недолгим, но всё же оставило след в литературной жизни Батума и Тифлиса. Газета «Эхо Батума» сообщила о вечере поэта 19 сентября в батумском «Обществе деятелей искусства» (ОДИ), а «Батумская жизнь» 18 сентября поместила отчет об этом вечере В. Зданевича[1].

Даже берлинский журнал сообщал в январе 1921 году о том, что О.М. «*жил в 1920 г. в Крыму и Коктебеле близ Феодосии. В настоящее время находится в Закавказье. Устраивал вместе с И. Эренбургом в Батуме и в Тифлисе вечера поэтов, на которых читал свои стихи*»[2]. Примерно в то же время в издававшемся на грузинском языке журнале «Гантиади» появилась заметка о том, что Н. Мицишвили

1 Вступительное слово произнес И. Зданевич (Тименчик, 2008. С. 511).
2 Русская книга. 1921. № 1. С. 25.

организует в Париже грузинское издательство, к работе в котором он намерен привлечь и русских писателей –О.М., Эренбурга, Городецкого[1].

Прибыв в Тифлис и повстречав там вскоре И. Эренбурга, О.М. ненадолго окунулся в гущу довольно-таки бурной – «столичной» – художественной жизни. Пестрота здесь нашла на пестроту: разнообразие эстетическое, политическое, национальное. Из русских писателей необходимо отметить старого знакомца О.М. – Сергея Городецкого, приехавшего в Тифлис еще в 1917 году. Он редактировал журнал «ARS» (издавался на средства Анны Антоновской, средств хватило на четыре номера) с обширной интернациональной программой, организовал при журнале «артистериум» и вел в нем самые различные курсы, устраивал выставки и т. д. Он же вел и русский сатирический журнал «Нарт», печатал свои стихи и фельетоны в газете «Кавказское слово» и выпустил поэтический сборник «Ангел Армении». Он же создал, по образцу петербургского, тифлисский Цех поэтов, из участников которого упомянем Олега Дегена, Нину Пояркову, Анну Антоновскую, Алексея Крученыха, Татьяну Вечорку (Толстую), Нину Лазареву и Сергея Рафаловича[2].

Сергей Рафалович – с помощью бакинского издательства «Книжный посредник» – в 1919–1920 годах редактировал журнал «Орион» (совместно с С. Городецким) и газету «Понедельник».

Однако уже в этот приезд О.М. в центре его внимания и общения оказались в первую очередь грузинские поэты – Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили и другие. 26 сентября в Консерватории состоялся единственный, как было заявлено в газетных объявлениях, вечер О.М. и Ильи Эренбурга. Вечер открыл Григол Робакидзе, произнесший слово о новой русской поэзии. Затем Эренбург сделал доклад «Искусство и новая эра», после чего

1 Сообщено М.Н. Мицишвили.

2 Подробнее см.: Городецкий С. Искусство и литература в Закавказье в 1917–1920 гг. // Книга и революция. 1920. № 2. С. 12–13.

оба поэта читали свои старые и новые стихи, а под самый конец стихи обоих читал актер Н.Н. Ходотов[1].

Те две–три недели, что О.М. в сентябре–октябре 1920 года провел в Тифлисе, отогрели его[2]. Поддержку нашел О.М. и со стороны Полномочного представительства РСФСР в Грузинской Демократической Республике, размещавшегося в то время сразу по трем адресам – на Ртищевской улице, 4, на Вельяминовской, 12, и в гостинице «Северные номера» на Николаевском спуске[3]. Здесь ему выдали российский паспорт и даже формально приняли на работу, после чего всей мандельштамовско-эренбурговской пятерке выправили визу и отправили их в качестве дипкурьеров в Москву. Именно нота, испрашивающая пропуска, датирует отъезд О.М. с братом и Эренбурга с женой и Я.И. Соммер из Тифлиса в Россию самым началом октября 1920 года.

Заметим, что все это время – и в Крыму, и в Грузии – у Ядвиги Соммер был на руках примечательный документ – удостоверение о работе инструктором Театрального отдела Киевского народного отдела образования, на котором стояли красноречивые подписи обоих ее спутников – Эренбурга и Мандельштама[4]. Если бы он вдруг всплыл – всем троим сильно не поздоровилось бы.

Документы

‹1›
Нота Полномочного Представителя Р.С.Ф.С.Р. в Грузии в Министерство иностранных дел Грузинской Демократической Республики № 2062 от 29 сентября 1920 года о выдаче пропусков на проезд из Тифлиса в Москву О.Э. Мандельштаму и другим лицам

1 24 сентября 1920 г. объявления о вечере появились в тифлисских газетах «Грузия» и «Слово».

2 Об этом подробно и сочно поведал в своих мемуарах, а также в письме к М.М. Шкапской в конце 1920 г. и Эренбург (Эренбург И.Г. Дай оглянуться. Письма 1908–1930. М., 2004. № 73).

3 АВП РФ. Ф. 209. Оп. 1. Портфель 2. Папка 1. Л. 18.

4 Соммер Я. Записки / Публ,, предисл. и примеч. Б.Я. Фрезинского //Минувшее: Исторический альманах. [№] 17. М.-СПб.,1994.С.147-148. Благодарю Л. Кациса, обратившего специальное внимание на эту деталь.

В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГРУЗИНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

29 сентября ‹192›0
№ 2062

По поручению врид Полномочного Представителя Р.С.Ф.С.Р. в Грузии прошу вас не отказать выдать пропуска на выезд из Тифлиса во ВЛАДИКАВКАЗ гр.:

1. И.Г. ЭРЕНБУРГУ;
2. Л.М. КОЗИНЦЕВОЙ–ЭРЕНБУРГ;
3. А.Э.МАНДЕЛЬШТАМУ;
4. О.Э. МАНДЕЛЬШТАМУ;
5. Я.И. СОММЕР,

командированным Полномочным Представительством Р.С.Ф.С.Р. в Грузии в Москву.

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАНЦЕЛЯРИЕЙ Полномочного Представителя
Р.С.Ф.С.Р. в Грузии

***АВП РФ. Ф. 209. Оп. 1. Портфель 2. Папка 1. Л. 104*. Незаверенная копия. Другая копия этого документа, заверенная делопроизводителем МИД Грузии, с пометами: «В‹есьма› срочно» и «30/IX. № 8107» (очевидно, дата и номер визы) сохранилась в архиве МИД Грузии (сообщено Ш. Уриевичем).**

Стоят слева направо: Н. Ходотов, А. Мандельштам, И. Эренбург. Сидят слева направо: П. Яшвили, Я. Соммер, Л. Эренбург. Тифлис, 1920 (собр. Б. Фрезинского)

Объединенное Государственное политическое Управление СССР (1934): Сталинская премия за 1934 год

1
Подготовка ареста и арест

И всю ночь напролет жду гостей дорогих…
О. Мандельштам

За О.М. пришли в ночь с 16 на 17 мая 1934 года. Около часа ночи раздался отчетливый, характерный стук: электрического звонка у Мандельштамов-новоселов не было.

На пороге стояли пятеро непрошеных «гостей дорогих» –

трое гэпэушников и двое понятых. Всю ночь – до семи утра – продолжался обыск.

Ордер на арест-обыск О.М. был выписан 16 мая 1934 года – ровно через неделю после того, как умер номинальный председатель ОГПУ Менжинский. На первое место в чекистской иерархии уверенно шагнул Генрих Ягода, и даже померещилось, что именно его, Ягоды, размашистая подпись стояла на ордере: но это не так – не наркомовское это дело[1].

Подписал ордер «на Мандельштама» Яков Агранов – к этому времени уже фактически второе лицо в ОГПУ[2]. Так что Бухарин, заступаясь за О.М., был абсолютно точен, когда первым делом обратился за разъяснениями именно к нему[3]. С самого начала своей работы в ОГПУ «Яня» пас интеллигенцию – следил за ней, вербовал в ее рядах агентов. Посещая салоны и лично вращаясь вместе с красавицей-женой в литературных кругах, он дружил со многими (с Пильняком и Маяковским, например), на деле же «разрабатывал» этих многих, как и всех остальных: пистолет, из которого застрелился Маяковский, по слухам, был именно его, Агранова, подарком[4].

Яков Саулович мог бы «похвастаться» соучастием в подготовке или фабрикации многих процессов, в том числе дела патриарха Тихона, московского процесса эсеров, «Академического дела», «Крестьянской трудовой партии»,

1 Впрочем, известны и исключения: так, Ягода подписывал ордер на арест Сергея Седова, сына Троцкого.

2 Агранов Яков Саулович (Янкель Шмаевич, Шевелевич) (1893–1938). Образование: четырехклассное городское училище, Чечерск, 1907–1911. В 1912–1915 гг. член Партии социалистов-революционеров, с 1915 г. большевик. В 1918–1919 гг. секретарь СНК РСФСР. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г. В 1935 г. получил звание комиссар ГБ 1-го ранга. С 24 мая 1923 г. – зам. начальника, а с 26 октября 1929 г. по 1 сентября 1931 г. начальник Секретного, а затем Секретно-политического отдела ОГПУ СССР, занимавшегося борьбой с антисоветскими элементами и враждебными политическими партиями, а также освещением политических настроений. С 31 июля 1931 г. по 20 февраля 1933 – член Коллегии ОГПУ. С 20 февраля 1933 г. по 10 июля 1934 – зам. председателя ОГПУ, с 10 июля 1934 г. по 15 апреля 1937 – 1-й зам. наркома внутренних дел СССР, с 29 декабря 1936 г. по 15 апреля 1937 одновременно начальник ГУГБ НКВД СССР, с 15 апреля по 17 мая 1937 г. – зам. наркома внутренних дел СССР и одновременно начальник 4 отдела ГУГБ НКВД СССР (на посту 1-го зам. наркома его сменил М.П. Фриновский). Одним из последних его дел стал процесс Г.Е. Зиновьева – Л.Б. Каменева (1936). 17 мая 1937 г. понижен до начальника УНКВД Саратовской обл. Арестован 20 июля 1937 г. 1 августа 1938 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян. Не реабилитирован.

3 См. ниже. Другое дело, что, не зная еще реакции на самом верху, Агранов, по сути, уклонился от ответа.

4 Маяковский, к сожалению, был одним из первых, с кого началась инфильтрация чекистов в писательскую среду – и писателей в чекистскую.

«Ленинградского центра». В 1928 году он провернул дело Воронского, и только вмешательство Орджоникидзе перевело стрелки – вместо Соловков Воронский отделался недолгою ссылкой в Липецк[1]. Вел он и Таганцевское дело, одной из жертв которого пал и Николай Гумилев. Так что кто-кто, а «Яня» уж точно знал, подписывая ордер, что это за птица такая – Мандельштам.

Сам ордер № 512 выписан на имя некоего Герасимова, – ни имени-отчества, ни даже звания Герасимова мы не знаем. Но резонно предположить, что это тот же самый Герасимов, что в конце 1931 года возглавлял 4-е отделение СПО[2]. Ничего не известно и о втором члене арестной бригады – Заблове ском. А вот о третьем – Веприцеве – известно немало: он хорошо засветился во многих писательских делах.

Вот словесные портреты, данные Н.М., по крайней мере, на двух членов арестной бригады:

> *Из двух младших я запомнила одного – молодого, ухмыляющегося, толсторожего. Он перебирал книги, умиляясь старым переплетам, и уговаривал нас поменьше курить. Вместо вредного табака он предлагал леденцы в жестянке, которую вынимал из кармана форменных брюк. ‹…› Старший чин, невысокий, сухопарый, молчаливый блондин, присев на корточки, перебирал в сундучке бумаги. Действовал он медленно, внимательно, досконально.*[3]

«Старшим чином» Надежда Яковлевна называла, скорее всего, Сергея Николаевича Веприн цева – подлинного, а не

1 Любимов Н. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 1. М., 2000. С. 80.

2 Его подпись стоит, в частности, под докладом СПО ОГПУ «Об антисоветской деятельности среди советской интеллигенции за 1931 год» от 10 декабря 1931 г., адресованном ЦК ВКП(б) и руководству ОГПУ (Писатели под колпаком у чекистов // Альманах. Россия. XX век. Документ № 1. Со ссылкой на: АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 287. Л. 27; см. также: http://www.idf.ru/almanah/inside/almanah-doc/58110/58153).

3 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 14.

номинального руководителя бригады. Был он всего на два года моложе О.М., уроженец Москвы. В 1934 году служил оперуполномоченным 4-го отделения СПО ОГПУ[1], осуществлявшего «агентурно-оперативную работу по печати, зрелищам, артистам, литераторам и интеллигенции гуманитарной сферы» [2]. В 1937 он получил звание лейтенанта ГБ, а приказом № 315 от 21 ‹…› 1939 года уволен по ст. 38, п. «в»[3]. Известно, что 28 октября 1937 года Вепринцев арестовывал Бориса Пильняка[4].

Кроме троицы чекистов в обыске принимала участия двоица штатских понятых. Из них в протоколе обыска расписался только один – «представитель домоуправления» Н.И. Ильин, по должности управдом[5]. Не прошло и семи–восьми месяцев с тех пор, как этот первый в Москве писательский кооператив в Нащекинском переулке по-настоящему заселился[6]. Всё это время не утихали скандалы, но до арестов, кажется, еще ни разу не доходило. О.М. и тут, похоже, оказался первым, а Ильин еще не привык к этой обязательной стороне своей беспокойной должности.

Были и двое «невольных понятых», оказавшихся при аресте у О.М., – писатель-сосед Бродский[7] и Анна Ахматова, приехавшая из Ленинграда аккурат 16 мая[8].

1 Начиная с 10 июня 1934 г. – ГУГБ НКВД.

2 Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 49. СПО в целом занимался борьбой с антисоветскими элементами и враждебными политическими партиями, а также освещением политических настроений, его начальником в это время был Г.А. Молчанов, а начальником 4-го отделения М.С. Горб (см. ниже).

3 Более точными сведениями о его вполне типичной карьере в органах мы, к сожалению, не располагаем. Справка, полученная на Вепринцева по запросу Прокуратуры во время первой реабилитации О.М. в 1956 г., дала неудовлетворительный результат: оказалось, что С.Н. Вепринцев, как и Н.Х. Шиваров (см. ниже), из органов безопасности были уволены (соответственно в 1937 и 1939 гг.). Так что, согласно справке, «установить и допросить их в настоящее время не представилось возможным».

4 Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 192–193.

5 Вторым, вероятней всего, был Матэ Залка (1896–1937) – венгерский писатель и советский чекист, пробивной председатель писательского кооператива в Нащокинском, проживавший к тому же в том же подъезде, что и О.М. (см. о нем в этом качестве в кн.: Зенкевич Е. Когда я была девчонкой. М., 1998. С. 168–169).

6 Отдельные перестраховщики, боявшиеся за судьбу своих квартир, заселились самовольно еще летом!

7 «День тянулся мучительно долго. Вечером явился переводчик Бродский и засел так прочно, что его нельзя было сдвинуть с места» (Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 9–10).

8 Ее сына, Льва Гумилева, жившего в это время у Мандельштамов, не было только потому, что он «освободил место» приехавшей матери и ночевал у знакомых. Он пришел поутру. В качестве присутствовавшего при аресте Н.М. называет еще и Е.Э. Мандельштама, младшего брата О.М. (Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 15–16), но это, скорее всего, аберрация памяти: в своих воспоминаниях Е.Э. Мандельштам сообщает, что узнал об аресте от А.А. Ахматовой, когда та вернулась в Ленинград (Мандельштам Е.Э. Воспоминания / Вступит. ст.,

Ахматова записала потом в «Листках из дневника»:

> *Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи… Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной, у Кирсанова, играла гавайская гитара. Следователь при мне нашел «Волка» («За гремучую доблесть грядущих веков…») и показал О.Э. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в семь утра. Было совсем светло.*[1]

Незадолго до этого ретировался и Бродский, которого Н.М. остро подозревала в том, что неспроста он проторчал и соглядатайничал у них весь вечер.

Надежда Яковлевна подхватывала рассказ Анны Андреевны:

> *Каждая просмотренная бумажка из сундука шла либо на стул, где постепенно вырастала куча, предназначенная для выемки, либо бросалась на пол. По характеру отбора бумаг можно всегда сообразить, на чем собираются строить обвинение, поэтому я навязалась чину в консультанты, читала трудный почерк О. М., датировала рукописи и отбивала всё, что можно, например, хранившуюся у нас поэму Пяста*[2] *и черновики сонетов Петрарки. Мы все заметили, что чин интересуется рукописями стихов*

подготовка текста и примеч. А.Г. Меца, публ. Е.П. Зенкевич // Новый мир. 1995. № 10. С. 175).

1 Ахматова, 2005. С. 114.

2 Это были чистовики двух огромных поэм Пяста – «По тропе Тангейзера. Поэма в отрывках» и часть «Поэмы о городах», в одной из которых, по словам Н.М., проклинались «венчанные» и воспевались незаконные жены. Там же были две автобиографии Пяста и другие материалы. Утром 17 мая, еще до того, как пришли из ОГПУ со вторичным обыском, Н.М. вместе с А.А. всё это вынесла из дому в базарных корзинках и передала «великанше-подруге» Пяста, с которой он раз приходил на Нащокинский читать поэмы (Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 26–27). Тут Н.М., скорее всего, ошиблась: архив она передала актрисе Н.С. Омельянович, второй жене Пяста, а имела в виду Клавдию Ивановну Стоянову, его одесскую подругу и впоследствии жену. Именно у ее дочери, Татьяны Фоогд-Стояновой (падчерицы Пяста), проживающей в Амстердаме, впоследствии оказался и сохранился спасенный Н.М. архив (см.: Т. Фоогд-Стоянова. О Владимире Алексеевиче Пясте // Наше наследие. 1989. № 4. С. 102). «Поэма о городах» опубликована Е. Голубовским (Новая Юность. 2003. № 5. С. 75–98).

> *последних лет. Он показал О. М. черновик «Волка» и, нахмурив брови, прочел вполголоса этот стишок от начала до конца, а потом выхватил шуточные стихи про управдома, разбившего в квартире недозволенный орган. «Про что это?» – недоуменно спросил чин, бросая рукопись на стул. «А в самом деле, – сказал О. М., – про что?»*[1]

При аресте забрали (конфисковали или реквизовали) не так уж и много: паспорт (№ 3669920), письма, записи адресов и телефонов, а также стопку бумаги на стуле – 48 листов творческих рукописей на отдельных листах. На обороте протокола обыска есть помета: «*Переписка взята в отдел. С. Вепринцев*» – но имелась в виду, скорее всего, не собственно эпистолярия[2], а все изъятые бумаги в целом (за исключением паспорта).

В архиве Надежды Яковлевны сохранилась бумажка с записанными на ней карандашем номером и датой ордера, а также адресом справочной ОГПУ: «Кузнецкий мост. Дом № 24. Окно 9»[3] – видимо, Вепринцев на прощанье продиктовал[4].

Претензий к обыскивающим О.М. не заявил. Набор личных вещей, которые он взял с собой, был немного странным: восемь воротничков, галстук, три пары(?) запонок, мыльница, ремешок, щетка и семь разных книг. Все это, а также паспорт и 30 рублей денег, он сдал в тот же день под квитанции дежурному приемного покоя во Внутреннем изоляторе ОГПУ на Лубянке, куда его и привез воронок.

Делу его присвоили тогда номер – № 4108[5], после чего была сделана тюремная фотография, сняты отпечатки пальцев и заполнена «Анкета арестованного». Среди стандартных

---

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 15.

2 Хотя интерес к бухаринским записочкам, если они были, наверняка был гарантирован. Об этом интересе, – правда, применительно к 1938 году, – вспоминала Н.М.

3 РГАЛИ. Ф.1893. Оп.3. Д.82.

4 Впрочем, в этом же здание находилась и приемная Политического Красного Креста!

5 Впоследствии к номеру следственного добавился номер соответственного архивного дела, каковое, в свою очередь, со временем тоже перенумеровывалось.

ответов на стандартные установочные вопросы анкеты выделяется один – о состоянии здоровья: «*Здоров: сердце несколько возбуждено и ослаблено*».

Это возбуждение передает и фотография – совершенно исключительная уже по той позе, которую зафиксировал тюремный магний. Мандельштам, наверное, единственный, кто снялся в тюрьме, так по-наполеоновски скрестив руки: сколько же в его взгляде и в этом жесте независимости и свободы – то есть ровно того, что тотчас же после фотосессии начнут усиленно отбивать и отбирать!..

Мандельштамовский следователь готовился к его допросам, немного блефуя, – то есть, не имея на руках ничего, кроме чьего-то инициирующего доноса[1], а также изъятой у О.М. «переписки» на 48 листах.

Среди прихваченного во время обыска был и автограф «Волка», на который О.М. обреченно кивнул еще при обыске, но про это стихотворение в протоколах допросов – ни единого упоминания. Бегло ознакомившись с ночным уловом, следователь, по-видимому, не нашел на 48 листах ничего из того, что искал. И – направил своего оперативника снова на квартиру, посмотреть еще раз, да получше.

К этому времени Н.М. и А.А. даже разработали небольшую «матрицу преступления и наказания»: за пощечину А. Толстому – ссылка, за «Волчий цикл» – лагерь, за стихи о Сталине – расстрел! То, что делавший выемку чин остановился на «Волке» и кивнул, говорило в пользу второй версии, но то, что он вернулся и продолжил поиски, – в пользу третьей!

Что ж – серьезней некуда, но этого и следовало ожидать: О.М. прочел роковые стихи уж очень многим, наверное, паре дюжин людей. И всё теперь зависело от того, кто же именно из них настучал.

1 Самого доноса в деле нет.

2
Следствие с Христофорычем: допросы и постановление

Твоим узким плечам под бичами краснеть…
О. Мандельштам

Впрочем, толковому следователю для того, чтобы состряпать дело, вовсе и не нужны были оперативные данные на подследственного: вполне достаточно было его самого, а на худой конец –не нужно было вообще ничего.

А следователь О.М. достался как раз «толковый» – молодой (О.М. был на семь лет старше его), но уже с десятилетим стажем в органах: Николай Христофорович Шиваров[1].

В 1934 году он, как и Вепринцев, был оперуполномоченным 4-го отделения СПО ОГПУ и специализировался в том числе и даже прежде всего на писателях[2]. Именно он – еще в 1920-е годы – вел досье на Максима Горького (и был на связи с П.П. Крючковым, его секретарем). О.М. был у него «не первый» и «не последний»: в 1931 году он вел первое дело Ивана Приблудного[3], в 1932 – контролировал А. Довженко[4], а в 1933 – разрабатывал Андрея

1 Шиваров Н.Х. (1898–1940). С 1924 г. в центральном аппарате ОГПУ: сначала оперуполномоченным 4-го отдела, а затем – пом. начальника 6 отделения СПО ГУГБ НКВД СССР. С декабря 1936 г. – пом. начальника 4-го отделения УГБ УНКВД по Свердловской обл. Арестован 27 декабря 1937 г. как «перебежчик-шпион». 4 июня 1938 г. приговорен ОСО НКВД к пяти годам ИТЛ. Определением Военного трибунала Московского военного округа от 27 июня 1957 г. приговор отменен за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

2 Весьма возможно, что, наряду с Аграновым, он был постоянным посетителем салона Осипа и Лили Бриков.

3 Яков Петрович Овчаренко (Иван Приблудный) (1905–1937), первый раз был арестован 17 мая 1931 г. и 23 августа того же года осужден к трехлетней высылке в Астрахань – фактически за то, что, будучи завербован ОГПУ, манкировал своими «обязанностями» секретного осведомителя и отказывался «освещать» писателей, с которыми был близко знаком, неоднократно нарушал конспирацию. 31 марта 1937 г. он был арестован во второй раз и 13 августа того же года – в порядке закона от 1 декабря 1934 г. – судим в закрытом заседании ВК ВС СССР. Осужден к расстрелу с конфискацией личного имущества, приговор приведен в исполнение в тот же день (Растерзанные тени, 1995. С. 231, 236, 237, 243, 256–257).

4 Именно он в 1932 г. дал свое чекистское «добро» на выпуск звуковой картины А. Довженко «Иван» (Безручко О. Нові документи з архіву СБУ: штрихи до портрета Олександра Довженка // Архиві Украині. 2005. № 1–3. С. 43).

Платонова[1] и, осенью, Н. Эрдмана[2]. В феврале–марте 1934 года он вел дело Н. Клюева[3]. И после ареста О.М. не покидал своего поприща: в 1935 году – вел дело П. Васильева, в октябре 1936 – Б. Пильняка[4], а также групповое дело В. Нарбута, И. Поступальского (хорошего знакомого О.М.), П. Шлеймана (Карабана), Б. Навроцкого и П. Зенкевича[5].

Отвлечемся немного на собеседника О.М.

Был Николай Шиваров болгарским коммунистом-подпольщиком, от преследований бежавшим в СССР. Красавец чуть ли не двухметрового роста, невероятно сильный физически: орехи пальцами щелкал. По прежней профессии – журналист, творческий человек, в душе театрал, а по призванию, даром что из литературного отделения, чекист: в близком кругу (а дружил он, например, с Фадеевым и Павленко[6]), впрочем, любил посетовать, что службой в

1 Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 282.

2 Шенталинский В. Донос на Сократа. М., 2001. С. 432–433. Н.Эрдман (вместе с Э.Германом и В.Массом) был арестован 11 октября 1933 г. в Гаграх за сочинение и распространение «контрреволюционных басен-сатир». По слухам, причиной ареста стало чтение В.И.Качаловым нескольких таких басен и стихотворения «Колыбельная» на одном из приемов в Кремле (см., например: Чидсон Н. Радость горьких лет // Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С.336-337). Уже через пять дней постановлениям ОСО при коллегии ОГПУ от 16 октября 1933 г., Н.Эрдмана приговорили к высылке на 3 года в г. Енисейск Восточно-Сибирского края (см. в письме Я.Агранова Сталину от 25.10.1933 в: Писатели под колпаком у чекистов // Альманах. Россия.XX век. Документ № 2. Со ссылкой на: ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.9. Д.518. Л.1-25. См.: http://www.idf.ru/almanah/inside/almanah-doc/58110/58155). Возможно, что именно Шиваров (или Я.Агранов?) подразумевается А.И.Степановой как ответственный работник ОГПУ, чей телефон она получила от жен наркомов В.Молотова и А.Бубнова и у которого она наводила справки об Эрдмане и хлопотала о смягчении его участи (см. в ее письмах Эрдману от 23.11.1933 и 3.9.1934 в: Письма. Николай Эрдман. Ангелина Степанова. М.: Иван-Пресс, 1995. С.54 и 217-218).

3 Кстати, не назвавшего ему имя О.М. среди тех, кому он читал свою «Погорельщину».

4 И в этом случае напарником по аресту был Вепринцев (см. выше).

5 Все пятеро были осуждены постановлением Особого совещания НКВД СССР от 23 июня 1937 г. за КРД на пять лет лишения свободы.

6 Павленко Петр Андреевич (1899–1951) – писатель-функционер, единственный сын железнодорожника и сербки-учительницы, умершей в Тифлисе, когда сыну было всего два года. До школы жил у бабушки в белорусском г. Велиж, учился в Реальном училище в Тифлисе, которое закончил в 1916 или 1917 г. Образование продолжил на сельскохозяйственном отделении Бакинского политехникума (в 1917–1920 гг., где он и сблизился с большевиками; учился Павленко здесь еще и в 1922 г., но так и не закончил вуз), а также в партшколе Наркомата военных дел в 1920 г. Этим же годом датируется вступление Павленко – юного политработника Красной Армии – в ВКП(б), что позднее оспаривалось на партчистках. Свою трудовую деятельность Павленко начал в апреле–июне 1920 г. и сразу же на идеологическом фронте – в качестве агитатора и комиссара политотдела 11-й армии, захватившей и дислоцировавшейся в Баку. Во 2-м полугодии 1920 г. он комиссар (военком) Куринской речной флотилии (базировалась в Салсянах на Куре), а в 1921 – комиссар 1-го пограничного отряда особого назначения при Особом отделе Красной Армии (именно тогда Павленко дебютировал в печати со статьей «Достойно примера», опубликованной в газете «Красный воин»). В 1921–1922 гг. Павленко секретарь комиссий по партчистке в Красной Армии и других парторганизациях Грузии (напомним, что в 1921 г. в Тифлисе долгое время жил и О.М.). С декабря 1922 и по декабрь 1924 гг. Павленко, – «проваренный в чистках, как соль», – уже на сугубо партийной работе постоянного секретаря и зав. отделом печати Закавказского краевого комитета ВКП(б); в мае 1924 г. он даже избирается делегатом XIII съезда ВКП(б). Хорошо, видимо, зарекомендовав себя на номенклатурных должностях, Павленко отправляется на несколько лет

ОГПУ тяготится, но – раз партия велела…

Однажды в 1933 году «Саша Фадеев» привел «Николая» к Катанянам, где болгарин Шиваров даже на колени упал перед хозяйкой от восторга при виды толмы – блюда, общего для болгар и армян. Трогательная живая реакция, не правда ли?

Хорошо задокументированы и дружеские отношения Шиварова с Луговскими и Слонимскими: с первыми его познакомил Фадеев, со вторыми – Павленко[1]. Его имя возникает в письмах Сусанны Черновой к Луговскому за 1935 год: «*Адрес Николая Христофоровича – Арбат, 49, кв. 2*»[2]. Литературовед Н.А. Громова пишет:

> *Он присутствует в списке Сусанны в ряду тех, кому надо привезти подарок из Парижа. Она также настоятельно требует, чтобы Луговской поблагодарил его за то, что тот устроил его после заграничной поездки в Дом отдыха НКВД.*[3]

Возможно, что дела Пильняка и Нарбута с подельниками

за границу: в 1924–1927 гг. он сотрудник (официально – секретарь Закавказского представительства) советского торгпредства в Стамбуле, совершавший длительные командировки в Грецию, Италию и Францию (очерки из турецкой жизни публиковались в тифлисской «Заре Востока» и одесских «Известиях» под псевдонимами «Суфи» или «Сафи»). Из-за границы Павленко возвращается уже в Москву, где сближается с группой «Перевал» и планирует в журналистику и литературу: с ноября 1927 по сентябрь 1929 г. он спецкор «Известий» (в 1928 г. он и Б. Пильняк выпустили совместный сборник рассказов «Лорд Байрон»), а затем еще по два года – заведующий отделом прозы в журнале «Красная Новь» и редактор журнала «30 дней». В 1930 г., вместе с Н.С. Тихоновым, Вс. Ивановым, Л.М. Леоновым, В.А. Луговским и Г.А. Санниковым, совершает путешествие в Туркмению. В 1933 г. Павленко ушел «на вольные хлеба» и стал жить литературным заработком, чему очень поспешествовало его участие в Оргкомитете СП СССР и избрание в августе 1934 г. членом Президиума СП СССР. В 1930-е гг. редактировал альманахи «Колхозник», «Год XVI», «Год XVII» и «Дружба народов», публиковал многочисленные очерки и рассказы, а также напечатал роман «На Востоке» (1936–1937), за который получил в 1939 г. орден Ленина («за выдающиеся заслуги в области литературы»). В 1940 г. за участие в войне против белофиннов и ее освещение в печати ему вручили и орден Красной Звезды. Впоследствии он был увенчан четырьмя(!) Сталинскими премиями (в 1941 г. – за совместный с С.М. Эйзенштейном сценарий кинофильма «Александр Невский», в 1947 г. – за сценарий кинофильма «Клятва», в 1948 г. – за роман «Счастье» и в 1950 г. – за сценарий кинофильма «Падение Берлина»). В 1945 г. больной туберкулезом Павленко переезжает в Ялту, в собственный дом, подаренный ему Союзом писателей. В Крыму он возглавлял Крымское отделение СП СССР, издавал альманах «Крым» и избирался депутатом Верховного совета СССР.

1 В частности, в письмах П. Павленко к М. Слонимскому (январь–март 1936 г.), говорится даже об индивидуальных особенностях протекания у верзилы Шиварова скарлатины, эпидемия которой неожиданно случилась в ту пору в Москве (Фрезинский Б. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 235).

2 Громова Н.А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы из литературного быта 20-х – 30-х гг. М., 2006. С. 352.

3 Там же. Далее исследовательница пишет: «Непонятно, знал ли Луговской, чем на самом деле занимается Николай Христофорович».

стали его последними на Лубянке, поскольку в декабре 1936 года Шиварова перевели в Свердловск. Знакомым он говорил, что едет по журналистсткой части, а на самом деле – помощником начальника 4 отдела Управления госбезопасности УНКВД по Свердловской области. Арестовали его через год – 27 декабря 1937 года, причем как «перебежчика-шпиона». 4 июня 1938 года Особое совещание НКВД приговорило его, как спустя два месяца и О.М., к пяти годам ИТЛ. Отбывал он их в лагере около Вандыша, деревни в Коношском районе Архангельской области. И хотя жилось ему там, судя по всему, сравнительно неплохо, жизнь свою он кончил самоубийством.

Вот еще одна трогательная, за душу берущая сцена с участием «Николая» и приготовительницы толмы – Галины Дмитриевны Катанян (в ее изложении):

> *Однажды утром, когда я еще лежу в постели, он входит ко мне в комнату, в пальто и шапке. Визит его для меня полная неожиданность, т. к. незадолго до этого он был переведен на работу в Свердловск, в газету.*
>
> *– Христофорыч, откуда вы?*
>
> *– С вокзала, – говорит он. – Еще не был дома. Старушка, вставайте, одевайтесь, вы нужны мне.*
>
> *– Что случилось, Николай?*
>
> *Он вертит шапку в руках.*
>
> *– Одна добрая душа сообщила мне, что видела ордер на мой арест. Пусть это сделают здесь, чтоб Люси не нужно было таскаться в Свердловск с передачами, – мрачно говорит он.*
>
> *Я всплескиваю руками:*
>
> *– Но почему же вы не скроетесь? – спрашиваю я шепотом. – Почему вы не бежите куда-нибудь?*

– Бежать… – говорит он вяло. – А что будет с Люси? Да и не виноват я ни в чем, чего мне бегать…

В его квартире на Арбате тихо. Люси на работе. Сынишка, светлоглазый Владка, неслышно возится с игрушками в углу.

Сурово глядя на меня, Николай говорит:

– Галя, подберитесь, держите себя в руках. Мне не на кого надеяться, кроме вас. Вы должны быть около Люси, когда это случится. Вы должны позаботиться о Владке, если ее тоже заберут. Обещайте, что возьмете его себе, не отдадите в детский дом. Пусть Саша поможет Вам в этом. Пусть Саша позаботится о Владке, если и с Вами случится беда. Скажите ему, что я надеюсь на его дружбу.

Заливаюсь слезами:

– Коля, милый, что же происходит?

Он долго молчит, глядя в пол.

– Если бы я только мог понять, что происходит, – говорит он с тоской.

Через четыре дня его арестовали.[1]

Заурядная, казалось бы, история. Только произошла она с тем, кто произносить *Если бы я только мог понять, что происходит,* был решительно не вправе.

Характерная деталька – служба в свердловской газете: он привирал даже в этой ситуации!

Опустим историю про то, как жестоко и подло на весть об аресте Шиварова среагировал «Саша» – это релятивирует слезы, пролитые Фадеевым по О.М., до консистенции крокодиловых.

Но дорасскажем историю самого Христофорыча.

1 Катанян Г. Главы из книги «Иных уж нет, а те далече…» / Публ. В. Катаняна // «Сохрани мою речь…». Вып. 3/2. М.: РРГУ, 2000. С. 226–227.

Весной 1940 года стали приходить его письма, передаваемые с оказиями, через вольнонаемных лагеря (в основном, женщин). Об этом вспоминал покойный В.В. Катанян, а журналист Э. Поляновский, не называя по его просьбе его имени, цитировал или пересказывал его детские воспоминания:

Фадеев и Павленко дружили с моим отцом. Павленко и привел к нам в дом Николая Христофоровича. Как оказалось, он родился и вырос в Болгарии. Коммунист. После какой-то там заварушки бежал чуть ли не из тюрьмы к нам, оставил там жену и ребенка. Здесь снова женился, жена – глазной врач. Это была одна компания – Фадеев, Павленко, Шиваров, они приятельствовали. Кем он работал – ни отец мой, ни мать не знали. Вроде бы на какой-то ответственной партийной работе. Я был мальчиком, но помню Николая Христофоровича очень хорошо. Среднего роста. Круглолицый брюнет. У него был вид аристократа. Он часто приносил мне в подарок очень редкие книги. Был компанейский, обаятельный, пользовался успехом у женщин. Московский сын очень любил его. А жили Шиваровы, как и мы, – на Арбате, рядом.

Николай Христофорович уже был осужден, уже отбывал наказание... однажды в дом к нам постучались... Вошла женщина, как потом выяснилось, вольнонаемная из лагеря. Она вручила матери письмо от Шиварова. На конверте было написано: «Второй переулок налево, второй дом от угла, войти во двор, направо в углу подъезд, 6 этаж, налево в углу дверь». Здесь же, на конверте, нарисован план. Найти легко, если знать одно – речь об Арбате. Это, видимо,

женщина должна была держать в уме.

Письмо Шиварова сохранилось.

Помните, о чем просил его бывший подследственный, несчастный, беспомощный Мандельштам в своей единственной весточке, которую удалось передать родным? «Здоровье очень слабое. Истощен до крайности, исхудал, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги – не знаю, есть ли смысл. Попробуй все-таки. Очень мерзну без вещей».

О чем же просит теперь Николай Христофорович?

«Купите для меня сотню хороших папирос, немного сладкого – ох, шоколаду бы, а? – пару носков любого качества, любого же качества (но не любой расцветки, предпочтительно голубой или серой), сорочку № 42/43, два–три десятка лезвий (это в зону-то! – Авт.) для безоп‹асной› бритвы, мыльного порошку, 1–2 к‹уска› туалетного мыла и наконец – книги».

Да это же письмо аристократа из санатория! И денег у Шиварова в лагере оказалось предостаточно, и связь с волей налажена отменно. Даже секреты от жены – санаторно-курортные.

«При этом спроси у Люси, нет ли у нее что-нибудь из этих вещей, заготовленных для меня, однако, во-первых, – не упоминая ничего о сорочке, шоколаде и папиросах, и, во-вторых, – предупредив ее, что посылку вообще не возьмут, и внушив ей, что почта не намерена возобновлять прием посылок в наши края. Мне же известно, что с 15.III. прием посылок должен быть возобновлен; тебе это сообщаю, потому что буде предъявительница откажется взять всё, я сообщу

тебе адрес, по которому ты мог бы послать то, что можно отложить. ‹…› Нельзя откладывать ‹…› прежде всего ответ Люси и у нее же полученный люминал – как можно больше».

Далее, судя по всему, опытный Шиваров вынашивает какие-то замыслы относительно следственных органов, дает жене инструкции: «Люси скажи, что она должна ответить на все мои вопросы и так, как я просил ее, и если она не доверяет, пусть прошьет или тщательно заклеит письмо. Но пусть при этом не забудет о люминале, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

Вторично напоминает о люминале, видимо, зло чрезвычайно мучает, душит его.

«Предъявительница вручит тебе 30 или 50 р. В записке на ‹имя› Люси я прошу ее вручить тебе еще 50 р., но ты не ограничивай объем закупки этой суммой, а возьми всё что можно и получше. Предъявительница будет вполне удовлетворена и даже рада будет выполнить твое поручение, если ты ей обещаешь и достанешь «Фиесту» Хемингуэя (мне бы очень хотелось, кстати, «Зр‹елые› годы Г‹енриха› IV», одну-две франц‹узских› книжек, предпочтительно стариков и недавно вышедшее пособие ‹по› изуч‹ению› фр‹анцузского› языка для средней школы).

На этом кончаются мои просьбы.

Вандыш. 22.3.40».[1]

А в июне 1940 года Галина Катанян получает с оказией от него письмо, можно сказать, с того света («*Маленький листочек, мелкий, изящный почерк Николая*»). Вот его текст:

1 Поляновский Э. Поэты и палачи: 2. Памяти самоубийц // Известия. 1993. 21 сент. С. 5.

Галюша, мой последний день на исходе. И я думаю о тех, кого помянул бы в своей последней молитве, если бы у меня был хоть какой-нибудь божишко.

Я думаю и о Вас – забывающей, почти забывшей меня.

И, как всегда, я обращаюсь к Вам с просьбой. И даже с несколькими.

Во-первых, приложенное письмо передать Люси.

Во-вторых, возможно, что через 3–4 недели Вам напишут, будут интересоваться моей судьбой. Расскажите или напишите – что, мол, известно очень немногое: учинил кражу со взломом, достал яд, и только. Остального-то и я не знаю. Кражу со взломом пришлось учинить, чтоб не подводить врача, выписавшую люминал (Бочкову), которым первоначально намеревался воспользоваться.

Хотя бы был гнусный, осенний какой-нибудь день, а то белая ночь. Из-за одной такой ночи стоило бы жить. Но не надо жалких слов и восклицаний, правда. Раз не дают жить, так не будем и существовать.

Если остался кто-либо поминающий меня добрым словом, – прощальный привет.

Нежнейше обнимаю Вас

Николай.

3.VI.40. Вандыш[1]

Тут тоже многое напрашивается на анализ – и «божишко», и названная по имени, – то есть машинально заложенная, – врач Бочкова, выписавшая самоубийце орудие суицида.

1 Катанян Г. Главы из книги «Иных уж нет, а те далече…» / Публ. и вступ. ст. В. Катаняна // «Сохрани мою речь…». Вып. 3/2. М.: РРГУ, 2000. С. 228. Впервые это письмо было процитировано еще в 1993 году (Поляновский Э. Поэты и палачи: 2. Памяти самоубийц // Известия. 1993. 21 сент. С. 5).

Определением Военного трибунала Московского военного округа от 27 июня 1957 года приговор, вынесенный в свое время Шиварову, был отменен за отсутствием состава преступления, а самого его реабилитировали! Шпионом, конечно же, он не был, но разве не был и не остался он навсегда преступником другого рода – непосредственным и беспощадным палачом русской литературы?..

3
«О собеседнике»

…Вернемся к дуэту О.М. и Шиварова в тиши лубянского кабинета.

Известно, что О.М. как бы готовил себя к такого рода ситуациям. Веселые игры в «следователя и подследственного» в 1928 году, что вели друг с другом в ялтинском пансиончике знакомый чекист Аркадий Фурманов и оставшийся неизвестным нэпман[1], были жутковатым, но явно небесполезным для каждого советского человека тренингом: арестовать-то могли каждого и в любой момент!

И уж тем более на каждого собирались и сводились оперативные (агентурные) сведения. В том числе и на О.М., – и с ними, надо полагать, Шиваров тоже был ознакомлен.

Заглянем ему через плечо – благо, недавняя шальная публикация Алексея Береловича вынесла на свет божий одну из таких оперативок. Она датируется 20-ми числами июля 1933 года:

> *На днях возвратился из Крыма О. МАНДЕЛЬШТАМ. Настроение его резко окрасилось в антисоветские тона. Он взвинчен, резок в характеристиках и оценках, явно нетерпим к чужим взглядам. Резко отгородился*

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 20. Фурманов Аркадий Андреевич (1890–1962) – младший брат Д.А. Фурманова.

от соседей, даже окна держит закрытыми, со спущенными занавесками. Его очень угнетают картины голода, виденные в Крыму, а также собственные литературные неудачи: из его книги Гихл собирается изъять даже старые стихи, о его последних работах молчат. Старые его огорчения (побои, травля в связи «с плагиатом») не нашли сочувствия ни в литературных кругах, ни в высоких сферах. МАНДЕЛЬШТАМ собирается вновь писать тов. СТАЛИНУ. Яснее всего его настроение видно из фразы: «Если бы я получил заграничную поездку, я пошел бы на всё, на любой голод, но остался бы там».

Отдельные его высказывания по литературным вопросам были таковы: «Литературы у нас нет, имя литератора стало позорным, писатель стал чиновником, регистратором лжи. “Лит. газета” – это старая проститутка – права в одном: отрицает у нас литературу». В каждом номере вопль, что литература отстает, не перестроилась и проч. Писатели жаждут не успеха, а того, чтобы их Ворошилов вешал на стенку, как художников (теперь вообще понятие лит. успеха – нонсенс, ибо нет общества). Коснувшись вопроса о том, что на художественной выставке «за 15 лет»[1] *висят «дрянные» пейзажи Бухарина, Мандельштам заявляет: «Ну что же, читали мы стихи Луначарского, скоро, наверное, услышим рапсодии Крупской».*

По поводу статьи Горького[2] *МАНДЕЛЬШТАМ сказал: «Горький человек низколобый, с интеллектом низшего типа, но в этих рамках –*

1 Имеется в виду выставка «Художники РСФСР за 15 лет».

2 Речь идет о статье Горького «О кочке и о точке» (Правда. 10 июня 1933).

крупный и иногда может сказать правду. Его статья – это оглушительная оплеуха по литературе и литераторам».

МАНДЕЛЬШТАМ передавал свой разговор с Андреем Белым в Коктебеле.

М.: «Зачем Вы пишете такие статьи, как о Санникове и Гладкове? Ведь Вам приходится работать, как обогатительная фабрика»[1] *.*

Б.: «Ну что делать. Мою книгу о формировании психики человека никто не печатает, денег не платят, а за эту дрянь дают тысячу рублей».[2]

В этом донесении интересно всё, в особенности указание на намерение вновь(!) обратиться с письмом к Сталину, но обращает на себя внимание еще и превосходная осведомленность информатора, явно принадлежащего к близкому кругу мандельштамовских знакомых или даже друзей…

Что касается «картин голода», то О.М. был не всегда неосторожен и иные разговоры о раскулачивании – особенно из уст малознакомых людей – воспринимал как провокацию. Именно так можно интерпретировать рассказ М.Д. Вольпина о знакомстве с О.М. в 30-х годах, после голода, в присутствии Ю. Олеши. Вольпин стал возмущаться всеобщим равнодушием к крестьянскому горю и равнодушием писателей друг к другу, в частности, он призывал ходить на вокзалы и подавать голодающим беженцам милостыню. О.М., явно не желавший развивать эту тему с малознакомым человеком, срезал его так: «Ну, знаете. Вы не замечаете бронзового профиля Истории»[3]

---

1 Имеются в виду статьи Андрея Белого «Поэма о хлопке» (Новый мир. 1932. № 11. С. 229–248) и «Энергия» (Новый мир. 1933. № 4. С. 273–291).

2 [Агентурное сообщение об О. Мандельштаме] / Berelowitch A. Les Écrivans vus par l'OGPU // Revue des Ětudes Slaves. 2001. Vol. 73. No.4: La literature sovietique aujourd'hui. P. 626–627. Со ссылкой на ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 47. Л. 262–267.

3 Осип и Надежда, 2002. С.428-429.

Итак, 18 мая – назавтра после ареста – первый допрос. О.М. познакомился со своим следователем, упорно называвшим его Осипом «Емильевичем».

Соотношение между ходом и содержанием разговора при допросе и тем, что остается в протоколе допроса на бумаге, тоже неоднозначно. Что попадет в протокол и что не попадет, решал только следователь.

Зря напрягались Фурманов-младший с нэпманом: его уроки не пошли Мандельштаму впрок. Отдавая дань «уважения», то бишь страха, организации, в стенах которой он вдруг оказался, О.М. явно решил со следствием сотрудничать. На вопрос об имущественном положении до революции и после, в том числе и о положении его родственников, он, не таясь, признался даже в том, о чем раньше не распространялся – о небольшом отцовском кожевенном заводике перед революцией.

По «существу дела» произошло немногое, зато самое главное: не отпираясь, О.М. признал факт написания «эпиграммы» (тут же переквалифицированной следователем в «антисоветский пасквиль») и записал ее своей рукой (позднее он еще раз продиктовал следователю ее текст). Он сообщил, когда она была написана, и даже (судя по протоколу – не слишком запираясь) перечислил имена тех, кто ее слышал, – жены, среднего брата, брата жены, Эммы Герштейн, Анны Ахматовой и ее сына Льва, Бориса Кузина и того самого Давида Бродского. Других имен он не назвал, и, возможно, отправляя О.М. в камеру, Шиваров потребовал от него хорошенько напрячь свою память и вспомнить назавтра других.

И О.М. это сделал. Назавтра, когда допрос продолжился, О.М. попросил… вычеркнуть из списка Бродского! Почему? Да скорее всего потому, что стихов этих он Бродскому не читал, хотя и был на него зол, полагаючи, как и Н.М., что неспроста он пришел к нему именно накануне ареста. Зато

назвал два новых имени – Владимира Нарбута и Марии Петровых, «мастерицы виноватых взоров».

Почему? Думаю, что он пришел к выводу (или его убедил в этом следователь), что эти двое следствием уже раскрыты. Более того, Шиваров небрежно отозвался о Петровых: «А, театралочка», – что еще более насторожило поэта[1]. Ведь она была единственной, кто запомнил и записал это стихотворение с голоса![2] Не назвать имя «информатора» было бы очень глупо, – а на кого же как не на нее падало такое подозрение?[3]

И не отсюда ли эти строки, посвященные ей:

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.

Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

Неизгладимая нота обоюдоострой вины и горечь упрека так и рвутся из этих стихов[4]!..

1 Герштейн, 1998. С. 55.

2 См. ниже в протоколах допросов О.М. от 25 и 26 мая. Ср. также: «Запись стихов о Сталине уже лежала у них на столе. ‹…› По Надиным словам, у следователя был список того варианта, который был известен только Марии Петровых и записан ею одной» (Герштейн, 1998. С. 54–55).

3 А Екатерина Петровых, сестра Марии, вообще считала, что «безумец Мандельштам стал изо всех сил клеветать на Марусю (о чем он сам сказал жене при свидании, отчего та пришла в ужас) в надежде, что Марусю тоже вышлют в Чердынь и там, в уединении, она оценит и полюбит его» (Осип и Надежда, 2002х, никем не подтвержденные. на С.166). Эта поздняя «версия» и впрямь безумна: она подразумевала не только предвидение Мандельштамом места ссылки – своей и Марии Петровых, но и посвящение в этот блестящий план жены.

4 Ранее мы склонялись к датировке «февраль 1934 г.» (Мандельштам О. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1991. С. 538), сейчас мы склонны согласиться с И.М. Семенко, датировавшей стихотворение предположительно летом 1934 г. Укажем и на ритмическую близость этого стихотворения с циклом «Кама», датируемым апрелем–маем 1935 г.

Но не исключен и такой вариант, снимающий тяжесть подозрения именно с Петровых: никакой эпиграммы на Сталина у следствия не было, кто-то донес о ней в общих чертах, и Шиваров – впервые и не без изумления – услышал ее из уст самого автора. Никакого другого списка этой эпиграммы, кроме авторского и шиваровского, в следственном деле нет. Сама Мария Сергеевна, по словам ее дочери, категорически отрицала то, что ей вменяла в вину Н.М. – самый факт записи этого стихотворения, лишь прочитанного ей вслух[1].

Однако записанный при жизни автора – и, видимо, тайно, с голоса и по памяти – список эпиграммы – всё же существует! Его записал Кузин, и до самого последнего времени об этом мало кто знал[2]. В пользу аутентичности этого текста говорят как его совпадения, так и расхождения с авторской версией, записанной на Лубянке:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи на[3] десять шагов не слышны

А коль[4] хватит на полразговорца,
То[5] припомнят кремлевского горца.

Его пальцы, как [толстые] красные[6] черви, жирны,
А[7] слова, как пудовые гири, верны,

Тараканьи сверкают[8] глазища
И [сверкают] сияют его голенища.

---

1 Осип и Надежда, 2002х, никем не подтвержденные. на . С. 175.
2 РГБ. Ф. 743. Оп. 113. Д. 32.
3 У О.М. в автографе: «за».
4 В автографе «где»; в списке Кузина над словом «коль» проставлен вариант, свидетельствующий о неуверенности в точности памяти: «как».
5 В автографе: «Там».
6 В автографе: «толстые».
7 В автографе: «И».
8 В автографе: «смеются».

А кругом[1] [н]его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей –

Кто визжит[2], кто мяучит, кто хнычет
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подкову дарит за указом указ
Кому в [грудь] бок, кому в пах[3], кому в бровь, кому в глаз

Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

Но вернемся к девяти (уже без Бродского) названным О.М. слушателям рокового стихотворения. Из них позднее будет арестован каждый третий – Владимир Нарбут (26 октября 1936[4]), Борис Кузин (дважды – в 1932 и 1935 гг., после чего просидел еще 16 лет в Шортанды) и Лев Гумилев (он сидел даже трижды – в 1935, 1938-1942 и 1949-1956 гг.[5]). И как минимум одному из них – Льву Гумилеву – мандельштамовские слова даже аукнулись (правда, только в следующую – третью по счету – посадку): именно ему, по словам Ахматовой, показания О.М. чуть ли не предъявляли на допросах, но именно он счел поведение О.М. в целом безукоризненным![6]

1 В автографе: «вокруг».

2 В автографе: «свистит».

3 В автографе: «Кому в пах, кому в лоб».

4 Арестован он был, по-видимому, в ночь с 26 на 27 октября 1936 г., расстрелян 14 апреля 1938 г. в Магаданет (о трудностях с установкой этих дат см. публикацию: Бирюков А. День в истории: Судьба Владимира Нарбута в архивно-следственных документах 1936–38 годов) // Мир Паустовского. 2006. № 24. С.107–108).

5 Разумов Я. Дела и допросы // «Я всем прощение дарую…». Ахматовский сборник. М.–СПб., 2006. С. 280–278. Арестованный 10 марта 1938 г., Л.Н. Гумилев был приговорен 26 июля 1939 г. к пяти годам ИТЛ.

6 «Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания О‹сипа› Э‹мильевича› о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увы, могут сказать это о себе?» (Ахматова, 2005. С. 120). Это оспаривает Э. Герштейн: «Какие благородные показания Мандельштама могли предъявить Леве на следствии в 1949–1950 годах – непонятно. Во всяком случае, Особым Совещанием и Генеральным прокурором СССР они были поняты однозначно: “Факты антисоветской деятельности Гумилева, изложенные в его показаниях, подтверждаются в показаниях Пунина, Борина, Махаева, Мандельштама и Шумовского”. Ясно, что

Существенно, что Мандельштам назвал не всех слушателей. В него между тем определенно входили москвичи Б. Пастернак, Г. Шенгели, В. Шкловский, С. Липкин, Н. Грин, С. Клычков, Н. Харджиев, А. Осмеркин, А. Тышлер и Л. Длигач (О.М. прочел им свою эпиграмму вместе[1]), В. Шкловская-Корди[2] и Н. Манухина-Шенгели[3], а также ленинградцы В. Стенич и Б. Лившиц, упоминавшие об эпиграмме О.М. на собственных допросах. Кроме того, из материалов дела Л.Н.Гумилева 1935 года следует, что Ахматова и он сам читали эти стихи Н.Пунину, Л.Гинзбург, а также Бориной и Аникеевой[4]. Тех, кому О.М. или Н.М. прочли эти стихи уже после его ареста, как, например, М.Л. Винавера, мы не учитываем[5].

Почему же О.М. не назвал всех этих людей, в том числе Длигача, «погрешить» на которого, судя по рассказу Н.М., было бы проще всего?..

Потому, думаю, что сам он в тюрьме даже не сомневался в том, что источник беды – именно Петровых. Но позднее он явно переменил мнение: об этом у него был разговор с Ахматовой в Воронеже.

А когда бы не так – не было бы, конечно, между Петровых и Ахматовой той многолетней и ничем не омраченной дружбы, какая между ними была[6].

Лева не мог назвать поведение Мандельштама на Лубянке безупречным. Только покривив душой, смогла Анна Андреевна так возвысить образ Мандельштама в его положении подследственного арестанта» (Герштейн, 1998. С. 416–417).

1 См.: Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 109.

2 Она даже утверждала, что однажды О.М. устроил чуть ли не публичное чтение «Горца»: «Представь себе, он собрал людей, чтобы читать этого “Горца”. Я говорила: “Что вы делаете?! Зачем? Вы затягиваете петлю у себя на шее”. Но он: “Не могу иначе…”. И было несколько человек, и тут же донесли. ‹…› Вот где, я не помню. Я даже не знала, что он будет читать. У меня такое впечатление, что это было в домоуправлении – в каком-то… общественном месте…» (Осип и Надежда …, 2002х никем не подтвержденные. на . С. 109).

3 5 мая 1963 г., на дне рожденья у Квятковского, Нина Леонтьевна вспоминала (быть может, несколько преувеличивая), что, бывая у них, О.М. не раз «читал эпиграмму на Сталина какому-нибудь новому знакомцу. Уводил его на “черную” лестницу и там читал. Манухина просила: “Ося, не надо!” Но удержать его было невозможно». См. запись об этом в дневнике М.В. Талова: [Талов М.] Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой. Предисл. и комм. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 336–337.

4 Сообщено М.Г.Козыревой.

5 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С.61.

6 Но Н.М. долго еще оставалась при этом подозрении, окончательно «уступив» только «под гарантии» С. Липкина и И. Лиснянской, поднявших эту тему после длительного перерыва в общении с ней и в присутствии пишущего эти строки (Липкин С. «Угль, пылающий огнем…». М., 2008. С. 30).

4
Поведение небезупречное

Написать «эпиграмму» на Сталина О.М. заставили самые высшие стимулы – укорененное в русской литературе сознание «Не могу молчать!» и необоримое чувство поэтической правоты, толкавшие его на совершение сумасшедших, с обывательской точки зрения, поступков. Очень точно это подметил Е. Тоддес:

> *Это был выход непосредственно в биографию, даже в политическое действие (сравнимое, с точки зрения биографической, с предполагавшимся участием юного Мандельштама в акциях террористов-эсеров). Тяга к внеэстетическим сферам, устойчиво свойственная Мандельштаму, какой бы герметический характер ни принимала его лирика, в условиях 30-х годов разрешилась биографической катастрофой.*[1]

О.М. было мало написать эти стихи – не менее важно ему было сделать так, чтобы они сохранились[2] и чтобы дошли до Сталина![3] Но он не мог просто снять трубку и позвонить кремлевскому горцу. Ведь и Пастернаку, которому, «благодаря» О.М., Сталин позвонил сам, было выделено лишь несколько минут на те самые полразговорца!

Буквально как катастрофу воспринял эти стихи и сам Пастернак:

> *То, что Вы мне прочли, не имеет никакого*

1 Тоддес Е.А. Антисталинское стихотворение Мандельштама (К 60-летию текста) // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1994. С. 199.

2 В том, что их сохранит Н.М., он же не мог быть уверен!

3 Не того же ли добивался в свое время и Платонов в ходе «общения» всё с тем же Шиваровым?

> *отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому.*[1]

Уже по ходу перестройки Бенедикт Сарнов и Александр Кушнер[2], каждый на свой лад, повторили версию Пастернака, но каждый – по-своему модифицируя ситуацию.

По Сарнову выходит, что это всё чистая «биография» – просчитанная, как шахматный этюд, комбинация, а О.М. – самозапрограммированный на самоубийство профессиональный камикадзе. По Кушнеру – это всё чистая «литература», но такая, что понравиться Сталину никак не могла: «Нет, извините, ласкать слух вождя тут ничто не могло: “играет услугами полулюдей”, “бабачит и тычет” – всё это неслыханное оскорбление! В стихотворении нет ни одного слова, которое могло бы понравиться Сталину»[3] – и именно поэтому оно равносильно самоубийству[4].

Ну а коли так – к чему тогда попытки самоубийства физического? Ведь в камере О.М. вскрыл себе вены, а в Чердыни выпрыгнул из окна. Ведь тогда он сам как бы перепоручал свою смерть «людям из железных ворот ГПУ»? А если он искал смерти, то почему же тогда так боялся «казни петровской»?

Шиваров и вообще чекисты восприняли эти стихи иначе: не эпиграмма, а пасквиль и даже хуже – акция, чуть ли не теракт.

Иные же не исключают того, что стихотворение Сталину

1 Пастернак Е.В., Пастернак Е.Б. Координаты лирического пространства: К истории отношений Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака // Лит. обозрение. 1990. № 3. С. 95.

2 Сарнов Б. Сталин и писатели: Книга первая. М., 2008. С. 361–468; Кушнер А. «Это не литературный факт, а самоубийство» // Новый мир. 2005. № 7. С. 141–142.

3 Реакция хрущевского СССР на «Доктор Живаго» – травля поэта – вот образчик реакции государства (или «вождя»), которому – «не понравилось».

4 Кушнер А. «Это не литературный факт, а самоубийство» // Новый мир. 2005. № 7. С. 132.

просто понравилось: согласно Ф. Искандеру – благодаря этой самой «вырубленности» и вообще по эстетическим мотивам[1], а согласно О. Лекманову – по мотивам сугубо политическим: «*Может быть, Сталину даже польстило, что в мандельштамовской эпиграмме он предстал могучей, хотя и страшной фигурой, особенно – на фоне жалких ‘‘тонкошеих вождей’’»*[2] . Впрочем, сам Лекманов называет эту мысль «фантастической версией».

Пишущий эти строки именно ее всегда считал наиболее реалистичной: стихотворение, прочтенное Сталину, по-видимому, Ягодой, необычайно понравилось вождю, ибо ничего всерьез более лестного о себе и о своем экспериментальном государстве он не слыхал и не читал. И фоном его персоне служили не тонкошеие вожди, а весь российский народ, не чующий, и слава богу, под собою страны – эпическое, в сущности, полотно.

На это мне возразил Д.Быков, полагающий (и справедливо), что причина ареста О.М. не столько в самом «пасквиле» и его тексте, сколько в более общих вещах – в «Волчьем цикле» и всей направленности новой мандельштамовской поэзии начала 30-х годов: все эти «кандалы цепочек дверных», вся эта «гремучая доблесть грядущих веков» решительно не совместимы с собачьей преданностью одомашненного и сбитого в отары советского писателя.

Поблагодарить Быкова можно и за следующую постановку вопроса: «Что же значит это стихотворение, кто такие эти самые «мы», что «живут, под собою не чуя страны»? Ведь именно предстательтствуя за них, О.М., по Быкову, пошел на лубянскую голгофу дабы вступить от их имени в диалог с властью.

И все же кабинет лубянского следователя не лучший форум, а допрос – наихудший из форматов для такого диалога.

1 Искандер Ф. Поэты и цари. М., 1991. С. 51–52.
2 Лекманов О.А. Осип Мандельштам. М., 2004. С. 169-170.

Не удовлетворяет и быковский ответ на собственный вопрос о «мы»: те, кто «*в первую очередь достоин называться народом, кто работает и думает*», «*наиболее авторитетный и состоятельный социальный слой*»[1].

Надо сказать, что «мы» – одно из опорных мандельштамовских слов. Оно встречается у него в стихах более 200 раз и делит с глаголом «быть» 10-11-е место по частоте словоупотребления (а если отбросить союзы, предлоги и частицы – то и вовсе 4-5-е – сразу же после «я», «он» и «ты»). Оно сопровождает поэта буквально от первых его стихотворений до самых последних, выказывая необычайную переменчивость смысловых акцентов. В период «Камня» – это скорее артистическая богема («*От легкой жизни мы сошли с ума…*»), или сонм влюбленных юношей, напрочь отвергнутых их возлюбленными («*Нам остается только имя…*»), в период «Tristia», пришедшийся на революцию и гражданскую войну, крепнет и оформляется совсем другое «мы», – то, которое я решился бы обозначить как интеллигенция, настроившая ухо не столько на шум времени, сколько на музыку революции, жаждавшая ее, принявшая ее и даже воспевавшая ее и – нежданно-негаданно для себя самой оказавшаяся комариной жертвой в ее цепких паучьих сетях («*в Петрополе прозрачном мы умрем…*», «*мы будем помнить и в летейской стуже…*», «*в последний раз нам музыка звучит…*»).

Но во вторую половину двадцатых и начало тридцатого годов – период «пустоты паучьей», поэтической немоты и полускандала-полутравли с «Тилем Уленшпигелем» – нанесли немало жестоких ударов по этому несколько абстрактному и возвышенному «мы» Мандельштама, и произошел явный перелом: и социальное, и творческое «мы» поэта разбились вдребезги, расколовшись, как и шестиголовый некогда акмеизм, на мелкие кусочки, даже на атомы, если хотите.

Главным содержанием «мы» в 30-е годы определенно

1 Быков Д. Сотрудничество со следствием // Известия. 2009. № 83. 15 мая. С.8.

становится семья – его союз с женой: «*куда как страшно нам с тобой…*», «*мы с тобой на кухне посидим…*», «*нам попался фаэтонщик…*», «*мы с тобою поедем на "А" и на "Б"...*», «*Есть у нас паутинка шотландского старого пледа…*» (реже, но это двойственное «мы» возникает и в Воронеже: «*А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах... Поезд шел на Урал. В раскрытые рты нам*» – перекличка с «Камой», где О.М. «*плыл по реке с занавеской в окне, с занавеской в окне, с головою в огне. А со мною жена пять ночей не спала, Пять ночей не спала, трех конвойных везла*»).

Свое прежнее разночинское «мы» Мандельштам тоже не забыл, но он переоценивает его и относится к нему крайне критически: «*были мы люди, а стали людье…*», «*есть блуд труда и он у нас в крови…*», «*о, как мы любим лицемерить…*». Самое широкое «мы», на которое Мандельштам еще соглашается в начале 30-х годов, это «мы» зрителей картин, читателей стихов и слушателей мызыки: «*художник нам изобразил…*», «*а еще над нами волен Лермонтов, мучитель наш…*», «*рассказывай еще – тебя нам слишком мало…*», «*нам с музыкой-голубою не страшно умереть…*», отчасти и «*есть между нами похвала без лести…*».

В это же самое время в «Ламарке» впервые возникает совершенно новое и, может быть, наиболее радикальное «мы» изо всех – «мы» обратной, вспять, эволюции и деградации: «*мы прошли разряды насекомых…*», «*и от нас природа отступила – так, как будто мы ей не нужны…*». Современность врывается в стихотворение на плечах концовки: «*И подъемный мост она забыла, Опоздала опустить для тех, У кого зеленая могила, Красное дыханье, гибкий смех*».

Разве не то же состояние «глухоты паучьей» ассирийско-советского государства зафиксировано в первой же строке «пасквиля»: «*Мы живем, под собою не чуя страны…*»? Не забудьте, кстати, и перекличку «*насекомых с*

наливными рюмочками глаз» из «Ламарка» с «тараканьми глазищами» из «Мы живем…» (Кстати: именно глазища, а не привычные с самиздатского детства «усища»!).

Позднее, в Воронеже, он попытается все-таки разрешить это противоречие и предожить компромисс между «Ламарком» и «Одой» – в «Стансах» и стихах, аккомпанирующих «Оде»: «*Мне кажется, мы говорить должны О будущем советской старины, И пращуры нам больше не страшны: Они у нас в крови растворены». И тут же: «Еще мы жизнью полны в высшей мере, Еще комета нас не очумила…*». В самой «Оде» – опять прирученные пращуры: «*Его мы слышали и мы его застали...*». А накануне «Оды» – он же еще и «*тот, о котором мы во сне кричим, – Народов будущих Иуда*»! Кто тут *он* понятно, но кто же тут *мы*? Те же ли самые, что в «пасквиле» и те же ли самые, что в «Стихах о неизвестном солдате» и их окружении («Нам союзно лишь то, что избыточно…», «Узел жизни, в котором мы узнаны…», «Хорошо, если мы доживем…» или «Вслед за ним мы его не повторим…») или в «поэтическом завещании» Мандельштама – стихах к Н.Е.Штемпель «*О том, что эта вешняя погода для нас – праматерь гробового свода, и это будет вечно начинаться…*».

Итак, для установления природы искомого «мы» весь приведенный анализ не дал почти ничего: мы лишь удостоверились в том, что мандельштамовское «мы» – категория необычайное сложная, подвижная и множественная.

Лично я думаю, что «мы» из «Мы живем..» – это собственный ближний круг Осипа Эмильевича, это те самые 25 или более человек, кому он прочитал свой «пасквиль»: во всех слушателях, за исключением, быть может, Длигача, он был совершенно уверен…

Всего в тюрьме Мандельштам провел 12 дней. Его не били и не пытали – время «упрощенных допросов» еще не

наступило. Один раз – на восемь часов – его посадили в карцер. Конечно, ему, как и всем, не давали спать и наставляли в глаза яркую лампу, конечно, его запугивали и брали на пушку – оговаривая предателями всех друзей и родных. Но инсценировка голоса жены, якобы пытаемой в соседней камере,[1] – прием настолько экзотический, что в него скорее не верится. Если бы чекисты с каждым разыгрывали такие спектакли, то, во-первых, об этом стало бы широко известно, а во-вторых, Лубянку бы парализовало – ее пропускная способность свелась бы к недопустимому минимуму.

Несколько новых реальных деталей о пребывании О.М. на Лубянке, записанных Н.М. с его слов уже в Воронеже, обнаружились в ее архиве. Так, первая деталь говорит о своеобразных цинизме и юморе Христофорыча: «*След[ователь] мне заявил, что я должен пройти через устрашающие минуты, но что для поэта страх, конечно, ничто*»[2].

Это, скорее всего, фраза из их первой встречи, а вот вторая или третья, похоже, закончились для О.М. карцером (обстоятельство ранее не известное): «*В карцере не давали пить и, когда я подходил к глазку, брызгали в глаза какой-то вонючей жидкостью. Эти восемь часов оказались решающими для всего психическ[ого] заболевания*»[3].

Третья деталь – тоже из области тюремного юмора:«*Для характеристики обращения со мной: когда меня провожали в ссылку в Чердынь – то комендант напутствовал меня: Ничего, мы еще с Вами здесь увидимся*»[4].

Из камеры его вызывали довольно часто – на допросы (и, вероятно, не дважды-трижды, а чаще), в карцер, один раз – перед самым концом следствия – к прокурору[5], возможно, и в санчасть (оба таких визита предусмотрены процессуальным

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 92.
2 РГАЛИ. Ф.1893. Оп.3. Д.98.
3 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 92.
4 Там же.
5 Н.М. даже пишет о прокурорше, то есть о женщине (Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С.90).

кодексом). И еще один раз – редчайший случай! – на свидание с женой.

Написать такие стихи – одно, прочитать их в кругу собственного «мы» – уже другое, а вот выложить следователю на карандаш столько имен этих вольных или невольных слушателей – совершенно третье. Такое сотрудничество со следствием, как настаивала Э. Герштейн, безукоризненным все-таки не назовешь – это поведение «*рыцаря со страхом и упреком*», как было сказано Е. Эткиндом по другому поводу.

Так кто – или что – тянуло О.М. за язык в кабинете Шиварова, когда он называл столько имен?

Страх перед следователем?

Святая простота гения?

Уверенность в том, что из-за него, О.М., никого не тронут?

Безразличие к тому, что с названными произойдет?

Или неслыханный эгоцентризм, когда все другие – уже «не в счет»? (Но разве не О.М. в свое время выхватил из рук Блюмкина ордер на чей-то арест и разорвал его?[1] Разве не О.М. бросил в печку матерьяльчик для доноса, которым забежал похвастаться Длигач?[2])

Или, может быть, – сознательное или бессознательное – покушение на самоубийство?.. Своеобразный синдром протопопа и протопопицы? «*До самыя смерти, матушка…*» Но тогда причем здесь Кузин и все остальные?

А может, он искал прилюдной смерти на миру – той самой, что на миру красна? Не просто смерти, а аутодафе – с барабанным боем и треском дров на костре!?. Той самой смерти, какою святая инквизиция удостаивала своих лучших жертв из числа поэтов-марранов!?[3]

Но кабинет следователя на Лубянке, хотя и гиблое место, но на запруженные городские стогны (на ту же Лубянку, что

1 Там же. С. 125.

2 Там же. С. 105–106.

3 В 1935 году выйдет книга Валентина Парнаха об испанских и португальских поэтах – жертвах инквизиции, – книга, работать над которой он начал еще в конце 1920-х гг. В Воронеже О.М. зачитывался ею и даже начал, под ее влиянием (сказалась еще и Гражданская война в Испании) изучать испанский язык.

грохотала за окном) с эшафотом-костром посередине походил мало.

Да и для чего же в таком случае попытки наложить на себя руки самому?

Или психопатическое помутнение сознания, следствие травматического психоза? Такое же «полное забвение чувств», как когда-то зимой 1919/1920 годов, в Коктебеле, когда О.М. предлагал арестовать вместо себя Волошина?[1]

Впрочем, нас там не стояло, а для хрупчайшей психики поэта, «не созданного», по его же замечанию, «для тюрьмы», и на свободе бывало достаточно и куда меньших потрясений для того чтобы «сломаться». Диагноз, который О.М. когда-то поставил Пясту, представляется мне не менее справедливым в отношении и самого диагностика: «*У Вл‹адимира› Ал‹ексеевича› очень хрупкие верхние покровы мозга ‹…› создавали состояние временной невменяемости, при полной незатронутости всего тонуса умственной и психич‹еской› его жизни в целом*»![2]

5
Допрос при свидетелях

Следующий допрос (в сущности, третий по счету) состоялся еще через неделю – 25 мая. Похоже, что Шиваров к нему основательно приготовился.

Надежда Яковлевна писала:

> *Еще в 34 году до нас с Анной Андреевной дошли рассказы писателя Павленко, как он из любопытства принял приглашение своего друга-следователя, который вел дело О.М., и присутствовал, спрятавшись не то в шкафу, не то между двойными дверями, на ночном*

1 См. ниже.

2 Новое о Мандельштаме [Письма Б.М. Зубакина В.А. Пясту] / Публ. Л.С. Ильинской, А.И. Немировского // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 161.

> *допросе... Павленко рассказывал, что у Мандельштама во время допроса был жалкий и растерянный вид, брюки падали – он всё за них хватался, отвечал невпопад – ни одного четкого и ясного ответа, порол чушь, волновался, вертелся, как карась на сковороде, и тому подобное...*[1]

Собственно говоря, если миф о Петре Павленко за шторой или в шкафу не выдумки и не плод воспаленного воображения, то это была единственная биографическая возможность для любознательного прозаика составить собственное представление о том, насколько «смешно» О.М. выглядел на допросе.

Отнестись к этому мифу серьезнее заставляет, однако, то, что одним из его «источников» был... сам О.М.! Вот его свидетельство в передаче Э. Герштейн:

> *Он стал мне рассказывать, как страшно было на Лубянке. Я запомнила только один эпизод, переданный мне Осипом с удивительной откровенностью:*
>
> *– Меня подымали куда-то на внутреннем лифте. Там стояло несколько человек. Я упал на пол. Бился... вдруг слышу над собой голос: «Мандельштам, Мандельштам, как вам не стыдно?» Я поднял голову. Это был Павленко.*[2]

Было это или не было, но сама допускаемая всеми возможность такой «фактуры» сомнений, кажется, не вызывала ни у кого. Поистине, как писала Н.М., *«в своем одичании и падении писатели превосходят всех»*[3]!

Итак, допрос.

---

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 100–101.
2 Герштейн, 1998. С. 65.
3 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 100.

Первый же заданный вопрос – это ни много ни мало: «*Как складывались и как развивались ваши политические воззрения?*»

Ответ потребовал у следователя трех надиктованных страниц: О.М. залился соловьем и наговорил с три короба, а уж о формулировочках его услужливый собеседник побеспокоился сам. Но на этот раз наговорил он о себе и только о себе, а если кого и поминал, то лишь тех, кого уже не было в живых (отца и сына Синани, например). Зато на себя, с точки зрения советского правоприменения, наговорил О.М. весьма основательно, показывая все приливы и отливы своих чувств к советской власти: от «*рецидива эсеровщины: я идеализирую Керенского, называя его птенцом Петра, а Ленина называю временщиком*» до советского строительства в стенах Наркомпроса и от депрессии вследствие крутости «*осуществления диктатуры пролетариата*» до отказа от эмиграции из-за «*резкого отвращения к белогвардейщине*», от «*вростания в советскую действительность первоначально через литературный быт*» и всё «*возрастающего доверия к политике Коммунистической партии и советской власти*», от «*не слишком глубоких, но достаточно горячих симпатий к троцкизму*» и до «*восстановления доверия в 1928 году*», и только в 1930-е годы такого реверса не произошло: *«депрессия»* из-за *«ликвидации кулачества как класса»* сменилась чувством собственной *«социальной загнанности».*

Второй вопрос, который задал О.М. следователь: «*Признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного содержания?*»

О.М. ответил: «*Да, я признаю себя виновным в том, что я являюсь автором контрреволюционного пасквиля против вождя коммунистической партии и советской страны. Я прошу разрешить мне отдельно написать этот пасквиль и дать его как приложение к настоящему протоколу допроса*».

И О.М. действительно сам записал текст эпиграммы. Интересно, Шиваров ли подсказал О.М. слово «пасквиль»,

или, наоборот, он ему сам его подсказал?

Ну а третий вопрос был повторением вопросов из первого допроса: «*Когда этот пасквиль был написан, кому вы его читали и кому давали в списках?*» – О.М. слово в слово потворил свои ответы.

Чем все-таки объяснить столь удивительную откровенность О.М. со следователем? Наивностью, страхом, провокациями Христофоровича, уверенностью, что переиграть дьявола в шахматы не удастся?

И вот, наконец, предпоследний вопрос:

> *Выражает ли ваш контрреволюционный пасквиль «Мы живем…» только ваше, Мандельштама, восприятие и отношение или он выражает восприятие и отношение определенной какой-либо социальной группы?*

По-хорошему, цена вопроса (вернее, ответа) – жизнь, ибо юридически он означает: не хотите ли к статье 58.10 еще и 58.11 (то есть «группу»)?

Ответ бесподобен, выговоренных уже «трех коробов» О.М. (или Шиварову?) явно маловато, их ничем не остановить:

> *Написанный мною пасквиль «Мы живем…» – документ не личного восприятия и отношения, а документ восприятия и отношения определенной социальной группы, а именно части старой интеллигенции, считающей себя носительницей и передатчицей в наше время ценностей прежних культур. В политическом отношении, эта группа извлекла из опыта различных оппозиционных движений в прошлом привычку к искажающим современную действительность историческим аналогиям.*

Следователь потирает руки, но всё еще не унимается:

> *Значит ли это, что ваш пасквиль является оружием контрреволюционной борьбы только для характеризованной вами группы или он может быть использован для целей контрреволюционной борьбы иных социальных групп?*

Явно польщенный интересом столь любознательного и симпатичного собеседника, О.М. развивает свою мысль, оставляя ему формулировочки:

> *В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению: «страна и властелин». Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания характеризованной выше группы, к которой принадлежу и я, но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применим<ым> орудием контрреволюционной борьбы, которое может быть использовано любой социальной группой.*

После столь обильных словесных излияний и доверительных признаний Шиварову не так уж и трудно исполнить свой профессиональный долг – составить парочку суровых и процедурно необходимых документов за своей подписью. В тот же день он их все и сварганил: первый – «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», а второй – «Обвинительное заключение», практически всё сотканное из цитат из

высказываний О.М. на допросе того же дня и предающее его судьбу из рук ОГПУ в руки Особого совещания.

Свое «Постановление» Шиваров в тот же день, 25 мая, предъявил и «изобличенному» в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений» О.М., в чем тот и расписался. С «Заключением» О.М. ознакомился, однако, двумя днями позже – 27 мая, а с «Постановлением Особого совещания» (вернее, с выпиской из его протокола) – 28 мая. В этот же день, точнее, вечер его отвезли на вокзал.

Но 26 мая в деле О.М. что-то явно произошло!

Следователь ограничился самой невинной статьей 58.10: «антисоветская агитация». О.М. не оценил подарка и воспринял это несколько иначе:

> *Следствие по поводу моих стихотворений считаю правильным. Поскольку других обвинений в какой бы то ни было формулировке мне не было предъявлено, считаю следствие, не зная за собой другой вины, правильным.*

6
Клюев в Нарыме

Для того чтобы оценить, сколь мягкой и великодушной была даже чердынская версия наказания О.М., достаточно ознакомиться с судьбой другого ссыльного – Николая Клюева (его «чекистское обслуживание», напомним, осуществлял всё тот же Шиваров). Оба поэта пострадали за стихи[1], оба получили «пятьдесят восьмую, десять», оба административно высланные, оба отправились в ссылку почти синхронно (в июне 1934 года) – только вот наказания у них неимоверно

1 Клюев, правда, еще за мужеложество.

разнятся: сорокатрехлетний О.М. получил три года в прикамском райцентре, а пятидесятилетний Клюев – пять лет в нарымском.

В своем первом письме, отправленном из Колпашева 12 июня 1934 года, Клюев писал своему и мандельштамовскому общему другу – Сергею Клычкову:

> *Дорогой мой брат и поэт, ради моей судьбы как художника и чудовищного горя, пучины несчастия, в которую я повержен, выслушай меня без борьбы самолюбия. Я сгорел на своей «Погорельщине», как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. ‹…› Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, как я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, вновь опухоли, сильнейшее головокружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев – это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем. Подумай об этом, брат мой, когда садишься за тарелку душистого домашнего супа, пьешь чай с белым хлебом! Вспомни обо мне в этот час – о несчастном – бездомном старике-поэте, лицезрение которого заставляет содрогнуться даже приученных к адским картинам человеческого горя спец-переселенцев. Скажу*

одно: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!» Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер – это зовется здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима, а я голый, даже без шапки, в чужих штанах, потому что всё мое выкрали в общей камере ша́лманы. Подумай, родной, как помочь моей музе, которой зверски выколоты провидящие очи?! Куда идти? Что делать? ‹...› Помогите! Помогите! Услышьте хоть раз в жизни живыми ушами кровавый крик о помощи, отложив на полчаса самолюбование и борьбу самолюбий! Это не сделает вас безобразными, а напротив, украсит всеми зорями небесными! ‹...›

Прошу и о посылке – чаю, сахару, крупы, компоту от цинги, белых сухарей, пока у меня рвота от 4-х-месячных хлеба с водой! Умоляю об этом. Посылка может весить до 15-ти кило по новым почтовым правилам. Летним сообщением идет три недели. Прости меня за беспокойство, но это голос глубочайшего человеческого горя и отчаяния. ‹...› Ес‹ть› ли какие надежды на смягчение моей судьбы, хотя бы переводом в самые глухие места Вятской губ‹ернии›, как, напр‹имер› Уржум или Кукарка, отстоящие от железной дороги в полтысячи верстах, но где можно достать пропитание. Поговори об – этом Кузнецкий мост, 24 – с Пешковой, а также о помощи мне вообще. Постарайся узнать что-либо у Алексея Максимыча. ‹...› Не ищу славы человеческой, а одного – лишь прощения ото всех, кому я согрубил или был неверен. Прощайте, простите! Ближние и дальние. Мерзлый

> *нарымский торфяник, куда стащат безгробное тело мое, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания нельзя ни убавить, ни прибавить. Прости! Целую тебя горячо в сердце твое. Поторопись сделать добро – похлопочи и напиши или телеграфируй мне: Колпашев, до востребования. Н.А. Клюеву.*[1]

География, опосредованная через климатические зоны и пояса, определяла и жизнь, и смерть. Из нарымского Колпашева вятские Уржум или Кукарка представлялись раем. И, в этом географическом контексте, точно таким же раем была и пермская Чердынь, хотя сам О.М. – без нарымского «опыта» – мечтал из нее уехать точно так же, как Клюев из Колпашева. Клюев тогда в Колпашеве остался (лишь позднее, в октябре 1934 года, его переведут в Томск), а О.М. бегство из прикамского рая удалось и куда более раннее: новым постановлением Особого совещания уже в июне он был переведен в Воронеж.

Воронеж?.. 26 ноября 1934 года, обращаясь уже не к Клычкову, а к его жене Варваре Николаевне Горбачевой, Клюев умоляет ее разыскать у него в «немецкой Библии», весом в пуд, с медными углами и в кожаном переплете, заложенное его инвалидное свидетельство – документ, могущий дать ему право если не освободиться, то хотя бы высвободиться из нарымских объятий: «*Я могу очутиться в Воронеже или в Казани, а это было бы для меня истинным счастьем!*»[2]

25 октября 1935 года Клюев вновь помянул Воронеж: «*Как поживает Осип Эмильевич? Я слышал, что будто он в Воронеже?*»[3] Получив от В.Н. Горбачевой подтверждение или

1 Николай Клюев в последние годы жизни / Публ., вступит. статья, подготовка текстов и примечания Г.С. Клычкова и С.И. Субботина // Новый мир. 1988. № 8. С. 168–169.

2 Там же. С. 178.

3 Там же. С. 187.

даже пояснение, он светло вспомнит О.М. и в своем письме на Нащокинский 23 февраля 1936 года: «*Очень бы хотелось написать Осипу Эмильевичу, но его адреса я тоже не знаю*»[1].

Клюев, кстати, был не единственным ссыльным поэтом, интересовавшимся из своего далёка Осипом Эмильевичем. Вторым был Владимир Алексеевич Пяст, административно-высланный в 1930 году на три года в Северо-Западный край – в Архангельск, Вологду, Сокол и Кадников, а затем, в январе 1933 еще на три года «прикрепленный» к Одессе[2]. В это время, разумеется, не Пяст Мандельштамом, а Мандельштам «интересовался» Пястом – собирал ему посылки, слал телеграммы[3].

В начале 1933 года Пяста перевели в Одессу, и по дороге из Вологодской области на юг он, возможно, останавливался у Мандельштамов на Тверском бульваре. Сочтя сие место архинадежным, а хозяев архисолидными, он оставил им на хранение свой архив. В конце 1933 или в начале 1934 года Пяст, по всей видимости, приезжал из Одессы в Москву на несколько дней и останавливался у них же – на новой квартире[4]. В июне он узнал об аресте О.М. – скорее всего, от

1 Там же. С. 191. Следующую цитату из того же письма можно считать отчасти продолжением этого воспоминания – ведь Мандельштам и Клычков до своих арестов проживали в одном доме: «Что выдающегося в поэзии? Я ничего не вижу, а газет не читаю, ибо столичные нужно покупать где-то и каким-то особым уменьем, а в местной – всё местное. Тепло ли у вас в новой квартире? ‹…› Несмотря на бездомье и отсутствие уединения, сердце мое полно стихами. Правда, все они не записаны, а хранятся в арсенале памяти и тихо радуют меня: видно, кое-что осталось и для меня в жизни. Простираюсь сердцем на Нащокинский» (Там же).

2 Постановлением ОСО ОГПУ от 28 января 1933 г. при пересмотре его старого дела 1930 г. (см. обращение В.А. Пяста в НКВД (конец 1936 г.), опубликованное Т. Фоогд-Стояновой в: Наше наследие. 1989. № 4. С. 100).

3 Об этом свидетельствуют письма Б. Зубакина В. Пясту начала 1930-х гг. В одном из них Зубакин пишет: «Видел, случайно, автора “Камня”. С огромной седой бородой, с головой, откинутой почти за спину, как и встарь. Горячо и тепло он относится к Вам. Послал он телеграмму на «Пестов‹ско›го». Я объяснил ему адрес Ваш. Он собирает Вам 2 посылки. Был искренне рад узнать от меня про Ваш расцвет как поэта, про Ваши изумительные 2 поэмы (Тропой Тан‹гейзера› и про Питер). Он замучен. Все в М‹оскве› интересуются давним слухом о Вашей чуть не бывшей самоубийственности. Конечно, и «Мрамор‹ная› Муха» спрашивала. Спрашивал он и про Ваше психич‹еское› состояние, в то время бывшее. И на вопрос жены своей “объяснил” очень недурно, на мой взгляд: “У Вл‹адимира› Ал‹ексеевича› очень хрупкие верхние покровы мозга, кот‹орые› при потрясениях (кот‹орых› можно и избежать) создавали состояние временной невменяемости, при полной незатронутости всего тонуса умственной и психич‹еской› его жизни в целом”» (Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 161; печатаются с некоторыми уточнениями по машинописной копии из архива А.И. Немировского).

4 Только так можно «совместить» с биографией Пяста такие, например, высказывания Н.М.: «А к нам весной до ареста О. М. вернулся Пяст…». Или: «А до ареста О. М. к нам всё ходили милиционеры: Пяст дал наш адрес, регистрируясь в милиции и получая разрешение провести несколько дней в Москве для устройства своих литературных дел. Срок истек, и его гнали из запрещенной в дозволенную зону. Хорошо, что он не попался у нас во время обысков, а это бы случилось, если б его не спугнули милиционеры» (Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 19, 26–27).

своей второй жены, актрисы Н.С. Омельянович, которой Н.М. еще до ссылки в Чердынь отдала архив Пяста.

30 июня 1934 года, на эзоповом языке тех лет, Пяст писал в Старый Крым вдове Грина, с которой, вероятно, познакомился там же – на Нащокинском:

Милая Нина Николаевна!

Прежде чем ездить через Одессу по побережью милого Черного моря, заезжайте-ка в Москву, – там ждут Вас новости не очень-то приятного свойства, но, при Вашей отзывчивости, Вам приятнее было бы быть полезной Вашим заболевшим родным, чем оставаться в бездействии…[1]

Нина Николаевна, видимо, откликнулась телеграммой, ибо уже 3 июля Пяст пишет ей вновь:

…Вы хотите знать адрес Александра Эмильевича? К сожалению, не знаю, узнать можно в адресном столе[2] .

В следующем письме (от 7 июля) уже Пяст спрашивает Нину Николаевну о Мандельштамах:

Напишите, когда Надюша будет иметь постоянный адрес, а то так посылать неловко. Как она-то здорова, и будет ли ездить она в Москву, а если нет, то почему? (Меня это интересует с точки зрения ее жилищной).[3]

Последняя фраза, вероятно, взорвала добрейшую Нину

1 РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 2. Д. 65. Л. 8об.
2 Там же. Л. 9.
3 Там же. Л. 10.

Николаевну, знавшую, по-видимому, что ее корреспондент, как и она сама, не раз находил в Москве пристанище у их общих друзей (с которыми Пяста, конечно же, связывало много больше, чем ее). И если избыточное эзопство и даже равнодушие к судьбе осужденного товарища и поэта она еще могла простить Владимиру Алексеевичу, тоже ведь поэту и тоже осужденному, то – на этом фоне! – какой бы то ни было «интерес» (или простое любопытство) показались ей – и в действительности являлись – недостойными и оскорбительными.

Ощущений своих она видимо не сочла нужным скрывать, подтверждение чему мы находим в пястовском письме к ней аж от 18 ноября того же года:

Дорогая Нина Николаевна!

Как-то недавно в старом № «Всемирного следопыта» видел Ваш портрет, читал про ястребенка. Не знаю, почему Вы не исполнили обещания с посылкой остальных книг А‹лексан›дра Степановича? Получили ли Вы «Веселого попутчика» и «Корабли в Лиссе»? Я и этого не знаю, так как с самых тех пор, месяцев 5 (положим, 4) Вы мне ничего не писали. Или письмо не дошло.

Может быть, и даже наверное, я заслужил это. Но всё же даже когда и так – человеку предпочтительно, чтобы ставили точки над «i». Легче перенести.

Намек здесь, конечно, Вы понимаете на что. На мои отношения не к Вам и не к Александру Степанычу, – о, нет, – к совсем другим, несчастным, людям.

Но ведь легкомыслие (проявленное мною) – не злая воля. И потому, если можно, наказывайте

меня крутенько, но всё же не «безответностью».

‹…› Ответьте же, может ли Н.Я. съездить в Москву? В.П.[1]

Нине Николаевне было невдомек, а сам Пяст не стал ей в лоб объяснять, что, вероятно, оповещенный о чудесном спасении его поэм, он хотел поблагодарить за это Н.М., буквально выцарапавшую его архив из цепких чекистских рук!

Слух же об аресте О.М., свидетелями которого был практически весь писательский дом, в котором он жил, быстро распространялся. Так, А.К. Гладков узнал об этом уже утром 17 мая:

…Утром пришел Леонид Лавров и передал слух, что на днях арестован О. Мандельштам. Ему об этом сказал переводчик Давид Бродский, который слышал от верных людей. Мандельштам жил где-то недалеко от меня, и я иногда встречал его на Пречистенском или Никитском бульварах: старый мудрый еврей с палкой. По Москве много ходило его ненапечатанных стихов, но особенной крамолы я среди них не находил… ‹…› Леня Лавров часто странен. ‹…› Как-то он мне читал наизусть ненапечатанные стихи Мандельштама, а сегодня, когда я попросил его прочесть, вдруг отрекся и сказал, что он их вообще не знает…[2]

Но о дальнейшей его судьбе почти ничего не было известно – о чем свидетельствует другая, за 9 июля 1934 года, запись в гладковском дневнике:

1 Там же. Л. 11–11об.

2 Дневниковая запись от 17 мая 1934 г.: РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 33. Л. 19.

...А недавно Д. Бродский читал мне и Лаврову стихи Мандельштама на смерть А. Белого. Да, есть еще стихи в этом мире! Бродский – грузнеющий, неопрятный сплетник, но страстно любит стихи, бессчетное число знает наизусть и переводчик Рембо. О судьбе Мандельштама ничего не известно[1] .

7
Хлопоты

Ассириец держит мое сердце…
О. Мандельштам

…Вот мы и вернулись в квартиру 26 писательского кооператива в Нащокинском. После того как в семь утра увели Осипа Эмильевича (перед уходом он съел, посолив, крутое яйцо, которое накануне сам же раздобывал для Анны Андреевны у соседей), квартира опустела. К остававшимся в ней Н.М. и А.А. вскоре присоединился Левушка Гумилев, но вскорости мать его выставила, опасаясь за его судьбу.

Наутро Надежда Яковлевна идет к своему брату, Е.Я. Хазину, а Ахматова – к Пастернаку и Авелю Енукидзе (в то время секретарю Президиума ЦИК СССР). Узнав об аресте, Пастернак пошел к Демьяну Бедному и Бухарину, но ни того, ни другого не застал. Демьян позже не посоветует ему вмешиваться в это дело, а Бухарину Пастернак оставляет записочку с просьбой сделать для О.М. всё возможное.

Интересно, что к Максиму Горькому – обращаться не стали: политический сервилизм «писателя № 1» плюс эпизод

1 Да и весть о воронежской ссылке О.М. достигла Гладкова с большим опозданием. 6 марта 1935 г. он записал: «…Слышал, что Мандельштам находится в ссылке в Воронеже. Радунская читала мне его новые стихи. Они замечательны, но ничего “политического” в них нет…» (Там же). Ср. также запись от 3 марта 1936 г.: «…Снова читаю “О поэзии” Мандельштама. Блестящая книга! По слухам, Мандельштам в ссылке в Воронеже и пишет прекрасные стихи…» (Там же. Л. 21).

с невыданными в 20-е годы штанами[1] делали этот шаг бессмысленным[2].

Но и те, к кому обратились, едва ли были самыми подходящими для этой роли людьми. Оба и сами были уже обречены, поскольку адресат мандельштамовской эпиграммы к тому времени почитал их своими врагами.

Демьян Бедный?.. Его звезда закатилась еще в конце 1930 года: 12 декабря Сталин ответил на обращение к себе баснописца пространным и уничижительным письмом. Окончательное «падение» Д. Бедного произошло в январе 1932 г., когда Сталину доложили о высказываниях Демьяна в свой адрес[3]. И, наконец, – хоть это и случилось много позже, чем арест О.М. – Сталин буквально «размазал» баснописца своей записочкой от 20 июля 1937 года главному редактору «Правды» Льву Мехлису, зачитанной «новоявленному Данту» (выражение Сталина) прямо на заседании редколлегии: «*Новоявленному Данте, т. е. Конраду, то бишь… Демьяну Бедному. Басня или поэма “Борись или умирай”, по-моему, художественно-посредственная штука. Как критика фашизма, она бледна и неоригинальна. Как критика советского строя (не шутите!), она глупа и прозрачна. Так как у нас (у советских людей) литературного хлама и так не мало, то едва ли стоит умножать такого рода литературу еще одной басней, так сказать… Я, конечно, понимаю, что я*

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 139.

2 В более позднем письме П.П. Постышеву от 13 апреля 1935 г. Горький писал: «Чистка центров от человеческого мусора – дело необходимое, но засорение мусором провинции едва ли полезно, ибо провинция своим хламом достаточно богата». Сталин частенько искал общества Горького, они всерьез переписывались друг с другом, так что возможности помочь у Горького, безусловно, были, но делал он это, как оказалось, весьма и весьма осторожно и выборочно. Так, в частности, в октябре 1934 г. через своего секретаря П.П. Крючкова он хлопотал о сокращении срока высылки в Саратов Иванову-Разумнику. См.: Дубинская-Джалилова Т. Великий гуманист (по материалам М. Горького и И.В. Сталина) // Новое литературное обозрение. 1999. № 6. С. 229, 233, со ссылками на Архив А.М. Горького: ПГ–рл 31–27–6 и 2а–1–452.

3 См. его рассказ, переданный в воспоминаниях М. В. Канивез (вдовы Ф. Ф. Раскольникова): «…В круг близких друзей Демьяна затесался некий субъект, красный профессор по фамилии Презент. Эта личность была приставлена для слежки за Демьяном. Презент вел дневник, где записывал все разговоры с Бедным, беспощадно их перевирая. Однажды Сталин пригласил Демьяна Бедного к себе обедать. “Он знает, что я не могу терпеть, когда разрезают книгу пальцем, – говорил Демьян Раскольникову. – Так, представьте себе, Сталин взял какую-то новую книгу и нарочито, чтобы подразнить меня, стал разрывать ее пальцем. Я прошу его не делать этого, а он только смеется и продолжает разрывать страницы”. <…> Дневник был доставлен “куда следует”, и с этого началась опала Демьяна» (Минувшее. Т. 7. 1992. С. 95. См. также: Соколов Б.В. Сталин: Власть и кровь. М., 2004. С. 391.

обязан извиниться перед Демьяном-Данте за вынужденную откровенность. С почтением И. Сталин»[1].

Бухарин?.. Но и его Сталин «погромил» еще в 1929 году, сердечно отблагодарив тем самым за помощь в победе над Троцким. Остаток жизни Бухарина – это годы постоянного подминания Кобой (как называли Сталина старые партийцы), годы бесчисленных унижений, годы «милостей» и «опал», годы выматывающего растаптывания. В мае 34-го Бухарин был уже не тем, что в 1928, когда О.М. к нему бегал заступаться за полузнакомых стариков: как член коллегии Наркомтяжпрома, как руководитель научно-исследовательского и технико-пропагандистского сектора этого наркомата (где он, кстати, в ноябре 1933 года проходил «чистку»), он ходил в подчиненных у Орджоникидзе: возвращением своим после XVII съезда в редакторы «Известий» Бухарин не обольщался.

Енукидзе?.. Что ж, и этот выбор по-своему закономерен: пятидесятисемилетний, но неженатый и бездетный, Авель Сафронович Енукидзе, давнишний личный друг Сталина и Орджоникидзе, с декабря 1922 и по март 1935 года был секретарем Президиума ЦИК СССР. У него действительно была репутация человека, не раз помогавшего в безнадежном деле смягчения отдельных случаев репрессий, и жены арестованных это знали. И не только жены: актриса МХАТ Ангелина Степанова добилась через него разрешения на свидание с Николаем Эрдманом в тюрьме(!), а также на 10-дневную поездку к нему в августе 1934 год в Енисейск, куда его выслали[2]. Возможно, именно эта история, о которой

1 Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 гг. / Составители: А. Артизов и О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 2002.С. 379.

2 См. об этом в воспоминаниях А.И.Степановой: «Я узнала об аресте Н.Р.Эрдмана и В.З.Масса… Вместес горем пришло ясное осознание значимости Эрдмана в моей жизни, моей большой любви и привязанности к нему. Отчаянию не было границ, но не было границ и моему стремлению помочь ему. В те годы МХАТ курировал, как тогда говорили «от ЦК партии», Авель Софронович Енукидзе. Он был в курсе всех мхатовских дел, знал актеров, и великих, и нас, молодых, – одним словом, считался в театре своим человеком. Меня он опекал с отеческой нежностью: я была молода и внешней хрупкостью походила на подростка. Шли дни, недели – ждали решения судьбы Эрдмана, и наконец стало известно о его высылке в Сибирь. Я решила обратиться к Авелю Софроновичу. Он принял меня в своем рабочем кабинете. Я просила о свидании и разрешении навестить Эрдмана в ссылке. Енукидзе всячески отговаривал меня от поездки в Сибирь, даже пригрозил, что я рискую

был прекрасно осведомлен М.А.Булгаков, навела Ахматову и Н.М. на саму мысль обратиться именно к нему.

В случае с О.М. Енукидзе скорее всего ничего предпринимать не стал: по крайней мере «камер-фурьерский» журнал посетителей Сталина зафиксировал лишь три посещения вождя Авелем Енукидзе – 10 мая, 4 июня и 10 июля 1934 года[1]. Впрочем, открытыми оставались и другие виды связи – телефон, записочка.

Ведь и Бухарин в эти месяцы не был у Кобы: самые ближайшие даты их встреч – 8 апреля и 10 июля[2]. Но Бухарин написал ему об О.М. отдельное письмо!

А вот кто из интересующих нас людей в интересующее нас время у Сталина побывал – и не раз, – так это Ягода.

Визиты Ягоды в Кремль пришлись на 10, 16 и 25 мая, то есть на один из дней накануне ареста, сам день ареста и в точности на дату второго допроса О.М.![3]

Резонно предположить, что дело об антисталинском пасквиле было у Ягоды на особом контроле. В таком случае свежие результаты допросов быстро поднимались наверх по предположительной цепочке «Шиваров – Молчанов[4] – Агранов – Ягода» и могли достигнуть самого верха этой

остаться там, но я была тверда в своем намерении. Тогда он спросил меня, что заставляет меня так неверно и необдуманно поступать? Я ответила: «Любовь». Возникла долгая пауза: верно стены этого кабинета такого прежде не слыхали. «Хорошо, – сказал Авель Софронович, – я дам вам разрешение на свидание, и вы поедете в Сибирь, но обещайте, что вернетесь». Я обещала, сказав, что обязательно вернусь и буду продолжать играть на сцене МХАТа. А МХАТ в то время был великим театром, без него я не мыслила своей жизни. Енукидзе поинтересовался: как я живу и есть ли у меня деньги? Он дал мне номер телефона, по которому я смогу получить бесплатный билет до Красноярска и обратно. Я расплакалась и стала благодарить его… Свидание на Лубянке, хотя и при третьем лице, состоялось, о нем Николай Робертович вспоминает в письмах. Мы произнесли всего несколько слов, а главное сказали друг другу неким внутренним посылом, смысл которого был доступен только нам двоим… Эрдмана сослали в Енисейск. Как только я узнала о его отправке, я стала ежедневно посылать ему открытки: хотела, чтоб они встретили его.. Прожив долгую жизнь и вспоминая разные периоды своей жизни, не могу найти ничего похожего на ту молодую порывистость, бесстрашие, безудержную смелость в преодолений преград, стремление к самопожертвованию. Это бывает раз в жизни, это удел молодости!» (Письма. Николай Эрдман. Ангелина Степанова. М.: Иван-Пресс, 1995. С.31-33).

1 На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Научн. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 128, 131, 137.

2 Там же. С. 126, 137.

3 Там же. С. 128, 129, 130.

4 Молчанов Георгий Андреевич (1897–1937). Образование: приходская трехклассная школа, 1912; Харьковская торговая школа, бросил в последнем классе, 1917. В коммунистической партии с 1917 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. В 1935 г. присвоено звание комиссар ГБ 2-го ранга. С 17 ноября 1931 г. по 28 ноября 1936 – начальник СПО ОГПУ, а затем ГУГБ НКВД СССР. С 11 декабря 1936 г. – нарком внутренних дел БССР и начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Белорусского военного округа. Арестован 3 февраля 1937 г. и расстрелян в особом порядке 9 октября того же года. Не реабилитирован.

читательской вертикали – Сталина – практически в тот же день, ближе к ночи, как это Сталин и любил.

Увы, эта гипотеза нуждается в корректировке. Вероятность того, что Ягода в этот день переговорил со Сталиным о Мандельштаме прямо в Кремле, – практически нулевая. Дело в том, что Ягода вошел в кабинет не один, а вместе со всем Политбюро, то есть в компании человек так двадцати – и не мудрено: обсуждалось около семидесяти вопросов, в том числе о системе финансирования органов ОГПУ[1]. Началось заседание в 13.20, а закончилось в 19.30[2], так что и по времени эта дата «не бьет».

Но изменения, происшедшие с мандельштамовским делом, были настолько радикальными, что остается предположить только одно – где-то между поздним вечером 25 мая и серединой дня 26 мая Ягода доложил Сталину о Мандельштаме по телефону. Сначала он ознакомил вождя с самим «пасквилем», а затем и с новодобытыми отягчающими данными о пасквилянте. Дело было подготовлено для передачи в Особое совещание, штрафная компетенция которого в то время не выходила за рамки пяти лет лагерей. Но Сталин ведь мог и перерешить, и, докладывая, Ягода не сомневался в том, что сталинское решение будет достаточно суровым: одной только «груди осетина» для грузина вполне достаточно, чтобы отправить неучтивца к праотцам.

Но Ягода ошибся.

Сталин мгновенно оценил ситуацию, а главное – «оценил» стихи и, действительно, решил всё совершенно иначе – в сущности, он помиловал дерзеца-пиита за творческую удачу и за искренне понравившиеся ему стихи. Ну разве не лестно и не гордо, когда тебя так боятся, – разве не этого он как раз и добивался?!

«Ассириец», он понимал, что к вопросу о жизни и смерти

1 Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. В 3-х тт. Том II. 1930–1939 / Ред. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 539–542.

2 На приеме у Сталина. Тетради, журналы записи лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Научн. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 130.

можно будет при необходимости и вернуться, а пока почему бы не поиграть с пасквилянтом в кошки-мышки и в жмурки, почему бы не сотворить маленькое чудо, о котором сразу же заговорит вся Москва?

Итак, 25 мая 1934 года Сталин – чудовище – подарил Мандельштаму жизнь – пускай не всю, пусть всего «один добавочный день», но день, «полный слышанья, вкуса и обонянья».

И это была – самая высшая и самая сталинская из всех Сталинских премий, им когда-либо присужденных![1]

8
Сотворение чуда

Но еще одну историю – несколько забегая вперед и хотя бы на правах постскриптума – следует дорассказать. Историю про то, как в начале июня 1934 года за О.М. вступился Бухарин, написавший Сталину по этому поводу специальное и очень хорошо продуманное письмо. Приведем заключительную его часть (первые две касаются чисто административных вопросов):

> *3) О поэте Мандельштаме. Он был недавно арестован и выслан. До ареста он приходил со своей женой ко мне и высказывал свои опасения на сей предмет в связи с тем, что он подрался(!) с А‹лексеем› Толстым, которому нанес «символический удар» за то, что тот несправедливо якобы решил его дело, когда другой писатель побил его жену. Я говорил с Аграновым, но он мне ничего конкретного не сказал. Теперь я получаю отчаянные телеграммы от жены М‹андельштама›, что он психически расстроен,*

1 Интересно, что денежные Сталинские премии ведут свой отсчет именно от 1934 г., но выдавались они задним числом в 1940 г., как бы за весь семилетний отрезок времени. Среди первых ее лауреатов-писателей А. Толстой, М. Шолохов, Н. Асеев, Я. Купала, П. Тычина, С. Михалков, А. Твардовский и др.

пытался выброситься из окна и т. д. Моя оценка О. Мандельштама: он – первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он – безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д. Т. к. ко мне всё время апеллируют, а я не знаю, что он и в чем он «наблудил», то я решил тебе написать и об этом. Прости за длинное письмо. Привет.

Твой Николай

P.S. О Мандельштаме пишу еще раз (на об‹ороте›), потому что Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста М‹андельштам›а и никто ничего не знает.

На этом письме Сталин собственноручно начертал резолюцию: «*Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие…*»[1]

Прежде чем писать эту записку, Бухарин, как видим, справился об О.М. у Агранова, но тот уклонился от комментария, видимо еще не зная результата. Под воздействием телеграмм из Чердыни и обращения Пастернака (вероятно, вторичного) Бухарин и написал свою записку. И уже после этого, встретив Ягоду, услышал от него то, чем, собственно, О.М. «наблудил» (Шиваров называл эти стихи или пасквилем, или «беспрецедентным контрреволюционным документом»). А услышав – испугался сам.

Только так можно объяснить бухаринскую реакцию на приход Н.М. в редакцию «Известий»: «*Проездом из Чердыни в Воронеж я снова забежала в “Известия”. “Какие страшные телеграммы вы присылали из Чердыни”, – сказала Короткова* (секретарь Бухарина. – *П.Н.*) *и скрылась в кабинете. Вышла она оттуда чуть не плача. “Н. И. не хочет вас видеть – какие-то стихи”… Больше я его не видела. …*

1 См. ниже в разделе «Документы».

Ягода прочел ему наизусть стихи про Сталина, и он, испугавшись, отступился»[1].

Л. Максименков также полагает, что О.М. спас лично Сталин, но не как читатель стихов и даже не как интриган-импровизатор, а как системный бюрократ. Всё дело в том, что О.М., по Максименкову, был в 1932–1934 годах ни много ни мало – номенклатурным поэтом(!), а «номенклатуру» без разрешения «Инстанции», то есть Сталина, трогать не полагалось:

> *Его имя было включено в список-реестр, который был подан Сталину в момент создания оргкомитета ССП в апреле 1932 года и который вождь со вкусом главного кадровика огромной страны исчеркал характерными цифрами, стрелками и фамилиями кандидатов.*
>
> *В части списка, заключительной по месту, но не по политическому значению, состоявшей из 58 «беспартийных писателей» были имена Пастернака, Бабеля, Платонова, Эрдмана, Клюева и Мандельштама… Фамилий Михаила Булгакова, Анны Ахматовой и Михаила Кузмина в этом списке не было. Список был охранной грамотой. В условиях византийского значения списков для России Осипа Эмильевича можно было считать реальным членом номенклатуры ССП образца 1932 года. Отныне нельзя было просто так арестовывать упомянутых в списке поэтов и писателей.*[2]

И именно на этом, выручая О.М., и сыграл Бухарин, будучи, по Максименкову, своего рода колонновожатым писательской номенклатуры.

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 29–30.
2 Максименков, 2003. С. 250.

> *В январе 34-го на съезде «победителей» Бухарин был избран кандидатом в члены ЦК. Усилилась его роль в Академии Наук. Но для истории советской культуры и литературы более значительным оказался факт, не зафиксированный в явных решениях Политбюро. Где-то в мае–июне была подготовлена новая повестка дня Первого съезда писателей. Радикально измененная, она поручала Бухарину выступить на съезде с докладом о советской поэзии. Докладчик получал карт-бланш для трактовки советской поэзии и советских поэтов. На некоторое время Бухарин назначался наместником Сталина в царстве поэзии, чрезвычайным комиссаром с мандатом «Инстанции». Мандельштама (под гарантию Пастернака) спасут именно благодаря этому монаршему мандату.*[1]

То, что письмо прежде всего про О.М., Сталин, разумеется, понял сразу – отсюда его красный карандаш на полях мандельштамовского «пункта». Но в то, что дело тут всего лишь в нарушении негласной субординации, верится с трудом: принадлежность к какой бы то ни было номенклатуре в СССР никого не спасала[2]. Как и в то, что при этом Максименков вынужден был допустить – сталинскую неиформированность:

> *Сталин об аресте, похоже, искренне ничего не знал. Без ведома ЦК, «инстанции» (Политбюро, Оргбюро, Секретариата), Культпропа и оргкомитета Союза писателей арестовали*

1 Максименков, 2003. С. 256.

2 В противном случае сбой по статусу произошел тогда, надо полагать, и с другими названными «номенклатурными кадрами» – Клюевым, Бабелем или Эрдманом!

номенклатурного поэта. В те дни начинался прием в члены ССП. Такой арест мог повредить кампании и подготовке к съезду.[1]

С этой точки зрения необычайно важно как можно точнее продатировать бухаринскую записку.

Ясно и то, что Бухарин не слишком торопился с хлопотами. Ведь Пастернак обратился к нему, в сущности, в день ареста, то есть еще 17 мая. По-видимому, тогда Бухарин и позвонил Агранову, но тот не посчитал нужным делиться с Бухарчиком тем, что уже знал об этом деле. После чего Бухарин как минимум три недели не предпринимал решительно ничего.

Но когда 3–4 июня из Чердыни посыпались телеграммы о травмопсихозе О.М. и его покушении на самоубийство (а возможно, в это же самое время у него вторично справился об О.М. и Пастернак), Бухарин решился всё же вмешаться – на сей раз записочкой, где О.М. поминается среди прочих и как бы невзначай. Датировать ее можно по контексту – 5 или 6 июня.

Думается, что «записочка» сыграла свою роль в закреплении и даже усилении «чуда» – в замене Чердыни Воронежем, а высылки ссылкой, то есть снятием с О.М. режима спецкомендатуры.

Другое следствие бухаринского и только бухаринского письма – звонок Сталина Пастернаку. Уже отмечено, что существуют две версии состоявшегося между ними разговора – «пространная» и «краткая». Согласно первой (Н. Мандельштам, А. Ахматова, Л.Чуковская, З.Пастернак, З. Масленникова – все, разумеется, с вариациями), Пастернак спокойно и подробно беседует со Сталиным о Мандельштаме,

1 Максименков, 2003. С. 245. Ср. также о резолюциях Сталина как о своего рода «жанре»: «…Мнение Сталина (“Безобразие…”) не обращено ни к кому персонально… Это не закон, а именно сентенция философско-созерцательного плана… Нет фамилии адресата… Если ответ на вопрос “кто виноват?” подразумевался (“они”), то конкретного указания: “что делать?” в сталинской мысли не было. Звучал риторический вопрос и субъективная оценка факта» (Там же. С. 244, 246). В контексте других сталинских резолюций – «мандельштамовская» – самая риторическая!

заступается за него и предлагает встретиться, чтобы поговорить о жизни и смерти[1]. Согласно второй (Н. Вильмонт, М. Пришвин, М.Коряков, Д. Спасский[2]) – разговор был предельно лаконичным, и Пастернак в нем не то чтобы отрекался от О.М., но отчетливо от него дистанцировался[3]. К этой версии, похоже, присоединяется и сам Пастернак – в письме Сталину от 1 ноября 1935 года с просьбой об освобождении Н. Пунина и Л. Гумилева («*Однажды Вы упрекнули меня в безразличии к судьбе товарища*»)[4].

Любопытно, что и Н. Вильмонт, и З. Пастернак – оба слышали пастернаковскую часть диалога собственными ушами! Жена поэта, кстати, сильно недолюбливавшая О.М., вообще считала, что Сталин таким образом проверял, а верно ли, что Пастернак так волнуется, как ему о том пишет Бухарин:

> *«Вскоре до нас дошли слухи (*Sic! И это в ситуации, когда Ахматова уже на следующее утро приходила к Пастернаку! – *П.Н.), что Мандельштам арестован. Боря тотчас же кинулся к Бухарину, который был редактором «Известий», возмущенно сказал ему, что не понимает, как можно не простить такому большому поэту какие-то глупые стихи и посадить человека в тюрьму. ‹…› В квартире, оставленной Боре и его брату родителями, мы занимали две комнаты, в остальных трех поселились посторонние люди. Телефон был в общем коридоре. Я лежала больная воспалением легких. Как-то вбежала соседка и сообщила, что*

1 Ср.: Кацис Л. К поэтическим взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама // Пастернаковский сборник. II. М., 1998. С. 267-287; Кацис, 2011. С.356.

2 См.: Из дневника С.Д. Спасского (1933-1941) / Публ. и подг. текста М.А. Рашковской. Пастернаковский сборник. Статьи и публикации. I. М., РГГУ. 2011. С. 422.

3 Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М., 1999. С. 218.

4 Важную дискуссию на эту тему см.: Галушкин А. Сталин читает Пастернака.; Флейшман Л. Еще раз о Пастернаке и Сталине. К публикации А.Ю. Галушкина.// В кругу Живаго. Пастернаковский сборник. Stanford Slavic Studies. Vol. 22. Stanford/Ca. 2000. P. 38-86.

Бориса Леонидовича вызывает Кремль. Меня удивило его спокойное лицо, он ничуть не был взволнован. Когда я услышала: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович», – меня бросило в жар. Я слышала только Борины реплики и была поражена тем, что он разговаривал со Сталиным, как со мной. С первых же слов я поняла, что разговор идет о Мандельштаме. Боря сказал, что удивлен его арестом, и хотя дружбы с Мандельштамом не было, но он признает за ним все качества первоклассного поэта и всегда отдавал ему должное. Он просил по возможности облегчить участь Мандельштама и, если возможно, освободить его. А вообще он хотел бы повстречаться с ним, т. е. со Сталиным, и поговорить с ним о более серьезных пещах – о жизни, о смерти. Боря говорил со Сталиным просто, без оглядок, без политики, очень непосредственно.

Он вошел ко мне и рассказал подробности разговора. Оказывается, Сталин хотел проверить Бухарина, правда ли, что Пастернак так взволнован арестом Мандельштама. Боря был совершенно спокоен, хотя этот звонок мог бы взбудоражить любого. Его беспокоило лишь то, что звонок могли слышать соседи. Он позвонил секретарю Сталина Поскребышеву и спросил, нужно ли держать в тайне этот разговор‹…›. Поскребышев ответил, что это его дело»[1]

Но, каким бы ни был этот разговор на деле, уже одним фактом личного звонка Сталин хорошенько покогтил, причем не только Мандельштама, но и самого Пастернака. Спустя два с лишним года, 25 ноября 1936 года, М. Пришвин записал в

1 Пастернак З.Н. Воспоминания. М.: Классика-XXI, 2004. С. 71–73.

дневнике: «*“Я” Сталина родилось из кавказской кровной верности, непостижимого упорства кровника в достижении цели, из коварства азиатского, из дружбы, из огромной первобытной кровной, близости к человеку, из безфантазии и бездосужия, из партии… Он, вероятно, беспрерывно “прижимает человека к стене”, ловит его с поличным его блажи и одного, отпустив, делает своим человеком навсегда, другого,* ***когда надо****, без колебания уничтожает (слышал я, будто он позвонил к Пастернаку и спросил, не нуждается ли он в чем-нибудь, и после долгих намеков сказал о сосланном Мандельштаме; а когда Пастернак отказался, сказал ему: – “Эх вы, писатели!” – Таким образом он пригвоздил к себе навсегда Пастернака. Не дай-то бог попасть в такой “нравственный плен”*»[1]

Как бы то ни было, но именно этот звонок и его санкционированная публичность сделали чудо Сталина о Мандельштаме всеобщим достоянием, породив среди писателей накануне их первого съезда и вообще внутри интеллигенции слухи о доброте и благородстве «кремлевского горца».

Еще бы: бывший «мужикоборец» не только не обиделся на «пасквиль», но по-товарищески выручил поэта-пасквилянта.

Сам же товарищ Сталин вдруг из «чудища обла» враз превратился в «чудотворца»!

Документы
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ФСБ, МОСКВА
МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА
№ Р-33487 1934 ГОДА

‹1›
Обложка дела О.Э. Мандельштама 1934 года (1960-е гг.)

1 Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. СПб.: Росток, 2010. С.368-369.

Секретно

Министерство Государственной безопасности СССР

Центральный архив

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению *Мандельштам Осипа Эмильевича*

Арх‹ивный› № *[60467 1] [Н-9284] Р-33487*

Количество томов: «*1*», том «*1*».

Наименование органа, в производстве которого находилось дело *ОГПУ*

Год производства: *1934.*

По использовании дело должно быть возвращено в Центральный архив МГБ СССР

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Обложка. **Штамп вверху: «Дело взято на тематический учет».**

‹2›

Подлинная обложка дела О.Э. Мандельштама 1934 года

ОГПУ

ДЕЛО № *4108*

по обвинению гр. *Мандельштама О.Э.*

Начато *17/V* 19*34* г.
Окончено 19 г.

На листах

Архивный № *60467*

Выписка из приказа АОУ[1] № 73 от 31 м‹ая› 23 г.:

Передачу взятых архивных дел в другие отделы ОГПУ и учреждения (ВЦИК и т. д.), хотя бы и временно, производить исключительно через ОЦР[2].

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Обложка.

Без ведома Учетного Отделения дело уполномоч‹енного› никому не может быть передано. ‹Отобран›ные документы арестованного должны находиться при деле в отдельном конверте. Подшивка ‹их в› дело в общем порядке не допускается согласно приказа по А. О. У. № 210 от 15/IX–25 г.

СПИСОК ОБВИНЯЕМЫХ ПО ДЕЛУ
МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

---

1 Административно-организационное управление.
2 Отдел центральной регистратуры.

Фамилия, имя и отчество	*Содержится под стражей (дата ареста)*	*ОСВОБОЖДЕН: под подписку, под поручительство, под залог и за прекращ‹ением› дела (дата измен‹ения› меры пресеч‹ения›)*
Мандельштам Осип Эмильевич	*16/V 34*	

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Оборот обложки. Далее следует конверт с фотографией (см. ниже документ № 9).

‹3›
Опись следственного дела О.Э. Мандельштама 1934 года

Опись бумаг, находящихся в деле № 4108

1. Ордер № 512 на арест Мандельштама 1

2. Протокол обыска 1

3. Анкета арестованного 1

4. Протокол допроса Мандельштама и копия от 18/V 34 5

5. Протокол допроса его же от 25/V и копии к нему 16

6. Постановление о предъявлении обвинения 1

7. Обвинит‹ельное› заключение 2

8. Выписки из прот‹окола› ОСО при Коллегии ОГПУ

от 26/V 34 и расписка Мандельштама в

прочтении

объявления ему об окончании следствия 2

9. Заявление в ОГПУ отца Э. Мандельштама 1

10. Меморандум СПО в Свердловск

о переводе Мандельштама из Чердыни – в больницу 1

11. Выписка из прот‹окола› ОСО от 10/VI 34 1

Итого в сем деле подшито
и занумеровано 32 стр.

Уполномоч‹енный› 4 СПО ГУГБ С. Вепринцев

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Оборот обложки.

‹4›
Ордер Объединенного Государственного Политического Управления СССР № 512 от 16 мая 1934 года на обыск и арест О.Э. Мандельштама

С.С.С.Р.

Объединенное Государственное Политическое Управление

ОРДЕР № ***512***

Мая 16 дня 193*4* г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела ОГПУ *Герасимову*

на производство *Ареста-обыска Мандельштам Осипа Эмильевича*

по адресу: *Нащекинский пер., д. 5, кв. 16.*

ПРИМЕЧАНИЕ: Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

Зам. Председателя ОГПУ *Я. Агранов*

З‹ам.› Начальник‹а› Оперативного Отдела *Подпись*

Круглая печать ОГПУ

Заявка *309*

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 1.

‹5›
Протокол обыска-ареста О.Э. Мандельштама от 17 мая 1934 года

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Объединенного Государственного Политического Управления № *512* от «*16*» *мая* мес‹яца› 193*4* г. произведен обыск/арест гр-*на Мандельштам О.Э.* в доме № *5*, кв. № *26*.

При обыске присутствовали: *Управл‹яющий› домами гр-н Ильин Н.И.*

Согласно данным указаниям задержан гражд‹ани›н *Мандельштам Осип Эмильевич.*

Взято для доставления в ОГПУ следующее

(подробная опись всего конфискуемого и реквизируемого): *Паспорт № 366920, письма, записи с телефонами и адресами и рукописи на отдельных листах в количестве 48 (сорока восьми) листов*.

Переписка взята в отдел.
Уп‹олномоченный› ЦСПО[1] *С. Вепринцев*

*Ар‹ест-›*обыск производили комиссары Оперода *Герасимов, Вепринцев, Забловский*

При обыске заявлена жалоба от *Мандельштам О.Э.*

1) на неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся, по мнению жалобщика, в *нет*

2) на исчезновение предметов, записанных в протокол, а именно: *нет*

Примечание:
распечатан гр-на
запечатан печатью №

Все заявления и претензии должны быть занесены в протокол. После подписи протокола никакие заявления и претензии не принимаются.

За всеми справками обращаться в комендатуру ОГПУ (пл. Дзержинского, д. 2), указывая № ордера, день его выдачи и когда был произведен обыск.

Всё указанное в протоколе и прочтение его вместе с примечаниями лицами, у которых обыск производился, удостоверяем

О. Мандельштам

1 Центральный секретно-политический отдел.

Представитель домоуправления *Н. Ильин*
Производивший обыск комиссар Оперода

17/V 1934 Копию с протокола получил

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 2–2 об.

‹6›
Квитанция Управления делами ОГПУ № 1404 от 16 мая 1934 года о приеме от арестованного Мандельштама О.Э. его вещей и книг

Управление делами ОГПУ
Комендатура

16/V 1934
Квитанция № *1404*

Принято согласно ордера ОГПУ № *572*
от арестованного(ой) *МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевича*
проживающего(ей) *Нащекинский пер. 5, кв. 26*
Восемь шт. воротничков, галстук, три запонки, мыльница, ремешок, щеточка, семь шт. разных книг.

Деж‹урный› приема арестованных *Подпись*

Квитанция № 1404
16/V 1934
Фамилия и инициалы *Мандельштам О.Э.*
Документы: *Паспорт № 366920*

Деж‹урный› приема арестованных *Подпись*

Всё отобранное у меня при личном обыске и по протоколу записано в квитанции №№… правильно. Квитанцию получил ***О. Мандельштам***

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 37.

‹7›

Квитанция Управления делами ОГПУ № 1556 от 16 мая 1934 года о приеме от арестованного Мандельштама О.Э. денежной суммы в размере 30 рублей

Управление делами ОГПУ
Комендатура

16/V 193*4*

Квитанция № *1556*

Принято согласно ордера ОГПУ № *572*
от арестованного(ой) *Мандельштам Осип Эмильевич*
Денег: руб. *30* коп. –
Тридцать руб.
Вещи: *Z*

Дежурный приема арестованных *Подпись*

Прикладывается к делу.

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 38. **Бланк с**

пометой: «Прикладывается к делу».

‹8›
Анкета арестованного О.Э. Мандельштама от 16 мая 1934 года

ОГПУ АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО *4108* Форма №5

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	***Мандельштам*** / *Мандельштам*
2. Имя и отчество	*Осип Эмильевич*
3. Год и место рождения	Родился ***«3» января 1891 г.*** обл., край, р-н гор. ***Варшава*** село
4. Постоянное местожительство (адрес)	*Москва. Нащекинский пер. д. 5 кв. 26*
5. Место службы и должность или род занятий	***Писатель***
6. Профессия и профсоюзная принадлежность № билета	***горком писателей (союз печатников)*** *писатель*
7. Имущественное положение в момент ареста (перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые с.-х. орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и прочее; сумма налога с.-х. и индивид‹уального›. Если колхозник, указать имущ‹ественное› положение до вступления в колхоз, время поступления в колхоз)	—
8. То же до 1929 года	—

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
9. То же до 1917 года	—
10. Социальное положение в момент ареста	*Писатель*
11. Служба в царской армии и чин	—
12. Служба в белой армии и чин	—
13. Служба в красной армии: а) сроки службы б) воинская категория	—
14. Социальное происхождение	*сын купца*
15. Политическое прошлое	*ни в одной партии не состоял*
16. Национальность и гражданство	*еврей советское*
17. Партийная принадлежность, с какого времени и № билета	*беспартийный*
18. Образование (подчеркнуть и указать точно, что окончил)	Высшее, среднее, низшее, неграмотен *Филологический факультет Петерб* *университета по романскому отделе*
19. Категория воинского учета	
20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение	*не состоял*
21. Состояние здоровья	*здоров: сердце несколько возбуждено и ослаблено*
22. Кем и когда арестован	*ОГПУ, 16 мая 1934*

23. Состав семьи: перечислить: отца, мать, жену, мужа, сестер, братьев, сыновей и дочерей (их фамил
чество, место службы и должность или род занятий и адрес)

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	М/работы, должность или профессия	Место жител
отец	*Мандельштам Эмиль Вениаминович*	*76*	*Иждивенец*	*Ленинград, 8 лини*
жена	*Мандельштам Надежда Яковлевна*	*34*	*Домохозяйка*	*Москва, Нащоки д. 5, кв. 2*
брат	*Мандельштам Александр Эмильевич*	*41*	*Сотрудник Книгоцентра*	*Москва, Староса д. 10, кв.*
брат	*Евгений Эмильевич*	*37*	*Врач союз машиностроителей*	*Ленинград, 8 лини*

Подпись арестованного *О.Э. Мандельштам*

1. особые внешние приметы
2. особые замечания

Подпись сотрудника, [заполнившего] пров‹ерившего› анкету *Подпись*

« » 16 / V 1934 г.

Примечания:

1-е. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными.

2-е. Анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу.

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 3–3 об.* Форма № 5, заполненная О.Э. Мандельштамом и проверенная или уточненная ОГПУ. Помета следователя: «*512/4 СПО 11.9.к-р ‹нрзб› Шиваров*». Штамп: «По Центральной картотеке У.С.О. О.Г.П.У. СВЕДЕНИЙ НЕТ. Нач. III отделения *Подпись.* Справку наводил *Подпись. 17/V* 1934 г.»**

‹9›

Тюремная фотография О.Э. Мандельштама в профиль и фас, сделанная 17 мая 1934 года.

На фотографии посередине сверху вниз белой краской: «17/V 34. 37621 Мандельштам Осип Эмильев.»

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Вложена в конверт.

‹10›

Протокол допроса О.Э. Мандельштама оперуполномоченным 4 отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Н.Х. Шиваровым от 18 и 19 мая 1934 года

Форма № 29
О. Г. П. У.
К делу №

Протокол допроса

193*4* г. *мая* мес‹яца› *18* дня. Я, *Операт. Уполн. 4 отд. СПО ОГПУ Шиваров,* допросил в качестве обвиняем*ого* граждан*ина Мандельштама О.Е.* и на первоначальные предложенные вопросы он (она) показал(а):

1. Фамилия *Мандельштам*
2. Имя и отчество *Осип Емильевич*
3. Возраст и год рождения *1891 г. р.*
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) *из г. Варшава, сын купца первой гильдии, еврей, гр‹ажданин› СССР.*
5. Место жительства (постоянное и последнее) *Москва, Нащекинский пер., дом 5, кв. 26.*
6. Род занятий (последнее место службы и должность) *Литератор.*
7. Семейное положение (перечислить близких родственников, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) *жена Надежда Яковлевна – 34 л. проживает совместно с ним. Отец – Емиль Вениаминович – ок. 80 лет, проживает в Ленинграде у брата Евгения*

Ем‹ильевича› – 8-я линия, дом 31, кв. 5, брат Александр Ем‹ильевич› – 41 г. Москва, Старосадский пер., 10, кв. 3 (или д. 3, кв. 10)

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников*) У отца был в последние годы перед революцией небольшой кожев‹енный› завод (владел совм‹естно› с компаньоном). До революции жил на средства отца, после революции живет личным трудом.*

О. Мандельштам

9. Образовательный ценз (первоначальное образование, средняя школа, высшая, специальная, где, когда и т. д.) *Окончил (без госуд‹арственных› экзаменов) романское отделение филолог‹ического› факультета Петерб‹ургского› Ун-та.*

10. Партийность *б/п*

11. Сведения об общественной и революционной работе *В 1910 г. примыкал к партии С. Р., вел кружок в качестве пропагандиста и проводил рабочие летучки.*

12. Сведения о судимости, нахождении под следствием (до Октябрьск‹ой› Революции и после ее*) не судился.*

13. Категория воинского учета – запаса: начсостав высший, старший, средний, рядовой, переменник, одногодичник, тылоополченец *с учета снят*.

14. Служба у белых *не служил.*

15. Показания по существу дела:*)

Вопрос – Бывали ли вы за границей?

Ответ – Первый раз был за границей в Париже, в 1908 г. провел несколько месяцев. Это была поездка с образовательной целью – начал изучать французскую поэзию.

Второй раз был в 1910 г. в Гейдельберге, где учился в Университете – всего 1 семестр.

Третий раз – 1911 г. в Берлине и Швейцарии несколько недель и 3-х-дневная поездка в Италию.

О. Мандельштам

*) Каждая страница протокола должна заканчиваться подписью допрашиваемого, а последняя и допрашивающего.

Вопрос – С каких пор вы занимаетесь литературой?

Ответ – Дилетантски я занимаюсь с детских лет. Первый профессиональный опыт относится к 1909, когда впервые мои стихи были опубликованы в «Апполоне».

Записано с моих слов. Верно. Мной прочтено.
О. Мандельштам

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного характера?

Ответ: Да, я являюсь автором следующего стихотворения контрреволюционного характера:

Мы живем под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,

Там припоминают[1] кремлевского горца.
Его толстые пальцы как черви жирны
И слова как пудовые гири верны.
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову дарит за указом указ,
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина,
И широкая грудь осетина.

Вопрос: Кому вы читали или давали в списках это стихотворение?

Ответ: В списках я не давал, но читал следующим

О. Мандельштам

лицам: своей жене, своему брату – Александру Е. Мандельштаму, брату моей жены – Евгению Яковлевичу Хазину – литератору, автору детских книг, подруге моей жены Эмме Григорьевне Герштейн – сотруднице секции Научн‹ых› работников ВЦСПС; Анне Ахматовой – писательнице; ее сыну Льву Гумилеву, [литератору Бродскому Давиду Григорьевичу,] сотр‹уднику› Зоол‹огического› музея Кузину Борису Сергеевичу.

1 Так в протоколе.

О. Мандельштам

Вопрос – Когда это стихотворение было написано?

Ответ – В ноябре 1933 года.

С моих слов верно.
Мною прочитано.
О. Мандельштам

Допросил – Ник. Шиваров

Оп‹еративный› Уп‹олномоченный› 4 отд‹еления› СПО ОГПУ

В дополнении к предыдущим показаниям должен добавить, что в числе лиц, которым я читал названное выше контрреволюционное стихотворение, принадлежит и молодая поэтесса Мария Сергеевна Петровых. Петровых записала это [произв‹едение›] стихотворение с голоса, обещая, правда, впоследствии уничтожить.

19 мая.
Записано с моих слов.
О. Мандельштам

Ник. Шиваров

На пятой и шестой строчке слова: «литератору Бродскому Давиду [Сергеевичу] Григорьевичу» зачеркнуты по моей просьбе, как показание, не соответствующее действительности и ошибочно данное при моем вчерашнем допросе.

19 мая.
О. Мандельштам

19. V. Ник. Шиваров

В дополнении к первым своим показаниям должен сообщить, что названное выше к/р произведение я читал также и Нарбуту В.И. Выслушав это стихотворение, Нарбут сказал мне: «Этого не было» – что должно было означать, что я не должен говорить кому-либо, что это произведение я ему читал.

19 мая.
О. Мандельштам

19. Ник. Шиваров

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 4–5 об. **Формуляр (форма № 29), заполненный следователем и авторизованный О.М., подписывавшим каждый лист и каждое новое добавление. Л. 6–8 – машинописная копия допроса, заверенная оперуполномоченным 4 отделения СПО ОГПУ Н.Х. Шиваровым.**

‹11›
Протокол допроса О.Э. Мандельштама оперуполномоченным 4 отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Н.Х. Шиваровым от 25 мая 1934 года

Протокол допроса

Гр-на Мандельштама Осипа Емильевича – 1891 г. рожд‹ения›.

Уроженец гор. Варшавы;

сын купца. Беспартийный.

Литератор.

25.V.1934 г.

Вопрос: – Как складывались и как развивались ваши политические воззрения?

Ответ: – В юношеские годы я находился в близкой дружбе с сыном известного

социалиста-революционера Бориса Наумовича Синани. Под влиянием Синани и других посещающих его членов партии социалистов-революционеров и складывались мои первые политические воззрения.

В 1907 г. я уже работал в качестве пропагандиста в с.-ровском рабочем кружке и проводил рабочие летучки. К 1908 году я начинаю увлекаться анархизмом. Уезжая в этом году в Париж, я намеревался связаться там с анархо-синдикалистами. Но в Париже увлечение искусством и формирующееся литературное дарование отодвигают на задний план мои политические увле-

О. Мандельштам

чения. Вернувшись в Петербург, я не примыкаю более ни к каким революционным партиям. Наступает полоса политической бездейственности, продолжившейся вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Октябрьский переворот воспринимаю резко

отрицательно. На советское правительство смотрю как на правительство захватчиков и это находит свое выражение в моем опубликованном в «Воле Народа» стихотворении «Керенский». В этом стихотворении обнаруживается рецидив эсеровщины: я идеализирую Керенского, называя его птенцом Петра, а Ленина называю временщиком.

Примерно через месяц я делаю резкий поворот к советским делам и людям, что находит выражение в моем включении в работу Наркомпроса по созданию новой школы.

С конца 1918 года наступает политическая депрессия, вызванная крутыми методами осуществления диктатуры пролетариата. К этому времени я переезжаю в Киев, после занятия которого белыми я переезжаю в Феодосию. Здесь, в 1920 году, после ареста меня белыми предо мною встает проблема выбора: эмиграция или Советская Россия и я выбираю Советскую Россию. Причем стимулом бегства из Феодосии было резкое отвращение к белогвардейщине.

Записано с моих слов, верно и мною прочитано.

О. Мандельштам

По возвращению в Советскую Россию я врастаю в советскую действительность первоначально через литературный быт, а впоследствии – непосредственной работой: редакционно-издательской и собственно-литературной. Для моего политического и социального сознания становится характерным возрастающее доверие

к политике Коммунистической партии и советской власти.

В 1927 году это доверие колебалось не слишком глубокими, но достаточно горячими симпатиями к троцкизму и вновь оно было восстановлено в 1928 году.

К 1930 году в моем политическом сознании и социальном самочувствии наступает большая депрессия. Социальной подоплекой этой депрессии является [процесс] ликвидация кулачества как класса. Мое восприятие этого процесса выражено в моем стихотворении «Холодная весна» – прилагаемое к настоящему протоколу допроса и написанное летом 1932 г. после моего возвращения из Крыма. К этому времени у меня возникает чувство социальной загнанности, которое усугубляется и обостряется рядом столкновений личного и общественно-литературного порядка.

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного содержания?

О. Мандельштам

Ответ: Да, я признаю себя виновным в том, что я являюсь автором контрреволюционного пасквиля против вождя коммунистической партии и советской страны. Я прошу разрешить мне отдельно написать этот пасквиль и дать его как приложение к настоящему протоколу допроса.

Вопрос: Когда этот пасквиль был написан,

кому вы его читали и кому давали в списках?

Ответ: Читал его: 1) своей жене; 2) ее брату – литератору, автору детских книг Евгению Яковлевичу Хазину; 3) своему брату Александру Е. Мандельштаму; 4) подруге моей жены – Герштейн Эмме Григорьевне – сотруднице секции научных работников ВЦСПС; 5) сотруднику Зоологического музея Борису Сергеевичу Кузину; 6) поэту Владимиру Ивановичу Нарбуту; 7) молодой поэтессе Марии Сергеевне Петровых; 8) поэтессе Анне Ахматовой и 9) ее сыну Льву Гумилеву.

В списках я никому не давал его, но Мария Сергеевна Петровых записала этот пасквиль с голоса, обещая, правда, впоследствии его уничтожить.

Написан же этот пасквиль в ноябре 1933 года.

О.Э. Мандельштам

Вопрос: Как реагировали на прочтение им этого пасквиля названные вами лица?

Ответ: Кузин Б.С. отметил, что эта вещь является наиболее полнокровной из всех моих вещей, которые я ему читал за последний 1933 год.

Хазин Е.Я. отметил вульгаризацию темы и неправильное толкование личности как доминанты исторического процесса.

Александр Мандельштам, не высказываясь, укоризненно покачал головой.

Герштейн Э.Г. похвалила стихотворение за его поэтические достоинства. Насколько я помню, развернутого обсуждения темы не было.

Нарбут В.И. сказал мне: «Этого не было» –

что должно было означать, что я не должен никому говорить о том, что я ему читал этот пасквиль.

Петровых – как я сказал – записала этот пасквиль с голоса и похвалила вещь за высокие поэтические качества.

Лев Гумилев – одобрил вещь неопределенно-эмоциональным выражением вроде «здорово», но его оценка сливалась с оценкой и его матери Анны Ахматовой, в присутствии которой эта вещь ему была зачитана.

О. Мандельштам

Вопрос: Как реагировала Анна Ахматова при прочтении ей этого контрреволюционного пасквиля и как она его оценила?

Ответ: Со свойственной ей лаконичностью и поэтической зоркостью Анна

Ахматова указала на «монументально-лубочный и вырубленный характер» этой вещи.

Эта характеристика правильна потому, что этот гнусный, контрреволюционный, клеветнический пасквиль, – в котором сконцентрированы огромной силы социальный яд, политическая ненависть и даже презрение к изображаемому, при одновременном признании его огромной силы – обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

О. Мандельштам

Вопрос: Выражает ли ваш контрреволюционный пасквиль «Мы живем…» только ваше, Мандельштама, восприятие и отношение или он выражает восприятие и отношение определенной какой-либо социальной группы?

Ответ: Написанный мною пасквиль «Мы живем…» – документ не личного восприятия и отношения, а документ восприятия и отношения определенной социальной группы, а именно, части старой интеллигенции, считающей себя носительницей и передатчицей в наше время ценностей прежних культур. В политическом отношении эта группа извлекла из опыта различных оппозиционных движений в прошлом привычку к искажающим современную действительность историческим аналогиям.

Слово «современный» на 15 строке вставлено с моего позволения.
О. Мандельштам[1]

Вопрос: Значит ли это, что ваш пасквиль является оружием контрреволюционной борьбы только для характеризованной вами группы или он может быть использован для целей контрреволюционной борьбы иных социальных групп?

Ответ: В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению: «страна и властелин».

1 Пометка не под текстом, а левее, на полях.

Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания характеризованной выше группы, к которой принадлежу и я, но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применим‹ым› орудием контрреволюционной борьбы, которое может быть использовано любой социальной группой.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

О. Мандельштам

Допросил – Оп‹еративный› Уп‹олномоченный› 4 отд‹еления› СПО ОГПУ Ник. Шиваров

Приложение к протоколу допроса О. Мандельштама от 25.V.34 г.

Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым.
Как был при Врангеле, такой же виноватый,
Комочки на земле, на рубищах заплаты,
Всё тот же кисленький, кусающийся дым.
Всё так же хороша рассеянная даль,
Деревья почками набухшие на малость,
Стоят как пришлые и вызывают жалость,
Пасхальной глупостью украшенный миндаль.
Природа своего не узнает лица.
И тени страшные Украйны и Кубани –

На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

Лето 32 года, Москва,
после Крыма

О. Мандельштам

Приложение к протоколу допроса О. Мандельштама от 25.V.34

Мы живем под собою не чуя страны
Наши речи за десять шагов не слышны
А где хватит на полразговорца
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы как черви жирны
И слова как пудовые гири верны
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей
Он играет услугами полулюдей
Кто свистит кто мяучит кто хнычет
Он один лишь бабачит и тычет
Как подкову дарит за указом указ
Кому в пах кому в лоб кому в бровь кому в глаз
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина

О. Мандельштам

Ник. Шиваров

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 9–17.* На листах формата А4 в клеточку. Заполнено следователем и авторизовано О.М., подписывавшим каждый лист и каждое новое добавление. Л. 18–22 – машинописная копия этого допроса, на которой следователь подчеркнул следующие места в ответах О.М.: на л. 18. – о Б.Н. Синани и о стихотворении «Керенский», на л. 19 – два абзаца, начинающиеся со слов: «В 1927 году это доверие колебалось…» и «К 1930 году в моем политическом сознании и социальном самочувствии наступает большая депрессия…», а на л. 21 – фраза «обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы». Кроме того, на лл. 23–24 (копии стихотворений) подчеркнуты следующие строки: в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны…» – первая, четвертая и девятая, а в стихотворении «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым…» – две первые и две заключительные строки.**

‹12›
Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения О.Э. Мандельштаму от 25 мая 1938 года

Форма № 28
«УТВЕРЖДАЮ»

1934
Подпись

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Гор. Москва 1934 мая «25» дня. Я, Оперуполномоченный 4 отд‹еления› СПО ОГПУ Шиваров, рассмотрев следственный материал по делу № 4108 и приняв во внимание, что гр. Мандельштам Осип Эмильевич достаточно изобличается в том, что занимался составлением и распространением контрреволюционных литературных произведений,
ПОСТАНОВИЛ:
Мандельштам О.Э. привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-10 УК.
Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

Опер. уполномоченный Ник. Шиваров
«Согласен» В. Петров

Настоящее постановление мне объявлено ***25 мая*** *1934 г.*

Подпись обвиняемого ***О.Э. Мандельштам***
ЦА ФСБ. **Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 25.**

‹13›

Обвинительное заключение по делу О.Э. Мандельштама от 25 мая 1934 года, подготовленное оперуполномоченным 4 отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Н.Х. Шиваровым

«Утверждаю»
Нач. СПО ОГПУ: (Молчанов)

25/5 34 Подпись

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 4108

25-го мая 1934 г. я, оперуполномоченный 4-го отдела СПО ОГПУ ШИВАРОВ Н.Х., рассмотрев следственное дело № 4108 по обвинению гр. МАНДЕЛЬШТАМА О.Э. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58/10 УК РСФСР,

НАШЕЛ:

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич, 1891 г. рождения, уроженец гор. Варшавы, сын купца 1-ой гильдии, еврей, гр. СССР, б/п, нигде не служит, поэт. В 1907 г. примыкал к партии эсеров, был пропагандистом. Не судился. Обвиняется в составлении и распространении к.р. литературных произведений.

В предъявленных ему обвинениях Мандельштам О.Э. сознался и по существу дела показал:

«Признаю себя виновным в том, что я являюсь автором контр-революционного пасквиля против

вождя коммунистической партии и советской страны.

Читал его: 1) своей жене, 2) ее брату, литератору, автору детских книг, Евгению Яковлевичу ХАЗИНУ, 3) своему брату Александру Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, 4) подруге моей жены – ГЕРШТЕЙН Эмме Григорьевне, – сотруднице секции научных работников ВЦСПС, 5) сотруднику зоологического музея Борису Сергеевичу КУЗИНУ, 6) поэту Владимиру Ивановичу НАРБУТУ, 7) молодой поэтессе Марии Сергеевне ПЕТРОВЫХ, 8) поэтессе Анне АХМАТОВОЙ и ее сыну Льву ГУМИЛЕВУ.

В списках я никому не давал его, но Мария Сергеевна ПЕТРОВЫХ записала этот пасквиль с голоса, обещая, правда, впоследствии его уничтожить. Написан же этот пасквиль в ноябре 1933 г.»

Характеризуя написанное им произведение, О. МАНДЕЛЬШТАМ показал:

«В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению: “страна и властелин”. Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания характеризованной выше группы, к которой принадлежу и я, но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применимым орудием контрреволюционной борьбы, которое может быть использовано любой социальной группы.

(Показания МАНДЕЛЬШТАМА от 25/5–34 г.)

Полагая, что приведенными показаниями МАНДЕЛЬШТАМА О.Э. виновность его в составлении и распространении к.р. литературных произведений подтверждается,

ПОСТАНОВИЛ:

считать следствие по делу МАНДЕЛЬШТАМА Осипа Эмильевича законченным и передать его на рассмотрение Ос‹обого› Сов‹ещания› при Коллегии ОГПУ.

СПРАВКА

МАНДЕЛЬШТАМ О.Э. арестован
16/–V34 г. и содержится во Внутреннем изоляторе ОГПУ.

Оперуполномоченный 4 отд‹еления› СПО ОГПУ: *Ник. Шиваров* (Шиваров)

«Согласен»: Пом. нач‹альника› СПО ОГПУ: *М. Горб* (Горб[1])

27 мая мне Осипу Эмильевичу Мандельштаму сообщено об окончании следствия по моему делу по статье 58,10.

Следствие по поводу моих стихотворений

1 Горб Михаил Сергеевич (Розман Моисей Савельевич) (1894– 1937). Член КП(б) Украины с 1919 г. С 1921 г. на нелегальной работе в Германии по линии Иностранного отдела ОГПУ СССР, с 1926 г. в центральном аппарате ОГПУ–НКВД: в 1926–1931 гг. – помощник, в 1931–1933 – зам. начальника Иностранного отдела ОГПУ СССР, в 1933–1934 – начальник 4 отделения и пом. начальника СПО ОГПУ, с 1934 – зам. начальника Особого отдела ГУГБ НКВД. Поддерживал дружеские отношения с В.В. Маяковским. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

считаю правильным.

Поскольку других обвинений в какой бы то ни было формулировке мне мне[1] не было предъявлено, считаю следствие, не зная за собой другой вины, правильным.

О. Мандельштам

ЦА ФСБ. **Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 26–28.**

‹14›
Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ ССР от 26 мая 1934 года с постановлением выслать О.Э. Мандельштама в г. Чердынь сроком на 3 года

Выписка из протокола

Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от *26 мая* 193*4* г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
36. Дело № 4108 по обвин‹ению› гр. МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича по 58/10 ст. УК	*МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича выслать в г. Чердынь сроком на ТРИ года, считая срок с 16/5–34 г. Дело сдать в архив.*

Секретарь Коллегии ОГПУ *Печать-факсимиле*

Круглая печать ОГПУ

Настоящее постановленье мне оглашено 28 мая 1934 года.

1 Так в подлиннике.

О.Э. Мандельштам
ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 29–29 об.

‹15›
Служебная записка начальника Секретно-Политического Отдела ОГПУ СССР Г.А. Молчанова № 157866 от 27 мая 1934 года о направлении О.Э. Мандельштама в высылку в Чердынь и о разрешении свидания с женой и возможности взять вещи

ОГПУ СССР
Секретно-Политический Отдел

27 мая 1934 г.

№ *157766*

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
УСО ОГПУ – тов. ЗУБКИНУ[1]

Осужденного Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ от 26 мая с. г. гр-на МАНДЕЛЬШТАМА Осипа Эмильевича к высылке в гор. Чердынь направьте к месту назначения спецконвоем не позже 28/V с. г., *дав свидание с женой и возможность взять вещи*.

Нач‹альник› СПО ОГПУ (Г. Молчанов)

---

1 Зубкин Сергей Яковлевич (1898–1939) – с 1935 г. зам. начальника УСО НКВД СССР, с 1938 г. зам. начальника 1-го специального отдела НКВД СССР. Арестован в 1938 г. 4 марта 1939 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян. Определением ВК ВС СССР от 19 июня 1956 г. приговор отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 34. **Рукописная вставка – рукой Г.А. Молчанова.**

‹16›
Служебная записка помощника начальника Учетно-Статистического Отдела ОГПУ СССР С.Я. Зубкина и помощника начальника 2 отделения ОГПУ СССР Мишустина № 29–353828 от 27 мая 1934 года о выделении спецконвоя для сопровождения О.Э. Мандельштама в высылку в Чердынь

‹27 мая 1934 года›

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА № 29–353828

Коменданту ОГПУ

Просьба выделить спецконвой на 28/V–с. г. для сопровождения в гор. Чердынь, в распоряжение Чердынского райотдела ОГПУ, осужденного МАНДЕЛЬШТАМА Осипа Эмильевича, содержащегося во Внутреннем изоляторе ОГПУ.

Исполнение сообщите.

Основание: реестр секретаря Колл‹егии› ОГПУ т. Буланова[1].

Приложение: пакет №… талон №…

и выписка для объявления и возвращения в

1 Буланов Павел Петрович (1895–1938). Образование: землемерное училище, Пенза, 1916. В коммунистической партии с 1918 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1921 г. В 1935 г. присвоено звание старший майор ГБ. С 11 ноября 1931 г. по 10 июля 1934 – 1-й секретарь коллегии ОГПУ СССР, с 11 июля 1934 г. по 28 ноября 1936 – секретарь НКВД СССР, с 11 июля 1934 г. – ответственный секретарь ОСО НКВД СССР. Арестован 29 марта 1937 г., проходил по процессу «право-троцкистского блока». 13 марта 1938 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян 15 марта того же года. Реабилитирован.

УСО.

Пом. нач‹альника› УСО ОГПУ (Зубкин)
Пом. нач‹альника› 2 отд‹еления› (Мишустин)

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 35.* Оборот Формы № 54. Помета внизу, наискось, карандашом: «*К делу № 4108. Ж‹алоб› не поступало*».**

‹17›
Служебная записка помощника начальника Учетно-Статистического Отдела ОГПУ СССР С.Я. Зубкина и помощника начальника 2 отделения ОГПУ СССР Мишустина № 29/4108/с от 27 мая 1934 года о препровождении (вместе с личностью осужденного) выписки из протокола об осуждении О.Э. Мандельштама

Нач‹альнику› Чердынского райотделения ОГПУ,
г. Чердынь

Копия: Нач‹альнику› УСО ПП ОГПУ Свердл‹овской› обл.,
г. Свердловск

Учетно-стат‹истический отдел› Препровождается выписка
из протокола Особ‹ого› Сов‹ещания› при
27 мая ‹193›4 Колл‹егии› ОГПУ от 26/V–34 по делу
29/4108/С № 4108 – МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича, вместе с личностью
осужденного, следуемого спецконвоем

в ваше распоряжение, для отбывания высылки.

Прибытие подтвердите.

Приложение: выписка.

Пом. нач‹альника› УСО ОГПУ (Зубкин)
Пом. нач‹альника› 2 отд‹еления› (Мишустин)

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 36.* Оборот Формы № 54.**

‹18›
Служебная записка помощника начальника Секретно-Политического Отдела ОГПУ СССР М.С. Горба № 157868 от 28 мая 1934 года с разрешением Н.Я. Мандельштам сопровождать О.Э. Мандельштама в ссылку в Чердынь

ОГПУ СССР
Секретно-Политический Отдел

28 мая 193*4* г.

№ *157868*

Тов. В‹есьма› срочно

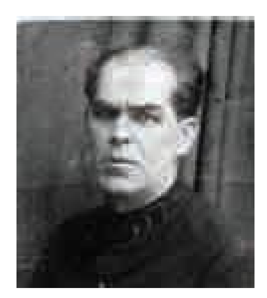
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
УСО ОГПУ (2 отделения)

Просьба отправить вместе с направлением спецконвоем в ссылку МАНДЕЛЬШТАМА жену

его МАНДЕЛЬШТАМ Надежду Яковлевну.

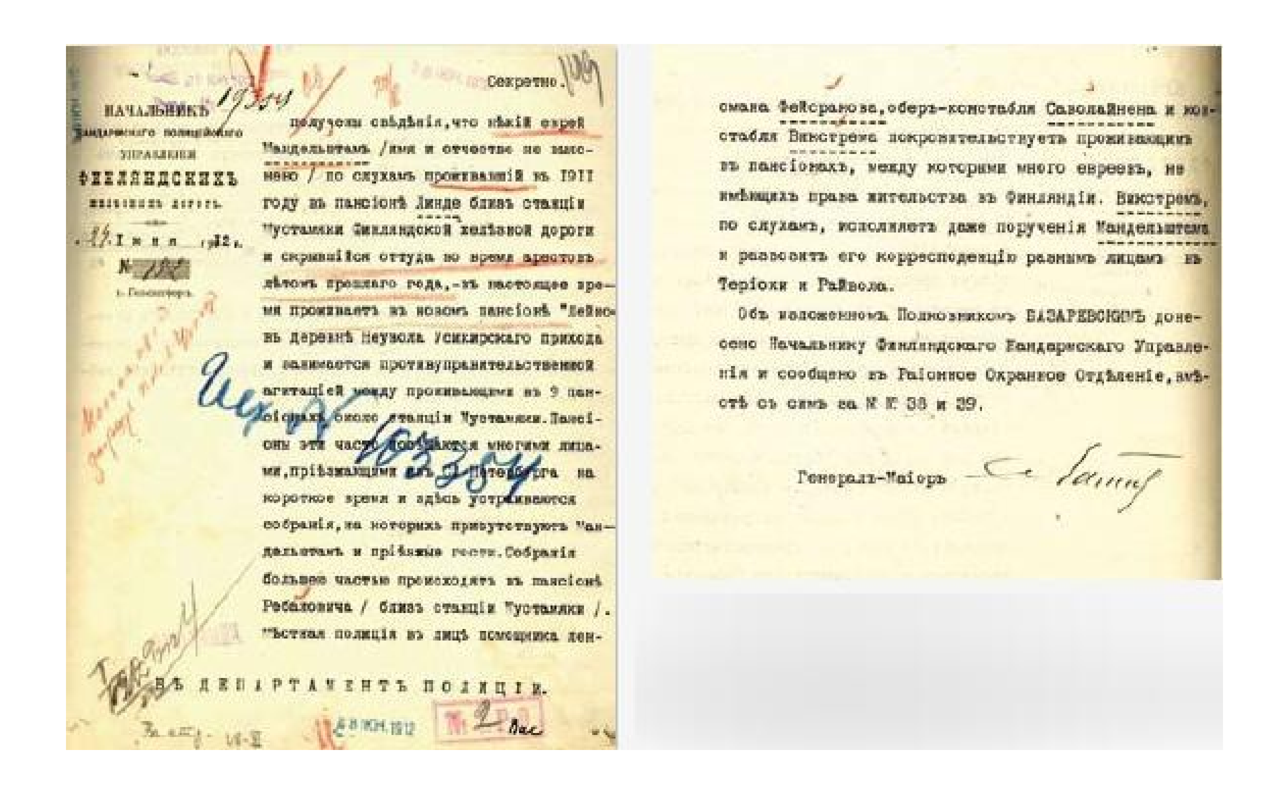
Пом. нач‹альника› СПО ОГПУ /Горб/

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 33.

Н. Шиваров (Мандельштамовское общество)

Иллюстративный материал

НАЧАЛЬНИКЪ Жандармского полицейского управления ФИНЛЯНДСКИХЪ железных дорог.

Іюня 1912 г.

№

г. Гельсингфорс.

Секретно.

Получены сведѣнія, что нѣкій еврей Мандельштамъ /имя и отчество не выяснено/ по слухамъ проживавшій въ 1911 году въ пансіонѣ Линде близъ станціи Мустамяки Финляндской желѣзной дороги и скрывшійся оттуда во время арестовъ лѣтомъ прошлого года, - въ настоящее время проживаетъ въ новомъ пансіонѣ "Лейно" въ деревнѣ Неувола Усикирского прихода и занимается противуправительственной агитаціей между проживающими въ 9 пансіонахъ близъ станціи Мустамяки. Пансіоны эти часто посѣщаются многими лицами, пріѣзжающими изъ С.-Петербурга на короткое время и здѣсь устраиваются собранія, на которыхъ присутствуютъ Мандельштамъ и пріѣзжие гости. Собранія большею частью происходятъ въ пансіонѣ Ребаловича / близъ станціи Мустамяки /. Мѣстная полиція въ лицѣ помощника ленсмана Фейсранова, оберъ-констебля Саволайнена и констебля Викстрема покровительствуетъ проживающимъ въ пансіонахъ, между которыми много евреевъ, не имѣющихъ права жительства въ Финляндіи. Викстремъ, по слухамъ, исполняетъ даже порученія Мандельштама и разноситъ его корреспонденцію разнымъ лицамъ въ Теріоки и Райвола.

Объ изложенномъ Полковникомъ БАЗАРЕВСКИМЪ донесено Начальнику Финляндского Жандармского Управленія и сообщено въ Районное Охранное Отдѣленіе, вмѣстѣ съ симъ за №№ 38 и 39.

Генералъ-Маіоръ

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦІИ.

Обращение начальника жандармского полицейского

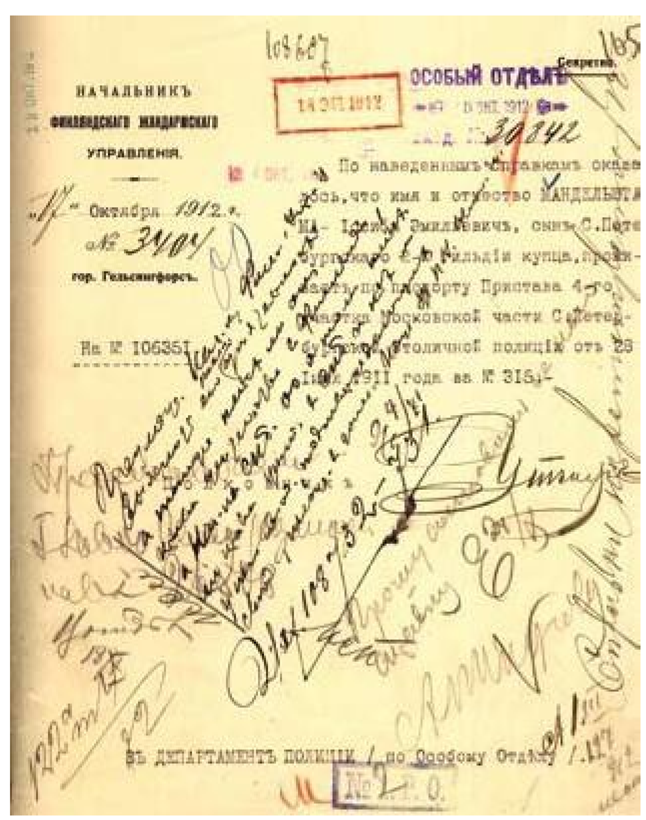
управления Финляндских железных дорог генерал-майора А.Б. Лампе помощнику начальника Финляндского жандармского управления по Бьернеборгскому пограничному району полковнику Д.И. Базаревскому от 24.6.1912 (ГАРФ)

А.Мандельштам, А.Мильман, Р.Ивнев и О. Мандельштам. Харьков, 1919 (МО)

О.Э.Мандельштам. 1933 г. (МО)

НАЧАЛЬНИКЪ ФИНЛЯНДСКАГО ЖАНДАРМСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

17 Октября 1912 г.

№ 3404

гор. Гельсингфорсъ.

На № 106351

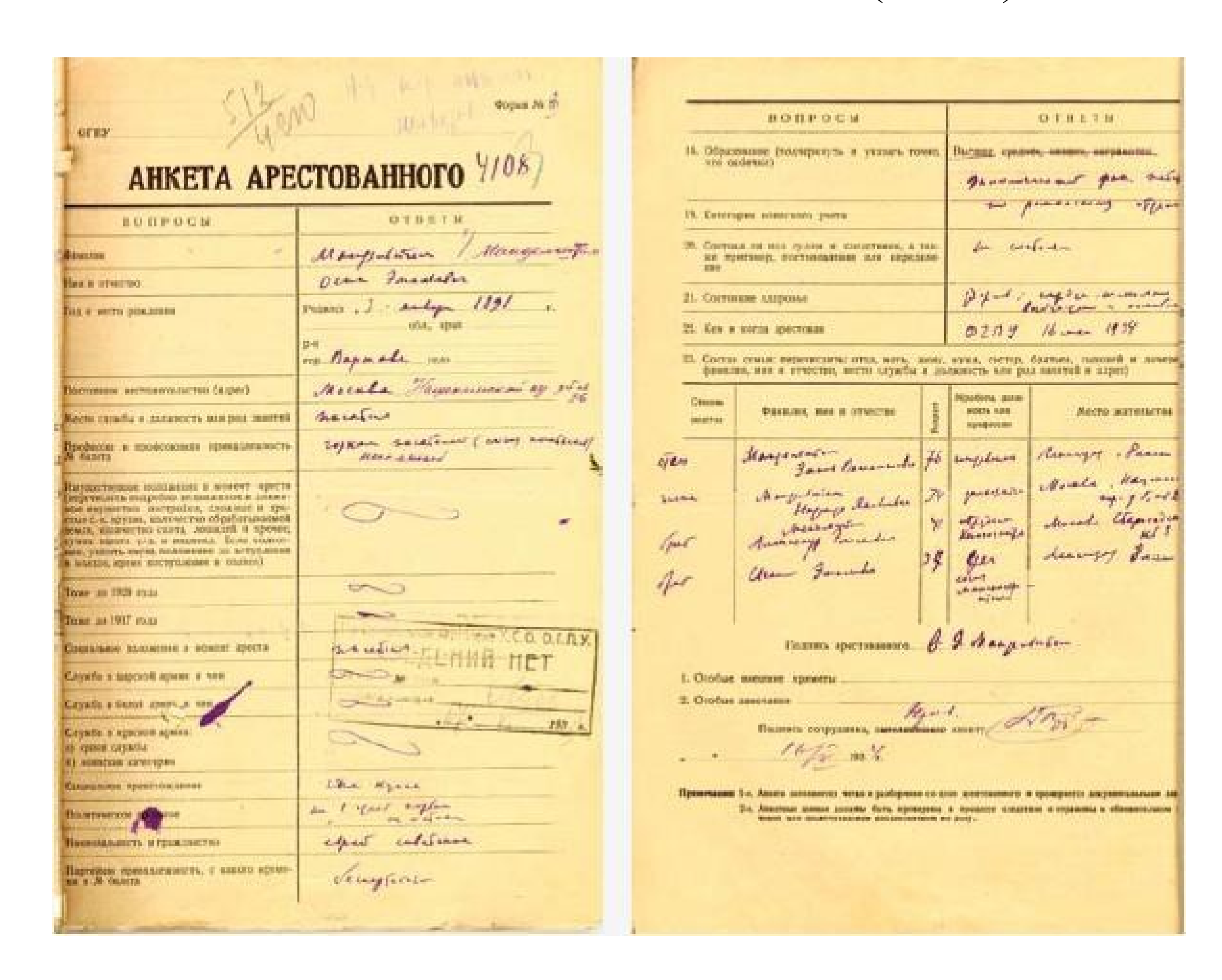
ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ

Секретно.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что имя и отчество МАНДЕЛЬШТАМА - Іосифъ Эмилiевичъ, сынъ С.Петербургскаго 2-й гильдiи купца, проживалъ по паспорту Пристава 4-го участка Московской части С.Петербургской столичной полицiи отъ 28 Iюня 1911 года за № 315.

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦIИ / по Особому Отдѣлу /.

Справка начальника Финляндского жандармского управления К.-Р. К. Утгофа Особому отделу Департамента полиции о Мандельштаме И.Э. от 17.10.1912 (ГАРФ)

ОГПУ

Форма № 5

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО 4108

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Фамилия	Мандельштам
Имя и отчество	Осип Эмильевич
Год и место рождения	Родился 3 января 1891 г. в Варшаве
Постоянное местожительство (адрес)	Москва Нащокинский пер. 5 кв. 26
Место службы и должность или род занятий	писатель
Профессия и профсоюзная принадлежность	[illegible]
Имущественное положение в момент ареста	
То же до 1929 года	
То же до 1917 года	
Социальное положение в момент ареста	писатель
Служба в царской армии и чин	
Служба в белых армиях и чин	
Служба в красной армии	
Социальное происхождение	[illegible]
Политическое прошлое	[illegible]
Национальность и гражданство	еврей [illegible]
Партийная принадлежность	беспартийный

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
18. Образование	Высшее
21. Состояние здоровья	[illegible]
22. Кем и когда арестован	ОГПУ 16 мая 1934

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Место жительства
отец	Мандельштам Эмилий Вениаминович	76	[illegible]
жена	Мандельштам Надежда Яковлевна	34	Москва [illegible]
брат	Мандельштам Александр Эмильевич	[illegible]	[illegible]
брат	Евгений Эмильевич	3[illegible]	[illegible]

Подпись арестованного О. Мандельштам

Следственное дело 1934 г. Анкета арестованного О.М. (ЦА ФСБ).

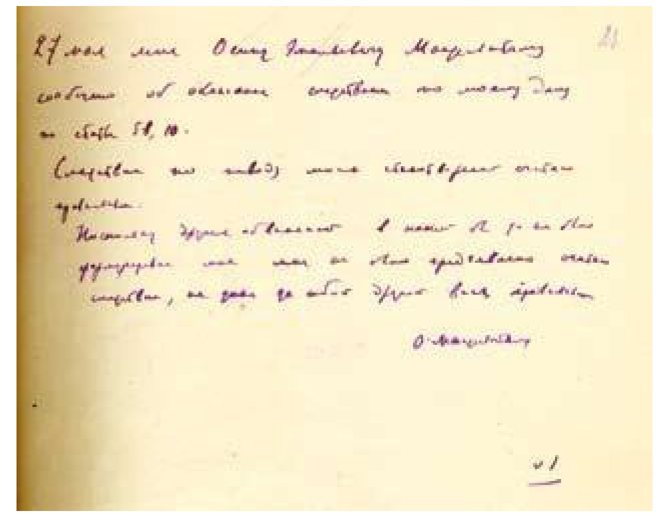
Выписка из протокола

...ого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 г.

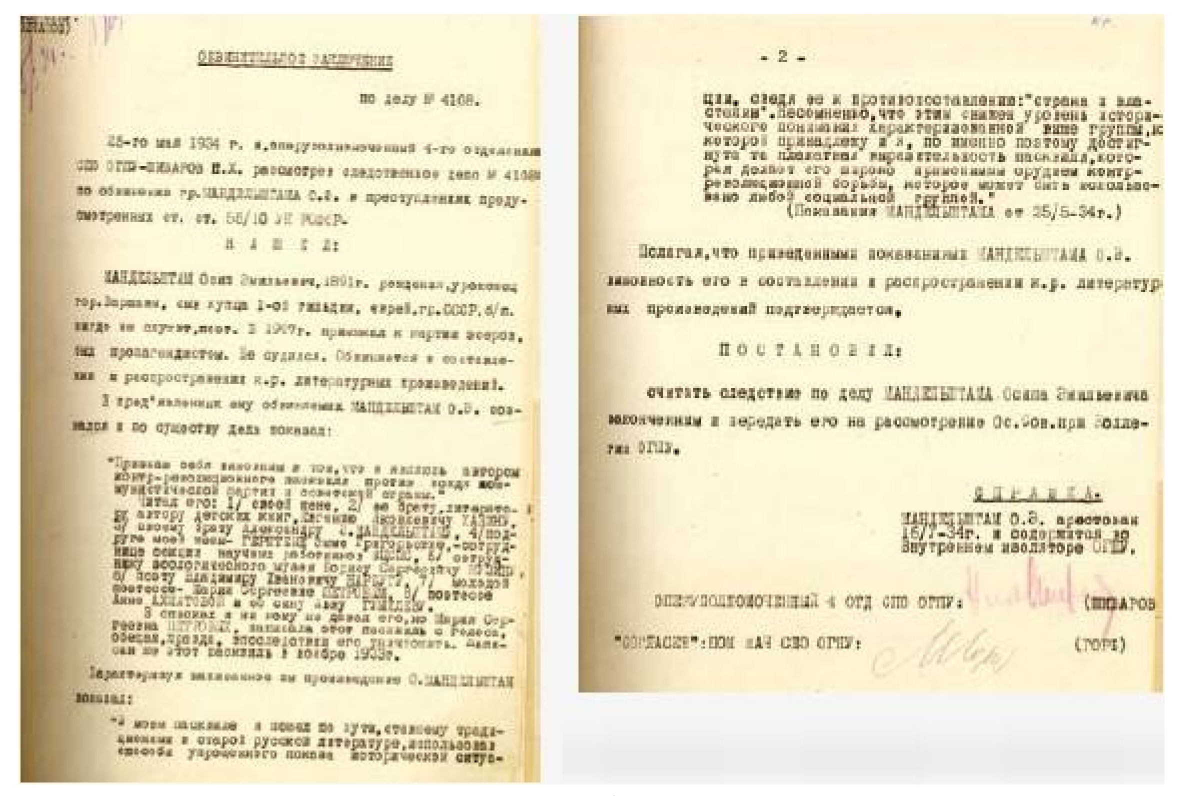
СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
...о № 4108 по обвин. гр. ...ЛЬШТАМ Осипа Эмилье... по 58/10 ст. УК	МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича выслать в г. Чердынь сроком на ТРИ года, считая срок с 16/5-34 г. Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ

Следственное дело 1934 г. Приговор – выписка из решения Особого совещания при ОГПУ от 26.5.1934 (ЦА ФСБ)

Оборот выписки

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 4108.

25-го мая 1934 г. я, оперуполномоченный 4-го отделения СПО ОГПУ – ШИВАРОВ Н.Х. рассмотрев следственное дело № 4108 по обвинению гр. МАНДЕЛЬШТАМА О.Э. в преступлениях предусмотренных ст. ст. 58/10 УК РСФСР.

НАШЕЛ:

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич, 1891г. рождения, уроженец гр. Варшавы, сын купца 1-ой гильдии, еврей, гр. СССР, б/п. нигде не служит, литер. В 1907г. примыкал к партии эсеров, был пропагандистом. Не судился. Обвиняется в составлении и распространении к.р. литературных произведений.

В предъявленном ему обвинении МАНДЕЛЬШТАМ О.Э. сознался и по существу дела показал:

"Признаю себя виновным в том, что я являюсь автором контр-революционного пасквиля против вождя коммунистической партии и советской страны."
Читал его: 1/ своей жене, 2/ ее брату, литератору автору детских книг, Евгению Яковлевичу ХАЗИНУ, 3/ своему брату Александру Э. МАНДЕЛЬШТАМУ, 4/ подруге моей жены – ГЕРШТЕЙН Эмме Григорьевне, – сотруднице секции научных работников ВЦСПС, 5/ сотруднику зоологического музея Борису Сергеевичу КУЗИНУ, 6/ поэту Владимиру Ивановичу НАРБУТУ, 7/ молодой поэтессе Марии Сергеевне ПЕТРОВЫХ, 8/ поэтессе Анне АХМАТОВОЙ и ее сыну Льву ГУМИЛЕВУ.
В списках я не кому не давал его, но Мария Сергеевна ПЕТРОВЫХ, записала этот пасквиль с голоса, обещая, правда, впоследствии его уничтожить. Написан же этот пасквиль в ноябре 1933г.

Характеризуя написанное им произведение О. МАНДЕЛЬШТАМ показал:

"В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуа-

- 2 -

ции, сведя ее к противопоставлению: "страна и властелин". Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания характеризованной выше группы, к которой принадлежу и я, но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применимым орудием контрреволюционной борьбы, которое может быть использовано любой социальной группой."
(Показания МАНДЕЛЬШТАМА от 25/5-34г.)

Полагая, что приведенными показаниями МАНДЕЛЬШТАМА О.Э. виновность его в составлении и распространении к.р. литературных произведений подтверждается,

ПОСТАНОВИЛ:

считать следствие по делу МАНДЕЛЬШТАМА Осипа Эмильевича законченным и передать его на рассмотрение Ос. Сов. при Коллегии ОГПУ.

СПРАВКА.
МАНДЕЛЬШТАМ О.Э. арестован 16/7-34г. и содержится во Внутреннем изоляторе ОГПУ.

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 4 ОТД СПО ОГПУ: (ШИВАРОВ)

"СОГЛАСЕН": ПОМ НАЧ СПО ОГПУ: (ГОРБ)

Следственное дело 1934 г. Обвинительное заключение от 25.5.1934 (ЦА ФСБ)

С. С. С. Р.

...диненное Государственное Политическое Управление

ОРДЕР № 512

Мая 16 дня 1934 г.

...дан сотруднику Оперативного Отдела ОГПУ Герасимову

...оизводство Ареста-обыска

...ндельштам Осипа Эмильевича

...ресу: Нащекинский пер. д. 5 кв. 16.

...МЕЧАНИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать ... имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного ...ния.

Зам. Председателя ОГПУ

Начальник Оперативного Отдела

Следственное дело 1934 г. Ордер на арест О.М. (ЦА ФСБ)

А.Э.Мандельштам, М.С.Петровых, Э.В.Мандельштам, Н.М., О.М., А.А.Ахматова. Москва, Нащокинский пер. Февраль 1934 (МО)

О. Г. П. У.

К делу № [illegible]

Протокол допроса

1934 г. [illegible] мес. 18 дня, я [illegible] допросил в качестве [illegible] гражданина Мандельштама О. Э. и на первоначальные предложенные вопросы он (она) показал (а):

1. Фамилия Мандельштам
2. Имя и отчество [illegible]
3. Возраст и год рождения 1891 г. р.
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) [illegible]
5. Место жительства (постоянное и последнее) [illegible] дом 5 кв. 26.
6. Род занятий (последнее место службы и должность) [illegible]
7. Семейное положение (перечислить близких родственников, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) [illegible]
8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников) [illegible]

Следственное дело 1934 г. Протокол допроса от 18.5.1934 (начало) (ЦА ФСБ)

СЕКРЕТНО

Министерство Государственной Безопасности СССР
Центральный архив

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению

Р-33487

АРХ. №604671

Количество томов „1", том „1"

ОГПУ

Год прекращения 1934

По использовании дело должно быть возвращено в Центральный архив МГБ СССР

Следственное дело 1934 г. Обложка (ЦА ФСБ)

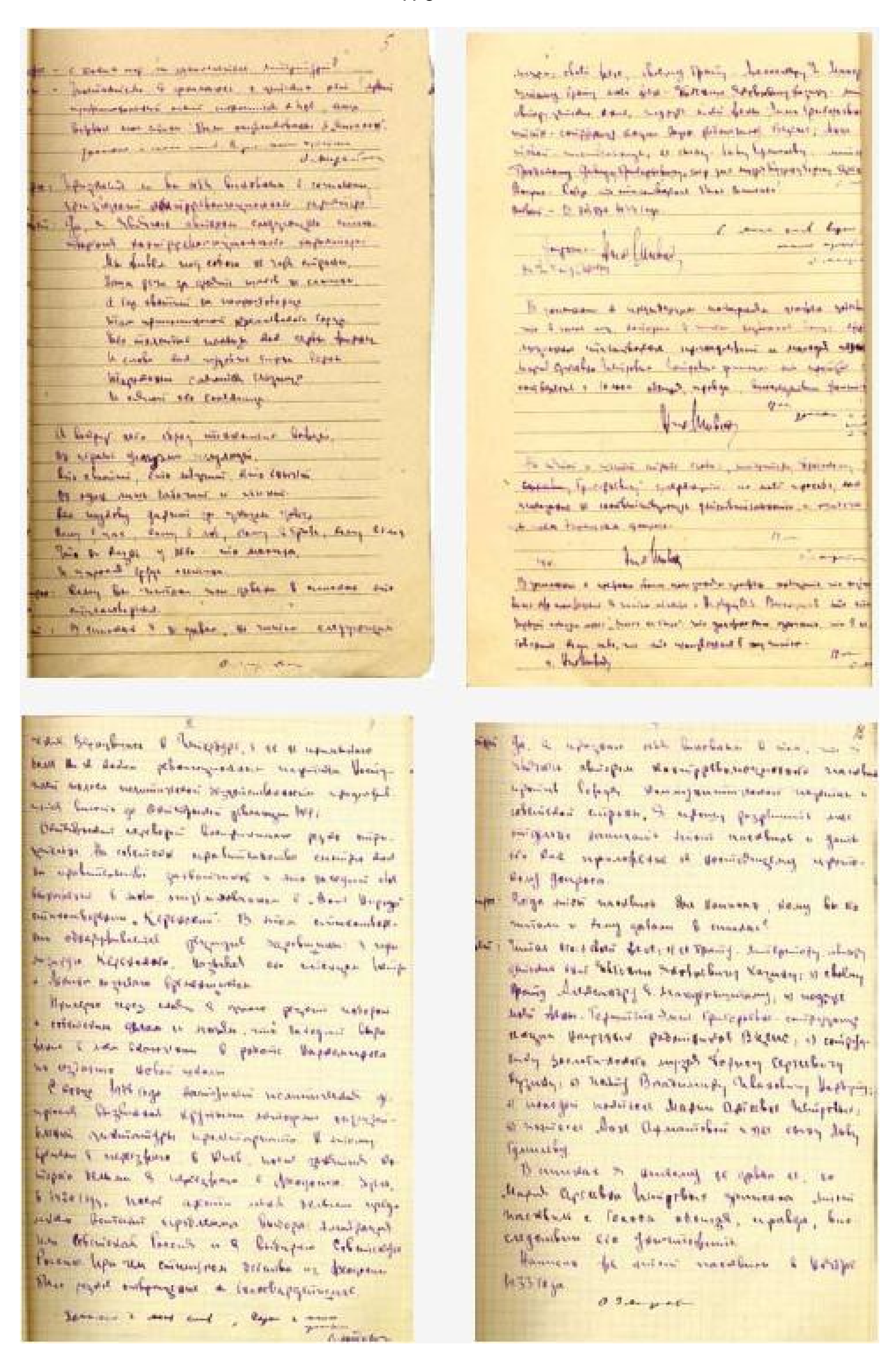

Н.Х.Шиваров (МО)

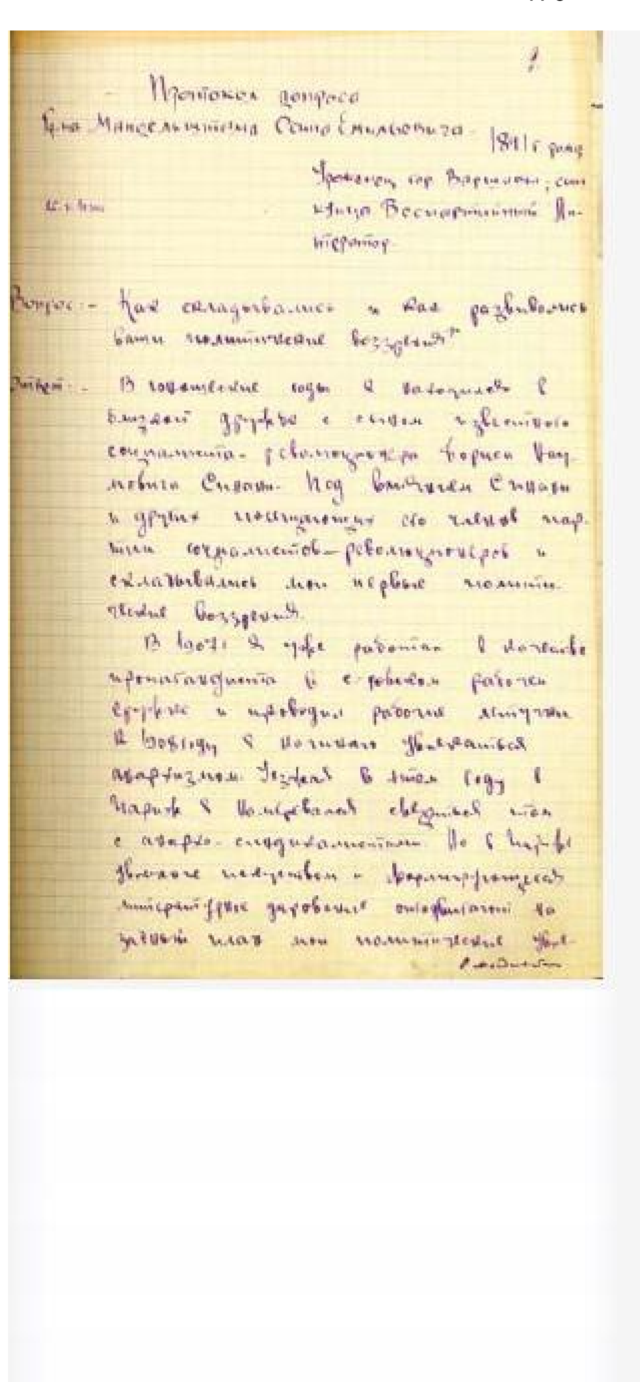
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и пред'явлении обвинения

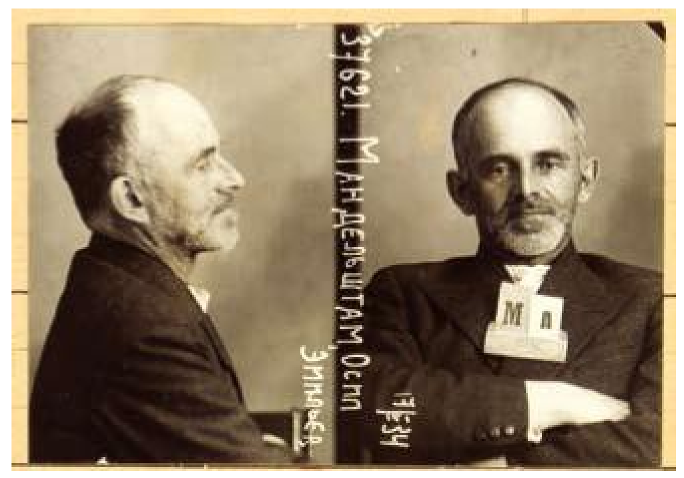
Следственное дело 1934 г. Постановление от 25.5.1934 (ЦА ФСБ)

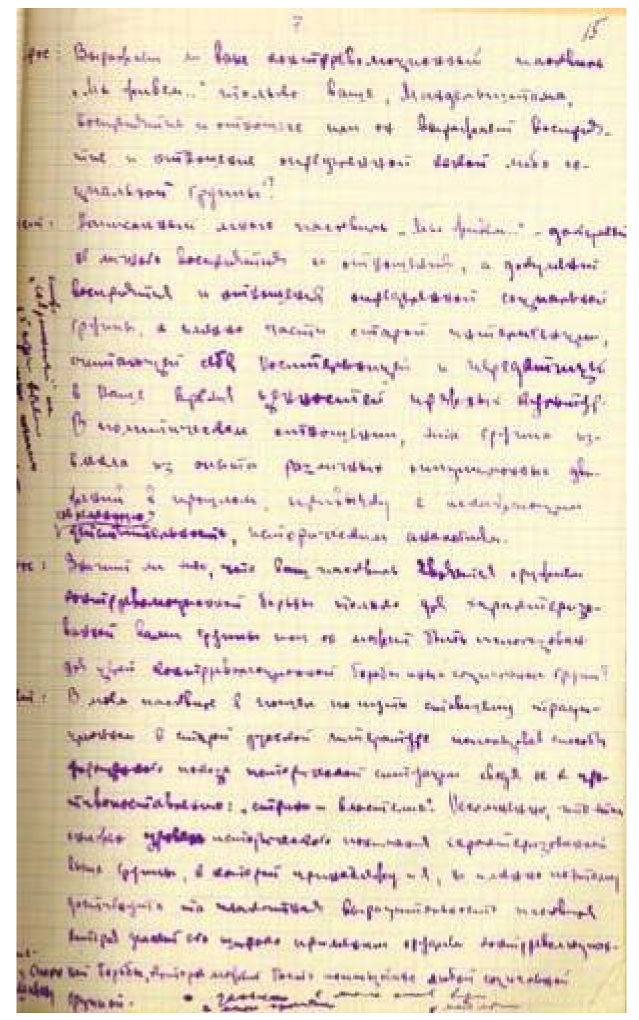
Следственное дело 1934 г. Протокол допроса от 18.5.1934 (продолжение) (ЦА ФСБ)
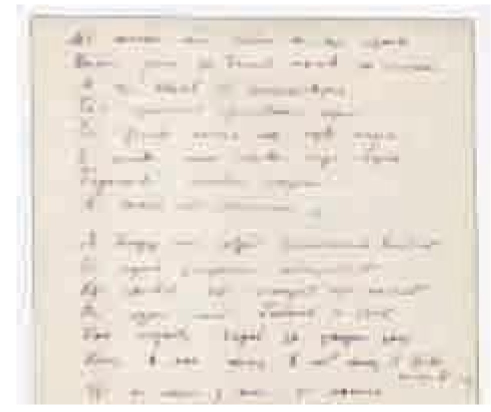

Следственное дело 1934 г. Протокол допроса от 25.5.1934 (ЦА ФСБ)

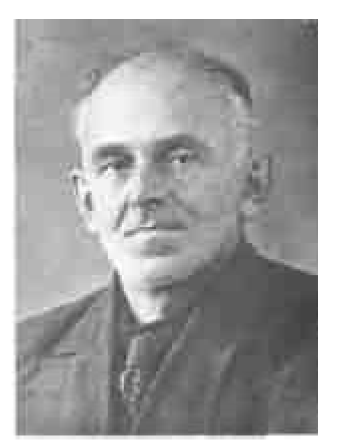

Следственное дело 1934 г. Фотография О.М. Май 1934 г. (ЦА ФСБ)

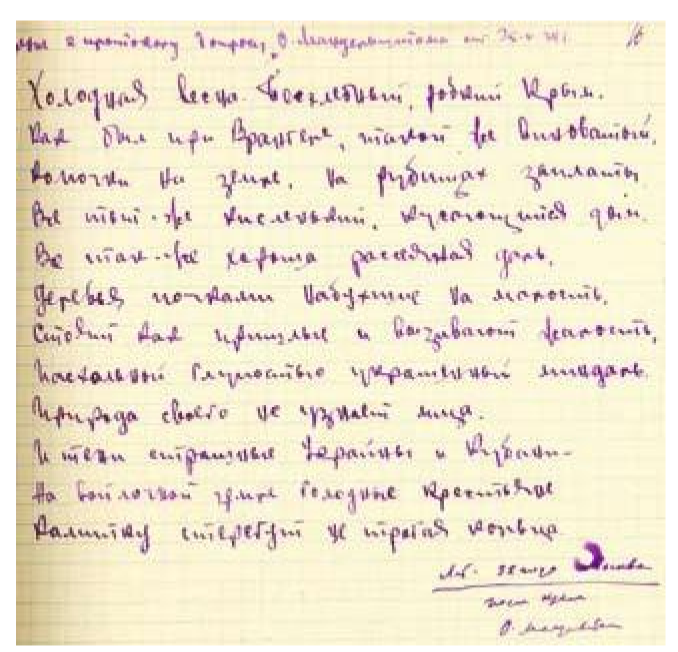
О.Э.Мандельштам. «Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым…» Из протокола от 25.5.1934 (ЦА ФСБ)

О.Э.Мандельштам. «Мы живем под собою не чуя страны…». Автограф из следственного дела (РГАЛИ)

О.Э.Мандельштам в Воронеже. 1937 г. (МО)

Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым.
Как был при Врангеле, такой же виноватый.
Комочки на земле, на рубищах заплаты,
Все тот-же кисленький, кусающийся дым.
Все так-же хороша рассеянная даль,
Деревья почками набухшие на малость,
Стоят как пришлые и вызывают жалость,
Пасхальной глупостью украшенный миндаль.
Природа своего не узнает лица.
И тени страшные Украины и Кубани —
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут не трогая кольца

Следственное дело 1934 г. Протокол допроса от 25.5.1934 (ЦА ФСБ)

167

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ГАЗЕТЫ
„ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК"
Н. И. БУХАРИН
Адрес: Москва, Страстная площ.,
пр. им. Скворцова-Степанова, 5.
ТЕЛЕФОН 4-20-44.

Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие…

Дорогой Коба,

На дня четыре-пять я уезжаю в Ленинград, так как должен засесть за большую подготовку к съезду писателей, а здесь мне работать не дают: нужно скрыться (адрес: Акад. Наук, кв. 30). В связи с сим я решил тебе написать о нескольких вопросах:

1) Об Академии Наук. Положение становится окончательно нетерпимым. Я получил письмо от секретаря партколлектива т. Кошелева (очень хороший парень, бывший рабочий, прекрасно разбирающийся). Это — сдержанный вопль. Письмо прилагаю. Если бы ты приказал — как ты это умеешь — все бы завертелось. В добавление скажу еще только, что за 1934 Ак. Н. не получила никакой иностр. литературы — вот тут и следи за наукой!

2) О наследстве „Правды" (типографском). Было решено, что значительная часть этого наследства перейдет нам. На посл. заседании Оргбюро была выбрана комиссия, которая подвергает пересмотру этот вопрос, и мы можем очутиться буквально на мели. Я прошу твоего указания моему другу Стецкому, чтоб нас „не обижали". Иначе мы будем далеко отброшены назад. Нам действительно нужно старое оборуд. „Правды" и корпуса.

3) О поэте Мандельштаме. Он был недавно арестован и выслан. До ареста он приходил со своей женой ко мне и высказывал свои опасения на сей предмет в связи с тем, что он подрался (!) с А. Толстым, которому нанес „символический удар" за то, что тот несправедливо якобы решил его дело, когда другой писатель побил его жену. Я говорил с Аграновым, но он мне ничего конкретного не сказал. Теперь я получаю отчаянные телеграммы от жены М., что он психически расстроен, пытался выброситься из окна и т.д. Моя оценка О. Мандельштама: он — первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он — безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т.д. Т.к. ко мне все время апеллируют, а я не знаю, что он и в чем он „наблудил", то я решил тебе написать и об этом. Прости за длинное письмо. Привет.

Твой Николай.

Тип. «Изв. ЦИК»

P.S. О Мандельштаме пишу еще (на об.

Письмо Н.И.Бухарина И.В.Сталину (РГАСПИ)

Труд-залог приобщения к семье трудящихся

ИЗВЕСТИЯ

ЧЕСТНЫЙ УДАРНЫЙ ТРУД

Спецпереселенцы отвечайте н... новым под'ем...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЧЕРДЫНСКОГО РАЙИСПОЛКОМА от 8 июня 1934 года

Слушали:– Ходатайство Чердынского райо.деления ОГПУ о восстановлении в избирательных правах молодежи достигшей совершеннолетнего возраста в спецссылке, показавших на общественной работе вполне добросовестное отношение к труду, а так-же лояльность к сов тской власти.

Руководствуясь постановлением ЦИК от 17 марта 1933 года президиум Чердынского Районного Исполнительного Комитета ПОСТАНОВЛЯЕТ: Восстановить в избирательных правах нижепереименованных граждан:

Фамилия, имя отчество	Поселок	Фамилия, имя отчество	Поселок
Давидова Раиса П.	Лобырь	Коноплл Иван Ан.	Кедровка
Пономарева Ан. Андр.	—	Фенина Вера Трофим.	—
Четламатжиев М. К.	—	Баршацкая Елена Н.	—
Псардеев Серг. М.	—	Жмур Евдок. Кузьм.	Мель
Величко Дм. Вас.	—	Ровда Виктор Вас.	—
Коваренко Серг. Х.	—	Ривейская Зинаид. Ф.	—
Белобров Серг. Ф.	Мель	Мозговая Марфа Ф.	Колчим
Белобров Иван Ф.	—	Стиба Матрена И	—
Зуенко Софья А.	—	Молунатская Надеж. М	Лобырь
Веретенников П. П.	У-Пулт	Захарчук Анаст. А.	У-Пулт
Носова Анна И.	—	Нокурин Кузьма З.	—
Назарова Мария М.	—	Долбин Евдокия С.	—
Плескачев Алекс. И.	—	Гуц Ольга Калинов.	—

Поручить Райкомендату т. Попкову дать указания поселковым комендантам о порядке вручений удостоверений

Зам. Пред. РИК Пестерев
Секретарь Сурсяков

Проведем сплав по удар...

Исключительные образцы

Спецпереселенцы поселка Булатово и Д-Лут 53 человека работают на сплавных работах „Березовая старица" на погрузке, формировке и постройке транзитных маток.

Работая с начала сплава показывают исключительные образцы работы.

Бригада Седельникова, работая на постройке маток, выполняет дневные нормы выработки до 200 процентов.

За хорошую работу бригада Седельникова сплав участком премирована деньгами и премтоварами.

Бойцов

Сплав по Котомышу в прорыве.

Сплав по Котомышскому участку до сих пор не закончен. По всему лесу от У-Вильвы до Н-Язьвы сидят обсохшие глухари, которые нужно будет перекатывать.

Рабочая сила выделенная сельхозартелью не была сплавучастком использована, ее не пользуют и сейчас. Выделенные рабочие 15 человек на перекатку глухарей шатаются по берегу, потому, что десятник Порошин бездействует.

Зав. участком Суслову надо своих десятников заставить работать и рабочую силу выделенную сельхозартелью использовать полностью.

Трин.

«Известия» (Чердынь) – газета для спецпоселенцев (МО)

Чердынь. Земская больница. (Фото М.Брумфильда. Изд-во «Три квадрата»)

О.М. в Тамбовском санатории. Конец 1935 г. (МО)

1

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Москва, ул. Воровского, д. 52 Тел. 3-36-32

ПРАВЛЕНИЕ

№ 29 29 Марта 1936 г.

Надежде Яковлевне
МАНДЕЛЬШТАМ.

Правление ССП СССР просит Вас предоставить во временное пользование одну из комнат Вашей квартиры - писателю тов. КОСТАРЕВУ Н.К. - сроком 8-9 месяцев.

ОТВ.СЕКРЕТАРЬ
ПРАВЛЕНИЯ ССП СССР
(СТАВСКИЙ)

Просьба В.П.Ставского о временной сдаче Н.К.Костареву комнаты в квартире О.Э.Мандельштама. 29.3.1936 (РГАЛИ)

Н.Е.Штемпель. 1930-е гг. (МО)

В.Н.Яхонтов (МО)

Рисунок О.М. Худ.А.Осмеркин. Осень 1937 г. (МО)

СЕКРЕТНО

Министерство Государственной Безопасности СССР

Центральный архив

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению Мандельштам О. Э.

АРХ. № 298468

Количество томов „1", том „1"

НКВД МО Р19864

Р19864

Год производства 1938 г.

По миновании надобности дело должно быть возвращено в Центральный архив МГБ СССР

Следственное дело 1938 г. Обложка (ЦА ФСБ)

СССР

[Нар]одный Комиссариат Внутренних Дел

[Г]лавное управление государственной безопасности

ОРДЕР № 2817

30 Апреля дня 1938 г.

[В]ыдан

Главного [Упра]вления Государственной Безопасности НКВД на производство

ареста и обыска

Мандельштама Осипа Эмильевича

д. отдыха „Саматиха"

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР

Начальник Второго Отдела ГУГБ

Следственное дело 1938 г. Ордер на арест О.М. (ЦА ФСБ)

/16

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главное Управление Государственной Безопасности

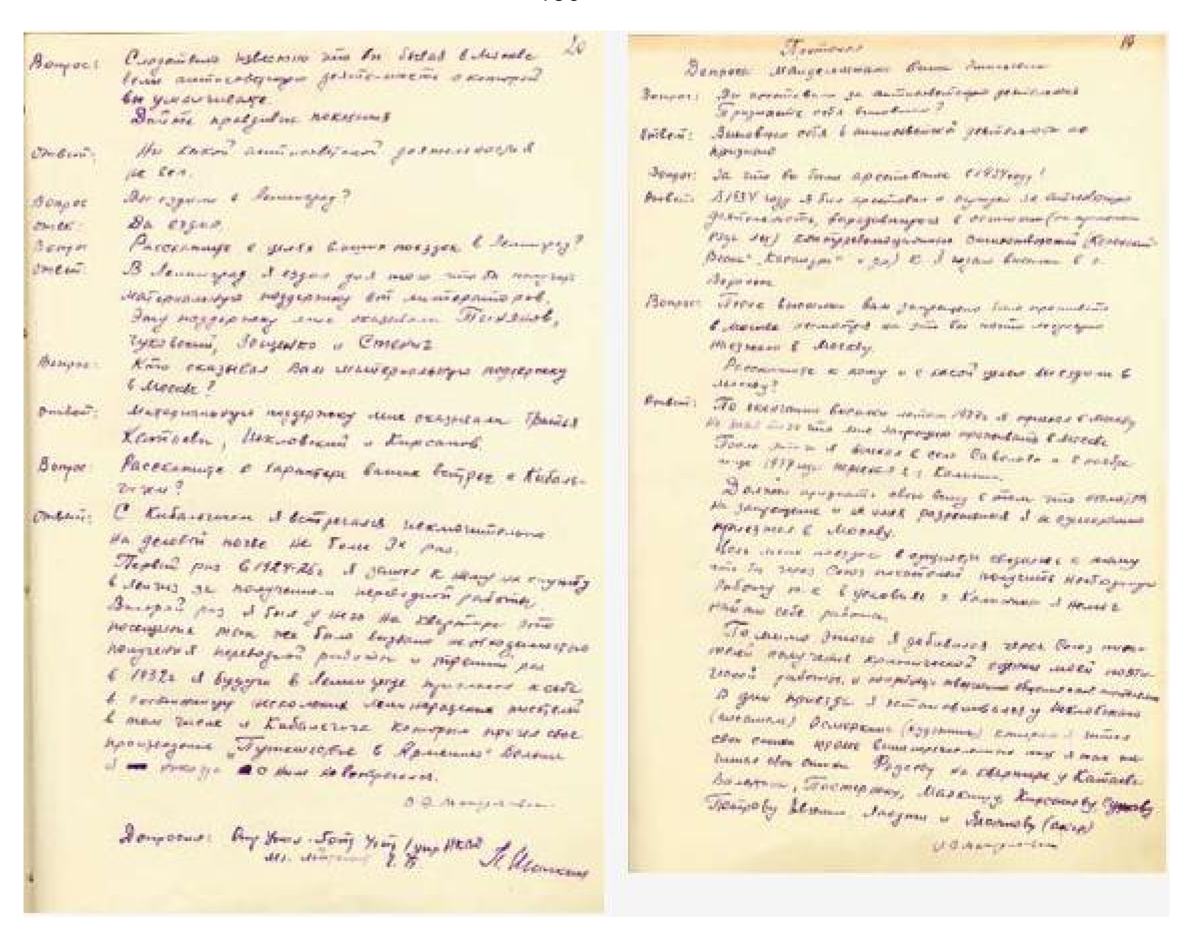
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

1938 г. Мая мес. 17 дня. Я Опер. уполном. 4 отдела ГУГБ НКВД мл. лейтенант г.б. Шилкин
(должн., наимен. органа, фамилия)
допросил в качестве

1. Фамилия Мандельштам
2. Имя и отчество Осип Эмильевич
3. Дата рождения 1891 г.
4. Место рождения г. Варшава
5. Местожительство г. Калинин 3-я Никитина д. № 41 (Травникова)
6. Нац. и гражд. (подданство) еврей подданство СССР.
7. Паспорт
(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)
8. Род занятий писатель
(место службы и должность)
9. Социальное происхождение сын купца 1й гильдии
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
а) до революции учился и жил на иждивении родителей до 1916, 1917 г. жил в Ленинграде и работал в Отделе разгрузки и эвакуации, с 1918 г. переехал в Москву и поступил работать в Наркомпрос
б) после революции занимался литературным трудом
11. Состав семьи жена: Мандельштам Надежда Яковлевна 1900 г. домашняя хозяйка
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
Отец: Мандельштам Эмиль Вениаминович 85 л. на иждивении брата Мандельштам Евгения Эмильевича 37 л. - врач прожив. в г. Ленинграде 8 линия д. № 31 кв. 5 другой брат: Мандельштам Александр Эмильевич 44 л. ОГИЗ прожив. Староконюшенный пер. д. 10 кв. 3 [illegible]
Дядя: Мандельштам Герман Вениаминович и другой дядя имя его не знаю до 1933 г. проживали в г. Риге. О. Мандельштам

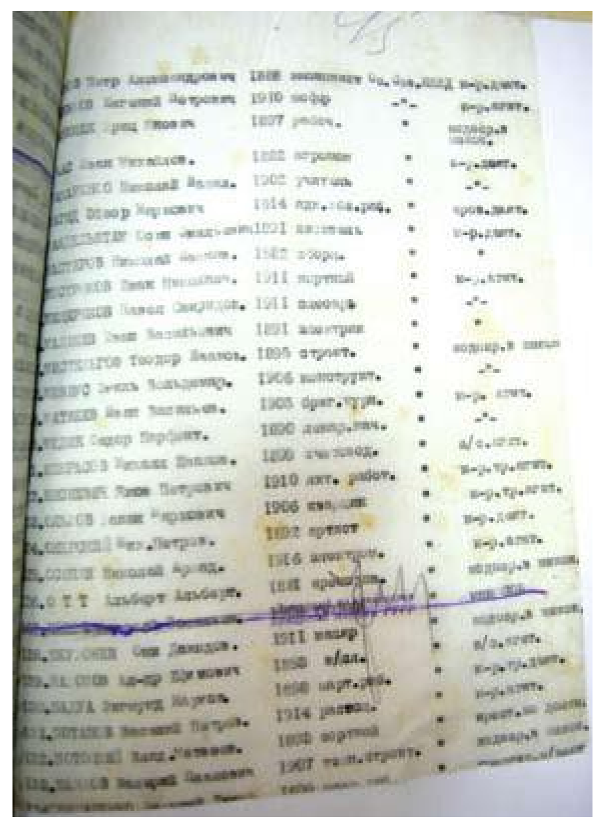
Следственное дело 1938 г. Протокол допроса О.М. от 18.5.1938 (ЦА ФСБ)

Следственное дело 1938 г. Протокол допроса О.М. от 18.5.1938 (ЦА ФСБ)

План «мандельштамовского» эшелона (РГВА)

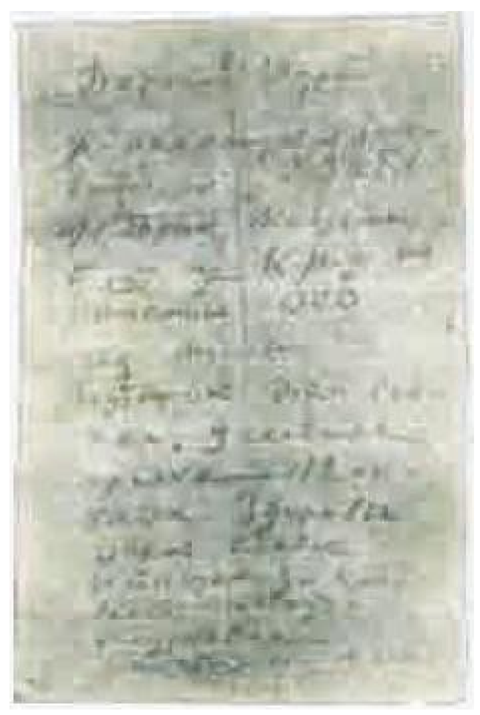

Лист с именем О.М. в эшелонном списке (РГВА)

АРХИВНОЕ ЛИЧНОЕ ДЕЛО
ЗАКЛЮЧЕННОГО

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Обложка (ЦА МВД)

Письмо О.М. А.М. Мандельштаму, Принстонский университет

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Внутренняя обложка (ЦА МВД)

Правая рука

Левая рука

Контрольный оттиск

Левой руки | Правой руки

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Дактилоскопический оттиск О.М. 14.5.1938 (ЦА

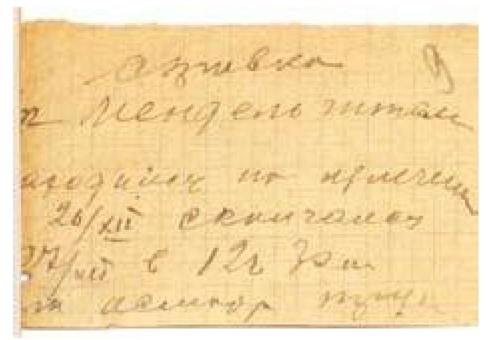

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Протокол осмотра трупа О.М. 27.12.1938 (ЦА МВД)

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Страница из дела с фотографией О.М.(ЦА МВД)

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Протокол отождествления отпечатков пальцев О.М. 31.12.1938 (ЦА МВД)

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Протокол осмотра трупа О.М. 27.12.1938 (ЦА МВД)

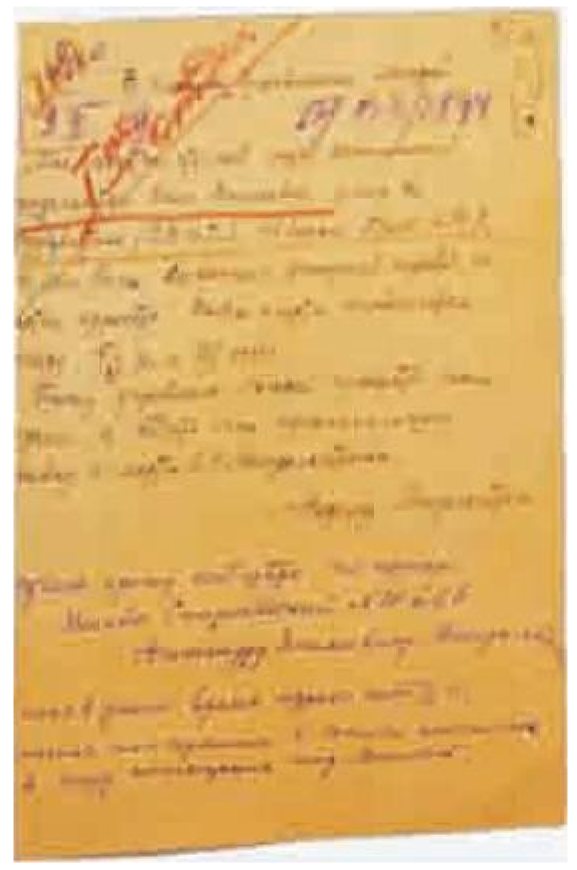

Следственное дело 1938 г. Фотография О.М. Май 1938 г. (ЦА ФСБ)

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти №

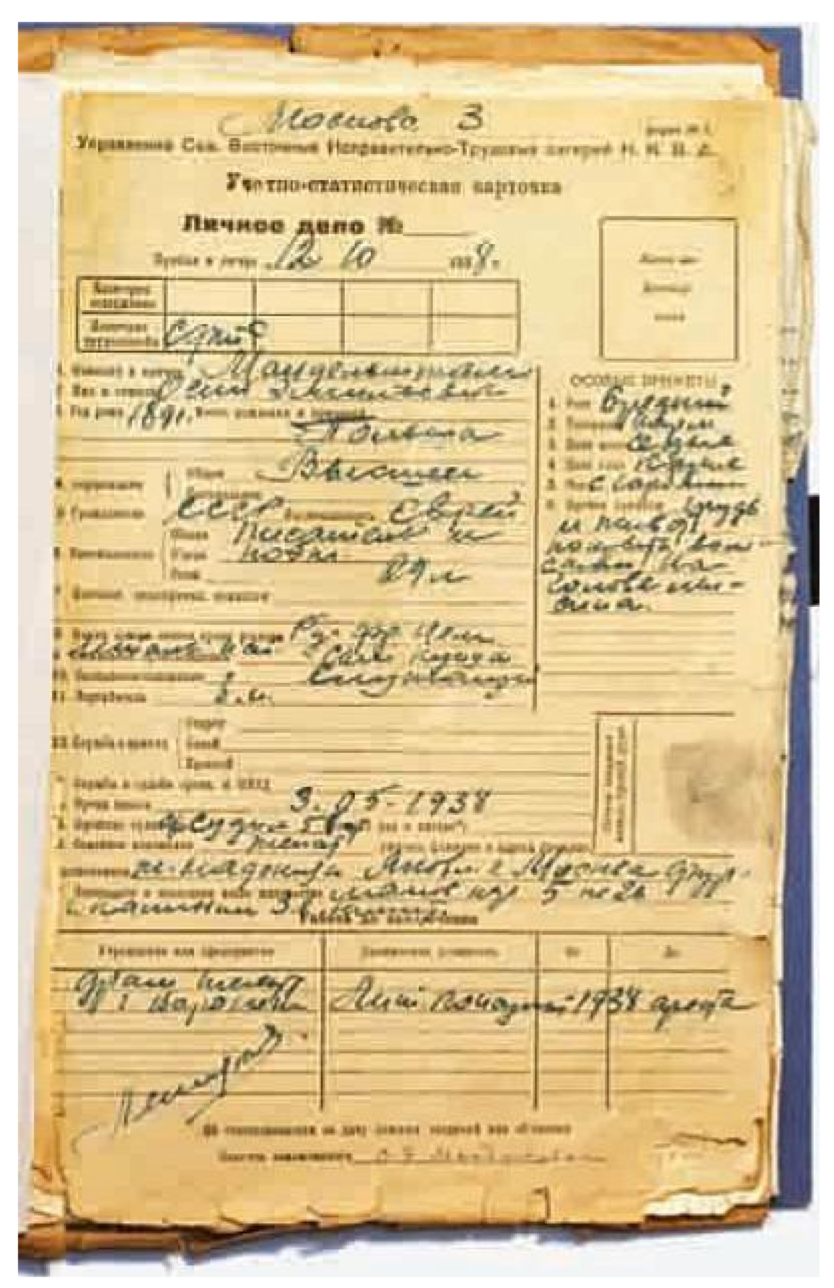
Свидетельство о смерти О.М. 3.6.1940. (РГАЛИ)

Письмо Н.М. в ГУЛАГ. 9.2.1939 (ЦА МВД)

Левая рука
Контрольный оттиск
Левая рука

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Дактилоскопический оттиск О.М. 27.12.1938 (ЦА МВД)

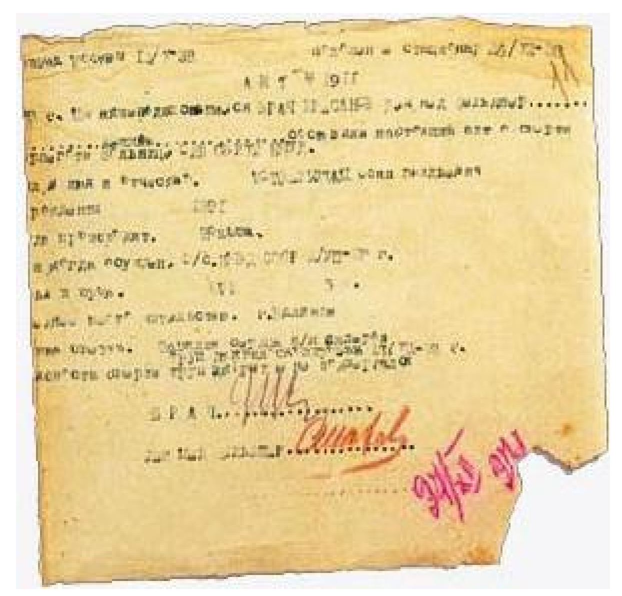

Управление Сев. Восточных Исправительно-Трудовых лагерей Н. К. В. Д.

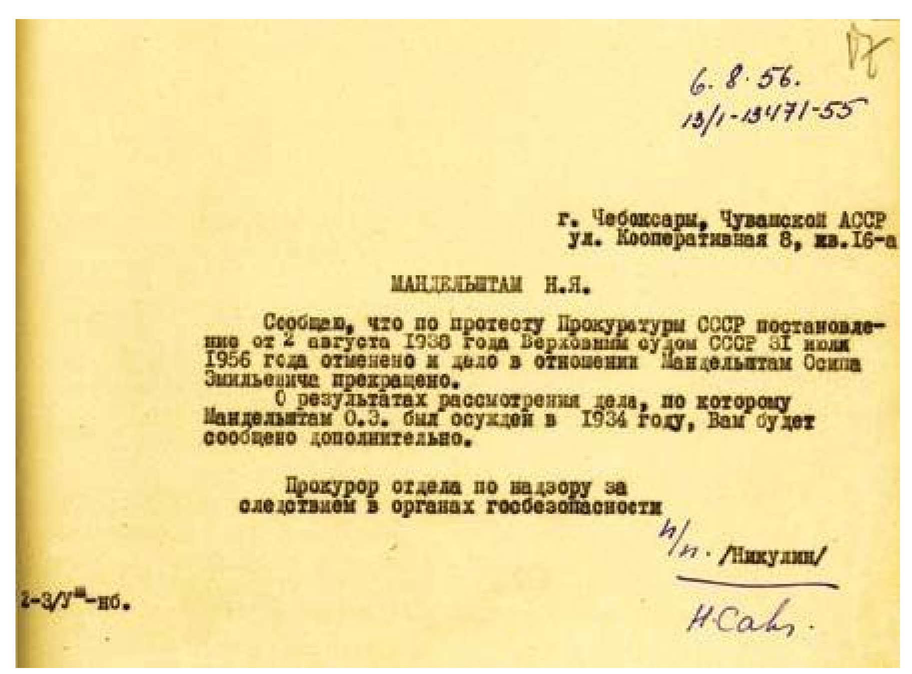
Учетно-статистическая карточка

Личное дело №

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Учетно-статистическая карточка О.М. (ЦА МВД)

Тюремно-лагерное дело 1938 г. Акт о смерти О.М. 27.12.1938 (ЦА МВД)

6.8.56.
13/1-13471-55

г. Чебоксары, Чувашской АССР
ул. Кооперативная 8, кв.16-а

МАНДЕЛЬШТАМ Н.Я.

Сообщаю, что по протесту Прокуратуры СССР постановление от 2 августа 1938 года Верховным судом СССР 31 июля 1956 года отменено и дело в отношении Мандельштам Осипа Эмильевича прекращено.

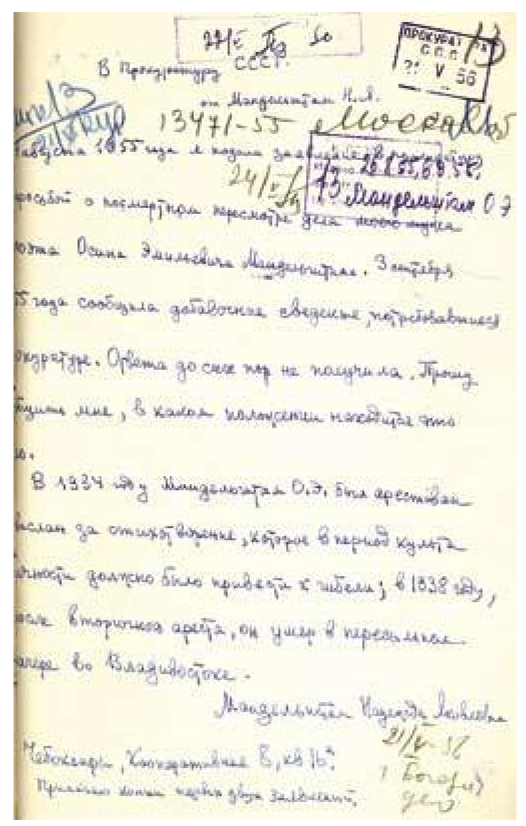
О результатах рассмотрения дела, по которому Мандельштам О.Э. был осужден в 1934 году, Вам будет сообщено дополнительно.

Прокурор отдела по надзору за
следствием в органах госбезопасности

п/п. /Никулин/

2-3/VIII-нб.

Извещение Н.М. от 6.8.1956 о реабилитации О.М. по делу 1938 г. (ГАРФ)

В Прокуратуру СССР

от Мандельштам Н.Я.

13471-55

августа 1955 года я подала заявление с

просьбой о посмертном пересмотре дела моего мужа

поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. 3 октября

55 года сообщила добавочные сведения, потребовавшиеся

прокуратуре. Ответа до сих пор не получила. Прошу

сообщите мне, в каком положении находится это

дело.

В 1934 году Мандельштам О.Э. был арестован

выслан за стихотворение, которое в период культа

личности должно было привести к гибели; в 1938 году,

после вторичного ареста, он умер в пересыльном

лагере во Владивостоке.

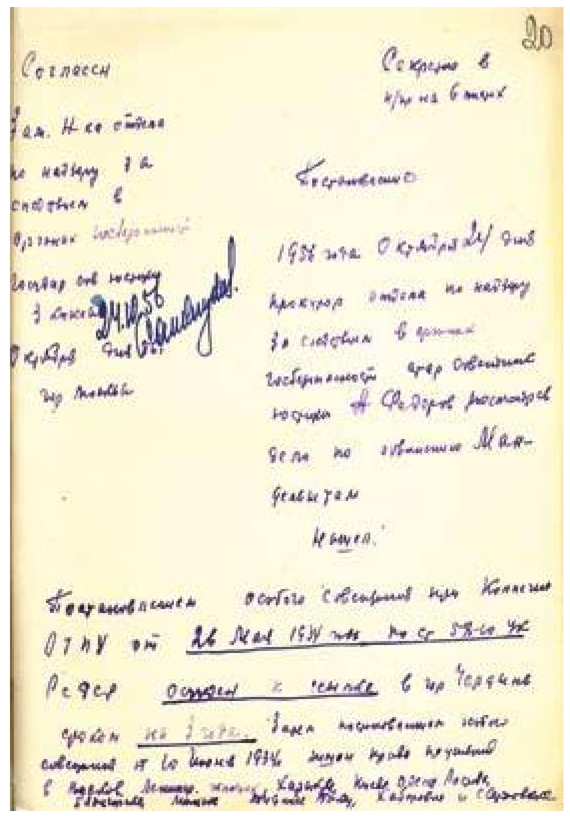
Мандельштам Надежда Яковлевна

21/V-56

Чебоксары, Кооперативная 8, кв 16.

Прилагаю копии первых двух заявлений.

Вторичное заявление Н.М. в Генпрокуратуру СССР от 21.5.1956 о реабилитации О.М. (ГАРФ)

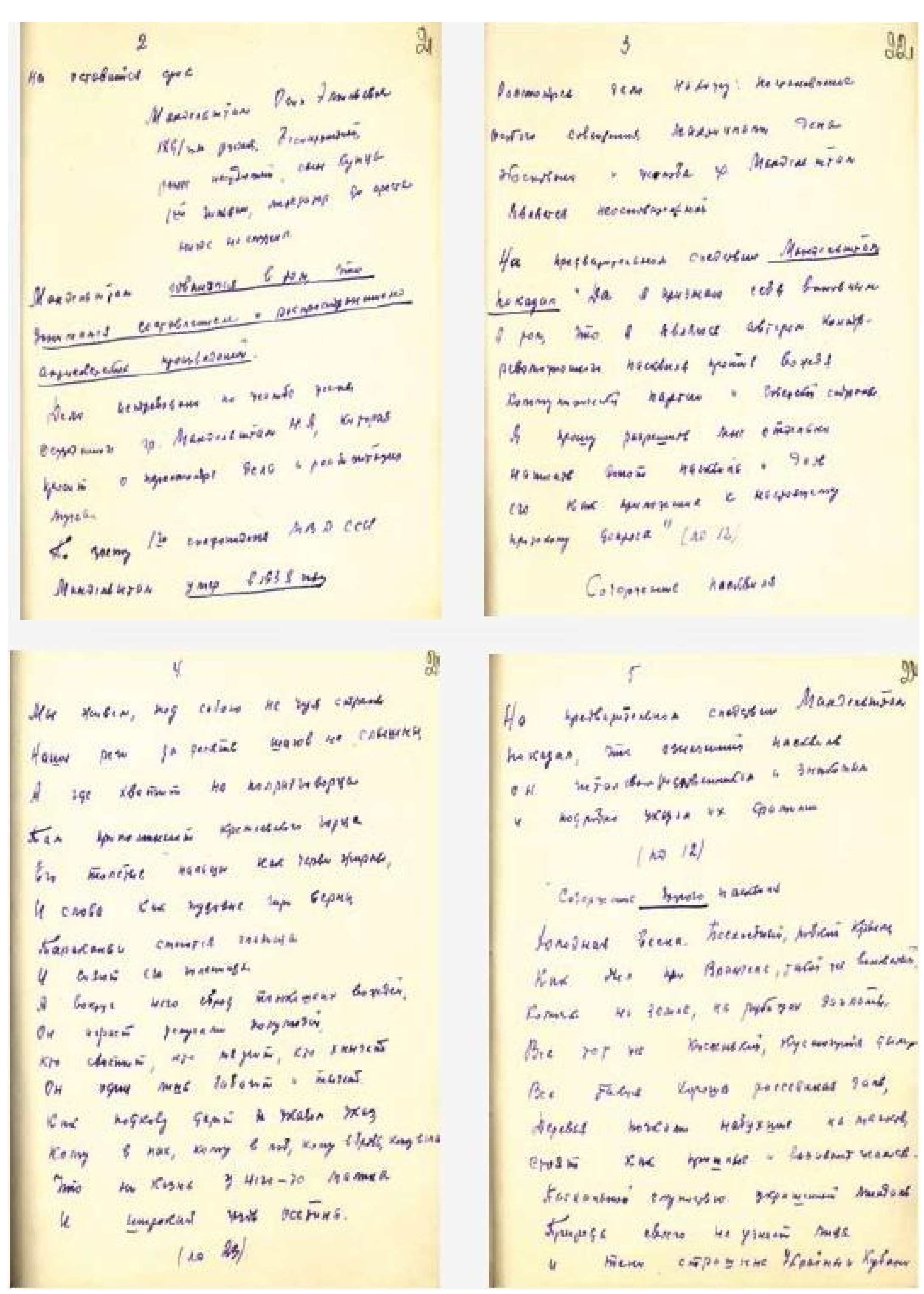

Согласен

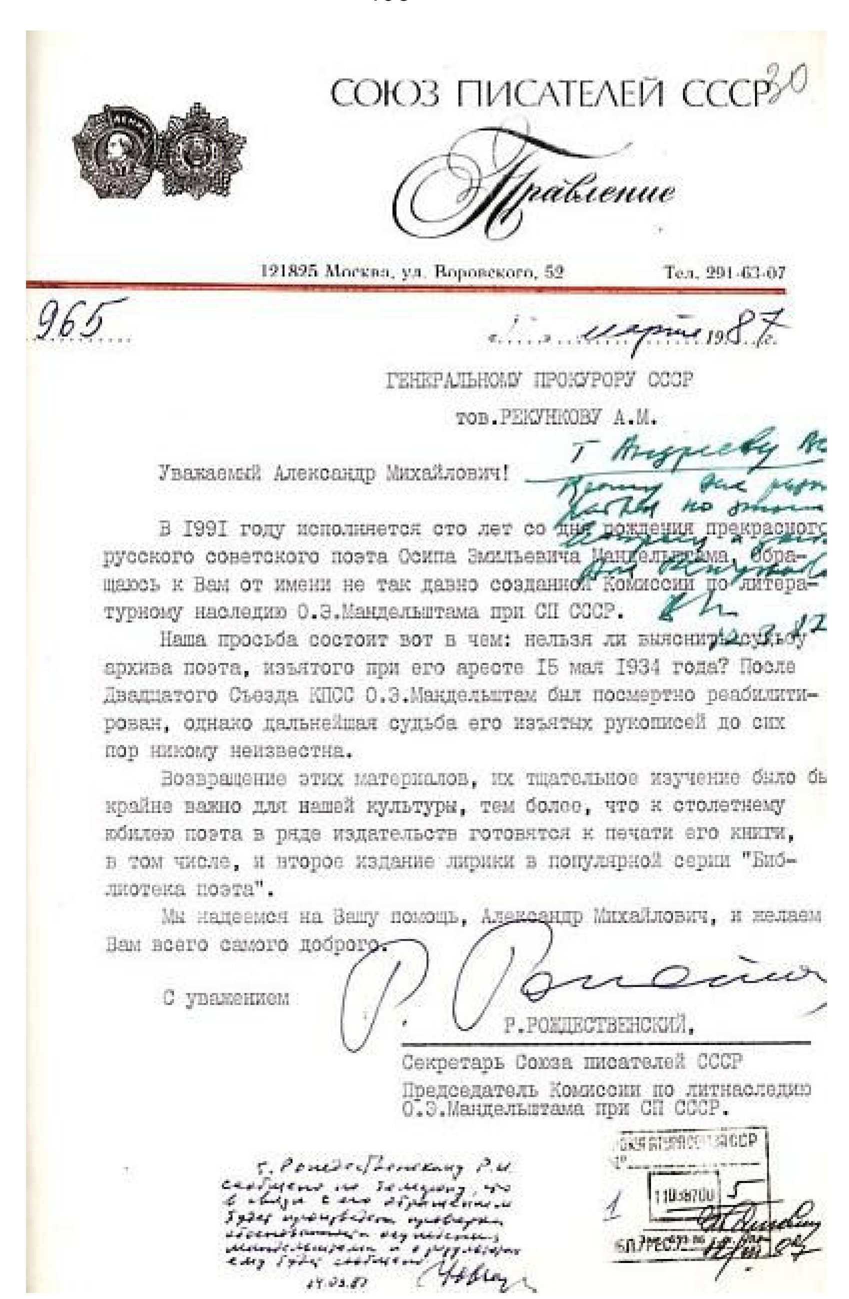
Постановление

Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 года

Постановление прокурора А.Федорова от 24.10.1956 об отказе в реабилитации О.М. по делу 1934 г. (ГАРФ)

Постановление прокурора А.Федорова от 24.10.1956 об отказе в реабилитации О.М. по делу 1934 г. (ГАРФ)

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Правление

121825 Москва, ул. Воровского, 52 Тел. 291-63-07

965 «...» марта 1987 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

тов.РЕКУНКОВУ А.М.

Уважаемый Александр Михайлович!

В 1991 году исполнится сто лет со дня рождения прекрасного русского советского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. Обращаюсь к Вам от имени не так давно созданной Комиссии по литературному наследию О.Э.Мандельштама при СП СССР.

Наша просьба состоит вот в чем: нельзя ли выяснить судьбу архива поэта, изъятого при его аресте 15 мая 1934 года? После Двадцатого Съезда КПСС О.Э.Мандельштам был посмертно реабилитирован, однако дальнейшая судьба его изъятых рукописей до сих пор никому неизвестна.

Возвращение этих материалов, их тщательное изучение было бы крайне важно для нашей культуры, тем более, что к столетнему юбилею поэта в ряде издательств готовятся к печати его книги, в том числе, и второе издание лирики в популярной серии "Библиотека поэта".

Мы надеемся на Вашу помощь, Александр Михайлович, и желаем Вам всего самого доброго.

С уважением

Р.РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,

Секретарь Союза писателей СССР

Председатель Комиссии по литнаследию О.Э.Мандельштама при СП СССР.

Письмо Р.И.Рождественского в Генпрокуратуру СССР от 11.3.1987 о судьбе архива О.М. (ГАРФ)

Секретарю правления
Союза писателей СССР
т.Рождественскому Р.И.

9.11.87 13/471-55

Уважаемый Роберт Иванович!

В связи с Вашим письмом о судьбе рукописей советского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, изъятых у него при обыске в мае 1934 года, проведена тщательная проверка.

О.Э.Мандельштам дважды в 1934 и 1938 годах привлекался к уголовной ответственности. Дело, по которому он был осужден в 1938 году, прекращено Верховным Судом СССР в 1956 году за отсутствием состава преступления.

В процессе дополнительной проверки, проведенной по делу в отношении О.Э.Мандельштама за 1934 год, установлено, что он также был осужден необоснованно, поэтому по протесту заместителя Генерального прокурора СССР Верховный Суд СССР 28 октября 1987 года дело прекратил.

Таким образом, О.Э.Мандельштам полностью реабилитирован.

К сожалению, принятыми мерами розыска установить место нахождения и содержание текста рукописей О.Э.Мандельштама, изъятых при обыске в 1934 году, не представляется возможным.

С уважением

Старший помощник
Генерального прокурора СССР В.И.Андреев

Письмо Генпрокуратуры СССР Р.И.Рождественскому от 9.11.1987 об окончательной реабилитации О.М. (ГАРФ)

Постоянное представительство ОГПУ по Свердловской области (1934): «Прыжок – и я в уме» Мандельштам в Чердыни

1

То, что вокруг дела О.М. происходит что-то необычное,

первым почувствовал Михаил Львович Винавер[1]: «Какая-то особенная атмосфера: суета, перешептывания…» – говорил он Н.М.[2] И как в воду глядел.

Как бы то ни было, но, начиная с 26 мая, в «мандельштамовском деле» стали твориться самые настоящие чудеса – чудеса, доведенные до Надежды Яковлевны Шиваровым под лаконичным девизом: «изолировать, но сохранить!»

Во-первых, звонок Н.М. следователя и предложение свидания – редчайший случай!

Свидание состоялось 28 мая в присутствиии следователя Шиварова:

> *Крупный человек с почти актерскими – по Малому театру – назойливыми и резкими интонациями, он всё время вмешивался в наш разговор, но не говорил, а внушал и подчеркивал. Все его сентенции звучали мрачно и угрожающе. Такова, однако, наша психологическая структура, что мне, пришедшей с воли, было не страшно, а только противно. Две недели без сна в камере внутренней тюрьмы и на допросах в корне бы изменили мое состояние.*
>
> *<…> Когда ввели О. М., я заметила, что глаза у него безумные, как у китайца, а брюки сползают. Профилактика против самоубийств – «внутри» отбирают пояса и подтяжки и срезают все застежки.*

---

1 Винавер Михаил Львович (1880–1937), адвокат и правозащитник, еврейский деятель, гражданин Польши. Зам. председателя Польского Красного Креста, а с 1924 г. зам. председателя «Общества помощи политическим заключенным» (Помполит), основанного в 1918 г. и до 12 июня 1922 г. известного как «Комитет помощи политическим ссыльным и заключенным» или «Политический Красный Крест» (при председателе Е.П. Пешковой). Общество было закрыто в середине 1937 г., а сам Винавер 3 августа был арестован в Крыму, где находился на отдыхе. За 16 месяцев следствия, проходившего в самый разгар применения физических методов воздействия, никого не оговорил. 29 июня 1939 г. приговорен к 10 годам ИТЛ по ст. 58.6 (Видре К. Хочу спасти от забвения (М.Л. Винавер и Политический Красный Крест) // Звезда. 2002. № 3). В начале 1942 г. освобожден из лагеря по амнистии как польский поданный, 29 сентября (по другим сведениям – в 1943 г.) скончался (Екатерина Павловна Пешкова. Биография: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания / Сост. Л. Должанская. М., 2012. С.678-682).

2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С.110.

Несмотря на безумный вид, О. М. тотчас заметил, что я в чужом пальто. Чье? Мамино… Когда она приехала? Я назвала день. «Значит, ты всё время была дома?» Я не сразу поняла, почему он так заинтересовался этим дурацким пальто, но теперь стало ясно – ему говорили, что я тоже арестована. Прием обычный – он служит для угнетения психики арестованного. Там, где тюрьма и следствие окружены такой тайной, как у нас, и не подчиняются никакому общественному контролю, подобные приемы действуют безотказно.

Думая, что мы расстаемся надолго, а может, навсегда, О. М. поспешил передать со мной весточку на волю. <…> О. М. сообщил, что у следователя были стихи, они попали к нему в первом варианте со словом «мужикоборец» в четвертой строке: «Только слышно кремлевского горца – Душегубца и мужикоборца»… Это было весьма существенно, чтобы выяснить, кто информировал органы. Дальше О. М. торопился рассказать, как велось следствие, но следователь непрерывно его обрывал и старался использовать создавшуюся ситуацию, чтобы припугнуть и меня. А я тщательно вылавливала из перепалки всевозможные сведения, чтобы передать их на волю.

Стихи следователь называл «беспрецедентным контрреволюционным документом», а меня соучастницей преступления: «Как должен был на вашем месте поступить советский человек?» – сказал он, обращаясь ко мне. Оказывается, советский человек на моем месте немедленно сообщил бы о стихах в органы, иначе он подлежал бы уголовной

ответственности… Через каждые три слова в устах нашего собеседника звучали слова «преступление» и «наказание». Выяснилось, что я не привлечена к ответственности только потому, что решили «не поднимать дела». И тут я узнала формулу: «изолировать, но сохранить» – таково распоряжение свыше – следователь намекнул, что с самого верху, – первая милость… Первоначально намечавшийся приговор – отправка в лагерь на строительство канала – отменен высшей инстанцией. Преступника высылают в город Чердынь на поселение… И тут Христофорыч предложил мне сопровождать О. М. к месту ссылки. Это была вторая неслыханная милость, и я, разумеется, тотчас согласилась ехать, но мне до сих пор любопытно, что произошло бы, если б я отказалась[1] .

Во-вторых, – и это главное – сам приговор «копеечный»: всего-навсего высылка на три года в Чердынь!

И, в-третьих, Н.М. предложили сопровождать в ссылку мужа, с чем она немедленно согласилась. Но уезжать нужно было уже в этот же вечер, 28 июня!

Для сопровождения О.М. Надежде Яковлевне тут же выдали удостоверение[2].

До отправления оставалось совсем немного времени, и все оно полностью ушло на всевозможные сборы.

Ахматовой запомнились приготовления, проводы и прощание на Казанском вокзале:

…Нина Ольшевская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку всё

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С.38-40.
2 См. документ № 1 в настоящем разделе.

содержимое своей сумочки.[1]

По версии Н.М., Булгакова не только сама дала денег, но и, вместе с Ахматовой, собирала по всему дому на отъезд Мандельштамов.

2

…Поезд на Свердловск уходил с Казанского вокзала. С Ленинградского – в тот же день и час – уезжала Ахматова.

> *На вокзал мы поехали с Надей вдвоем. Заехали на Лубянку за документами… Осипа очень долго не везли… Мой поезд (с Ленинградского вокзала) уходил, и я не дождалась. Братья, т. е. Евгений Яковлевич Хазин и Александр Эмильевич Мандельштам, проводили меня, вернулись на Казанский вокзал, и только тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться.*[2]

29–30 мая Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна провели в поезде.

Не одни, а под неусыпным надзором «*троих славных ребят из железных ворот ГПУ*» – своих конвоиров. Согласно уставу конвойной службы, существовали эшелонное конвоирование (Мандельштам еще столкнется с ним в 1938 году[3]), пешее и так называемое особое, когда конвоирование осуществляется в индивидульном порядке и по особому распоряжению. Именно с этим видом конвоирования, похоже, и столкнулся О.М. на этот раз. Конвоиров ему заказали не из внутренних или конвойных войск и уже тем более не из милиции (случалось и такое), а из низового состава ОГПУ, вооруженных скорее всего наганами.

---

1 Ахматова, 2005. С. 115.
2 Там же. С. 116.
3 См.: Никольский, Поболь, 1999. С. 43–47.

Собственно, они так и назывались: спецконвой ОГПУ, и старшего из троих звали так же, как и конвоируемого, – Осипом. Во внутреннем кармане у него лежал запечатанный конверт в выпиской из протокола Особого Совещания, который надлежало доставить в чердынскую комендатуру – цитирую предписание – «*вместе с личностью осужденного, следуемого спецконвоем в ваше распоряжение, для отбывания высылки*»[1].

Первою целью на их маршруте был Свердловск. Там, в областном центре, по-видимому, надлежало сделать соответствующую отметку. Когда бы не это, то самый короткий путь в Чердынь пролегал бы через Пермь.

В пути у О.М. усилился душевный недуг, обозначившийся во внутренней тюрьме: напряженное ожидание казни, навязчивая идея самоубийства. И вместе с тем он сохранял адекватность восприятия и присущее ему чувство юмора. Иначе бы не сочинил 1 июня в Свердловске, на полпути из Москвы в Чердынь, следующую трагикомическую басню:

Один портной
с хорошей головой
Приговорен был к высшей мере.
И что ж? – портновской следуя манере,
С себя он мерку снял
И до сих пор живой.

Жанр «басни», на пару с «маргулетами», в тридцатые годы явно заменил О.М. «Антологии глупости», столь любимые им и его товарищами в десятые и двадцатые годы. О.М. словно бы соревновался в жанровом остроумии и громкости смеха с Николаем Эрдманом – бесспорным королем басенного жанра, автором[2], например, такого шедевра:

1 ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 36. Оборот «Формы № 54».
2 В данном случае соавтором – с Владимиром Массом.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыра…
– Но Бога нет! – Не будь придира:
Ведь нет и сыра!

Талантливо упражнялся в этом жанре и другой знакомец О.М. – и тоже сиделец – Павел Васильев. Вот пример из протокола его допроса в марте 1932 г. [1]:

Гренландский кит, владыка океана,
Раз проглотил пархатого жида.
Метаться начал он туда-сюда.
На третий день владыка занемог,
Но жида он переварить не мог.
Итак, Россия, о, сравненье будет жутко
–
И ты, как кит, умрешь от несварения желудка

Но мандельштамовская басня о портном – особенная, в ней не столько искрится поэтическое остроумие, сколько мигают светлячки мандельштамовского видения того, что с ним на Лубянке произошло. Закройщик собственной судьбы, он, несомненно, понимал, каким должен был быть его «приговор» – высшая мера: и разве не сам он пояснял, что смерть для художника и есть его последний творческий акт? И он сделал для этого «всё что мог». Но оказалось, что именно это и спасло его от высшей меры и что, благодаря самоубийственному поведению, он от гибели-то и ускользнул.

3

До Свердловска почтовый поезд № 72 тащился почти двое с половиной суток, или, согласно расписанию, – 57 часов и 17 минут. Там – первая пересадка: ссыльная парочка и трое

1 Растерзанные тени, 1995. С. 82.

«телохранителей» несколько часов дожидались вечернего поезда по соликамской ветке. До Соликамска – еще одни сутки: почтовый поезд № 81 находился в пути, согласно расписанию, 20 часов и 14 минут[1].

В Соликамске – снова пересадка, причем от вокзала до пристани ехали на леспромхозовском грузовике (это тут О.М., увидев бородача с топором, перепугался и шепнул: «Казнь-то будет какая-то петровская!»).

Надо не просто сказать – подчеркнуть, что психическое состояние Мандельштама оставляло желать много лучшего. Травмопсихоз – термин, сообщенный поэту или его жене скорее всего следователем со слов тюремного врача, – был, по замечанию Ю.Л. Фрейдина, ничем иным как эвфеизмом: правильно было бы говорить о тюремном психозе плюс так называемый железнодорожный психоз (разновидность галлюцинаторно-параноидного психоза), когда человеку – от обилия или остроты впечатлений – за всю дорогу не удавалось сомкнуть глаз!

Последний перегон – водный и против течения (вверх по Каме, по Вишере и по Колве) – Осип Эмильевич с Надеждой Яковлевной проплыли с комфортом – в отдельной каюте, снятой по совету Оськи-конвоира («Пусть твой отдохнет!»). Этим маршрутом плавали два парохода – «Обь» и «Тобол»[2]: Мандельштам знал об обоих, так что, возможно, оба были зашвартованы в Соликамске или же просто встретились по пути[3].

Внимание Мандельштама не могли не привлечь береговые знаки – створные меты и футштоки. Первые маркировали изгибы фарватера и километраж от устья реки: их появление впереди было предвестником поворота русла или какой-то иной перемены. Они являли с собой хорошо видные

1 Информация Центральной научно-справочной библиотеки Министерства путей сообщения (сообщено А.Никольским).

2 А вот, для сравнения, некоторые дореволюционные имена: «Альфа», «Гражданин», «Доброжелатель» (сообщено С.А. Попковой).

3 Эта часть маршрута скорее всего тоже была отработанной. Именно так проследовал в Чердынь за год до Мандельштама (Кураев, 1998. С.13).

капитанам высокие столбы с прибитыми друг над другом четырьмя поперечными рейками переменной и уменьшающейся снизу доверху длины. Они были окрашены чаще всего белой, видимой и ночью, краской. Футштоки же – это своего рода «стационарные» мерные рейки, фиксирующие уровень воды. Они состояли из чередующихся красных и черных меток и цифр и действительно напоминали старинные верстовые столбы из дореволюционного времени[1].

Наложившись друг на друга, футштоки и створовые столбы попали в стихи:

И речная верста поднялась в высоту…

Колва в Чердыни судоходна исключительно по большой воде, то есть в мае-июне. Так что можно сказать, что Мандельштамам «повезло» со временем прибытия[2].

4

Что знал О.М. о Чердыни, усаживаясь напротив своих конвоиров в вагоне? Скорее всего – ничего. Ситуация – так мало походившая на путешествие в Армению в 1930-м, готовясь к которому О.М. не вылезал из музеев и библиотек!

Исторически и географически он себе плохо представлял, куда «везут они его», эти «чужие люди» из «железных ворот ГПУ». Если Чердынь как-то и звучала для него, то музыкально: возможно, она сопрягалась у него со старообрядцами.

Ему было невдомек, что Чердынь, – городок хотя и маленький (около 4 тысяч жителей), но один из древнейших на всем Урале. Некогда вполне себе гордый –величавшийся Пермью Великою Чердынью, что говорило о его столичности в этой самой Перми, широко ведшей свою торговлю (пушнина

1 Благодарю А. Лапшевцева и Н. Поболя за соответствующую консультацию.
2 Тот же Кураев просидел в Екатеринбурге до открытия навигации около месяца.

да еще серебро) – от Великого Новгорода до Персии. Более скромное название «Чердынь», в переводе с коми-пермяцкого, – это «поселение, возникшее при устье ручья», при этом подразумевалась речка Чердынка (или Чер), впадающая здесь в Колву.

Судоходная Колва (правый приток Вишеры, левого притока Камы) связывала Чердынь с Волгой, а через короткие волоки (впоследствии замененные грунтовыми дорогами) – и с Северной Двиной и Печорой. Реки в этих краях – исток и устье всего сущего. Все селения вокруг Чердыни расположены исключительно по берегам рек. Транспорт, рыба, молевой сплав (главным образом на Волгу) – все это основа повседневной экономики города и горожан.

Сама Чердынь оседлала правый берег реки – высокий и обрывистый, покрытый хвойным лесом: это он в стихах у Мандельштама отражался в воде. В лесу все больше пихта да ель, но встречается и сосна, реже лиственница и кедр. Чахлый елово-пихтовый лес, растущий на болоте, именутся здесь согрой, а высокий, «корабельный», растущий по горам, – пармой. Вода в самой Колве у Чердыни из-за глинистых и торфяных берегов – мутная взвесь: при высокой воде берега размываются.

Первое письменное упоминание – под 1451 годом: тогда Чердынь, чистое коми-пермяцкое селение, только обживалась русскими и перестраивалась из новгородского в московские вассалы. В 1462 году православные миссионеры основали здесь монастырь и пытались окрестить местных коми-пермяков и вогулов, а те не горели таким желанием и иногда сопротивлялись. В 1472 году московский отряд во главе с князем Федором Пестрым и устюжским воеводой Гавриилом Нелидовым даже ходили на Чердынь и Пермь Великую замирять их, после чего Чердынь окончательно закрепилась за Москвой, а в 1535 году официально провозглашена городом.

Отсюда начиналась Чердынская дорога – древний путь

через Уральские горы в Западную Сибирь: до конца XVI века здесь зимовали купцы, двигавшиеся на восток. Однако с истощением здесь серебряных руд и с усилением соледобычи в Прикамье экономическая роль Чердыни сошла на нет, а сама она – при Строгановых, в XVII в. – только что не захирела. Соляные копи были хоть и не далеко, а все же не здесь: железную дорогу дальше Соликамска (это в 100 км) не стали тянуть – рыбе да мехам не нужны рельсы. Неподалеку и Красновишерск, где в 1930-е годы строился, в том числе и шаламовскими руками, грандиозный целлюлозно-бумажный комбинат.

С давних пор уездная Чердынь наращивала свою частную инициативу и гуманитурную мускулатуру: тут имелись свое Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, при котором образовались археологический музей, а в 1899 году, в ознаменование пушкинского юбилея, – еще и общеобразовательный. В 1918 году оба музея слились в один – Общеобразовательный (с 1922 года – Чердынский краеведческий) музей им. А. С. Пушкина. Множество документов по истории края погибли в 1792 году во время пожара, истребившего архив и почти весь город.

Были в городе до революции городское 4-хклассное училище, женская прогимназия, низшая ремесленная школа и приходское училище, земская публичная библиотека, земская же больница на 30 коек[1], аптека, ветеринарная амбулатория, богадельня, приют для бедных детей. Был и городской сад. Действовали некоммерческие товарищества – Общество семейных вечеров (при нем театр), Музыкально-драматическое общество, Общество вспомоществования бедным учащимся (при нем столовая с общежитием для бедных учащихся) и Общество потребителей.

1 Она была построена на средства местных купцов к 1913 г., то есть к трехсотлетию дома Романовых, и оборудована по последнему слову тогдашней техники – с рентгеновским аппаратом, с горячей и холодной водой.

Без устали служила Чердынь российским уездным городом и как бы законсервировала в себе образ его северной ипостаси: над малоэтажной застройкой, почти сплошь деревянной (даже тротуары тесовые!), возвышаются простецкие белокаменные соборы постройки XVIII века[1]. Старообрядцев здесь хотя и большинство, но соборов больших у них нет. Зато внутри церквей – неожиданные, словно орган, – красовались когда-то деревянные, как у католиков, скульптуры. Потом их даже собрали в музей… в Перми! Тоже своего рода депортация.

5

Подплывая к городу, они не могли не восхититься его панорамой: город-то с силуэтом! Раскиданные по городским холмам маковки церквей и колокольня (а еще и водонапорная башня) господствовали над приземистой купеческой застройкой, языками добегавшей до самой реки. «Чердынь обрадовала нас пейзажем и общим допетровским обликом», – писала потом Н.М. Храмы еще сохраняли кресты и побелку, а то, что они большею частью были закрыты и «перепрофилированы» – с реки не углядишь[2].

И вот пароход, замедляя ход, причалил к Чердынскому дебаркадеру. Впереди оставалась развилка – направо заворачивала река, а слева, под тупым углом, в нее впадала, запутавшись в своих старицах, речка Чердынка.

Вдоль берега чернели и громоздились циклопические, рубленые из лиственницы дровяные амбары – бывшие купеческие (в них хранили соль и зерно). Тут же стояла и такая же почерневшая от времени деревянная мельница, а рядом электростанция[3]. Прямо от пристани, перпендикулярно

---

1 Но есть в центре и каменные светские дома: купеческие особняки и торговые лавки, гостиные дворы, школы.

2 Церкви начали закрывать еще в 1930 г., и ко времени приезда О.М. изо всех городских церквей, кажется, только одна была оставлена для отправления старорежимных нужд, а остальные были расписаны под склады и прочие социалистические потребности. В Воскресенском соборе, например, был устроен кинотеатр.

3 Мельница потом сгорела, а электростанция была разрушена в 1970-е гг.

берегу, уносился вверх глубокий овраг и с ним по тальвегу глиняная дорога – Прямица – такая крутая, что казалось: пойди сейчас дождь, никому и ни за что сходу ее не одолеть, несмотря на плитняк, которым она была выложена. Пешеходу же было и вовсе трын-трава: обочь Прямицы шел самый настоящий тротуар, даром что тесовый.

За мандельштамовской «пятеркой» и багажом новоприсельцев районный комендант Попков наверняка выслал подводу. Она доставила всех пятерых в районное представительство ОГПУ, располагавшееся в бывшем доме купца Могильникова – старинной каменной усадьбе на улице Ленина[1]. Самого товарища Попкова Н.Я. воспринимала как «*типаж не внешней, а внутренней охраны, из тех, кто расстреливал и пытал, и за жестокость, то есть как свидетель неупоминаемых вещей, был отправлен подальше*»[2]. Но это к нему и его регистраторам должен был, останься он в Чердыни, каждые пять дней наведываться О.М. Это ему предстояло решать, куда – в райцентр или куда поглуше – определить в пределах района столичного «писателя» и его жену. Ведь Чердынь – единственный на весь район город: грамотеев здесь и своих много!..

Но, сдавая непосредственно коменданту «личность осужденного», старший конвоир Оська поступил нестандартно. Он проинструктировал Попкова в том смысле, что об «етом поете» велено заботиться, после чего пошел на почту отбивать на Лубянку условленную телеграмму[3].

Всю дорогу Оська поражался тому, что в СССР, оказывается, можно получить срок, по его выражению, «за песни». Он допустил массу поблажек и отклонений от инструкции, хоть в чем-то, но облегчавших положение своих конвоируемых. Вот только от угощения домашними запасами, сколько бы им это ни предлагала Н.М., он строго уклонялся –

---

1 Ныне Юргановская.

2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С.70.

3 По словам Н. Поболя, давалась самая обычная телеграмма с кодом примерно такого типа: «Дрова сданы». Вместо «дров» могло стоять и что-то другое: «деревянные изделия», «мебель» и т.д.

запрещено.

Но после передачи «личности осужденного» с рук на руки «славные ребята из железных ворот ГПУ» перестали отказываться: «Теперь мы свободные – угощай…». Выпив и закусив, «тройка» зашагала вниз, к пристани, где ее терпеливо дожидался пароход.

6

Под воздействием слов начальника конвоя неслыханную для себя гуманность проявил и Попков. Он устроил новеньких одних в огромной и пустой угловой палате правого крыла на втором (самом верхнем) этаже просторной земской больницы. В соседних палатах лежали раскулаченные мужики из района – с запущенными переломами, с запущенными язвами – такие же бородатые, как и сам О.М.

Больница была едва ли не лучшим зданием в городе. Ее построили на средства местных купцов к 1913 году, то есть к трехсотлетию дома Романовых, и оборудовали по последнему слову тогдашней техники – горячей и холодной водой, рентгеновским аппаратом[1]. Располагалась она в доме 29 по улице… Сталина![2]

Ну не диво ли: человек, в чью честь она так называлась, отправил другого человека, в порядке чуда, – вместо того света на улицу имени себя!

Прибытие Мандельштама в Чердынь датируется строго 3 июня, когда в комендатуре при местном райотделе ОГПУ его поставили на особый учет и выдали ему за № 1044 удостоверение административно-высланного. Режим его наказания предусматривал явку в дом Могильникова каждые кратные пять дней – 1, 5, 10, 15, 20, 25 числа – для получения соответствующего штампика в этом удостоверении. Регистратором, возможно, был Миков – инспектор ОГПУ по

---

1 Памятники архитектуры, истории, искусства Чердыни и Чердынского района. Т.II. Чердынь, 1997. С. 11–12.
2 Нынешняя Прокопьевская.

ссылкам[1].

Мало того, называется имя человека, к которому Мандельштам, собственно говоря, и ехал – товарищ Попков, районный комендант[2]! Это к нему и его регистраторам, в должен был бы наведываться каждые пять дней Мандельштам, останься он в Чердыни (Это Попкову предстояло решать, куда в пределах района и срока определить «писателя» и его жену, ведь Чердынь – единственный на весь район город: грамотеев здесь и своих много!

Но отметки за 5 июня нет – видимо, из-за того, что О.М. «отметился» в Чердыни совершенно иначе: в первую же ночь, то есть с 3 на 4 июня, одержимый тюремными галлюцинациями и манией преследования, он выбросился из окна палаты, где его с женой так шикарно разместили…

Нервный, чувствительный, тонкий, «не созданный для тюрьмы» (автохарактеристика), Мандельштам явно не выдержал очной ставки с государственной карательной машинерией, заплатив за нее бессоницей, бредом, галлюцинациями и, наконец, – попыткой самоубийства.

«*Прыжок – и я в уме*», – так диагностицировал ситуацию сам поэт.

Женщина-врач (по характеристике Н.Я. – «встрепанная и очень злая врачиха») – это предположительно Мария Селиверствовна Семакова, замещавшая на время отпуска заведующего, А.М. Семакова, своего начальника и мужа[3]. Она констатировала у О.М. вывих правого плеча. Диагноз ее не был верен (правильным был бы перелом), но в период белых ночей электричество даже в больницу подавалось нерегулярно и рентгеновский аппарат не работал.

После «прыжка» Мандельштама с женой перевели в другое помещение – в небольшой и отдельно стоящий

1 Кунтур, 2009. С. 43.

2 Н.Я.Мандельштам называет его «типажем не внешней, а внутренней охраны, из тех, кто расстреливал и пытал, и за жестокость, то есть как свидетель неупоминаемых вещей, был отправлен подальше».

3 Кунтур, 2009. С. 42-43.

флигель, где размещался Красный уголок больницы. Каменный и одноэтажный домик – из окна уж точно не выбросишься.

В больнице Мандельштамы сдружились с одной эсеркой-кастеляншей – такой же, как и они, административно-высланной, но только с несоизмеримо большим жизненным опытом. Кастелянша еще раз даст о себе знать – в 1939 году, на Колыме, в лагпункте «Балаганное», судьба свела с ней Елену Михайловну Тагер, законспирировавшую ее в своих воспоминаниях под инициалами Е.М.Н. (возможно, сознательно искаженными)[1].

Е.М.Н. рассказывала Тагер об «одном писателе», Иосифе Мандельштаме, содержавшемся в чердынской больнице, где она работала. Он страдал, по ее выражению, «абсолютным психозом»: каждый день заново свято верил, что сегодня в шесть часов его расстреляют. И каждый день к шести часам начинал психовать – забивался в угол, трясся, кричал… Лечить его было нечем, но очень помогал описанный и Надеждой Яковлевной трюк: незаметно перевести часы на два часа вперед… Восемь часов – совсем другое дело, никто за ним не приходил! – и поэт успокаивался…[2]

Недавно установлены имена двух реальных кастелянш, работавших в больнице в это время: это Татьяна Алексеевна Коломойцева, административно-ссыльная дворянка из Новороссийска (принята на работу в 1931 г.) и Валентина (или Василиса?) Дмитриевна Казаринова[3].

7

С правой рукой на перевязи, заросший уже не щетиной, а густой трехнедельной бородой – Мандельштам выглядел по меньшей мере импозантно. Травматический психоз его не

1 Из работников Чердынского здравоохранения ближе всего к ним имя Екатерины Абрамовны Носовой, одной из руководительниц райздравотдела.

2 Тагер Е. О Мандельштаме / Публ. И комм. Г.П. Струве. Новый журнал. Нью-Йорк. 1965. Кн. 81. С.172-199.

3 Кунтур, 2009. С. 43 и 55-57.

отпускал, и он все ждал определенного часа (шести вечера), в который его непременно должны были расстрелять. Но хуже всего было ночью: бессоница! И не та, творческая, когда все в тебе настроено на стихи, и ночь дарит тебе вожделенную «запрещенную тишь», а совершенно другая – болезненная и изнурительная, начавшаяся в дороге и перекидывавшаяся по мосткам тревоги за него к жене. Утомляли и белые ночи, но к ним быстро привык, – Чердынь и Петербург расположены почти на одной широте.

Рука у Осипа Эмильевича быстро заживала, хотя отныне и до конца жизни он был практически сухорук. Уже через несколько дней после «прыжка» он и Надежда Яковлевна начали выходить в город – прежде всего в тщетных поисках жилья. Заходили они, надо думать, и в музей, и в библиотеку, читали или покупали районную прессу.

Невозможно себе представить, чтобы они не заглянули в местный музей[1]. Сохранилась книга отзывов музея за 1934 год: мандельштамовской записи там, правда, нет, зато есть чья-то сердитая запись-выговор за то, что нетути в ентом музее ни львы, ни тигры! Зато в одной из витрин красовалась настоящая серебряная персидская посуда, найденная не где-нибудь, а в окрестностях Чердыни при археологических раскопках.

И тогда на память приходит первое из двух мандельштамовских писем жене от 4 мая 1937 года, где читаем: *Сейчас был в книжном магазине – большом. Там изумительные «Металлы Сассанидов» Эрмитажа – 50 р.* (*4, 290*)[2]. Так что же это, как не еще один «чердынский след» в судьбе поэта?

Заходили они, надо полагать, и в библиотеку, находившуюся там же, где и сегодня – в доме 57 по

1 Его директор, Илья Музейный (Илья Алексеевич Лунегов, 1900–1994 гг., возглавлял музей в 1929–1966 гг.) был активным и удачливым исследователем и администратором, сделавшим необычайно много для наращивания и совершенствования экспозиции.

2 К этому месту Н.М. дала такой комментарий: «Юдина купила и послала в подарок» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял». Заметки Н.Я. Мандельштам на полях американского собрания сочинений О. Мандельштама / Публ. Т. Левиной и А. Никитаева // Philologica. 1997. № 4. С. 181). Книга не сохранилась.

Коммунистической (ныне Успенской) улице, где читали или покупали районную прессу[1].

Газет в Чердыни было в то время две[2]. Одна – «Северная коммуна» (орган райкома партии, райисполкома и райпрофсовета) выходила трижды или четырежды в неделю под редакцией некоего Яборова[3]. Номер мог состоять и из россыпи мелких, даже мельчайших заметок, а мог и целиком из перепечатки какого-нибудь Постановления ЦИК и СНК СССР, например, о сельзозналоге на 1934 год. Много о лесосплаве и о потребной для этого непьющей рабсиле, о сенокосе и о подписке на первый тираж первого выпуска займа «Второй пятилетки», розыгрыш которого вот-вот должен был состояться в областном Свердловске. Сказано и о ликвидации в Чердыни разведки Востокнефти[4].

18 июня, когда поэт уже плыл в сторону Казани, вышел номер, который, застрянь Мандельштам в Чердыни, его явно бы заинтересовал. В нем объявление об открывшейся в «Северной Коммуне» вакансии корректора. Одна из заметок по соседству с объявлением о вакансии называлась «Колхозники принимайте вызов» – это о задолженностях по займу «Вторая пятилетка». Запятой в заголовке нет – так что корректор газете был точно нужен.

Едва ли Мандельштаму в «уездной» Чердыни светило что-то большее: это тебе не «губернский» Воронеж, мобилизованный помогать по звонкам и письмам из ЦК.

Выходила в Чердыни и еще одна газетка – «Известия», орган Чердынского райисполкома, рассчитанный специально на осевших в городе и районе спецпереселенцев! Выходил она трижды в месяц, каждые десять дней, и единственный

---

1 Библиотекарь Селиванов удостоился у Кураева определения «прелестный человек»: «В его холодной библиотеке я читаю газеты, беру их и на дом» (Кураев, 1998. С.53)

2 Опираемся только на номера, сохранившиеся в газетохранилище Российской государственной библиотеки в Москве. Ни в Чердыни, ни в Перми их не оказалось. По всей вероятности, недостающие номера сохранились в Свердловске, бывшем в то время для Чердыни областным центром.

3 Опираемся только на номера, сохранившиеся в газетохранилище Российской государственной библиотеки в Москве. Ни в Чердыни, ни в Перми их не оказалось. По всей вероятности, недостающие номера сохранились в Свердловске, бывшем в то время для Чердыни областным центром.

4 Северная коммуна. Чердынь. 1934. № 77 (454). 16 июня.

номер, который Мандельштам мог держать в руках, вышел 11 июня[1].

Здесь, как и в «Северной коммуне», максимум внимания – лесосплаву и сельхозработам (в частности, взмету паров и прополке). Есть ударники и передовики, например, семья спецпереселенца Ф.Головко, в которой работают и не ленятся все – и стар, и млад. Но есть и лодыри, бездельники: они клеймятся и поносятся, приводятся их имена. Это из-за них в прорыве и сплав на Котомышском участке, и сев на Вишере, и случная кампания в Елтвинской сельхозартели, где не случали еще никого, поскольку «не было приказа чтоб можно было случать». Такой ответ не удовлетворил корреспондента, и он потребовал в эпилоге – «за матками и производителями поставить уход, чтоб создать им охоту к покрытию… Только путем этого можно будет обеспечить выполнение поставленных задач по животноводству». Статья подписана «М.», но вряд ли это Мандельштам.

Попадаются и чистые анонимки: «На поселке Н-Родина обеды из столовой по распоряжению Губиной выдаются близким и знакомым совершенно нигде не работающим. *Рабочий*». Или: «Медфельдшер поселка У-Пулт Лущин И.А. из привезенных медикаментов два литра спирта выпил сам. *Жаркий*». Представляете?

Однако главная тема номера – это постановление президиума Чердынского райисполкома от 8 июня 1934 года о восстановлении в избирательных правах 16 бывших спецпоселенцев из различных сельхозартелей, «достигших в спецссылке избирательного возраста и показавших на общественной работе добросовестное отношение к труду, а также лояльность к советской власти». Постановление, за подписями заместителя председателя РИКа Пестерева и секретаря Сурсякова, было принято на основе соответствующего постановления ЦИКа от 17 марта и было издано по ходатайству райотдела ОГПУ. Публикуются текст

1 Известия. Чердынь. 1934. № 15. 11 июня.

постановления и передовица: «В шеренгу полноправных граждан СССР».

Спецпереселенцы – это раскулаченные, сосланные сюда в 1930 или 1931 годах. Но еще в 20-е годы потек сюда ручеек административно-высланных, главным образом бывших революционеров – эсеров, меньшевиков, а позднее и большевиков (например, взятый по рютинскому делу Василий Каюров – антисемит и укрыватель Ленина[1]).

И с этой ссыльной средой поэт и его жена начали потихонечку знакомиться.

8

Сразу же после злосчастного прыжка и счастливого приземления на клумбу в Москву – в ОГПУ, в «Известия», в Общество помощи политическим заключенным – посыпались телеграммы.

И, поскольку сталинское чудо продолжало действовать, то само же ОГПУ и выхватило О.М. назад.

Но комендант был недоверчив («кто знает, может это ваши родственники телеграмму бабахнули»), да и не было такое в порядке вещей. Ожидание подтверждения растянулось еще на несколько дней.

14 июня О.М. получил свою первую и последнюю отметку в комендатуре, а 15 или 16 июня его вызвали к Попкову для выбора нового города высылки. Комендант потребовал, чтобы выбрали немедленно, в его присутствии. Зато выбирать можно было всё что угодно, кроме двенадцати важнейших городов, – Москвы и области, Ленинграда и области, Харькова, Киева, Одессы, Ростова на Дону, Пятигорска, Минска, Тифлиса, Баку, Хабаровска и Свердловска[2].

Выбор остановился на Воронеже:

1 Товарища Сталина, подчеркивая его близость к Каменеву, он называл «кавказским евреем» (сообщено О. Лейбовичем), тогда как Осип Эмильевич – всего лишь «осетином».

2 ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 32.

Провинции мы не знали, знакомых у нас не было нигде, кроме двенадцати запрещенных городов да еще окраин, которые тоже находились под запретом. Вдруг О. М. вспомнил, что биолог Леонов из Ташкентского университета хвалил Воронеж, откуда он родом. Отец Леонова работал там тюремным врачом. «Кто знает, может, еще понадобится тюремный врач», – сказал О. М., и мы остановились на Воронеже.[1]

Итак, 16 июня, пробыв в Чердыни ровно две недели, Мандельштамы покинули этот городок, провожаемые недоуменно-косыми взглядами эсерки-кастелянши[2].

Обратный маршрут пролег иначе: до Казани они плыли на пароходе (с пересадкой и суточной задержкой в Перми), а от Казани до Москвы – на поезде.

В Москву Мандельштамы прибыли 20 или 21 июня, провели здесь несколько дней.

А 23 или 24 июня они уехали вечерним поездом в Воронеж, где остановились в гостинице «Центральная», находившейся – в согласии с названием – на проспекте Революции[3].

9

…Это неспешное возвращение по воде, это плавание по великой реке, превосходящей саму Волгу, не только вернуло О.М. вкус к жизни, но и, в некотором смысле, проложило дорогу стихам.

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 112.
2 Там же. С. 113.
3 Ныне пр. Революции, 44.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла –
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Так я плыл по реке – с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала – трех конвойных везла.

Сами стихи (триптих «Кама» и другие) пришли позднее, уже в Воронеже, в 1935 году, но всё их наполнение, а возможно, и былинный размер всё же прикамские. Памятуя о мандельштамовских принципах метрических волн и ритмического соседства, можно предположить и тесную связь с «Камой» стихотворения «Твоим узким плечам под бичами краснеть…», написанного летом 34-го и скрыто обращенного к М. Петровых[1].

Так Урал стал составной частью их жизни. Его образами наполнены и воронежские стихи[2], особенно из «Первой тетради», чей поток пролился весной и летом 1935 года – спустя неполный год после переезда в Воронеж.

Тогда же, в конце весны 1935 года, Мандельштам всерьез обсуждал с женой, находившейся в эти дни в Москве, следующий прожэкт: «*Вот что: предлагаю принять*

1 Совершенно иначе смотрит на этот стихотворение Э. Герштейн: «Но основной расчет на оправдание или на облегчение участи Мандельштама был именно в том, что стихи о Сталине никто не записал. И назвать единственного человека, который их записывал, – это значило подвергнуть его более строгой статье обвинения: “распространение контрреволюционного материала”. И это, вероятно, терзало совесть Мандельштама. Стихотворение о “черной свечке” – это оправдание или раскаяние. Оно лишено эротики, обращено к любимой женщине. Такое прямое высказывание мы встречаем в лирике Мандельштама лишь один-единственный раз. Не уверена, что Наде было известно о дополнительном характере указания Мандельштама на Марусю» (Герштейн, 1998. С. 433).

2 Фрейдин Ю. Долгое эхо: поэтическое пространство Урала и воронеджские стихи О. Мандельштама. // Осип Мандельштам и Урал. М., 2009. С. 82–87.

командировку от Союза или Издательтва на Урал по старому маршруту. Напишу замечательную книгу (по старому договору). Это чудесная мысль»[1]

Но разве можно было себе представить такое годом раньше, в самой Чердыни, когда первое же, что поэт сделал по приезде, – выбросился из окна?!..

В конце июня 1934 года О.М. осмотрел воронежский психиатр и никакого травматического психоза уже не обнаружил.

В больницу же попал не Осип Эмильевич, а Надежда Яковлевна, неожиданно заболевшая сыпным тифом…

Документы

‹1›
Удостоверение Н.Я. Мандельштам от 28 мая 1934 г., выданное ОГПУ СССР для сопровождения О.Э. Мандельштама в ссылку в г. Чердынь

Союз Советских Социалистических Республик
Объединенное Государственное Политическое Управление
при Совнаркоме
Отдел *учетно-стат‹истический›*

28 мая 1934
№ *29. 155. 4005*

Москва, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор ОГПУ

Лит…
Вх. №…. на №… от …… 193…

1 Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т.4. М., 1997. С.159.

При ответе ссылаться на номер, число и отдел

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано гр. МАНДЕЛЬШТАМ Надежде Яковлевне в том, что она следует в гор. Чердынь к месту ссылки мужа – МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича.

Видом на жительство служить не может и подлежит сдаче в Чердынское райотделение ОГПУ.

На проезд по ж. д. выдано требование за № 380539 от 28/V–34 г.

Зам. нач‹альника› УСО ОГПУ: *Подпись*
Пом. нач‹альника› 2 отд‹еления›: *А. Шишкин*

АМ. Короб 4. Папка 19. **Треугольная печать: «Учетно-статистический отдел ОГПУ при СНК СССР».**

‹2›
Удостоверение ОГПУ СССР от 3 июня 1934 г., выданное О.Э. Мандельштаму в Чердыни как административно-ссыльному взамен вида на жительство

Союз Советских Социалистических Республик
Объединенное Государственное Политическое Управление
при Совнаркоме
Чердынское районное отделение

3 VI 1934

№ *1044*

Взамен вида на жительство

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано админссыльному *МАНДЕЛЬШТАМ Осипу Эмильевичу* в том, что он состоит на особом учете в Чердынском Райотделении ОГПУ без права выезда за пределы *г. Чердыни*.

Обязан явкой на регистрацию в райотделение ОГПУ каждого *1, 5, 10, 15, 20, 25* числа.

При отсутствии отметки о своевременной явке на регистрацию удостоверение не действительно.

/ Нач. Чердынского РО ОГПУ: *Подпись*

Уполномоченный:

АМ. Короб 4. Папка 19. **На обороте – «Карточка для регистрации» О.М. по месту ссылки с единственной заполненной графой: «Регистрирован *14/VI* 193 *4* г. Подпись: *Б. Абрамов».***

‹3›
Телеграмма Н.Я. Мандельштам В.Я. и Е.Я. Хазиным от 3 июня 1934 года

649 Чердыни 91 17 3 11 36

СРОЧНАЯ МОСКВА 3/5–26 НАЩЕКИНСКИЙ МАНДЕЛЬШТАМ

ОСЯ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЕН БРЕДИТ

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДОМА ЧЕРДЫНЬ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ НАДЯ

АМ. Короб 3. Папка 101.

‹4›
Телеграмма Н.Я. Мандельштам В.Я. Хазиной и А.Э. Мандельштаму от 5 июня 1934 года

322 ЧЕРДЫНИ 179 35 5 22 = МОСКВА НАЩЕКИНСКИЙ 5

ХАЗИНОЙ МАНДЕЛЬШТАМ

ОСЯ БОЛЕН ТРАВМОПСИХОЗОМ ВЧЕРА ВЫБРОСИЛСЯ ИЗ ОКНА

ВТОРОГО ЭТАЖА ОТДЕЛАЛСЯ ВЫВИХОМ ПЛЕЧА СЕГОДНЯ

БРЕД ЗАТИХАЕТ ВРАЧИ АКУШЕР ДЕВУШКА ТЕРАПЕВТ

ВОЗМОЖЕН ПЕРЕВОЗ ПЕРМЬ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ СЧИТАЮ

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫМ ОПАСНОСТЬ НОВОЙ ТРАВМЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ БОЛЬНИЦЕ=НАДЯ

АМ. Короб 3. Папка 101.

‹5›
Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину от 5 или 6 июня 1934 года об Академии наук, наследстве «Правды» и «деле» Мандельштама

‹Июнь 1934 г.›

Дорогой Коба,

На дня четыре–пять я уезжаю в Ленинград, так как должен засесть за бешеную подготовку к съезду писателей, а здесь мне работать не дают: нужно скрыться (адрес: Акад‹емия› Наук, кв. 30). В связи с сим я решил тебе написать о нескольких вопросах:

1) Об Академии Наук. Положение становится окончательно нетерпимым. Я получил письмо от секретаря партколлектива т. Кошелева (очень хороший парень, бывший рабочий, прекрасно разбирающийся). Это – сдержанный вопль. Письмо прилагаю. Если бы ты приказал – как ты это умеешь, – всё бы завертелось. В добавление скажу еще только, что за 1934 г. Ак‹адемия› Н‹аук› не получила никакой иностр‹анной› литературы – вот тут и следи за наукой!

2) О наследстве «Правды» (типографском). Было решено, что значительная часть этого наследства перейдет нам. На посл‹еднем› заседании Оргбюро была выбрана комиссия, которая подвергает пересмотру этот тезис, и мы можем очутиться буквально на мели. Я прошу твоего указания моему другу Стецкому, чтоб нас не обижали. Иначе мы будем далеко выброшены назад. Нам действительно нужно старое оборудование «Правды» и корпуса.

3) О поэте Мандельштаме. Он был недавно арестован и выслан. До ареста он приходил со своей женой ко мне и высказывал свои опасения на сей предмет в связи с тем, что он подрался(!) с А‹лексеем› Толстым, которому нанес

«символический удар» за то, что тот несправедливо якобы решил его дело, когда другой писатель побил его жену. Я говорил с Аграновым, но он мне ничего конкретного не сказал. Теперь я получаю отчаянные телеграммы от жены М‹андельштама›, что он психически расстроен, пытался выброситься из окна и т. д. Моя оценка О. Мандельштама: он – первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он – безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д. Т. к. ко мне всё время апеллируют, а я не знаю, что он и в чем он «наблудил», то я решил тебе написать и об этом. Прости за длинное письмо. Привет.

Твой Николай

P. S. О Мандельштаме пишу еще раз (на об‹ороте›), потому что Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста М‹андельштам›а и никто ничего не знает.

Резолюция Сталина: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие…».

***РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 709. Л. 167–167 об*. Рукописный подлинник на типографском бланке ответственного редактора газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» Н.И. Бухарина. Резолюция Сталина – автограф. Пункт третий письма отмечен красным карандашом. Подчеркивания в тексте – Бухарина. На обороте пометка рукой неизвестного о том, что документ поступил в июне 1934 г. Впервые: *Письма Н.И. Бухарина последних лет*. Август–**

декабрь 1936 г. / Публ. Ю. Мурина // Источник. 1993. № 2. С. 12 (приведены только постскриптум письма Бухарина и резолюция Сталина). Впервые полностью: *Максименков,* 2003. С. 239–240. Перепеч.: *Большая цензура:* Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 326.

‹6›
Меморандум СПО ОГПУ от 5 июня 1934 г. о психиатрической экспертизе О.Э. Мандельштама

МЕМОРАНДУМ
В СВЕРДЛОВСК ПП ОГПУ САМОЙЛОВУ[1]

Немедленной экспертизой психиатров проверьте психическое состояние высланного в Чердынь Мандельштама Осипа Эмильевича. Результат телеграфьте. Окажите содействие в лечении и работе.

№ 9352. Молчанов. 5/VI–34 г.

ВЕРНО:

Уполн‹омоченный› 4 СПО ОГПУ (Векринцев)

1 Самойлов Петр Андреевич (1897–1938). Образование: сельская школа, Переволока; 1-й класс двухклассного училища. В коммунистической партии с 1918 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г. В 1935 г. присвоено звание майор ГБ. С 27 апреля по 10 июля 1934 г. – зам. полпреда ОГПУ по Свердловской обл., с 31 июля 1934 г. по 9 декабря 1936 – зам. начальника УНКВД Свердловской обл., с 9 декабря 1936 г. – зам. начальника, а затем начальник УНКВД Курской обл. Арестован 16 ноября 1937 г. 16 июня 1938 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян. Не реабилитирован. Непосредственным начальником Самойлова (попредом ОГПУ по Свердловской области) был Илья Федорович Решетов (1894-1937).

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 31. **Телеграмма.**

‹7›

Заявление А.Э. Мандельштама в ОГПУ СССР от 6 июня 1934 г. с сообщением о болезни О.Э. Мандельштама и просьбой о его освидетельствовании и о переводе из Чердыни в город, где может быть обеспечен квалифицированный медицинский уход

В ОГПУ
Александра Эмильевича Мандельштама

Заявление

28/V по приговору ОГПУ брат мой О.Э. Мандельштам был выслан на 3 года в Чердынь. Жена брата Н.Я. Мандельштам, сопровождающая брата в ссылке, сообщила телеграммой из Чердыни, что брат психически заболел, бредит, галлиционирует, выбросился из окна второго этажа и что на месте в Чердыни медицинская помощь не обеспечена (медперсонал – молодой терапевт и акушер).

Предполагается перевод в Пермскую психиатрическую больницу, что по сообщению жены может дать отрицательные результаты.

Прошу освидетельствовать брата и, при подтверждении психического заболевания,

перевести его в город, где может быть обеспечен квалифицированный медицинский уход вне больничной обстановки, близ Москвы, Ленинграда или Свердловска.

А. Мандельштам
6/VI–34
Адрес. Москва, Старосадский, 10, кв. 3.

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 30. **Автограф. Подчеркивания рукой неустановленного лица. Вверху – резолюция неустановленного лица:** ***«Т. Молчанову. Подпись. 8/VI–34».***

‹8›
Телеграмма Н.Я. Мандельштам от 7 июня 1934 года из Чердыни в Общество помощи политическим заключенным о болезни О.Э. Мандельштама

314 ЧЕРДЫНИ 215 20 7 12 40
МОСКВА КУЗНЕЦКИЙ 24 КРАСНЫЙ КРЕСТ ПЕШКОВОЙ, ВИНАВЕРУ[1]

ПОЭТ МАНДЕЛЬШТАМ, СОСЛАННЫЙ ЧЕРДЫНЬ, ЗАБОЛЕЛ ТРАВМОПСИХОЗОМ. ПРОШУ СОДЕЙСТВИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЦЕНТР ЛЕЧЕНИЯ = НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ

ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1257. Л. 143.

‹9›
Меморандум СПО ОГПУ от 9 июня 1934 г. о психиатрической экспертизе О.Э. Мандельштама

1 Пешкова (урожд. Волжина) Екатерина Павловна (1876-1965) – жена М.Горького в 1896-1904 гг. В 1917 г. – член ЦК Партии социалистов-революционеров. В 1918 – 1937 гг. – руководитель Московского Комитета помощи полит. заключенным, в 1920 -1937 гг. – делегат Польского Красного Креста по опеке лиц польск.нац в России. Председатель организации «Помощь политическим заключенным» (сокращенно – Помполит). См. выше о М.Л.Винавере.

МЕМОРАНДУМ
В СВЕРДЛОВСК, ПП ОГПУ САМОЙЛОВУ

В дополнение № 9352 немедленно переведите Мандельштама в Свердловск, поместите в больницу для исследования психического состояния. Результат телеграфьте.

№ 9370. Молчанов. 9/VI–34.

ВЕРНО:

Уполн‹омоченный› 4 СПО ОГПУ (Вепринцев)

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 31. **Телеграмма.**

‹10›

Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР от 10 июня 1934 года с постановлением об изменении Постановления ОСО от 26 мая 1934 года

Выписка из протокола

Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от *10 июня* 193*4* г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
1. Пересмотр дела № 4108 гр. МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича, приг‹оворенного› пост‹ановлением› Ос‹обого› Сов‹ещания› от 26/V–34 г. к высылке в г. Чердынь сроком на ТРИ года, считая срок с 16/5–34 г. (обв‹иняется› по 58/10 ст. УК).	Во изменение прежнего постановления — МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича лишить права проживания в Московской, Ленинградской обл., Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н/Д, Пятигорске, Минске, Тифлисе, Баку, Хабаровске и Свердловске на оставшийся срок.

Секретарь Коллегии ОГПУ *Печать-факсимиле*

Круглая печать ОГПУ

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 32.

‹11›
Телеграмма Е.Я. Хазина Н.Я. Мандельштам от 13 июня 1934 года

Из Москвы № 19/119
сл. 10 13-го 21ч.
Передача: 14/6 4–10

ЧЕРДЫНЬ ВОСТРЕБОВАНИЯ НАДЕЖДЕ МАНДЕЛЬШТАМ

ОБЕСПОКОЕН ОТСТУТСТВИЕМ ТЕЛЕГРАММ ЗАМЕНА ПОДТВЕРЖДЕНА

АМ. Короб 3. Папка 101.

‹12›
Телеграмма Н.Я. Мандельштам Е.Я. Хазину от 16 июня

1934 года

136 ПЕРМИ 23301 11 16 21 25 СОР
НАЩЕКИНСКИЙ 5 МОСКВА СТРАСТНОЙ 6 ХАЗИНУ

ЕДЕМ КАЗАНЬ ПАРОХОДОМ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ВОРОНЕЖ СОСТОЯНИЕ ХОРОШЕЕ

АМ. Короб 3. Папка 101.

Управление НКВД по Центрально–Черноземному краю, Управление НКВД по Воронежской области (1934–1937): Окольцованный Мандельштам

И побед социализма
Не воспеть ему никак…
Г. Рыжманов

1

За те три года, что О.М. провел в воронежской ссылке, политическая ситуация в стране менялась неоднократно и стремительно, но не было ни одного случая, чтобы мог Осип Эмильевич подумать: «И чего же это я тогда написал “Мы живем, под собою не чуя страны…”»!

10 июля 1934 года постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР ОГПУ было преобразовано в Главное управление государственной безопасности в составе впервые созданного всесоюзного Наркомата

внутренних дел (НКВД). Наркомом назначен Г.Г. Ягода.

А 1 декабря того же года, воспользовавшись убийством Кирова, Президиум ЦИК принял постановление «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», согласно которому срок предварительного следствия ограничивался десятью днями, дела слушались без участия сторон, кассации и просьбы о помиловании не допускались, приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. Уже в январе 1935 года прошел ленинградский процесс по делу об убийстве С.М. Кирова. Страну захлестывает первый вал массовых арестов и высылок (так, 22 октября были арестованы сын и муж Анны Ахматовой).

В марте–апреле 1936 года творческие силы были втянуты в бесплодную, но зато небезопасную дискуссию о формализме, причем каждое собрание или выступление в столице отзывалось такими же мероприятиями-двойниками в провинции. В августе 1936 года проходит процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра», режиссер-постановщик которого – Н.И. Ежов – в сентябре становится наркомом внутренних дел. В феврале 1937 года арестован Бухарин – с тем чтобы вместе с другими, в том числе и с Ягодой, сыграть свою роль в процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» в марте 38-го года.

Интеллигенции, в том числе и писателям, на многочисленных собраниях, проходивших, начиная с августа 1936 года, в редакциях журналов, издательствах, в Союзе писателей, вменялось в обязанность выразить отношение к «отщепенцам и предателям», а заодно повысить бдительность по отношению к товарищам и коллегам. Так что общее собрание писателей Воронежа, состоявшееся 11 сентября 1936 года и посвященное борьбе на литературном фронте, было – как и в случае с недавним либерализмом по отношению к О.М. – акцией, исходящей из Центра. Естественно, что присутствие в городе опального поэта даже

несколько облегчало задачу руководителей Воронежской писательской организации – нет ничего проще, как «разоблачить» уже осужденного по политической статье.

Началом сентября, собственно, и датируется начало личной травли О.М. в Воронеже.

До этого по поводу О.М. в органы обращался разве что его третий квартирохозяин из «меблирашки» на проспекте Революции, «агент» и «мышебоец», как его называла Н.М., мелкая сошка в НКВД[1], написавший на него донос. О.М. вызвали в НКВД и даже показали ему донос – своеобразный знак своеобразного доверия. В доносе сообщалось, что к О.М. приходил подозрительный тип, после чего из его комнаты доносилась стрельба(!). «Подозрительным типом» оказался В. Яхонтов, гастролировавший в Воронеже 22–23 марта 1935 года и подтвердивший, что посетил друга-поэта в эти дни и просидел у него до утра.

«*На этом дело и кончилось. Самый факт вызова по поводу доноса показывал, что его не собираются использовать*», – писала Н.М.[2] Но она ошибалась – некоторый ход делу всё же дали, о чем свидетельствует следующий любопытный документ из следственного дела О.М. 1934 года. Эта справка – чужеродный осколок, не имеющий отношения ни к следствию, ни к реабилитации О.М., также хорошо представленной в материалах дела[3]. «Справка» датирована 2 июля 1935 года и, как мы полагаем, напрямую связана с доносом «агента».

Поражает в «Справке» больше всего то, что от ощущения прошлогоднего чуда не осталось и следа! Ее настрой прямо противостоит линии этого «чуда» и списан с шиваровских протоколов, еще не допускавших для чуда ни малейшей возможности. «Справке» тем не менее ходу дано не было, хотя угрозой – и серьезной – она, безусловно, являлась.

1 О.М. и Н.М. проживали у него с апреля 1935 по февраль 1936 г. (Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 154–157).

2 Там же. С. 155.

3 См. «Документы» к этому разделу.

2

Нелишне отметить здесь и то (штрих эпохи), что партаппаратчики, еще недавно состоявшие друг с другом в дружелюбной переписке по поводу положения поэта Мандельштама осенью 1934 года, вскоре и сами попали под жернова всё той же карательной машины, что и О.М. (не коснулось это одного П.Ф. Юдина).

Надо заметить, что чекистская «разработка» троцкистской темы, достигшая апогея в середине 1937 года и влившаяся в многоголосую ораторию под названием «Большой Террор», началась еще в 1920-х годах, затем несколько поутихла и снова зазвучала, набирая мощь, в первой половине 1936 года[1]. Не желая приумножать сущности, «троцкистов» поженили с «зиновьевцами» и получили интересный гибрид – «троцкистско-зиновьевский контрреволюционный блок» (или, иначе, «троцкистско-зиновьевская банда»), с террористической деятельностью которого и начали рьяно бороться. После рассылки соответствующего закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года заметно расширился круг обвинений, которые этим бандитам приличествовало предъявлять: террор остался, но появились и шпионаж, и вредительство, и диверсионная деятельность – это заметно упрощало задачу борющихся со всем этим чекистов.

25 сентября два сочинских отдыхающих, Сталин и Жданов, отправили своим кремлевским друзьям телеграммку, после чего назавтра у страны появился новый нарком внутренних дел – товарищ Ежов. И понеслось…

Уже через четыре месяца спектакль под названием «О процессе по делу Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и др.» (он же «Процесс антисоветского троцкистского центра», или «Паралелльного антисоветского

---

1 Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 723, 753, 756–766 и др.

троцкистского центра») был поставлен и отрепетирован. Целую неделю, с 23 по 30 января 1937 года, шла эта постановка. Но не все, в отличие от Лиона Фейхтвангера и Мартина Андерсена Нексе, искренне залюбовавшихся и режиссурой и игрой, могли наблюдать ее из партера, поэтому кульминацией стал даже не сам приговор, а его публикация 30 января в «Правде», вместе со стенограммой суда и с подборкой писем трудящихся[1]. Более наглядного призыва к чекистской массе и не требовалось!

Следующий залп – доклад Сталина «О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников», сделанный 3 марта 1937 года на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). Слово «зиновьевский» здесь куда-то провалилось: видимо, осознавая всю оксюморонность выражения «троцкистско-зиновьевский», сталинские пропагандисты к этому времени выдвинули термин еще более причудливый, но всё же, как им казалось, более ласкающий слух «право-троцкистский». Памятуя о том, что троцкисты – это леваки, получаем по смыслу – «праволевацкий».

Но страна проглотила и это.

3

Сменив Чердынь – городок районного масштаба и предел клюевских ссыльных мечтаний, на губернско-областной Воронеж, бедный Осип Эмильевич и не догадывался, куда влечет его свободная стихия – на сколь «опасное» для его априори пошатнувшегося идеологического здоровья поэта-попутчика[2] место сменил он свое камское благодатное захолустье.

А дело всё в том, что в бытность О.М. в Воронеже, мало

1 См.: Арнаутов Н.Б. Роль газеты «Правда» в нагнетании массового политического психоза в 1937 году // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию голода 1932–1933 годов. Материалы II региональной научной конференции. Краснодар, 2004. С. 129–131.

2 А стало быть, «инвалида от рождения».

того – именно в 1934-м году, то есть аккурат в год и чуть ли не в месяц его приезда, весь советский Воронеж накрыло густое и ядовитое «право-троцкистское» облако. Бедный поэт и не догадывался, что здесь, на шумных улицах и в тиши начальственных кабинетов, свила себе гнездо контрреволюция, отсюда распустила она свои сети и щупальца – эдакая гидра-контра, направляемая несуществующей, но от этого не менее страшной конторой под названием «Воронежская право-троцкистская вредительская террористическая организации» (ВПВТО). И возглавили ее не кто-нибудь, а первый секретарь обкома партии товарищ Е.И. Рябинин и председатель Воронежского облисполкома товарищ Д.А. Орлов. Так и работали они бок о бок много лет, вредя стране, а наружу всё «вылезло» только в июле 1937 года…

Честно говоря, иронизировать тут и не стоило бы. Десятки человек, многих из которых О.М. знал лично, заплатили за этот бред жизнью, да и сам Осип Эмильевич запросто и без лишних слов вполне мог бы угодить под тот же самый топор[1].

Проследим же судьбу тех мандельштамовских знакомцев, кого подхватил этот смертоносный ветр. Практически все они погибли – особенно если из числа начальства, не исключая и литературное. Выкашивать их начали уже летом 1937-го, вскоре после того, как О.М., слава богу, уехал[2].

Итак, головка «заговора», его ключевая фигура – Евгений Иванович Рябинин. На обкомовскую должность он пришел в марте 1935 года, после почти что пяти лет председательствования в облисполкоме Центрально-Черноземной (Воронежской) области. Пришел триумфально: 15 марта Воронежскую область, ведомую 1-м

1 Впрочем, само дело мифической ВПВТО – рутина для ежовского наркомата, сеявшего смерть и ужас направо и налево, – так, небольшая себе региональная операция, – не чета ни «национальным», ни «кулацкой» операциям, начинавшимся тогда же, в июле 37-го! См. оперативные приказы НКВД №№ 00439 и 00447 от 25 и 30 июля 1937 г. по немецкой и кулацкой операциям.

2 За три года, что О.М. провел в Воронеже, из числа круга его знакомых арестовали несколько человек, в частности, литератора Натана Айча (не позднее декабря 1935 г.), флейтиста Карла Шваба (декабрь 1935 г.) и литератора Александра Стефена (июнь 1936 г.).

секретарем обкома И.М. Варейкисом и председателем Воронежского облисполкома Е.И. Рябининым, наградили орденом Ленина. А 18 марта VI Пленум обкома ВКП(б) горячо приветствовал Варейкиса и Рябинина: первого – в связи с отъездом на новую боевую работу в Сталинград, а второго – по поводу избрания 1-м секретарем взамен Варейкиса.

Арестовали же его два года с небольшим спустя – 14 августа 1937 года в Москве, прямо в здании ЦК ВКП(б), после того, как на совещании четверки – Сталин, Молотов, Ежов и Рябинин – Рябинину было предъявлено клеветническое заявление директора Воронежского сахартреста А.М. Колесникова, инспирированное самим Сталиным по линии Ежова – Коркина[1]. Это заявление позволяло Ежову тут же предъявить Рябинину обвинение в создании Право-троцкистсткого центра в Воронеже[2]. Назавтра, 15 августа произвели обыск на рябининской квартире на Старой Башиловке в Москве – разумеется, в отсутствие хозяина, уже отправленного на Лубянку[3].

Следствие, проходившее в Воронеже, обвиняло его, «кадрового троцкиста» с 1933 года, в руководстве ВПВТО в Воронежской области – по статьям 58-7, 58-8, 58-11. НКВД дважды включал Рябинина в сталинские списки «Москва-центр» к осуждению по первой, то есть расстрельной, категории: первый раз в ноябре 1937 и второй – 19 апреля 1938 года. Почему «не получилось» в первый раз – понятно: определенно понадобились его показания по делу Варейкиса, арестованного только 10 октября[4]. Второму заходу

1 Коркин Петр Андреевич (1900–1940). Образование: двухклассное сельское училище, станц. Петухово Тобольской губ., 1914. В коммунистической партии с 1920 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1921 г. В марте 1936 г. присвоено звание капитана, в декабре – майора ГБ. С 20 июля 1937 г. по 26 февраля 1938 – начальник УНКВД Воронежской обл., с 26 февраля 1938 г. – начальник УНКВД Днепропетровской обл. Арестован в январе 1939 г., 28 января 1940 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян 29 января того же года. Не реабилитирован.

2 О фальсификации «дела Е.И. Рябинина» см. статью: Битюцкий В. Государственный заказчик // Воронежский курьер. 2007. 11 окт. С. 1, 4.

3 Сведений о присутствии самого Рябинина во время обыска и об изъятии его личных документов (паспорта, партбилета) в протоколе обыска нет.

4 По словам В. Битюцкого, в своих показаниях (начало ноября 1937 г.) Рябинин упоминает Варейкиса как организатора Воронежской право-троцкистской организации.

уже ничто не мешало, и Рябинина, приговорив 21 апреля 1938 года к растрелу, в тот же день и расстреляли.

Но в 1937-м, еще в июле, головы рябининских подчиненных полетели одна за другой, даже не дожидаясь его ареста. И одной из первых – голова Максима Исаевича Генкина, подлинного мандельштамовского покровителя, заведовавшего «при Мандельштаме» сначала отделом культуры и пропаганды (именно в этом качестве он и переписывался об О.М. с А.И. Стецким), а в 1935–1937 годах – отделом школ, науки, научно-технических изобретений и открытий[1] Воронежского обкома ВКП(б). Один престарелый писатель даже называл Генкина «духовным вождем “Подъема”, как Хомейни»[2]. Его арестовали всего на полмесяца раньше Рябинина – 2 августа 1937 года, осудили в Воронеже 10 января 1938 года и в тот же день расстреляли. А Александра Григорьевича Магазинера, генкинского преемника по культпросветотделу обкома и профсоюзного лидера[3], взяли 10 сентября 1937 года, а расстреляли вместе с Генкиным – 10 января 1938 года.

И даже отсутствие «фигурантов» несуществующего дела ТКП–ВПВТО на месте их «преступления», то есть в Воронеже, само по себе от назначенной им уже судьбы не страховало, хотя почти всегда означало отсрочку с арестом. Это хорошо видно на примере судьбы областного комсомольского лидера при Рябинине – Виктора Калашникова: его арестовали спустя полтора месяца, уже в Оренбурге. Это произошло 15 сентября 1937 года, а 29 января 1938 года его осудили и, вероятно, в тот же день расстреляли[4].

Еще более внятно это было в случае с предшественником Рябинина – Иосифом Михайловичем Варейкисом, руководившим областью на протяжении почти семи лет – с

---

1 Подумать только: открытий! – ни больше и не меньше!

2 Так в 1982 г. охарактеризовал его воронежский писатель М.Я. Булавин (Осип Мандельштам в Воронеже: Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. К 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама. М., 2008. С. 48).

3 К нему О.М. – и возможно не раз – обращался с разного рода письмами по бытовым вопросам.

4 Кстати, не был забыт и другой комсомольский вожак при Рябинине – 1-й секретарь горкома ВЛКСМ Михаил Грубман. Его взяли 29 июля 1937, а осудили и расстреляли 13 апреля 1938 г.

1928 до марта 1935 года. После Воронежа его направили сначала в Сталинградский, а с января 1937 года – в Дальневосточный край. И всюду за ним, как оруженосец, следовало его доверенное лицо, а точнее перо – журналист Александр Владимирович Швер: в Воронеже он редактировал газету «Коммуна» (Союз писателей он возглавлял по совместительству), в Сталинграде – «Сталинградскую правду», а в Хабаровске – «Тихоокеанскую звезду». И первым из них двоих арестовали именно Швера – 3 октября 1937 года, и лишь только 10 октября – замели и самого Варейкиса, обвинив его в участии в контрреволюционной террористической организации. В том же порядке их и расстреляли, только дистанция возросла: Швера – 14 апреля, а Варейкиса – 29 июля 1938 года.

Самое интересное, что никакого коллективного судебного дела «Воронежской право-троцкистской организации» как такового – не было! Все обвинявшиеся в ее создании и членстве в ней лица имели только персональные дела. Этот прием, пусть и противоречащий здравому смыслу следствия и суда, понятен. Нельзя же вызвать в судебное присутствие сразу сто человек с лживыми обвинениями, оговорами и самооговорами. Эдак любое дело завалится. Так что, хотя речь и шла о единой антисоветской организации, все дела были сугубо персональные.

Тем не менее даже будучи локальным, дело воронежских право-троцкистов отнюдь не было кратковременным. К тому же аналогичные «локальные кампании» шли по всей стране[1].

---

1 То же, например, происходило в Смоленске, что прекрасно задокументировано чуть ли не полной публикацией материалов «группового дела Македонова – Муравьева – Марьенкова» (Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. Из истории репрессий против Смоленской писательской организации. 1937-1938 г.г. Изд. 2-е. Смоленск: ТРАСТ – ИМАКОМ, 1996. 224 с.). Здесь, правда, почти не звучали громкие «всесоюзные» имена, если не считать единичных упоминаний Авербаха, Твардовского, Исаковского и «белогвардейского поэта Гумилева». Зато сценарий был почти «классическим»: доносителем был В.Е.Горбатенков, заместитель главного редактора газеты «Большевистская молодежь». Его донос был запущен накануне собрания писателей Западной области, состоявшегося в Смоленске 17-19 августа 1937 г. В.А. Каруцкий, тогдашний начальник Управления НКВД по Западной, Смоленской и Московской областям, на доносе начертал: «Видимо, что Македонова давно надо посадить и реализовать имеющиеся у нас материалы о писателях». Что и произошло 21 августа: материалы «реализовали» и А.В. Македонова, будущего кандидата в авторы предисловия к томику Мандельштама в «Большой библиотеке поэта», арестовали 9 февраля 1938 г. за троцкистскую деятельность его приговорили к 8 годам ИТЛ и отправили в Котлас, в Ухтпечлаг.

Аресты шли волнами, и в 1937 году вслед за июльско-августовской и сентябрьско-октябрьской волнами прошла и еще одна волна – ноябрьско-декабрьская. Из одного только итээровского дома по ул. Ф. Энгельса, 13, где в свое время жил и О.М., о чем напоминает памятная доска, только в соответствии со сталинскими расстрельными списками было арестовано пятеро (все – работники ЮВЖД, отчего занимался ими Дорожно-транспортный отдел НКВД этой дороги).

Один их них, Александр Иванович Квятковский, начальник вагонной службы ЮВЖД, был арестован значительно раньше остальных – еще во «вторую волну»: 1 сентября 1937 года, а осужден и расстрелян 13 апреля 1938 г. Трое –Степан Матвеевич Покозий (начальник службы пути ЮВЖД), Валентин Павлович Григоренко (начальник секретариата и помощник начальника планового отдела Управления дороги) и Василий Леонтьевич Барашкин (зам. начальника ЮВЖД) – были арестованы, соответственно, 25, 30 и 31 декабря 1937 г., а расстреляны 13 апреля (Григоренко и Барашкин) и 23 октября (Покозий) 1938 г. Пятого – Илью Соломоновича (Самойловича) Элимбаума (зам. начальника Московско-Донбасской железной дороги) – арестовали 11 февраля 1938 г. и расстреляли одновременно с Покозием. Все пятеро обвинялись в активной причастности к антисоветской право-троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей на ЮВЖД[1].

Примечательно, что и в декабре снова ограничились лишь верхним слоем. Глубже и ниже копать не стали: верещагинской пирамидки исключительно из номенклатурных голов на этот раз слабеющему ежовскому молоху, кажется, хватило. Но почву рыхлили на всякий случай и шире, и глубже, в том числе и среди писателей, – ведь в писательской среде, как известно, условия и предпосылки для

1 Благодарю В.И. Битюцкого, обратившего мое внимание на эти совпадения и снабдившего необходимыми данными (см. в кн.: Воронежские сталинские списки: Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области. В 2-х тт. Воронеж, 2006–2007).

заражения право-троцкистскими вирусами особенно благоприятны. Ну а такая фигура как О.М. (даром, что он числился за Москвой) – это же просто находка!

Итак, практически всё воронежское областное руководство – и партийное, и советское, и профсоюзное, и литературное, – все те, к кому О.М. в свое время обращался за помощью, погибли в сталинских репрессиях, и большинство – даже раньше О.М.

Едва ли не единственный, кто уцелел, – это Семен Дукельский[1]. Вообще-то не должен он был уцелеть, но тут только одно из двух: или ему невероятно повезло – или он был дьявольски хитер! Избранный в июне 1937 года членом обкома ВКП(б), он пришел 13 июня на свой первый пленум в составе нового обкома, а назавтра был освобожден от должности начальника УНКВД Воронежской области! Казалось бы – всё ясно, продолжение напрашивалось само собой, но он сумел уйти от судьбы, замуровавшись в… переломный гипс. В июле 1937 года Дукельский вдруг попал в автокатастрофу, а когда оправился от переломов и выписался, то прямая опасность уже миновала, тогда как и жизнь, и карьера продолжились: короткое время, в 1937–1938 году, он даже проработал сотрудником для особых поручений при наркоме Н.И. Ежове! Странно, но его не вычистил и Берия! В 1938–1939 годы партия поставила Дукельского на идеологический фронт, и в эти годы бывший пианист-тапер возглавлял Комитет по кинематографии при СНК СССР. Затем им укрепили Наркомат Морского флота СССР (в грозные 1939–1942 годы он проработал там наркомом!), а в 1943–1948 – Наркомат юстиции РСФСР, где он и прослужил до пенсии скромным заместителем республиканского наркома.

1 Дукельский Семен Семенович (1892–1960). Образование: трехклассное еврейское казенное училище, Елизаветград; музыкальная частная школа, 1908; оперно-музыкальная частная школа Медведева, Киев, 1909). В коммунистической партии с 1917 г. В органах ВЧК–ОГПУ в 1920–1926 гг., ОГПУ–НКВД – в 1930–1938. В 1935 г. присвоено звание старший майор ГБ. С 22 мая 1932 г. по 10 июля 1934 – полпред ОГПУ по Центрально-Черноземной обл., с 15 июля 1934 г. по 14 июня 1937 – начальник НКВД Воронежской обл. В 1937 г. его заместителем был И.Г.Сивко.

И что же всем им – Варейкису, Рябинину, Генкину, Магазинеру, Шверу, Стойчеву, Елозо и многим другим – инкриминировалось в обвинительных формулировках?

Да всё одно и то же – пресловутый «правый троцкизм» (правое левачество?) с оттенками, то есть ровно то же самое, в чем бдительные и требовательные товарищи по воронежскому писательскому цеху обвиняли и О.М.! Не покинь поэт Воронеж в мае 1937 года, а застрянь в нем еще на несколько месяцев или даже недель, областная волна борьбы с «правым троцкизмом» смыла бы в Лету и его, «числившегося за Москвой»[1]. В любом случае – обвинения, с которыми О.М. столкнулся в Воронеже в начале 1937 года – были не сотрясением воздуха: ***они были смертельно опасны!***

Мандельштам, наверное, и не знал, прощаясь в середине мая 1937 года с Воронежем, что уходит, пусть и ненадолго, именно от ***смертельной*** опасности. А такие фамилии как Михайлов и Ярыгин (сменившие Рябинина) или Коркин (сменивший Дукельского), – остались для него, по счастью, пустым звуком.

Что ж, еще один раз – но, кажется, уже в последний – О.М. повезло: словно царь Аршак, он получил от ассирийца *«еще один добавочный день»* – и еще раз улизнул от гибели, будучи на волосок от нее!

4

…Швера в Воронеже заменили сразу два человека: на посту главного редактора «Коммуны» – Сергей Васильевич Елозо, а в Воронежском отделении Союза писателей – директор Воронежского пединститута Степан Антонович Стойчев. Первым из них двоих арестовали Стойчева – 23 августа 1937 года: расстреляли 15 января 1938 года. Вторым

1 О том, насколько это не пустой звук, свидетельствует «томская» судьба Н.И. Клюева, сосланного в Колпашево в Западной Сибири. В октябре 1934 г. его перевели в Томск, где в июне 1937 г. его вторично арестовали и расстреляли.

замели Елозу – 14 ноября 1937 года, обвинив его не только в активном участии, начиная с 1936 года, в известной право-троцкистской террористической организации, но и в «поощрении проникновения на страницы “Коммуны” всякого рода контрреволюционных “ошибок” и “опечаток”»[1]. Осудили его и расстреляли одновременно с Грубманом – 13 апреля 1938 года.

Именно с арестом Елозы (а еще вероятней – с арестами в Хабаровске Варейкиса и Швера), скорее всего, и была связана та горячка новой волны нападок на троцкистов-попутчиков, разыгравшаяся в ноябре 1937 года и, разумеется, не ограничивавшаяся Воронежем. Так, в Курске арестовали Сергея Никитовича Шевцова, журналиста и секретаря редакции «Курской правды». Его взяли 17 ноября, последним из девяти сотрудников его газеты, арестованных за принадлежность – вот вам и курская специфика! – к право-троцкистскому военному заговору[2].

Кстати, этот человек, будучи гражданским мужем Ольги Кретовой, как минимум дважды «соприкоснулся» с О.М., сам о том, скорее всего, ничуть не подозревая. Во-первых, тем самым ребенком-грудничком, что вдохновил О.М. на стихотворение «Когда заулыбается дитя…», был его и Ольги Кретовой сын – Игорь Шевцов, ныне известный воронежский географ. Во-вторых, именно на Шевцова и его репрессированность как на своеобразное заложничество и как на инструмент давления на себя не раз указывала и сама Кретова, когда пыталась оправдаться за свое столь активное участие в гонениях на О.М. в апреле 1937 года: хронологически это совершенно «не бьет» (Шевцова арестовали только в ноябре того же года), но ведь могли быть и другие события и признаки беды, кроме ареста?[3]

В рассказе Булавина о том, как они с Романовским писали

1 Силин В.В. Летописцы из «Коммуны». Воронеж, 2007. С. 215.

2 См. о нем: Ошеров А. Над пропастью во лжи. Курск, 1998. С. 128–130.

3 Надо отдать должное Ольге Капитоновне Кретовой: за освобождение Шевцова она боролась отчаянно, но ни ее хлопоты, ни заявление Шевцова в ЦК ВКП(б) от 24 июня 1939 г. – ничто не помогло: в мае 1955 г. она получила извещение о том, что он умер 14 января 1943 г. в Севжелдорлаге.

свою статью с нападками на О.М. и других, есть один момент, поначалу ускользающий от внимания, а именно: срочность заказа! Цитирую: «*Статью писали мы вместе с Романовским по поручению редакции альманаха “Лит‹ературный› Воронеж”. Написали за одну ночь у меня на квартире. Нужно было так спешно. ‹…› Тему предложил Подобедов. Договорились, что писать будем у меня. – ‹Романовский:› Закончу в институте, приду к тебе. – Всю ночь писали. Он держал ручку. Творчество совместное*»[1].

Личных контактов с О.М. у Романовского не было[2], что не помешало ему сначала самостоятельно (в апреле 1937 года), а позднее (в ноябре того же года) на пару с Булавиным, дважды выдвинуть против О.М. и других ссыльных интеллигентов смертельно опасные обвинения в троцкизме[3]. В первой – единоличной – статье Романовский писал: «*Пытавшиеся проникнуть в писательскую организацию Мандельштам, Айч, Стефен были своевременно разоблачены и не допущены к организации*». О второй же – совместной – статье ее соавтор-долгожитель Булавин добавлял: «*Статья эта не имеет никакого значения, и пользоваться ею нельзя. Ни Рябинин, ни Варейкис никогда не были троцкистами и погибли во время культа личности и произвола*»[4].

Казалось бы, прозрел человек – ан нет: в другом месте Булавин дал поистине гениальную, – а главное, действенную – формулировку троцкизма! Оказывается, что для того чтобы быть троцкистом, даже не обязательно знать или читать Троцкого: «*Конечно же, троцкисты действительно были враждебны советской власти. Некоторые были высланы в Воронеж. Через несколько лет были высланы в Воронеж Стефен, Айч и Мандельштам. Замечу вам, что чтобы быть*

1 Письмо М.Я. Булавина В.Н. Гыдову от 7 ноября 1981 г. (частично опубликовано в: Гыдов, 1993. С. 37–39).

2 По крайней мере, об этом нет ни одного свидетельства.

3 Романовский Н. Создадим литературу, достойную сталинской эпохи. К пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций // Молодой коммунар. 1937. 26 апр.; Романовский Н., Булавин М. Воронежские писатели за 20 лет. Обзор // Литературный Воронеж. Сб-к Воронежского союза советских писателей. Вып. 1. Воронеж, 1937. С. 224–234.

4 Письмо В.Н. Гыдову от 7 ноября 1981 г. (Гыдов, 1993. С. 39).

троцкистом, не обязательно быть в партии. Нужно разделять их взгляды»[1].

Кстати, Николая Романовского, булавинского соавтора по этим самым нападкам на О.М. (лично, впрочем, поэта не знавшего), органы и самого не позабыли. Правда, позднее: где-то в 1938–1939 гг. он был арестован и девять месяцев находился под следствием. Ожидал ареста и глубокий знаток сути троцкизма Булавин[2]. А раз ожидал, то, по собственной логике, тоже был троцкистом.

5

Лето – а оно в 1936 году было на редкость жарким, знойным – кончилось, воронежские писатели съехались в родной город. В начале сентября вернулся из Задонска и Осип Мандельштам. Впереди его ждали самая настоящая травля и самая настоящая поэзия – вторая и третья «Воронежские тетради».

Поговорим о первой. 11 сентября состоялось общее собрание, посвященное «вопросам борьбы с классовыми врагами в литературных организациях и на литературном фронте». В центре внимания было три человека: Леонид Завадовский (потому что ранее принадлежал к эсерам и входил в группу «Перевал»), Борис Песков (потому что находился под влиянием Завадовского и в разговорах с писателями допускал ряд политически неправильных и вредных высказываний) и Осип Мандельштам.

И уже 16 сентября в воронежской газете «Коммуна» появилась статья И. Чирейского под названием «“Каникулы” в Союзе Писателей». Журналист писал: «*Воронежская организация СП сумела довольно быстро разглядеть явно*

1 Там же. С. 38.

2 Ср.: «Мой товарищ Н. Романовский тоже был репрессирован. Я ждал своей участи. Н. Романовский, мой друг, находился семь месяцев в предварительном заключении безвестно, и я должен был признать его врагом народа, так называли его следственные органы НКВД. После освобождения он преподавал в пединституте литературу, а когда началась война – ушел добровольно на фронт и погиб. Это был смелый и храбрый офицер» (Там же).

чуждых людей, которые пытались использовать СП и журнал «Подъем», развивая на его страницах путаные и вредные теории, предлагая туда свою литературную продукцию (Калецкий, Айч, Стефен, Мандельштам). С некоторым опозданием, не сразу, недостаточно решительно, но эти люди получили свою оценку. Но не так обстоит с писателями, которые, являясь нашими советскими людьми, отразили в своем творчестве явления, далекие от нас по своим идейным установкам, чуждые по духу. Тт. Ряховский, Сергеенко, Подобедов и др. указывали, например, на творчество Л. Завадовского и Б. Пескова…»

Куда более подробнее, чем перед читателем, писательская организация отчиталась по вертикали перед своим центром – Союзом советских писателей СССР. 28 сентября Стефан Стойчев – в то время еще секретарь партгруппы Воронежского отделения ССП и основной докладчик на собраниии 11 сентября – сообщал об О.М. Владимиру Петровичу Ставскому, лично контролировавшему ситуацию в Воронеже и пославшему телеграфный запрос «о разоблачении классового врага»:

> *С Мандельштамом дело обстояло и обстоит так: осенью 1934 г. он явился к тогдашнему председателю Союза писателей т. Шверу с просьбой предоставить ему возможность принимать участие в работе воронежского Союза писателей. Швер дал свое согласие и даже взял Мандельштама на должность литературного консультанта правления ССП. Однако скоро обнаружилось, что Мандельштам совершенно неспособен к работе с начинающими авторами.*
>
> *В феврале 1935 года на широком собрании воронежского ССП был поставлен доклад об акмеизме, с целью выявления отношения*

Мандельштама к своему прошлому. В своем выступлении Мандельштам показал, что он ничему не научился, что он кем был, тем и остался.

Осенью 1934 г. и позднее воронежскому правлению ССП через Зав. культпропом т. Генкина было указание от работника культпропа ЦК ВКП(б) т. Юдина об оказании Мандельштаму всяческой помощи. Правление ССП в разное время выдало Мандельштаму (еще при Швере) около тысячи рублей. Но в жизни союза Мандельштам, после вечера об акмеизме, никакого участия не принимал и не принимает.[1]

В течение этого года Мандельштам несколько раз обращался в правление с просьбой о ходатайстве перед Москвой об оказании ему медицинской помощи; просился на Минский пленум; вообще всячески старался добиться, чтобы правление в каких бы то ни было формах стало на путь реабилитации его перед советской общественностью. Правление ограничилось посылкой сведений о состоянии здоровья Мандельштама в Литфонд СССР, куда Мандельштам писал заявление о предоставлении ему места на курорте. Что же касается других неоднократных притязаний Мандельштама, то правление неизменно и решительно отклоняло их. В свое время о Мандельштаме мы сообщали правлению ССП СССР.

Много раз в правление приходила жена Мандельштама и угрожала, что если-де воронежский Союз не окажет им, Мандельштамам, материальной и моральной помощи, то они покончат самоубийством. Так

1 Этот абзац отчеркнут слева на полях.

обстоит дело с Мандельштамом, который отбывает ссылку в Воронеже. Ни членом, ни кандидатом организации он не является и в деятельности ССП никакого участия не принимает.[1]

В целях дальнейшей, углубленной проверки членов и кандидатов ССП правлением намечено за время сентябрь–декабрь подвергнуть широкому обсуждению всю деятельность каждого члена и кандидата ССП, как творческую, так и общественно-политическую. Проведение этого мыслится так: устраивается вечер, целиком посвященный одному писателю. Докладчик делает анализ всего того, что написано писателем. Сам писатель рассказывает о себе, что он пишет в настоящее время‹…› Секретари обкома тт. Рябинин и Ярыгин интересуются каждым новым произведением, написанным нашим писателем, и читают не только, когда произведение напечатано, но и в рукописи, помогая советом, указаниями, вдохновляя писателя на работу.

Основное ядро наших писателей несомненно здорово, творчески дееспособно. У большинства из наших писателей дело овладения основами литературного мастерства подходит к концу и в ближайшее время мы вправе ожидать от них зрелых, достойных Сталинской эпохи произведений.

Секретарь партгруппы

Воронежского Союза Советских Писателей Ст. Стойчев /С. Стойчев/[2]

1 Этот абзац отчеркнут слева на полях.

2 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 32. Л. 10–13. Подчеркивания и отчеркивания на полях принадлежат, скорее всего, В.П. Ставскому. Впервые в: Нерлер, 1991. С. 93–94; здесь – с некоторыми уточнениями

30, 31 марта и 4 апреля 1937 года состоялось общее собрание писателей Воронежской области, посвященное обсуждению статьи Р. Шпунт о воронежских писателях в «Комсомольской правде»[1]. 7 апреля О.К. Кретова, зам. председателя ССП Воронежской области, направляет в правление ССП резолюцию этого общего собрания. Одним из пунктов этой резолюции значится следующий, чуть ли слово не в слово повторяющий решение собрания от 11 сентября 1936 года: «*Собрание констатирует, что на протяжении ряда лет правление неоднократно давало отпор классово-враждебным элементам, пытавшимся сблизиться с союзом писателей, найти для себя трибуну (Стефен, Айч в 1934 г., О. Мандельштам в 1935–36 гг.). ‹…› Председатель собрания М. Подобедов*»[2].

23 апреля вновь высказалась О.К. Кретова. В статье, озаглавленной «За литературу, созвучную эпохе!» и написанную к 5-летию постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций, она писала: «*В течение последних лет с областной писательской организацией неоднократно пытались сблизиться, оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди: Стефен, Айч, О. Мандельштам. Но они были разоблачены писательской организацией*»[3].

Думается, что подлинной загрунтовкой для кретовской статьи послужил не столько корреспонденция Шпунт, сколько сталинский доклад от 3 марта на Пленуме ЦК ВКП(б), посвященный борьбе с двурушничеством. Сама Ольга Капитоновна позднее рассказывала Н.Е. Штемпель, что писала статью, так сказать, «не по своей воле», а вынужденно (у Кретовой арестовали мужа, и Ставский обещал на это закрыть глаза, взамен же потребовал разоблачительную речь и статью).

До конца воронежской ссылки оставалось три недели, и

1 Шпунт Р. Еще одна писательская канцелярия // Комсомольская правда. 1937. 16 марта.
2 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 58. Л. 8 (впервые в: Нерлер, 1991. С. 94).
3 Коммуна. Воронеж. 1937. 23 апр. С. 3.

О.М., конечно же, был просто обязан среагировать на этот опаснейший выпад. Но сделал он это, правда, не сразу, а только 30 апреля 1937 года, когда он по-видимому об этой милой публикации и узнал. В этот день он отправил сразу два письма Н.М., находившейся тогда в Москве.

В первом (к нему были приложены выписки из «Коммуны» и письмо В. Ставскому) он писал:

Родная моя Надинька!

Посылаю выписку и заявление для передачи Ставскому.

Я здоров и спокоен. Ты приедешь, как только сделаешь всё необходимое. Думаю, что дольше 5-го оставаться не надо. В крайнем случае приедешь без денег. Не всё ли равно? Лишь бы маму отправить.

Заявление свое в Союз Сов‹етских› Пис‹ателей› я считаю крайне важным.

Но если Ставский найдет, что не стоит подымать вопроса по вздорному поводу – я соглашусь. Я – не склочник. Во всяком случае – покажи ему.

Важно то, что после этого в Воронеже оставаться физически невозможно. Это – объясни.

Целую тебя, мой родненький. Спешу отправить. Твой Ося

Второе письмо было отправлено в тот же день, но, видимо, с вечерней почтой:

Родная доченька Надик!

Сейчас пришли твои сто рублей. А у нас еще

было, и всё на 1 Мая уже куплено. Новость: курица клюнула маму в щеку и поцарапала. Чуть–чуть. Сегодня я сам стоял в бакалейной очереди, а маму усадил на улице на скамейку.

Утром отправил тебе выписку из статьи О. Кретовой в «Коммуне» от 23 апреля и заявление мое Ставскому в Союз Пис‹ателей› по поводу воронежцев.

На всякий случай посылаю в адрес Евг‹ения› Як‹овлевича› вторую выписку и сокращенное заявление в Союз Сов‹етских› Пис‹ателей›.

Не знаю, как быть с обувью? Спрошу тебя. Будущее меня не смущает.

Приезжай не позже 6-го. Можно и без денег. Совершенно всё равно.

Бесконечно тебя жду.

Твой Ося

Сохранился и полный текст заявления О.М. на имя Ставского:

В Секретариат Союза Советских Писателей

Уважаемый тов. Ставский!

Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания воронежского областного отделения Союза.

Вопреки утверждениям Обл‹астного› Отд‹еления› Союза, моя воронежская деятельность никогда не была разоблачена Обл‹астным› Отд‹елением›, но лишь голословно опорочена ***задним числом****. При первом же*

контакте с Союзом я со всей беспощадностью охарактеризовал свое политическое преступление, а не «ошибку», приведшее меня к адмвысылке.

За весь короткий период моего контакта с Союзом (с октября 34 г. – по август 35 г.) и до последних дней я настойчиво добивался в Союзе и через Союз советского партийного руководства своей работой, но получал его лишь урывками, при постоянной уклончивости руководителей обл‹астного› отделения.

Последние 1½ года Союз вообще отказывается рассматривать мою работу и входить со мной в переговоры.

Если как художник (поэт) я могу оказать «влияние» на окружающих – то в этом нет моей вины, а между тем это единственное, что мне ставится обл‹астным› отд‹елением› в вину и кладется в основу убийственных политических обвинений, выводимых из моей воронежской деятельности поэта и литработника.

Располагая моим заявлением к минскому пленуму, содержащим ряд серьезных политических высказываний, – Союз, который это заявление принял и переслал в Москву, до сих пор не объявил его двурушническим, что является признаком непоследовательности.

Принципиальное устранение меня от общения с Союзом никогда не имело места. Летом 35 года мне было заявлено: «Мы вас не считаем врагом, ни в чем не упрекаем, но не знаем, как относится к вам писательский центр, а потому воздерживаемся от дальнейшего сотрудничества». После этого Союз рекомендовал меня (протоколом правления) на работу в городской театр.

Считаю нужным прибавить, что моя работа по другим линиям (театр, радиокомитет) не вызвала никаких общественных осуждений и была неоднократно и серьезно использована после соотв‹етствующей› политической проверки. Пресеклась она моей болезнью.

Называя три фамилии (Стефен, Айч, Мандельштам), автор статьи от имени Союза предоставляет читателю и заинтересованным организациям самим разбираться: кто из трех троцкист. Три человека не дифференцированы, но названы: «троцкисты и другие классово-враждебные элементы».

Я считаю такой метод разоблачения недопустимым.

В результате меня позорят не за мою прошлую вину, а за то положительное, что я пытался сделать после, чтобы искупить ее и возродить себя к новой работе.

Фактически мне инкриминируется то, что я хотел себя поставить под контроль советской писательской организации.

О. Мандельштам

Ставскому это письмо не попало, оттого и сохранилось в архиве. Но, как знать, может, предыдущее или телефонный разговор и возымели некоторую силу. Во всяком случае, вместо естественного в таком случае нового приговора им было разрешено покинуть место ссылки. 13 мая 1937 года Осип и Надежда Мандельштам уехали из Воронежа в Москву. Впереди у О.М. оставалось всего лишь полтора года жизни, лишь один неполный год свободы, скитаний и мытарств.

И вовсе не недоразумением были те проклятия и угрозы, что неслись вслед за О.М. из Воронежа. В первом же выпуске

сборника «Литературный Воронеж» (подписан к печати 4 ноября 1937 года) его имя и образ были задеты сразу в двух произведениях. Первое – это гневная отповедь Григория Рыжманова, созданная им еще в декабре 1936 года:

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Пышной поступью поэта,
Недоступный, словно жрец,
Он проходит без привета
И… без отклика сердец.

Подняв голову надменно,
Свысока глядит на люд,–
Не его проходит смена,
Не его стихи поют,

Буржуазен, он не признан,
Нелюдимый, он – чужак,
И побед социализма
Не воспеть ему никак.

И глядит он вдохновенно:
Неземной – пророк на вид.
Но какую в сердце тленном
К нам он ненависть таит!

И когда увижу мэтра
Замолчавших вражьих лир,
Напрягаюсь, как от ветра.
Четче, глубже вижу мир.

Презирай, гляди надменно, –
Не согнусь под взглядом я
Не тебе иду на смену
И не ты мой судия!

В том же сборнике – в обзоре «Воронежские писатели за 20 лет» – Н. Романовский и М. Булавин сочли необходимым рассеять сомнения О.М. в том, троцкист ли он: «Пользовавшиеся поддержкой врагов народа, прибывшие в 1934 году в Воронеж троцкисты Стефен, Айч, Мандельштам, Калецкий пытались создать сильное оцепление писательского коллектива, внося дух маразма и аполитичности. Попытка эта была разбита. Эта группа была разоблачена и отсечена, несмотря на явно либеральное отношение к ней бывших работников Обкома (Генкин и др.), которые предлагали воспитывать эту банду. Особо тяжелые условия для писательского коллектива были созданы бухаринским шпионом Рябининым и его приспешниками».

Полку троцкистов на сей раз прибавилось – их уже четверо. Четвертый – Павел Исаакович Калецкий (1906–1942), высланный в Воронеж из Москвы в 1933 году. Здесь он читал в пединституте курсы по фольклору, древнерусской литературе и литературе XIX века, одновременно работая в школе и редактором в издательстве «Коммуна»; печатался в газете «Коммуна», журнале «Подъем» и других изданиях. Из Воронежа он уехал в Ленинград в июле 1935 года.

У его дочери Т.П. Калецкой сохранились некоторые отцовские документы, и в них встречается имя О.М. Так, в письме к своему другу М.А. Гецову от 17 января 1935 г. П.И. Калецкий писал:

> *...Ты спрашиваешь о Мандельштаме? Рассказывать о нем надо много и долго. Очень умный, путаный человек, с гениальными, иной раз, высказываниями, говорящий о стихах как о своем хозяйстве, практически неумелый – как ребенок, вспыльчивый, взрывающийся, как бомба при мельчайшем споре – он очень трудный и обаятельный человек.*

Иной раз его замечание – это чистый клад, над которым надо сидеть и сидеть, иной раз остроумный афоризм, которым прикрывается всё же бессодержательность.

Живет он неважно, хотя ему в лечении идут навстречу. Числится он консультантом при «Подъеме» и получает жалованье. Его, по существу, жалко, впрочем, он и сам в этом виноват.

Встречи с ним бывали интересны и представляются ярким пятном на фоне серости человеческого материала в Воронеже.[1]

Но особенно красноречива выдержка из письма П.И. Калецкого ответственному секретарю Ленинградского отделения ССП, возможно, написанного в ответ и на вышеприведенные нападки Н. Романовского и М. Булавина:

Из перечисленных в письме лиц, с которыми я был якобы связан, я был знаком со Столетовым, который работал в ССП с начинающими писателями и печатался в органах ССП, и с Мандельштамом. С последним я познакомился ближе в последние месяцы моей жизни в Воронеже, когда он и его жена оказались единственными людьми, которые оказали мне большую и добрую человеческую поддержку во время болезни и при смерти моей жены, в то время как никто из моих воронежских коллег по ССП не счел нужным заинтересоваться моим положением, и за эту поддержку я Мандельштамам глубоко и искренне благодарен.[2]

1 Нерлер, 1991. С. 95.
2 Там же.

6

Будучи очень общительным по природе человеком, О.М. в воронежской ссылке столкнулся с острейшим дефицитом человеческого общения. Из-за его ссыльного статуса многие побаивались, как сказал один артист воронежского Большого советского театра, «прислоняться» к нему, а в конце, когда появились эти чудовищные обвинения, многие стали от него просто шарахаться. Известен случай, когда один довольно известный университетский профессор-философ[1] просто испугался знакомиться с О.М., полагая, – и, наверное, резонно, – что это небезопасно.

Словом, постепенно вокруг Мандельштама в Воронеже выкачивался воздух. Находясь в вакууме, задыхаясь в нем, человек обычно попадает в жуткую депрессию, начинает думать о самоубийстве и т. д. Но с Мандельштамом – вопреки болезни и слабости – произошло иначе. Сама природа, сам город, его лучшие люди, с которыми он здесь не просто общался, а подружился – такие как Наталья Штемпель или Павел Загоровский – вдохнули в него воздух дружества и, вместе, оказались сильнее репрессивной машины.

И как итог – около сотни стихотворений, написанных в Воронеже, – лучшие и вершинные у Мандельштама. Вот это чувство просветленного оптимизма, замешенного на человеческой трагедии, – и потрясает. Это то, что Мандельштам именно отсюда, из Воронежа, привнес в русскую и мировую поэзию, «кое-что изменив в строении и составе» классической русской поэзии[2].

Документы

‹1›

1 Б.М. Бернадинер, автор книг «Философия Ницше и фашизм» (1934) и «Демократия и фашизм» (1936).

2 См. письмо Мандельштама Ю.Н. Тынянову от 21 января 1937 г. (Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 177).

Справка ГУГБ НКВД № 23 от 2 июля 1935 года с характеристикой стихотворений О.Э. Мандельштама «Холодная весна…» и «Мы живем, под собою не чуя страны…»

«УТВЕРЖДАЮ»

Нач‹альник› УСО ГУГБ НКВД
(ГЕНКИН) *Зубкин*
2 июля 1935 г.

СПРАВКА № *23*
О к-р стих‹отворении› «Холодная весна» и «Мы живем»
О. Мандельштама

Автором двух к.-р. стихотворений «Холодная весна» и «Мы живем, под собою не чуя страны» является известный поэт МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич, 1891 г. р., сын купца 1 гильдии. В 1907 г. примыкал к партии эсеров, был пропагандистом.

Стихотворение «Холодная весна» отображает отрицательное отношение МАНДЕЛЬШТАМА к ликвидации кулачества на Кубани и Украине.

Стихотворение «Мы живем» является к.-р. пасквилем на тов. СТАЛИНА.

В своих показаниях обвиняемый МАНДЕЛЬШТАМ говорит о стихотворении «Мы живем» как о гнусном к.-р. и клеветническом пасквиле, в котором сконцентрированы социальный яд, политическая ненависть и презрение к тов. СТАЛИНУ.

После Октябрьской Революции МАНДЕЛЬШТАМ опубликовал в «Воле народа»

стихотворении «Керенский», в котором идеализирует Керенского, называя его птенцом Петра, а Ленина – временщиком.

Стихи распространялись МАНДЕЛЬШТАМОМ среди литераторов Ленинграда и Москвы.

За распространение к.-р. стихотворений МАНДЕЛЬШТАМ осужден Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 26/V–34 г. по 58/10 ст. УК.

(Сл‹едственное› дело № 4108, арх. № 604671)

Опер. Уполном‹оченный› УСО ГУГБ: *А. Кравцов* (Кравцов)

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 40–41. **Л. 42–43 – копия этой справки, лл. 44–49 – по три экземляра копий, сделанных со стихотворений «Мы живем, под собою не чуя страны…» и «Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым…», которые находятся в деле Мандельштама 1934 г.**

О.Э. Мандельштам. Воронеж, 1936 (Мандельштамовское общество)

Управление НКВД по Ленинградской области, Главное управление государственной безопасности НКВД СССР (1937–1938 гг.): «Призывом к террору были и стихи Мандельштама…»

Вернувшись из ссылки в Москву (точнее, в ее застоверстную зону), О.М. оставил за спиной в Воронеже своего рода угрозу с юга. Между тем не менее грозная опасность надвигалась на О.М.еще и с северной стороны – из Ленинграда.

Отзываясь на ситуацию в стране, питерские чекисты работали не покладая рук, и в результате «Большой террор» в исполнении «Большого дома» оказался в северной столице особенно большим (что, впрочем, традиционно). Как и во всей стране, в ходу здесь был оксюморон «право-троцкизм».

Осенью 1937 года чекисты «раскрыли» (читай: сфабриковали) огромный и разветвленный право-троцкистский заговор писателей под руководством Н. Тихонова и И. Эренбурга с целью убийства И.В. Сталина. Велика же была травма, нанесенная чекистскому сознанию питерским поэтом Леонидом Канегиссером, действительно убившим питерского чекиста Моисея Урицкого в 1918 году!

Примечательно, что сами Тихонов и Эренбург никак не пострадали, а вот по тем, кем они якобы «руководили», каток репрессий проехался вовсю[1].

1 В настоящее время в научный оборот введены материалы дел далеко не всех «фигурантов» заговора. Но и то, что уже опубликовано, дает довольно внятную картину погрома, учиненного чекистами среди писателей. Первым этим занялся Эдуард Шнейдерман, в 1990-е гг. сумевший добиться доступа к делу Б.К. Лившица, одного из «руководителей» «заговора писателей» (АУФСБ СПбиЛО. Дело № 35610. Архивный №: П-26537). Он опубликовал и самым обстоятельным образом проанализировал материалы этого дела (Шнейдерман, 1996). В печать попадали также отдельные документы из дел Н.А. Заболоцкого и И.А. Лихачева (Заболоцкий Н. История моего заключения // Даугава. 1988. № 3. С. 107–115; Заболоцкий Н. «Я нашел в себе силы остаться в живых» / Публ. и комм. Б. Лунина // Аврора. 1990. № 8. С. 125–133), а также Ю.И. Юркуна (Архив Управления ФСБ по

Но сначала – печальная хроника. Аресты по этому делу растянулись на девять месяцев. Первым – на рассвете 20 июля 1937 года – был арестован Николай Олейников[1]. Вторым – спустя почти три месяца! – Бенедикт Лившиц: 26 октября 1937 года[2]. Еще через два дня – 28 октября – И.А. Лихачев. Затем – Валентин Стенич: за ним пришли 14 ноября 1937 года[3].

Всех остальных брали в 1938 году: 4 января – В.А. Зоргенфрея[4], 10 января – поэта С.М. Дагаева[5], в ночь с 3 на 4 февраля – Ю.И. Юркуна[6], 5 февраля – Г.О. Куклина[7], 11 февраля – Ю.С. Берзина[8], 14 февраля – Д.И. Выгодского[9], 15 февраля – А.М. Шадрина[10], 19 марта – Н.А. Заболоцкого[11], 20 марта – Е.М. Тагер[12] и 23 апреля – А.А. Энгельке[13].

У этого сугубо ленинградского дела была солидная московская подкладка. Начать с того, что москвичом был один из «руководителей» заговора – Эренбург (даром что пропадал в Париже). На допросе, состоявшемся 25 ноября 1937 года, В. Стенич прямо «сказал», что их группа носила смешаный

Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-31221). Ценные детали и комментарии содержатся также в публикациях А.Я. Разумова.

1 Олейников А. Последние дни Николая Олейникова // «…Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В.Н. Сажин. В 2-х тт. Т. 2. М., 2000. С. 595. Распространенная версия об аресте Н. Олейникова в ночь со 2 на 3 июля неверна. Расстреляли его 24 ноября 1937 г. – одновременно с его давним другом филологом-японистом, востоковедом Д.П. Жуковым, арестованным 29 мая 1937 г. (Там же. С. 605; Жукова Н. О… М., 2005. С. 73, 76). И хотя Олейникову и Жукову инкриминировали участие в троцкистской контрреволюционной организации, из опубликованных материалов дела Н. Олейникова напрямую связь с делом Б. Лившица и других участников «Заговора писателей» не просматривается (Там же. С. 597–608).

2 Накануне или вскоре его ареста были расстреляны С. Колбасьев (30 октября) и Н. Клюев (между 23 и 25 октября). Самого Лившица расстреляли 21 сентября 1938 г.

3 Расстрелян 21 сентября 1938 г.

4 Расстрелян 21 сентября 1938 г.

5 Расстрелян 21 сентября 1938 г.

6 Расстрелян 21 сентября 1938 г.

7 23 сентября 1938 г. приговорен к восьми годам ИТЛ; умер в крайбольнице мест заключения Красноярского края 9 ноября 1939 г.

8 2 июля 1939 г. приговорен к восьми годам ИТЛ, по данным личного дела – умер в лагере 1 июня 1942 г.

9 23 июля 1940 г. приговорен к пяти годам ИТЛ; умер в Карагандинском лагере 27 июля 1943 г.

10 Через два года следствия, в апреле 1940 г., дело было прекращено, но в 1946 г. Шадрин был снова арестован и осужден; реабилитирован в 1956 г.

11 2 сентября 1938 г. приговорен к пяти годам ИТЛ; освобожден в 1946 г.

12 Ср. запись с описанием ее ареста в дневнике создательницы Петроградского театра марионеток Л.В. Шапориной от 21 марта 1938 г. (Сажин В. Еще не умер ты… // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 96). Э. Шнейдерман ошибочно указывает в качестве даты ареста Е.М. Тагер 16 марта. 23 сентября 1938 г., по его же данным, она была приговорена к десяти годам ИТЛ, вторично осуждена 19 декабря 1951 г., реабилитирована в 1956 г.

13 23 июля 1940 г. осужден на пять лет ИТЛ; пробыл в заключении до 20 июля 1946 г., амнистирован в 1953 г., реабилитирован в 1957 г.

московско-питерский характер и «*объединяла наиболее реакционную часть литературных работников, враждебно настроенных к советской власти. В нее входили Олеша, Никулин, Дикий, Бенедикт Лившиц, Николай Чуковский и я*». Он признал, что разговаривал в ресторане о политике с Олешей, вызывавшемся лично убить Сталина[1].

Постепенно в протоколах начало мелькать и имя О.М.[2] Впервые – 11 января 1938 года, во время второго допроса Лившица, когда он, называя немало имен, раскрывал «механизм» писательской контрреволюционной организации, направляемой из Парижа Кибальчичем (Виктором Сержем)[3]. Свою «активную троцкистскую деятельность» Кибальчич развернул еще в период 1929–30 гг., «*устанавливая связи с наиболее реакционной частью ленинградских писателей*»[4].

Весьма существенно, что и сам Кибальчич на собственном допросе от 7 марта 1933 года, будучи спрошен следователем о своих литературных связях, сказал:

> *Знаю многих писателей в Москве и Ленинграде. Почти ни с кем не встречаюсь регулярно. Среди писателей, более близких моих знакомых: Н.Н. Никитин (встречались часто в 1929–30 гг., теперь реже, даже редко); Б.К. Лившиц, с которым меня сближает его хорошее знание французского языка; К. Федин, Б. Пильняк, О.Э. Мандельштам, Б.М. Эйхенбаум, К.А. Большаков – со всеми встречи теплые, дружеские, но редкие.*[5]

1 Шнейдерман, 1996. С. 91.

2 Со многими из названных арестованных писателей – и прежде всего с Лившицем, Стеничем и Выгодским – О.М. связывали многолетние дружеские связи

3 Этому допросу, по-видимому, придавалось особое значение. Это видно уже из того, что все подписи, стоящие под протоколом, принадлежат работникам «руководящего звена»: начальнику IV отдела Карпову, его заместителю Федорову и начальнику 10-го отделения Гантману. Лившиц подписал каждый лист и поставил итоговую подпись: «Ответы на вопросы с моих слов записаны верно. Б. Лившиц».

4 Там же. С. 94. Сам Лившиц в этой структуре якобы «опекал» часть ленинградских писателей, в частности, членов группы «Перевал», а остальных «курировал» Н. Тихонов.

5 Там же. С. 93 (со ссылкой на сообщение В.А. Русаковой).

Аттестуя Л.М. Эренбург «троцкистским эмиссаром», напрямую связанной с Кибальчичем, Лившиц помянул и О.М.:

> *Уже первая встреча с ней в 1935 г., с глазу на глаз, убедила меня в том, что я имею дело с человеком антисоветски настроенным. Ее возмущало отношение советской власти к писателям, в частности, «расправа» с Мандельштамом (он был тогда арестован и выслан за контрреволюционную деятельность). Она очень горячо говорила о том, что «у вас в СССР никто не может выражать откровенно своих мыслей».*[1]

Отвечая на вопрос следователя о террористическом характере их (то есть заговорщицкой) организации, Лившиц сказал:

> *Призывом к террору были и стихи Мандельштама, направленные против Сталина, а также те аналогии, которые я проводил, сравнивая наши годы с 1793 годом и Сталина с Робеспьером.*
>
> *В 1937 году у меня дома собрались Тихонов, Табидзе, Стенич, Юркун, Л. Эренбург и я*[2] *. За столом заговорили об арестах, о высылках из Ленинграда. Тициан Табидзе сообщил об аресте Петра Агниашвили, зам. пред‹седателя› ЦИК Грузии, близко связанного с Табидзе. Далее разговор перешел к аресту Мандельштама, которого Табидзе также хорошо знал. Тихонов сообщил, что Мандельштам скоро должен*

1 Там же. С. 95.
2 Эта встреча состоялась в марте 1937 г.

вернуться из ссылки, так как заканчивается срок, на который он был осужен.[1]

Следующее упоминание О.М. – 31 января 1938 года, на допросе поэта С.М. Дагаева. Дагаев показал, что посещал совещания у Тихонова, где бывали почти всегда одни и те же участники организации: Бенедикт Лившиц, Вольф Эрлих, приезжавший из Москвы Павел Антокольский, жена Тихонова – М.К. Неслуховская и другие. Помянул Дагаев и О.М.: в марте 1937 года Тихонов собирался послать ему в ссылку 1000 рублей, будто бы «*для развертывания антисоветской работы*»[2].

Вспомнил О.М. и Ю. Юркун – на допросе 9 мая 1938 года, то есть тогда, когда О.М. уже и так сидел на Лубянке, о чем Юркун, конечно, не знал. Он охарактеризовал тринадцать членов «группы Лившица», в том числе и О.М., «*активного участника контрреволюционных сборищ на квартире Лившица с 1928 г. В присутствии Н. Клюева, М. Кузьмина, К. Вагинова и меня, он вел антисоветскую агитацию, заявляя на притеснения цензуры и возмущался политикой советского правительства в отношении интеллигенции, которую, якобы, советская власть притесняет. Мандельштам в присутствии группы ‹…› читал свои контрреволюционные стихи*»[3].

Фактически О.М. включили уже в фигуранты дела, о чем недвусмысленно свидетельствует и приложенный к обвинительному заключению по делу Лившица список: «Лица, проходящие по следственному делу № 35610–37 г.», составленный младшим лейтенантом Павловым[4]. В него вошли все упомянутые в протоколах лица, как живые, так и мертвые, разделенные на пять категорий: 1) «осужден», 2) «арестован», 3) «устанавливается», 4) «за границей» и 5) «умер». Имя О.М. открывает столбик фамилий осужденных,

1 Там же. С. 98.
2 Там же. С. 102.
3 Там же. С. 104.
4 Там же. С. 115. Список не датирован, составлен, предположительно, не ранее середины мая 1938 г.

кроме него там еще Заболоцкий, Берзин, Корнилов, Беспамятнов, Майзель, Л. Гумилев и Горелов.

Но формулировка «числится за Москвой», служившая своего рода охранной грамотой для О.М. в Воронеже, теперь означала другое: числится за Москвой – Москвой и арестован. Его индивидуальное следственное дело 1938 года содержит немало следов если не скоординированности, то взаимоувязанности с трагическим групповым спектаклем, срежиссированным на берегах Невы.

Да и сама Москва едва ли была заповедником хотя бы и социалистической законности. Но как ни старался О.М. напоминать о себе своими полными то гнева, то отчаянья письмами в Союз писателей, в редакции журналов или отдельным литераторам, Москва как-то подзабыла о нем.

Репрессии против писателей между тем шли и здесь – и под весьма знакомыми девизами.

Довольно экзотический – украинский национализм. Его жертвой пал Владимир Нарбут, арестованный еще в октябре 1936 года и расстрелянный на Колыме.

А не хотите ли еще один право-троцкистский заговор и теракт против товарища Сталина? – Пожалуйста! Извольте! Аж целых два! Два бывших вожака пролетарской «Кузницы», разочаровавшихся в Совдепии из-за нэпа, – Владимир Кириллов и Михаил Герасимов – были арестованы под этой маркой (первый – в Пензе, 30 января, а второй совсем незадолго до возвращения О.М. – 16 мая 1937 года), оба были расстреляны 16 июля того же года[1].

Одним из первых в Москве – 4 ноября 1936 года – арестовали прозаика Михаила Карпова[2], давшего показания на Ивана Макарова, Василия Наседкина и Павла Васильева. Макаров якобы одобрил предложенную Бухариным директиву о физическом устранении Сталина, а исполнителем наметил П. Васильева, который через своего тестя, И.М. Гронского,

1 Шенталинский В. Преступление без наказания. М., 2007. С. 458, 459, 551.
2 Там же. С. 430.

мог бы добиться у Сталина аудиенции.

6 февраля 1937 года, даже без оформленного ордера, на улице арестовали Васильева, а 7 февраля – Макарова[1]. Их дела вел оперуполномоченный 9 отделения 4 отдела ГУГБ сержант госбезопасности С.Г. Павловский – из «молотобойцев» [2].

Михаила Карпова, Ивана Макарова, Павла Васильева и Ивана Васильева расстреляли 16 июля[3]. А 13 августа расстреляли еще двоих – Ивана Приблудного как еще одного «идеолога» теракта и Юрия (Георгия) Есенина как еще одного потенциального его «исполнителя»[4].

Приблудного взяли 31 марта 1937 года[5]. Его дело вел также Павловский. И хотя к 15 апреля следователь всё уже закончил, подписывать свое постановление-обвинение Приблудный отказался[6]. После этого два с половиной месяца ничего не происходило – до тех пор пока 27 июня показания на Приблудного не дал Юрий Есенин, сын Сергея Есенина: Приблудный-де побуждал его к теракту и к легальному бегству за границу[7].

Сергей Клычков был арестован 31 июля на даче в поселке Казуар, а расстрелян 8 октября 1937 года[8]. Ему шили и пришили участие в Трудовой крестьянской партии и как бы второе издание заговора писателей с целью убийства Сталина, причем идейным вдохновителем являлся Клычков, а исполнителем – Владимир Кириллов.

Уже после гибели Клычкова – соответственно, 26 и 28 октября – были арестованы Василий Наседкин, женатый на

---

1 Там же. С. 436, 439.

2 Павловский Семен Г. (1906 – после 1951), мл. лейтенант (позднее, по некоторым сведениям, капитан) ГБ, оперуполномоченный 9 отделения 4 отдела (аналог СПО в 1934 г.) ГУГБ НКВД; в 1952 г. осужден к принудительному лечению, умер в казанской психбольнице. На первоначальном этапе следователем у Васильева был И.И. Илюшенко, которого вскоре отстранили от дел за попытки отвести от поэта обвинения в террористической деятельности (Там же. С. 440, 447).

3 Там же. С. 551. Следствие по делу П. Васильева закрыли 11 июня.

4 Там же.

5 Растерзанные тени, 1995. С. 243.

6 Там же. С. 246.

7 Там же. С. 247–248.

8 Следователями Клычкова были Г.С. Павловский и сотрудник резерва назначения 9 отделения 4 отдела ГУГБ НКВД Т.В. Шепелев (Там же. С. 338, 345, 347, 348, 368). По некоторым сведениям, готовил и начинал это дело – чуть ли не последнее в своей карьере в НКВД – еще С.Н. Вепринцев.

сестре С. Есенина, и Петр Орешин: обоих пристегнули к уже раскрытым заговорам и расстреляли 15 марта 1938 года[1]. В 1932 году Наседкин написал «упадочное и явно контрреволюционное» стихотворение «Буран», смысл которого, по его же словам, примерно таков:

> *Власть над народом захватили инородцы, которые попирают его национальные особенности. Русская культура уничтожена. Мы, русские, потеряли свою родину и отечество. Русская страна гибнет в результате политики инородцев.*[2]

Тут приходится сказать, что одним из лейтмотивов протестной деятельности «крестьянских писателей», как в свое время и писателей-«сибиряков», были «еврейское засилье» и откровенный антисемитизм.

Если обобщать, то мы наблюдаем две очень схожие репрессивные кампании властей – разветвленные заговоры писателей с целью убийства Сталина: один – в Ленинграде, другой – в Москве, костяк ленинградской компании составили, условно говоря, переводчики-попутчики, а костяк московской – крестьянские писатели (тоже условно). Каждая из кампаний унесла десятки жертв, но ленинградская была всё же обильнее на них[3].

Если в случае Ленинграда О.М. фактически уже был фигурантом дела, то в Москве его имя, хоть он и был близок с Сергеем Клычковым и Павлом Васильевым, ни единого раза при допросах названо не было.

---

1 Там же. С. 377, 396, 404, 418.

2 Там же. С. 391.

3 Летом 1937 г. в НКВД, как утверждают Станислав и Сергей Куняевы и в чем мы скорее склонны усомниться, была создана специальная группа под руководством начальника 9 отделения 4 отдела ГУГБ капитана ГБ Журбенко по ликвидации «террористов» из писательской среды: единственным объектом ее деятельности, по их же неточному утверждению, явились крестьянские писатели (Там же. С. 377). Источник сведений, как водится, не приводится.

P.S. В таком случае есть своя логика в том, что в 1951 году, за полтора года до физической смерти так и не убитого заговорщиками тирана, своего рода «метастазу» дало именно ленинградское дело.

Но об этом ниже, в своем месте.

Б. Лившиц (Мандельштамовское общество)

Московское городское управление милиции (май–июнь 1937 г.) Сага о прописке, или «стоверстники»

1

16 мая истекал трехлетний срок воронежский ссылки Мандельштама.

Как-то оно будет дальше? Продлят ссылку или не продлят?[1] Отпустят или не отпустят?..

С тревогой в душе шли О.М. и Н.М. на Володарского, 39 – в здание областного УНКВД, где находилась и приемная

1 Свежий пример Пяста говорил им, что очень даже продляют.

комендатуры. Будучи в Воронеже, сюда О.М. практически не заглядывал: сталинское «чудо о Мандельштаме» избавило его и от «прикрепления», то есть от необходимости отмечаться здесь с месячной или какой-то иной заданной частотой.

Идти было недалеко – проулками по кромке косогора по-над рекой Воронеж. Очередь в приемной к окошку совсем никакая – с полтора десятка мрачных интеллигентов. Почему? – Объяснение пришло быстро: времена изменились, и высылками и ссылками НКВД больше не пробавлялся. Из следственной тюрьмы дорога вела уже не в губернские города и даже не в ссылочную глухомань, а прямо в лагеря или на смерть.

Самое верное, на что можно было рассчитывать, это на отсутствие ответа, на что-то вроде «Ваших бумаг нет, приходите завтра или через неделю». Но рука из окошка протянула О.М. бумажку, прочитав которую О.М. «ахнул» (выражение Н.М.) и даже бросился назад переспрашивать: «Значит, я могу ехать куда хочу?» Но дежурный рявкнул, не отвечая, и счастливец больше не переспрашивал, словно боясь утерять в счет ответа, если бы он был дан, толику своего счастья.

«Бумажка» эта не сохранилась, но представление о том, что это такое, у нас все же есть. Полугодом ранее совершенно аналогичный документ – «Форму № 13» за № 1480/452– получал в Томском горотделе НКВД Николай Эрдман, и его «бумажка» почему-то сохранилась[1]:

СПРАВКА

Выдана гр. Эрдман Николаю Робертовичу, 1900 г. рожд. урож. г. Москвы в том, что он отбыл срок ссылки (высылки), определенный ему постановлением Особого Совещания при НКВД

1 См.: Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С.293. См. также: «Верните мне свободу!». Деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора. Мемориальный сблрник документов из архивов бывшего КГБ / Сост.: В.Ф.Колязин. м.: Медиум, 1997. С.14-21.

от 16 октября 1933 г.

Настоящая справка выдана для представления в Управление (Отдел, Отделение) РК Милиции по месту избранного жительства для прописки.

Справка действительна при предъявлении паспорта и при прописке оставляется в соответствующем Управлении (Отделе, Отделении) Милиции.

Начальник ГО НКВД

…Начались предотъездные хлопоты. В тот же день Н.М. завершила переписывать для Наташи Штемпель «Наташину книгу», а О.М. подарил ей «Шум времени» с надписью: «*Милой, хорошей Наташе от автора. В. 16/V–37 г.*»[1].

Еще как минимум неделя ушла на то, что Н.М. назвала «ликвидацией воронежской оседлости»[2]. Скарб распродали и раздарили, но всё равно осталась груда вещей, на которых троица – поэт, его жена и его теща – однажды уселись на воронежском вокзале в ожидании поезда. В кармане пиджака веером разлеглись три небольшие картонки – плацкарты на Москву[3]. А на следующее утро эта же троица, передавая друг другу корзинки, узлы и чемоданы, вылезла уже на столичную платформу.

Везение, однако, продолжилось и в Москве. Ни Костарева, ни его жены и ребенка, ни даже его вещей в квартире не было: короткая записка на столе извещала о том, что всё это откочевало на дачу.

И сразу же предарестная жизнь и жизнь нынешняя «склеились» в единое целое, словно и не было страшной трехлетней пустоты посередине, заполненной Лубянкой,

1 Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // Новый мир. 1987. № 10. С. 222–223 и 214–215; оригиналы переданы в РГАЛИ.

2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 258.

3 Прямых поездов Москва – Воронеж в 1930-е гг. не было, было два проходящих пассажирских – № 42 и 44, шедших до Москвы, соответственно, 18 часов и 15 минут и 16 часов и 44 минуты (сообщено А.Никольским)

Чердынью, Воронежем, Воробьевкой, Задонском, стукачом Костаревым за одной стеной и гитаристом Кирсановым за другой. Оказавшись одни и в своих стенах, О.М. и Н.М. враз забыли и про новые ежовые времена (а ведь был самый канун того, что позднее станут называть Большим террором!), и про свои «минус двенадцать»[1]. Они вдруг потеряли страх и уверовали в прочность своего возвращения, в то, что они достаточно намаялись и отныне их ждет нормальная и спокойная жизнь. И неважно, что Костарев, их жилец и персональный доносчик, всего лишь на даче, а не съехал, как неважно и то, что всё время давало о себе знать больное сердце, и Осип Эмильевич всё норовил прилечь и полежать. Важно то лишь, что они снова дома, что они *у себя*, что вокруг звенит трамваями курва-Москва, где живут и где ждут их любимые друзья и братья и где водят по бумаге пером их собратья по цеху.

И первый же московский день О.М. задался! С самого утра он обернулся двойным счастьем – встречей с А. Ахматовой, подгадавшей свой приезд к их и остановившейся еще накануне в их же доме у Ардовых, и вожделенным походом «к французам», в масляное царство обморочной густой сирени, кустившейся за стенами Музея нового западного искусства.

Ну разве не чудо, что первым гостем была именно Ахматова! Всегда-всегда, когда О.М. было особенно трудно, она оказывалась рядом – вместе с Надей встречала в Нащокинском «гостей дорогих» и тотчас же пошла хлопотать, провожала его в Чердынь и проведывала в Воронеже. Нет, при ней О.М. и не думал лежать – он бегал взад-вперед и всё читал ей стихи, «отчитывался за истекший период», аккурат вобравший в себя Вторую и Третью воронежские тетради, которых Ахматова еще не знала. (Сама же она прочитала совсем немного, в том числе и обращенный к О.М. «Воронеж»: на душе у нее самой скребли кошки –

1 А напоминание об этом не могло не стоять в документе, полученном в воронежской комендатуре.

заканчивался пунинский этап ее жизни.)

На следующий день О.М. пошел в Союз писателей к Ставскому – устраивать свои литературные дела: договариваться о вечере и публикациях, может быть, о службе и возобновлении пенсии и уж наверняка – о московской прописке (а заодно и выслушать слова признательности за то, что он, несчастный ссыльный поэт, так помог всемогущему Ставскому в эти годы со временным устройством Костарева). Но… Владимир Петрович оказались как назло чрезвычайно перегружены работой и в спонтанном приеме отказали. «Через неделю, не раньше», – передали оне через секретаря. А в этой «неделе» таилась для О.М. административная западня – столько ждать, не нарушая режим, он не мог. Он должен был куда-то уехать! – и именно этого от О.М. ожидали, собственно, и занятый по горло Ставский, и деликатный дачник Костарев.

Проблема Костарева, кстати, и вообще не должна была возникнуть, ибо по мартовской, 1936 года, «джентльменской» договоренности между ним и Мандельштамами он поселялся в Нащекинском под поручительство Ставского самое большее на 8-9 месяцев и, стало быть, должен был смотать свои удочки не в мае 1937-го, а самое позднее в январе[1]. Но не смотал и в конце концов прописался на мандельштамовской жировке! (Этот прямой профит от мандельштамовской зэковской судьбы и близкая личная дружба со Ставским заставляют лишний раз задуматься о, возможно, и более зловещем участии Костарева во всей истории со вторым арестом О.М.)

Но друзьям-дальневосточникам не повезло, вернее, чрезвычайно «повезло» самому О.М. – в Доме Герцена, куда он доковылял после холодного душа в приемной у Ставского, на внутренней лестнице, ведущей в Литфонд, куда он и направлялся, с ним приключился стенокардический криз. Скорая, которую вызвали сотрудники Литфонда, оказала О.М.

1 См. документы 1 и 2 в наст. разделе. В.Я.Хазина, теща О.М., аккуратно вносила за зятя ежемесячно по 155 рублей в порядке его расчетов с жилищно-строительным кооперативным товариществом «Советский писатель» (РГАЛИ. Ф.1893. Оп.3. Д.81).

первую помощь и доставила его домой, наказав лежать, не вставая, как минимум два или три дня. Случилось это скорее всего 22 мая, поскольку 25-го О.М. сам отправился в поликлинику Литфонда. Там его осмотрела профессор Разумова, консультант экспертизы нетрудоспособности, и, кажется, всё-всё поняла. Вот ее комплексный медико-социальный диагноз: «*по состоянию здоровья показан абсолютный покой в продолжении 1–2-х дней*». Соответствующая справка, в сочетании с постоянно продлеваемым бюллетенем (листком о нетрудоспособности), защитила О.М. и на протяжении еще целого месяца(!) обеспечивала легитимность его пребывания в Москве. Чуть ли не каждый день к О.М. заходил литфондовский врач – откуда такое внимание и сострадание?..

Разумеется, и О.М. не сидел на месте. Сильнейшее впечатление, например, на него произвело новое, с иголочки, московское метро: благо, красивейшая из станций – «Кропоткинская» – была буквально в двух шагах от дома.

Но однажды кончилась и эта защита: последний раз бюллетень был продлен 20 июня – по обыкновению, на три дня, до 23-го числа. Именно в эти несколько дней, наверное, и приехал Костарев, сказав, что на несколько дней. Кульминацией его приезда стал визит милицейского чина, косившего под «монтера».

О.М. его сразу же «разоблачил». Выйдя из-за шкафа, где он сидел вместе с Н.М. и заехавшим в Москву Рудаковым, О.М. пошел прямо на «монтера» и сказал: «*Нечего притворяться, ‹…› говорите прямо, что вам нужно – не меня ли?*»[1]

Милиционер не покраснел и не стал отпираться. Предъявив свои документы, он потребовал у О.М. его, после чего повел его в отделение милиции. Но далеко они не ушли: по дороге с О.М. опять случился припадок, и скорая вновь водворила поэта в его проходное царство. Поднимали его на

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 347.

последний этаж на кресле, одолженном у соседей снизу (Колычевых), и не исключено, что и «монтеру» пришлось немного поучаствовать в этом неожиданном для милиции трансфере. Дождавшись, когда О.М. придет в себя, он попросил все его медицинские справки и бумаги и ушел в костыревскую комнату, где стоял мандельштамовский телефон. Выйдя из этой своеобразной телефонной будки, он кинул справки на стол, передал сказанное на том конце провода: «Лежите пока» – и ушел.

Происходило это всё скорее всего 20 или 21 июня: до реального отъезда в Савелово оставалось всего несколько дней. Пару дней О.М. посещали и врачи, и милиционеры (дважды в день – либо сам «монтер», либо его коллеги). Днем О.М. развлекался: «Сколько у них со мной хлопот!», – но ночью подкатывало отчаянье и к нему: однажды он даже пригласил жену вместе выпрыгнуть из распахнутого окна, но та произнесла: «Подождем», – и О.М. не стал настаивать.

Поводом же для суицида мог послужить классический и экзистенциальный вопрос советского человека – вопрос прописки и, соответственно, жилплощади. Сообразив, что весь сыр-бор с «монтером» в штатском только из-за этого, О.М. с Н.М. улучили момент, когда не было ни врачей, ни милиции, и спустились в домоуправление. Там выяснилось самое главное: сволочь Костарев сумел, во-первых, выписать Н.М., а во-вторых, оформить себе в порядке исключения («звонили, просили сделать исключение!») постоянную прописку взамен временной! Побывали они с Н.М. – по поводу прописки – и в милиции: сначала в районной, а потом и на Петровке, в центральной. В прописке им отказали (ну не Ставский же будет за него просить!), а заодно объяснили, что и в Воронеже их теперь не пропишут: после отбытия срока приговорные «минус двенадцать» превращались для лиц с судимостью в пожизненные «минус семьдесят»!.. И не только для репрессированных, но и для их ближайших

родственников![1]

Наконец, терпение «монтера» лопнуло, и он сказал однажды утром, что пришлет «своего врача». О.М. и Н.М. восприняли это адекватно – как угрозу прекратить это либерально-медицинское безобразие, и в тот же день бежали из своего дома. Ночевали у Яхонтова в Марьиной Роще, а назавтра, когда Н.М. пришла к матери за приготовленными к отъезду вещами, Костарев немедленно вызвал милицию, потащившую в отделение уже Н.М. Соврав, что О.М. уже уехал из Москвы, а куда – неизвестно, Н.М. и сама стала жертвой административных мер: с нею, женой контрика, выписанной из «московского злого жилья» и более не прописанной, церемониться больше не стали и взяли подписку об оставлении пределов Москвы в течение 24 часов[2].

Но даже в этой административной малости Мандельштамы, эти государственные преступники и нарушители паспортного режима, отказали родному государству. В «бесте» у Яхонтова они отсиживались еще три дня, обложившись картами Подмосковья и только теперь задумавшись: а куда же податься?

2

23 мая 1937 года, когда О.М. уже покинул Воронеж, Политбюро ЦК ВКП(б) выпустило Постановление о выселении из Москвы, Ленинграда, Киева троцкистов, зиновьецев и др.[3], а 8 июня 1937 года – о выселении троцкистов и вообще правых[4]. Второго же июля вышло и Постановление ПБ ЦК ВКП(б) «Об антисоветских

1 Там же. С. 336–340.

2 Костарева с женой и дочкой, наоборот, прописали на мандельштамовские 16 квадратных метров (Там же. С. 348).

3 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2004. С. 189–190.

4 Там же. С. 216.

элементах»[1]. Так что зацепиться за Москву было практически невозможно, прописаться можно было не ближе чем за сто пятым километром.

Отказавшись от поисков счастья в Александрове, куда за 20 лет до этого он ездил на поклон к Марине Цветаевой, О.М. остановил свой выбор на Кимрах, точнее, на Савелово. На одном конце маршрута привлекала Волга (а свою летнюю жизнь О.М. и Н.М. хотели бы организовать как дачную), а на другом – близость Савеловского вокзала к Марьиной Роще, где жил Харджиев.

Не было и никакой работы – даже переводной. Жить оставалось только на помощь друзей и подаяние знакомых. Деньги на это лето подарили братья Катаевы, Михоэлс, Яхонтов и Лозинский, давший сразу 500 рублей.

25 июня[2] распрощались с Москвой.

Вещи на Савеловский вокзал принесли братья, а с Верой Яковлевной они конспиративно попрощались на бульваре: «Здравствуйте, моя нелегальная теща!» – сказал ей О.М., прежде чем обнять и поцеловать.

Не раз и не два они еще будут приезжать сюда – останавливаясь то у Харджиева, то у Яхонтовых, то у Катаева, то у кого-то еще. А однажды съездят даже в Переделкино к Пастернаку.

Выберутся и в Ленинград – пусть всего и на две ночи. Остановились у Пуниных, повидали Эмиля Вениаминовича, отца, и Татьку, любимую племянницу, Стенича, Вольпе и даже Лозинского в Луге.

Но всякий раз – нелегально и с риском (отныне уже общим) быть задержанными за нарушение режима.

3

…Жилье в Кимрах они нашли в Савелово, правобережной

1 Там же. С. 234–235.

2 Для установления точной датировки служит единственная сохранившаяся телеграмма, отправленная – по-видимому, назавтра – из Савелово (см. документ № 6). Н.М., по памяти, датирует этот переезд началом июля.

части Кимр, некогда самостоятельном большом селе, давшим свое негромкое имя одному из московских вокзалов. В черту Кимр село было окончательно включено в 1934 году[1].

В собственно Кимрах они и не пробовали ничего искать. В точности следуя совету Галины фон Мекк селиться в любой дыре, но не отрываться от железной дороги («лишь бы слышать гудки…»), О.М. с самого начала делал «ставку» на правобережье. «*Железная дорога была как бы последней нитью, связывавшей нас с жизнью*»[2], а необходимость переправляться на пароме через Волгу[3] серьезно осложнила бы спонтанные поездки в Москву.

«Дачей» им послужил двухэтажный, на несколько квартир, дом Чусова с зеленой крышей на центральной савеловской улице[4]. Улица сохранилась до наших дней, а вот дом нет.

Конечно, не раз они переправлялись на пароме или на лодке на левый берег – в собственно Кимры, старый и облупленный город, гуляли по его центральной купеческой части, но чаще оставались на «своему» берегу: прогуливались вдоль реки, купались, ходили в жидковатый лес, до которого было рукой подать.

Лето 37-го выдалось жаркое, Волга и та обмелела. О.М. и Н.Я. часто можно было видеть у берега: река и тенистые улицы, спускавшиеся к ней, были настоящим спасением от зноя.

Другим аттракционом был пристанционный базар, где «*торговали ягодами, молоком и крупой, а мера была одна –*

---

1 Процесс вхождения Савелово в состав Кимр начался в 1920-е гг. и завершился в августе 1934 г.: «ВЦИК постановил: “Включить в черту города Кимры Кимрского района Московской области следующие селения поименованного района с сельскохозяйственными землями: Чернигово, Березниково и Конюхино – по левую сторону р. Волги; Старое и Новое Савелово, Шиково, Крастуново, выселки близ переправы, пристани и у шоссе, поселок при станции Савелово Северной железной дороги и земли специального назначения, занятые промышленными предприятиями с правой стороны» (За коммунистический труд. Кимры. 1984. 18 авг.; Собрание узаконений и распоряжения Рабоче-крестьянского правительства РСФСР 20 августа 1934 г., № 31, ст. 185, с. 246). Этой деталью мы обязаны В. Коркунову, в лице которого Кимры нашли заступника и борца за законный приоритет Кимр на стихи, написанные О.М. в Савелово (см.: Коркунов В. «Пароходик с петухами» (О пребывании Осипа Мандельштама в Кимрах) // Знамя. 2009. № 2. С. 153–158).

2 Мандельштам Н. Воспоминания. 1999. С. 351.

3 Современный мост через Волгу был построен в Кимрах лишь в 1978 г.

4 Установить ее название пока не удалось.

стакан. Мы ходили в чайную на базарной площади и просматривали там газету. Называлась чайная “Эхо инвалидов”[1] *– нас так развеселило это название, что я запомнила его на всю жизнь. Чайная освещалась коптящей керосиновой лампой, а дома мы жгли свечу, но О.М. при таком освещении читать не мог из-за глаз. ‹…› Да и книг мы с собой почти не взяли…*»[2]

На кимрскую сторону их перевозил бакенщик по фамилии Фирсов, у которого они еще и покупали рыбу. Домик самого бакенщика находился всего в тридцати метрах от электростанции, расположенной в Вознесенской части Кимр. И примерно там же (а точнее – в доме № 5 по ул. Пушкина) проживала тетя одного девятилетнего савеловского мальчика, Юры Стогова[3], – он-то и видел, а главное, хорошо запомнил О.М.

Его тетя как-то услышала – от подруги-учительницы, а та в свою очередь от заведующего гороно Тулицына – про приезд в Кимры О.М. Узнав его на улице, она произнесла при племяннике это необычное и потому врезавшееся в его память имя, а вскоре из окна теткиного дома он увидел и самого поэта.

Окно тогда было тем же, чем сейчас является телевизор, и однажды в нем «показали» следующую «картинку»: по улице не спеша шла необычная троица – полный мужчина в парусиновых брюках и в рубашке-кавказке с частыми пуговицами, женщина в белом платье и в легкой вязаной шляпке на голове. Третий же, Мандельштам, как бы в противовес был в темных брюках, мало разговаривал, но казался серьезным и сосредоточенным. Двое первых, судя по всему, это Владимир Яхонтов и Лиля Попова. Они остановились в тенистом местечке возле электростанции и долго беседовали.

---

1 В. Коркунов слегка поправляет Н.М.: настоящее название чайной – «Эхо», а промартель инвалидов была ее корпоративным хозяиом.

2 Мандельштам Н. Воспоминания. 1999. С. 350.

3 Ныне кимрский старожил – Юрий Георгиевич Стогов (1930 – 2011). См.: Ефремов П. Поиск продолжается // За коммунистический труд. Кимры. 1991. 12 марта.

Юра набрался смелости и подошел к ним поближе. Один (О.М.) был всё время грустным и задумчивым, другой же, напротив, без умолку балагурил. Заметив восхищенный мальчишеский взгляд, обращенный к женщине, «балагур» сказал: «Вот у Вас еще один поклонник появился».

Это савеловское лето – с частыми наездами в Москву, с влюбленностью в Лилю Попову и адресованными ей и не только ей стихами[1], с приездами время от времени друзей (Наташи Штемпель, Яхонтова и Поповой), – было сравнительно благополучным и не то чтобы беззаботным, но каким-то бодрым и обнадеживающим. Раскаты Большого Террора, уже вовсю громыхавшего в столицах и промышленных центрах, как бы не доносились до кимрской глуши, и только газеты в чайной не давали расслабиться.

Н.М. вспоминает некую устроенную для О.М. Лахути командировку на канал Москва-Волга и даже написанный по ее впечатлениям «канальский» стишок, уничтоженный ею самой в Ташкенте – с благословения А.А.

Понятно, что такая командировка не была долгой, а скорее всего и вообще однодневной. А раз так, то наиболее вероятными ее датами могли быть или самое начало июля, или почти весь август. и к ним, по слову Шиварова, в свое время планировалось присоеднить и самого О.М.

Еще в мае О.М. бомбардировал Союз Писателей письмами и звонками с предложениями своего поэтического вечера. Идея читки весьма понравилась все тому же Лахути – более того, она показалась ему спасительной. «*Да знаю ли я что-нибудь о Лахути, кроме того, что он был приветлив и внимателен? Ровно ничего… Но в той озверелой обстановке его приветливость казалась чудом. Самостоятельно решить вопрос о вечере ни Ставский, ни Лахути не могли. Всё решалось наверху. Мы ждали в Савёлове разрешения этого*

1 Из написанных тогда стихов почти всё пропало при аресте – лишь несколько уцелело в архивах Рудакова и Поповой.

вопроса государственной важности и изредка наведывались в Союз, чтобы узнать мнение по этому поводу высших инстанций.

<...> Вечер всё не назначался. Наконец позвонили из Союза Евгению Яковлевичу. У него спросили, как найти Мандельштама и можно ли немедленно сообщить ему, что вечер назначен на следующий день. Телеграф работал как ему заблагорассудится, и Женя не решился довериться на его милость. Он бросился на вокзал и последним поездом приехал к нам в Савёлово. В ту минуту он, наверное, тоже поверил в стихи и вечер.

На следующий день мы отправились в Москву и в назначенный час пришли в Союз. Секретарши еще сидели на своих местах, но про вечер никто ничего не знал: кажется, что-то слышали, а что именно, не помним... В клубе все комнаты были закрыты. Никаких объявлений мы не нашли.

Оставалось только узнать, рассылались ли повестки. Шкловский не получил, но он посоветовал позвонить кому-нибудь из поэтов – приглашения часто рассылались только членам секций. У нас под рукой был телефон Асеева. О. М. позвонил ему и спросил, получил ли он повестку, и, побледнев, повесил трубку. Асеев ответил, что как будто что-то мельком слышал, но что разговаривать он не может: занят, торопится в Большой театр на «Снегурочку»... К другим поэтам О. М. звонить не рискнул.

Загадку вечера мы так и не разгадали. Звонили действительно из Союза, но кто – неизвестно. Быть может, отдел кадров, потому что секретарши, обычно занимающиеся этими делами, никаких распоряжений не получали, хотя что-то смутно слышали. Если ж это был отдел кадров, то зачем ему понадобился Мандельштам? У нас мелькнуло предположение, что О. М. выманили из Савёлова, чтобы его арестовать, но не успели получить санкции какого-нибудь начальства, может, самого Сталина, поскольку в прошлом деле имелись его распоряжения. Для

облегчения работы перегруженных чекистов людей не раз вызывали в какое-нибудь учреждение, чтобы оттуда отправить на Лубянку. Рассказы о таких случаях ходили во множестве. Гадать, что к чему, не имело смысла: не стоит себя преждевременно хоронить. Мы вернулись в Савёлово и снова сделали вид, будто мы дачники»[1]

Но «Снегурочка» действительно шла в этот день в Большом и повестки действительно рассылались А. Сурковым! В архиве А.Е.Крученыха даже сохранился экземпляр, посланный, в частности, И.Уткину[2]. Уткин числился по секции поэтов, но повестку, похоже, получили и прозаики, по крайней мере Пришвин. 16 октября 1937 года он записал в дневнике: «*Встретился Мандельштам с женой (конечно) и сказал, что* ***не обижается***». И затем – загадочная приписка: *И не на кого обижаться: сами обидчики обижены*»[3]

Загадочная фраза, но явно относящаяся к разгильдяйскому – или хорошо организованному? – конфузу вчерашнего дня, точнее, вечера с несостоявшейся читкой стихов.

Может быть, Союз хотел показать Мандельштаму, насколько не востребованы другими его новые стихи и он сам?

Но почему же тогда не было ни Суркова, ни даже Лахути? …

Документы

‹1›
Письмо Ответственного секретаря Правления ССП СССР В.П. Ставского Н.Я.Мандельштам с просьбой предоставить одну из комнат ее квартиры во временное пользование Н.К.Костареву.

1 Мандельштам Н.Я. Воспоминания. 1999. С. 362.
2 См. документ № 9 в настоящем разделе.
3 Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. СПб.: Росток, 2010. С.771.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Москва, ул. Воровского, д.52 Тел. 3-36-32
Правление

№ 09 29 марта 1936 г.

Надежде Яковлевне МАНДЕЛЬШТАМ

Правление ССП СССР просит Вас предоставить во временное пользование одну из комнат Вашей квартиры – писателю тов. КОСТАРЕВУ Н.К. – сроком 8-9 месяцев.

Отв. Секретарь
Правления ССП СССР (СТАВСКИЙ)

РГАЛИ. Ф.1893. Оп.3. Д.79 (предварительная нумерация). Л.1. Письмо на бланке ССП СССР. Оригинал.

‹2›

Расписка Н.К.Костарева с обязательством освободить комнату в случае досрочного возвращения О.Э.Мандельштама в Москву.

Обязуюсь – в случае возвращения тов. О.Э.Мандельштама в Москву в свою квартиру по ул. Фурманова 5, кв. 26 – освободить раньше означенного в отношении Союза ССП от 29.III – срока, при условии предупреждения за три недели (21 день)

Ник. Костарев
30.III.36 г.
Москва

РГАЛИ. Ф.1893. Оп.3. Д.79 (предварительная нумерация). Л.2. Автограф Н.К.Костарева, черные чернила.

‹3›
Медицинская справка от 25 мая 1937 года с предписанием О.Э. Мандельштаму постельного режима на один–два дня

Союз Советских Писателей
Литературный Фонд Союза ССР
(ЛИТФОНД)
Отдел *санатор‹ный›*
25 мая 193*7*
№ СО/12
Москва, Тверской бульвар, д. № 25
Тел. 1-20-63, 1-81-80

СПРАВКА

Дана гр. Мандельштаму Иосифу в том, что ему была оказана медицинская помощь в помещении Литературного института (Тверской бул., 25) по поводу сердечного припадка. По состоянию его здоровья ему показан абсолютный покой в продолжении 1–2-х дней.

Руководитель группы: И. Рубин
Врач-консультант: Разумова[1]

АМ. Короб 4. Папка 11.

‹4›
Листок о нетрудоспособности О.Э. Мандельштама, с 26

1 Подпись неразборчивая, но точное имя известно из кн.: Мандельштам Н.Я. Воспоминания. 1999. С. 346.

мая по 23 июня 1937 года

Форма № 1

ЛИСТОК О НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ № 26316

ПОЛИКЛИНИКА ИМ. ПРОФ. СНЕГИРЕВА

Выдан: *26.V.* 1937

Фамилия нетрудоспособного: *Мандельштам*

Имя и отчество: *Осип Емильевич*

Год рождения: *47*

Диагноз: *Артер‹иальный› сардосклероз*

Сердечная слабость

Гриппозное состояние

Режим: *полный покой, постельный режим*

Освобождение от работы:

С какого числа *26.V* по какое число *Двадцать девятое мая*

С какого числа *30.V* по какое число *Второе июня*

С какого числа *3.VI* по какое число *Пятое июня*

С какого числа *6.VI* по какое число *Восьмое июня*

С какого числа *9.VI* по какое число *Тринадцатое июня*

С какого числа *14.VI* по какое число *Шестнадцатое июня*

С какого числа *17.VI* по какое число *Девятнадцатое июня*

С какого числа *20.VI* по какое число *Двадцать третье июня*

АМ. Короб 4. Папка 10. **Подпись врача неразборчивая, но всюду одна и та же; имеется также надпечатка на подписи:**

«Консультант экспертизы нетрудоспособности».

‹5›
Письмо О.Э. и А.Э. Мандельштамов Э.В. Мандельштаму [10 июня 1937 г.]

Дорогой папочка!

Я в Москве всё время болел. Сердце ослабело. Сейчас лучше. Меня собираются лечить. Союз Сов‹етских› Писателей предложил мне помощь. Назначена в Союзе читка моих новых стихов[1]. Настроение хорошее. Очень хочется работать. Для этого у меня хватит сил. Скоро выедем за город. Страшно хочу тебя видеть. При первой возможности выпишу тебя к нам. Горячо целую тебя и детей. Тане и Жене – привет.

Ося

Целую крепко. 15/VI вышлю деньги. Жду писем.

Твой Шура

Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 198.

‹6›
Письмо О.Э. Мандельштама В. П. Ставскому, ‹июнь 1937 г.›

Уважаемый тов. Ставский!

1 Читка не состоялась.

Вынужден вам сообщить, что на запрос о моем здоровьи вы получили от аппарата Литфонда неверные сведения.

Характеристика: «средне-тяжелый хронический больной» не передает состояния. По существу это значит «не безнадежный» – и только.

Эти сведения резко противоречат письменным справкам пяти врачей от Литфонда и районной городской амбулатории.

Прилагаю подлинные документы и ставлю вопрос: хочу жить и работать; стоит ли сделать минимум реального для моего восстановления?

Если не теперь – то когда?

О. Мандельштам

P. S.

Фактически по медицинской линии Литфонда произошло следующее: меня обследовали (в течение трех недель), причем врачи нашли тяжело больным и – постановили воздержаться от лечебной помощи.

Даже ряд исследований, предписанных проф‹ессором› Роменковой (терапевт), не был произведен. Окончательный диагноз не поставлен. Меры к лечению не указаны. В лечебной помощи отказано.

Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С.197.

‹7›
Письмо О.Э. Мандельштама В.П. Ставскому(?) ‹июнь 1937 г.›

По заключению городской районной амбулатории необходимо помещение немедленно в нервный санаторий.

Ни одно из исследований, предписанных проф. Роменковой от Литфонда, не сделано.

Сердце ослабело. Задыхаюсь. Держится температура. Растет психическое возбуждение. Боюсь один ходить и физически не могу. Прилагаю бумаги присланных вами врачей.

Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 197.

‹8›

Телеграмма О.Э. Мандельштама Е.Е. Поповой
[26 июня] ‹1937 г.›

ДОРОГА ЛЕГКАЯ КОРОТКАЯ СЛУШАЛ ЩЕЛКУНЧИКА[1] СМОТРЕЛ ВОЛГУ МОСКВУ БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ ЯХОНТОВУ = МАНДЕЛЬШТАМ

Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 198.

‹9›

Повестка о поэтическом вечере О.Э. Мандельштама в Союзе Писателей СССР
‹разослана через курьеров 14 октября 1937 г.›

<Надпись на конверте: «В<весьма> срочно. С курьером»>

1 По всей видимости, имеется в виду радиотрансляция музыки балета П.И. Чайковского «Щелкунчик».

Тов. Уткину!

Уважаемый товарищ!

15-го октября в 6 часов вечера в помещении Союза Советских писателей состоится читка стихов Осипа Мандельштама, на которой просьба присутствовать.

Секретарь бюро секции поэтов – Сурков.

РГАЛИ. Ф.1334. Оп. 1. Д.557.

В. Яхонтов (ГЛМ)

Московский областной отдел здравоохранения при Мособлисполкоме, санаторий «Саматиха» (1938): Общественный ремонт здоровья, или отдых в мышеловке

1

Двухэтажный дом Чусова был, вероятно, теплым и вполне пригодным для зимнего жилья. Но оставаться на зиму в Савелово оказалось, видимо, по каким-то причинам нельзя, и во второй половине октября вопрос о местожительстве встал

заново и с не меньшей остротой.

Аркадий Штейнберг, в то время сам сидевший в лагере, позднее рассказывал, что Мандельштамы заходили к нему домой и расспрашивали его мать о Тарусе. Ездили они и в Малый Ярославец к Надежде Бруни – жене Николая Александровича Бруни, «отца Бруни» из «Египетской марки», тоже арестованного. В этот неосвещенный, непролазный в дожди город они приехали поздно вечером – ни фонарей, ни прохожих; на стук в окна – искаженные страхом лица: оказалось, что в последние недели город накрыла волна арестов, и наутро Мандельштамы в ужасе бежали в Москву из такого «пристанища»[1].

Поздней осенью 1937 года Мандельштамы поселились в Калинине – с легкой руки Исаака Бабеля, сказавшего: «Поезжайте в Калинин, там Эрдман, – его любят старушки…»

Надежда Яковлевна потом вспоминала, как Николай Эрдман, сам живший в маленькой узкой комнатке, где помещались только койка и столик, помогал им устроиться:

> *Когда мы пришли, он лежал – там можно было только лежать или сидеть на единственном стуле. Он немедленно отряхнулся и повел нас на окраину, где иногда в деревянных собственных домах сдавались комнаты. Навещал он нас довольно часто…*[2]

Приехали Мандельштамы, вероятно, 5 ноября, ибо 6-го они уже в Калинине были. Остановившись в лучшей тверской гостинице «Селигер»[3], первым делом – оба-сами – написали

---

1 Впрочем, Н.М. еще раз попытает счастья в Малоярославце – в феврале–марте 1939 года, но уже будучи одной.

2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 382. Эрдман поселился в Калинине в конце 1936 г., после окончания срока ссылки в Енисейск и Томск (см.: Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С.293-294). Калининский адрес Н. Эрдмана – Солодовая ул., 15, кв.1 (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 244. Л. 158).

3 Гостиница «Селигер» и сейчас находится там же, что и в 1937 г.: по ул. Советской, 52. Ее здание, построенное в середине 1930-х гг. на месте разрушенной Владимирской церкви, чудом уцелело в войну.

по письму Кузину[1], сложили в общий конверт и отнесли на почту[2]. Письмо О.М. вполне себе бодрое, даже радостное, он не жалуется, а как бы отчитывается за всё время отсутствия вестей друг о друге:

> *Жизнь гораздо сложнее. Много было трудностей, болезней, работы. Хорошего было больше чем плохого. Написана новая книга стихов. Сейчас мною занялся Союз Писателей: вопрос об этой книге и обо мне поставлен, обсуждается, решается. Кажется, назревает в какой-то степени положительное решение.*

И дальше о музыке – между Кузиным и О.М. было принято обмениваться музыкальными впечатлениями: «*Он достиг высшей простоты. Его принимали холодно*». Кончается письмо так: «*Хочу вас видеть и если не вы, то я – когда-нибудь да приеду. Мы легки на подъем*»[3].

К 17 ноября 1937 года вопрос с квартирой, а стало быть, и с местом постоянного проживания решился. О.М. и Н.М. прописались в Калинине, в доме П.Ф. Травникова по адресу: 3-я Никитинская ул., 43.

В тот раз Мандельштамам повезло. Узнав их голоса, из одного дома вышел жилец, ленинградец, бывший литературный секретарь П.Е. Щеголева[4], и его хозяйка, поняв, что наниматели не проходимцы, сразу же сдала им комнату в своей пятистенке.

Надежда Яковлевна Мандельштам, посвятив хозяйке и ее семье отдельную главку в первой книге воспоминаний («Последняя идиллия»), назвала лишь ее имя и отчество –

1 Накануне, в Москве, эти письма перекрестились с долгожданным письмом от Кузина из Шортанды, куда он был сослан.

2 А Надежда Яковлевна в тот же день послала в Шортанды вдогонку и еще одно письмо!

3 «Сохрани мою речь…» Вып. 4. М.: РГГУ, 2008. С. 79–80 (публ. П. Нерлера; оригинал – в собрании Н.И. Харджиева и Л.В. Чаги в Отделе рукописей Амстердамского городского музея).

4 Личность его до сих пор не установлена. Е.М. Аренс вспоминала в 1983 г., что это был неофициальный секретарь Щеголева по «лермонтовским» делам.

Татьяна Васильевна, а заодно и профессию ее мужа – рабочий-металлург. Но из различных «дел Мандельштама» мы узнаем и всё остальное: их фамилию – Травниковы, имя хозяина – Павел Федорович и их точный адрес (дополнительным ориентиром может служить и маршрут, которым Мандельштамы добирались до дома с вокзала – по мостам через Волгу и Тьмаку, ее приток) и даже сроки их проживания (точнее, прописки) у Травниковых – с 17 ноября 1937 года по 10 марта 1938 года, после чего О.М. «*со всем своим семейством из г. Калинина выехал на постоянное место жительства в г. Москву*».

Сначала Мандельштамы поселились, по-видимому, в отдельной комнате, может быть, на утепленной террасе. Но там было все-таки очень холодно, и со временем (наверное, еще в ноябре) они переместились на теплую половину дома. В этот день они написали Кузину:

Дорогой Борис Сергеевич!

‹…› Вы хорошо, даже соблазнительно описываете свое житье. Зависть берет. Да.

А у нас? На стенах эрмитажные фото: Рюисдаль, Рубенс, Рембрандт, Тенирс, Брейгель, Madonna litta, Madonna benna, а также рядком как лубки: в красках извозчик Монэ, девушка в кафэ Ренуара и мужчина Сезана. Всё это приколото иголками и патефонными булавками.

Сегодня мы переезжаем на теплую половину дома, под защиту бревенчатой стены. Ход через хозяев. Между нами и стариками также неполная перегородка. Это выйдет много спокойнее. Тверской говор радует слух. И в Воронеже я много слушал живую речь. Особенно женщины приятно говорят по-русски. Но здесь, в Калинине – настоящая академия живого языка, гибкого,

оборотистого, в меру жесткого.

Испанским я занимался. В Воронеже отличные книжные фонды в Университете. Читал Сида (великолепно), романтиков в изд‹ании› бр‹атьев› Гримм и многотомную коллекцию кастальских классиков.

Однако не узнал кастильских форм на винной этикетке (Castel de Romey) – белое сухое вино и был посрамлен Львом Никулиным.

Несмотря на болезнь, я пью легко и охотно. Вот увидите, когда встретимся. Книга моя будет для вас большой неожиданностью. Более характерное на днях пришлю. Сейчас мои стихи читает Ставский. Жду оценки. Сейчас не работаю. Стариной заниматься не хочу. Хочу двигать язык, учиться и вообще быть с людьми: учиться у них.

Пожалуйста, не скрывайте своей болезни. T.b.c. так легко не проходит. Вы живете в очень вредном для вас климате. Не поговорить ли с кем-нибудь о новой работе, где-нибудь в средней полосе?

Сейчас же на это ответьте. До свиданья.

Жму руку. Ваш О.М.[1]

Мужчины – хозяин и постоялец – вскоре подружились, а О.М. раздобыл пластинки (Баха, Дворжака, Мусоргского, итальянцев). По вечерам устраивались концерты, Татьяна Васильевна ставила самовар и угощала всех чаем с вареньем, а Осип Эмильевич всё норовил заварить чай сам, по-своему, и изо дня в день упорно просматривал «Правду», на которую был подписан хозяин. Уже одним своим видом газета, именно тогда и попавшая в мандельштамовскме стихи, будоражила воспоминания о том, что впоследствии назовут Большим

1 Там же. С. 80–81.

террором:

Вот «Правды» первая страница
Вот с приговором полоса…

Не раз и не два, вспоминала Надежда Яковлевна, О.М., прочтя в газете что-нибудь новое – шельмующее или угрожающее – ронял: «Мы погибли!» А хозяева махали на него руками, и сердились: «Еще накликаете!.. Никуда не лезьте – и живы будете!»[1]

Калинин (Тверь) побывал под оккупацией, и неудивительно, что пятистенка Травниковых не сохранилась. Однако и здесь образ ссыльного поэта запечатлелся в памяти ребенка яркой картинкой[2]. Взрослые тогда всех ссыльных называли «троцкистами», а О.М. и того красочней – «ушастый троцкист». Двенадцатилетней девочке очень хотелось пройтись с ним рядом, может быть даже заговорить, но она всё не решалась. Но однажды разговор все-таки состоялся. Прощаясь, О.М. прочитал девочке стихи – не свои, а Блока, и это всё стало для нее событием-воспоминанием на всю жизнь.

Кроме Эрдмана и секретаря Щеголева, в Калинине была еще одна знакомая душа, причем весьма давняя (еще с 1923 года) – Елена Михайловна Аренс. Выйдя замуж за дипломата, она пожила и в Америке, и в Италии, но пришел черед отправиться и в Калинин – на правах ссыльной. Рассказывая в апреле 1983 года о калининском житье-бытье, она вспоминала необычайно живые, умные и веселые глаза Осипа Эмильевича, ласково называвшего жену: «моя нищенка». Елена Михайловна изредка навещала Мандельштамов, но чаще они заходили к ней, и это было лучше, поскольку в ее

---

1 После ареста О.М. в Саматихе, Н.М. приезжала к Травниковым в начале мая 1938 г. и забрала корзину с архивом О.М. Она опередила сотрудников областного управления НКВД Недобожина-Жарова и Пука, побывавших у Травниковых с безрезультатным обыском только 28 мая 1938 г.

2 Колкер М. «Ушастый троцкист» // «Сохрани мою речь…» Вып. 4. М.: РГГУ, 2008. С. 167–169.

доме почти всегда было чем угостить поэта и его «нищенку».

Несколько раз к Мандельштамам приезжали близкие люди: Евгений Яковлевич, брат Надежды Яковлевны и, конечно же, «ясная Наташа» – Наталья Евгеньевна Штемпель, гостившая у них несколько дней на зимних каникулах. Ей запомнились «*занесенные снегом улицы, большие сугробы, опять почти пустая холодноватая комната без намека на уют. У обитателей этой комнаты, очевидно, не было ощущения оседлости. Жилье и местожительство воспринимались как временные, случайные. Не было и денег – ни на что, кроме еды*».[1]

2

…Новый, 1938-й год начинался трудно, скверно, грозно.

В самом его начале – разгром Государственного театра имени В.Э. Мейерольда: 8 января в «Правде» появился приказ Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР о его ликвидации[2]. О.М. узнал эту новость, что называется, из первых рук – именно 8 января он ночевал у Мейерхольда. Приехал же он в столицу скорее всего за денежным пособием, выделенным ему Союзом писателей. Но и пособие ничего бы не поменяло: становилось понятно, чем всё это пахнет.

21 января 1938 года Надежда Яковлевна писала Б.С. Кузину: «*Я всё жду, чтобы Ося написал вам, но он как-то так съежился, что даже письма написать не может*»[3].

Действительно, переписка О.М. за этот год крайне скудна: письмо В.П. Ставскому, несколько писем Б.С. Кузину, письмо из Саматихи отцу и последнее – лагерное – письмо брату.

Первое из сохранившихся писем Кузину датировано 26

---

1 Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // Осип Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. Фотоальбом. Стихи: К 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама. М., 2008. С. 16.

2 Соответствующее постановление датируется 7 января 1938 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 269. Л. 4 – разыскано М.В. Соколовой). Отметим свидетельство Мирель Яковлевны Шагинян – дочери М.С. Шагинян. Зимой 1937/38 гг. в московской квартире Мейерхольдов она застала Мандельштама, видимо, ночевавшего здесь и передавшего ее матери привет. Более точной даты она не помнит, но помнит, что Мейерхольд был уже в опале (записано нами 16 мая 1987 г.).

3 Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 132 (публ. М. Давыдова и А. Огурцова).

февраля:

Дорогой Борис Сергеевич!

Хочу написать вам настоящее письмо – и не могу. Всё на ходу. Устал. Всё жду чего-то. Не гневайтесь. Пишите сами и простите мою немоту. Очень устал. Это пройдет. Скучаю по вас.

О.М.[1]

С приходом весны атмосфера в стране не только не очистилась, но стала еще тревожней, еще наэлектризованней. Гроза же грянула 2 марта, с началом процесса над группой Бухарина–Рыкова (закончился 13 марта), давшем толчок новой волне репрессий – теперь уже бериевских. Одновременно грозовая туча нависла и на внешнеполитическом горизонте: 11 марта Гитлер вошел в Австрию, преподав Европе короткий и ясный урок «кройки и шитья» ее географической карты.

С началом бухаринского процесса, связь которого со всеми последующими событиями непросто отрицать, совпал и последний нелегальный приезд Мандельштамов в Ленинград в начале марта.

Прозаическая цель визита – собрать по знакомым хоть сколько-нибудь денег на дальнейшую жизнь. Но на этот раз хлопоты оказались пустыми: из тех, кого еще не арестовали, никто и ничего не сумел или не захотел дать.

Именно тогда – между 3 и 5 марта – Ахматова и О.М. увиделись в последний раз. Надежда Яковлевна вспоминала:

Утром мы зашли к Анне Андреевне, и она прочла О.М. обращенные к нему стихи про

1 Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1997. Т. 4. С. 198.

> *поэтов, воспевающих европейскую столицу… Больше они не виделись: мы условились встретиться у Лозинского, но нам пришлось сразу от него уйти. Она уже нас не застала, а потом мы уехали, не ночуя, успев в последнюю минуту проститься с ней по телефону.*[1]

По телефону… К этому приезду уже начали сбываться самые мрачные пророчества О.М. о «мертвецов голосах» и о «гостях дорогих». Лившицу, Стеничу, Выгодскому – одним из самых близких ему людей – было уже не позвонить. Всех их арестовали – кого осенью, кого зимой…

С Беном Лившицем не удалось проститься и в предыдущий приезд – летом 1937 года. На ранний, с вокзала, звонок Тата (Екатерина Константиновна) Лившиц мужа будить не стала, за что потом была жестоко отругана – весь день Бенедикт Константинович просидел у телефона, словно догадывался или предчувствовал, что этот их тысяча первый за жизнь разговор, если бы он состоялся, был бы последним.

Но О.М. так и не позвонил[2].

3

Около 6 марта О.М. и Н.М. вернулись в Калинин, быстро-быстро собрались и, после очень трогательного расставания с Травниковыми, выписавшись и оставив у них корзинку с архивом, уехали через Москву в Саматиху.

В Москве они задержались на один или два дня, ночевали у Харджиева[3]. Там, вероятно, с ними и повидался Борис Лапин, подаривший О.М. том Шевченко[4].

Чем же были заполнены эти дни?

---

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 378.

2 Екатерина Константиновна, и в старости не склонная к сентиментальности, рассказывая это, словно заново переживала свою невольную «вину» и не сдерживала слез. Ведь до ареста ее «благоразумного» мужа оставались тогда считанные месяцы!

3 Герштейн, 1999. С. 71.

4 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 423.

Посещением музеев и хождением по начальству. Несомненно, О.М. не удержался и забежал к своим «импрессионистам» на Волхонку. Посетил он и друзей-художников. Во-первых, Осмеркина, который, возможно, именно тогда и сделал свои знаменитые карандашные наброски – последние портреты поэта «с натуры», уже по этому одному могущие идти на правах его посмертной маски[1]. Во-вторых, Тышлера, которого, как пишет Н.М., он «*оценил очень рано, увидав на первой выставке ОСТа серию рисунков "Директор погоды"... "Ты не знаешь, какой твой Тышлер", – сказал он мне, приехав в Ялту. В последний раз он был у Тышлера и смотрел его вещи перед самым концом – в марте 38 года*»[2].

Но больше всего времени ушло всё же на начальство. В прошлый приезд О.М. в Москву его принял Ставский и *«предложил поехать в "здравницу", чтобы мы там отсиделись, пока не решится вопрос с работой»*[3] . Встретился он со Ставским и на этот раз, и снова встреча воодушевила О.М. Через пару дней, 10 марта, он писал уже из Саматихи Кузину:

«Общественный ремонт здоровья» – значит, от меня чего-то доброго ждут, верят в меня.

---

1 О самих портретах, приведших ее в полный восторг, Э. Герштейн высказалась так: «Оба чрезвычайно похожи, но по-разному: отвергнутый – похожее внешне, а принятый – внутренне» (запись в дневнике П. Нерлера за 30 ноября 1983 г.). Сама по себе «дата», стоящая на рисунках («1/2–37»), была, по сообщению Герштейн, проставлена Галиной Георгиевной Осмеркиной, его третьей женой, гораздо позднее и явно взята «с потолка». В начале февраля 1937 г. О.М. был в Воронеже, а Осмеркин в Ленинграде, где оформлял какой-то спектакль. Какова же точная дата? Е.К. Осмеркина утверждала, что это не лето и не зима, поскольку О.М. и Н.М. снимали пальто. Но у них и не было шуб, так что исключать из этого интервала зиму было бы неправильно. Тогда остается всего две-три возможности для датировки. Первая – конец октября – начало ноября, перед отъездом в Калинин (5 ноября 1938 г.), вторая – во время пребывания в Калинине и третья – начало марта, между Калининым и Саматихой. От второго варианта приходится отказаться: Калинин не Савелово, Москва по времени чуть ли не вдвое дальше, и о поездках О.М. (да еще вместе с Н.М.) ничего не известно (единственное свидетельство такого рода – рассказ Мирели Шагинян о встрече с О.М. зимой 1937–1938 гг. в доме Мейерхольда, где О.М. ночевал, – весьма расплывчато по времени и не содержит указаний на Н.М.). Так что остается только две возможности, однако наверняка определиться и с ними скорее всего не удастся. Самое правильное – ставить двойную дату: «1937(1938?)». Сильную аргументацию в пользу осенней датировки дает С. Василенко, уверенно читающий дату как «1/X–37» и как написанную рукой О.М. (устное сообщение). В таком случае это должно или совпадать с одним из приездом О.М. в Москву из Савелово, или означать, что практически весь октябрь поэт провел в Москве, а это, с режимной точки зрения, маловероятно.

2 Там же. С. 262.

3 Там же. С. 418.

Этим я смущен и обрадован. Ставскому я говорил, что буду бороться в поэзии за музыку зиждущую. Во мне небывалое доверие ко всем подлинным участникам нашей жизни, и волна встречного доверия идет ко мне. Впереди еще очень много корявости и нелепости, – но ничего, ничего не страшно![1]

В этой эйфории О.М. упустил смысл встречи с другим писательским боссом – тем самым, что однажды привел к Катанянам Шиварова. Фадеев, однако, выполнил свое обещание и переговорил об О.М. наверху, с Андреевым. Разговору в кабинете Фадеев предпочел салон своей машины:

Он предложил отвезти нас куда нам надо, чтобы по дороге поговорить. Он сел рядом с шофером, а мы позади. Повернувшись к нам, он рассказал, что разговаривал с Андреевым, но ничего у него не вышло: тот решительно заявил, что ни о какой работе для О. М. не может быть и речи. «Наотрез», – сказал Фадеев. Он был смущен и огорчен.[2]

Уже это одно должно было насторожить О.М. – настолько это противоречило тому, чем им казались путевки в мещерское ателье по «ремонту здоровья». Вместо этого О. М. даже пробовал утешать Фадеева:

«Ничего, как-нибудь образуется»... В кармане у нас уже лежали путевки в Саматиху – дом отдыха, куда нас вдвоем на два месяца посылал Литфонд, по распоряжению Ставского.[3]

1 Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1997. Т. 4. С. 199.
2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 418.
3 Там же.

Услышав о санатории, Фадеев насторожился и, кажется, сразу же догадался обо всем, что это может значить:

> *...Он принял эту новость довольно раздраженно: «Путевки?.. Куда?.. Кто дал?.. Где это?.. Почему не в писательский дом?» О. М. объяснил: у Союза нет домов отдыха в разрешенной зоне, то есть за сто километров от режимных городов. «А Малеевка?» – спросил Фадеев. Мы понятия не имели ни о какой Малеевке, и Фадеев вдруг пошел на попятный: «Так домишко отдали Союзу... там, верно, ремонт...» О. М. выразил предположение, что сочли неудобным посылать в писательский дом до общего разрешения вопроса. Фадеев охотно это объяснение принял. Он был явно озабочен и огорчен. Сейчас, задним числом, я понимаю, что он думал: события, которых он ждал, приблизились, и он понял технику их осуществления. Самый закаленный человек не может глядеть этим вещам в глаза. А Фадеев был чувствителен.*
>
> *Машина остановилась в районе Китай-города. Что нам там понадобилось? Уж не там ли было управление санаториями, куда мы должны были сообщить о дне выезда, чтобы за нами выслали лошадей на станцию Черусти Муромской железной дороги. Оттуда до Саматихи было еще верст двадцать пять.*
>
> *Фадеев вышел из машины и на прощание расцеловал О. М. По возвращении О. М. обещал обязательно разыскать Фадеева. «Да, да, обязательно», – сказал Фадеев, и мы расстались. Нас смутил торжественный обряд прощания и таинственная мрачность и многозначительность*

Фадеева. Что с ним? Мало ли что могло быть с человеком в те годы: на каждого хватало бед… Ослепленные первой удачей за всю московскую жизнь – путевкой: Союз начал о нас заботиться! – мы даже не подумали, что мрачность Фадеева как-то связана с судьбой О. М. и с ответом Андреева, означавшим страшный приговор…[1]

Зато полным фиаско закончился поход О.М. в Госиздат за переводом. Редактор отдела западной литературы хотел дать ему перевести «Дневник» Эдмона и Жюля Гонкуров, на эту работу Мандельштамы всерьез рассчитывали как на единственный источник собственных средств. Но Луппол[2] отказал О.М. в этом счастье категорически и бесповоротно. Трудно сказать, вспомнил ли О.М. в этот момент о разговоре с Фадеевым, но он тотчас же, по горячим следам, написал Ставскому:

Уважаемый тов. Ставский!

Сейчас т. Луппол объявил мне, что никакой работы в Госиздате для меня в течение года нет и не предвидится.

Предложение, сделанное мне редактором, т‹аким› о‹бразом› снято, хотя Луппол подтвердил: «мы давно хотим издать эту книгу[3] *.*

Провал работы для меня очень тяжелый удар,

1 Там же. С. 418–419.

2 Луппол Иван Капитонович (1896–1943) – выпускник Института красной профессуры, воинствующий марксист–литературовед и обществовед, академик АН СССР (1939). Возглавлял Главнауку (1929-1933) и Институт мировой литературы АН СССР (1935-1941). На Первом съезде писателей в августе 1934 г. был избран членом правления СП СССР. На увиденную в газете фотографию Луппола и Жана-Ришара Блока, почтившего съезд своим присутствием, О.М. отозвался следующей эпиграммой: «Не надо римского мне купола / Или прекрасного далека, / Предпочитаю вид на Луппола / Под сенью Жан-Ришара Блока». В 1938 г. – главный редактор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ). В конце февраля 1941 г. был арестован (в писательском доме творчества «Сагурахи» под Тбилиси), а 8 июля 1941 г. приговорен к расстрелу и с 29 октября 1941 г. содержался в камере смертников Саратовской тюрьмы. После отмены в июле 1942 г. смертной казни был переведен в ИТЛ в Мордовию, где и умер 26 мая 1943 г.

3 «Дневник» братьев Гонкуров был издан на русском языке только в 1964 г.

т. к. снимает всякий смысл лечения. Впереди опять разруха. Жду Вашего содействия – ответа.

О. Мандельштам[1]

Машинописная копия этого письма сохранилась в переписке Правления ССП за 1938 год[2], причем в левом верхнем углу начертана резолюция Ставского: «*Т. Каш. Сохраните – Мандельштам*»[3].

Т. Каш. – это В.М. Кашинцева, заведующая секретариата ССП, а вот что значит сама резолюция «*Сохраните Мандельштама*»? То есть помогите ему, не дайте ему погибнуть? Или «*Сохраните – Мандельштам*», т. е. подколите к делу О.М.? Судя по результату, второе правдоподобнее.

Впрочем, О.М. и не подозревал об этой резолюции, как и не догадывался обо всем ее лицемерии.

4

А 8 или 9 марта он и Н.М. приехали в профсоюзную здравницу «Саматиха» треста по управлению курортами и санаториями Мособлздравотдела при Мособлисполкоме, в двадцати пяти верстах от железнодорожной станции Черусти, что за Шатурой, – настоящий медвежий угол[4].

…Когда-то здесь был лесозавод и усадьба Дашковых. Вековые корабельные сосны и сейчас поскрипывают над десятком бревенчатых зданий: война и пожары пощадили их. Зимой здесь отдыхало человек пятьдесят, летом же – до трехсот. В начале войны здесь был детский госпиталь, а с 1942 года и по сей день – Шатурская психиатрическая больница № 11. Добавился один рубленый корпус, кое-что

1 Мандельштам О. Собр. Соч. в 4-х тт. М., 1997. С. 199.

2 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 294. Л. 113.

3 Фамилия Мандельштам подчеркнута двумя чертами.

4 Путевки в эту профсоюзную здравницу и пособие на их приобретение были выданы Литфондом СССР 2 марта 1938 г. (см. протокол № 94: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 253. Л. 3 – разыскано М.В. Соколовой).

перестроено, а так – всё осталось по-старому, как при Дашкове или при О.М. Нет, правда, танцевальной веранды в «господском» доме, столовая с небольшой сценой перестроена под палаты, а там, где была баня и прачечная, теперь клуб, но никто уже и не помнит, где была избушка-читальня. Липовые аллеи сильно заросли, и не звучит уже в них хмельной аккордеон затейника Леонида; пересох и один из прудов, а на другом и в помине нет лодочной станции, – но всё как-то по-прежнему зыбуче, ненадежно и зловеще, словно нынешний профиль лечебницы обнажил что-то постыдно-сокровенное, молчаливо-угодливое, растворенное в таежном воздухе этой мещерской окраины. Не удивился бы, если б узнал, что судьба вновь заносила сюда бывших оперативников, бывших отдыхающих, бывших главврачей!..

Десятого марта – в день, когда в Ленинграде был арестован Лев Гумилев[1], – О.М. написал Кузину уже из Саматихи бодрое и оптимистичное письмо:

> *Дорогой Борис Сергеевич! Вчера я схватил бубен из реквизита Дома отдыха и, потрясая им и бия в него, плясал у себя в комнате: так на меня повлияла новая обстановка. «Имею право бить в бубен с бубенцами». В старой русской бане сосновая ванна. Глушь такая, что хочется определить широту и долготу.*[2]

Второе письмо из Саматихи Кузину – еще более оптимистично: знакомая прозаическая отточенность и цепкость фразы говорят о бодром и чуть ли не о рабочем настроении. Как бы то ни было, но ранней весной 1938 года, встав на лыжи и надышавшись сосновым воздухом Саматихи,

1 Разумов Я. Дела и допросы // «Я всем прощение дарую…». Ахматовский сборник. М.–СПб., 2006. С. 260–278.

2 Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1997. С. 199.

Осип Эмильевич вновь почувствовал себя молодым и даже ощутил «превращение энергии в другое качество».

Оттого-то и доверяешься той особенной мажорности, с какою пишутся редкие письма престарелым и не с тобою живущим родителям, – именно ею пропитано единственное письмо, посланное из Саматихи отцу 16 апреля:

Дорогой папочка!

Мы с Надей уже второй месяц в доме отдыха. На два месяца. Уедем отсюда в начале мая. Отправил сюда Союз Писателей (Литфонд). Перед отъездом я пытался получить работу, и ничего пока не вышло. Куда мы отсюда поедем – неизвестно. Но надо думать, что после такого внимания, после такой заботы о нас, придет и работа. Здесь очень простое, скромное и глухое место. 4½ часа по Казанской дороге. Потом 24 километра на лошадях. Мы приехали, еще снег лежал. Нас поместили в отдельный домик, где никто, кроме нас, не живет. А в главном доме такой шум, такой рев, пенье, топот и пляска, что мы бы не могли там выдержать: чуть-чуть не бросили и не вернулись в Москву. Так или иначе, мы получили глубокий отдых, покой на 2 месяца. Этого отдыха осталось еще 3 недели. Мое здоровье лучше. Только одышка да глаза ослабели. И очень тяжело без подходящего общества. Читаю мало: утомляюсь быстро от книг, и очки неудачные.

Надино здоровье неважно. У нее болезнь печени или желудка и что-то вроде сердечной астмы. Последняя новость – часто задыхается, и всё боли в животе. Много лежит. Придется ее исследовать в Москве.

У нас сейчас нет нигде никакого дома, и всё дальнейшее зависит от Союза Писателей. Уже целый год Союз не может решить принципиально: что делать с моими новыми стихами и на какие средства нам жить. Если я получу работу, мы поселимся на даче и будем жить семьей. Сейчас же приедешь ты, а еще возьмем Надину сестру Аню. Она очень больна. Квартиру в Москве мы теряем. Но главное: работа и быть вместе.

Крепко целую тебя. Горячо хочу видеть.

Твой Ося.

Жду немедленного ответа о твоем здоровье, самочувствии.

Остро тревожусь за тебя. Если не ответишь сразу – буду телеграфировать.

Сейчас же пиши о себе.

Лучше всего дай телеграмму: как здоровье.

Адрес мой: Ст. Кривандино Ленинской Ж. Д., пансионат Саматиха. Отвечай, сообщи о себе в тот же день.

И далее – приписка невестки: «*Целую вас… Пишите… Надя*»[1].

Да, действительно, Литфонд не только оплатил обе путевки в Саматиху, но и всячески озаботился тем, чтобы О.М. были «созданы условия» для отдыха (кто-то из Союза несколько раз звонил главному врачу, справлялся, как и что). Всё шло, пишет Надежда Яковлевна, как по маслу, без неувязок: и розвальни с овчинами на станции, и отдельная палата в общем доме, а затем, в апреле, – и вовсе изолированная изба-читальня, и лыжные прогулки, и предупредительный главврач[2]. Правда, в город съездить

1 Там же. С. 200–201. Из архива Е.Э. Мандельштама (собрание Е.П. Зенкевич). На конверте почтовые штемпели: «Пески Коробовского. 16.4.38» и «Ленинград. 18.4.38».

2 Еще до знакомства с материалами дела 1938 г. удалось установить его имя: Самуил Васильевич Фомичев

почему-то никак не удавалось, и О.М. даже однажды спросил: «А мы, часом, не попались в ловушку?» Спросил и тут же забыл, вернее, прогнал эту малоприятную догадку, благо под рукой были и Данте, и Хлебников, и Пушкин (однотомник под редакцией Томашевского), и даже подаренный Борисом Лапиным Шевченко.

Поговорить и правда было не с кем: отдыхающие были поглощены флиртом, один только затейник поначалу приставал к О.М. с карикатурными идеями насчет вечера стихов О.М.[1], – поэтому молодая барышня с «пятилетней судимостью», да еще «знакомая Каверина и Тынянова», легко втерлась к нему в доверие. Со временем стало ясно, что барышня, неожиданно уехавшая накануне Первомая, была «шпичкой» и находилась тут в служебной командировке; впрочем, и главврачу просто было велено О.М. не выпускать.

Итак, западня? Кошки–мышки?

Малоприятная догадка, кажется, подтверждалась…

Только вот что можно предпринять, сидя в западне?!.

И всё же О.М. не унывал: «Не всё ли равно? Ведь я им теперь не нужен. Это уже всё прошлое…»

Увы, он ошибался: Саматиха была западней…

5

Фадеев, как пишет Н.М., сразу же догадался о технологии грядущего ареста О.М. Но разве была эта технология так уж разработана и апробирована? Известны ли случаи, имеющие отдаленное сходство с мандельштамовской Саматихой?..

Да. 11 июля 1937 года в доме отдыха «Пуховичи» был арестован Изи (Исаак Давидович) Харик (1898–1937) из Минска, идишский белорусский поэт, председатель Еврейской

(сообщено А.Н. Бобель и М.Д. Юровой, бывшими работницами пансионата).

1 Ровно то, чего О.М. безуспешно добивался от Союза писателей летом и осенью!

Секции Союза писателей Белоруссии.

В июне 1937 года неожиданно щедрую, бесплатную путевку от Литфонда получил Бенедикт Лившиц – в Кисловодск, в санаторий «Красные камни». Правда, ему дали вернуться в Ленинград и арестовали спустя несколько месяцев – в ночь на 26 октября.

В конце феврале 1941 года в писательском доме творчества «Сагурахи» под Тбилиси был арестован уже упоминавшийся Иван Капитонович Луппол.

И вот 2 мая 1938 года в Саматихе арестовали Мандельштама.

Надежду Яковлевну продержали еще несколько дней в Саматихе, а 5 мая отпустили, выдав на руки следующую справку:

Документы

Справка о нахождении Н.Я. Мандельштам в доме отдыха в период с 8 марта по 5 мая 1938 года

Р.С.Ф.С.Р.
Трест по Управлению
Санаториями и Курортами
МООЗ при МОНК
Здравница «САМАТИХА»
___________________193
№ __________
Коробовского р-на Моск. обл.

СПРАВКА

Тов. *Мандельштам О.Э.*[1] находился на отдыхе

---

1 Так в справке.

в пансионате «САМАТИХА» с *8/III–38* по *6/V* включит‹ельно›.

ДИАГНОЗ: *Myocorditos chr‹onis›, gastritis chronis*[1] .

За Главврач*‹а›*: *Н. Ступин(?)*

Круглая печать Здравницы «Саматиха»

АМ. Короб 4. Папка 13.

В. Ставский (ГЛМ)

Главное управление государственной безопасности НКВД СССР (1938): «…прошу вас помочь решить этот вопрос об о. Мандельштаме»: следственное дело о. Мандельштама 1938 года

1

Сколько раз – по телефону, письменно и лично –

1 Хронический миокардит, хронический гастрит (лат).

обращался Осип Эмильевич за защитой и помощью к Ставскому! Владимир Петрович Ставский (Кирпичников), автор не самых громких повестей о коллективизации, редактор «Нового мира» и формальный преемник самого Горького на посту первого секретаря Союза писателей СССР, был одновременно поручителем за некоего Костарева (Костырева), незваного «квартиранта» О.М., «спланировавшего» таким образом из Приморья прямехонько в двухкомнатную квартиру 26 в Нащокинском переулке – в ту самую, что «тиха, как бумага» и «пустая, без всяких затей»… Это немаловажная, а может статься, и роковая для О.М. деталь, ибо за последующими действиями главного, по должности, писателя страны стоял не один только корпоративный интерес (навсегда избавить писателей от зловредного влияния О.М.), но еще и личный (потрафить другу молодости и навсегда избавить квартиру О.М. от зловредного присутствия хозяина).

О тесном контакте и несомненном «доверии», которым Костарев пользовался у органов, достаточно внятно говорит эпизод с «монтером» из ОГПУ, которого он привел в квартиру О.М. дабы продемонстрировать: хозяин не за 101-м километром, а тут, дома, в Москве, попивает чаек, – чем грубейшим образом попирает предписанный ему административный режим[1].

Еще более тесный контакт с органами имел сам Владимир Петрович.

И тем не менее в начале 1938 года кресло под Ставским закачалось. 20 января 1938 года А.К. Гладков записал в дневнике:

> *Говорят, что пошатнулось положение Ставского. Этот бездарный наглец, ставший каким-то образом во главе нашей литературы, наверно, уже не нужен сейчас, когда главная*

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 346–350.

чистка проведена. Его опалу можно поставить в связь с увольнением Керженцева и Шумяцкого.[1]

И еще через восемь дней: «*Пресса обрушилась на Ставского*»[2].

Частичное объяснение этому содержит письмо самого Ставского в Комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1937 года:

Сов. Секретно

Зам. председателя Комиссии партийного контроля
при ЦК ВКП(б)
тов. Шкирятову М.Ф.

В добавление к устному сообщению о том, как обсуждается заявление П. Рожкова против меня в Союзе Советских Писателей – сообщаю следующее:

– Партгруппа вместе с парткомом выделила комиссию для разбора заявления П. Рожкова и фактов, изложенных в нем.

В комиссию вошел и Феоктист Березовский, делом которого я занимался вместе с партколлегией по Московской области, по Вашему поручению. Это дело Вам известно (Березовский бегал от большевиков к меньшевикам, укрывал

1 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 79. Л. 11. Платон Михайлович Керженцев (Лебедев; 1881–1940) и Борис Захарович Шумяцкий (1886–1938) – руководители (председатель и зам. председателя) Комитета по делам искусств при СНК СССР. 18 января 1938 г. Шумяцкий, по совместительству начальник Главного управления кинопромышленности, был арестован (расстрелян 28 июля 1938 г.), а Керженцев 19 января 1938 г. был снят со своего поста.

2 Там же. Л. 14. Имеется в виду письмо Ал. Толстого, А. Фадеева, А. Корнейчука, В. Катаева и А. Караваевой в редакцию «Правды» о недостатках в работе Союза писателей, в котором, в частности, говорилось: «Длинная очередь в приемной ответственного секретаря Союза писателей тов. Ставского, – очередь молодых, пожилых, седых советских литераторов, месяцами не могущих попасть на прием. И – бесконечные бюрократические заседания (с резолюциями, стенограммами, протоколами, выписками из протоколов), заседания, преисполненные зеленой скуки и отрывающие писателей от непосредственной писательской работы» (Правда. 1938. 26 янв. С. 4).

службу сыновей у Колчака, поддерживал зятя – белого контрразведчика и т. д.). Березовский и раньше не скрывал своего резкого отношения ко мне.

Свою же работу в комиссии по разбору заявления П. Рожкова он начал с того, что огласил на комиссии заявление против меня из 16 пунктов. Это заявление до сих пор неизвестно ни партгруппе, ни мне.

Сегодня мне стало известно, что Феоктист Березовский[1] *собирает против меня материал и письменные показания даже за пределами Союза Сов‹етских› Писателей. – Он вызывает и ездит сам на квартиры к людям, ранее работавшим в аппарате Правления ССП и уволенным мною по совету из НКВД (капитана госбезопасности т. Журбенко) и за упущения и проступки по работе.*

Когда я спросил председательствующего в комиссии – зам. секретаря порткома т. Оськина – знает ли он об этом факте, т. Оськин подтвердил, что это – правда, и что Березовский уже передал показания одного из уволенных мной. ‹…›

С комприветом Вл. Ставский[2]

Тут особенно выразительна ссылка на уже знакомого нам капитана госбезопасности Журбенко, дающего Ставскому указания, кого увольнять, а кого нет!

За неделю до этого, 28 октября, Ставский записал в дневнике:

1 Березовский Феоктист Алексеевич (1877–1952) – советский прозаик, член ВКП(б) с 1904 г.
2 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 110. Л. 88.

С т. Л. Мехлисом

1. Не управляюсь. Осложняется дело заявленьями: 1) Рожкова, 2) Марченко, 3) Ляшкевича, 4) Кулагина. 5) Лахути. РК пересылает Шкирятову, а мне ни одного доклада в районе.

2. Комиссия – по предлож‹ению› Березовского – меньшевик[1] .

Защищаясь, Ставский не забывал и о своих текущих делах. Тем же днем датирована следующая запись: «*Костарев: вызвать*»[2]. Зачем занадобился Ставскому его старый кореш, можно понять из записи в дневнике назавтра:

О Мандельштаме: взять стихи и прочитать.
Павленко: Статья о «Перевале»[3] .

Видимо, у Ставского накопилась критическая масса писательских заступничеств за О.М. (а может быть, и доносов тоже), и он решил уделить этому вопросу какое-то время. Расспросив Костарева обо всем, что тот знал об О.М. на текущий момент, он устроил что-то вроде совещания с Сурковым и, возможно, Павленко по поводу О.М., для чего даже решил прочитать стихи последнего, на чем их автор громко настаивал еще с воронежских времен. Тогда-то, возможно, Ставский и передал Павленко сами стихи и попросил его написать «рецензию» на них. Несомненно, он проконсультировался, по обыкновению, и с капитаном Журбенко, выполнявшем при Ежове ту же роль, что и Агранов

---

1 Там же. Л. 62. Всего за четыре дня до этого, 24 октября, Ставского выдвинули в Совет национальностей: «Шифром. Грозный Обкомпарт Быковцу. Срочно телеграфьте шифром согласие с предложением выдвинуть кандидатом в депутаты в Совет национальностей от одного из ваших округов товарища Ставского писателя. Передаю по поручению ЦК ВКП(б) пр. 12/с –1818 рп. Маленков. № 234. 24/Х–37. 11.25» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 55. Л. 15).

2 РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 110. Л.

3 Там же. Л. 66.

при Ягоде.

И вот у такого человека бедный Осип Эмильевич ищет защиты и покровительства!?. У своего, без тени преувеличения, палача!?.

В конце биографической справки, составленной Н.М., перед отъездом в Саматиху стоит многозначительная запись: «Разговор со Ставским о казни»[1]. Возможно, это тот же самый разговор, о котором О.М. писал Кузину, возможно, другой. Важно лишь то, что к этому времени начальственное терпение Ставского лопнуло (сработали, видимо, и костаревские приятельские доносы и разговорчики, да и писательский шумок раздражал), и он окончательно решил продолжить этот «разговор о казни», – но в иных сферах.

Разговор, в сущности, был о казни О.М.[2]

Подозреваю, что все необходимые слова были произнесены (вероятней всего Журбенко) еще до того, как 16 марта 1938 года – спустя неделю после водворения О.М. в Саматихе и день в день с письмом самого О.М. отцу – главный писатель страны обратился к главному чекисту:

Уважаемый Николай Иванович[3]!

В части писательской среды весьма нервно обсуждается вопрос об Осипе МАНДЕЛЬШТАМЕ

Как известно – за похабные клеветнические стихи и антисоветскую агитацию Осип МАНДЕЛЬШТАМ был года три–четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки

1 Сообщено А.А. Морозовым.

2 Сам Ставский – этот молодой, в сущности, человек, ровесник века, распоряжавшийся и распорядившийся десятками, если не сотнями, писательских жизней, – и не подозревал и уж тем более не допускал мысли, что жить ему самому оставалось каких-нибудь пять с небольшим лет (он погиб на фронте)!

3 Ежов Николай Иванович (1895–1940). Образование: 1 класс начального училища, Петербург; курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) 1926–1927. В коммунистической партии с марта 1917 г. С 26 сентября 1936 г. по 25 декабря 1938 – нарком внутренних дел СССР в звании генерального комиссара государственной безопасности, с 23 января 1937 по 19 января 1939 г. – член Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, с 8 апреля 1938 г. по 9 апреля 1939 – нарком водного транспорта СССР. Арестован 10 апреля 1939 г., 4 февраля 1940 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу, расстрелян 6 февраля того же года. Не реабилитирован. Весной 1930 г. Мандельштам и Ежов одновременно отдыхали в правительственном санатории в Сухуме.

окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»).

Но на деле – он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом – литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него «страдальца» – гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин КАТАЕВ[1]*, И. ПРУТ*[2] *и другие литераторы, выступали остро.*

С целью разрядить обстановку – О. Мандельштаму была оказана материальная поддержка через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме.

Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабных клеветнических стихов о руководстве партии и всего советского народа. Вопрос – об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь.

За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности они не представляют, – по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться с ними (в частности, тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем).

Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об Осипе Мандельштаме.

С коммунистическим приветом.

В. Ставский[3]

---

1 Катаев Валентин Петрович (1897–1986) – писатель; один из немногих, кто после ареста и ссылки О.М. в 1934 г. поддерживал отношения с опальным поэтом.

2 Прут Иосиф Леонидович (1900–1996) – писатель, драматург и кинодраматург; в 1938 г. жил в Ленинграде; дружил с Е.Э. Мандельштамом, по просьбе которого поддерживал его старшего брата деньгами. Предположений о выступлениях или обращениях в поддержку Мандельштама И.Л. Прут и не подтверждал, и не опровергал.

3 Текст письма В.П. Ставского Н.И. Ежову и приложенный к нему отзыв П.А. Павленко были обнародованы В.А. Шенталинским в его статье «Улица Мандельштама» (Огонек. 1991. № 1. С. 20). Не приходится исключать

К просьбе этой приложено «экспертное заключение» многократно уже поминавшегося Петра Павленко, еще в 1934 году «интересовавшегося» О.М. – в лубянском кабинете следователя Николая Христофоровича Шиварова.

Чем Петр Андреевич Павленко и под какой фамилией занимался за границей в середине 20-х годов – никто толком не знает[1], как и то, что он, не будучи узником, делал тогда же или чуть ранее на Соловках (о них он очень любил рассказывать). Но в конце 20-х годов он уже и москвич, и писатель – абсолютный чемпион по застольным байкам, знакомец, а то и подающий надежды соавтор подчас таких приличных писателей как Платонов, Пильняк или Всеволод Иванов. В начале 30-х еще одна метаморфоза: всенепременный кореш любого начальства, он и сам стал литературным начальником. И если идет он на торжество к соседу-писателю по Переделкино (кстати, по будущей улице Павленко!), то дарит ему… «*крохотную книжечку – только что произнесенный по радио и уже опубликованный текст сталинской Конституции*»! Перво-наперво протягивает эту мерзятину сыну соседа, еще дошкольнику, и, дергая веком, «*внимательно смотрит*» – «*проверяет реакцию*»[2]. Что ж, за красивые глаза и за отменную прозу столько Сталинских премий не дают!

Что же пишет этот любознательный прозаик, талантливый провокатор и, по совместительству, соубийца О.М. в своей части коллективного доноса на поэта, озаглавленной «О стихах О. Мандельштама»?

и определенной обусловленности выбора даты доноса – на следующий день после расстрела Бухарина.

1 Сам он писал 8 мая 1929 г. Н. Тихонову, что «за границей ходил в высоких чинах – был коммерческим директором Аркоса (акционерное торговое общество All Russia Cooperative Society – П.Н.) в Турции» и что его «полный ‹…› титул едва умещался на визитной карточке биржевого – в папиросную коробку! – образца» (Павленко П.А. Из писем другу (Н.С. Тихонову) / Публ. Н.К. Треневой, подгот. текста, вступл. и примеч. Ц.Е. Дмитриевой // Знамя. 1968. № 4. С. 127). Эти данные подтверждаются личными листками по учету кадров, заполненным Павленко в 1942 г. (РГАЛИ. Ф. 2199. Оп. 3. Д. 222).

2 Саед-Шах А. Заповедная зона особого режима. Прогулка с академиком и писателем Вячеславом Вс. Ивановым по Переделкину // Новая газета. 2005. № 61. 22 авг.).

Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а версификатор, холодный головной составитель рифмованных произведений. От этого чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию, – нет темперамента, нет веры в свою строку.

‹…› Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в «Стихах о Сталине» мы это чувствуем без обиняков, в остальных же стихах – о советском догадываемся[1] *. Если бы передо мною был поставлен вопрос – следует ли печатать эти стихи, – я ответил бы – нет, не следует.*

П. Павленко

Но Павленко – этот частный выразитель «общего» мнения – прекрасно понимал, что поставлен перед ним был не этот, а другой, гораздо более серьезный вопрос, как знал заранее и ответ на него: «Да, следует!»

После такой чистой и «совершенно секретной» (и оттого «чистой» вдвойне) работы карающему мечу революции оставалось только откликнуться на такой тревожный и убедительный сигнал, на это искреннее, товарищеское и аргументированное обращение, на этот прямо-таки крик о помощи![2] И кто же, как не чекисты, действительно, помогут

1 Сам Павленко владел этой темой в совершенстве. Вот фрагмент из его опуса «Сталин», датированного 1949 г.: «Когда каждый из нас, людей сталинской эпохи, думает о своем вожде – великом Сталине, перед мысленным взором его проходит величественная жизнь этого человека – гиганта мысли и гиганта действия. ‹…› “Берегите кандалы, они пригодятся нам для палачей!” – пророчески говорил он друзьям, отправляемым на каторгу, точно знает сроки революции и размах победы, хотя до нее еще годы и годы тяжелой борьбы. ‹…› Имя его – мощь! Имя его – мир! Имя его – победа! ‹…› Да здравствует Сталин – наша политика, наша судьба, Сталин – мощь, мир и победа! Да здравствует Сталин – творец коммунизма!» (РГАЛИ. Ф. 2999. Оп. 1. Д. 135).

2 Хорошо известны имена некоторых писателей, специализировавшихся на доносах (Я.Е. Эльсберг, В.Я. Тарсис) или же на доносах-«рецензиях» (Н.В. Лесючевский; см., например: Лесневский Ст. Донос. К истории двух документов минувшей эпохи // Лит. Россия. 1989. 10 марта. С. 10–11, в которой печатаются два «отзыва» этого будущего директора издательства «Советский писатель» «О стихах Б. Корнилова» и «О стихах Н. Заболоцког», датированные 13 мая 1937 г. и 3 июля 1938 г.). Но труднее сказать, сколь распространенной была

писателям «решить этот вопрос о Мандельштаме», решить крепко и окончательно?

Правда, на согласования и разработку «операции» потребовалось некоторое время. На письме писательского вождя стоит штамп Секретно-политического отдела НКВД: «4 отдел ГУГБ. Получ‹ено› 13 апреля 1938».

Иными словами, Ежов держал письмо у себя чуть ли не месяц!

Почему?

Да потому, думается, что в первом – 1934 года – деле этого дерзкого антисоветчика оставались явственные следы «чуда» и самого высочайшего великодушия, так что и на этот раз, продолжим догадку, потребовалось то или иное проявление воли вождя. На что и ушел календарный месяц. Кроме того, в Ленинграде вовсю шло дело о «заговоре писателей», фактическим фигурантом которого являлся и О.М. – возможно, еще не начавшееся московское следствие запросило результаты лениградских коллег.

О воле вождя будем судить по результату: сроки действия чуда истекли! О чем, в сущности, и сказали или дали понять – Андреев Фадееву, а Журбенко Ставскому. И как только политическое решение было принято, закипела практическая чекистская работа!

Первым долгом – служебное обоснование. Вот справка,

практика непосредственного обращения самих писательских органов в чекистские с просьбой «помочь разрешить проблему». Впрочем, известны случаи арестов даже, так сказать, по частной инициативе. Вот, например, рассказ И.М. Гронского: «Однажды получаю от Н.А. Клюева поэму. ‹…› Это любовный гимн, но предмет любви не девушка, а мальчик. Ничего не понимаю и отбрасываю поэму в сторону. ‹…› Приезжает Н.А. Клюев, является ко мне.

– Получили поэму?

– Да.

– Печатать будете?

– Нет, эту мерзость мы не пустим в литературу. Пишите нормальные стихи, тогда будем печатать. ‹…›

– Не напечатаете поэму, писать не буду. ‹…›

Я долго уговаривал Н.А. Клюева, но ничего не вышло. Мы расстались. Я позвонил Ягоде и попросил убрать Н.А. Клюева из Москвы в 24 часа. Он меня спросил:

– Арестовать?

– Нет, просто выслать из Москвы.

После этого я информировал И.В. Сталина о своем распоряжении, и он его санкционировал» (Гронский И. О крестьянских писателях (выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г.) / Публ. М. Никё // Минувшее. М., 1992. № 8. С. 150–151). Клюева арестовали 2 февраля 1934 г., причем сделал это лично Шиваров (Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 267).

написанная начальником 9-го отделения 4-го отдела ГУГБ Юревичем[1] (разумеется, со слов Ставского):

По отбытии срока ссылки МАНДЕЛЬШТАМ явился в Москву и пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем нарочитого демонстрирования своего «бедственного положения» и своей болезни.

Антисоветские элементы из литераторов используют МАНДЕЛЬШТАМА в целях враждебной агитации, делают из него «страдальца», организуют для него сборы среди писателей. Сам МАНДЕЛЬШТАМ лично обходит квартиры литераторов и взывает о помощи.

По имеющимся сведениям, МАНДЕЛЬШТАМ до настоящего времени сохранил свои антисоветские взгляды.

В силу своей психической неуравновешенности МАНДЕЛЬШТАМ способен на агрессивные действия.

Считаю необходимым подвергнуть МАНДЕЛЬШТАМА аресту и изоляции.

На справке – три резолюции:

т. Фриновский[2] *. Прошу санкцию на арест.*

1 Юревич Виктор Иванович (1906–1940). Образование: школа 2-й ступени, Торжок, 1924. В органах ОГПУ–НКВД с 1928 г. В 1935 г. присвоено звание лейтенанта, в 1937 – старшего лейтенанта, в 1938 – капитана ГБ. С января по апрель 1938 г. – зам. начальника 6-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с апреля 1938 г. по 28 мая 1938 г. – начальник 6-го отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР, в 1938 г. – начальник 9-го отделения 4-го отдела ГУГБ (после Журбенко – см. ниже), с 28 мая 1938 по 28 января 1939 г. – начальник УНКВД Кировской обл. Арестован в 1939 г., 25 января 1940 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян 26 января того же года. Не реабилитирован.

2 Фриновский Михаил Петрович (1898–1940). Образование: духовное училище, Краснослободск, 1914; 1-й класс Пензенской духовной семинарии, 1916; курсы высшего комсостава при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, 1926–1927. В коммунистической партии с 1918 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г. В 1935 г. присвоено звание комкор, в 1938 – командарм 1-го ранга. С 16 октября 1936 г. – заместитель, а с 15 апреля 1937 г. по 8 сентября 1938 – первый заместитель наркома внутренних дел СССР, с 15 апреля 1937 г. по 28 марта 1938 – начальник ГУГБ НКВД СССР, с 28 марта 1938 г. по 8 сентября 1939 – начальник 1-го управления НКВД СССР, с 8 сентября 1938 г. – нарком Военно-Морского Флота СССР. Арестован 6 апреля 1939 г., 4 февраля 1940 г. приговорен ВК ВС СССCР к расстрелу и расстрелян 8 февраля того же года. Не реабилитирован.

27.4. Журбенко[1];

Арест согласован с тов. Рогинским[2] *. Подпись. 29/IV 38;*

Арестовать. М. Фриновский. 29/IV 38 г.

Подпись Фриновского – замнаркома внутренних дел – стоит и на ордере № 2817 на арест. Выписали ордер – 30 апреля. (Видно, Надежда Яковлевна переписала себе эти цифры. В архиве О.М. в Принстоне есть одна бумажка нестандартного вида, на которой записано ее рукой: «*№ 2817 Ося 30/IV*»[3])

2

…Прибытию в Саматиху опергруппы предшествовал приезд туда 30 апреля еще и районного начальства на двух легковых машинах. 1 мая, когда весь дом отдыха буйно отмечал праздник, гуляли, по-видимому, и чекисты.

Первомайские газеты захлебывались подобающими жизнерадостностью и энтузиазмом. Сообщалось, например, что накануне праздника открылось движение по новому Крымскому мосту в Москве, что в праздничный вечер давали следующие спектакли: в Большом – «Поднятую целину» (закрытый просмотр; был там, наверно, и Сталин), во МХАТе – «Любовь Яровую», в Вахтанговском – «Человека с ружьем», в оперетте – «Свадьбу в Малиновке» и т. д.

1 Журбенко Александр Спиридонович (1903–1940). Образование: церковно-приходская школа; 4 года в высшем начальном училище, 1919. В коммунистической партии с 1928 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. В 1935 г. присвоено звание капитан, в 1937 – майор ГБ. С 15 апреля 1937 г. по апрель 1938 – начальник 9-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с апреля по 15 сентября 1938 г. – зам. начальника и начальник 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР, с 15 сентября 1938 г. – начальник УНКВД Московской области. Арестован 29 ноября 1938 г., 15 февраля 1940 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян 26 февраля того же года. Не реабилитирован.

2 Рогинский Григорий Константинович (1895–?), в 1929-1930 гг. – прокурор Ростовской области; с 27 апреля 1935 по 7 сентября 1939 г. – зам. Прокурора СССР, ближайший сподвижник А.Я. Вышинского. Автор книги: Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. М., 1934. Снят с работы якобы за преступное отношение к жалобам и заявлениям, а на самом деле за мнимое участие в «заговоре прокуроров». Арестован 5 сентября 1939 г. В 1941 г. приговорен ВК ВС СССР к 15 годам заключения, умер в лагере. Реабилитирован в ноябре 1992 г. (Звягинцев А. Орлов Ю. Прокуроры двух эпох: Андрей Вышинский и Роман Руденко. М.: Олма-Пресс, 2001)

3 АМ. Короб 4. Папка 1.

Скромный стук в дверь избушки-читальни раздался, как вспоминает Н.М., под утро 2 мая (по чекистским документам – третьего): двое военных (сотрудники НКВД Шишканов и Шелуханов) в сопровождении главврача Фомичева[1] предъявили ордер (О.М., кстати, поразило, что он был выписан еще в апреле).

Обыска как такового не было: просто в заранее приготовленный мешок вытряхнули всё содержимое чемодана. Согласно описи, это: «*1) паспорт серии Ц.М. № 027827 и 2) рукопись и переписка – одна пачка, книга – автор О. Мандельштам*».

Никаких претензий и жалоб арестованный не заявил, и вся операция заняла около 20 минут…

Проводить Осипа Эмильевича до Черусти его жене позволено не было[2].

В ночь перед арестом ей снились иконы: сон не к добру.

Больше она мужа уже никогда не видела. Канули в лету и стихи, написанные здесь: запомнить их Надежда Яковлевна не успела.

…И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут…

3

Итак, 2 мая 1938 года О.М. вырвали из жизни и сбросили в колодец ежовского НКВД. В его деле, впрочем, указана дата 3 мая, но это, надо полагать, дата поступления арестованного в приемник[3] внутренней (Лубянской) тюрьмы. Это небольшое трехэтажное здание во дворе лубянского колосса, окруженное

1 Согласно документам, С.В. Фомичев исполнял еще и обязанности директора дома отдыха.

2 Ей удалось вырваться из Саматихи только 6 мая, когда на узенькой бумажке со штемпелем и круглой печатью здравницы «Саматиха» ей выдали справку (см. «Документы»).

3 Полное название: «Отделение по приему арестованных».

со всех сторон грозными этажами с зарешеченными окнами. Если бы вдруг удалось увидеть его сверху, оно могло бы показаться мышонком в тисках кошачьих когтей. А снизу – из тесноты камер – людям, трепыхавшимся в неволе, таким оно не казалось, не воспринималось как метафора, – таким оно просто ***было***. Но никакая птица не разглядела бы сверху ни малоприметную дверь в зал судебных заседаний, ни подземного хода, которым уводили отсюда тысячи и тысячи – в расстрельные подвалы дома Военной коллегии, что на другой стороне Лубянской площади…

О.М., впрочем, им не провели. В приемнике у него отобрали паспорт, чемоданчик, помочи, галстук, воротничок, наволочку и деревянную трость с набалдашником; выдали квитанцию: одну взамен всего изъятого (№ 13346); другую (№ 397) – на имевшуюся у О.М. при себе наличность: 36 рублей 28 копеек.

Но перед этим поэта – последний в жизни раз – сфотографировали. Эта тюремная фотография – профиль и фас – потрясает. Мандельштам – в кожаном, не по размеру большом, пальто (подарок Эренбурга, оно упомянуто потом почти всеми, видевшими поэта в лагере!), в пиджаке, свитере и летней белой рубашке. Небритое, одутловатое, отечное лицо сердечника, всклокоченные седины. Как выдержать этот обреченно-спокойный и вместе с тем гордый взгляд усталого и испуганного человека, у которого уже отобрали всё – книги, стихи, жену, весну, свободу, у которого скоро отнимут и последнее – жизнь?!

В этом взгляде, в этих глазах – весь его мир и дар, без которых сегодня нам самим, кажется, уже невозможно жить.

Фотография, как это ни странно, датирована тем же 30 апреля (запись на талоне ордера № 2817). От того же числа отсчитывался и пятилетний срок за контрреволюционную деятельность в приговоре Особого совещания.

Следующая достоверная дата – 9 мая. В этот день, согласно служебной записке № 16023, было отдано

распоряжение доставить О.М. из внутренней (Лубянской) тюрьмы в Бутырскую и поместить в общую камеру.

Возможно, его выполнили не сразу, поскольку следующее документированное событие произошло всё еще на Лубянке – и 14 мая. Дактилоскопистом (подпись неразборчива) Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД г. Москвы сняты отпечатки пальцев О.М.: правая рука, левая, контрольный оттиск…

Тюремно-лагерное и следственное дела – это совершенно разные вещи[1]. Раньше мы могли лишь гадать о том, велось ли следствие или нет, и, если велось, то кто был следователем и какими методами велись допросы. В условиях заведенной машины ОСО, где даже подпись секретаря была заменена казенным штемпелем, большой необходимости не было даже в протоколах и допросах. Может быть, весь следовательский труд свелся к двукратному заполнению анкеты, точнее, учетно-статистической карточки на арестованного?..

Как раз в апреле – шапки долу перед «царицей доказательств»! – были сняты последние ограничения на физические методы воздействия при допросах (впрочем, их начали применять еще после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) – это как правило, а в отдельных случаях пытки были в ходу еще с конца 20-х годов)[2].

Относительно технологии допросов и вообще расследования процитируем свидетельство Александра

1 Совершенно особую разновидность «дел» составляли дела «агентурные», или «досье» (еще синонимы: «дела оперативного учета на граждан», «дела оперативной проверки», «дела оперативной разработки», «дела оперативного наблюдения»). Относительно этих дел применительно к О.М. неоднократно приходилось слышать: не сохранились, уничтожено. В то же время генерал КГБ Калугин охотно и широко цитирует агентурное дело на А. Ахматову (см.: Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР) [Материалы конференции «Службы госбезопасности и литература», состоявшейся в апреле 1993 г. в Москве] М.: Рудомино, 1994. С.72-79). Кроме того существовали и так называемые «дела агентуры», как «личные», так и «рабочие», причем в «рабочем» деле – все подлинники донесений агента. Именно эти дела уничтожались с особенным рвением и в несколько присестов: в 1939 (Берия), в годы войны, при Хрущеве и, в 1990-1991 гг., при Крючкове, – дела оперативного учета против антисоветчиков). В результате эти дела были уничтожены на 80-90 %, дольше всего хранились дела с окраской «шпионаж». Но есть еще и 4-й тип дел – внутренняя переписка КГБ, или дела секретного делопроизводства: в них частно бывают важные сводки, запросы и т.д. (см.: Рогинский А., Охотин Н. Об архивных источниках по теме «КГБ и литература» // Там же. С. 85-92).

2 Соответственно перестраивался и прокурорско-судебный корпус: в конце мая в Москве прошло всесоюзное совещание прокуроров, на котором с докладом «О перестройке работы органов прокуратуры» выступил академик Вышинский (26 мая «Правда» напечатала его статью «Задачи советской прокуратуры»).

Алексеевича Гончукова, в 1937–1938 годах бывшего оперуполномоченным 2-го и 5-го отделений 4-го отдела УГБ УНКВД по Ленинградской области:

> *По установившейся в то время практике расследование уголовных дел о контрреволюционных преступлениях проводилось следующим порядком: арестом лиц, на которых имелись материалы о совершении ими контрреволюционных преступлений, занималась специальная группа работников отдела, они же готовили материалы для ареста. После ареста материалы, состоящие из документов, по которым оформлялся арест и копий протоколов допроса лиц, давших показания на арестованного передавались работнику, которому поручалось проведение следствия, причем копии этих протоколов заверялись, как правило, работниками отдела, а копии протоколов, отпечатанные на ротаторе также работниками отдела, причем до печатания на ротаторе.*
>
> *Получив эти материалы, мы приступали к допросу арестованного. Первый протокол допроса всегда составлялся допрашивавшим от руки. Когда арестованный отрицал свою антисоветскую деятельность, мы уличали его имевшимися в нашем распоряжении материалами, т. е. показаниями лиц, копии протоколов допроса которых у нас были. Перерывы в допросах арестованных были в ряде случаев потому, что допросы арестованных, во время которых они не признавали себя виновными, протоколами не оформлялись. Когда арестованный после определенного времени начинал давать показания о своей*

контрреволюционной деятельности, ему предоставлялась возможность собственноручно написать о проведенной им антисоветской деятельности. Впоследствии на основании собственноручных записей арестованного и других черновых записей составлялся обобщенный протокол допроса. Этот протокол после составления лицом, ведущим следствие, передавался для корректирования начальнику отделения, а в некоторых случаях и более старшим начальникам. Они производили, так называемую, литературную обработку протоколов допроса, но в основном содержание протокола оставалось таким, как составлял его работник, проводящий следствие. После отработки протокол допроса печатался на машинке и давался на подпись подследственному. Когда подследственный по тем или иным мотивам отказывался подписывать обобщенный протокол, он уличался его же собственноручно написанными показаниями, тогда он протокол подписывал. После этого черновые материалы уничтожались. ‹…› В тот период существовал такой порядок, что если протокол подписывался двумя лицами, равными по занимаемой должности, то первая подпись была того работника, который проводил допрос и составлял протокол допроса, а второй работник, подписавший протокол, только присутствовал. При подписании протокола допроса арестованных в тех случаях, когда в допросах принимали участие старшие начальники, их подписи ставились первыми, а подпись работника, проводившего допрос последней. ‹…› В то время в Управлении НКВД ЛО знали, что работники

> *нашего отдела КУЗНЕЦОВ Петр и ПАВЛОВ Иван били арестованных, их и звали молотобойцами. ‹…› Я физических методов воздействия к арестованным не применял. Что касается длительных ночных допросов арестованных, то такие случаи имели место, имели место и допросы со стойками*[1] .

В Москве репутацией «молотобойца» пользовался уже упоминавшийся следователь Г.С. Павловский.

А может быть, мандельштамовский следователь тоже был из «молотобойцев»? Может, Осипа Эмильевича били, мучили, опускали, требовали, чтобы он назвал сообщников? Ведь появилась же откуда-то в обвинении запись «эсер», как появились у него самого боязнь быть отравленным и другие признаки явного обострения психического расстройства на этапе и в лагере? И что означают сведения Домбровского о роли бухаринских записочек в судьбе О.М.? В свете мартовского процесса над Бухариным в этом, кажется, есть своя логика[2].

Теперь, когда следственное дело стало доступно и введено в научный оборот[3], многое, очень многое прояснилось; многое – но не всё.

Через три дня после снятия отпечатков пальцев – 17 мая – состоялся единственный запротоколированный в деле допрос. Следователь – младший лейтенант П. Шилкин – особенно интересовался не столько нарушениями административного режима, сколько тем, кто из писателей в Москве и Ленинграде поддерживал О.М., но в особенности знакомством О.М.

---

1 Разумов А.Я. Дела и допросы. 1. «Я закрывала дело Лившица»: допрос свидетеля Ахматовой» // «Я всем прощение дарую....». Ахматовский сборник. Сост. Н.И. Крайнева. М.–СПб., 2006. С. 262–263.

2 Впрочем, еще одним свидетельством мы всё же располагаем: В.Л. Меркулов рассказывал М.С. Лесману в сентябре 1971 г.: Мандельштам говорил ему, что на Лубянке он сидел в камере с князем Мещерским. Через несколько недель Мандельштама вызвали на допрос, били; поняв, что ему не устоять, Мандельштам подписал всё, после чего был перевезен в Таганскую тюрьму. (Тут, заметим, много неясного или путаного: что признал Мандельштам? почему вдруг Таганская тюрьма? Личность князя Мещерского пока что также не установлена.)

3 Шенталинский В. Улица Мандельштама // Огонек. 1991. № 1. С. 20. В начале декабря 1991 г. нам и самим удалось ознакомиться с обоими следственными делами поэта.

с Виктором-Сержем, что являлось явным отголоском ленинградских дознаний.

Допросом чекистская пытливость не ограничилась. Искали рукописи, посылали запрос в Калинин, поручая обыскать квартиру, где жил О.М. (в сочетании с путаницей с адресами ушло у них на это двадцать дней – от 20 мая до 9 июня[1]). Но там ничего уже не было: Надежда Яковлевна опередила оперативников и прибрала заветную корзинку со стихами.

Оперативная активность имела еще одно русло – медицинское. 20 июня т. Глебов[2] направил в 10-й отдел ГУГБ запрос, по-видимому, о состоянии душевного здоровья О.М., сидевшего в это время во внутренней тюрьме ГУГБ. Ответ за № 543323 с подписями начальника тюремного отдела НКВД СССР майора госбезопасности Антонова[3] и начальника 3-го отделения того же отдела старшего лейтенанта госбезопасности Любмана был послан 25 и получен 28 июня.

Вердикт комиссии: «*Как недушевнобольной – ВМЕНЯЕМ*»! Именно так, заглавными буквами, написано в документе, словно этой формулировки одной и недоставало для какого-то особого, нам недоступного, чекистского представления о красоте следствия!

Теперь – имея на руках такой протокол, да еще шпаргалку-письмо Ставского – не так уж и трудно составить обвинительное заключение. И хотя первоначально намечавшийся «террор» был отставлен, О.М. обвинили, как и в 1934 году, по статье 58, пункт 10: «Антисоветская агитация и пропаганда».

По всей видимости, обвинительное заключение у Шилкина было готово еще в июне, если не в мае, но задержка

---

1 Запрос был послан 20 мая.

2 Глебов-Юфа Зиновий Наумович (1903–1940), в 1938 г. зам. начальника 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР, майор ГБ. Арестован 14 ноября 1938 г., 28 января 1940 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу по ст. 58-7, 58-8 и 58-11 и расстрелян 29 января того же года. Не реабилитирован (сообщено Н.В. Петровым).

3 Антонов-Грицюк Николай (Лука) Иосифович (1893–1939). Образование: 2 класса сельского училища. В коммунистической партии с 1918 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. В 1935 г. присвоено звание капитан, в 1937 – майор ГБ. С 28 марта 1938 г. – начальник Тюремного отдела НКВД СССР. Арестован 23 октября 1938 г., 22 февраля 1939 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян. Реабилитирован.

с ответом из Калинина и необходимость освидетельствовать душевное здоровье поэта – а может, и другие причины – привели к тому, что утверждено оно было только 20 июля:

> *Следствием по делу установлено, что Мандельштам О.Э. несмотря на то, что ему после отбытия наказания запрещено было проживать в Москве, часто приезжал в Москву, останавливался у своих знакомых, пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем нарочитого демонстрирования своего «бедственного» положения и болезненного состояния. Антисоветские элементы из среды литераторов использовали Мандельштама в целях враждебной агитации, делая из него «страдальца», организовывали для него денежные сборы среди писателей. Мандельштам на момент ареста поддерживал тесную связь с врагом народа Стеничем, Кибальчичем до момента высылки последнего за пределы СССР и др. Медицинским освидетельствованием Мандельштам О.Э. признан личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию. Обвиняется в том, что вел антисоветскую агитацию, т. е. в преступлениях, предусмотренных по ст. 58-10 УК РСФСР. Дело по обвинению Мандельштама О.Э. подлежит рассмотрению Особого Совещания НКВД СССР.*

Клешня Особого совещания дотянулась до мандельштамовского дела только 2 августа. Круглая печать и штемпель-подпись ответственного секретаря Особого совещания «тов. И. Шапиро» на типовом бланке «Выписки из протокола ОСО при НКВД СССР» удостоверяют, что в этот

день члены ОСО слушали дело № 19390/ц о Мандельштаме Осипе Эмильевиче, 1891 года рождения, сыне купца, бывшем эсере. Постановили: «*МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича за к.-р. деятельность заключить в ИТЛ сроком на ПЯТЬ лет, сч‹итая› срок с 30/IV–38 г. Дело сдать в архив*». На обороте – помета: «Объявлено 8/8–38 г.», и далее – рукой поэта: «Постановление ОСО читал. *О.Э. Мандельштам*».

А накануне, 4 августа, на О.М. было заведено новое, тюремно-лагерное дело. После объявления приговора О.М. около месяца провел в Бутырской тюрьме.

Бывшие казармы Бутырского гусарского полка даже после переоборудования под тюремный замок были рассчитаны приблизительно на двадцать тысяч арестантов[1]. Но, по свидетельствам узников, перенаселенность в камерах Бутырок была пяти– или шестикратной, причем самое жестокое время наступило именно в середине 1938 года.

…16 августа мандельштамовские документы были переданы в Бутырскую тюрьму для отправки на Колыму. 23 августа он успел получить последнюю в своей жизни весточку из дома – денежную передачу от жены (сохранилась квитанция на 48 рублей, датированная этим числом), а 8 сентября столыпинский вагон увез О.М. в последний его путь – в далекое нелазоревое Приморье, – навстречу гибели.

---

1 Об истории этой тюрьмы см. также: Шварц В. Хранит Пугачевская башня… // Советская культура. 1989. 25 апр. С. 8.

Документы
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ФСБ, МОСКВА
МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА
№ Р-13864 1938 ГОДА

Обложка Следственного дела О.Э. Мандельштама 1938 года

Секретно

Министерство Государственной Безопасности СССР

Центральный архив

19390

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению
Мандельштам
О.Э.

Арх. № *[298468*]

Количество томов «*1*», том «*1*»

Наименование органа, в производстве которого находилось дело: *Н.К.В.Д. М.О. Р 13864*

Год производства: *1938*

По использовании дело должно быть

возвращено в Центральный архив МГБ СССР

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Обложка.* Надпечатки: «Р 13864», «Верховный суд СССР. 02.ДСП 4974–56».**

‹1›
Обращение Секретаря Правления Союза писателей СССР В.П. Ставского к Наркому внутренних дел СССР Н.И. Ежову с просьбой арестовать О.Э. Мандельштама

Копия
Секретно

Союз Советских Писателей СССР – Правление
«16» марта 1938 г.

НАРКОМВНУДЕЛ тов. ЕЖОВУ Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

В части писательской среды весьма нервно обсуждался вопрос об Осипе МАНДЕЛЬШТАМЕ.

Как известно – за похабные клеветнические стихи и антисоветскую агитацию Осип МАНДЕЛЬШТАМ был года три–четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»).

Но на деле – он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом – литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него «страдальца» – гениального поэта, никем

не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин КАТАЕВ, И. ПРУТ и другие литераторы, выступали остро.

С целью разрядить обстановку – О. Мандельштаму была оказана материальная поддержка через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме.

Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабных клеветнических стихов о руководстве партии и всего советского народа. Вопрос – об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь.

За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности они не представляют, – по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться с ними (в частности, тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем).

Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об Осипе Мандельштаме.

С коммунистическим приветом.

В. СТАВСКИЙ

ВЕРНО: *Подпись*

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 13–14.* На л. 13 штамп: «3 отдел. Получено: *13 АПР. 1938.* Вх. № *16083».

‹2›

Отзыв П.А. Павленко о стихах О.Э. Мандельштама

Копия

О СТИХАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а версификатор, холодный головной составитель рифмованных произведений. От этого чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию – нет темперамента, нет веры в свою страну.

Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком (см. четвертую строфу «Станс», стр. № 5, и даже седьмую и восьмую).

Едва ли можно отнести к образцам ясности и следующие строки:

«Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей – скалы подспорье и пособье?
А коршун где – и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?» (стр. № 23).

Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и не понимая их, я не могу оценить возможную их значительность или пригодность. Система образов, язык, метафоры, обилие флейт, аорий и проч., – всё это кажется давно где-то прочитанным.

Относительно хороши (и лучше прочих) стихи пейзажные (стр. 21, 25, 15), хороши

стихотворения: 1) «Если б меня наши враги взяли…» (стр. 33), 2) «Не мучнистой бабочкою белой…» (стр. 7) и 3) «Мир начинался, страшен и велик…» (стр. 4).

Есть хорошие строки в «Стихах о Сталине», стихотворении, проникнутом большим чувством, что выделяет его из остальных.

В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине.

У меня нет под руками прежних стихов Мандельштама, чтобы проверить, как далеко ушел он теперь от них, но – читая – я на память большой разницы между теми и этими не чувствую, что, может быть, следует отнести уже ко мне самому, к нелюбви моей к стихам Мандельштама.

Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в «Стихах о Сталине» мы это чувствуем без обиняков, в остальных же стихах – о советском догадываемся. Если бы передо мною был поставлен вопрос – следует ли печатать эти стихи, – я ответил бы – нет, не следует.

П. ПАВЛЕНКО

ВЕРНО: *Подпись*

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 15.

‹3›

Справка об О.Э. Мандельштаме от 27 апреля 1938 года, составленная начальником 9 отделения 4 отдела ГУГБ ст. лейтенантом государственной безопасности В.И. Юревичем

СПРАВКА

МАНДЕЛЬШТАМ, Осип Эмильевич, 1891 года рождения, уроженец Варшавы, сын купца 1-ой гильдии, еврей, гр. СССР.

В 1907 году был членом партии эсеров и вел пропагандистскую работу; позже примкнул к анархистам. В течение нескольких лет жил в Париже, затем вернулся в Петербург.

К великой пролетарской революции, по собственным признаниям МАНДЕЛЬШТАМА, он отнесся резко отрицательно, называл советское правительство – «правительством захватчиков» и в своих литературных произведениях того времени клеветал на советскую власть. В период гражданской войны выехал из Ленинграда в Киев, а затем в Крым, на территорию белых.

В 1927 году МАНДЕЛЬШТАМ, как он сам признает, имел горячие симпатии к троцкизму. Резко враждебно относился МАНДЕЛЬШТАМ к политике ВКП(б) по ликвидации кулачества, как класса, что отражено в ряде его произведений, относящихся к 1930–1933 гг.

В 1933 г. МАНДЕЛЬШТАМ написал резкий контрреволюционный пасквиль против тов. СТАЛИНА и распространял его среди своих знакомых путем чтения.

В 1934 г. за антисоветскую деятельность О. МАНДЕЛЬШТАМ был осужден к ссылке на 3 года в г. Чердынь. При следовании к месту ссылки он покушался на самоубийство. Ввиду болезни МАНДЕЛЬШТАМА пункт ссылки был изменен на Воронеж, где он и находился до 1937 года.

По отбытии срока ссылки МАНДЕЛЬШТАМ явился в Москву и пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем нарочитого демонстрирования своего «бедственного положения» и своей болезни.

Антисоветские элементы из литераторов используют МАНДЕЛЬШТАМА в целях враждебной агитации, делают из него «страдальца», организуют для него сборы среди писателей. Сам МАНДЕЛЬШТАМ лично обходит квартиры литераторов и взывает о помощи.

По имеющимся сведениям, МАНДЕЛЬШТАМ до настоящего времени сохранил свои антисоветские взгляды.

В силу своей психической неуравновешенности МАНДЕЛЬШТАМ способен на агрессивные действия.

Считаю необходимым подвергнуть МАНДЕЛЬШТАМА аресту и изоляции.

Временное местопребывание МАНДЕЛЬШТАМА: Дом отдыха «Саматиха» (ст. Кривандино, Ряз‹анско›-Уральск‹ой› ж. д.)

Начальник 9 отд‹еления› 4 отдела ГУГБ –
ст. лейтенант государств‹енной› безопасности:

В. Юревич (В. ЮРЕВИЧ)

«*27*» апреля 1938 года

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 11–12. **Подчеркивания в тексте и отчеркивание на левом поле листа абзаца «Антисоветские элементы…» рукой неустановленного лица. На справке – три резолюции: «т.**

Фриновский. Прошу санкцию на арест. 27/4. Журбенко», «Арест согласован с тов. Рогинским. Подпись. 29/IV/38 » и «т. [Шварцман] Шикину. Арестовать. М. Фриновский. 29/III 38 г.».

‹4›
Ордер Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР № 2817 от 30 апреля 1938 года на обыск и арест О.Э. Мандельштама

СССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № *2817*

30 Апреля дня 193*8* г.

Выдан *Сержанту* Главного Управления Государственной Безопасности НКВД
Илюшкину на производство *Ареста и обыска Мандельштама Осипа Эмильевича.*

Ст. Кривандино Ряз‹анско-›Урал‹ьской› ж. д., д‹ом› отдыха «Саматиха».

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР *М. Фриновский*

Начальник Второго Отдела ГУГБ *Попашенко*[1]

Круглая печать НКВД

Заявка: *64*

***ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 1–1 об*. Дата «30», слова «Сержанту» и «Илюшкину» вписаны в уже заполненный ордер позднее. На обороте – талон ордера № 2817 с неверной, проставленной задним числом, датой (30.4.1938), с направлением О. М. начальнику приема арестованных и с отметкой о фотографировании.**

‹5›
Протокол обыска-ареста О.Э. Мандельштама от 3 мая 1938 года

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР за № *2817* от *30 Апреля* мес. 193*8* г. произведен обыск/арест у гр. *Мандельштам О.Э.* в доме № кв. № по ул. *Ст. Кривандино Ленинской жел‹езной› дор‹оги›*

Д/о Саматиха.

При обыске присутствовали: *Фомичев Самуил Васильевич, в данное время исполняющий*

1 Попашенко Иван Петрович (1898–1940). Образование: приходское училище; четырехклассное городское училище, Самарканд, 1910–1915. В коммунистической партии с 1918 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. В 1935 г. присвоено звание старший майор ГБ. С 28 марта по 29 сентября 1938 г. – начальник 2-го отдела 1-го управления НКВД СССР, затем начальник 3-го специального отдела НКВД СССР. Арестован 4 ноября 1938 г., 19 января 1940 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян 21 января того же года. Не реабилитирован.

обязанности директора Д/о.

Согласно ордера задержан гражд‹анин › *Мандельштам Осип Эмильевич.*

Взято и доставлено в ГУГБ следующее:

1. *Паспорт серии Ц.М. № 027827 на имя Мандельштам 1 шт*

2. *Рукопись и переписка одна папка 1 шт*

3. *Книга автор О. Мандельштам 1 шт*

Обыск производил сотрудник НКВД *Шишканов, Шелуханов*

При обыске заявлена жалоба от *нет*

1) на неправильности, допущенные при обыске

и заключающиеся по мнению жалобщика в *нет*

2) на исчезновении предметов, не занесенных в протокол,

а именно: *нет*

Подпись лица, у которого производили обыск: ***О.Э. Мандельштам***

Представитель домоуправления: *Фомичев*

Производивший обыск сотрудник НКВД: *Шишканов*

Все заявления и претензии должны быть занесены в протокол.

За всеми справками обращаться в комендатуру НКВД (Кузнецкий мост, 24), указывая № ордера, день его выдачи, когда был произведен обыск.

«*3*» *Мая* 193*8* года.

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 2–2 об.

‹6›
Тюремная фотография О.Э. Мандельштама в профиль и фас, сделанная 3 мая 1938 года.

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Вложена в конверт («вместе с антисоветским стихотворением»). **Последняя фотография поэта. Внизу, белой краской:** ***«93145 Мандельштам О.Э.».*** **На обороте – неверная официальная дата фотографии:** ***«30 апреля 1938 года».***

‹7›
Анкета арестованного О.Э. Мандельштама от 3 мая 1938 года

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия ***Мандельштам***
2. Имя и отчество ***Осип Эмильевич***
3. Год рождения ***1891***
4. Место рождения ***Варшава***
5. Местожительство (адрес) ***предпоследнее жительство Калинин, 3-я Никитинская, д. 41(?), последнее: дом отдыха Саматиха***
6. Специальность ***Писатель***
7. Место последней работы, занимаемая должность, звание ***Гослитиздат, печать,***

Воронежск‹ий› гортеатр

8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста (к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий, служителей культа) ***нет***

9. Паспорт (когда и каким органом милиции выдан, № паспорта и где прописан) ***Воронежской милицией***

10. Партийность (в прошлом и настоящая) (указать стаж, когда исключен) ***беспартийный***

11. Национальность ***еврей***

12. Гражданство (подданство) ***советское***

13. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что) ***3 года адмвысылки, 34 г., соч‹инение› и распр‹остранение› контр‹революционного› стихотворения***

14. Состав семьи (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий) ***жена, Надежда Яковлевна, брат Александр Эмильевич, Москва, Старосадский, д. 10, кв. 3, сотр‹удник› Когиза, Евгений Эмильевич, врач, Ленинград, 8 л., д. 31, кв. 5.***

Подпись арестованного ***О.Э. Мандельштам***

1. Кем и когда арестован
2. Квитанция №

Подпись сотрудника, [заполнившего] *пр‹оверившего›* анкету *Подпись*

«*3*»/*V* 193*8* г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Анкета заполняется четко,

разборчиво и проверяется по документам.

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 3.* Форма № 3, заполненная О.Э. Мандельштамом и заверенная сотрудником НКВД. Помета следователя в левом верхнем углу: *«террор».

‹8›
Квитанция Отделения по приему арестованных 10 отдела ГУГБ НКВД СССР № 13346 от 3 мая 1938 года о приеме от арестованного Мандельштама О.Э. его вещей

НКВД СССР
10 отдел ГУГБ
Отделение по приему арестованных
3/V 193*8*
Квитанция № 13346

Принято, согласно ордера 2 отдела ГУГБ НКВД

У арестованного(ой) *Мандельштам Осип Эмильевич*

Лен‹инской› ж. д., ст. Кривандино,
Дом отдыха Саматиха.

Чемоданчик м‹алогабаритный› /р‹учной›, помочи, галстук, воротничок, наволочка,
трость дерев‹янная›.

Дежурный отделения 10 отд‹ела› ГУГБ
по приему арестованных

Квитанция № 13346

Фамилия и инициалы: *Мандельштам*
Документы: *паспорт сер‹ия› ЦМ № 27827*

Дежурный отделения 10 отд. ГУГБ
по приему арестованных

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 4.

‹9›

Квитанция Отделения по приему арестованных 10 отдела ГУГБ НКВД СССР № 397 от 3 мая 1938 года о приеме от арестованного Мандельштама О.Э. денежной суммы в размере 36 рублей 28 копеек

3/V 193*8*

Квитанция № 397

Принято, согласно ордера 2 отдела ГУГБ НКВД №
‹от› арестованного/ой *Мандельштам Осип Эмильевич*
Денег: Руб. *36* коп. *28*
Тридцать шесть руб. 28 коп.
Вещи:

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 5.

‹10›

Дактограмма О.Э. Мандельштама, снятая во внутренней тюрьме 14 мая 1938 года

Пол: *муж.*
Ф.И.О.: *Мандельштам Осип Эмильевич*
Дакт‹илоскопические› форм‹ы›: *13/17 83445 / 73565*
Год рожд.: *1891*
Место рожд.: *г. Варшава*
‹Далее – собственно отпечатки пальцев и ладоней›
Исполнена: *14/V–38 г.*
Внутренняя тюрьма ГУГБ НКВД, г. Москва

Составил: *дактил‹оскопист› Подпись*

Подпись зарегистрированного: ***О.Э. Мандельштам***

Должны быть четко заполнены:

1) фамилия, имя, отчество, установочные данные регистрируемого и его подпись;

2) Когда, где и в каком аппарате НКВД была составлена и кем проверена;

3) в квадратиках каждый палец прокатать на своем месте полностью и ясно, на продольных оттисках левой и правой руки сделать оттиски 4-х пальцев каждой руки без большого.

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 8. **Содержит ряды отпечатков правой и левой рук, а также контрольные оттиски левой и правой ладоней.**

‹11›
Отметка о присвоении делу О.Э. Мандельштама архивного номера от 16 мая 1938 года

Мандельштам Осип
Эмильевич
Арх – 604671
16.V.38
Волкова

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. без номера, следует за л. 2. **Небольшой лист со штампом-надпечаткой. Внизу листа слева помета: *«8. Шварцман».***

‹12›
Протокол допроса О.Э. Мандельштама оперуполномоченным 5 отделения 4 отдела 1-го Управления НКВД мл. лейтенантом госбезопасности П. Шилкиным от 17 мая 1938 года

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

1938 г. *мая* мес. *17* дня. Я, *Опер. Уполном‹оченный› 4 отдела ГУГБ НКВД мл. лейтенант Г Б Шилкин,* допросил в качестве

1. Фамилия *Мандельштамп*[1]

2. Имя и отчество *Осип Эмильевич*

3. Дата рождения *1891 г.*

4. Место рождения *г. Варшава*

5. Местожительство *г. Калинин, 3-я Никитина, д. № 41 (Травникова)*

6. Нац‹иональность› и гражд‹анство› (подданство) *еврей, подданство СССР*

7. Паспорт (когда и каким органом выдан, номер, категор‹ия› и место прописки)

8. Род занятий (место службы и должность) *писатель*

9. Социальное происхождение (род занятий родителей и их имущественное положение) *сын купца 1й гильдии*

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции *учился и жил на иждевении родителей до 1916 г. 1917 г. жил в Ленинграде и работал в Отделе разгрузки и эвакуации, а в 1918 г. переехал в Москву и поступил работать в Наркомпрос*

б) после революции *занимался литературным трудом*

11. Состав семьи (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

жена: Мандельштамп Надежда Яковлевна 1900 г., домашняя хозяйка.

Отец: Мандельштам Эмиль Вениаминович 75 л., на иждивении брата Мандельштамп Евгения

1 Так в документе.

Эмильевича, 37 л. – врач, прожив‹ает› в г. Ленинграде, 8 линия, д. № 31, кв. 5. Другой брат: Мандельштамп Александр Эмильевич, 44х л., ОГИЗ, прожив‹ает› Старосадский пер., д., 10, кв. 3 (или д. № 3, кв. 10). Дядя: Мандельштамп Герман Вениаминович и другой дядя, имя его не знаю, до 1933 г. проживали в г. Риге.

О.Э. Мандельштам

12. Образование (общее, специальное) *Историко-Филологический Факультет без государ‹ственных› экзаменов*

13. Партийность (в прошлом и в настоящем) *б/п*

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции *нет*

б) после революции *В 1934 г. был осужден Колл‹егией› ОГПУ к трем годам высылки*

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов‹етской› власти *нет*

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете *не войсковик*.

17. Служба в Красной армии (красн‹ой› гвардии, в партизан‹ских› отрядах), когда и в качестве кого *нет*

18. Служба в белых и др‹угих› к-р армиях (когда, в качестве кого) *нет*

19. Участие в бандах, к-р организациях и восстаниях *нет*

20. Сведения об общественно-политической деятельности *нет*

О.Э. Мандельштам

Примечание: Каждая страница протокола должна заканчиваться подписью допрашиваемого, а последняя и допрашивающего

Протокол
допроса Мандельштама Осипа Эмильевича

Вопрос: Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?

Ответ: Виновным себя в антисоветской деятельности не признаю.

Вопрос: За что вы были арестованы в 1934 г.?

Ответ: В 1934 г. я был арестован и осужден за антисоветскую деятельность, выразившуюся в сочинении (на протяжении ряда лет) контрреволюционных стихотворений («Керенский», «Весна», «Кассандра» и др.,) к 3 годам высылки в г. Воронеж.

Вопрос: После высылки вам запрещено было проживать в Москве. Несмотря на это, вы почти легулярно[1] *наезжали в Москву.*

Расскажите, к кому и с какой целью вы ездили в Москву?

Ответ: По окончании высылки летом 1937 г. я приехал в Москву, не зная того, что мне запрещено проживать в Москве. После этого я выехал в село Савёлово, а в ноябре м-це 1937 года переехал в г. Калинин.

Должен признать свою вину в том, что, несмотря на запрещение и не имея разрешения, я неоднократно приезжал в Москву.

Цель моих поездок, в сущности, сводилась к тому, чтобы через Союз писателей получить необходимую работу, т. к. в условиях г. Калинина

1 Так в оригинале.

я не мог найти себе работы.

Помимо этого я добивался через Союз писателей получения критической оценки моей поэтической работы и потребности творческого общения с сов‹етскими› писателями. В дни приезда я останавливался у Шкловского (писатель), Осмеркина (художник), которым я читал свои стихи. Кроме вышеперечисленных лиц, я также читал свои стихи Фадееву на квартире у Катаева Валентина, Пастернаку, Маркишу, Кирсанову, Суркову, Петрову Евгению, Лахути и Яхонтову (актер).

О.Э. Мандельштам

Вопрос: Следствию известно, что вы, бывая в Москве, вели антисоветскую деятельность, о которой вы умалчиваете.

Дайте правдивые показания.

Ответ: Никакой антисоветской деятельности я не вел.

Вопрос: Вы ездили в Ленинград?

Ответ: Да, ездил.

Вопрос: Расскажите о целях ваших поездок в Ленинград.

Ответ: В Ленинград я ездил для того, чтобы получить материальную поддержку от литераторов. Эту поддержку мне оказывали Тынянов, Чуковский, Зощенко и Стенич.

Вопрос: Кто оказывал вам материальную поддержку в Москве?

Ответ: Материальную поддержку мне оказывали братья Катаевы, Шкловский и Кирсанов.

Вопрос: Расскажите о характере ваших

встреч с Кибальчичем.

Ответ: С Кибальчичем я встречался исключительно на деловой почве не более 3-х раз. Первый раз в 1924–25 г. я зашел к нему на службу в Ленгиз за получением переводной работы. Второй раз я был у него на квартире, это посещение также было вызвано необходимостью получения переводной работы, и третий раз в 1932 г. я, будучи в Ленинграде, пригласил к себе в гостиницу нескольких ленинградских писателей, в том числе и Кибальчича, которым прочел свое произведение «Путешествие в Армению». Больше я никогда с ним не встречался.

О.Э. Мандельштам

Допросил: Опер Упол‹номоченный› 5 отд‹еления› 4 отд‹ела› 1 упр‹авления› НКВД
мл. лейтенант ГБ П. Шилкин

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 16–16 об., 19–20. **Л. 17–18 – «Акт медицинского освидетельствования» О.М.**

‹13›
Директивное указание 4 Отдела ГУГБ НКВД СССР в 4 отдел УГБ УНКВД по Калининской области от 20 мая 1938 года о срочном проведении обыска по установленным адресам проживания О.Э. Мандельштама в Калинине

С‹овершенно› секретно
СССР
НКВД

20 мая 1938
№ 266968

г. Калинин
Нач. 4 отдела УГБ УНКВД по Калининской обл.

4-м Отделом ГУГБ НКВД СССР арестован за а/с агитацию писатель МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич, который по имеющимся у нас данным имеет в г. Калинине 2-е квартиры, одна из них находится по Савеловской ул., д. № 52, и вторая по 3-й Никитинской ул., д. № 43.

Просим срочно произвести обыск в этих квартирах и результат обыска вышлите немедленно в 9-е отделение 4-го отдела ГУГБ НКВД.

Пом. нач. 4 отдела ГУГБ НКВД
Майор государственной безопасности (ПЕТРОВСКИЙ)

Пом. нач. 9 отделения
ст. лейтенант государственной безопасности (КОЛОСКОВ)

***ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 6.* Резолюция: «*Т. Решетов. Вынести постан‹овление› и провести срочно обыск. Подпись. 21/V*».**

‹14›
Постановление от 27 мая 1938 года о производстве обыска по установленным адресам проживания О.Э.

Мандельштама в Калинине

УТВЕРЖДАЮ
Нач. Упр‹авления› НКВД по Калининской обл.
Капитан госбезопасности НИКОНОВ[1]

27 мая 1938 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(на производство обыска)

1938 года, мая месяца «*27*» дня, гор. Калинин

Я, пом. оперуполномоченного 5 отделения, 4 отдела УГБ НКВД по Калининской области – сержант Госбезопасности – ПЕТРОВ, рассмотрев поступившее директивное указание 4 отдела ГУГБ НКВД СССР за № 266968 от 20 мая 1938 года о производстве обысков на квартирах по ул.

Савеловская, дом № 52

По 3-й Никитинской, дом № 43, города Калинина, принадлежащие

писателю МАНДЕЛЬШТАМ Осипу Эмильевичу, ныне арестованному 4 отделом ГУГБ НКВД СССР города Москвы за антисоветскую деятельность

ПОСТАНОВИЛ:

---

1 Никонов Андрей Николаевич (1896–1939). Образование: церковно-приходская школа, Кирилловский уезд Новгородской губ., 1908; двухклассное училище, с. Петропавловское Кирилловского уезда, 1912; Всесоюзный институт журналистики, Москва, 1928–1931; Высшая школа парторганизаторов при ЦК ВКП(б), 1936–1937. В коммунистической партии с 1918 г. В органах НКВД с 1937 г. В октябре 1937 г. присвоено звание старший лейтенант, в апреле 1938 – капитан ГБ. С 28 декабря 1937 г. по 1 апреля 1938 – начальник 10-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с 1 апреля 1938 г. – начальник УНКВД Калининской обл. Арестован 3 октября 1938 г., 26 февраля 1939 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян. Не реабилитирован.

Произвести обыск на квартирах по улицам Савеловская, дом № 52,

и по 3-й Никитинской, в доме № 43, принадлежащие писателю Мандельштам Осипу Эмильевичу, с целью обнаружения оружия, переписки и других вещественных доказательств, подлежащих обязательному изъятию.

Обнаруженное при обыске вместе с протоколом обыска направить в 4-й Отдел ГУГБ НКВД СССР.

Пом. оперуполн. 5 отделения, 4 отдела, сержант ГБ ПЕТРОВ

Вр. нач. 5 отделения, 4 отдела УГБ, сержант ГБ РЕШЕТОВ

«Согласен».

Нач. 4 отдела УГБ НКВД, Капитан ГБ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ[1]

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 7.

‹15›
Ордер № 2933 от 28 мая 1938 года на производство обыска на бывшей квартире О.Э. Мандельштама в Калинине

НКВД

1 Рождественский Александр Константинович (1899– 4.12.1939). Родился в семье сельского учителя (позднее отец был «служителем культа»). В коммунистической партии с 1918 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. Капитан ГБ. С сентября 1937 г. начальник 4 отдела УГБ УНКВД по Калининской обл. Уволен из НКВД 15 февраля 1939 г. 29 сентября 1939 г. Военным трибуналом войск НКВД Московского округа приговорен по ст. 58-7, 58-8, 58-11 к расстрелу и расстрелян 4 декабря того же года. Не реабилитирован.

Управление НКВД по Калининской области
Управление Государственной Безопасности

Ордер № 2933
28 мая дня 193*8*

Дан сотруднику Оперативного Отдела У.Г.Б. Управления НКВД СССР по Калининской области *Жарову* на производство *обыска в доме Травникова Павла Федоровича* по адресу: г. Калинин, 3-я ул. Никитина, д. 43.

Примечание: Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного его проведения.

Нач. Управл‹ения› НКВД СССР
по Калинининской области Никонов

Нач. Оперативного Отдела УГБ *Подпись*

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 9. **На обороте помета карандашом:** ***«Читал Травников. 29/V–38».***

‹16›
Протокол обыска, произведенного 29 мая 1938 года на бывшей квартире О.Э. Мандельштама в Калинине

ПРОТОКОЛ

На основании ордера УГБ Управления НКВД

СССР по Калининской области № *2933* от *28 мая* 193*8* года произведен обыск у гр. *Травникова Павла Федоровича* в доме № *43*, кв. *1*, по ул. *по III ул. Никитина*.

При обыске присутствовал: *Сергеев Василий Александрович, проживающий по III ул. Никитина в д. № 43, кв. 1*.

‹. . .›

Обыск производил сотрудники УНКВД
Недобожин-Жаров и Пук
‹. . .›

Подписи

29 мая 193*8*

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 10.

‹17›
Сообщение 4 отдела Управления НКВД по Калининской области 4 отделу ГУГБ НКВД от 6 июня 1938 года об обыске, произведенном 29 мая 1938 года на бывшей квартире О.Э. Мандельштама в Калинине

СССР Совершенно секретно
НКВД
Управление НКВД по Калининской области
отдел 4
9/VI–193*8*
№ *28430*

Пом. нач. 4 отдела ГУГБ НКВД СССР
майору государственной безопасности
тов. ПЕТРОВСКОМУ, г. Москва

Четвертый Отдел УГБ НКВД по Калининской области препровождает документы на производство обыска, произведенного нами согласно Вашего отношения за № 266968 от 20 мая 1938 г. на квартире Мандельштам О.Э., постановление на производство обыска и протокол обыска от 29.V за 38 год.

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич в г. Калинине проживал с 17/XI–37 г. по 10/III–38 г. по адресу 3-я Никитинская ул., д. № 43. 10/III–38 со всем своим семейством из г. Калинина выехал на постоянное место жительства в г. Москву.

На бывшей квартире МАНДЕЛЬШТАМ у гр-на ТРАВНИКОВА Павла Федоровича, проживающего по 3-й Никитинской ул., в доме № 43, нами был произведен домашний обыск. Вещей и какой-либо переписки, принадлежавших МАНДЕЛЬШТАМ, при обыске не обнаружено.

Одновременно сообщаем, что в г. Калинине улицы под названием «Савеловская» нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.

Нач. 4 отдела УГБ НКВД по Калининской области
капитан гб (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ)

Вр. нач. 5 отделения, 4 отдела УГБ
сержант гб (РЕШЕТОВ)

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 8.

‹18›
Сопроводительная записка от 25 июня 1938 года о медицинском освидетельствовании О.Э. Мандельштама, состоявшемся 24 июня 1938 года

Десятый отдел ГУГБ НКВД СССР
Сов. секретно
25 июня 193*8*
№ *543323*
Служебная записка
Зам. начальника 4 отдела 1 Управления
майору госбезопасности т. Глебову

Согласно Вашего запроса от 20/VI–38 г. направляется акт медосвидетельствования арестованного МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича, содержащегося во Внутренней тюрьме ГУГБ, – на распоряжение.

Приложение: – Упомянутое

Нач. тюремного отдела НКВД СССР
Майор ГБ Антонов

Нач. 3 отдела
Ст. лейтенант ГБ *Подпись*

Получено 28 июня 1938

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 17.

‹19›

Акт медицинского освидетельствования О.Э. Мандельштама 24 июня 1938 года

АКТ

1938 года, июня 24 дня, мы, нижеподписавшиеся, свидетельствовали во Внутренней Тюрьме НКВД заключенного – МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича, 47 лет, причем оказалось, что он душевной болезнью не страдает, а является личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию.

Как недушевнобольной – ВМЕНЯЕМ.

Предс‹едатель› Комиссии
Военврач 2 ранга СМОЛЬЦОВ[1]

Члены консультанты, психиатры:
БЕРГЕР
КРАСНУШКИН[2]

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело

1 А.Л. Смольцов являлся лекпомом санитарной части ГПУ с момента его основания в 1922 г. (сообщено Н.В. Петровым). Подписи военврача 2-го ранга Смольцова и консультанта-психиатра санотделения АХУ НКВД Бергера стоят и под актом о состоянии здоровья С.Я. Эфрона от 20 ноября 1939 г. (Кудрова И.В. Гибель Марины Цветаевой. М.: Независимая газета, 1997. С. 114).

2 Краснушкин Евгений Константинович (1885–1951). Советский психиатр, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1912–1914 гг. работал в Центральном приемном покое Москвы. С 1920 по 1930 г. заведовал кафедрой судебной психиатрии в 1-м Московском университете. Одновременно заведовал кабинетом по изучению личности преступника. Был одним из организаторов Института судебной психиатрии им. Сербского, с 1931 г. – научно-исследовательского клинического института (МОНИКИ), в котором организовал психическую клинику. С 1943 г. – директор Московской областной нервно-психиатрической клиники. Принимал участие в судебно-психиатрической экспертной комиссии на Нюрнбергском процессе. Автор исследований в области психогений, неврозов и психопатий, судебной психиатрии. Много внимания уделял внедрению новых методов активной терапии психических заболеваний. Считают, что Краснушкин был одним из тех «специалистов», которые активно помогали следователям НКВД получать от арестованных необходимые показания и готовить обреченных к показательным процессам. «“Признания” добывались от обвиняемых при помощи небывалых по утонченности психических и физических пыток». (См.: Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины. Ростов-на-Дону, 1997. С. 386; Торчинов В.А., Леонтюк А.М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2000). Отметим, что с Краснушкиным О.М. до известной степени был знаком и на воле, о чем упоминает его вдова: «Однажды Якулов потащил нас к Краснушкину, где пили до одурения, но больше соблазнить Мандельштама бесплатной водкой не удалось» (Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 128).

Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 18.

‹20›
Обвинительное заключение по делу О.Э. Мандельштама от 20 июля 1938 года, подготовленное оперуполномоченным 5 отделения 4 отдела 1-го Управления мл. лейтенантом госбезопасности П. Шилкиным

нб/4

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам. Нач‹альника› 4 Отдела 1 Упр‹авления›
Майор Гос‹ударственной› Безопасности

(ГЛЕБОВ) *Глебов*

«*20*» июля 1938 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По след‹ственному› делу № 19390 по обвинению
Мандельштама О.Э. в преступлениях,
предусмотренных ст. 58-10 УК РСФСР

В 4-й отдел 1 Управления НКВД поступили данные о том, что Мандельштам О.Э. в 1927 году разделял троцкистские взгляды, в 1933 году, будучи враждебно настроен против партии и советской власти, написал резкий контрреволюционный пасквиль против ЦК

ВКП(б), за что Особым совещанием НКВД в 1934 г. был приговорен к 3-м годам высылки.

После отбывания наказания МАНДЕЛЬШТАМ не прекратил своей антисоветской деятельности.

На основании этих данных МАНДЕЛЬШТАМ был арестован и привлечен к ответственности.

Следствием по делу установлено, что МАНДЕЛЬШТАМ О.Э. несмотря на то, что ему после отбытия наказания запрещено было проживать в Москве, часто приезжал в Москву, останавливался у своих знакомых, пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем нарочитого демонстрирования своего «бедственного» положения и болезненного состояния.

Антисоветские элементы из среды литераторов использовали МАНДЕЛЬШТАМА в целях враждебной агитации, делая из него «страдальца», организовывали для него денежные сборы среди писателей.

МАНДЕЛЬШТАМ до момента ареста поддерживал тесную связь с врагом народа СТЕНИЧЕМ, КИБАЛЬЧИЧЕМ до момента высылки последнего за пределы СССР и др.

Медицинским освидетельствованием Мандельштам О.Э. признан личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию.[1] На основании вышеизложенного:

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич, 1891 г. р., урож‹енец› г. Варшавы, сын купца 1-й гильдии, еврей, гр‹аждани›н СССР, б/п, поэт. В 1907 г. примыкал к партии эсеров, был пропагандистом. В 1934 г. Особ‹ым› совещанием был осужден к 3-м

1 В настоящее время эта фраза из подлинника Обвинительного заключения вырезана.

годам высылки.

Обвиняется в том, что вел антисоветскую агитацию, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 УК РСФСР.

Дело по обвинению МАНДЕЛЬШТАМА О.Э. подлежит рассмотрению Особого совещания НКВД СССР.

Оперуполном‹оченный› 5 Отд‹еления› 4 Отдела 1 Упр‹авления НКВД›

Мл‹адший› Лейтенант Гос‹ударственной› Безопасности: *П. Шилкин* (ШИЛКИН)

«СОГЛАСЕН»: Нач. 5 Отд‹еления› 4 Отд‹ела› 1 Упр‹авления› НКВД

С. Лейтенант Гос‹ударственной› Безопасности: *Л. Райхман* (РАЙХМАН)

СПРАВКА: 1) обвиняемый МАНДЕЛЬШТАМ О.Э. арестован 30/IV–38 г. и содержится во Внутренней тюрьме.

2) Вещественных доказательств по делу нет.

Оперуполном‹оченный› 5 Отд‹еления› 4 Отд‹ела› 1 Упр‹авления НКВД› Мл‹адший› Лейтенант Гос‹ударственной› Безопасности: *П. Шилкин* (ШИЛКИН)

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 21–23. **Л. 28–30 – машинописная копия «Обвинительного заключения».**

‹21›
Выписка из протокола Особого совещания при НКВД

СССР от 2 августа 1938 года с постановлением заключить О.Э. Мандельштама в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Народном Комиссариате Внутренних Дел СССР

от «*2*» *августа* 193*8* г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
77. Дело № 19390/ц о МАНДЕЛЬШТАМ Осипе Эмильевиче, 1891 г. р., сын купца, б‹ывший› эсер	МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича за к.-р. деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ПЯТЬ лет, сч‹итая› срок с 30/IV–38 г. Дело сдать в архив.

Отв. секретарь Особого совещания *‹Печать-факсимиле:› И. Шапиро*[1]

Круглая печать НКВД

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 24. **Штамп внизу листа: «Исх. №** ***480076.*** **Выписка направлена** ***‹в› Бут‹ырскую› т‹юрьму›*** **«*16*» *VIII* 193*8*. №…. для направления в *Колыму*». На обороте – помета: *Объявлено 8/8–38 г.*, и далее – рукой поэта: *Постановление ОСО***

1 Шапиро Исаак Ильич (1885–1940). Образование: 5 классов реального училища, 1912; Московский народный городской университет им. А.Л. Шанявского; Промышленно-экономический институт, 1923–1927. В коммунистической партии с 1919 г. С апреля 1935 г. по апрель 1937 входил в число ближайших сотрудников Н.И. Ежова, являясь его референтом-докладчиком в то время, когда Ежов занимал пост секретаря ЦК ВКП(б). В органах НКВД с января 1937 г. В марте 1937 г. присвоено звание майор, в ноябре – старший майор ГБ. С 8 января по 5 июля 1937 г. – зам. начальника Секретариата НКВД, с 5 июля 1937 г. по 28 марта 1938 – начальник 9-го отдела ГУГБ НКВД, с августа 1937 г. по 4 ноября 1938 – начальник Секретариата НКВД СССР, с 28 марта 1938 г. – начальник 1-го спецотдела НКВД СССР. Арестован 13 ноября 1938 г., 4 февраля 1940 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу и расстрелян 5 февраля того же года. Реабилитирован.

читал. О.Э. Мандельштам.

‹22›
Копия квитанции № к/058 Бутырской тюрьмы от 23 августа 1938 года о получении О.Э. Мандельштамом денежного перевода.

БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА ГУГБ НКВД

Вручается на руки вносившему деньги

КОПИЯ КВИТАНЦИИ № *к/058* НА ПРИНЯТЫЕ ДЕНЬГИ ДЛЯ

Фамилия: *Мандельштам* Имя и отчество: *Осип Эмильевич*
Месяц: *38.08*
Число: *23*
Род операции и сумма прописью: *Передача сорок восемь р.*
Сумма: *48 –*
: *48 –*

Подпись операциониста: *Подпись*
АМ. Короб 4. Папка 9.

П. Павленко (ГЛМ)

Конвойные войска Внутренних войск НКВД СССР (1938): Мандельштамовский эшелон Списки попутчиков[1]

1

Чье сердце не обливалось кровью и не переполнялось состраданием к несчастным чернокожим, проданным в рабство жестоким плантаторам и бросающим последний взгляд на родимые пальмы какой-нибудь Гвинеи или Берега Слоновой Кости, прежде чем провалиться, под свист бичей, в ужасное жерло трюма? Вот картинка из школьного учебника, которая так и стоит перед глазами, не давая погаснуть здоровому пламени классовой ненависти. Наворачиваются слезы, и сжимаются кулаки. Нет, никогда и ни за что не простит простой советский человек эксплуататорским

---

1 Совместно с Н. Поболем, которому принадлежит честь и удача обнаружения данного комплекса документов в марте 1998 г. в РГВА. См. в публикациях: Нерлер П. Мандельштамовский эшелон // Московские новости. 1998. № 36. 13–20 сент. С. 23; «Поезд шел на Урал…» // Русская мысль. Париж. 1998. № 4245. 12–18 ноября. С. 15; Нерлер П., Поболь Н. Дело Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). М., 2001. С. 162–173; Никольский, Поболь. 1999. С. 43–47; Нерлер П., Поболь Н. «Поезд шел на Урал…» // Инновационные библиотечные технологии для образования, науки и культуры. Мандельштамовские чтения. Материалы объединенной научно-практической конференции. 18–22 сентября 2006 г. Владивосток, 2006. С. 103–107.

классам их жестокости, их подлости, их вероломства, ничто не вытравит из разгневанных сердец картины нечеловеческих условий, в которых содержались и перевозились эксплуатируемые народные массы – что при рабовладении, что при феодализме и капитализме!

СССР, хоть и морская, на три океана распластанная, держава, но в еще большей степени страна сухопутная. Рабства и прочей эксплуатации в СССР, по определению, нет и быть не может, а если кого и перевозят на работу группами, – бывает, конечно, что и в трюмах, но всё больше вагонами, – то именно самих этих проклятых эксплуататоров: разных буржуев, кулаков, прихвостней-эсеров, троцкистов, гнилых интеллигентов и прочую сволочь. Условия там, конечно, не очень, тесновато бывает, но все-таки ничего. И то – хватит им нашу пролетарскую кровь пить – пусть помучаются, поработают!..

А все-таки: как в СССР, в частности, из Москвы, перевозили заключенных?

Местом погрузки в Москве, как правило, были запасные пути недалеко от Казанского вокзала[1]. Черные вороны, перегороженные внутри так, чтобы двое конвоиров оказывалось сзади, доставляли заключенных из разных тюрем, в основном, из Бутырок и из Таганки. Построение перед вагонами, перекличка – сверка с эшелонными списками, затем погрузка в длинные вагоны с зарешеченными окнами.

С лязгом и скрежетом их сцепляют. И вот, встряхиваясь на стыках, эшелон медленно пополз на восток…[2]

В деревянных товарных вагонах[3], с учетом груза

1 И.И.Пейрос, которого этапировали из Таганской тюрьмы примерно 10 октября, утверждает, что это станция Ярославская-Товарная (Пейрос И.И. Из архива памяти / Публ. И.И.Пейроса // Архив еврейской истории. Т.5. М., 2008. С.58)

2 См.: Шульц В. Таганка. В Средней Азии / Доднесь тяготеет. Выпуск 1. Записки вашей современницы. М., 1989. С. 208–209.

3 В ходу было два типа вагонов: так называемые НТВ (нормальные товарные вагоны) – двухосные и грузоподъемностью в 16,5 т и теплушки-«пульманы» – четырехосные и грузоподъемностью в 50 т. Для людских перевозок последние утеплялись: стены – снаружи войлоком и второй обшивкой стен, пол – опилками и тоже

несколько переоборудованных, сооружались нары в два этажа – неструганый настил в два яруса. Рассчитывалось на 40 человек, точнее койко-мест. Но в каждом таком вагоне их было до 60, а случалось, что и до сотни человек. Пройтись, размяться места нет, разместиться можно только лежа.

Советские вагонзаки (арестантские вагоны) совершенно напрасно назывались «столыпинскими»: в тех еще были окна, пусть и зарешеченные, а в советских «столыпиных» наружных окон не было, решетчатые окна были только в коридорах, куда зэков без нужды не пускали. Кстати, о нужде: туалетом служили или параша у двери или очко в полу, ничем не огороженное, всеми обозреваемое[1].

Из атрибутов обычного железнодорожного путешествия зэка были оставлены лишь акустические эффекты: надрывные и щемящие паровозные свистки, или гудки. В России они были традиционно мощнее и красивее, чем в Европе: на сигнал подавался пар рабочего давления в 12 или 14 атмосфер, а звук состоял из трех-пяти тонов.

На площадках – бдительные наряды энкаведэшников, молчаливых, злых и жестоких (их способ путешествовать немногим отличается от того, каким едет охраняемый ими контингент; свободный от дежурства конвой находился в первом и последнем вагонах).

Перед отправкой раздают инвентарь: по одному котелку на двоих. Суточный паек в дороге – 400 граммов хлеба, миска баланды с рыбьими головами. Кипятка – одна кружка и к ней два кусочка сахара. Но и этот рацион выдавался не весь: конвой разворовывал. Одним словом – голод и жажда.

Умывальников – да и воды – не было. Правда, некоторым

второй обшивкой, а крыша – жестью, но иногда всего лишь брезентом. В двухоснике ставилась одна печь с вертикальной трубой, в четвреоснике – две. Но грош цена всей этой «теплоизоляции» – раз туалетом служила дыра в полу.

1 Ср. в воспоминаниях Л.Ельницкого: «В двери, противоположной той, через которую нас сажали в вагон, в нижнем углу выпилено отверстие и к нему приставлен узкий и корткий деревянный лоток – это наша уборная, пользуйся сколько хочешь… Для меня особенно мучительной представлялась необходимость испражняться не только что при народе, но и буквально в его тесноте» (Ельницкий Л. Три круга воспоминаний. Лагерный дневник. М.: Аграф, 2013. С.226-228)

эшелонам везло: их ожидала баня в Омске[1].

Обычно состав с 2–3 тысячами арестантов днем отстаивался в тупиках, двигались же главным образом ночью. Так что неудивительно, что по времени такой этап на восток занимал от одного до полутора месяцев. За это время многие стремительно приближались к состоянию классического доходяги…

2

В Российском государственном военном архиве хранится документация конвойных войск НКВД – ценнейший источник по российской истории. Сколько тысяч эшелонов прошло через них, скольких миллионов душ – зэков и спецпоселенцев, своих или чужих военнопленных, – они отэтапировали!

На истлевающей, какая попадется, бумаге, иногда папиросной, – эшелонные списки. Нестройные колонки слов и цифр – иногда только имена, но нередко еще и профессии, возраст, статьи, сроки…

Чудом (ведь найти здесь конкретного человека – всё равно что уколоться об иголку в стогу) удалось обнаружить документы, относящиеся к этапированию эшелона с О.Э. Мандельштамом[2].

Поистине вся огромная советская страна сошлась и отразилась в этом будничном для НКВД документе!

…Напрягаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом…
– Я рожден в девяносто втором…

---

1 Например, И.И.Пейроса (Пейрос И.И. Из архива памяти / Публ. И.И.Пейроса // Архив еврейской истории. Т.5. М., 2008. С.63)

2 РГВА. Ф. 18444. Список 2. Д. 203. Л. 75–122. Тут следует с благодарностью отметить и консультации А. Гурьянова.

И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья – с гурьбой и гуртом –
Я шепчу обескровленным ртом:
Я рожден в ночь с второго на третье
Января – в девяносто одном
Ненадежном году – и столетья
Окружают меня огнем.

Практически все из списка Бутырской тюрьмы были осуждены либо за контрреволюционную или антисоветскую деятельность или агитацию, либо по подозрению в шпионаже, либо как СОЭ – «социально-опасный элемент» (исключения составляли лишь двое, осужденные за педерастию, и два оперативных работника, совершившие должностные преступления).

«Мандельштамовский» эшелон подлежал отправке в город Владивосток, на Колыму, «Севвостлаг» НКВД. Командировка была выписана по спецнаряду I спецотдела НКВД на срок с 7 сентября по 28 октября 1938 года. Эшелон формировался на станции Красная Пресня Окружной железной дороги, в так называемом пересыльно-питательном пункте НКВД по Московской области, куда перед отправкой свозили партии заключенных, содержавшихся в различных тюрьмах НКВД Москвы и Московской области – Серпуховской, Коломенской, Таганской и, конечно, Бутырской. Всего в эшелон было принято 1770 человек, в том числе из Бутырок, – 209 человек. Начальником эшелона был командир 1 роты 236-го полка Конвойных войск старший лейтенант Романов И.И.

Фактически эшелон отправился из Москвы 8 сентября. Большая часть контингента направлялась и была доставлена на станцию Известковая (1038 человек – политические вперемежку с уголовными) и во Владивосток (700 человек – сплошь 58 статья, в их числе и О.М.). Еще 17 человек предназначались для лагерей в Мариинске, а 8 – в Красноярске. «Сдачи» состоялись, кроме того, в Свердловске

(3 человека), а также в Москве, Зиме, Могоче и Урульче (по 1 человеку).

Сам О.М. в письме брату в качестве даты отправки эшелона называет 9 сентября. Скорее всего, он ошибся, тем более что физик Л., ехавший с О.М. в том же транспорте, говорил, как передает Н.М., о 7 сентября.

О том, что он едет в одном транспорте с О.М., Л. узнал еще в дороге от одного из своих попутчиков, заболевшего в дороге и помещенного в вагон-изолятор, где он и встретился с О.М. Тот, по его словам, всё время лежал, укрывшись с головой одеялом, казенной пищи не ел. Дальше его воспоминания даем в пересказе Надежды Яковлевны:

> *У него сохранились какие-то гроши*[1]*, и конвойные покупают ему иногда на станциях булку. О.М. разламывает ее пополам и делится с кем-нибудь из арестантов, но до своей половины не дотрагивается, пока в щелку не заметит, что спутник съел свою долю. Тогда он садится и ест. Его преследует страх отравы – в этом заключается его заболевание, и он морит себя голодом, совершенно не дотрагиваясь до казенной баланды.*[2]

Итак, психическое расстройство проявилось у О.М. уже в дороге, если не раньше.

Почему же он оказался в изоляторе? Не потому ли, что, как рассказывал И.С. Поступальский, в вагоне его избил журналист Кривицкий[3]?

Станцией назначения живого груза был безлюдный разъезд Вторая Речка, чуть севернее Владивостока. Место живописное, справа – зеленые сопки, слева – в какой-нибудь

---

1 Совершенно очевидно, что это остатки 48-рублевого перевода от жены.

2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 460.

3 См. в списке Бутырской тюрьмы: «Кривицкий Роман Юльевич, 1900 г. р., журналист, к-р. тр. деят.» (ср. также в списке Таганской тюрьмы: «Кривицкий-Кошевик Илья Абрамович, 1898, 5 лет»).

сотне метров – океан…

На вершок бы мне синего моря, на
игольное б только ушко!..

Обычно эшелоны с «врагами народа» ставили на запасной путь под разгрузку рано утром; выгрузка занимала четыре–пять часов, не меньше. В конце концов, заключенных выстраивали в колонны по пяти человек в ряд и под конвоем вели до ворот пересыльного лагеря еще четыре километра – по нынешним Русской (бывшей Великорусской) и Областной улицам. Тысяченогая шаркающая колонна изгибалась на поворотах и растягивалась на сотни метров…

Несколько странный пункт о «сдаче» одного человека в Москве объясняется, видимо, тем, что по невыясненным причинам з/к Паниткова Пелагея Денисовна была просто-напросто освобождена. Еще трое одиночек – это те, кто не вынес тягот пути и в дороге умер или тяжело заболел. Их «сдавали по актам» в Зиме, Могоче и Урульче (кстати, акт о сдаче больного и акты о смерти – единственные документы, выполненные на бланках, пусть и весьма некачественных, на плохой бумаге и с отвратительной печатью; все остальные документы – как бог на душу положит, безо всякой профомы, на самой плохой, чаще всего папиросной, бумаге, и их сохранность внушает самые серьезные опасения).

Как был организован типовой эшелон для перевозки заключенных?

Продукты и командировочные конвою выписывались на 30 суток, белье – по две смены. Перед отправлением им полагалось прослушать лекцию «Питание в пути и желудочно-кишечные заболевания»[1].

По наряду ГУЛАГа был выписан план перевозки НКВД № 1152.

1 Никольский, Поболь, 1999. С. 46.

Состав поезда насчитывал 34 вагона, 9 двухосных и 25 четырехосных. В последних везли заключенных. Фактический вес поезда, учитывая неполное использование грузоподъемности вагонов при людских перевозках, мог превышать тысячу тонн, что соответствовало норме для наиболее распространенного тогда грузового паровоза серии Э на равнинных участках. На трудных профилях Урала и Восточной Сибири использовалась двойная тяга. Длина состава равнялась 440 метрам.

Напомню, что мандельштамовский эшелон отправился 8 сентября. Медленно пройдя от Пресни до Ростокина по Окружной, он вывернул на северный ход, по которому шел главный маршрут, и двинулся на восток: через Ярославль – Киров.

Чего нельзя было лишить в дороге – так это звуков, из которых самыми характерными были паровозные свистки (в просторечье – гудки). На российских и советских железных дорогах они отличались от сиплых или попискивавших свистков паровозов Европы мощью и красотой звучания (на сигнал подавался пар рабочего давления двенадцать и четырнадцать атмосфер, а звук состоял из трех–пяти тонов). Конечно, для узников ГУЛАГа эта «песня», сопровождавшая их на всем пути, имела надрывное, щемящее звучание[1].

Основным типом крытого грузового вагона российских, а затем советских железных дорог вплоть до 1950-х годов был так называемый «НТВ» – «нормальный товарный вагон» грузоподъемностью 16,5 тонны. Он был двухосным.

Каркас четырехосных вагонов был стальным, а стены, полы и крыши – дощатыми. Крыши покрывались жестью, а в тяжелые времена – брезентом. Постепенно четырехосные грузовые вагоны – как более выгодные – вытеснили двухосные. В быту за ними укоренилось американское название «пульман».

---

1 Там же. С. 43.

Для людских перевозок крытые вагоны снаружи утеплялись второй обшивкой стен. Между двумя слоями досок укладывался войлок. Пол для предотвращения промерзания утепляли опилками и вторым слоем досок. Так получалась знаменитая «теплушка». Но для перевозки заключенных могли подать и неутепленные вагоны.

Посередине двухосного вагона устанавливалась чугунная печь с вертикальной трубой, выводимой через крышу. В четырехосных вагонах было по две печи. Около печи сидел дневальный и смотрел за нею.

Нары в вагонах были двухэтажные, но зимние морозы часто загоняли всех на один ряд, хотя и здесь, сбившись в кучу и согревая друг друга собственными телами, люди страдали от холодов.

Главное, что проверялось, – это прочность досок, чтобы уменьшить возможность побега. Как писал А. Солженицын, «зэки долго не должны были сообразить своего нового преимущества: из каменной тюрьмы они перешли в тонкодощатый вагон» (толщина досок была от 22-х до 40 миллиметров).

Двери зэковских вагонов были, естественно, заперты наглухо, а окна зарешечены и закрыты.

В ГУЛАГовских эшелонах узники, как правило, больше всего страдали от жажды. Об этом пишет Солженицын (самая ходовая еда в пути – селедка) и Гинзбург (одна кружка воды на человека в сутки).

Разгружались эшелоны с заключенными обычно не на платформы, а прямо на пути станций или перегонов. При высадке из вагонов никаких лестниц не было, и заключенным приходилось прыгать с высоты около полутора метров на бровку пути.

Лагерь на станции Вторая Речка имел точное название «Владпер-пункт» (Владивостокский пересыльный). Рассчитывался он на 1500 человек, но в действительности, как

видим, их число сильно зашкаливало за эту норму. Общее число вагонов – в данном случае 34, из них 25 для «л/свободы», то есть «лишенных свободы» (их теплушки были четырехосными). В первом вагоне ехала обслуга, во втором – склад конвойных войск, в третьем – кухня для з/к, в четвертом – кухня и столовая для конвойных войск; в пятом – склад з/к. В 15-м и 24-м вагонах – караульные помещения. Зэков же везли в вагонах с 6-го по 14-й, с 16-го по 23-й и с 25-го по 32-й. В самом хвосте – изолятор (33-й вагон) и тут же рядышком, в 34-м вагоне, – оперативная группа.

Численность конвоя определялась в 110 человек, то есть примерно по 16 з/к на одного «сопровождающего». Примечателен и состав конвоя: по одному начальнику конвоя, политруку и коменданту, по двое начальников караула и их помощников, разводящих – 6, оперативная группа – 9 и, наконец, часовых – 78 (кроме того, хозяйственная обслуга и резерв – по 3, связисты и собаководы – по 2 человека). Лекпома и повара не было ни для з/к, ни для конвойных войск – в соответствующих графах прочерки!

4 сентября эшелон был в Свердловске. Здесь был снят с поезда з/к Барзунов Николай Иванович, а также сданы двое других – Михаил Владимирович Гущин и Артур Евгеньевич Полей. 19 сентября – остановка в Мариинске. Здесь, как известно, располагались крупнейшие женские и «инвалидные» мужские лагеря. По расписке было сдано 17 человек (все – по 58 статье). Точная дата прибытия в Красноярск не поддается прочтению: здесь «сошло» восьмеро этапированных.

Где-то за Красноярском в эшелон впервые наведалась смерть. Первым – от «острой слабости сердца» – умер совсем еще не старый (35 лет) Давид Филиппович Бейфус (1903 г. р.; приговор – 5 лет по ст. 58.10). Его выгрузили и сдали на станцию Зима 23 сентября, а 1 октября на станции Могоча был «сактирован» труп 52-х-летнего Спиридона Григорьевича Деньчукова (1886 г. р.; приговор – 8 лет по ст. 58-10). 29

сентября на станции Урульча был выгружен и сдан в качестве тяжело больного Авив Яковлевич Аросев.

7 октября прибыли на станцию Известковая на севере Еврейской автономной области. Здесь состав полегчал почти наполовину – отцепили сразу 16 вагонов и «сошло» 1038 человек, в том числе 105 женщин.

И вот эшелон прибыл на свою конечную станцию – Владивосток, точнее, на станцию Вторая Речка, располагавшуюся к северу от города. В лагере конвой передавал свой «груз» местной охране – «эшелон сдал», «эшелон принял», – и тоже по пятеркам.

«Акт приемки» датирован 12 октября 1938 года. Его подписали начальник эшелона Романов И.И. и целая приемная комиссия Владивостокского отдельного лагпункта Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей НКВД (СВИТЛ) – начальник учетно-распределительной части по фамилии Научитель; врид начальника санчасти, главврач Николаев, начальник финчасти Морейнис и врид начальника Отдела учета и распределения Владивостокского райотделения Управления НКВД Козлов.

Принято было, напомним, 700 человек – 643 мужчины и 57 женщин, – и все, согласно акту, здоровые. Но в этом стоило бы и усомниться: ведь, если верить этому акту, то горячая пища в пути выдавалась не реже, чем раз в сутки, а эшелон сопровождал некий военврач, фамилия которого, правда, не указана. И понятно почему: согласно командировке – никакого врача в эшелоне не было!

Ниже публикуется – впервые полностью – сводный список арестованных из различных тюрем НКВД, этапированных в город Владивосток, на Колыму, в том же эшелоне, что и О.М. В примечаниях даются краткие биографические справки о каждом – то, что удалось установить.

Еще одно замечание: как правило, пишут о репрессированном начальстве – о партийных и хозяйственных

работниках, о военных и чекистах. И действительно, их было немало. Многие удостоились чести попасть в так называемые «сталинские списки», подписанные лично Сталиным и членами Политбюро.

Но присмотритесь внимательно к спискам заключенных мандельштамовского эшелона – где здесь какая-либо номенклатура? Наибольший начальник – А.И. Тришкин – беспартийный секретарь захудалого Высокиничского райисполкома. А кто же остальные? В основном это рабочие и колхозники, иногда мелкие хозяйственники, и подозрительно много учителей. То есть это тот самый народ, ради которого и от имени которого якобы и существует советская власть.

Впрочем, есть одно интересное исключение – В.М. Потоцкий (№ 132 в списке Бутырской тюрьмы), портной, обвиненный в преступлении по должности. Интересно, какое должностное преступление может совершить портной? Оказывается, на самом деле этот «портной» – начальник отдела НКВД Башкирской АССР (в то время не было специальных лагерей для чекистов и, естественно с согласия нквэдэшников, его закамуфлировали под портного). Впрочем, судя по мандельштамовскому следователю – Шиварову, им и в лагере жилось, не в пример прочим заключенным, куда как неплохо. Ворон – ворону…

Есть и еще одно соображение: Сталин, говоря о «винтиках» и новом «советском человеке», вовсе не имел в виду создать какую-то единую модель этого человека, скорее он создавал общество на манер муравейника или пчелиного роя, винтики, так сказать, с разной резьбой, общество, основные элементы которого – «винтик-начальник», «винтик-чекист», ну и прочие «винтики» – простые «винтики-работяги».

«Винтики-начальники» постоянно выбраковывались и уничтожались – смотрите расстрельные списки – так как, во-первых, обладали вредной информацией из своей предыдущей жизни, а во-вторых, Сталин, этот прагматичный

«знаток человеческих душ», понимал, что из бывших начальников работяг не сделаешь, все они осядут при пищеблоках да больничках (примером тому – тот же Шиваров). И, кстати, нередко человек, попадая в новый лагерь, неожиданно встречал там кого-нибудь с прежде звучной фамилией или должностью. Генерала в доходяге с кайлом не разглядишь, а генерал-хлеборез – это престижно, это лагерная достопримечательность, прежде всего бросающаяся в глаза. В результате так и сформировался тип нынешнего чиновника – абсолютно лояльного, беспринципного и безинициативного и ни за что не отвечающего. Что касается «винтиков-чекистов», то и их, после того, как они сделали свое дело, по тем же причинам косили волнами – сначала недоучившихся гимназистов Ягоды, потом неграмотных костоломов Ежова, до Берии очередь дошла после смерти вождя, но и при нем, останься он жив, ничего хорошего Берию не ожидало бы. Такая уж разновидность «винтиков»…

Всё это не означает, что к высшей мере наказания не приговаривали просто невинных людей. Еще как приговаривали, и в гораздо большем количестве, чем номенклатуру и чекистов, а прежде всего тех, в ком еще жило чувство собственного достоинства – смертный грех при нашем строе. О.М. должен был бы быть среди них, но, видимо, слабый отголосок предыдущей милости вождя сказался и на этот раз.

Что же до «винтиков-работяг», то вот они, в нашем списке – строители, так сказать, нашего светлого будущего. И лагерь – это тоже «вышка», только несколько растянутая во времени. На общих работах на Колыме долго не протянешь, и если бы не 1956 год, мало кто вернулся бы оттуда.

И еще одно наблюдение: помимо того, что непропорционально много людей с прибалтийскими, финскими, немецкими и, само собой, еврейскими фамилиями, много и русских, родившихся за пределами СССР, в той же

Прибалтике. Наша постоянная шпиономания!

И, наконец, главный вывод после чтения эшелонного списка – осужденная чекисткая и партийная номенклатура – лишь капля в океане репрессированного народа.

Документы

‹1›
Эшелонный список из Бутырской тюрьмы[1]

1. АДЛЕР МЕЕР ШМУЛЕВИЧ 1910 каменщик СОЭ

2. АРОСЕВ АВИВ ЯКОВЛЕВИЧ[2] 1896 экономист к-р. тр. деят.

3. АВЕРБУХ ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1916 электромонтер к-р. агит.

4. АБРАМОВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ 1890 фин. бухгалтер к-р. деят.

5. АСТАШЕВСКИЙ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ 1906 опер. сотр. СОЭ

6. АВДЕЕНКО ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ 1894 артист к-р. агит.

7. АЗАРХ ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1885 литер. раб. к-р. деят.

8. АРРО ХУГО АНТОНОВИЧ 1893 плотник –

9. АБОЛЬ АЛЬФРЕД ЯКОВЛЕВИЧ 1890 бухгалтер –

10. АУЗИН РОБЕРТ ЕВСЕЕВИЧ[3] 1889 землемер к-р. агит.

11. АЛЛИК БОРИС АРНОЛЬДОВИЧ[4] 1910 электротехник

---

1 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 91–97. Машинописный список на семи листах папиросной бумаги. Помимо граф ФИО, год рождения, профессия и статья, в списке есть графа «наименование осудившего органа», которая в нашей публикации не приводится, так как она одинакова для всех заключенных, а именно: ОСО НКВД. Всего в списке 190 фамилий. Установить фамилии арестованных под порядковыми номерами 182–190, к сожалению, не удалось из-за глубокой подшивки листов в деле. Пять фамилий вычеркнуты, таким образом, по данному списку Бутырской тюрьмы ГУГБ во Владивосток доставлено 185 человек.

2 29 сентября 1938 г. был выгружен и сдан в качестве тяжело больного на станции Урульча.

3 Аузин Роберт Евсеевич. Родился в 1889 г., Лифляндская губ., Рижский уезд, с. Сигегаль (Латвия);

нач. учетно-статистического сектора Таганского райисполкома, г. Москва. Проживал: Москва, Тверской б-р, 9, кв. 7. Арестован 4 декабря 1937 г. Приговорен ОСО НКВД СССР 2 июля 1938 г., обвинен в антисоветской агитации. Приговор: 8 л. ИТЛ, умер 20 декабря 1938 г. в местах лишения свободы. Реабилитирован 25 марта 1996 г. (Прокуратура г. Москвы. Дело № П-47864).ниги памяти и дава

4 Аллик Борис Арнольдович. Родился в 1910 г., Московская обл., с. Серебряные пруды; член ВКП(б); работал зав. электрохозяйством Боровской ГЭС. Проживал: г. Боровск. Приговорен ОСО НКВД СССР 2 июля 1938 г.,

–

12. АРЕФЬЕВ ЖАН ЮРЬЕВИЧ 1887 кладовщик а/с агит.

13. БОРИСОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ[1] 1887 портной к-р. деят.

14. БРОН МОИСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ 1889 торг. раб. –

15. БАБАНАШВИЛИ–ДУБРОВСКАЯ ГИЛЬДА АЛЬБЕРТОВНА 1914 торг. раб. СОЭ

16. БРЕЙТЕРМАН МИХАИЛ ДАВЫДОВИЧ 1890 инженер к-р. тр. д.

17. БЕЛОКОНЬ ПАВЕЛ ИОВИЧ 1910 опер. раб. преступл. по должн.

18. БЕРЕСТЕНСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1895 инженер СОЭ

19. БРЮХАНОВ АРТЕМИЙ НИКОЛАЕВИЧ[2] 1904 экономист к-р. деят.

20. БУТЛИЦКИЙ–ТУМАНОВ ЭДУАРД МИНЕЕВИЧ 1906 журналист –

21. БОЙКО ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ 1893 токарь подозр. в шпион.

22. БЫХОВ ЯКОВ СЕМЕНОВИЧ 1901 инж. строит. к-р. деят.

23. БАЛАБИНОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ 1895 гл. бухгалтер к-р. тр. д.

24. БЛАЖЕВИЧ ЕГОР СЕЛИВЕРСТОВИЧ[3] 1878 плотник к-р. деят.

обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 5 лет лишения свободы (КПКО).

1 Борисов Сергей Васильевич. Родился в 1887 г., Владимирская обл., Кольчугинский р-н, д. Кудрявцево. Проживал: г. Москва. Арестован 26 августа 1937 г. Приговорен 2 августа 1938 г., обвинен в к.-р. деятельности. Приговор: 8 лет лишения свободы. Проживал: Владимирская обл., г. Александров. Арестован 4 мая 1949 г. Приговорен 6 августа 1949 г., обвинен в антисоветской агитации. Приговор: ссылка на поселение (Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь).

2 Брюханов Артемий Николаевич. Родился в 1904 г., г. Уфа; образование высшее; б/п; зам. директора Всесоюзной конторы «Союзметизстройторг» Наркомата торговли СССР. Проживал: Москва, ул. Кузнецкий Мост, д. 20, кв. 46. Арестован 30 апреля 1938 г. Приговорен ОСО НКВД СССР 2 августа 1938 г., обвинен в к.-р. деятельности. Приговор: 8 лет ИТЛ. Содержался в Севлаге НКВД. 27 декабря 1938 г. бежал из лагеря. Арестован 19 января 1939 г. Приговорен ВК ВС СССР 13 июля 1941 г., обвинен в подготовке терактов против руководителей СССР. Расстрелян 27 июля 1941 г. Место захоронения – Московская обл., Коммунарка. Реабилитирован в ноябре 1956 г. ВК ВС СССР (Расстрельные списки: Москва, 1937–1941: «Коммунарка», Бутово: Книга памяти жертв политических репрессий. М.: Звенья, 2000).

3 Блажевич Егор Селиверстович. Родился в 1878 г. в Литве; колхозник. Проживал: Московская обл., Ново-Петровский р-н, д. Шаблыкино. Дело П-47457 (КПМО).

25. БАХМЕТЬЕВ КИРИЛЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ 1889 плотник а/с агитац.

26. БЛАХ ЛЕВ ПАВЛОВИЧ 1884 инженер к-р. деят.

27. БОГОМОЛЕЦ ИВАН ИОСИФОВИЧ 1902 экономист –

28. БОРУХСОН ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ 1899 инж. экономист подозр. в шпион.

29. БАУЭР НИКОЛАЙ АДОЛЬФОВИЧ 1888 служащий к-р. деят.

30. БУРОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 1900 технолог подозр. в шпион.

31. БОР ГЕНРИХ АДОЛЬФОВИЧ 1888 бухгалтер –

32. БИТТЕНБИНДЕР ИВАН ГАВРИЛОВИЧ 1889 – к-р. деят.

33. ВИНТЕРХОЛЛЕР ВАСИЛИЙ КАРЛОВИЧ 1900 тракторист –

34. ВАРБАСЕВИЧ ТОМАС АЛЕКСАНДРОВИЧ 1908 техн. по инстр. подозр. в шпион.

35. ВОЛЬ‹Ф›СОН СОЛОМОН БОРИСОВИЧ 1905 пред. месткома к-р. деят.

36. ВЕБЕР ЛЕОНИД КОНДРАТЬЕВИЧ[1] 1911 тракторист –

37. ВИНОГРАДОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ[2] 1899 учитель –

38. ВОЩЕНКОВ ДАНИИЛ ИВАНОВИЧ 1887 инспектор к-р. тр. деят.

39. ВОЙТЫНА АЛЕКСАНДР АНТОНОВИЧ 1893 кондуктор –

40. ВАЙНЕР АБРАМ АРОНОВИЧ 1915 техн. констр. к-р. тр. агит.

41. ВЕНДЕ РОБЕРТ МАРЦЕВИЧ 1896 парт. раб. к-р. тр. деят.

1 Вебер Леонид Кондратьевич. Родился в 1911 г., Крым, Ленинский р-н, с. Эльнежели; б/п; работал трактористом. Проживал: Калужская обл., ГерасимовБоровский р-н, с/х им. Молотова. Приговорен ОСО НКВД СССР в 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

2 Виноградов Александр Владимирович. Родился в 1899 г., Московская обл., Угодско-Заводской р-н, г. Заложье; б/п; учитель начальной школы. Проживал: Калужская обл., Высокиничский р-н, с-з «Чаусово». Приговорен ОСО НКВД СССР 28 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 7, 11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

42. ВЫСОЦКИЙ АНТОН БРОНИСЛАВОВИЧ 1902 почт. раб. к-р. деят.

43. ГОРОДЕЦКИЙ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ 1897 экономист подозр. в шпион.

44. ГЕРАСИМОВ ГЕОРГИЙ ПАХОМЫЧ[1] 1907 плотник а/с агит.

45. ГОЛЬДВАРГ ЭММАНУИЛ СОЛОМОНОВИЧ[2] 1917 радиотехник к-р. агит.

46. ГОРОВИЦ НОРБЕРТ АРОНОВИЧ[3] 1909 педагог а/с агит.

47. ГРАБАР МАКСИМ АНТОНОВИЧ 1900 счетовод к-р. деят.

48. ГАТИЛОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ 1918 счетовод к-р. агит.

49. ГЕРМАН АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ 1906 журналист к-р. деят.

50. ГИБЕРТ ЯКОВ ДАНИЛОВИЧ[4] 1904 учитель к-р. агит.

51. ДОВОЛЬНОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ 1900 чернорабочий к-р. деят.

52. ДОРОФЕЕВ МАКЕДОН ПЕТРОВИЧ[5] 1891 машинист –

53. ДОСТАНКО МАКАР СЕМЕНОВИЧ 1892 продавец к-р. агит.

54. ДЖАПОРИДЗЕ АНЕМПОДИСТ НЕСТЕРОВИЧ 1892 экономист СОЭ

55. ДАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ[6] 1897 учитель

---

1 Герасимов Георгий Пахомович. Родился в 1907 г., плотник, завод № 24. Проживал: Москва, ул. Соколиная гора, барак 23. Дело 20343 (МП).

2 Гольдварг Эммануил Соломонович. Родился в 1917 г., Одесская обл., Березовский р-н, с. Яковка; техник радиоузла, Центральный дом культуры железнодородников. Проживал: Московская обл., ст. Пушкино, Акуловское шоссе. Дело 15890 (КПМО).

3 Горовиц Норберт Аронович. Родился в 1909 г., студент, Московское государственное еврейское театральное училище. Проживал: Москва, ул. Трифоновская, 53-а, кв. 12. Дело 18433 (МП).

4 Гиберт Яков Данилович. Родился в 1904 г., Оренбургская обл., к-з Деевка; учитель. Проживал: Московская обл., Куровской р-н, с. Ильинский погост. Дело 15854 (КПМО).

5 Дорофеев Македон Петрович. Родился в 1891 г., Московская обл., Куровской р-н, д. Цаплино;

ст. машинист, электростанция Ильинской больницы. Проживал: Московская обл., Куровской р-н, с. Ильинский погост. Дело П-44970 (КПМО).

6 Даев Алексей Александрович. Родился в 1897 г., Калужская губ., Высокиничский р-н, с. Труюево; б/п;

учитель. Проживал: Московская обл., Высокиничский р-н, с. Тростье. Приговорен ОСО НКВД СССР 28 июля 1938 г., обвинен по ст. 58 п. 7, 11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

к-р. деят.

56. ДЖАФАРОВ АБДУРОХМАН–АБДУЛ ДЖАБАР 1896 повар подозр. в шпион.

57. ДАГАЕВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ 1885 железнодорожник к-р. агит.

58. ДОЛГОРУКОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 1913 – –

59. ЕФАРИЦКИЙ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ 1893 экономист к-р. деят.

60. ЖИЛЯЕВ СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ[1] 1903 учитель –

61. ЖАРКОВ ИВАН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ[2] 1899 налог. инспектор –

62. ЗАМАРАЕВ ГРИГОРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ 1896 шофер СОЭ

63. ЗАНЯТКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ 1888 инженер к-р. тр. деят

64. ЗВЕЗКИН СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ 1902 бухгалтер к-р. деят.

65 ЗЫКОВ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ[3] (вычерк.) 1895 инженер к-р. агит.

66. ЗАБОРСКИЙ СТАНИСЛАВ ОСИПОВИЧ 1895 сапожник к-р. деят.

67. ЗНОТ ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ 1893 адм. хоз –

68. ЗИБЕНКЕС ФЕРДИНАНД ФЕРДИНАНДОВИЧ[4] 1888 бухгалтер к-р. агит.

69. ЗЛОДЕЕВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ 1889 чернорабочий СОЭ

70. ИГОШКИН ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ[5] 1910.

---

1 Жиляев Степан Степанович. Родился в 1903 г., Калужская обл., Тарусский р-н, с. Введение; б/п;

работал зав. начальной школы. Проживал: г. Таруса. Приговорен ОСО НКВД СССР 27 июня 1938 г., обвинен по ст. 58 п. 7, 11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

2 Жарков Иван Лаврентьевич. Родился в 1899 г., Тульская обл., Веневский р-н, д. Озерская Слобода;

налоговый инспектор, Лопасненский Райфо. Проживал: Московская обл., с. Лопасня, ул. Зачатье, 82. Дело 20207 (КПМО).

3 Зыков Александр Георгиевич. Родился в 1895 г., Московская обл., г. Малоярославец; руководитель группы, Центральная научно-экспериментальная лаборатория. Проживал: Москва, Даев пер., 27, кв. 7. Дело 49293 (КПМО).

4 Зибенкес Фердинанд Фердинандович. Родился в 1888 г., Эстония, г. Балтийский Порт. Проживал: Московская обл., Боровский р-н, д. Самсоново. Приговорен ОСО НКВД СССР 2 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 8, 10, ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 10 лет ИТЛ (КПКО).

5 Игошкин Владимир Яковлевич. Родился в 1910 г., студент, 2-й мединститут. Проживал: Москва, Кадашевская наб., 12, кв. 10 (МП). Дело 20162.

сверловщик к-р. агит.

71. ИМБЕРГ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ 1899 бухг. экономист к-р. тр. деят.

72. КЛИМОВ–КЛИМЕНОК ИГНАТИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ 1895 зерн. инспектор подозр. в шпион.

73. КОЛЛОНТАЙ ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ 1895 художник –

74. КИСЕЛЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ 1904 журналист к-р. тр. деят.

75. КОНЬКОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ[1] 1915 машинист к-р. деят.

76. КРИВИЦКИЙ РОМАН ЮЛЬЕВИЧ 1900 журналист к-р. тр. деят.

77. КОРМИЛИЦИН НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ 1887 товаровед подозр. в шпион.

78. КОЛОСОВСКИЙ ПЕТР ИОСИФОВИЧ 1898 в/с –

79. КАБРИЦКИЙ ИСАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1896 экономист к-р. деят.

80. КРАФТ ГЛЕБ ИВАНОВИЧ 1903 адм. хоз. раб. к-р. тр. деят.

81. КАМЗОЛОВ МАКСИМ АНТОНОВИЧ 1905 слес. водопров. педерастия

82. КИСЛЯКОВ ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ[2] 1894 токарь по мет. к-р. деят.

83. КУДРЯВЦЕВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (вычерк) 1886 зам. нач. отд. к-р. тр. деят.

84. КАЦ СЕМЕН ДАВЫДОВИЧ 1896 финансист –

85. КУЗНЕЦОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ[3] 1903 медн. жестянщик к-р. агит.

86. КРЕЙЦБЕРГ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ[4] 1905 инж.

---

1 Коньков Иван Васильевич. Родился в 1915 г., слесарь, завод им. Горбунова. Проживал: Москва, Б. Конюшковский пер., 18, кв. 17. Дело 20193 (МП).

2 Кисляков Георгий Ильич. Родился в 1894 г., г. Ростов-Ярославский; директор ф-ки «Союзмебель.

Проживал: г. Свердловск. Арестован 20 августа 1937 г. Приговорен 2 августа 1938 г. Приговор: 8 лет ИТЛ (Книга памяти Свердловской обл.).

3 Кузнецов Сергей Алексеевич. Родился в 1903 г., Московская обл., д. Часлово; медник, Автобаза Главмаслопрома. Проживал: Москва, ул. Восточная, 1, кв. 22. Дело П-47934 (КПМО).

4 Крейцберг Николай Алексеевич. Родился в 1905 г., г. Харьков; начальник цеха з-да «Динамо» им. Кирова.

электрик к-р. тр. деят.

87. КВАЦЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ 1907 капитан РККА подозр. в шпион.

88. КУПЦОВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ 1901 служащий к-р. агит.

89. КАРЦЕВ СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ[1] 1885 вет. фельдшер к-р. деят.

90. КЕСАЕВ САРАБЫЙ СЕРГЕЕВИЧ 1912 студент к-р. агит.

91. КРЯЖЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ 1892 химик –

92. КАЛИНЫЧЕВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ[2] 1889 плановик к-р. деят.

93. КАЧАЛКИН РОМАН ИВАНОВИЧ 1919 слесарь побег с места ссылки

94. КАРМИЛОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ 1909 токарь подозр. в шпион.

95. КЛЕНКИН ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ 1904 электромонтер к-р. тер. агит.[3]

96. КУЗЬМИНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ 1904 техник к-р. агит.

97. КАПРАНОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ 1918 учащийся –

98. КРЕЧКОВ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ[4] 1909 мастер оптик –

99. КОНЬКОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ 1915 слесарь –

100. КНЕВИНСКИЙ ИВАН АНДРЕЕВИЧ[5] 1881

Проживал: Московская обл., г. Москва. Арестован 15 августа 1936 г. Приговорен ОСО НКВД 20 октября 1936 г., обвинен по ст. 58, п. 10, ч. 1. Приговор: 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 16 апреля 1956 г. Москоским Горсудом (Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль).

1 Карцев Степан Андреевич. Родился в 1885 г., Тульская обл., Арсеньевский р-н, с. Докукино; ветеринарный фельдшер, Кунцевское РайЗО. Проживал: Московская обл., пос. Мещерский, ул. Трудовая, 222. Дело П-46841 (КПМО).

2 Калинычев Иван Алексеевич. Родился: Рязанская обл., Пронский р-н; слобода Плотная, плановик, швейная артель «Ильинский портной». Проживал: Московская обл., Куровской р-н, с. Ильинский погост. Дело П-44970 (КПМО).

3 Контр-революционная террористическая агитация.

4 Кречков Владимир Семенович. Родился в 1909 г., Московская обл., Раменский р-н, с. Быково; мастер, Оптическая мастерская Центрального аптекоуправления. Проживал: Московская обл., Раменский р-н, с. Быково. Дело 20326 (КПМО).

5 Кневинский Иван Андреевич. Родился в 1881 г., Курляндская губ., х. Платис; колхозник, к-з «Свой труд».

колхозник подозр. в шпион.

101. КИДЫБА ПЕТР СТЕПАНОВИЧ 1888 фельдшер к-р. агит.

102. ЛЕОНИДОВ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ 1887 врач к-р. деят.

103. ЛУЗИК АРСЕНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧ[1] 1891 сторож –

104. ЛУНЕВСКИЙ ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ[2] 1893 учитель –

105. ЛЕВЧЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ 1898 адм. хоз. работник к-р. агит.

106. ЛЬВОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ 1888 экономист к-р. деят.

107. ЛИНЬКОВ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ[3] 1910 шофер к-р. агит.

108. ЛАВЕНЕК ФРИЦ ЯНОВИЧ 1897 рабочий подозр. в шпион.

109. ЛААС ИВАН МИХАЙЛОВИЧ[4] 1882 агроном к-р. деят.

110. МАКАРЕНКО НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ[5] 1902 учитель –

111. МАГИД ЭЙЗЕР МАРКОВИЧ[6] 1914 адм. хоз. раб. пров. деят.[7]

Проживал: Московская обл., Михневский р-н, с. Успенское. Дело 15846 (КПМО).

1 Лузик Арсентий Яковлевич. Родился в 1881 г., в Эстонии; сторож, Военно-охотничье хозяйство Московского военного округа. Проживал: Московская обл., Новопетровский р-н, д. Городище. Дело П-47458 (КПМО).

2 Луневский Виктор Дмитриевич. Родился в 1893 г., Калужская обл., Угодско-Заводский р-н, с. Карилово; б/п; инспектор средних школ. Проживал: Московская обл., Высокиничский р-н, с. Высокиничи.

Приговорен ОСО НКВД СССР 27 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 7, 11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

3 Линьков Евгений Петрович. Родился в 1910 г., Саратовской губ., Петровский уезд, д. Морозовка;

шофер автобазы Госбанка СССР. Проживал: ст. Пушкино, Сев. ж. д., ул. Добролюбовская, 40. Арестован 30 апреля 1938 г. Приговорен ОСО НКВД СССР 15 июля 1938 г., обвинен в контрреволюционной агитации. Приговор: 5 л.ет ИТЛ. Реабилитирован 14 июня 1996 г. Прокуратурой г. Москвы. Дело П-48137 (Прокуратура г. Москвы).

4 Лаас Иван Михайлович. Родился в 1882 г., Эстония, с. Торгель; без определенных занятий.

Проживал: Московская обл., Наро-Фоминский р-н, с-з «Лобаново» (КПМО). Дело П-47452.

5 Макаренко Николай Васильевич. Родился в 1902 г., Калужская обл., Тарусский р-н, г. Таруса; б/п;

учитель. Проживал: Калужская обл., Тарусский р-н, г. Таруса. Приговорен ОСО НКВД СССР 27 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 7, 11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

6 Магид Эйред Маркович. Родился в 1914 г., в Киевской обл.; еврей. Проживал: г. Москва. Арестован в 1938 г. Приговорен Военным трибуналом 23 января 1942 г., обвинен по ст. 58. Расстрелян 27 февраля 1942 г.

Реабилитирован в июле 1992 г. (За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан, 1999).

7 Провокаторская деятельность.

112. МАНДЕЛЬШТАМ ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ 1891 писатель к-р. деят.

113. МАСТЕРОВ ПИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ 1882 сборщик –

114. МОСТРЮКОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ 1911 портной к-р. агит.

115. МЕЩЕРЯКОВ ПАВЕЛ СПИРИДОНОВИЧ 1911 слесарь –

116. МАЛЫШЕВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ[1] 1891 электрик –

117. МИСТЕЛЬГОФ ТЕОДОР ИВАНОВИЧ 1895 строитель подозр. в шпион.

118. МЕВИУС ЭМИЛЬ ВОЛЬДЕМАРОВИЧ[2] 1906 конструктор –

119. МАТВЕЕВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ 1905 бриг. журн. к-р. агит.

120. МЕДИК ФЕДОР ПАРФЕНТЬЕВИЧ 1890 лекар. нач. –

121. НЕКРАСОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ 1899 счетовод а/с агит.

122. НИСНЕВИЧ ЯКОВ ПЕТРОВИЧ 1910 лит. работ к-р. тр. агит.

123. ОЛЬХОВ ХАНАН МАРКОВИЧ 1906 сварщик –

124. ОЛЕРСКИЙ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ 1892 артист к-р. деят.

125. ОСИПЯН НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ[3] 1916 электромонтер к-р. агит.

126. ОТТ АЛЬБЕРТ АЛЬБЕРТОВИЧ 1881 преподователь подозр. в шпион.

127. ПЕНЕВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (вычерк) 1906 техник СОЭ

128. ПЕУТОНЕН ОНИ ДАВЫДОВИЧ 1911 маляр подозр.

---

1 Малышев Иван Васильевич. Родился в 1891 г., электромонтер, завод «Серп и молот». Проживал: Москва, ул. Ульяновская, 52, кв. 1. Дело П-47941 (МП).

2 Мевиус Эмиль Вольдемарович. Родился в 1906 г., конструктор. Проживал: Москва, пл. Прямикова, 5. Дело 15903 (МП).

3 Осипян Николай Аркадьевич. Родился в 1916 г., г. Тбилиси; рабочий з-да «Платиноприбор». Проживал: Московская обл., ст. Никольская, Горьковской ж. д., Вишняковское ш., 1, кв. 6. Арестован 29 апреля 1938 г. Приговорен ОСО НКВД СССР 27 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10. Приговор: 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 20 февраля 1996 г. Прокуратурой г. Москвы. Дело П-47931 (КПМО).

в шпион.

129. ПАХОМОВ АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ 1893 в/с а/с агит.

130. ПАДУА ЗИГМУНД НАУМОВИЧ[1] 1898 парт. раб. к-р. тр деят.

131. ПОТАПОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ[2] 1914 расточщик к-р. агит.

132. ПОТОЦКИЙ ВЛАДИМИР МАТВЕЕВИЧ[3] 1893 портной преступл. по должн.

133. ПАВЛОВ ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ 1907 техн. строит. подозр. в шпион.

134. ПИСАРЕНКО ЛЕОНТИЙ ТИМОФЕЕВИЧ 1899 опер. раб. преступл. по должн.

135. ПЕТРОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ 1897 экономист к-р. деят.

136. ПОТАНИН БОРИС СТЕПАНОВИЧ 1890 каменщик преступл. по должн.

137. ПЕТРОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ 1891 адм. хоз. раб. к-р. деят.

138. ПЕРЕПЕЛКИН ИВАН ТРОФИМОВИЧ 1887 железнодор. к-р. тр. деят.

139. РАБИНОВИЧ МЕЕР ЛЕЙЗЕРОВИЧ 1893 механик к-р. деят.

140. РЖЕВСКИЙ ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ[4] 1900 бухгалтер к-р. агит.

141. РУДОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ[5] 1885 дир. школы к-р. деят.

---

1 Падуа Зигмунд Наумович. Родился в 1898 г. Без определенных занятий. Проживал: Москва, Ср. Тишинский пер., 4, кв. 5. Дело П-47944 (МП).

2 Потапов Василий Петрович. Родился в 1914 г., Московская обл., Звенигородский р-н, д. Чупряково;
слесарь, з-д им. Сталина. Проживал: Москва, поселок ЗИСа, 34, кв. 2. Дело П-56336 (КПМО).

3 Потоцкий Владимир Матвеевич. Родился в 1893 г., в Эстонской ССР; образование незаконченное высшее; член ВКП(б); начальник отдела НКВД Башкирской АССР. Арестован 1 сентября 1937 г. Приговор: 8 лет лишения свободы. Реабилитирован 15 октября 1957 г. Источник: Книга памяти Республики Башкортостан.

4 Ржевский Федор Васильевич. Родился в 1900 г., Киев; бухгалтер, с-з «Горки Ленинские». Проживал: Московская обл., Ленинский р-н, с. «Горки Ленинские». Дело П-50901 (КПМО).

5 Рудов Петр Иванович. Родился в 1885 г., Смоленская обл., Семлевский р-н, д. Дубки; б/п; работал директором школы. Проживал: Калужская обл., Высокиничский р-н, д. Алтухово. Приговорен ОСО НКВД СССР 27 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 7, 11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

142. РАКЧЕЕВ НИКОЛАЙ КИРИЛЛОВИЧ[6] 1905 проводник а/с агит.

143. РУББЕЛЬТ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ 1910 летчик подозр. в шпион.

144. РУССАК ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ[2] 1903 пожарный?

145. СПИРИДОНОВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ 1909 слесарь к-р. деят.

146. СПИРИДОНОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ 1895 закройщик –

147. СУСОВ МИХАИЛ АКИМОВИЧ[3] 1904 чернорабочий –

148. СМИРНОВ ИОСИФ ВАСИЛЬЕВИЧ 1907 инженер к-р. тр. деят.

149. СНЕТКОВ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ[4] 1990 объездчик к-р. деят.

150. СМИРНОВА АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА (вычерк.) 1900 телеграфистка –

151. СВЕРЛЯ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 1894 – –

152. СВЕТЛИЧНЫЙ АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВИЧ 1900 в/с преступл. по должн.

153. СКРАГЕ ИВАН АНДРЕЕВИЧ[5] 1897 слесарь к-р. агит.

154. СМОРОДИН МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ 1908 художник к-р. деят.

155. СОРОКИН МИХАИЛ АНДРИАНОВИЧ 1897 в/с преступл. по должн.

156. САВИН ИГНАТИЙ КУЗМИЧ[6] 1883 рыбовод к-р. деят.

---

6 Ракчеев Николай Кириллович. Родился в 1905 г., Рязанская обл., с. Подвислово; проводник вагонов, ст. Москва, Ленинской ж. д. Проживал: Московская обл., г. Раменск, ул. Лесная, 33. Дело П-47420 (КПМО).

2 Руссак Владимир Иванович. Родился в 1903 г., Гродненская губ., Слонимский уезд, с. Подлесье;

помощник начальника пожарной охраны, ф-ка им. Ногина. Проживал: Московская обл., г. Кунцево, ф-ка им. Ногина, 20. Дело П-50870 (КПМО).

3 Сусов Михаил Акимович. Родился в 1904 г., Московская обл., Михайловский р-н, д. Хавертово;

чернорабочий, Московский велозавод. Проживал: Кожухово, ул. Сайкина, 6, кв. 5. Дело 20187 (КПМО).

4 Снетков Георгий Михайлович. Родился в 1889 г., Московская обл., Угодско-Заводский р-н, д. Огубь; б/п;

работал объездчиком. Проживал: Московская обл., с. Высокиничи. Приговорен Тройкой при УНКВД Московской обл. в 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

5 Скраге Иван Андреевич. Родился в 1897 г. в Латвии; кладовщик, МОЗОС. Проживал: Московская обл., Наро-Фоминский р-н, д. Собакино. Дело П-52871 (КПМО).

6 Савин Игнатий Кузьмич. Родился в 1893 г., Латвия, г. Люцин; ст. рыбовод, рыбхоз. Проживал: Московская обл., Звенигородский р-н, рыбхоз «Нара». Дело 17294 (КПМО).

157. САКСОНОВ ОЛИМПИЙ ГЕСОЛЕВИЧ 1894 зам. нач. снаб. СОЭ

158. СУКЕЧЕВ СЕМЕН ИЛЬИЧ 1891 нач. груз. к-р. тр. деят.

159. СМИЛГА ГЕРМАН КАРЛОВИЧ 1894 монтер к-р. деят.

160. СЕМЕНОВ–БЛАС АРКАДИЙ СЕМЕНОВИЧ 1895 типограф к-р. тр. деят.

161. САБУРОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ 1896 плановик педерастия

162. САБИЦКИЙ БОРИС ИСААКОВИЧ 1905 асс. звукоап. подозр. в шпион.

163. ТИТОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1909 агроном к-р. деят.

164. ТРИШКИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ[1] 1903 секр. РИКа[2] –

165. ТРАСКОВИЧ ФЕДОР КОНСТАНТИНОВИЧ 1892 адм. хоз. раб. –

166. УГЛЕЦКИЙ ВАСИЛИЙ НКОЛАЕВИЧ 1892 бухгалтер –

167. ФИЛОНОВ СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ 1901 вет. фельдшер –

168. ФИШЕР МАКС ДАВЫДОВИЧ[3] 1897 кассир подозр. в шпион.

169. ФИЛИППОВИЧ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ[4] 1912 грузчик к-р. агит.

170. ХИТРОВ КОНСТАНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ[5] 1914 физик –

171. ХАЙЛО ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ 1902 инженер

---

1 Тришкин Александр Иванович. Родился в 1908 г., Рязанская обл., Ново-Деревенский р-н, с. Просечье; б/п; секретарь Высокиничского райисполкома. Проживал: Московская обл., с. Высокиничи.

Приговорен ОСО НКВД СССР в 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

2 Районный исполнительный комитет.

3 Фишер Макс Давыдович. Родился в 1897 г., кассир, хлебозавод им. Марсакова. Проживал: Москва, Тихвинский пер., 9, кв. 48. Дело П-54115 (МП).

4 Филиппович Иван Григорьевич. Родился в 1912 г., грузчик, трест «Главдизель». Проживал: Москва, ул. Беговая, 20, кв. 3. Дело 15861 (МП).

5 Хитров Константин Евгеньевич. Родился в 1914 г., Московская обл., г. Клепики; студент, Московский областной педагогический институт. Проживал: Московская обл., д. В. Лихоборы, 32. Дело П-839 (КПМО).

к-р. тр. деят.

172. ХАРАК ГЕРБЕРТ ПЕТРОВИЧ 1914 нормировщик к-р. деят.

173. ЦВАЛИС ВАЛЕРИЙ ВАРЛАМОВИЧ 1894 профессор –

174. ЦУКУР АРВИД ЯНОВИЧ 1898 в/с к-р. агит.

175. ЧЕРНОВ ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ 1903 – –

176. ШИПОВ–АБРАМОВИЧ ИСААК ГРИГОРЬЕВИЧ 1900 инженер к-р. тр. деят.

177. ШАПОВАЛОВ ЯКОВ ПАВЛОВИЧ 1891 технолог к-р. деят.

178. ШРЕЙДЕР ЭЛИАС МАКСИМОВИЧ 1905 обществ. раб. подозр. в шпион.

179. ШЕРМАН СТАНИСЛАВ ЯКОВЛЕВИЧ 1895 консул к-р. агит.

180. ШЕПИЛОВ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 1905 механник подозр. в шпион.

181. ШИШКИН ПАВЕЛ ГЕРАСИМОВИЧ[1] 1909 зав. столовой к-р. деят.

182. ЭМИЛЬ 1904 кузнец –

183. КАРЛ ИВАНОВИЧ 1905 техн. ткач к-р. агит

184. ОГАНЕС ЛАЗАРЕВИЧ 1912 фотоинструктор подозр. в шпион.

185. СТАНИСЛАВ ЛЕОНИДОВИЧ 1886 ‹нрзб› к-р. деят.

186. СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (*вычеркнут*) 1891 техник к-р. агит.

187. ИВАН НИКИТЫЧ 1904 шофер к-р. деят.

188. КАРЛ ГЕРМАНОВИЧ 1886 столяр подозр. в шпион.

189. АЛЬФРЕД АВГУСТОВИЧ 1900 наладчик –

190. ВСЕВОЛОД ВАСИЛЬЕВИЧ 1896 интендант 2 р. –

‹2›

1 Шишкин Павел Герасимович. Родился в 1909 г., Московская обл., Серпуховский р-н, с. Дракино; б/п; работал зав. столовой. Проживал: Московская обл., с. Высокиничи. Приговорен ОСО НКВД СССР в 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

Эшелонный список тюрьмы № 7 Отдела мест заключения[2]

1. АРХИПКИН СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ 1904 к-р 5 лет
2. БУХТИЯРОВ ГЕОРГИЙ ГАВРИЛОВИЧ[2] 1903 к-р 5
3. БРИТТ ПЕТР ИВАНОВИЧ 1912 58-10 5
4. БРЕЕВ ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ 1911 53-9 10
5. ВОЛОКИТИН ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ 1897 к-р 8
6. ВОРОБЬЕВ ЗУСЬ КОПЕЛИВИЧ 1893 к-р 8
7. ГАБОВИЧ АБРАМ ДАВЫДОВИЧ 1899 – 5
8. ГРИГОРЬЯН ЕРЕМЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ 1894 – 8
9. ГРИГОРЬЕВ ИГНАТ РОДИОНОВИЧ 1905 – 10
10. ГОРБАЧЕВ ЗАХАР АРСЕНЬЕВИЧ 1902 58-10 5
11. ДАВЫДОВ СТЕПАН ЕВДОКИМОВИЧ 1890 к-р 8
12. ДОРОШЕНКО ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ 1916 – 5
13. ДЕБЕЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ[3] 1909 – 5
14. ДЕНЧУКОВ СПИРИДОН ГРИГОРЬЕВИЧ 1886 – 8
15. ДЕМЕШКИН ТРОФИМ СТЕПАНОВИЧ 1896 53-9, 58-10 10
16. ДОШЕЛЕВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ 1896 от 7 авг.[4] 10
17. ФРАНЦ ИОСИФОВИЧ 1913 к-р 10
18. ИЛЬИН ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ 1888 58-7 15
19. ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ 1914 58-10 10
20. ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ 1888 к-р 8
21. НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ 1892 – 5
22. СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 1888 58-10 10
23. ИОСИФ НИКОЛАЕВИЧ 1903 58-10, 11 10
24. ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ 1888 к-р 10

---

2 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 98. Список написан от руки, на обеих сторонах серой плотной бумаги. Из-за глубокой подшивки документов часть фамилий прочитать невозможно.

2 Бухтияров Георгий Гаврилович. Родился в 1904 г., Орловская обл., Покровский р-н, д. Н. Кунэч; учитель.

Проживал: Орловская обл., Покровский р-н, д. Н. Кунэч. Арестован в 1937 г. Приговор: 5 лет ИТЛ (Реквием: Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Орел).

3 Дебель Владимир Иванович. Родился в 1909 г., Донецкая обл., Макеевский р-н, с. Федоровка, в/с. Проживал: БССР, м. Старые Дороги. Арестован 23 мая 1937 г. Приговорен ОСО НКВД СССР 8 июля 1938 г., обвинен в сотрудничестве с к/р шпионской организацией. Приговор: 5 лет, спецпоселение: Магаданская, Омская обл., с 5 декабря 1949 по 23 января 1956 г. Реабилитирован 15 марта 1961 г. Военным трибуналом Белорусского Военного округа, 5 сентября 1995 г. УВД Омской обл. (УВД Омской обл.). Дело ОФ-19667 (Возвращенные имена: Книга памяти жертв политических репрессий Саратовской обл., подготовительные материалы).

4 Имеется в виду закон «о трех колосках» от 7 августа 1932 г.

25. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ 1907 59-3 10
26. ВАСИЛИЙ ДАНОВИЧ 1905 – 10
27. КИРИЛЛОВ КИРИЛЛ ЯКОВЛЕВИЧ[1] 1891 к-р 5
28. АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ 1883 – 8
29. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ 1891 – 5
30. ФРАНЦ МАРКОВИЧ 1906 – 10
31. АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ 1905 – 5
32. ИГНАТ ОСИПОВИЧ 1903 – 8
33. МАЛАКАС ВЛАДИМИР МАКСИМОВИЧ[2] 1904 58 10
34. МЕШАКИН НИКОДАЙ ИВАНОВИЧ 1899 к-р 8
35. НИКИФОРОВ ИВАН ПЕРФИРОВИЧ[3] 1905 58-10 5
36. НАТАРОВ НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ 1896 к-р 5
37. ПРОКОПОВИЧ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1899 – 10
38. ПАВЛЮКОВ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ 1815 167 10
39. РЯБЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ[4] 1893 от 7 авг. 10
40. РЯБИНИН БОРИС АРТЕМОВИЧ[5] 1893 58-10 5
41. РОЗМАХОВ НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ 1890 к-р 8
42. СЕМ ФРАНЦ ФРАНЦЕВИЧ 1900 58 10
43. СРЕБНИЦКИЙ ЕВГЕНИЙ НАРЦИСОВИЧ 1907 к-р 5
44. ТОЛКАЧЕВ ИВАН ЛУКЪЯНОВИЧ 1909 58-7 15
45. ФЕТИЛОВ ТИХОН ФЕДОРОВИЧ 1903 к-р 5
46. ФЕДОРОВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ 1899 58-7 20
47. ШТЫБЕН ЭТОНУИЛ ЯНОВИЧ 1904 58 10

---

1 Кириллов Кирилл Яковлевич. Родился в 1891 г., Краснинский р-н, с. Красное; грузчик Краснинского Заготзерна. Проживал: Краснинский р-н, с. Красное. Обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 5 л. лишения свободы (Помнить поименно: Книга памяти жертв политических репрессий Липецкого края с ноября 1917 г.: В 2 т. Т. 1. Липецк, 1997).

2 Малакас Владимир Михайлович. Родился в 1904 г., ст. Минеральные Воды; литовец; помощник машиниста электростанции, ст. Беслан. Приговорен ОСО НКВД СССР 7 июля 1938 г. Приговор: 10 лет ИТЛ (Книга памяти жертв политических репрессий Республики Северная Осетия – Алания. Т. 1. Владикавказ, 2000).

3 Никифоров Иван Перфильевич. Родился в 1905 г., Московская обл., Вязниковский р-н, д. Серково; кустарь. Проживал: д. Серково, Вязниковского р-на. Арестован 18 декабря 1937 г. Приговор: 5 лет лишения свободы (КПВО).

4 Рябцев Михаил Александрович. Родился в 1894 г., Московская обл., Каширский р-н, с. Грабченки;

зав. складом, з-д «Шарикоподшипник». Проживал: Москва, Стандартный городок 1 ГПЗ, 1, кв. 5. Дело 38842 (КПМО).

5 Рябинин Борис Артемович. Родился в 1896 г., Вязниковский р-н, д. Басаргино; крестьянин.

Проживал: д. Басаргино, Вязниковского р-на. Арестован 17 декабря 1937 г. Приговор: 5 лет лишения свободы (КПВО).

48. ЭГЛИТ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ 1918 к-р 10
49. ЮДИН НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ[1] 1893 – 5
50. ШТРУНОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ[2] 1895 – 5
51. ЯКУШИН ТИХОН ВАСИЛЬЕВИЧ 1902 58-10 5
52. БУЛАНОВ НИКОНОР ИВАНОВИЧ[3] 1888 – 5
53. ЖИЛОВ ИВАН КУЗМИЧ 1888 58 8
54. БЕЛОВ АНИСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1906 к-р 5
55. ВАЛЬНЕР ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ[4] 1906 58-10 10
56. ГУСЕВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ[5] 1898 к-р 8
57. МИРОНОВ ЯКОВ ИВАНОВИЧ[6] 1904 –

‹3›
Эшелонный список Пересыльно-питательного пункта Отдела мест заключения УНКВД по Московской области[7]

1. АНДРИЕВСКИЙ СТЕПАН ЕФИМОВИЧ 1911 58 8
2. ДАВЫДОВ ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ[8] 1900 58 8
3. КИСЕЛЕВСКИЙ ТОМАШ ФЛОРИАНОВИЧ[9] 1907 – –
4. ТОБАКОРЬ ЕРЕМА КИРИЛЛОВИЧ 1900 – –

---

1 Юдин Николай Дмитриевич. Родился в 1893 г., Орловская обл., Мценский р-н, д. Золотухино;
колхозник. Проживал: Орловская обл., Мценский р-н, д. Золотухино. Арестован в 1937 г.
Приговор: 5 лет ИТЛ (Реквием: Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Орел).

2 Штрунов Дмитрий Николаевич. Родился в 1895 г., Рязанская обл., Кадомский р-н, д. Раковка; грузчик, Катуаровский кирпичный з-д. Проживал: Московская обл., Дмитровский р-н, Катуаровский кирпичный з-д. Дело П-48163 (КПМО).

3 Буланов Никонор Иванович. Родился в 1888 г., Московская обл., Малинский р-н, с. Кочкорево;
без определенных занятий. Проживал: Московская обл., Малинский р-н, с. Кочкарево. Дело П-48131 (КПМО).

4 Вальнер Василий Яковлевич. Родился в 1895 г., Псковская обл., Великолукский р-н, д. Богородицкое;
мастер депо ст. Великие Луки. Арестован 23 июня 1938 г. Приговорен ОСО НКВД СССР 2 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован 22 января 1959 г. (Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий. Псков).

5 Гусев Николай Дмитриевич. Родился в 1898 г., Калининская обл., Есеновичский р-н, с. Дубровка;
сырьевщик, Волоколамская контора «Заготпушнина». Проживал: Московская обл., г. Волоколамск. Дело П-48138 (КПМО).

6 Миронов Яков Иванович. Родился в 1904 г., Московская обл., Волоколамский р-н, д. Бортники;
колхозник. Проживал: Московская обл., Волоколамский р-н, д. Бортники. Дело П-48135 (КПМО).

7 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 99. Список написан от руки на большом листе папиросной бумаги (примерно формат А-3). Кроме граф ФИО, год рождения, статья и срок, есть графа «кем и когда осужден», в данном списке не приводимая. В списке 59 фамилий, 5 из них вычеркнуты.

8 Давыдов Василий Федорович. Родился в 1900 г., Московская обл., Орехово-Зуевский р-н, д. Власово;
счетовод, бумажно-прядильная ф-ка. Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево, Кировский пос., 31, кв. 19. Дело П-56046 (КПМО).

9 Киселевский Томаш Флорианович. Родился в 1907 г., Киевская обл., Тетиевский р-н, с. Денгоровка;
токарь, з-д Барышникова. Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево, ул. Володарского, 38а, кв. 29. Дело П-52091 (КПМО).

5. ФОЛЬЦ ДАВЫД КАРЛОВИЧ 1911 – –
6. МАСТЕРКОВ ЯН ФРАНЦЕВИЧ[1] 1894 – –
7. ЧАЙКОВСКИЙ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ[2] 1898 – –
8. МАРЦЕНОВИЧ ВИКТОР ОСИПОВИЧ 1908 СВЭ 8
9. ЛЕВИТАНЦЕ БЕРКО БЕНДА. 1889 СВЭ 8
10. ГЛУХО–КНИРА КИРИЛЛ ВАСИЛЬЕВИЧ 1895 58 –
11. ОСИС АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ[3] 1912 – –
12. ГОФМАН ФИЛИПП ЯКОВЛЕВИЧ 1917 – –
13. КЛИНГЕР АДОЛЬФ ФЕДОРОВИЧ 1896 СВЭ –
14. КЛЕПЧАК ИОСИФ ДМИТРИЕВИЧ 1898 58 –
15. КУРЕЙ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ 1900 – –
16. КОЛЕСНИКОВ АНАНИЙ ЕРЕМЫЧ 1913 – –
17. ЦВЕТКОВСКИЙ ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ 1891 – 5
18. БИЛЛЬ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ 1917 – 8
19. ГОЛЬД ИГНАТ АДАМОВИЧ 1885 – –
20. ВЕБЕРВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ 1907 – –
21. ТИКИШКИН АНТОН АДАМОВИЧ 1891 СВЭ 5
22. РЕБИТСКИЙ ВЛАДИМИР ФРАНЦЕВИЧ 1900 СВЭ 8
23. МИНДРА ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ[4] 1885 И –
24. НАВЦЕН МИХАИЛ ХАРИТОНОВИЧ 1896 СВЭ –
25. СЛОВАК ЯРОСЛАВ ИВАНОВИЧ 1893 58 –
26. ТОБАКОРЬ ЕФИМ КИРИЛЛОВИЧ 1898 – –
27. ШИРЕНКО ЯН КАРЛОВИЧ 1898 58 8
28. ТАМПЛЯН ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ 1914 – –
29. БАРАНОВ НИКОЛАЙ ЗАХАРОВИЧ[5] 1893 – –
30. СЕРГЕЕВ АЛЕКСЕЙ КУЗМИЧ[6] 1893 – –

---

1 Мастерков Ян Францевич. Родился в 1894 г. в Польше; слесарь автогаража, з-д № 3. Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево. Дело П-51932 (КПМО).

2 Чайковский Андрей Павлович. Родился в 1898 г., Винницкая обл., Ямпольский р-н, с. Михайловка;

рабочий механо-ткацкой ф-ки. Проживал: Московская обл., г. Егорьевск, ул. Жуковско-Лесная, 44. Дела П-1296, П-49677 (КПМО).

3 Осис Александр Эдуардович. Родился в 1912 г., Горьковская обл., с. Ильинское; мастер по ткачеству, одеяльная ф-ка Орехово-Зуевского хлопчато-бумажного треста. Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево, казарма № 77, кв. 8. Дело 17273 (КПМО).

4 Миндра Василий Николаевич. Родился в 1885 г., Кишинев; подвозчик товара, ткацкая ф-ка «Вождь пролетариата». Проживал: Московская обл., Егорьевский р-н, д. Федуловская. Дело П-47878 (КПМО).

5 Баранов Николай Захарович. Родился в 1893 г., Тульская обл., Веневский р-н, д. Ламиново; начальник цеха, бумажно-прядильная ф-ка. Проживал: Московская обл., Пролетарский р-н, г. Орехово-Зуево, 210, кв. 2. Дело П-56046 (КПМО).

6 Сергеев Алексей Кузьмич. Родился в 1893 г., Владимирская обл., Петушинский р-н, д. Бормино; слесарь.

Проживал: Владимирская обл., Петушинский р-н, д. Бормино. Арестован 16 марта 1938 г. Приговор: 8 лет

31. ПАСИТОВ АРТУР ФРАНЦЕВИЧ 1898 – –

32. КОЛЬВАРЧУК ИОСИФ ИВАНОВИЧ 1890 – –

33. БАРТАШЕВСКИЙ ИОСИФ ФИЛИППОВИЧ 1892 СВЭ 8

34. ЛАРИОНОВ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ 1903 – 5

35. КОПЫЛОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ[1] 1892 – –

36. ЗЕЛЛЯ АЛЬБИН УСТИНОВИЧ 1891 – –

37. КАФУ КРЕСТЬЯН МИХАЙЛОВИЧ 1897 – 8

38. КИМ МАТВЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ[2] (*вычеркнут*) 1901 – –

39. КИМ ГРИГОРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ (*вычеркнут*) 1913 – 5

40. ХРИСТОВ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ, он же ПАРАМЕЗОВ 1897 – 8

41 ШАРКИ ФАТБЕГЕР ИОСИФ МИХАЙЛОВИЧ
ГОТФРИД БЕН ЯКОВ 1905 – –

42. ШМИДТ РУДОЛЬФ 1917 58 8

43. ШТАНЕР АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ 1888 – 5

44. ХРИСТИНОВИЧ НИКОЛАЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧ[3] 1894 – 8

45. ДЕРЕНЧ ГЕНРИХ ЮЛЬЕВИЧ 1912 – –

46. ГАЛЛИХ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ 1907 – –

47. ХИЖНЯК ПРОКОФИЙ ФИЛИППОВИЧ[4] 1910 – –

48. БЕЛЕНИКИН ГРИГОРИЙ АРТЕМОВИЧ 1911 СВЭ 3

49. ТАМПЛАН ПАВЕЛ САМСОНОВИЧ (*вычеркнут*) 1915 58 8

лишения свободы (КПВО).

1 Копылов Николай Петрович. Родился в 1892 г., Московская обл., Луховицкий р-н, с. В. Белоомут;

закройщик, артель инвалидов. Проживал: Московская обл., г. Егорьевск, ул. Рязанская, 21. Дело П-51750 (КПМО).

2 Ким Матвей Тимофеевич. Родился в 1901 г., Дальневосточный край, Буденновский р-н, д. Туадеми; кореец; образование высшее политическое; Высшая Коммунистическая Сельскохозяйственная школа. Проживал: Бурят-Монгольская АССР, г. Улан-Удэ. Арестован 5 февраля 1936 г. Приговорен ОСО НКВД СССР 30 декабря 1936 г., обвинен по ст. 58, п. 6 УК РСФСР. Приговор: зачтен срок предварительного заключения, освобожден. Реабилитирован 21 сентября 1956 г. Военным трибуналом Забайкальского военного округа. Дело 7627 (Книга памяти жертв политических репрессий Бурятии, подготовительные материалы).

3 Христинович Николай Герасимович. Родился в 1894 г., Польша, Ногрудский р-н, с. Морозовичи;

статистик, з-д Дулево-Красочный. Проживал: Московская обл., Орехово-Зуевский р-н, д. Дулево, Ликино, ул. Коммунистическая, 2. Дело 15301 (КПМО).

4 Хижняк Прокофий Филиппович. Родился в 1910 г., Днепропетровская обл., Запорожский р-н, с. Беленькое; гл. бухгалтер, з-д «Моссельпром». Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево, ул. Володарского, 38, кв. 12. Дело П-52896 (КПМО).

50. ПУГАЧ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ[1] 1891 – –

51. МИЛЛЕР ОСКАР КАРЛОВИЧ 1892 – –

52. КОЛАГЕРАКИ КОНСТАНТИНТ 1906 – 5

53. МАТКОВСКИЙ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ 1897 – 8

54. ВАРГА ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ (*вычеркнут*) 1884 – –

55. ГЕДРОВИЧ ФИЛИПП ИВАНОВИЧ 1898 – 5

56. ЧАЙКОВСКИЙ НИКИФОР ДМИТРИЕВИЧ 1908 – 8

57. ЧЕРНЯВСКИЙ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ 1917 – –

58. ЯВОРСКИЙ–ПЛАНКИ ИЛЬЯ ПЕТРОВИЧ (*вычеркнут*) 1905 СВЭ –

59. КАНУ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ 1873 СВЭ 5

‹4›
Эшелонный список Московской тюрьмы № 3[2]

1. ВОВСЫ ФАНЯ АРНОЛЬДОВНА 1899 ЧСИР[3] 5

2. ВЕСЕЛКИНА ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА 1901 – –

3. БУТУРЛИНА ВЕРА МИХАЙЛОВНА 1913 – –

4. КАРПЯШИНА ЕВДОКИЯ ИЛЛАРИОНОВНА 1900 – –

5. ДЕМЕНТЬЕВА ПРАСКОВЬЯ ФАДДЕЕВНА 1904 – –

6. СМИРНОВА ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА 1911 подозр. в шпион. –

7. СУКАЛЬСКАЯ АННА МИХАЙЛОВНА[4] 1895 ЧСИР –

8. ИВАНОВА МАРИЯ КУЗМИНИЧНА 1901 – –

9. ТАНКИНА ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА 1904 – –

10. БЕССОНОВА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА 1902 – –

11. ИМАС ХАНА ДАВЫДОВНА 1898 – –

12. МИТКЕВИЧ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА 1898 – –

---

1 Пугач Дмитрий Иванович. Родился в 1891 г., Венгрия, Будапешт; вальцовщик, з-д «Карболит». Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево, ул. 3-го Интернационала, 38. Дело 15304 (КПМО).

2 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 100. Машинопись на нестандартном листе папиросной бумаги. Кроме граф ФИО, год рождения, статья и срок, в списке есть графы – наименование осудившего органа и дата, начало срока, соц. положение, образование, специальность, категория трудоспособности и состояние здоровья. В графе специальность всюду прочерк, в графе соц. положение – сведений нет, в графе образование – грам‹отен›, кроме 10 и 19, где стоит м‹ало›/г‹рамотен›. Категория трудоспособности примерно поровну – 1-я и 2-я.

3 Член семьи изменника родины.

4 Сукальская Анна Михайловна. Родилась в 1895 г., педагог, детский театр. Проживала: Москва, ул. 3-я Ямская-Тверская, 12, кв. 26. Дело П-55994 (МП).

13. МЕТАЛЬНИКОВА ЗИНАИДА ГЕОРГИЕВНА 1900 – –
14. КУТАКОВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА 1910 – –
15. ВОРОНКОВА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА 1904 – –
16. ИНОЗЕМЦЕВА ПОЛИНА ИВАНОВНА 1901 – –
17. ЗВОРОВСКАЯ ЗИНАИДА СРУЛОВНА 1905 – –
18. САМСОНОВА АНИСЬЯ ФЕДОРОВНА 1902 – –
19. АДАМЕНКО ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА 1905 – –

‹5›
Эшелонный список Пересыльно-питательного пункта Отдела мест заключения УНКВД по Московской области[1]

1. ШТАНГ ИОСИФ ИОСИФОВИЧ 1902 к-р 8
2. ШКЕРВЕЛЬ ПЕТР ПЕТРОВИЧ 1897 – –
3. ШАУРА ВАЛИС ЯКОВЛЕВИЧ 1891 – –
4. ТУРОВИЧ ФРАНЦ ИОСИФОВИЧ 1907 – 5
5. РАУЖМАН АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ 1892 – 8
6. СТАКИУС КАРЛ ИНДРИВИЧ[2] 1897 – 5
7. ТРИВКА ФИЛИПП ИВАНОВИЧ 1891 – 8
8. ШКЕСТЕР АРНОЛЬД МАРТЫНОВИЧ[3] 1896 58-10 5
9. ОМ ФРИДРИХ ФЕРДИНАНДОВИЧ[4] 1919 к-р 8
10. ЗДАНОВИЧ ПАВЕЛ ВЕНЕДИКТОВИЧ 1892 – –
11. ДОВАЛЬ ИОСИФ МАТВЕЕВИЧ 1880 – –
12. ЮРАГО СТАНИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ 1883 к-р 8
13 ГАРР РУДОЛЬФ АНДРЕЕВИЧ 1910 – –
14. ГОСМАН ДАВИД БОГДАНОВИЧ 1913 – –
15. ГИДРОВИЧ ВИКТОР КАЗИМИРОВИЧ 1902 58-10 5
16. ШПИС ИВАН ПЕТРОВИЧ 1904 58-10 8

---

1 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 101. Список написан от руки на большом листе папиросной бумаги. Кроме приведенных здесь граф – ФИО, год рождения, статья срок, есть графа – номер личного дела и графа – кем осужден. В последней графе у всех стоит – ОС СОВ НКВД. По этому списку во Владивосток прибыло 67 человек.

2 Стакиус Карл Индрикович. Родился в 1897 г. в Латвии; бригадир, Подольский з-д. Проживал: Московская обл., г. Подольск, ул. Кирова, 14. Дело П-47456 (КПМО).

3 Шкестер Арнольд Мартынович. Родился в 1896 г. в Латвии; тракторист. Проживал: Московская обл., Каширский р-н, с-з Ледово. Дело П-47472 (КПМО).

4 Ом Фридрих Фердинандович. Родился в 1910 г., Азово-Черноморский кр., с. Равнополье; плотник. Проживал: Московская обл., Подольский р-н, племхоз Константиново. Дело 15937 (КПМО).

17. КОРЧМАРСКИЙ ИВАН ИОСИФОВИЧ[1] 1899 к-р 8
18. ШЛЕГЕЛЬ ИВАН ДАВЫДОВИЧ 1912 58-10 5
19. БАРТАЩАК ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ 1885 к-р 8
20. БЕЙФУС ЯКОВ ИВАНОВИЧ 1908 – –
21. БЕЙФУС КОНДРАТ ИВАНОВИЧ 1895 – –
22. БРУНЕР ДАВИД ГЕОРГИЕВИЧ 1909 – –
23. БИСТЕЛЬФЕЛЬД ПАВЕЛ ЯКОВЛЕВИЧ 1913 – –
24. БУРАК СТАНИСЛАВ ХРИСТИАНОВИЧ 1888 – –
25. ВЕЙЦ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ 1909 – –
26. БУДКЕВИЧ НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ 1901 – –
27. САМОХИН АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ 1885 – 5
28. ФИРСКИЙ СТЕФАН ИВАНОВИЧ 1891 58 8
29. НАГУРНЫЙ ФРАНЦ ФРАНЦЕВИЧ 1888 к-р 8
30. МЕВЕР ГЕНРИХ ИОГАНСОВИЧ 1909 – –
31. МЕНИКС АДОЛЬФ БЕРДУЛОВИЧ 1885 – –
32. МЕЙЕР ФРИДРИХ ИВАОВИЧ 1911 – –
33. РОЗЕНГРИН ГЕОРГИЙ ДАВЫДОВИЧ[2] 1902 58-10 8
34. БЕЙЗЕЛ АНДРЕЙ ЕГОРОВИЧ 1904 – –
35. БЕЙФУС ДАВИД ФИЛИППОВИЧ[3] 1903 – 5
36. БРЕДЕЛИС АНТОН СТЕПАНОВИЧ[4] 1893 – –
37. ВОРОНЕЦКИЙ ВИКОР ВИКТОРОВИЧ 1896 – 8
38. ШУЛЬЦ БОГДАН ГЕОРГИЕВИЧ 1888 – –
39. СИЛИН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ 1898 к-р –
40. СОЛЬЦИНЕЦКИЙ ВЛАДИМИР ‹нрзб› 1894 – 5
41. ПОЛОНЕВИЧ ПЕТР КАРПОВИЧ 1904 58-10 8
42. ПУШ ВЛАДИМИР ХРИСТОФОРОВИЧ 1899 – –
43. РУППЕЛЬ ВИКТОР БОГДАНОВИЧ[5] 1913 к-р –
44. РУППЕЛЬ ГЕНРИХ КОНДРАТЬЕВИЧ 1910 – –

---

1 Корчмарский Иван Иосифович. Родился в 1899 г. в Польше; мастер, Подольский з-д № 17. Проживал: Московская обл., г. Подольск, Революционный пр., 34, кв. 18. Дело П-50904 (КПМО).

2 Розенгрин Георгий Давыдович. Родился в 1902 г., АССР Немцев Поволжья, Марксштадтский р-н, с. Недер Мунджу; рабочий, с-з «Красная заря». Проживал: Московская обл., Малинский р-н, с-з «Красная Заря». Дело 15932 (КПМО).

3 Бейфус Давид Филиппович. Родился в 1903 г., АССР Немцев Поволжья, Краснокутский р-н (кантон), с. Шеншаль; конюх. Проживал: Московская обл., Каширский р-н, с-з «Образцово». Дело П-47890 (КПМО).

4 Бределис-Бределев Антон Станиславович. Родился в 1893 г., Литва, Ковенская губ., д. Ново-Местечко; Кузнец. Проживал: Московская обл., Каширский р-н. Дело 15851 (КПМО).

5 Руппель Виктор Богданович. Родился в 1913 г., Саратовская обл., с. Эрленбах; рабочий, племсовхоз «Константиново». Проживал: Московская обл., Подольский р-н, с-з «Константиново». Дело П-50484 (КПМО).

45. РУППЕЛЬ ФЕДОР ДАВЫДОВИЧ 1888 – –

46. ПРАУЛИН ФЕДОР ИВАНОВИЧ[1] 1886 – –

47. ПЕТРОВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ 1880 – –

48. ЛАВРИОНЕВИЧ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ 1904 – –

49. ЛЕЛЛЬ ИОСИФ КАРЛОВИЧ 1889 – –

50. КОВШУН КАЗИМИР АНТОНОВИЧ[2] 1896 – 5

51. КИРПЛЮС СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ 1913 – 8

52. КРЮГЕР ГЕНРИХ КАРЛОВИЧ[3] 1910 – –

53. ЛУКАШЕВИЧ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ[4] 1887 – –

54. ЗАЙКО ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ[5] 1894 – 5

55. РЕДЬКОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*вычеркнут*) 1891 – –

56. МЕЙСЛЕР ИВАН ИВАНОВИЧ 1917 – 8

57 АБТ ЭДУАРД ОСИПОВИЧ 1898 – –

58. ГУСЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ[6] 1907 58-10 –

59. РУППЕЛЬ ГОДФРИД КОНДРАТЬЕВИЧ[7] 1913 к-р –

60. РУППЕЛЬ ГОДФРИД ГОДФРИДОВИЧ 1911 – –

61. ВЫХОТО ПАВЕЛ РОМАНОВИЧ 1885 – –

62. ПАЙЦЕКАН АДАМ МАТВЕЕВИЧ 1880 – –

63. МЕРВА КАЗИМИР ПАВЛОВИЧ[8] 1916 – –

64. ЛЕЙТАН ПЕТР КАРЛОВИЧ[9] 1882 к-р 5

---

1 Праулин Федор Иванович. Родился в 1880 г. в Латвии; слесарь, Подольский госмехзавод.
Проживал: Московская обл., Подольск, Революционный пр., 25, кв. 4. Дело 17265 (КПМО).

2 Ковшун Казимир Антонович. Родился в 1896 г. в Польше; мастер-шлифовщик, Подольский з-д № 17.
Проживал: Московская обл., г. Подольск, Революционный пр., 13, кв. 9. Дело П-49624 (КПМО).

3 Крюгер Генрих Карлович. Родился в 1910 г., АССР Немцев Поволжья, Марксштадтский р-н, с. Орловское; слесарь, с-з «Чепелево». Проживал: Московская обл., Лопаснинский р-н, с-з «Чепелево». Дело 17461 (КПМО).

4 Лукашевич Андрей Андреевич. Родился в 1887 г., мастер цеха, Подольский з-д № 17.
Проживал: Московская обл., Подольск, Революционный пр., 66, кв. 68. Дело 17263 (КПМО).

5 Зайко Леонид Николаевич. Родился в 1894 г., г. Калуга; б/п; работал на заводе. Проживал: Калужская обл., г. Малоярославец. Приговорен ОСО НКВД СССР 15 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР.
Приговор: 5 лет ИТЛ (КПКО).

6 Гусев Александр Александрович. Родился в 1907 г., Московская обл., Каширский р-н, с. Коростылево;
пожарный, пожарная охрана комбината № 150. Проживал: Московская обл., Каширский р-н, пос. Комбината № 150, 8, кв. 33. Дело 17293 (КПМО).

7 Руппель Готфрид Кондратьевич. Родился в 1883 г., Саратовская обл., Эрленбах; сторож, племхоз.
Проживал: Московская обл., Подольский р-н, племхоз Константиново. Дело 17453 (КПМО).

8 Мерва-Мевр Казимир Павлович. Родился в 1916 г., Винницкая обл., д. Витовина; чернорабочий, Цементный з-д. Проживал: Московская обл., г. Подольск, пос. Цементного завода, 50. Дело 17448 (КПМО).

9 Лейтан Петр Карлович. Родился в 1882 г. в Латвии; станочник, Подольский з-д. Проживал: Московская обл., г. Подольск, пр. им. Кагановича, 114, кв. 1. Дело П-47448 (КПМО).

65. ФИЧЕ МАКС ФРИДРИХОВИЧ 1903 58 8
66. ВЛАГИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ 1888 169 2
67. ЛИТВИН ЯКОВ ФЕДОРОВИЧ нет данных
68. МЕДВЕДЕВ ПЕТР ГАВРИЛОВИЧ[1] нет данных

‹6›
Эшелонный список тюрьмы № 4 Отдела мест заключения УНКВД по Московской области (Серпухов)[2]

1. ПОСТНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ[3] 1908 к-р 5
2. ВЕНДЕЛЬ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ[4] 1889 – –
3. ВИЛЕВСКИЙ КАРЛ ЯНОВИЧ 1877 – 8
4. ГЕЙСНЕР ДЮЛО КАРЛОВИЧ[5] 1890 – –
5. ЛАПТЕВ ИВАН УСТИНОВИЧ[6] 1880 – 5
6. ФИРСТОВ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ 1901 – 8
7. ЧИЖЕВСКИЙ АНТОН ИГНАТЬЕВИЧ 1896 – 5
8. ШИРОВАНТОВ ИВАН МАТВЕЕВИЧ 1906 – 8
9. СОШКИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*вычеркнут*) 1912 – –
10. СОКОЛОВ СТЕПАН КОНСТАНТИНОВИЧ 1909 – –
11. СЕДОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ 1909 – –
12. СЕНКОВЕЦ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ 1890 – –
13. РУПАСОВ НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ 1900 – –
14. ОГЛЬЕ ОСМАН ХРУЛЬ 1879 – –
15. ЛОЗГАЧЕВ НИКОЛАЙ КУЗМИЧ (*вычеркнут*) 1902 – –
16. КОЧЕТКОВ ФЕДОР ЛАВРЕНТЬЕВИЧ 1901 – –
17. КРИВОВ ГАВРИИЛ АНДРИАНОВИЧ 1901 – –

---

1 Медведев Петр Гаврилович. Родился в 1894 г., Минская обл., Мозырский р-н, д. Городец; ветеринарный фельдшер, с. Молоди. Проживал: Московская обл., Подольский р-н, с. Молоди. Дело 17262 (КПМО).

2 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 102. Машинопись на обеих сторонах стандартного листа серой бумаги. Есть еще две графы – кем осужден и здоровье. Все осуждены ОСО НКВД и все здоровы.

3 Постников Александр Михайлович. Родился в 1908 г., Московская обл., Луховицкий р-н, д. Дединово; заведующий, Красно-Пахорская районная семеноводческая лаборатория. Проживал: Московская обл., Красно-Пахорский р-н, д. Колотилово. Дело 20203 (КПМО).

4 Вендель Петр Михайлович. Родился в 1889 г., Владимиро-Волынский уезд, д. Дубечко; преподаватель, Текстильный техникум. Проживал: Московская обл., г. Серпухов, 2-я ул. Революции, 7. Дело 20206 (КПМО).

5 Гейснер Дюло Карлович. Родился в 1890 г., Венгрия; колхозник, к-з «Красный земледелец». Проживал: Московская обл., Серпуховский р-н, д. Сьяново. Дело 20335 (КПМО).

6 Лаптев Иван Устинович. Родился в 1880 г., Московская обл., Серпуховский р-н, с. Подмоклово; без определенных занятий. Проживал: Московская обл., г. Серпухов, ул. 2-я Московская, 47. Дело П-48127 (КПМО).

18. КОТЕНКО КОНСТАНТИН ИГНАТЬЕВИЧ 1901 – –
19. ГОЛОВАНОВ СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ 1910 – –
20. ГУСЕВ ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ[1] 1895 – 5
21. АКИМОВ ТИХОН АНДРЕЕВИЧ 1905 – 8

‹7›
Список заключенных, отправленных во Владивосток[2]

1. ШТАВАДАКЕР ИВАН ИВАНОВИЧ 1897 к-р 10
2. КОПЫЛОВ ИВАН ИВАНОВИЧ 1897 – 5
3. САМШУКОВ–МУСАТОВ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ 1890 – 8
4. КАПРАЛОВ–ТКАЧЕВ НИКИТА ПАВЛОВИЧ 1887 – –
5. МИРОШНИЧЕНКО ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ 1908 58 10
6. СИМУКОВ ИВАН ЗАХАРОВИЧ 1884 к-р 8
7. ШПУРА ВИКТОР СТАНИСЛАВОВИЧ 1914 58 10
8. МИЛЛЕР НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ 1888 – –
9. РОМАНОВ ИВАН ОСИПОВИЧ[3] 1896 – 8
10. ГРИГОРОВСКИЙ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ 1905 к-р 10
11. ПОПОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 1903 58 5
12. КУСКОВ КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ[4] 1888 – 8
13. КОНОПЛЯННИК МОИСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ 1898 к-р 5
14. ГОРЕНШТЕЙН МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ 1899 – 8

‹8›
Эшелонный список Бутырской тюрьмы[5]

---

1 Гусев Федор Григорьевич. Родился в 1895 г., Калининская обл., Калязинский р-н, с. Мытнино;
ст. техник, Серпуховский радиоузел. Проживал: Московская обл., Серпухов, пос. Сталина, 14, кв. 3. Дело 20065 (КПМО).

2 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2 Д. 203. Л. 103. Написано от руки на стандартном листе папиросной бумаги. Есть еще одна графа – куда следует. Все следуют – Севвостлаг НКВД.

3 Романов Иван Осипович. Родился в 1896 г., Московская обл., Уваровский р-н, д. Александровка;
безработный. Проживал: Московская обл., Уваровский р-н, д. Александровка. Дело 20341 (КПМО).

4 Кусков Константин Андреевич. Родился в 1888 г., Московская обл., Уваровский р-н, д. Самодуровка;
колхозник. Проживал: Московская обл., Уваровский р-н, д. Бычково. Дело П-48130 (КПМО).

5 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 104. Машинопись на стандартном листе папиросной бумаги. Еще одна графа – наименование осудившей организации. Все осуждены Особым совещанием.

1. АФАНАСЬЕВ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ 1804 агроном к-р. тр. деят.

2. [‹Нрзб›]

3. БОРЕНШТЕЙН ДАВИД ЛЕОНОВИЧ 1915 маляр –

4. ЗЕМСКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ 1908 радиомех. –

5. ПЕДАНС ЮЛИЙ КАРЛОВИЧ 1887 ‹нрзб› –

6. РОССИНИ ГОФРЕДА подозр. в шпион.

7. ПЛЕНЦ РИХАРД ЭДУАРДОВИЧ 1913 мастер к-р. тр. деят.

8. ЮЖНЫЙ МИХАИЛ БОРИСОВИЧ 1891 педагог –

‹9›
Эшелонный список Бутырской тюрьмы[1]

1. –ОГЛЫ НАСА ХАНУМ 1902 педагог подозр. в шпион.

2. СОФЬЯ ЭММАНУИЛОВНА 1898 швея к-р. деят.

3. СОФЬЯ ДМИТРОВНА 1895 библиотек. подозр. в шпион.

4. ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА 1900 секретарь –

5. ИВАНОВНА 1914 – к-р. деят.

6. ОЛЬГА СТЕПАНОВНА 1896 д/хоз. подозр. в шпион.

7. ТАТЬЯНА АНТОНОВНА 1904 рабочая –

8. ЭЛЬЗА ДАВЫДОВНА 1896 фармацевт к-р. деят.

9. ОЛЬГА ИВАНОВНА 1896 педагог –

10. ГЕНРИЭТА МИХАЙЛОВНА 1911 инж. текст. к-р. тр. деят.

11 СОФЬЯ ИСААКОВНА 1906 фармацевт к-р. агит.

12. СМИРНОВА АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА 1900 телеграфист –

13 ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ 1901 л/десятник 58-10

14 ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1900 служащий 58-10

---

1 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 105. Машинопись на стандартном листе папиросной бумаги. Глубокая подшивка листов дела не позволяет прочитать фамилии.

15. СЕМЕН КОНСТАНТИНОВИЧ 1914 – 58–8

16. ИУСТИН МИХАЙЛОВИЧ 1897 телеграфист –

17. АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ 1888 инженер участн. прест. группы

‹10›
Список л/св[1], следуемых из тюрьмы № 4 Отдела мест заключения УНКВД по Московской области в распоряжение начальника тюрьмы № 2, гор. Москва, для направления в СЕВВОСТЛАГ НКВД, г. Владивосток, на Колыму[2]

1

1. ЗЕЙМАН КАРЛ ИВАНОВИЧ[3] 1892 к-р 5 Здоров
2. ДЕВЯКОВИЧ МИХАИЛ МАКСИМОВИЧ 1903 – 8 –
3. ГОЛЯТОВСКИЙ СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ 1895 – – –
4. КОМАРЕВИЧ МИХАИЛ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ 1902 – – –
5. ЧЕЛЕБЕЕВ ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ 1899 – – –
6. ПОДОСИННИКОВ НИКОЛАЙ МОИСЕЕВИЧ[4] 1898 – – –
7. МАРКС КАРЛ КАРЛОВИЧ 1895 – – –

2[5]

1. ЧИДАРЕВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ 1893 – – –
2. ЛЕЛЛЬ ИВАН ИОСИФОВИЧ 1917 – 5 –

---

1 Лишенные свободы.

2 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 106. Пять коротких машинописных списков из тюрьмы г. Серпухова, на одинаковых листах серой бумаги, одинаково оформленные.

3 Зейман Карл Иванович. Родился в 1898 г. в Латвии; рабочий, Серпуховская Ситценабивная ф-ка.

Проживал: Московская обл., г. Серпухов, ул. Садовая, 17.

Дело П-47463 (КПМО).

4 Подосинников Николай Моисеевич. Родился в 1898 г., Северо-Кавказский кр., г. Ейск; заведующий Инвалидным домом в с. Новники. Проживал: Московская обл., г. Серпухов, ул. Бригадная, 15. Дело 15290 (КПМО).

5 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 107.

3[6]

1. ГОЕНКО НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ 1914 – 8 –
2. МИЧКОСОВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ 1903 – – –

4[2]

1. НАТКИН АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ[3] (*вычеркнут*) 1895 – 5 –
2. РОДИН АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ[4] 1880 – 8 –
3. САЛОВ КУЗЬМА САМОЙЛОВИЧ 1891 – 5 –

5[5]

1. ВОРОНЦОВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ[6] 1872 – 5 –
2. АКСЕНОВ ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ[7] 1896 – 8 –
3. КОРОЛЕВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ 1891 – – –
4. ЯЛОЗЬ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ 1891 – 5 –
5. СЛОИСТОВ ИВАН ИВАНОВИЧ[8] 1888 – – –
6. КАБАНОВ АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМОВИЧ[9] 1894 – 8 –

‹11›

6 Там же. Л. 108.

2 Там же. Л. 109.

3 Наткин Алексей Дмитриевич. Родился в 1895 г., Таруса; временно не работал. Проживал: Московская обл., г. Серпухов, ул. Садовая, 9, кв. 72. Дело П-53528. (КПМО).

4 Родин Андрей Николаевич. Родился в 1880 г., Московская обл., Ленинский р-н, д. Садовники;

колхозник. Проживал: Московская обл., Ленинский р-н, д. Садовники. Дело П-48167 (КПМО).

5 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 110.

6 Воронцов Иван Дмитриевич. Родился в 1872 г., Московская обл., Подольский р-н, с. Лямцино; служитель церкви. Проживал: Московская обл., Лопаснинский р-н, с. Зачатье. Дело П-48132 (КПМО).

7 Аксенов Василий Сергеевич. Родился в 1896 г., Московская обл., Лопасненский р-н, с. Филипповское;

крестьянин. Проживал: Московская обл., Лопасненский р-н, с. Филипповское. Столяр, артель «Ремонт обуви». Проживал: Москва, ул. Горького, 51, кв. 6. Дела П-2145, 18435 (КПМО, МП).

8 Слоистов Иван Иванович. Родился в 1888 г., Московская обл., Егорьевский р-н, д. Панино; слесарь, Московская загородная психиатрическая больница. Проживал: Московская обл., Лопасненский р-н, с. Троицкое. Арестован в 1938 г. Приговорен Военным трибуналом 24 октября 1941 г., обвинен в антисоветской агитации. Расстрелян 18 декабря 1941 г. Реабилитирован в апреле 1992 г. Дело П-48134 (КПМО, За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан, 1999).

9 Кабанов Александр Герасимович. Родился в 1894 г., Московская обл., Лопасненский р-н, с. Бегичево;

колхозник, к-з «Заветы Ильича». Проживал: Московская обл., Лопасненский р-н, с. Бегичево. Дело 20349 (КПМО).

Список Таганской тюрьмы[1]

1. АНДРИЕВСКИЙ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ 1906 8
2. АЛИСКИН АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ 1912 5
3. ‹Нрзб› (*вычеркнуто*)
4. АНДРЕЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1908 –
5. СТЕПАН БОРИСОВИЧ 1894 –
6. БАТЮШИН СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ 1892 8 7. БРУННЕР ФРИДРИХ ФРИДРИХОВИЧ 1916 5
8. БОГАТЫРЕВ ВАСИЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ[2] 1907 –
9. БАЛАНОВ СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ 1899 8
10. БУДИЛОВИЧ АНАТОЛИЙ ОСИПОВИЧ 1886 –
11. БУРОВЦЕВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ[3] 1900 –
12. БЕЛЯЕВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ[4] 1905 5
13. БУЗАЛЬСКИЙ ИОСИФ ИВАНОВИЧ[5] 1880 5
14. БРАТАНСКАЯ ЕКАТЕРИНА ВИКЕНТЬЕВНА 1900 8
15. БРИДЖИНСКАЯ ВЕРА ЯКОВЛЕВНА 1912 –
16. БОГАР ЕЛАНА ИОСИФОВНА[6] 1900 –
17. ТРОФИМ МАРКИАНОВИЧ 1881 –
18. ВОРОБЬЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ[7] 1892 5
19. ВАЛЛЕНБЕРГ ЭРНСТ ОТТОВИЧ 1912 8
20. ВАСИЛЬЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ 1886 5
21. БИРЛЕНДЕР ИОГАНН ИОГАННОВИЧ 1918 8
22. ВОЛКОВ РОМАН АНДРЕЕВИЧ 1894 –
23. ВАДКУЛЬ ГРИГОРИЙ АНТОНОВИЧ 1907 –

---

1 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 112–122. Машинописный список очень плохого качества на 11 листах папиросной бумаги. В списке 209 фамилий, 8 из них вычеркнуто, сдано во Владивостоке 201 человек.

2 Богатырев Василий Тимофеевич. Родился в 1907 г., Орловская обл., Дубровский р-н, с. Радичи; б/п;
работал ст. зоотехником. Проживал: Московская обл., с. Высокиничи. Приговорен ОСО НКВД СССР в 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

3 Буровцев Николай Петрович. Родился в 1900 г., Московская обл., Клинский р-н, с. Тараканово;
заведующий фабрикой «Красный Октябрь». Проживал: Московская обл., ст. Ховрино, ул. Тельмана, участок 231. Дело 18432 (КПМО).

4 Беляев Виктор Михайлович. Родился в 1903 г., слесарь, з-д «Вентиляция». Проживал: 4-й Вятский пер., 16, кв. 3. Дело 20347 (МП).

5 Бузальский Иосиф Иванович. Родился в 1880 г. зам. директора ф-ки № 7. Проживал: Москва, Гороховский пер., 12, кв. 8. Дело П-47925 (МП).

6 Богар Елена Иосифовна. Родилась в 1900 г., зав. книжным киоском. Проживала: Москва, М. Путинковский пер., 1, кв. 3. Дело 15929 (МП).

7 Воробьев Павел Александрович. Родился в 1892 г., модельщик, Автозавод им. Сталина.
Проживал: Москва, ул. 5-я Тверская-Ямская, 7, кв. 84. Дело 20321 (МП).

24. ЯН ЯНОВИЧ 1892 –

25. ВЫБОРНОВ ВАСИЛИЙ ПОЛИКАРПОВИЧ[1] 1891 5

26. ВЕРЛИНКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ 1906 8

27. ВЛАСОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ[2] 1905 ‹Нрзб› (*вычеркнуто*) –

29. ВОДАРСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ 1895 –

30. ГОЛУБЕВ ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ[3] 1895 –

31. ГОВСЕЕВ ЛЕВ ЛАЗАРЕВИЧ 1906 –

32. ГЛУХОВСКИЙ МИХАИЛ ДОМИНИКОВИЧ[4] 1895 –

33. ГЕНГЕР СТАНИСЛАВА ГАВРИЛОВНА[5] 1911 –

34. ГРЕНВЕДЕ ГЕРТРУДА ЕВГЕНЬЕВНА 1900 –

35. ГДЕЕВ ЕГОР ВЛАДИМИРОВИЧ 1885 5

36. ГУСЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ 1902 –

37. ГРАБЕ ЯН ФРАНЦЕВИЧ 1897 8

38. ГАЛКИН ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ 1900 –

39. ГОРМАН МИРОН ПЕТРОВИЧ 1897 –

40. ГОЛУБЕВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ 1897 –

41. ГРИГАТ ОСКАР ЛЕОНЫЧ 1897 10

42. ДИТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ 1899 5

43. ДЖЕРАНСКИЙ ТАДЕУШ МИХАЙЛОВИЧ 1914 8

44. ДАЕВ ГУСТАВ АНДРЕЕВИЧ[6] 1908 –

45. ДЕНЬКОВСКИЙ БРОНИСЛАВ ИЛЬИЧ 1907 –

46. ДЕРЖАВИН ВЯЧЕСЛАВ КСЕНОФОНТОВИЧ 1892 5

47. ДЕНЕНБЕРГ ХЕМА ЛЬВОВНА 1907 8

48. ДОЛЖЕНКО ТРОФИМ ВЛАДИМИРОВИЧ 1893 –

49. ДОЙЧЕВ ВЕНЕДИКТ ДМИТРИЕВИЧ 1903 –

50. ДАНИЛЬЧЕНКО ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ 1910 5

---

1 Выборнов Василий Поликарпович. Родился в 1891 г., Московская обл., Коммунистический р-н, д. Филимоново; председатель колхоза. Проживал: Московская обл., Коммунистический р-н, д. Филимоново. Дело П-50905 (КПМО).

2 Власов Виктор Тимофеевич. Родился в 1905 г., ст. агроном, Наркомат совхозов РСФСР.

Проживал: Москва, Бауманская ул., 36, кв. 31. Дело П-43515 (МП).

3 Голубев Василий Григорьевич. Родился в 1895 г., военрук школы № 212. Проживал: Москва, Столешников пер., 8/13, кв. 17-а. Дело 15908 (МП).

4 Глуховский Михаил Доминикович. Родился в 1893 г., механик, 3-я база такси. Проживал: ул. Станционная, 1, кв. 1. Дело 20048 (МП).

5 Генгер Станислава Люциановна. Родилась в 1911 г., домохозяйка. Проживала: пос. завода № 95, 10, кв. 14. Дело П-47871 (МП).

6 Даев Густав Андреевич. Родился в 1908 г., Польша, Ровенский р-н, д. Александровка; б/п; работал кузнецом. Проживал: Калужская обл., Жуковский р-н, х. Молчановский. Приговорен ОСО НКВД СССР 2 июля 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10. 11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

51. ЕРМОЛАЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ[1] 1901 8
52. ЕГОРОВ ТИХОН ФЕДОРОВИЧ 1893 10
53. ЕВСЮТЕНКО КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ[2] 1897 8
54. ЕГОРОВ АЛЕКСАНДР ФЛЕГОНТОВИЧ 1897 –
55. ЕЛИСЕЕВ АЛЕКСЕЙ ПРОХОРОВИЧ[3] 1904 –
56. ЗЕЛИНСКИЙ ЯКОВ ГЕОРГИЕВИЧ 1884 –
57. ЗАДАЧИН ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ 1899 –
58. ЗИРНЕТ ПЕТР ЮРЬЕВИЧ 1887 –
59. ИГОЛЬНИК ИВАН ВИКТОРОВИЧ 1918 5
60. ИСАКОВ ДМИТРИЙ КОНСТАТИНОВИЧ 1883 8
61. ИВАНКИН ИВАН ИВАНОВИЧ 1813 –
62. КОРЖАКОВ ИВАН ИВАНОВИЧ 1905 –
63. КАМЕНЕЦКИЙ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ 1892 –
64. КРАСИНСКИЙ ВИТОЛЬД ИВАНОВИЧ 1912 5
65. КОВАЛЬСКИЙ МАРК ИСАКОВИЧ 1904 8
66. КРИВИЦКИЙ–КОШЕВИК ИЛЬЯ АБРАМОВИЧ 1898 5
67. КОЛОВ ВАСИЛИЙ ТИХОНОВИЧ 1897 8
68. КОНКОВ ЕГОР АНДРЕЕВИЧ 1913 5
69. КНЕФЕЛЬ ВИКТОР ГОТФРИХОВИЧ 1911 8
70. КАРПОВ АДАМ БЕНЕДИКТОВИЧ[4] 1886 –
71. КАРПОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ 1896 8
72. КОМАРОВСКИЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ[5] 1889 5
73. КЛИМОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1908 8
74. КЕНИГ ГЕЛЬМУТ РИХАРДОВИЧ 1919 –
75. КАПИТУЛОВ ТРОФИМ ЯКОВЛЕВИЧ 1904 –

---

1 Ермолаев Николай Иванович. Родился в 1901 г, мастер паросилового цеха, з-д им. Сталина.
Проживал: Москва, Казарменный пер., 8, кв. 114. Дело 20345 (МП).

2 Евсютенко Константин Иванович. Родился в 1897 г., Орловская обл.; украинец. Проживал: г. Москва.
Арестован в 1938 г. Приговорен Военным трибуналом 5 ноября 1941 г., обвинен в участии в контрреволюционной повстанческой организации. Расстрелян 4 декабря 1941 г. Реабилитирован в ноябре 1992 г. (За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан, 1999).

3 Елисеев Алексей Прохорович. Родился в 1904 г., Рязанская обл., Спасский р-н, д. Аграмаково; б/п;
работал учителем. Проживал: Московская обл., с. Высокиничи. Приговорен ОСО НКВД СССР в 1938 г., обвинен по ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Приговор: 8 лет ИТЛ (КПКО).

4 Карпов Адам Венедиктович. Родился в 1886 г., Могилевская обл., Добровинский р-н, с. Гураки;
председатель колхоза. Проживал: Московская обл., Кунцевский р-н, с. Суково, 23. Дело П-48126 (КПМО).

5 Комаровский Владимир Иванович. Родился в 1889 г, ст. техник, отдел землеустройства Московского областного земельного управления. Проживал: Москва, ул. Советская, 41. Дело 20328 (МП).

76. КОВАЛЬСКИЙ ПЕТР ИВАНОВИЧ[6] 1885 –
77. КОНСТАНТИНДИ ЛАЗАРЬ ОГАЛЛИНОВИЧ 1909 10
78. КРЫЖАНОВСКИЙ ТИМОФЕЙ ИЛЬИЧ[2] 1905 8
79. КИРД ИВАН ГЕНРИХОВИЧ 1890 –
80. КОЧИНСКИЙ ЭДУАРД ФЕЛИКСОВИЧ 1899 –
81. КОЛЕТО ЛЕОНАРД СТАНИСЛАВОВИЧ 1919 –
82. КИНИТ АЛЬБЕРТ КАРЛОВИЧ 1901 –
83. КУГЕЛЬ КИРА ВЛАДИМИРОВНА 1895 –
84. ‹Нрзб› (*вычеркнуто*)
85. КАНЕР МАТИАС МАТИАСОВИЧ 1885 –
86. КРИШТАФОВИЧ МАРИЯ ИВАНОВНА 1912 –
87. КАБАНОВ БОРИС АНДРЕЕВИЧ 1885 5
88. КАЛЬНЕТИС АНДРЕЙ КУЗМИЧ–КАЗИМИРОВИЧ[3] – –
89. КАМАРИЦКИЙ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ 1911 8
90. КОВАЛЬЧЕК ФРАНЦ АНТОНОВИЧ 1891 5
91. ЛАУДА РУДОЛЬФ ИВАНОВИЧ 1899 8
92. ЭДМУНД ВИТОЛЬДОВИЧ 1906 –
93. ЛИТВИНОМ ИВАН ИВАНОВИЧ 1916 –
94. ЛОЭВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ 1914 –
95. ЛЯХОВСКИЙ ПЕТР АДАМОВИЧ 1884 5
96. ЛИЦ ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ 1909 8
97. ЛОПАТИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ 1887 –
98. ЛУКЖИН АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ 1894 –
99. ЛОЦМАН ИВАН ИВАНОВИЧ 1895 5
100. ЛЕСНИКОВ ВАСИЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ 1900 8
101. ЛИТТЕ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ[4] 1895 –
102. ЛЕЗЕНГАУНТ АРТУР ИВАНОВИЧ 1898 –
103. ЭДМУНД МИХАЙЛОВИЧ 1908 –

---

6 Ковальский Петр Иванович. Родился в 1886 г. в Польше; лесник, Тучковское лесничество. Проживал: Московская обл., Рузский р-н, д. Молодяково. Дело П-47708 (КПМО).

2 Крыжановский Тимофей Ильич. Родился в 1905 г. в Румынии; шофер, з-д «Карболит».

Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево, м. Крутое, 151, комн. 34. Дело П-53320 (КПМО).

3 Кальнетис Андрей Кузьмич. Родился в 1890 г., Терская обл., Прикумский р-н, с. Урожайное;

ст. бухгалтер, Зарайская нефтебаза. Проживал: Московская обл., г. Зарайск, пос. им. Сталина, 5. Дело 20067 (КПМО).

4 Литте Михаил Андреевич. Родился в 1895 г., Вальмарский уезд, с. Стайцель; слесарь, клинкерный з-д.

Проживал: Московская обл., пос. Тучково. Дело 15853 (КПМО).

104. ЛИТВИНОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ[1] 1903 –
105. МИРЗОЕВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ 1912 –
106. МОЛОТОВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ – –
107. МАЛЯРОВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ 1975 10
108. ВАСИЛИЙ ЕГОРОВИЧ 1889 5
109. МИХАЛЕВ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ[2] 1895 8
110. МИТЯНЕВА КАРЛА ИОСИФОВНА 1906 5
111. МАТТО МАРИЯ–МАГДА КАРЛОВНА – 8
112. МИЛЛЕР ГОТЛИБ ИВАНОВИЧ[3] 1908 5
113. МАТВЕЕВ АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМОВИЧ 1907 –
114. МАЛЫШЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ 1898 8
115. НАДЬ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ 1895 5
116. НЕДЕИН ВЛАДИМИР МАРТЫНОВИЧ 1895 8
117. НЕКРАСОВ РОМАН ТАРАСОВИЧ 1912 –
118. НОРКУС ТАДЕУШ АНТОНОВИЧ 1870 –
119. НАТЕР ЮЛИУС АДОЛЬФОВИЧ 1871 –
120. ВИТАЛИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ 1904 –
121. ОЗОЛИН ЯН РОМАНОВИЧ[4] 1876 –
122. ОЗАРАЙ ИОСИФ ИВАНОВИЧ 1884 –
123. ОШНЯГО ИВАН ИГНАТЬЕВИЧ 1901 8
124. ПЛЕЩЕЕВ ДМИТРИЙ ЗАХАРОВИЧ 1913 5
125. ПИГАРЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ 1896 8
126. ПУРАС ВИКЕНТИЙ КАЗИМИРОВИЧ 1891 –
127. ПИНЕРОВ КИРИЛЛ ТОМОВИЧ 1905 –
128. ПОЛИНСКИЙ БРОНИСЛАВ АНТОНОВИЧ[5] 1890 5
129. ПЕПЕЛЬНИК ВИТАЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ 1906 8
130. ПОПОВ ГАВРИИЛ РАЙКОВИЧ 1902 –

---

1 Литвинов Иван Васильевич. Родился в 1903 г., Московская обл., Сараевский р-н, с. Сараи;
путевой обходчик на железной дороге. Проживал: Московская обл., ст. Бутово, железнодорожная будка, 35. Дело 15266 (КПМО).

2 Михалев Петр Васильевич. Родился в 1895 г., Рига; машинист, Дулевский з-д. Проживал: Московская обл., Орехово-Зуевский р-н, Ленинский пер., 15а. Дело П-47450 (КПМО).

3 Миллер Готлиб Иванович. Родился в 1908 г., АССР Немцев Поволжья; кочегар, Митрохинская промартель. Проживал: Московская обл., Куровской р-н, с. Ильинский погост. Дело П-47909 (КПМО).

4 Озолин Ян Романович. Родился в 1876 г., Фиднерштадский уезд, х. Бути; колхозник. Проживал: Московская обл., Коммунистический р-н, с. Покровское. Дело 15292 (КПМО).

5 Полинский Бронислав Антонович. Родился в 1890 г., Гродненская губ., Белостокский р-н, с. Чеховизна;
пом. наездника, Государственная заводская конюшня. Проживал: Московская обл., г. Руза, пер. Демократический. Дело П-49123 (КПМО).

131. ПУЦЕ ОСКАР АНДРЕЕВИЧ[1] 1898 5
132. РОТШТЕЙН НАУМ АБРАМОВИЧ 1901 8
133. РОТЦЕЙГ ЭРИКА ГУСТАВОВНА 1896 5
134. РАНЦЕВ САВЕЛИЙ НАЗАРОВИЧ 1896 –
135. РАДЗЮК МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ 1880 8
136. РОЗИНОВ МОИСЕЙ ЛАЗАРЕВИЧ[2] 1910 5
137. РАУБО БРОНИСЛАВ ИОСИФОВИЧ 1906 –
138. РОЗИНЕР АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ 1905 8
139. РАХМАНОВ ЯКОВ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1889 5
140. РОЛАНДТ ГАНС ЛЬВОВИЧ 1886 8
141. СТЕПАНЕК АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМОВИЧ 1907 5
142. САКСОН АЛЕКСАНДР ОСВАЛЬДОВИЧ 1897 8
143. СУХОВ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ 1905 –
144. САМУИЛО БИНОК ВАЦЛОВОВИЧ 1899 –
145. САДОВСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ 1890 –
146. САДОВСКИЙ ЕФИМ САВЕЛЬЕВИЧ[3] 1901 –
147. САВЕЛЬЕВ ИВАН ПАВЛОВИЧ[4] 1900 5
148. СТАХАНСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ[5] 1909 8
149. СТЕПАНОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ[6] 1906 –
150. СЛУЦКИЙ ВЕНИАМИН ИСААКОВИЧ 1880 –
151. СЕМЯТИНСКАЯ ФАИНА МИХАЙЛОВНА 1907 5
152. ‹Нрзб› (*вычеркнуто*)
153. САМОДУРОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА 1897 8
154. СЕРЖАНТ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ[7] 1885 –
155. СКРИПКИН АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ[8] 1885 5

---

1 Пуце Оскар Андреевич. Родился в 1893 г., Лифляндская губ., усадьба Вацого; главбух, артель «Норофонторг». Проживал: Московская обл., г. Наро-Фоминск, ул. Урицкого, 13. Дело 15836 (КПМО).

2 Розинов Моисей Лазаревич. Родился в 1910 г, инженер-проектировщик, контора «Гормост».

Проживал: Москва, пер. 7-й Ростовский, 15, кв. 48. Дело 15872 (МП).

3 Садовский Ефим Савельевич. Родился в 1901 г, слесарь, завод № 24. Проживал: Москва, Кирпичная ул., 11, кв. 4. Дело 15832 (МП).

4 Савельев Иван Павлович. Родился в 1900 г., Рига; зам. директора Дулевского с-за. Проживал: Московская обл., Орехово-Зуевский р-н, п. Дулево, Заводская ул., 26, кв. 6. Дело П-48716 (КПМО).

5 Стаханский Иван Михайлович. Родился в 1909 г, начальник секции, завод № 39. Проживал: Москва, Хорошевское ш., 5, кв. 16. Дело П-54117 (МП).

6 Степанов Павел Иванович. Родился в 1906 г, без определенного места работы. Дело 15848 (МП).

7 Сержант Александр Иванович. Родился в 1885 г. в Латвии; бухгалтер магазина. Проживал: Московская обл., г. Истра, ул. Урицкого, 55. Дело П-47757 (КПМО).

8 Скрипкин Александр Павлович. Родился в 1885 г, бухгалтер, фабрика механизированного учета Народного комиссариата путей сообщения. Проживал: Москва, ул. Солянка, 1, кв. 67. Дело 20119 (МП).

156. СТАСЕВСКИЙ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ[1] 1890 8
157. СКАЧКОВ НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ 1902 –
158. СИДОРЕНКО–СИДОРЕЦ ИВАН АНДРЕЕВИЧ – –
159. САШИН ПЕТР ИЛЬИЧ 1907 –
160. СТАРОБИН ФЕБУС ЗЫКОВИЧ 1901 –
161. СРЕТИНСКИЙ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ 1899 –
162. ТОПЛЕР ИОСИФ ИОСИФОВИЧ 1918 –
163. ТКАЧ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ 1890 5
164. ТАМАНКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ 1887 8
165. ТЕРЕНТЬЕВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ[2] 1885 5
166. ТЫНАР СЕРЕНА ФРАНЦЕВНА 1880 8
167. ТОНЕЕВ ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ 1904 –
168. ТРЕЩАНСКИЙ МИХАИЛ ЛЕОНОВИЧ 1890 –
169. ТЕТЕРИН ПЕТР АФАНАСЬЕВИЧ (*вычеркнут*) 1884 –
170. ТЕЛЬ ИОСИФ АНДРЕЕВИЧ 1894 –
171. ТАВАНОМАН ХАИМ ВУЛЬФОВИЧ 1908 –
172. ТИМОФЕЕВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ 1891 –
173. УРБАН МАГНУС ГУСТАВОВИЧ[3] 1893 5
174. ФЕЛЕР АННА РЕЙНГАРДОВНА – –
175. ФЕДКЕВИЧ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ[4] 1900 8
176. ФЛОРОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ[5] 1888 –
177. ФИКС ГРИГОРИЙ САМОЙЛОВИЧ 1865 –
178. ФЕЙГИНА ДИНА МИХАЙЛОВНА 1911 10
179. ХОДОРОВИЧ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ 1907 8
180. ХОДОКОВ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ 1905 –
181. ЦИЛОВ МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ 1888 –
182. ЦВЕТНИХ ФРИДРИХ ФРИДРИХОВИЧ 1898 –

---

1 Стасевский Владимир Петрович. Родился в 1890 г, зам. зав. сектором, Сокольнический парк культуры и отдыха. Проживал: Москва, 1-й Огородный пер., 5, кв. 5. Дело 20346 (МП).

2 Терентьев Николай Васильевич. Родился в 1885 г., Московская обл., Малинский р-н, д. Родоманово; печник. Проживал: Московская обл., Ленинский р-н, с-з Пахомова, барак № 1. Дело П-47923 (КПМО).

3 Урбан Магнус Густавович. Родился в 1893 г., Мариупольский уезд, д. Ошминта; гл. бухгалтер, Ногинское отделение Мособлтранса. Проживал: Московская обл., г. Ногинск, Пчельный пер., 3. Дело 20336 (КПМО).

4 Федкевич Петр Григорьевич. Родился в 1900 г., Польша, Ковенская губ., м. Окниста; бухгалтер, з-д № 8. Проживал: Московская обл., ст. Подлипки, ул. Ленинская, 17, кв. 3. Дело 15858 (КПМО).

5 Флоров Александр Андреевич. Родился в 1888 г., г. Хабаровск; экономист. Арестован 29 марта 1931 г. Приговорен 30 мая 1931 г. Приговор: 3 года лишения свободы. Дело П-26241 (Воронежское общество «Мемориал»).

183. ЦИБУЛЬСКИЙ ИВАН ФОМИЧ[1] 1883 –
184. ЧАЙКО НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ 1885 –
185. ЧИСТЯКОВ ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ 1894 –
186. ЧУКАНОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1904 –
186. ШАВЫРИН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ 1888 –
187. ШЕЛЬГАВИ КАРЛ ЯКОВЛЕВИЧ 1900 –
188. ШКЛОВСКИЙ КАЗИМИР ФОМИЧ 1895 –
189. ШНАЙДЕР АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ 1911 –
190. ШВЕДОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ 1900 –
191. ШВЕЦ БОРИС ИОСИФОВИЧ 1905 –
192. ШКИПСНЕ ЭРНЕСТРО–ВИЛЬГЕЛЬМ САМОЙЛОВИЧ 1900 –
193. ШОНТАГ АЛЬФРЕД САМОЙЛОВИЧ 1885 –
194. ШИЛЕЙКО ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА 1904 –
195. ШИДЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ АНТОНОВИЧ[2] 1911 –
196. ШИМАНОВСКИЙ НИКОЛАЙ УЛЬЯНОВИЧ 1905 –
197. ЭРМАН ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ 1887 –
198. ЭРЕНТРЕЙС ЯН МИХАЙЛОВИЧ 1891 –
199. ЯЗВИНСКИЙ СТАНИСЛАВ АНТОНОВИЧ[3] 1912 –
200. ЯКОВЛЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ 1886 –
201. ЯРЕЦКАЯ БЕРТА МОИСЕЕВНА 1898 –

‹12›
Попутный список из тюрьмы № 6 (Коломна)[4]

1. ИВЕРСОН ВАЛЬДЕМАР МАТСОВИЧ 1896 58-10 8
2. НАУМИН АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ 1897 58-10 8
3. ОБУХОВИЧ ВЛАДИМИР ИОСИФОВИЧ 1893 – –
4. ПОШАЛОВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ 1909 – –
5. ДАНИЭЛЬ СПИРИДОН КИРЬЯНОВИЧ 1883 – –

---

1 Цибульский Иван Фомич. Родился в 1885 г., Винницкая обл., Ямпольский р-н, с. Михайловка; безработный. Проживал: Московская обл., г. Орехово-Зуево, ул. Урицкого, 35. Дело 15874 (КПМО).

2 Шидловский Алексей Антонович. Родился в 1911 г., нормировщик, Кунцевский з-д № 95. Проживал: поселок завода № 95, 16, кв. 5. Дело П-47869 (МП).

3 Язвинский Станислав Антонович. Родился в 1912 г., Белоруссия, пос. Мезлужье; контролер ОТК, 1-й Автогенный з-д. Проживал: Московская обл., Ленинский р-н, с. Черемушки, 31. Дело 20196 (КПМО).

4 РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 111. Машинописный список на стандартном листе бумаги. Кроме граф ФИО, год рождения, статья и срок, графа – куда направляется (все во Владивосток).

6. КРАЙНЕРТ КРИСТИЯН КРИСТИЯНОВИЧ 1916 – –
7. ШЕВИНСКИЙ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ 1890 – –
8. ИВАНОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ 1898 – 5
9. НИКИФОРОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 1890 – 5
10. ИГОЛКИН ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ 1880 – 8
11. ГОРСТ АДАМ АДАМОВИЧ 1896 58–6 –
12. ПЕККЕР ПЕТР ХРИСТОФОРОВИЧ 1886 58-10 –
13. ДЕМЧУК НИКИТА ХАРИТОНОВИЧ 1899 – –
14. ТАУТ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ 1892 – –
15. ВИКТОРОВИЧ ИВАН ИВАНОВИЧ 1876 – –
16. ГРАЗГРУ МОИСЕЙ ИОСИФОВИЧ 1896 58–6 –
17. ВЫШИНСКИЙ АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВИЧ 1900 58-10 –
18. ЭНИНГ КАРЛ КАРЛОВИЧ 1890 58-10 8
19. РУЛЬ ДАВИД ПЕТРОВИЧ 1914 – –
20. ТОМАШЕВСКИЙ БРОНИСЛАВ ЮЛИАНОВИЧ 1913 – –
21. ЯКУБОВСКИЙ ПЕТР КУЗЬМИЧ 1885 – –
22. ТОРХАНОВСКИЙ ИВАН МАКСИМОВИЧ 1889 – –
23. КУКИС ВИКЕНТИЙ ИВАНОВИЧ 1896 – –
24. СОКОЛОВ–РАКОВИЧ ВИКЕНТИЙ ГАВРИЛОВИЧ 1892 – –
25. СОСНЕНКОВ АНДРЕЙ КУЗЬМИЧ 1888 – –
26. МАКАРОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ 1885 – –
27. ОЛЕЙНИКОВ АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВИЧ 1909 – –
28. ПОЛЯРИНСКИЙ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ 1895 – 5
29. СУЛЬБ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ 1899 – 5
30. ГРОШЕВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ 1888 – 8
31. ХОЛОДКОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ 1883 – –
32. БОРИСОВ НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ 1888 – –
33. ВОЛОДИН ИВАН ФЕДОРОВИЧ 1901 – 5
34. АГАЛЬЦОВ СЕМЕН ЕГОРОВИЧ 1900 – 8
35. БАУМАН ЗИНАИДА МАКСИМОВНА 1909 58-6 –
36. ВАСИЛЕНКО НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА 1905 – –

37. ЛЕЛИКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ 1904 58-10 –
38. СКРЕЖЕШЕВСКИЙ ВОТСЛАВ АДОЛЬФОВИЧ 1905 – –
39. ХРИСАНФОВ ИВАН ХРИСАНФОВИЧ 1888 – –
40. КОРМАН АЛЕКСАНДР СУХАРЕВИЧ 1911 58-6 –
41. СОСНЕНКОВА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА 1888 – –
42. УЛАНОВ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ 1913 59–10 –
43. РОЗЕНФЕЛЬД МАРИЯ ИВАНОВНА 1898 – –
44. МОНАКОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ 1899 – –
45. ГЛАДКИХ ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ 1899 – 5

Управление Северо–Восточных исправительно–трудовых лагерей (1938): «Вторая речка»: последние месяцы жизни

Неистовый поэт, наконец, избавился от своих преследователей…
Галина фон Мекк[1]

…Неизвестна твоя могила.
Может быть, это целый свет.
В первом «Камне» такая сила,
Что последнего камня нет!..

Инна Лиснянская[2]

1

…Итак, поезд остановился.

И ровно с этого мига начинаются воспоминания Ивана

1 Мекк Г., фон. Как я их помню / Пер. с англ. Б. Никитина. М., 1999. С. 208.
2 Из стихотворения Инны Лиснянской.

Корнильевича Милютина, одного из будущих мандельштамовских соседей по бараку:

Замолк удар колес по стыкам, но долго еще в ушах не проходило эхо этого стука. Тело еще не привыкло к движеньям после месячного сидения и лежания в запертом товарном вагоне. Ушла на запасной путь длинная змея красных вагонов, с решетками, пулеметами и прожекторами. Две тысячи людей были выстроены в колонну по пять человек, окружены конвоем и собаками и куда-то пошли. Впереди ожидало пространство, окруженное забором, колючей проволокой, вышками. Широкие ворота. На воротах висел какой-то лозунг. Какой – уже ушло из памяти. Началась передача от дорожного конвоя – охране пересыльной зоны. Счет шел по пятеркам: «первая, вторая, третья»... Были какие-то надежды на отдых, на какую-то ясность своего существования. Изнуренные дорогой, голодом и неподвижным сиденьем люди как-то даже приободрились. Но психологическое облегчение не было долговременным: уже в воротах появился молодой человек, объявивший, что дисциплина здесь палочная. И действительно, в руках у него была палка.

Состав поезда влился в отгороженную зону. Где была эта зона, сейчас трудно сказать. Стояли какие-то брезентовые палатки и палатки из досок. Сначала отделили «политических» от «урок». Это было большое облегчение. Осталась своя среда. Среда людей, в которой трудно было встретить человека без высшего образования, большого политического прошлого. Перед моими глазами промелькнул знакомый заместитель

наркома. Встретил и других, знакомых по газетам. Но тогда ничего не интересовало. Чудовищное унижение поглотило внутри всё. Отдельных «контриков» погнали еще в какую-то зону. «Привет огонькам большого города» – насмешливо встречала нас обслуга зоны. В зоне стояли четыре довольно капитальных барака (сараи без окон). Внутри сплошные нары в три яруса.[1]

Тысячи пар глаз встречали новичков за воротами контрольно-пропускного пункта. Очень эмоционально описывает картину прибытия мужского этапа Евгения Гинзбург в своем «Крутом маршруте»:

Нас не гонят от проволоки, отделяющей нашу зону от мужской. И мы смотрим, смотрим, не отрывая глаз, на плывущий перед нами мужской политический этап. Они идут молча, опустив головы, тяжело переставляя ноги в таких же бахилах, как наши, ярославские. На них те же ежовские формочки, только штаны с коричневой полосой выглядят еще более каторжными, чем наши юбки. И хотя мужчины, казалось бы, сильнее нас, но мы все жалеем их материнской жалостью. Они кажутся нам еще более беззащитными, чем мы сами. Ведь они так плохо переносят боль (это было наше общее мнение!), ведь ни один из них не умудрится так незаметно выстирать бельишко, как это умеем мы, или починить что-нибудь… Это были наши мужья и братья, лишенные в этой страшной обстановке наших забот.

1 Милютина, 1997. См. также: Пейрос И.И. Из архива памяти / Публ. И.И.Пейроса // Архив еврейской истории. Т.5. М., 2008. С.63.

– Бедный, и пуговку некому пришить… – вспомнил кто-то эту формулу женской любви из раннего эренбурговского романа.

Каждое лицо кажется мне похожим на лицо моего мужа. У меня уже ломит виски от напряжения. Кругом меня все тоже вглядываются. И вдруг…

Вдруг кто-то из мужчин, наконец, заметил нас:

– Женщины! НАШИ женщины!

Я не умею описать того, что произошло потом. Не нахожу слов. Это было подобно мощному электротоку, который разом одновременно пронизал всех нас, по обе стороны колючей проволоки. Как ясно было в этот момент, что в самом сокровенном мы все похожи друг на друга! Всё подавляемое в течение двух долгих лет тюрьмы, всё, что каждый поодиночке носил в себе, вырвалось наружу и бушевало теперь вокруг нас, в нас самих, казалось, даже в самом воздухе. Теперь и мы, и они кричали и протягивали друг другу руки. Почти все плакали вслух.

– Милые, родные, дорогие, бедные!

– Держитесь! Крепитесь! Мужайтесь!

Кажется, такие или приблизительно такие слова кричали с обеих сторон[1] .

2

Что же представляло собой место назначения этапа – пересыльный лагерь УСВИТЛ[2]?

---

1 Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М., 1991. С. 259–260.

2 С легкой руки журналиста Э. Белтова, занимавшегося в конце 1980-х гг. репрессированными писателями, за этим лагерем «закрепился» еще и номер: «3/10». Однако сам Белтов ни разу не назвал источник своих сведений, а иные подтверждения такой дополнительной нумерации нам неизвестны. См.: Белтов Э. Вторая катастрофа. Евреи – жертвы ленинско-сталинского террора. В 2-х тт. Иерусалим, 2007. Не назывался он и «Вторая речка»,

За аббревиатурой скрывалось Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей – административная структура Дальстроя. Сам же Дальстрой был могущественной организацией и самым что ни на есть государством в государстве, своего рода «Ост-Индской компанией» ОГПУ–НКВД, независимой от всяких там местных властей. Основанный в 1932–1933 годах для комплексного освоения и эксплуатации природных ресурсов северо–востока Сибири, он обрел и проявил себя главным образом в колымском золоте. В течение почти двадцати лет[1] Дальстрой ежегодно получал почти по сотне тысяч «зэков», или зеков[2], но из-за высокой смертности их общая численность редко превышала 200 тысяч душ. Всего же за 1932–1956 годы в системе Дальстроя перебывало не менее 2 миллионов человек.

Первым начальником Дальстроя был «воспетый» Шаламовым Эдуард Петрович Берзин (1893–1938), начинавший еще в 1931 году на строительстве Красновишерского целлюлозобумажного комбината: его арестовали 29 ноября 1937 года, в поезде Москва–Владивосток, на станции Александров, и расстреляли 1 августа 1938 года. Вторым – с 21 декабря 1937 по октябрь 1939 гг. – был старший майор гб Карп Александрович Павлов (1895–1957, покончил жизнь самоубийством), третьим – комиссар гб 3 ранга Иван Федорович Никишов (1894–1958), задержавшийся в Магадане до декабря 1948 года. При Павлове начальником УСВИТЛа (с декабря 1937 по сентябрь 1938 гг.) был Степан Николаевич Гаранин (1898–1950), прославившийся своей безудержной жестокостью и арестованный в сентябре 1938 года[3].

хотя был и такой лагерь – непосредственно возле одноименного разъезда, очень небольшой.

1 В 1953 г. имущество Дальстроя было передано Министерству горнорудной промышленности.

2 Эту аббревиатуру когда-то знали все, но сейчас, слава богу, не каждый: она происходит от «з/к», что означало «заключенный-колонист», или, фактически, просто «заключенный».

3 После пыточного следствия в Магадане Гаранин был переведен в Москву, а с мая 1939 г. находился в Сухановской тюрьме, но вину не признал. Осужден ОСО при НКВД СССР в январе 1940 г. «за участие в контрреволюционной организации» на восемь лет ИТЛ; впоследствии срок заключения был во внесудебном порядке продлен. Умер в 1950 г. в Печерлаге МВД. Реабилитирован в 1990 г. как осужденный внесудебным

Место для пересыльного лагеря было выбрано безлюдное и доступное: бараки оседлали пологий южный склон Саперной сопки[1], так что из лагеря хорошо было видно и море (Амурский залив), и таежные сопки; естественной границей служил и обрывистый берег Амурского залива. С юга лагерь был ограничен нынешней Днепровской улицей, с севера – Печерской, а с востока – Областной, долгое время служившей северным выездом из города[2].

Приветливым это место не назовешь. «*Это был уголок каменистых гор и сопок, на которых не росла даже трава. Территория была обнесена колючей проволокой высоко-высоко. А внутри на горных сопках стояли бараки и натянутые холодные палатки*» – так описывал пересылку Ю.И. Моисеенко[3]. Тем не менее пересылка считалась сравнительно благополучным лагерем: обтянутые брезентом добротные бараки из доски-шестерки[4], трехэтажные нары (в летние месяцы бывал и четвертый «слой» – лежали и на полу), «буржуйка», баня, больница, да и начальство особо не зверствовало – в пределах своей огороженной зоны по лагерю днем можно было свободно передвигаться[5].

Д.М. Маторин рассказывал, что пересылка на «Второй Речке» состояла из двух частей: в первой находились уголовники, или «урки» (около 2 тысяч человек), во второй – политические, или «контрики», причем во второй части были

органом.

1 Однако северный склон сопки был достаточно крут; внизу протекала речка Саперка, ныне забранная в трубу.

2 Ныне территория и железнодорожной станции, и лагеря, и причала находится в пределах городской черты Владивостока. Сегодня «Вторая Речка» – это название большого микрорайона города, а место, где располагался сам лагерь – небольшая бывшая долина речки Саперки на склонах Саперной сопки, – называется «Моргородок». Сама территория лагеря и даже его конфигурация в течение длительного времени оберегались и поддерживались так называемым «экипажем» – одной из военно-морских частей Тихоокеанского флота, дислоцировавшихся на территории бывшего лагеря. Из построек 1930-х годов на территории «экипажа» частично, но всё же до самого конца сохранялись здания пищеблока и больницы. В 2007 г. экипаж окончательно ликвидировали, а его бывшую территорию поглотил город – участок отвели под новую городскую застройку.

3 Ю. Моисеенко. Как умирал Осип Мандельштам // Известия. 1991. 22 февр.

4 Из-за брезента некоторые поначалу и вовсе воспринимали их как палатки.

5 Фамилия лагерного начальника была Смык, а коменданта – Вайсбург, фамилия заместителя коменданта – Крюков. По словам Е.М. Крепса, Абрам Ионович Вайсбург, из ссыльных (по другим сведениям – полковник), оставил по себе добрую память человека незлобивого; в 1970-е гг. он жил в Ташкенте, где в 1971 г., во время Всесоюзного физиологического съезда, его разыскал и даже посетил его бывший «подопечный» – академик Крепс.

три различные зоны: мужская (5–7 тысяч человек)[1], женская (2 тысячи человек) и «китайская» (3 тысячи, по его словам, эмигрантов из Харбина). Итого в лагере – от 10 до 12 тысяч зэков. Между зонами – десятиметровые полосы; женская была огорожена еще двумя рядами колючей проволоки, а «китайская» – забором. Двух– или трехэтажная больница была в «урочьей» зоне; в зоне «контриков» стоял комендантский барак и больничка на двенадцать коек (изолятор).

Зимнее население лагеря было, конечно, много меньше. Согласно инженеру Н.Н. Аматову, прибывшему в лагерь 31 декабря 1937 года, новый 1938 год там встречало около 3 тысяч человек[2].

По В.Л. Меркулову, лагерь делился на три зоны: две каэровские (то есть «контриков») и одна «китайская» (для китайцев Приамурья). Та часть лагеря, где содержались «контрики», называлась «Гнилой угол», или «Тигровая балка». Эти зоны были окружены колючей проволокой; на ночь выпускали собак. К первой зоне относились бараки с 1-го по 6-й, ко второй – с 7-го по 14-й, «китайская» зона включала еще шесть бараков. К первой зоне примыкало два женских барака. В центре была больница и душ с холодной водой[3].

В бараках мужской зоны, согласно Милютину, размещалось по 600 человек[4].

Женская зона представляла собой огромный огороженный колючей проволокой и основательно загаженный двор, пропитанный запахом аммиака и хлорной извести. Колоссальный барак с тремя ярусами нар был царством

1 Е.М. Крепс назвал меньшую цифру – 2 тысячи человек – из расчета 100 человек на барак, но, вероятно, он имел в виду лишь одну из зон. В мужской зоне было два ряда по 10 бараков, нары в бараках двухэтажные (физик Л. говорил о трехэтажных нарах). В.М. Меркулов говорил о 40 тысячах зэков в пиковые периоды (по прикидке Ю.И. Моисеенко – около 20 тысяч страдальцев).

2 Он же утверждал, что в пиковые летние периоды население лагеря могло доходить и до 100 тысяч человек – явное и сильное преувеличение. Сам Аматов работал в так называемом лагпункте № 1 – домике в «китайской» зоне – конструкторском бюро, обслуживавшем нужды города и Дальстроя (своего рода «шарашка» местного значения).

3 И.К. Милютин вспоминал, что души стояли чуть ли не в чистом поле, безо всякого заграждения.

4 Милютина, 1997. С. 343.

клопов и вшей[1].

Собственно, жирные бесцветные вши и крупные черные клопы господствовали по всему лагерю, переползая из зоны в зону. А с ними «заодно» расползались тиф и дизентерия – и косили, косили людей, высвобождая нары и лучшие места в бараках для всё новых и новых последующих.

Редкий мемуарист забывает помянуть лагерных насекомых:

> *Зона для «контриков» уже была заполнена. Наша часть зоны насчитывала около двух тысяч. А сколько таких зон – трудно сказать. Бараки переполнены, люди располагались на улице. Строили палатки из одежды и одеял, подкапывались под здание барака и располагались под полом. У меня и моих стариков не было лишней одежды. Отчаяние толкнуло на решительный шаг. Прямо переступая через лежащих на полу людей и находя между телами промежутки, мы валились и засыпали счастливыми, что попали под крышу. Как ни тесно, но нашлось место на полу и нам. Над нами стояло еще три ряда нар с плотно лежащими людьми. Первые ночи не было места и на полу. Садились на край нижнего яруса. Сон сваливал сидящих людей, а лежащие счастливцы зло отпихивали падающих. Человеки боролись за жалкое логово, за возможность вытянуться во сне. Но находились и такие, кто скрючивался, принимая самую малогабаритную позу, чтобы дать другому возможность поспать. По людям ползали вши. Дизентерия и тиф освобождали места, занимаемые с радостью измученными*

1 Гинзбург Е. Крутой маршрут. Даугава, Рига, 1988, № 11, с. 3–16. Е. Гинзбург прибыла на пересылку в июле 1939 г.

людьми. Однажды была устроена и баня. Среди поля стояли души. Раздевались на улице, получали какие-то два укола и шли под душ. Уже было холодновато, и часть людей проходила мимо душей, в «чистое отделение». Здесь получали белье. Получил было и я, но увидев ползавших по стираному белью вшей, взять его отказался. Мне казалось, что собственные вши менее опасны.

В зоне был пригорок. С него была видна деревянная постройка с окнами. Это больница. Невдалеке стояли две печи для сжигания трупов. Трупы несли туда из больницы довольно часто. Это зрелище как-то примелькалось, и мало кто обращал на него внимание. Смерть освободила и для нас место на полу и, частично, на нижних нарах.[1]

Пересыльный лагерь был своеобразным ситом и сортировочным пунктом сразу в нескольких смыслах слова. Во-первых, политических («контриков») тут отделяли и содержали отдельно от уголовных («урок»), что было для первых огромным, хотя и кратковременным, облегчением. Во-вторых, людей сортировали по их физическому состоянию. Более крепких и сравнительно здоровых отправляли морем на Колыму, остальные же попадали в «отсев» (часть зимовала на пересылке, а большинство – в основном, инвалиды – направлялось на запад, в Мариинские лагеря недалеко от Кемерово)[2].

Пересыльный причал – «ворота на Колыму» – был всего в нескольких километрах, на мысу Калузина[3]. Плыть до Нагаево – следующих «ворот» и аванпорта колымской столицы Магадана – около семи суток. На каждый морской

1 Милютина, 1997.

2 Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. 1988. № 11. С. 139–140.

3 Позднее, во второй половине 1940-х годов, пересылку перенесли в порт Находку, а еще позднее – во Ванино.

этап отбиралось от 6 до 9 тысяч человек, грузившихся в трюмы специальных, с нарами в 3–4 яруса, дальстроевских барж-пароходов, совершавших за навигацию 12–15 рейсов каждый[1].

Сроки пребывания в транзитном лагере были непредсказуемы. Евгения Гинзбург писала:

> *Для некоторых это был только перевалочный пункт, с которым расставались через несколько дней. Другие находились здесь целыми месяцами. А отдельные придурки, сумевшие приспособиться к требованиям здешнего начальства, жили здесь годами.*[2]

О кормежке И.С. Поступальский вспоминает так: баланда (суп из крупы или чечевицы), перловая каша, иногда кусок селедки, летом даже зеленые помидоры. По словам раздатчика (будущего академика Е.М. Крепса), рацион был такой: утром – хлеб и кипяток, на обед и ужин – баланда, разваренное мясо или рыба, каша. Всех заставляли пить заменитель витаминов – хвойную настойку: считалось, что она помогает от цинги. В. Новоконов иначе, как варевом, эту настойку не называет. Он же свидетельствует:

> *Единственно, что могло принести радость, – это прекрасная погода, удивительная солнечная*

---

1 Самые знаменитые – «Джурма» и «Дальстрой», «воспетые» Шаламовым и другими колымчанами. Здесь ограничимся цитатой из читательского отклика на письмо Ю. Моисеенко, напечатанное в «Известиях»: «Говорили, что капитаны судов отказывались везти этот груз, но их заставляли, и они делали отметку в судовых документах: “Количество и качество мне неизвестно”, как это принято в морской торговой практике, когда капитаны хотят оградить себя от ответственности за сохранность принятого к перевозке груза. Могу засвидетельствовать, что во время этих рейсов многие умирали. Трупы выбрасывали за борт. Например, в порту Нагаево трупы с пароходов никогда не выгружали (я работал потом в этом порту грузчиком и приемосдатчиком). В наш рейс на “Джурме” в октябре 1938 года случился сильный шторм. Трудно описать, что было. Изнеможденные люди вповалку на нарах в три этажа, страдающие морской болезнью. Везде рвота, двухсотлитровые переполненные бочки-параши выплескивают зловонную жидкость на пол, и арестанты скользят по нему от стенки до стенки и обратно, дышать нечем, люки задраены. Восемь дней этого кошмара…» (Новоконов В. Могу засвидетельствовать… // Известия. 1991. 5 июля. С. 7). О последнем из таких пароходов (под названием «Ялта») см. письмо А. Плаксия в «Огоньке» (1989. № 10. С. 3). Еще в 1990-е гг. во Владивостоке на приколе стоял аналогичный пароход «Кули» (сообщено В.М. Марковым).

2 Гинзбург Е. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М., 1991. С. 262–263.

осень и возможность свободного общения. Двери бараков на день не закрывались.[1]

3

Итак, 12 октября 1938 года мандельштамовский эшелон прибыл на станцию «Вторая речка». Было солнечно, но на следующий день небо заволокло тучами, пошел дождь, прогремела гроза. С юго-востока задул ветер, 14 октября сменившийся северным, не ураганным, но вполне ощутимым для измученного тела – 10–15 м/сек. Температура не поднималась выше 8–10 градусов, но 14–15-го, как это часто бывает в Приморье, хорошая погода установилась вновь и продержалась почти две недели[2]. Температура воздуха резко поднялась – до 12–15 градусов, что значительно выше средней. Такая погода с кратковременными перепадами держалась до конца месяца. Последний скачок температуры (6 ноября) сменился резким похолоданием: уже 8 ноября термометр упал ниже нуля и выпал – но еще не лег – первый снег (с дождем).

На этом основании мы в свое время передатировали единственное – и последнее в жизни – письмо Осипа Эмильевича из лагеря, отнеся его не к концу октября, а приблизительно к 10 ноября. Главное тому основание – соотнесение погодной динамики с фразой: «*Очень мерзну без вещей*». Однако следующее свидетельство Ю.И. Моисеенко заставляет нас отнести датировку еще на одну неделю назад:

Где-то 2–3 ноября в честь Октябрьской революции объявили «день письма»: заключенным разрешили написать домой. Жалобы и заявления можно было составлять хоть каждый день, а

1 Новоконов В. Могу засвидетельствовать… // Известия. 1991. 5 июля. С. 7.

2 Справка о погодных условиях и периодах ухудшения погоды осенью и зимой 1938 г., выданная метеорологом А.А. Петрошенко (сообщено В.М. Марковым).

домой – раз в полгода[1] .

После завтрака, часов около одиннадцати, явился представитель культурно-воспитательной части. Раздали по половинке школьного тетрадного листа в линейку, карандаши – шесть штук на барак… Никаких вопросов в письме не ставить, о том, кто с вами, не писать, только о себе – о здоровье, о пребывании (в лагере. – П.Н.). Конверты не запечатывать.

День письма – это был день терзаний. Письма отдали, и все до отбоя молчали. Только на второй день, как после безумия, в себя приходили. Как будто дома каждый побывал… Осип Эмильевич тоже письмо оставил. Писал сидя, согнувшись на нарах… Потом он тоже был очень удрученный[2] .

Не зная, арестована Надя или нет, не ведая, где она, и подозревая только худшее, поэт адресовался к своему среднему брату:

Дорогой Шура!

Я нахожусь – Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак. Получил 5 лет за к.р.д. по решению ОСО. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности. Исхудал, неузнаваем почти. Но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень

---

1 С этим утверждением не согласуется эпистолярная практика гебраиста С.Л. Цинберга: эшелон с ним отправился из Крестов 9 сентября 1938 г., то есть практически одновременно с мандельштамовским (при этом первую весточку домой он отправил еще из поезда – 28 сентября, на подъезде к Иркутску), а прибыл на станцию «Вторая Речка» 15 октября 1938 г., то есть тремя днями позднее, чем О.М. Умерли они с О.М. почти одновременно (см. ниже), но Цинберг умудрился и за более короткое время пребывания на пересылке отправить не одно письмо, как О.М., а целых три! Первое – 30 октября, второе – 15 ноября и третье – 15 декабря 1938 г. (содержало уточнение в адресе: «12-спецколонна, 3-я рота») (Элиасберг, 2005. С.143-145). Возможно, 30 октября – и есть точная дата «Дня письма»: тогда нужно поправить и датировку мандельштамовской записки.

2 Поляновский Э. Смерть Осипа Мандельштама. IV // Известия. 1992. 28 мая. С. 3.

мерзну без вещей.

Родная Надинька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка.

Родные мои, целую вас.

Ося.

Шурочка, пишу еще. Последние дни я ходил на работу, и это подняло настроение. Из лагеря нашего как транзитного отправляют в постоянные. Я, очевидно, попал в «отсев», и надо готовиться к зимовке.

И я прошу: пошлите мне радиограмму и деньги телеграфом.[1]

Это письмо – твердая фактическая опора и точка отсчета лагерной жизни зэка О.М. Оригинал письма ныне хранится в Принстонском университете, вместе с основной частью архива (копия, сделанная, по-видимому, тогда же адресатом – Александром Эмильевичем, была отправлена младшему брату, в архиве которого и сохранилась[2]).

Вот как выглядел оригинал этого письма в описании И.М. Семенко, разбиравшей архив поэта в 60-е годы:

Два неровно обрезанных листа желтой оберточной бумаги, приблизительно в ¼ листа. Написано простым карандашом. Конверт самодельный, из той же бумаги. Чернильный карандаш почти стерт. Адрес: Москва (пропуск в описании. – П.Н.) Александру Эмильевичу Мандельштаму. Два штампа «Доплатить» (конверт без марки). Штамп «Владивосток 30–

1 Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. 1997. Т. 4. С. 201.

2 Другое дело, что семья Е.Э. Мандельштама рассталась с его архивом, и его местонахождение в настоящее время не вполне известно.

11–38» и «Москва 13–12–38».

Принимая новую датировку письма, мы вынуждены отказаться и от предположения, что нижеследующее письмо Надежды Яковлевны было своего рода откликом мужу на далекий, но явственный зов. Написав, Надежда Яковлевна так и не отправила его, надеясь на близость грядущей встречи, в неизбежности которой никогда не сомневалась. Приведем его тем не менее еще раз:

22/10 (38)

Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память.

Осюша – наша детская с тобою жизнь – какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу?

Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры? Помнишь, как хорош хлеб, когда он достался чудом и его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже. Наша счастливая нищета и стихи. Я помню, мы шли из бани, купив не то яйца, не то сосиски. Ехал воз с сеном. Было еще холодно, и я мерзла в своей куртке (так ли нам предстоит мерзнуть: я знаю, как тебе холодно). И я запомнила этот день: я ясно до боли поняла, что эта зима, эти дни, эти беды – это лучшее и последнее счастье, которое выпало на нашу долю.

Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и

каждая улыбка – тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой милый слепой поводырь…

Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. И твоя бедная горячешная голова и всё безумие, с которым мы прожигали наши дни. Какое это было счастье – и как мы всегда знали, что именно это счастье.

Жизнь долга. Как долго и трудно погибать одному – одной. Для нас ли – неразлучных – эта участь? Мы ли – щенята, дети – ты ли – ангел – ее заслужил? И дальше идет всё. Я не знаю ничего. Но я знаю всё, и каждый день твой и час, как в бреду, – мне очевиден и ясен.

Ты приходил ко мне каждую ночь во сне, и я всё спрашивала, что случилось, и ты не отвечал.

Последний сон: я покупаю в грязном буфете грязной гостиницы какую-то еду. Со мной были какие-то совсем чужие люди, и, купив, я поняла, что не знаю, где ты.

Проснувшись, сказала Шуре: Ося умер. Не знаю, жив ли ты, но с того дня я потеряла твой след. Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня? Знаешь ли, как люблю? Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе… Ты всегда со мной, и я – дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, – я плачу, я плачу, я плачу.

Это я – Надя. Где ты?

Прощай. Надя.

22 октября Осип Эмильевич был еще жив (о дате его смерти ныне можно сказать с большой уверенностью), но отправленное им письмо без особых натяжек явилось весточкой с того света.

4

Чем же были заполнены лагерные – последние – дни О.М.? Сказать об этом с уверенностью непросто, хотя сохранилось не так уж мало прямых или косвенных свидетельств.

В их собирании велика заслуга двух людей – Ильи Эренбурга и Надежды Мандельштам. Эренбург в своих знаменитых мемуарах «Люди. Годы. Жизнь» писал:

> *Кому мог помешать этот поэт с хилым телом и с той музыкой стиха, которая заселяет ночи? В начале 1952 года ко мне пришел брянский агроном В. Меркулов, рассказал о том, как в 1940 году Осип Эмильевич умер за десять тысяч километров от родного города; больной, у костра он читал сонеты Петрарки. Да, Осип Эмильевич боялся выпить стакан некипяченой воды, но в нем жило настоящее мужество, оно прошло через всю его жизнь – до сонетов у костра…*[1]

Это было первое упоминание о последних днях О.М. в советской прессе. Книга Эренбурга будильником прозвенела в ушах заснувшего поколения, многие (но не все, конечно) встряхнулись и, благодаря ей, начали думать и многое понимать иначе. Некоторые солагерники О.М. (С.Я. Хазин, И.Д. Злотинский) даже отправили письма Эренбургу. С Хазиным и Меркуловым Надежду Яковлевну свел Эренбург. Терпеливо собирая крупицы сведений о последних злосчастиях своего мужа, она опросила десятки свидетелей и лжесвидетелей, после чего поделилась с читателями тем, что она за долгие годы узнала. В ее первой книге «Воспоминания» этому посвящены две последние главы:

1 Новый мир. 1961. № 1. С. 144.

«Дата смерти» и «Еще один рассказ».

Итак, какими же материалами о конце жизни О.М. мы сегодня располагаем?

Прежде всего – это упомянутые главы первой книги Н.М. Главные ее информаторы – Юрий Казарновский, биолог Меркулов (он же «агроном М.»), оставшийся инкогнито физик Л., а также С.Я. Хазин. Очень важный источник – письмо И.Д. Злотинского И.Г. Эренбургу: Эренбург переслал его Н.М., но она не учла его в своей книге, как и коротенький мемуар И.К. Милютина[1], переданный ей через Ахматову. Кроме того, в нашем распоряжении рассказы солагерников Мандельштама В.Л. Меркулова, Е.М. Крепса и В.А. Баталина, записанные известным коллекционером М.С. Лесманом (1901–1985), а также наши собственные записи аналогичных рассказов Д.Н. Маторина, Е.М. Крепса, И.С. Поступальского, некоторые косвенные материалы и документы. Волна мандельштамовского юбилея в январе 1991 года вынесла наверх и еще одно ценнейшее свидетельство – Ю.И. Моисеенко, чье письмо опубликовали «Известия» 22 февраля 1991 года; он же откликнулся на наш призыв и прислал в Мандельштамовское общество еще одно, более подробное письмо. В архиве И.Г. Эренбурга обнаружилось и письмо «некоего Хазина», а именно Самуила Яковлевича Хазина (см. ниже).

Наконец, многие точки над i расставило само лагерное дело О.М., обнаруженное в магаданском архиве МВД при активном содействии сотрудников ЦА МВД В.П. Коротеева и Н.Н. Соловьева. Необычайно ценны и те краеведческие разыскания, которые провел «на месте» историограф владивостокской пересылки В.М. Марков.

Материалы эти всплывали на поверхность не сразу и в разное время, с чем и связана их распыленность по нескольким публикациям: в «Литературной газете» (1989, № 16), «Нашем наследии» (1988, № 6), «Смене» (1989, № 10) и в

---

1 Может быть, из-за критического по отношению к О.М. настроя, которым проникнуты эти воспоминания.

мандельштамовском сборнике, напечатанном в Воронеже[1], а также в ряде владивостокских газет. Первой сводкой этих материалов явилась наша публикация в альманахе «Минувшее» в 1989 году, впоследствии неоднократно перепечатывавшаяся, а в исправленном и дополненном виде составившая небольшую книгу «“С гурьбой и гуртом…”: Хроника последнего года жизни Осипа Мандельштама» [2]. В 1993 году вышла книга журналиста-известинца Э. Поляновского, основывавшаяся на интервью с Ю.И. Моисеенко и игнорировавшая практически весь остальной материал[3].

5

Первым «вестником с того света», как его назвала Надежда Яковлевна, был Юрий Алексеевич Казарновский – комсомольский поэт и лагерник с большим стажем[4]. В 1944 году он появился в Ташкенте и охотно, хотя и путано, рассказывал ей о О.М. На пересылке они с О.М. жили в одном бараке, нары были почти рядом. Барак был весь заселен «пятьдесят восьмой», в основном ленинградцами и москвичами, и это как-то облегчало жизнь. Нервический, моторный, привыкший сновать из угла в угол, О.М. часто подбегал к запрещенным зонам, чем вечно раздражал стражу и начальство. Он почти ничего не ел, вообще боялся казенной

1 Новые свидетельства о последних днях О.Э. Мандельштама / Публ. Н.Г. Князевой, предисл. П.М. Нерлера // Жизнь и творчество, 1990. С. 45–52.

2 Нерлер П. «С гурьбой и гуртом…». Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама // Минувшее. Париж, 1989. Вып. 9. С. 350–386; Нерлер П. «С гурьбой и гуртом…» (Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама) // Возвращение. Выпуск 1. М.: Сов. писатель, 1991. С. 392–430; Нерлер П. «С гурьбой и гуртом…» (Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама) // Рубеж. Тихоокеанский альманах. Москва–Владивосток, 1992. № 1. С. 226–249; Нерлер П. «С гурьбой и гуртом…». Хроника последнего года жизни Мандельштама / Записки Мандельштамовского Общества. Том 5. М.: Радикс, 1994 [1995]. 112 с.

3 Поляновский Э. Гибель Осипа Мандельштама. СПб.: Нотабене; Париж: Изд-во Гржебина, 1993. 231 с. (Сер.: Biblioteque Russe de l’Institut d’etudes slaves, tome 42).

4 Ю.А. Казарновский родился в 1905 г. в Ростове-на-Дону. С 1923 г. его стихи публиковались в местных газетах. 19 декабря 1927 г. он был арестован и 25 июня 1928 г. приговорен к 5 годам концлагерей. На Соловках сидел вместе с Д.С. Лихачевым. Его стихи есть в сборнике «Моря соединим! Стихи и песни на Беломорстрое» (Издание культурно-воспитательного отдела Беломорско-Балтийского ОГПУ. Медвежья Гора, 1932). Автор книги «Стихи» (М., 1936). В 1952 г. жил в Алма-Ате, затем в Москве. См. о нем письма Д.С. Лихачева (Огонек. 1988. № 9. С. 10) и Н. Богословского (Литературная Россия. 1989. № 9. С. 10); см. также: pkk.memo.ru/page %202/intell/guman/kazar.doc.

еды, путал котелки, терял свою хлебную пайку. Был он в кожаном, успевшем превратиться в лохмотья пальто, но до самых страшных морозов он не дожил… О.М. всё надеялся на помощь Ромена Роллана, который напишет о нем Сталину, и его отпустят…

> *Иногда, в светлые минуты,* – пишет Н.М. со слов Казарновского, – *О. М. читал лагерникам стихи, и, вероятно, кое-кто их записывал…*
>
> *На работы – даже внутрилагерные, вроде приборки – его не посылали. Даже истощенной до предела толпе он выделялся своим плохим состоянием. По целым дням он слонялся без дела, навлекая на себя угрозы, мат и проклятия всевозможного начальства. В отсев он попал почти сразу и очень огорчился. Ему казалось, что в стационарном лагере всё же будет легче, хотя опытные люди убеждали его в противном.*
>
> *Однажды О. М. услышал, что в пересыльном лагере находится человек по фамилии Хазин, и попросил Казарновского пойти с ним отыскать его, чтобы узнать, не приходится ли он мне родственником. Мы оказались просто однофамильцами. Этот Хазин, прочтя мемуары Эренбурга, написал ему, и мне удалось с ним встретиться… Сам Хазин О. М. видел два раза: когда О. М. пришел к нему с Казарновским и, вторично, когда он свел его к лагернику, который его разыскивал.*
>
> *Хазин говорит, что встреча О. М. с этим разыскивающим его человеком была очень трогательной. Ему запомнилось, будто фамилия этого человека была Хинт и что он был латыш, инженер по профессии. Хинта пересылали из лагеря, где он находился уже несколько лет, в*

Москву, на пересмотр… Кто был Хинт, я не знаю[1]*. Хазину показалось, будто он школьный товарищ О. М. и ленинградец. В пересылке Хинт пробыл лишь несколько дней. И Казарновский запомнил, что О. М. с помощью Хазина нашел какого-то старого товарища.*

По сведениям Хазина, Мандельштам умер во время сыпного тифа, а Казарновский эпидемии тифа не упоминал, между тем она была и я о ней слышала от ряда лиц… Однажды, несмотря на крики и понукания, О. М. не сошел с нар. В те дни мороз крепчал – это единственная датировка, которой я добилась. Всех погнали чистить снег, а О. М. остался один. Через несколько дней его сняли с нар и увезли в больницу. Вскоре Казарновский услышал, что О. М. умер и его похоронили, вернее, бросили в яму… Хоронили, разумеется, без гробов, раздетыми, если не голыми, чтобы не пропадало добро, по несколько человек в одну яму – покойников всегда хватало – и каждому к ноге привязывали бирку с номерком.

Это еще не худший вариант смерти, и я хочу верить, что рассказ Казарновского соответствует действительности.[2]

6

Вторым свидетелем лагерной жизни Надежда Яковлевна называет биолога М. Но строго хронологически был им скорее не он, а другой М. – инженер Иван Корнильевич Милютин, еще в конце 1950-х годов записавший, по настоянию жены, Тамары Павловны Милютиной, свои

1 Предположение, что имеется в виду известный эстонский изобретатель, подтверждений пока не нашло. Н.М. полагала, что это соученик Е.Э. Мандельштама.

2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 448–450.

воспоминания о лагерной встрече с О.М. Подружившаяся еще в ГУЛАГе с Софьей Гитмановной Спасской (Каплун), Милютина передала через нее и Ахматову эти мужнины три странички Надежде Яковлевне, но та их проигнорировала.

Вот фрагмент этих воспоминаний, имеющий непосредственное касательство к О.М.:

> *...Я оказался в группе пожилых и, я бы сказал, старых людей. Как-то они объединились вокруг меня, хотя мне и было тогда 32 года (1938 год). Собралась группа человек в двадцать. Мы не спрашивали друг друга ни о чем. Биография была каждому ясна. Преданность гуманным идеям, жертвенность, гражданская война, горение на работе и избиения в застенках Сталина. Объединила какая-то похожесть друг на друга, не высказываемая словами. А во мне, очевидно, была еще сила жизни и сила организации, которая и объединила вокруг меня группу стариков. Некоторым было далеко за семьдесят.*
>
> *‹...›В бараке содержалось 600 человек во главе со старостой-заключенным. Что это был за человек – не знаю. Но только однажды он мне помог перенести приступ озноба и температуры, положив меня на верхние нары, где было относительно тепло.*
>
> *Как-то он подвел ко мне человека и просил включить его в мою группу. «Это Мандельштам – писатель с мировым именем». Больше он ничего не сказал, да я и не интересовался. Много было людей с большими именами, и это было совершенно обыденно. Жизнь потекла своим порядком: голодали, бросали в сторону вшей, ждали раздачи баланды. Мандельштам куда-то уходил, где-то скитался. Не отказывался составлять для*

блатарей и «веселые» песни. Никаких разговоров с Мандельштамом я не вел, да и смешно было о чем-то спрашивать, о чем-то говорить, когда унижение достигло крайнего предела. Мне казалось, что Мандельштам симулирует сумасшествие, и это не было мне приятно. Но и к этому относились равнодушно. А я думал – если это спасает – пусть спасается. Но на его вопрос, производит ли он впечатление душевнобольного, я отвечал отрицательно. Так как он сидел ко мне боком, то по профилю лица мне показалось, что его огорчил мой отрицательный ответ. Он как-то сник. Да, надо еще сказать, что в бараке было несколько действительно умалишенных, на фоне которых Осип выглядел вполне здравомыслящим, а разговоры его со мной были умны. От всяческих уколов Мандельштам отказывался. Боялся физического уничтожения.

Расстался я с Осипом в конце ноября или в начале декабря. Я был отправлен на Колыму. Пошел на это добровольно, так как инвалидам разрешали оставаться. Мандельштам всё же был, очевидно, признан инвалидом. На Колымских пересылках я его не встречал…[1]

7

Но вернемся к биологу М., а точнее, к физиологу (он же, у Эренбурга, «брянский агроном»). Это Василий Лаврентьевич Меркулов (1908 –1980), доктор биологический наук, ученик А.А. Ухтомского; до ареста он работал в Институте экспериментальной медицины. В день сообщения о расстреле Каменева директор этого института профессор Никитин

1 Милютина, 1997.

выбросился из окна, после чего все его сотрудники, в том числе и Меркулов (3 июня 1937 года), были арестованы. На пересылку он попал 3 февраля 1938 года и устроился раздатчиком талонов на хлеб. Там же он попал в отсев из-за травмы ноги (у него были раздроблены пальцы на стопе) и свой срок отбывал в Мариинске, где плел корзины и вязал варежки для фронта (количество петель в варежках запомнилось ему на всю жизнь). Из заключения он освободился только в сентябре 1946 года (сразу же по прибытии в Ленинград был помещен в больницу, где пролежал больше года; позднее ему ампутировали ногу). Окончательно вернувшись в Ленинград лишь в 1956 году, он работал одно время вместе с Е.М. Крепсом (см. ниже), был его заместителем в Комиссии по творческому наследию И.П. Павлова.

Меркулов утверждал – очевидно, ошибочно (его воспоминания записал М.С. Лесман 9 сентября 1971 года), – что О.М. прибыл в лагерь между 15 и 25 июня 1938 года. Он был помещен в 11-й барак, где старостой был артист Одесской эстрады, чемпион-чечеточник Левка Гарбуз[1]. Староста вскоре возненавидел О.М., преследовал его как только мог: переводил на верхние нары, потом снова вниз и т. д. На попытки Меркулова урезонить его Гарбуз отвечал: «Ну что ты за этого дурака заступаешься!»

О своем знакомстве с Мандельштамом Меркулов пишет:

> *Распределяя хлеб по баракам, я заметил, что бьют какого-то щуплого маленького человека в коричневом кожаном пальто. Спрашиваю: «За что бьют?» В ответ: «Он тяпнул пайку». Я заговорил с ним и спросил, зачем он украл хлеб. Он ответил, что точно знает, что его хотят*

1 М.С. Лесман к этому сделал следующее примечание: «Среди многих опрошенных мною артистов и административных работников Одесской эстрады, деятельность которых на протяжении десятков лет была связана с Одессой, никто не может вспомнить этой фамилии». Вместе с тем после смерти М.С. Лесмана в его архиве обнаружилась запись: «Томчинский Лева (он же Гарбуз)».

отравить, и потому схватил первую попавшуюся пайку в надежде, что в ней нет яду. Кто-то сказал: «Да это сумасшедший Мандельштам!»

В этот печальный период пребывания Мандельштама на «Второй Речке» его физическое и душевное состояние было относительно благополучно. Периоды возбуждения сменялись периодами спокойствия. На работу его не посылали. Когда Мандельштам бывал в хорошем настроении, он читал нам сонеты Петрарки, сначала по-итальянски, потом – переводы Державина, Бальмонта, Брюсова и свои. Он не переводил «любовных» сонетов Петрарки. Его интересовали философские. Иногда он читал Бодлера, Верлена по-французски. Среди нас был еще один человек, превосходно знавший французскую литературу, – журналист Борис Николаевич Перелешин[1]*, который читал нам Ронсара и других. Он умер от кровавого поноса, попав на Колыму.*

Читал Мандельштам также свой «Реквием на смерть А. Белого», который он, видимо, написал в ссылке[2] *. Он вообще часто возвращался в разговорах к А. Белому, которого считал гениальным. Блока не очень любил. В Брюсове ценил только переводчика. О Пастернаке сказал, что он интересный поэт, но «недоразвит». Эренбурга считал талантливым очеркистом и*

1 Перелешин Борис Николаевич – журналист и поэт, член группы «фуистов».

2 Это предположение ошибочно. Видимо, не стоит брать с ходу на веру и последующие свидетельства, содержащие как бы позднейшие (т. е. окончательные) литературные оценки поэта: ни состояние самого О.М., ни точность передачи его слов Меркуловым не дают для этого достаточных оснований. В то же время не стоит их и игнорировать. Существенно уже то, что О.М. в лагере думал и даже говорил о Блоке, Белом, Пастернаке, Эренбурге. Интересно, что в архиве Е.Э. Мандельштама сохранились два стихотворных списка, сделанных одной и той же рукой и даже одним и тем же (притом весьма характерным сине-красным) карандашом. Сочетание текстов – а это именно «Реквием на смерть Андрея Белого» и стихотворный набросок, приписываемый Меркуловым Мандельштаму («Черная ночь. Душный барак. Жирные вши…»), наводит на предположение, что записаны они именно Меркуловым (со временем это будет нетрудно проверить по сохранившимся его письмам; письмо И.Г. Эренбургу от 26 февраля 1952 г. см. ниже). В указанном списке отметим разночтение-описку в стихе 16: «Представилось в полвека – полчаса».

журналистом, но слабым поэтом.

Иногда Мандельштам приходил к нам в барак и клянчил еду у Крепса. «Вы чемпион каши, – говорил он, – дайте мне немного каши!»

С Мандельштама сыпались вши. Пальто он выменял на несколько горстей сахару. Мы собрали для Мандельштама кто что мог: резиновые тапочки, еще что-то. Он тут же продал всё это и купил сахару[1] *.*

Период относительного спокойствия сменился у него депрессией. Он прибегал ко мне и умолял, чтобы я помог ему перебраться в другой барак, так как его якобы хотят уничтожить, сделав ему ночью укол с ядом. В сентябре–октябре эта уверенность еще усилилась. Он быстро съедал всё, был страшно худ, возбужден, много ходил по зоне, постоянно был голоден и таял на глазах…

В начале октября Мандельштам очень страдал от холода: на нем были только парусиновые тапочки, брюки, майка и какая-то шапчонка. В обмен на полпайки предлагал прочесть оба варианта своего стихотворения о Сталине (хотя до сих пор отрицал свое авторство и уверял, что всё это «выдумки врагов»). Но никто не соглашался. Состояние Мандельштама всё ухудшалось. Он начал распадаться психически, потерял всякую надежду на возможность продолжения жизни. При этом высокое мнение о себе сочеталось в нем с полным безразличием к своей судьбе.

Однажды Мандельштам пришел ко мне в барак и сказал: «Вы должны мне помочь!» – «Чем?» – «Пойдемте!»

1 Мандельштам, по-видимому, был убежден, что в обмене веществ главную роль играет сахар.

Мы подошли к «китайской» зоне… Мандельштам снял с себя всё, остался голым и сказал: «Выколотите мое белье от вшей!» Я выколотил. Он сказал: «Когда-нибудь напишут: “Кандидат биологических наук выколачивал вшей у второго после А. Белого поэта”». Я ответил ему: «У вас просто паранойя».

Однажды ночью Мандельштам прибежал ко мне в барак и разбудил криком: «Мне сейчас сделали укол, отравили!» Он бился в истерике, плакал. Вокруг начали просыпаться, кричать. Мы вышли на улицу. Мандельштам успокоился и пошел в свой барак. Я обратился к врачу. К этому времени было сооружено из брезента еще два барака, куда отправляли «поносников» умирать. Командовал бараками земский врач Кузнецов (он работал когда-то в Курской губернии). Я обратился к нему. Он осмотрел Мандельштама и сказал мне: «Жить вашему приятелю недолго. Он истощен, нервен, сердце изношено, и вообще он не жилец». Я попросил Кузнецова положить Мандельштама в один из его бараков. В этих бараках был уход, там лучше кормили, топили в бочках из-под мазута. Он ответил, что у него и так полно и что люди мрут как мухи.

В конце октября 1938 г. Кузнецов взял Мандельштама в брезентовый барак. Когда мы прощались, он взял с меня слово, что я напишу И. Эренбургу. «Вы человек сильный. Вы выживете. Разыщите Илюшу Эренбурга! Я умираю с мыслью об Илюше. У него золотое сердце. Думаю, что он будет и вашим другом». О жене и брате Мандельштам не говорил. Я вернулся в барак. Перед праздником (4–5 ноября) Кузнецов разыскал меня и сказал, что мой приятель умер. У него

начался понос, который оказался для него роковым.

Никаких справок родственникам умерших администрация не посылала. Вещи умерших распродавались на аукционе. У Мандельштама ничего не было.

«Черная ночь, душный барак, жирные вши» – вот всё, что он мог сочинить в лагере.[1]

Меркулов выполнил просьбу поэта: еще при жизни Сталина он разыскал Эренбурга. По-видимому, почте он не доверился и на первый раз явился к нему сам: во всяком случае, ни в архиве Эренбурга, ни в архиве О.М. такого письма пока не обнаружено, хотя есть одно, написанное, очевидно, после такой встречи:

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич! Посылаю Вам обещанное стихотворение О.Э. (на смерть А. Белого).

«Реквием».
Меня преследуют 2–3 случайных фразы;
Весь день твержу. Печаль моя жирна.
О, Боже, как жирны и синеглазы,
Стрекозы смерти. О как лазурь тверда!

Где первородство, где счастливая повадка,
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество, где горькая украдка,
Где ясность та, где кривизна речей,

Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой.

1 Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама, 1990. С. 47–50.

Железный пух в морозном крутит стяге
С голуботвердой чокаясь рекой.

Ему солей трехъярусных растворы
И мудрецов германских голоса,
И русских первенцев блистательные споры
Представились в полвека, в полчаса.

И вот открылась музыка в засаде,
Уж не для неги и не слуха ради –
Лиясь для мышц, для бьющихся висков.
Лиясь для ласковой, только что снятой маски,

Для пальцев гипсовых не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

А посреди толпы стоял гравировальщик,
Готовясь перенесть на истинную медь
То, что обугливши бумагу рисовальщик,
Лишь крохоборствуя сумел запечатлеть.

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось
Кипела киноварь здоровья – кровь и пот.
Сон в оболочке сна – внутри которой снилось,
на полшага продвинуться вперед.

Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь.

Доколе не сорвусь, разыгрывая в лицах,
Единственное, что мы знаем днесь.

Пропущено одно слово, и на память расставлены знаки препинания, остальное соответствует авторскому тексту. О.Э. говорил, что А. Белый был ему чрезвычайно дорог и близок, и он собирался писать воспоминания о встречах и беседах с А. Белым.

С самыми лучшими пожеланиями В. Меркулов. 26 февраля 1952 года.[1]

8

Этот рассказ Меркулова был передан Эренбургом в «Люди. Годы. Жизнь» в следующем виде:

В начале 1952 года ко мне пришел брянский агроном В. Меркулов, рассказал о том, как в 1940 году Осип Эмильевич умер за десять тысяч километров от родного города; больной, у костра он читал сонеты Петрарки.[2]

К публикации Эренбурга сохранился своеобразный комментарий самого Меркулова, донесенный до Н.М. Марком Ботвинником, с которым она могла познакомиться еще в 1962 году в Тарусе (а он в свое время беседовал с Е.М. Крепсом и В.Л. Меркуловым). В библиотеке Принстонского университета сохранилось его письмо к Н.М. от 22 декабря 1968 года[3].

1 АМ. Короб 1. Папка 41.
2 Новый мир. 1961. № 1. С. 144.
3 АМ. Короб 3. Папка 102. Д. 28. Письмо подписано: Марк Б. (благодарю К.М. Азадовского и Н.М. Ботвинник за помощь в идентификации отправителя и за сведения о нем).

Крепс сообщил Ботвиннику, что О.М. умер в больнице зимой 1938 года до наступления больших холодов, но при этом был очень истощен и страдал сердцем. Меркулов же в трехчасовой беседе (состоялась 21 декабря 1968 года, то есть за день до написания письма) рассказал, что «агрономом» он был назван нарочно; стихи же у костра – это от лукавого (то есть от Эренбурга), «для стиля»: в действительности никаких костров не было. Согласно этому рассказу, О.М. умер 5 или 6 ноября 1938 года. В большую утепленную палатку он был взят доктором Кузнецовым, считавшим его безнадежным по состоянию сердца; это произошло 27 октября, после чего Меркулов получал практически ежедневные сведения об О.М. от этого врача. До этого они виделись ежедневно; описания одежды О.М. совпадают со сведениями Надежды Яковлевны. Его психическое состояние не всегда было таким страшным, как это описывается «очевидцем». Марк Б. делится сомнениями по поводу меркуловской даты поступления О.М. в лагерь (около 15 июня) и сообщает имена двух солагерников-москвичей, с которыми поэт общался: Виктор Леонидович Соболев (телефон Г–5–04–19 – Бутликовский переулок, 5, кв. 31, эт. 4) и «бывший альпинист» Михаил Яковлевич (фамилия не указана).

На публикацию Эренбурга последовало несколько откликов. Его вольный, – возможно, намеренно вольный и расплывчатый, сознательно романтизированный и приглаженный, – пересказ событий встретил по своей фактографии возражения со стороны читателей-очевидцев. Первым откликнулся «некий Хазин».

21 мая 1962 года Самуил Яковлевич Хазин, инженер из Харькова, к этому времени уже вышедший на пенсию, написал Эренбургу:

Многоуважаемый т. Эренбург И.Г.

Вчера прочел в журнале «Новый мир» № 1 за

1962 г. продолжение Вашего очерка, где Вы уделяете много места Вашим встречам с Осипом Мандельштамом. В конце повествования приводите сообщенные Вам неким агрономом в 1952 г. сведения, свидетельствующие якобы о том, что в 1940 г. О.Э. был еще жив. Сообщаю Вам, что эти сведения неточны – О.Э. умер в октябре–ноябре 1938 г. в транзитном колымском лагере во Владивостоке на «2-й Речке», где он находился в течение нескольких месяцев. Умер он, по всей вероятности, от свирепствовавшей там в этот период времени эпидемии тифов.

В последние 2–3 недели его жизни я встретился с ним в лагере несколько раз при следующих обстоятельствах.

О.Э. стало известно, что в лагере пребывает некий Хазин, и он пришел узнать, не являюсь ли я родственником его жены, урожденной Хазиной, киевлянки, дочери присяжного поверенного. Это оказалось случайным совпадением наших с ней фамилий.

После этого мы еще несколько раз встречались с ним в зоне лагеря, слоняясь по лагерю. Последний раз я привел к нему его товарища, некоего инженера-технолога по строительным материалам по фамилии Хинт, которого в те дни возвращали этапом с Колымы и направляли в Москву на переследствие. Хинт случайно оказался в бараке лагеря невдалеке от меня на нарах, и в разговоре я ему случайно сказал о пребывании в лагере О.Э. Тот настоял на том, чтобы я его, несмотря на глубокую ночь, проводил к О.Э., что я и сделал. Помню, как трогательна была их встреча.

Мне кажется, что инженер Хинт ныне

здравствует где-то в Риге в одном из НИИ по стройматериалам и в прошлом году значился в числе лиц, получивших Ленинские премии[1] .

Кстати сообщу, что еще в 1950 или 1951 г. во время встречи в Москве с нашим другом дома историком-западником профессором Манфредом Альбертом Захарьевичем[2] *я поделился с ним о своих встречах и судьбе покойного О.Э. и высказал пожелание встретиться с женой покойного О.Э. с тем, чтобы ей лично передать некоторые краткие сведения о трагических последних днях его земной юдоли. К моему сожалению, эта встреча не состоялась ввиду того, что я бывал в Москве случайно, наездами, в служебных командировках, а жена О.Э. проживала где-то в глухой провинции центральных областей Союза. Если для Вас представляют интерес подробности его последних дней жизни, то я сочту за благо, будучи в течение текущего лета в Москве, встретиться с Вами где Вам будет угодно и удобно…*[3]

С.Я. Хазин встретился, как мы знаем, и с Н.М.; то, что он сообщает в письме, даже в деталях совпадает с тем, что написала Надежда Яковлевна со слов Казарновского.

«Сердитым» на Меркулова оказался и второй корреспондент И.Г. Эренбурга – Давид Исаакович Злотинский, приславший свое письмо в конце февраля 1963

1 Хинт Иоханнес Александрович (1914-1985), доктор технических наук, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, заслуженный изобретатель и рационализатор СССР, директор Научно-исследовательского и проектного института силикальцита Совнархоза Эстонской ССР, руководитель специального конструкторско-технологического бюро «Дезинтегратор». В 1962 г. за разработку и внедрение в строительство сборных деталей и конструкций из силикатного (бесцементного) бетона он получил Ленинскую премию СССР в области техники. В начале 1980-х гг., лишив всех наград, научных званий и должностей, Хинта посадили еще раз по сфабрикованному обвинению с конфискацией имущества. Умер он в тюрьме.

2 Манфред А.З. (1906–1976) – советский историк, автор трудов о Наполеоне, Великой французской революции, Парижской Коммуне и др. В 1929 г. рецензировал книгу О. Мандельштама «Стихотворения» (Книга и революция. 1929. № 15–16. С. 20–22).

3 РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 2312.

года:

23/II–63 г.
Уважаемый Илья Григорьевич!

Давно уже – почти два года – собираюсь вам написать по поводу одного места в 1-м томе ваших воспоминаний «Люди, годы, события». Речь идет о судьбе О. Мандельштама. Вы пишете (со слов брянского агронома В. Меркулова, посетившего вас в 1952 году) о том, что О. Мандельштам в конце 1938 года погиб на Колыме[1]*. Уже находясь в заключении, в тяжелейших условиях бериевской Колымы, О. Мандельштам, по словам В. Меркулова, сохранил бодрость духа и преданность музе поэзии: у костра он читал своим товарищам по заключению сонеты Петрарки. Боюсь, что конец Мандельштама был менее романтичен и более ужасен.*

О. Мандельштама я встретил в конце лета или в начале осени (то ли конец августа, то ли середина сентября) 1938 года, не на Колыме, а на Владивостокской «пересылке» Дальстроя, т. е. управления Колымских лагерей.

На этой пересылке оседали только отсеянные медицинской комиссией (вроде меня). Остальные, – пробыв некоторое время на пересылке, – погружались в пароходы и отправлялись в Колыму. На наших глазах проходили десятки тысяч людей.

Я и мои друзья, любящие литературу, искали в потоке новых и новых порций прибывающих с запада зеков – писателей, поэтов и, вообще,

1 В действительности у Эренбурга Колыма не упоминается.

пишущих людей. Мы видели Переверзева[1], Буданцева[2], беседовали с ними. В сыпнотифозном больничном бараке, куда я попал в декабре 1938 года, мне говорили, что в одном из отделений барака умер от сыпняка Бруно Ясенский[3] .

А О. Мандельштама я нашел, как я уже писал, задолго до этого – в конце лета или в начале осени. Клопы выжили нас из бараков, и мы проводили дни и ночи в зоне в канавах (водосточных). Пробираясь вдоль одной канавы, я увидел человека в кожаном пальто, с «хохолком» на лбу. Произошел обычный «допрос»:

– Откуда?

– Из Москвы…

– Как ваша фамилия?

– Мандельштам…

– Простите, тот самый Мандельштам? Поэт?

Мандельштам улыбнулся:

– Тот самый…

Я потащил его к своим друзьям… И он – в водосточной канаве – читал нам (по памяти, конечно) свои стихи, написанные в последние годы и, видимо, никогда не издававшиеся. Помню – об одном из стихотворений, особенно понравившемся нам, он сказал:

– Стихи периода воронежской ссылки. Это – прорыв… Куда-то прорыв…

Он приходил к нам каждый день и читал, читал. А мы его просили: еще, еще.

---

1 Переверзев Валерьян Федорович (1882–1968) – литературовед и педагог, автор книг о Достоевском (1912), Гоголе (1914) и др., профессор МГУ. В 1929–1930 гг. состоялась дискуссия о «переверзевской школе», в ходе которой он был обвинен в ревизии марксизма. Репрессирован в 1938, реабилитирован в 1956 г.

2 Буданцев Сергей Федорович (1896–1940) – прозаик и поэт, член группы «Центрифуга».

3 Этого, однако, никак не могло быть, поскольку писатель и член ЦИК Таджикской ССР Б. Ясенский был арестован 31 июля 1937 г. и уже 17 сентября 1938 г. расстрелян. Захоронен на Коммунарке (см.: http://www.memo.ru/memory/communarka/index.htm).

И этот щупленький, слабый, голодный, как и все мы, человек преображался: он мог читать стихи часами. (Конечно, ничего записывать мы не могли – не было бумаги, да и сохранить от обысков невозможно было бы).

А дальше идет вторая часть – очень тягостная и горькая. Мы стали (очень быстро) замечать странности за ним: он доверительно говорил нам, что опасается смерти – администрация лагеря его хочет отравить. Тщетно мы его разубеждали – на наших глазах он сходил с ума.

Он уже перестал читать стихи и шептал нам «на ухо», под большим секретом о всё новых и новых кознях лагерной администрации. Всё шло к печальной развязке… Куда-то исчезло кожаное пальто… Мандельштам очутился в рубищах… Быстро завшивел… Он уже не мог спокойно сидеть – всё время чесался.

Однажды утром я пошел искать его по зоне – мы решили повести его (хотя бы силой) в медпункт – туда он боялся идти, т. к. и там – по его словам – ему угрожала смерть от яда. Обошел всю зону – и не мог его найти. В результате расспросов удалось установить, что человека, похожего на него, находящегося в бреду, подобрали в канаве санитары и увезли в другую зону в больницу.

Больше о нем мы ничего не слышали и решили, что он погиб.

Вся эта история тянулась несколько дней. Может быть, он окреп, выздоровел и его отправили на Колыму?

Маловероятно. Во-первых, он был в очень тяжелом состоянии; во-вторых, навигация

закончилась в 1938 году очень рано – кажется, в конце сентября или в начале октября[1] *– из-за неожиданно вспыхнувшей эпидемии сыпного тифа.*

Невольно настораживает фамилия и инициалы «брянского агронома» – В. Меркулова…

В числе нашей группы любителей литературы был Василий Лаврентьевич Меркулов – ленинградский физиолог. Но на Колыме он не был – его вместе со мной и другими оставшимися в живых после эпидемии, направили в Мариинск, где мы и пробыли до освобождения – сентября 1946 г.

Наш Меркулов ничего не мог знать о колымском периоде жизни Мандельштама, если тот действительно туда попал. Какой же Меркулов вам это сообщил? Однофамилец? Или наш, решивший приукрасить события и придать смерти Мандельштама романтический ореол?

Вот всё, дорогой Илья Григорьевич, что я считал себя обязанным вам сообщить.

С глубоким уважением – Д. З.

P.S. Дорогой И.Г.! Письмо предназначено только для вас. Я не хотел бы, чтобы публично ссылались на меня. И культа нет, и повеяло другим ветром, а все-таки почему-то не хочется «вылезать» в печати с этими фактами. Могу только заверить вас, что всё написанное мною – правда, и только правда.[2]

---

1 Этого не подтверждают другие. Так, Пейрос прибыл на пересылку в середине ноября, уплыл на Колыму на «Джурме» в конце ноября и прибыл в Нагаево 7 декабря (Пейрос И.И. Из архива памяти / Публ. И.И.Пейроса // Архив еврейской истории. Т.5. М., 2008. С.66), а Милютин утверждал, что и уплыл чуть ли не в декабре! (Милютина, 1997. С. 344).

2 Письмо было передано Эренбургом Н.М., а та, в свою очередь, подарила его А.А. Морозову, который и опубликовал его впервые в своем комментарии к первому на родине изданию ее воспоминаний (Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989. С. 428–429). В настоящем издании печатается полностью по тексту, предоставленному А.А. Морозовым. Дополнительными сведениями о Д.И. Злотинском, кроме того обстоятельства, что в 60-е годы он жил на станции Перловская под Москвой, мы не располагаем.

9

Оставил «показания» и еще один свидетель, причем такой, который внушал максимум доверия Надежде Яковлевне, – физик Л. (инкогнито его до сих пор не раскрыто![1]).

Транспорт пришел во Владивосток в середине октября (а Л. был в том же эшелоне, что и О.М.); в перенаселенном лагере размещаться было негде. Благо, что стояла сухая теплая погода и можно было размещаться под открытым небом[2], между бараками. Тифа в лагере не было. Но вскоре пошли дожди, и Л., к тому времени ставший уже старостой бригады человек в 60, во время одной из стычек за место под крышей познакомился с одним из вожаков уголовников – Архангельским. Однажды Архангельский пригласил его на «свой» чердак – послушать стихи. Вот описание этой и последующих сцен в воспоминаниях Н.М.:

> *На чердаке горела свеча. Посередине стояла бочка, а на ней – открытые консервы и белый хлеб. Для голодающего лагеря это было неслыханным угощением – люди жили чечевичной похлебкой, да и той не хватало. К завтраку на человека приходилось с полстакана жижи…*
>
> *Среди шпаны находился человек, поросший седой щетиной, в желтом кожаном пальто. Он читал стихи. Л. узнал эти стихи – то был*

1 Идентифицировать «физика Л.» не представляется возможным, поскольку и инициал («Л.»), а возможно и профессия (физик), Надеждой Яковлевной сознательно искажены. Тем не менее в «мандельштамовском» эшелоне, действительно, был один настоящий физик, а именно: Константин Евгеньевич Хитров, 1914 г. р., осужденный за контрреволюционную агитацию. Он, однако, как и О.М., принадлежал к той части эшелона, что формировалась в Бутырской тюрьме, тогда как «физик Л.» был из «Таганки». Соответствующий эшелонный список на 209 чел. – машинопись очень плохого качества на 11 листах папиросной бумаги (РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 203. Л. 112–122) – также не позволяет идентифицировать «Л.», поскольку сведения о профессии в списке Таганской тюрьмы отсутствуют.

2 14 октября 1938 г. температура воздуха резко поднялась с 4 с до 12–15 градусов, что значительно выше средней. Такая погода, в сочетании с кратковременными падениями температуры, держалась до конца месяца. Последний скачок температуры был 6 ноября, после чего она резко упала, уже 8 ноября опустившись ниже нуля: вторую половину ноября держались морозы до 5–7 градусов (сведениями из архива Пулковской обсерватории я обязан Э.Г. Богдановой).

Мандельштам. Уголовники угощали его хлебом и консервами, и он спокойно ел – видно, он боялся только казенных рук и казенной пищи. Слушали его в полном молчании, иногда просили повторить. Он повторял.

После этого вечера Л., встречая Мандельштама, всегда к нему подходил. Они легко разговорились, и тут Л. заметил, что О.М. страдает не то манией преследования, не то навязчивыми идеями. Его болезнь заключалась не только в боязни еды, из-за которой он уморил себя голодом. Он боялся каких-то прививок... Еще на воле он слышал о каких-то таинственных инъекциях или «прививках», делавшихся «внутри», чтобы лишить человека воли и получить от него нужные показания...

Такие слухи упорно ходили с середины двадцатых годов. Были ли для этого какие–нибудь основания, мы, конечно, не знали. Кроме того, в ходу было страшное слово «социально опасный»... И в больном мозгу это всё смешалось... и О.М. вообразил, что ему привили бешенство, чтобы действительно сделать его «опасным» и поскорее от него избавиться.

Он забыл, что избавляться от людей у нас умели без всяких «прививок»...

В психиатрии Л. не понимал, но ему очень хотелось помочь О. М. Спорить с ним он не стал, но сделал вид, будто считает, что О.М. вполне сознательно и с определенной целью распространяет слухи о своем «бешенстве». Может быть, для того, чтобы его сторонились... «Но меня вы же не хотите отпугивать», – сказал Л. Хитрость удалась, и, к его удивлению, все разговоры о бешенстве и прививках прекратились.

В пересыльном лагере на работу не гоняли, но рядом, на территории, отведенной для уголовников, по правилам, пятьдесят восьмую статью, как особо вредную, должны были изолировать от всех прочих, но из-за перенаселения это правило почти не соблюдалось, – шло движение: что-то разгружали и куда-то перетаскивали строительные материалы. Работающим никаких преимуществ не полагалось, им даже не увеличивали хлебного пайка, но всё же находились люди, просившиеся на работу. Это те, кому надоело толкаться на пятачке пересыльного лагеря среди обезумевшей и одичавшей толпы. Им хотелось вырваться хотя бы на соседнюю, менее заселенную территорию и таким образом удлинить прогулку. И, наконец, молодежь после длительного пребывания в тюрьме нуждалась в физических упражнениях. Потом, истомленные непосильным трудом стационарных лагерей, они, разумеется, не стали бы добровольно нагружать себя работой, но это была «пересылка».[1]

Среди добровольцев оказался и Л., взявший себе в напарники О.М. Норм выработки на пересылке не было, и, погрузив на носилки один или два камня, физик и лирик несли их за полкилометра, после чего отдыхали и разговаривали. Л. запомнил, что, однажды, сидя на куче камней, О.М. сказал: «Первая моя книга называлась “Камень”, а последняя тоже будет камнем…» (Видимо, было это в конце октября, поскольку в начале ноября был предпраздничный «день письма», в который О.М. и написал свое единственное пришедшее из лагеря письмо, где упоминалась и легкая работа.)

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 462–464.

В начале декабря, вспоминает Л., в лагере началась эпидемия сыпного тифа. Всех зэков загнали в бараки, где освободилось сразу много мест. Заболевших переводили в изоляторы, откуда, считалось, живым уже не уйти. Заболел и Л.; в изоляторе он узнал, что до него там побывал и О.М. Тифа у него не оказалось, но врачи дали ему отлежаться, более того: раздобыли ему зимнюю одежду – полушубок (свое желтое кожаное пальто О.М. уже обменял на полтора килограмма сахара, которые у него тут же украли).

Что было с ним дальше, никто не знал, и, лишь выйдя из больницы, где Л. все-таки одолел болезнь, он узнал, что О.М. умер. В апреле 1939 года Л. был уже в стационарном лагере, так что и по его данным смерть О.М. случилась между декабрем 1938 и апрелем 1939 года.

10

Среди солагерников О.М. был и академик Евгений Михайлович Крепс (1899–1985), крупнейший советский физиолог, Герой Социалистического труда, руководитель академического Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова и Отделения физиологии Академии наук СССР. Он и в старости, согбенный, производил впечатление человека могучего, дюжего, крепкого духом. Его арестовали несколькими днями раньше О.М. – накануне Первомая 1938 года, затем – полтора месяца в московских тюрьмах, еще столько же – этап, и к августу он был уже во Владивостоке. Его соседями по нарам были художник Василий Шухаев[1] и пушкинист Юлиан Оксман. «Если освободитесь и вернетесь в Ленинград, – просил его Оксман, – то передайте Тынянову, что я тот, кого он знает». Освобожденный в 1939 году уже на Колыме[2], Е.М. Крепс

1 Несловоохотливый Шухаев, вернувшийся в Тбилиси в 1939 г., рассказывал К.А. Вольфензон-Цыбулевской, как однажды его угостили самокруткой, свернутой из мандельштамовского автографа.

2 Существует еще одна запись рассказа Е.М. Крепса о своей лагерной жизни, сделанная 31 августа 1971 г. М.С. Лесманом: арест – 2 мая 1937 г.; август–сентябрь 1937 – этап из Нижегородской тюрьмы на Вторую Речку, где он пробыл до декабря 1939 г., работая раздатчиком питания, после чего был отправлен на Колыму;

заходил к Тынянову и передал ему эти слова. Вот что Е.М. Крепс рассказал нам о своей лагерной встрече с О.М.

Кто-то сообщил Крепсу, что в лагере находится Мандельштам. Крепс, учившийся в Тенишевском училище в одном классе с В. Набоковым и с Евгением Мандельштамом, младшим братом поэта, подошел к нему и обратился по имени-отчеству: «Здравствуйте, Осип Эмильевич!» О.М. сидел на земле и, глядя в пространство, никак не отреагировал на приветствие. Тогда Евгений Михайлович обратился к нему несколько иначе: «Осип Эмильевич, я тоже тенишевец – брат Термена Крепса…» О.М. тут же вскочил, обрадованно заулыбался и возбужденно начал вспоминать общих тенишевских знакомых. С момента их встречи в лагере (а было уже холодно: на О.М. был ватник) до того времени, когда О.М. забрали в лазарет (за зону) прошел приблизительно месяц, и еще около месяца прошло после этого до появления слуха о смерти О.М.[1]

Запись М.С. Лесмана о лагерных встречах Крепса с поэтом лишь в деталях расходится с нашей. Так, по Лесману, встреча произошла в теплый период, поскольку О.М. был не в бушлате. Крепс обратил внимание на седого невысокого человека: большие глаза, интересное лицо. В первую же встречу Крепс допустил бестактность, спросив О.М. о том, что ему инкриминируется: поэт сразу замкнулся. О.М. произвел на Крепса впечатление психически больного человека. К еде он был безразличен. От встречи к встрече – а их было не так много – физическое состояние О.М. ухудшалось. Не встречая его несколько дней, Крепс спросил, где же О.М. «Умер», – ответили ему[2].

освобождение – март 1940 г. (Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама, 1990. С. 50–51).

1 Записано 30 марта 1984 г. Кроме того, рассказ Е.М. Крепса вошел и в воспоминания Е.Э. Мандельштама.

2 В передаче третьих лиц рассказ Е.М. Крепса порой трансформировался до неузнаваемости. Так, по версии А.Ю. Германа, Крепс (уже не названный им по имени) был тем зэком-врачом, на руках которого умер поэт: «…он сошел с ума. Боялся, что его отравят, и всё, даже то, что я ему приносил, не ел и даже не отдавал, а норовил выбросить. Он убегал питаться на помойку, где и получил брюшной тиф, а от него у нас лекарств не было» (Герман А. «Это кайф непередаваемый – быть автором мира» // Еврейская газета (Берлин). 2003. Сентябрь. С. 27). Сам Герман слышал эту историю от своего врача Якова Юрьевича Х., в прошлом сотрудника Е.М. Крепса по институту. В личной беседе с Х. он сказал, что Крепс, говоря о причине смерти поэта, указывал на дизентерию.

11

Самый главный очевидец, по словам Крепса, – это Дмитрий Михайлович Маторин[1], с которым они были знакомы еще до ареста – вместе ездили в Колтуши к И.П. Павлову играть в городки. В 1991 году Маторину исполнилось 80 лет, но он продолжал работать… массажистом в Институте физкультуры им. Лесгафта! В прошлом борец, чемпион Ленинграда и Сибири, Д.М. Маторин был человеком поразительной физической силы. Каким же хлюпиком рядом с ним казался Осип Эмильевич!

По его словам, он «сел» из-за своего брата-атеиста Н.М. Маторина, члена-корреспондента АН СССР, директора этнографического музея, арестованного и расстрелянного еще в 1935 году. На «Вторую Речку» попал в июне 1938 года. В лагере он пользовался уважением не только хлипких «контриков», но и начальства, которому не раз помогал управляться с урками. Его девиз в лагере: быть человеком и не притворяться. Сила, разум и чистоплотность – на этом он строил всё свое поведение. Он был сначала возчиком при кухне, а потом попал в инженерную бригаду – что-то вроде лагерной «шарашки»; бригада (двенадцать человек) имела свой домик в «китайской» зоне. Возглавлял ее архитектор из Краснодара Алексей Муравьев. Были в ней Н.Н. Аматов – крупнейший инженер, специалист по самолетным приборам, скульптор Блюм, художник Киселев (портретировавший всех вождей), театральный художник Щуко (сын архитектора), учившийся в Англии инженер Фрате, инженер-сантехник Сновидов, двое инженеров-однофамильцев Михайловых. Сам Маторин числился в бригаде чертежником-светокопировальщиком, но фактически был дневальным.

По Д.М. Маторину, О.М. прибыл в лагерь позже него, но

1 См. о нем: Б. Каменский. От «Шпалерки» до Магадана // Спортивная жизнь России. 1989. № 5. С. 40–43.

тоже летом – скорее всего, в августе. Вот что он вспоминает непосредственно об О.М.:

> *Он был худой, среднего роста, в зеленом френче, с узким симпатичным лицом, в полуботинках, какой-то необозленный. Быстрый, прыгающий человек… Петушок такой.*
>
> *Интеллигенты, видимо, понимали, кто он, а я, грешным делом, не понимал; урки считали его ненормальным. Меня он не боялся, ел со мной, называл Митей. Его должны были отправить в Россию, в Мариинские лагеря для инвалидов. При мне его не били. Был случай, когда Мандельштам бросился к ведру с питьевой водой и стал жадно пить*[1] *. Был другой случай, когда он схватил пайку до раздела. Что это значит – «до раздела»? Когда привозили хлеб (в тюрьме пайка – 350 граммов, здесь 400 с довеском, который прилеплялся к «основе» деревянным штырьком), его раздавали так: один из зэков отворачивался, другой брал в руки пайку и говорил: «Кому?» Тот: «Иван Иванычу!» и т. д. Так вот: Мандельштам схватил пайку, не дождавшись раздела. Его хотели за это бить, но я не дал, сказав, что, хотя и не по правилам, но Мандельштам взял не чужую, а свою пайку.... Надо сказать, Крепс часто зазывал его в рабочий барак, где его подкармливал. Хотя ел он мало, всё больше сочинял. Стихи не записывал, они у него в голове оседали. Возле него собиралась группа интеллигентных москвичей и ленинградцев. Он по всей транзитке бегал, от одной группы к другой, всем стихи свои хотел почитать. Речь его перемежалась иностранными*

1 Воду в барак носили ведрами «бытовики» (т. е. неполитические зэки) и сливали в стоявшую у порога бочку (свидетельство Ю.И. Моисеенко).

словами. Меня же он при встречах хватал за руку и целовал ее, когда я ему кусочек хлебца давал или еще что-нибудь. Вообще он благодарил всех за любое одолжение. Стихи свои он и мне читал, мне всегда хотелось его слушать, я, к сожалению, запомнил только строчки: «Река Яузная, берега кляузные…»

Всё звал меня в Москву, когда нас выпустят, обещал книжку свою подарить. И поэму мы, говорил, с тобой, Митька, про транзитку напишем.

Многие его считали ненормальным. Отгоняли, когда он настырно со стихами приставал. Нет, не били, но грозили побить. Грозили потому, что было не до него. Все заняты были тем, чтобы выжить, это была главная забота. Тем более, сам он слушать не мог – только рассказывать. Говорить с ним мог лишь человек, который его понимал.

– Куда меня отправят, Митя, куда меня отправят? На Колыму? Не хочу.

– Никуда вас не отправят, – говорил я, – у вас здоровье не то.

Я это знал наверняка. Я был любимцем у начальника лагеря Смыка, потому что помогал ему справляться с урками. И он поручил мне направо–налево раскладывать зэковские формуляры. Направо – здоровых, на Колыму, налево – больных и стариков, в Мариинские, сибирские лагеря. И потому я знал, что Мандельштама никто никуда не отсылал и вообще не трогал.

Никаких особых работ на пересылке не было. Так, убрать что-нибудь, подмести, поднести – это было. Мог и Мандельштам что-нибудь

этакое делать. В основном же ничего не делали. Книг не было. Играл в самодельные, из хлеба, шахматы. Поэтому в лагере, если хотите, надо было следовать неким гигиеническим правилам. Я говорил Мандельштаму: «Ося, делай зарядку – раз; дели пайку на три части – два». А он пищу не по-человечески ел, глотал всё сразу, а это, хоть и мало, всё же 400 граммов! Я ему: «Ося, сохрани». Он мне: «Митя, – украдут». Да и у самого были замашки съесть чужое. Он и чечевичку – черпачок – залпом выпивал. Расстройство его в том и проявлялось, что он был очень небрежен. Я иногда заставлял его мыться. К тому же, эпидемия была: сыпной тиф и лихорадка какая-то – ее называли восточной. Я думаю, что он – при всех своих качествах – заболел сразу и тем и другим. Было и еще одно: он пал духом, а значит – всё потерял. Правда, надеялся, что Сталин его скоро отпустит. Утверждал, что написал ему письмо.

Крепса к тому времени в лагере уже не было, а время, повторяю, осень, может даже октябрь, хотя я был в телогреечке... Но морозов не было. Не дожил он до них.

– Как вы полагаете – он долго болел?

– Вряд ли. Мне сообщили бы.

– При каких обстоятельствах вы его видели в последний раз?

– Подходит однажды ко мне начальник лагеря и говорит: «Жив, Дмитрий?» – «Жив», – говорю. – «Отнеси-ка жмурика[1] *».*

Кто жмурик, я не знал. На носилках под простыней уже лежал человек с биркой на большом пальце правой ноги. Этого человека мы из нашей маленькой, в рабочем бараке, больницы

1 Жмурик – покойник.

должны были отнести в первую зону, в больничку. Но прежде я ему руки поправил. Они были вдоль тела вытянуты, а я хотел их сложить по-христиански. И они легко сложились. Мягкие были. И теплые. Знаете, ведь покойник окостеневает, руки-ноги не гнутся, а здесь… Я напарнику говорю: «Живой будто…» (Прошу за догму не принимать. Мало ли что, могло и показаться.) Но факт был: руки сложились легко – я и бирку поправил с семизначным, кажется, номером. О том, что это Мандельштам, узнал по бирке.

А дальше за дело принялись урки с клещами, меня они быстро выгнали. Прежде чем покойника похоронить, у них вырывали коронки, золотые зубы. Снимали с помощью мыла кольца, а если кольца не поддавались, отрубали палец (у Мандельштама, я знаю, были золотые коронки…). И только потом хоронили: в нательной рубахе, кальсонах, оборачивали простыней и отвозили на кладбище без гроба. На Второй Речке за первой зоной рыли траншеи – глубиной 50–70 см и рядами укладывали…[1]

12

Е.М. Крепс упомянул и Юлия Григорьевича Оксмана. В воспоминаниях об О.М. Елены Михайловны Тагер это имя появляется вновь. Оба товарищи еще с юношеских лет и оба пушкинисты, они встретились в 1943 году в Магадане. Между ними завязалась своеобразная «переписка из двух углов», и в первом же письме Оксман сообщил о смерти Мандельштама

1 Помимо наших собственных записей использованы записи, сделанные С.С. Неретиной в мае и ноябре 1988 г.

Е.М. Тагер приводит выдержку из его письма:

> *К несчастью, это верно. Я говорил с товарищами, бывшими при нем до конца, говорил с врачами, закрывшими ему глаза. Он умер от нервного истощения, на транзитном лагпункте под Владивостоком. Рассудок его был помрачен. Ему казалось, что его отравляют, и он боялся брать пайку казенного хлеба. Случалось, что он съедал чужую пайку (чужой хлеб – не отравлен), и Вы сами понимаете, как на это реагировали блатари. До последней минуты он слагал стихи, и в бараке, и в поле, и у костра он повторял свои гневные ямбы. Они остались незаписанными, – он умер. Он умер –*
>
> *За музыку сосен Савойских,*
> *За масло парижских картин.*[1]

13

Вызывает доверие и свидетельство Юрия Илларионовича Моисеенко – еще одного соседа О.М. по нарам.

Впервые о нем стало известно из его цитируемого ниже письма в «Известия», легшего в основу статьи Эдварда Поляновского «Как умирал Мандельштам»[2]:

> *В ноябре нас стали заедать породистые белые вши и начался тиф. Был объявлен строгий карантин. Запретили выход из бараков. Рядом со*

1 Сажин В. Еще не умер ты… // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 97 (со ссылкой на авторизованную машинопись в архиве Е.М. Тагер в РНБ). По словам В. Каверина, Оксман рассказывал ему, что Мандельштам умер от голода, копаясь в куче отбросов (Литературная газета. 1988. 15 июля. С. 5).

2 Поляновский Э. Как умирал Осип Мандельштам // Известия. 1991. 22 февр.

мной спали на третьем этаже нар Осип Мандельштам, Володя Лях (это – ленинградец), Ковалев (Благовещенск), Иван Белкин (молодой парень из Курска).

Сыпной тиф проник, конечно, и к нам. Больных уводили, и больше мы их не видели. В конце декабря, за несколько дней до Нового года, нас утром повели в баню, на санобработку. Но воды там не было никакой. Велели раздеваться и сдавать одежду в жарокамеру. А затем перевели в другую половину помещения, в одевалку, где было еще холоднее. Пахло серой, дымом. В это время и упали, потеряв сознание, двое мужчин, совсем голые. К ним подбежали держиморды-бытовики. Вынули из кармана куски фанеры, шпагат, надели каждому из мертвецов бирки и на них написали фамилии: «Мандельштам Осип Эмильевич, ст.58/10, срок 10 лет». И москвич Моранц, кажется, Моисей Ильич, с теми же данными. Затем тела облили сулемой. Так что сведения, будто Мандельштам скончался в лазарете, неверны. Мандельштам осужден был не на пять лет, а на десять – так он сам отвечал на проверках.

Трупы накапливали в ординаторской палатке, а потом партиями вывозили. Мертвые тела втаптывали в каменный ров, в одну могилу. Копать их было очень тяжело…

Публикация письма Ю.И. Моисеенко не прошла незамеченной читателями. Газета еще не раз возвращалась к нему в рубриках «Из редакционной почты» и «Возвращаясь к напечатанному»[1]. Выделим описание пересыльного лагеря в

1 Так, 27 мая было опубликовано письмо С. Байсакова из г. Кызыл-Арык в Киргизии. «Ветеран войны, труда и партии» – так он охарактеризовал себя сам – просто оскорбился за вохровцев, которым приходилось жить не лучше зэков, и разъяснил про «строгий международный закон: умерших во время плавания выбрасывают в

письме В. Новоконова из Москвы, озаглавленном редакцией «Могу засвидетельствовать…» (5 июля 1991 г.): «*Находились люди покрепче здоровьем и высоких человеческих качеств, помогавшие другим. Среди них помню братьев Моториных. Они были спортсменами (борцы или тяжелоатлеты), кажется, чемпионы Советского Союза. Жаль, что О. Мандельштам не оказался в поле их внимания. Возможно, они или другие люди такого склада смогли бы помочь ему сохранить жизнь*» (Мы, правда, знаем, что в поле их внимания О.М. попал, но этого было, увы, было все-таки недостаточно, чтобы выжить).

Между тем Ю.И. Моисеенко прислал в Мандельштамовское общество еще более подробное и развернутое свидетельство (письмо от 4 мая 1991 года).

Приведем выдержку из той его части, где он говорит о знакомстве с поэтом и – еще раз, но несколько детальнее – описывает его смерть:

> *...Вечером в день прибытия во Владивосток, в лагерь, меня и несколько человек поместили в барак № 11, на самые верхние нары. А утром завязался разговор и знакомство с обитателями. У нас спрашивали, откуда прибыли, а затем отвечали и на наши вопросы. Оказалось, что недалеко от меня находится поэт Мандельштам Осип Эмильевич. Лицо его было худым, обросший бородкой, с полулысой головой. Он говорил тихо. Был очень осторожен ко всем и всему. С нами, молодежью, только шутил. «Ну, где же Ваши невесты?» Вечерами, очень редко, читал свои стихи в узком кругу зэков. Все его уважали. Он прибыл в лагерь на два дня вперед меня, т. е. 12*

воду». До Мандельштама ему и дела нет – главное: «Вообще пора прекратить охаивание прошлого, закрывать глаза на всё хорошее, разумное и нужное, которого добился народ старшего поколения». Кроме заметок корреспондента Э. Максимовой, отвечавшей С. Байсакову в том же номере, а также в обзоре «Ответ оскорбленным ветеранам» (5 августа 1991 г.)

октября 1938 г., так он сказал. Сначала болезненно переносил голод. Затем стал очень слаб и молчалив.

В ноябре месяце в лагере разразился сыпной тиф. Был объявлен карантин. Все бараки, как в тюрьме камеры, закрыли на замки. Прекратилось движение по территории лагеря. Вши нас заедали. Их было так много, как будто кто-то рассеивал их по нарам. Заключенные бытовики (воры, хулиганы, грабители) пришли к власти в лагере. Они раздавали хлеб, баланду и сахарок, и жаловаться на них некому было. Начальство доверяло только уркам полностью поддерживать порядок в лагере. Теперь они занялись мародерством.

Одежду приличную забирали и выносили продавать. У Осипа Эмильевича был кожаный реглан желтого цвета. Правда, уже потертый по тюрьмам и этапам, они пытались у него выменять, но он не отдал.

Вскоре началась массовая смертность заключенных от сыпного тифа. Их выносили прямо из барака в палату морга, на шею же вешали бирку. Это кусок фанеры со шпагатом, и на ней писали: фамилию, имя, отчество, год рождения, статью У.К., срок. Никаких лечебных стационаров не было.

Единственным средством профилактики было средство прожарки личных вещей в жарокамере. Это называлось «баня». Но в этой бане не было воды ни горячей, ни холодной. Мы, голые, по часу дрожали и замерзали в ожидании получить прожаренные вещи.

Хорошо помню этот день, за четыре дня до нового, 1939 года, 27 декабря, нас утром повели в

баню. Это было прим‹ерно› 10–11 часов. Вместе с нами шел рядом с соседом по нарам (Ковалев Иван Никитич из Благовещенска) и Осип Эмильевич Мандельштам. Они шли тихо. Мы в помещении жарокамеры по команде разделись и повесили свое белье на железные крючки, которые подали работающим зэкам. Долго ждали, промерзли. Вдруг запахло серным газом. Это открыли дверь жаропечи и выбрасывали наше обожженное белье. Мы перешли в другой отсек, чтобы одеваться. В это самое время упал на пол Осип Эмильевич Мандельштам. Он был совсем голым. Еще подошли товарищи, повернули, но положить было некуда, т. к. полки были завалены бельем. Обслуживающий персонал вызвал фельдшера. Прибыла женщина в белом халате с врачебной трубкой. Она долго прощупывала его пульс. Лицо было очень бледным, признаков жизни не подавало. В это же время в другом углу упал на пол другой зэк. Высокого роста, так лет 50–52. Это был некий зэк по фамилии Моранц, кажется, Моисей Ильич.

Первого, Мандельштама, унесли на носилках в медпункт, затем Моранца. Медсестра подставляла к их носу зеркальце, чтобы определить их жизнеспособность. Следов потоотделения не было. Она заявила, что оба умерли. Но администрация лагеря скрывала от высшего начальства НКВД смертность в лагере, поэтому каждого умершего приносили к себе, там регистрировала в журнал и этим втирали очки, что умер под наблюдением медперсонала. Фикции и подлоги – это был их метод деятельности, – заверяю, что Осип Эмильевич умер в жарилке. Живым на лечении в стационаре он не был! Затем

с мертвых снимали дактилоскопические отпечатки правой руки.[1]

Э. Поляновский между тем взял командировку и съездил к Моисеенко в белорусский городок Осиповичи. После чего в «Известиях» – между 25 и 29 мая 1992 года – появился целый цикл его статей, озаглавленных «Смерть Осипа Мандельштама» и основанных на взятом им у Моисеенко интервью[2]. И эта серия была прочитана всей страной.

Здесь Ю.И. Моисеенко дал более развернутую характеристику ближайших, по его свидетельству, соседей Мандельштама:

Соседствовали вшестером. Справа от входа, в первой трети барака, на верхних нарах. Сначала шел Моисеенко. Рядом – Владимир Лях, ленинградец, его арестовали в геологической экспедиции, пытали в Крестах. За ним – Степан Моисеев, из Иркутской области, физически крепкий, но хромой… Дальше… Иван Белкин, шахтер из-под Курска, года 24 – ровесник Моисеенко. И, наконец, Иван Никитич Ковалев, пчеловод из Благовещенска. Смиренный человек. Если и слушает кого – вопросов не задает… Он-то, Ковалев, и стал последней, верной опорой поэту… стал его рабом. "Шестеркой". Редкость: шестерят обычно перед сильными – Ковалев тянулся к Осипу Эмильевичу, а тот больше общался с Ляхом. Лях – с эрудицией. Осип

1 Выдержки из этого письма были опубликованы в газете «Московский комсомолец». 1991. 14 авг. Отметим, что в этих дополнительных сообщениях Ю.И. Моисеенко присутствует определенная эмоциональность в отстаивании правоты своих слов, побуждавшая его игнорировать даже явные противоречия (например, утверждениями типа: «Никаких лечебных стационаров не было» и «…Заверяю, что Осип Эмильевич умер в жарилке. Живым на лечении в стационаре он не был!»).

2 Эта серия публикаций – при всей своей пространности – ценна исключительно записями бесед с Ю.И. Моисеенко. Работа же самого Э. Поляновского оставляет желать много лучшего – из-за ее претенциозности («Ося», «Наденька»), изобилия всевозможных неточностей и, при своей очевидной вторичности, абсолютной свободы от элементарных ссылок на густо цитируемые источники.

Эмильевич ко всем относился почтительно, но к Ляху обращался – «Володя, Вы…», а к Ковалеву – «Иван Никитич, ты…»[1]

…Спустя 11 лет, 29 июня 2003 года наведались в Осиповичи и мы с Николаем Поболем, взяв у Юрия Илларионовича обширное аудиоинтервью[2]. Надеясь снять о нем фильм, «договорились» о следующей встрече уже с кинооператором, вели переговоры с продюсером. Увы, этому не суждено было состояться: 31 марта 2004 года у себя дома, в Осиповичах, на 90-м году жизни Юрий Илларионович скончался.

По доверенности Моисеенко мы получили в архиве ФСБ его следственное дело, послужившее основой нашей публикации о нем самом в «Новой газете»[3]. Ее полная версия была подготовлена для Мандельштамовского альманаха «Сохрани мою речь…», но увидела свет в книге «Собеседник на пиру. Памяти Николая Поболя»[4].

О самом Юрии Илларионовиче было до этого известно лишь то, что родился он в 1914 году в местечке (ныне – поселке городского типа) Хотимск в Могилевской области в крестьянской семье и что в 1930 году уехал учиться в Москву, в педагогический техникум, но из-за отсутствия мест в общежитии первый год учебы провел в Саратове[5].

Закончив техникум в 1933 году, Моисеенко продолжил учебу в Москве. Между прочим – не где-нибудь, а в Институте имени прокурора Стучки, где ускоренно готовили на следователей: так что теоретически он вполне мог

1 Поляновский Э. Смерть Осипа Мандельштама // Известия. 1992. 26 мая. Отмечу, что сама по себе указанная публикация – при всей своей пространности (пять статей между 25 и 29 мая 1992 г.) – ценна исключительно записями бесед с Ю.И. Моисеенко. В целом же работа опытного журналиста оставляет желать лучшего – из-за своей претенциозности («Ося», «Наденька», пассаж с «шестеркой»), изобилия всевозможных неточностей и, при очевидной вторичности, абсолютной свободы от элементарных ссылок на густо цитируемые источники.

2 Взятая с собой телекамера оказалась, увы, неработающей. Итоги нашей поездки

3 Нерлер П., Поболь Н. Сосед Мандельштама по нарам. Юрий Моисеенко – о поэте: умер от сыпняка; о себе: «Я воюю правду…»// Новая газета. 2011. 28 ноября. С.6-7.

4 Нерлер П., Поболь Н. Сосед Мандельштама по нарам // Собеседник на пиру. Памяти Николая Поболя. М., 2013. С. 430-441.

5 Из письма к П. Нерлеру от 21 декабря 1991 г.

познакомиться с Мандельштамом в том же 1938 году, но не в лагерном бараке, а в своем следовательском кабинете.

Получилось, однако, иначе.

14 октября 1935 года Моисеннко был арестован в студенческом общежитии на ул. Кропоткина, 17. В феврале 1936 года, обвиненный в принадлежности к молодежной контрреволюционной организации группы работников «Пионерская правда на радио», он получил свои пять лет ИТЛ, отбывать которые начал в Вяземлаге под Смоленском. Но 7 августа 1937 года состоялся пересуд, увеличивший наказание до 10 лет. Тогда-то и оттуда Моисеенко был отправлен по этапу на Колыму, но до Колымы не доехал: по болезни он был оставлен в пересыльном лагере под Владивостоком, где осенью 1938 года и познакомился с только что прибывшим Мандельштамом. В самом начале 1939 года он перенес тиф и, попав снова в отсев, очутился в Мариинских лагерях. Отбыв там срок, возвратился домой и еще застал живыми отца и мать.

Нам Ю.М. рассказывал: «*Эмильевич*[1] *был гордый человек, он не плакал, не говорил, что погибну. Он хороший был собеседник, интересно было его послушать*».

В баню и на прожарку Мандельштам пришел в своем желтом («эренбурговском») реглане, но кожаные вещи в дезакамеру не запускали: они там портились. Отдав пальто, О.М. весь мелко задрожал. Ни скамеек, ничего не было: люди сидели на корточках или ходили взад и вперед. Хамское, безымянное обращение.

Когда крикнули: «Подходите за одеждой!» – Мандельштаму стало плохо, и он упал. Остальные, еще голые, сгрудились вокруг него. Вызвали по телефону медсестру. Кругом все голые мужики, пришедшая медсестра разговаривала с ними грубо, дерзко, зубасто, но так ее лучше понимали. О. М. лежит, не подавая признаков жизни. Спросила: «Кто тут болеет?» Вынула зеркальце – поднесла к

1 Так звали они Мандельштама.

носу и машет так рукой: мол, все, безнадежно. Прощупала пульс – и не нашла. Сказала: «Накройте», – и Мандельштама накрыли какой-то шинелью, но только наполовину, до пупка. Пришел начальник смены, и прикатили низкую тележку, но с большими колесами. В это время в другом конце барака упал другой человек – его увезли чуть позже.

Когда Мандельштама вывозили, он не подавал признаков жизни. Отчего Моисеенко и полагал с уверенностью, что видел не обморок, не преддверие смерти, а саму смерть поэта. Ее причиной скорее всего был начинающийся сыпной тиф: руки О.М. дрожали, температура, казалось, была высокой (Ю.М. и сам перенес сыпняк – и почти сразу после смерти Мандельштама – и хорошо помнит эту головную боль и утомленность, и как все будто горит внутри). Но ни дизентерии, ни поноса у Мандельштама накануне не было. Была слабость, точнее, истощение, была и пеллагра: «*Никаких мышц, одна шкурка, бесформенный был человек, истощенный – и не съедал свою порцию, боялся!*»

Ю.Ю. Моисеенко в 1933 и 1990 гг. Семейные архивы Л.

Сапитон-Моисеенко и Э. Поляновского (фото П. Костороны).

14

Еще несколько важных свидетельств о последних днях О.М. Одно – в письме 1971 года бывшего зэка Матвея Андреевича Буравлева сестре его покойного друга и тоже бывшего зэка Дмитрия Федоровича Тетюхина:

> *С ним (Тетюхиным. – П.Н.) у нас в жизни были интересные встречи, кому теперь о них рассказать? Например, летом 1938 г. во Владивостоке мы с ним лежали на нижних нарах трехъярусного барака, голодные, курить нечего, и вдруг к нам подходит человек лет 40 и предлагает пачку махорки в обмен на сахар (утром мы с Дмитрием получили арестантский паек на неделю). Сахар был кусковой, человек взял сахар, с недоверием его осмотрел, полизал и вернул обратно, заявив, что сахар не сладкий и он менять не будет.*
>
> *Мы были возмущены, но махорки не получили.*
>
> *Каково же наше было удивление, когда узнали, что этим человеком оказался поэт О. Мандельштам. Потом он нам прочитал свои шедевры: усищи, сапожищи… и такое: «Там за решеткой небо голубое, голубое, как твои глаза, здесь сумрак и гнетущая тяжесть…» Всё это было и теперь рассказать некому.*[1]

А вот короткий рассказ отца Всеволода Баталина[2],

1 Это письмо было передано нам племянником Д.Ф. Тетюхина Валентином Михайловичем Горловым – журналистом и писателем из поселка Грибаново Воронежской области (Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама, 1990. С. 46).

2 Баталин Владимир Алексеевич (отец Всеволод) (1903–1978), в прошлом врач и филолог, знакомый Н.А. Клюева.

записанный М.С. Лесманом 14 сентября 1969 г.:

> *Осенью 1938 г. я прибыл этапом на пересылку «Вторая Речка» в г. Владивостоке. Пересылка кишмя кишела всяческим лагерным народом, ждавшим переправы пароходом на Колыму.*
>
> *Там я познакомился с врачом-ленинградцем по фамилии Миллер (имени, к сожалению, не помню, кажется, немец). Доктор Миллер, предлагая мне идти помогать им в амбулаторном обслуживании многочисленных пересыльных больных, сказал (конфиденциально), что в больницах пересылки свирепствует тиф (не помню, какой) и что текущим летом среди его – Миллера – больных умерли в пересыльной больнице: поэт Осип Мандельштам, писатель Бруно Ясенский и художник Лансере. О Мандельштаме Миллер сказал, что он был пеллагрозник, крайне истощенный, с нарушенной психикой. Умирая, в бреду читал обрывки своих стихов.*[1]

Впоследствии доктор Иоганн Миллер работал на прииске Юзгела на Колыме, где его видела врач Н.В. Савоева[2], которой все мы обязаны спасенною жизнью Варлама Шаламова. В 1940 году, по дороге к месту работы на Колыме, Нина Владимировна провела несколько дней в лагерном общежитии, и одна мойщица посуды водила ее в барак (больничный?) и даже показывала койку, на которой умер О.М.

---

1 Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама, 1990. С. 51–52.

2 Савоева (Савоева-Гокинаева) Нина Владимировна (1916–2003) – врач. Закончив в 1940 г. Московский Медицинский ин-т им. И.М. Сеченова, в качестве места распределения она выбрала Колыму и была направлена в распоряжение УСВИТЛ. Во Владивостоке посетила пересыльный лагерь, где умер О.М.: ее рассказ об этом и лег в основу рассказа В.Т. Шаламова «Шерри-бренди». На Колыме работала в различных санчастях и больницах (на прииске им. Чкалова Чай-Урьинского горнопромышленного управления, в поселках Беличья Юго-Западного управления, Н. Семчан и Сусуман, на приисках «Ударник» и др.). Врач-подвижник, она спасла жизнь и здоровье многим заключенным, в том числе В.Т. Шаламову и Б.Н. Лесняку, своему будущему мужу. Благодарные больные называли ее «мама черная». С 1953 г. – хирург Магаданской областной больницы и 2-й городской поликлиники. В 1972 г. вместе с мужем вернулась в Москву.

Рассказ этот, кстати сказать, лег в основу шаламовского рассказа «Шерри-бренди»[1] – «*дани пострадавшего художника собрату по искусству и судьбе*», как его оценила Н.Я. Мандельштам.

Не оставим без внимания и тот факт, что смерть Мандельштама быстро стала легендарной в масштабе самого пересыльного лагеря: подумать только – мойщица посуды водила незнакомого молоденького врача к мемориальной койке!..

Зэки-транзитники – тем более не туристы, и по лагерным достопримечательностям их не водят, но уже в апреле 1939 года химику и сионисту Моисею Герчикову, проследовавшему через пересылку из Беломорска на Колыму, рассказывали, что прошлогодний декабрьский сыпняк унес жизни не только близкого ему и по духу, и по профессии Сергея (Израиля) Лазаревича Цинберга, но и поэта Осипа Мандельштама[2].

Сергей (Израиль) Лазаревич Цинберг (1872 – 1938) – историк еврейской литературы, библиограф и публицист, добрый знакомый Горнфельда. Химик по образованию, он возглавлял еще и химическую лабораторию Кировского завода. Его арестовали в Ленинграде 8 апреля 1938 года и приговорили к 8 годам ИТЛ. Умер он 28 декабря того же года – всего на один день позже, чем О.М.! И в той же больничке!..[3]

При этом сообщалась деталь, на удивление совпадающая с тем, что рассказывал о смерти О.М. Ю.И. Моисеенко: «*По рассказу очевидца, группу заключенных, в которой был Ц., погнали в баню, после чего долго держали на улице, не*

1 Рассказ был прочитан автором на первом в СССР вечере памяти О.Э. Мандельштама, состоявшемся 13 мая 1965 г. на мехмате МГУ.

2 См.: Герчиков М. Пути-дороги // Сетевой альманах «Еврейская старина». 2006. № 11. Гл.7. В сети: http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Gerchikov1.htm . Реабилитированный в 1963 г., Моисей Герчиков (1904–1966) свои воспоминания записал в Ленинграде незадолго до смерти (кстати, и он называет в качестве третьего умершего Бруно Ясенского, которого на «Второй речке» никогда не было! Та же самая «неточность», что и у Злотинского и Баталина!)

3 См.: Элиасберг, 2005. С.140-148. М. Бейзер сообщает о другой дате – 3 января 1939 г. (Bejzer M. New information on zje life of Izrail Zinberg // Soviet Jewisch Affairs. 1991. Vol.21. No.2. P.35)

выдавая одежды, в результате многие заболели и умерли»[1]

Подразумеваемым очевидцем, по всей вероятности, был другой специалист по иудаике, находившийся в том же лагере, – историк и социолог Гилель Самуилович Александров (1890 – 1972). Он был осужден и прибыл на Вторую Речку еще осенью 1937 года, попал в отсев и был оставлен для работы в регистратуре. Перед смертью Цинберг просил его позаботиться о своем архиве (точнее, о той его части, что не погибла в НКВД), как и о том, чтобы имя его не было забыто. Вернувшийся в Ленинград в 1959 году Александров не преминул это сделать и занялся исследованием архива Цинберга, переданного семьей на хранение в ленинградский филиал Института востоковедения АН СССР (фонд 86)[2].

Как знать, может отыщется архив и самого Гилеля Александрова?..

15

И все-таки, благодаря делу з/к Мандельштама мы знаем о дате смерти поэта Мандельштама достаточно, чтобы сомнения отпали: 27 декабря 1938 года – не предположительная, а точная дата его смерти. Она удостоверена актом № 1911, составленным врачом Кресановым и дежурным медфельдшером (фамилия неразборчива). О.М. был положен в стационар (отдельный лагпункт СВИТЛ НКВД) 26 декабря 1938 года и уже 27 декабря умер. Причина смерти – паралич сердца и артериосклероз. «Ввиду ясности смерти», как написано в этом акте, труп вскрытию не подвергался.

Имеющаяся в деле дополнительная справка уточняет время наступления смерти: 12 часов 30 минут. Составлявший

1 См. о нем в «Электронной еврейской энциклопедии» (http://www.eleven.co.il/article/14623) и в: Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Спб.: Петербургское Востоковедение, 2003. (В сети: http://memory.pvost.org/pages/aleksandrov.html)

2 См. публикации Г. Александрова об этом архиве в журнале «Советише геймланд» (1965. №№ 2 и 3).

ее при осмотре трупа счел нужным отметить, что на левой руке в нижней трети плеча имеется родинка.

31 декабря старший дактилоскопист ОУР РО (отделения Угрозыска Райотдела) УГБ НКВД по Дальстрою тов. Повереннов произвел «*сличение и отождествление пальце-отпечатков, снятых на дактокарте з/к, умершего 27 декабря 1938 г. и числящегося в санчасти ОЛП согласно ротной карточки под фамилией Мондельштам* (так в документе. – *П.Н.*), *с отпечатками пальцев на дактокарте, зарегистрированными на его имя в личном деле. Оказалось, что строение папиллярных линий* (специфических рельефных линий на ладонных и подошвенных поверхностях. – *П.Н.*), *узоров и характерных особенностей пальце-отпечатков по обоим сличаемым дактокартам между собой обозначаются как совершенно тождественные и принадлежат одному и тому же лицу*» (и первая и вторая дактограммы имеются в деле).

В свидетельстве о смерти как-то настораживает то, что труп не вскрывали. Что это значит? Обычная ли это практика или исключительный случай? И разве можно установить причину смерти без паталогоанатома? А если да, то входят ли в число таких безусловных причин паралич сердца и артериосклероз? И не является ли вдруг эта запись указанием на насильственный характер смерти?

Нина Владимировная Савоева рассказывала, что как бы трудно ни было, но в колымских больничках вскрывался каждый труп. На пересылке же всё могло быть совсем иначе, к тому же в декабре 1938 года налево и направо косил сыпняк: не справляясь с «потоком» мертвецов, врачи вполне могли оставить одного или нескольких, или многих и без вскрытия.

Отметим также, что незадолго до смерти О.М. – 23–24 декабря – разыгралась довольно сильная метель[1], скорость

1 По справке А.А. Петрошенко (см. выше). В декабре были еще две метели, но послабее – 8–9 и 12–13 декабря. Снег (с дождем) впервые выпал 6–7 ноября.

северного ветра достигала 17–22 м/сек., а температура – минус 14–18.

Этого дополнительного погодного фактора могло оказаться достаточно, чтобы истощить запас последних жизненных сил поэта. На этом фоне и не всякое здоровое сердце выдержало бы «прожарку» (санобработку) в стылой одевалке лагерной бани. Так что вполне правдоподобно, что именно там по-стариковски изношенное сердце окончательно отказало.

Возможно и даже всего вероятней, что после описанного Ю. Моисеенко приступа, случившегося 26 декабря, О.М. и привезли в больницу, где он пришел в себя и где его назавтра настигла смерть…

16

…Трупы на пересылке складывали штабелями возле барака, и они лежали иногда по 3 – 4 дня, пока не придет конная повозка, чтобы увезти на кладбище.

Хоронили же на владивостокской транзитке так: летом – привязывали бирку к ноге, труп в последний раз обыскивали и клали на телегу, за воротами (свидетельство Д.М. Маторина) прокалывали – для верности! – голову специальными пиками и отвозили в заранее заготовленный ров; зимой же и весной – трупы складывали штабелями и телегами же отвозили в неглубокие мерзлые братские могилы (иногда – это свидетельство Н.Н. Аматова – сжигали где-то на сопках)[1].

То, что произошло с О.М. на самом деле, известно. О.М. действительно, по состоянию здоровья, на Колыму не отправили: он точно попал «в отсев».

Но и это его не спасло: 27 декабря 1938 года в 12 час. 30 мин. Осип Эмильевич Мандельштам умер в стационаре пересыльного лагеря близ станции «Вторая речка». Его

1 Впрочем, Милютин, единственный из свидетелей, пишет о двух крематорных печах (Милютина, 1997).

жизненный путь, начавшись на противоположном конце империи – в Варшаве, закончился на самом восточном краю России…

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать, –
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат…

17

Тем не менее укажем и на свидетельства о более поздних датах смерти О.М. Первое – поэта и критика Игоря Стефановича Поступальского, арестованного по наветам В.Я. Тарсиса и Б.А. Турганова в ночь с 26 на 27 октября 1936 года[1].

На «Вторую Речку» он попал осенью 1937 года (вместе с В. Шаламовым). Позднее, в 1941 году, уже на Колыме (поселок Ягодный), от нескольких очевидцев он слышал и запомнил кое-что об О.М. Рассказывали, что в лагере тот был почти невменяем, слыл за сумасшедшего. На ногах носил меховые штаны с вырванными клоками ваты сзади. Выкрикивал что-то насчет папы римского, иногда за курево читал стихи, его не понимали, но курево всё равно давали. Не раз бывал жестоко избит.

Кто действительно помогал О.М. – так это врачи. Память И.С. Поступальского сохранила три имени: Иван Васильевич Чистяков, заведующий 4-й палатой, где О.М. – на блаженном грязном больничном белье! – пролежал два месяца; врач – Вазген Атанасян; Евгений Иннокентьевич Цебирябов, инженер, староста 4-й палаты. Врачи даже устроили поэта на работу – сторожить одежду покойников: за это он получил тулуп и добавочное питание. Но к весне 1939 года он ослабел настолько, что его сняли с этой работы. Его просто положили

1 См. выше. Его следователем был всё тот же Шиваров!

в больницу – на койку с простыней и подушкой! – и в марте от порока сердца, цинги и авитаминоза он умер.[1]

Второе свидетельство – Юрия Осиповича Домбровского («писателя Д.» – в конспирации Н.Я. Мандельштам). Через третьи руки он в лагере слышал о том, что судьбу О.М. решило какое-то письмо Бухарина. Сам он утверждал, что видел старика лет семидесяти – по фамилии Мандельштам, которого все называли «Поэт» – зимой 1939–1940 годов, в период финской войны.[2]

> *Мои сведения слегка поколебали уверенность Д., – пишет Н.М., – а его рассказ смутил меня, и я уже ни в чем не уверена. Разве есть что-нибудь достоверное в нашей жизни?..*
>
> *Никто ничего не знает. Никто ничего не узнает ни в кругу, оцепленном проволокой, ни за его пределами. В страшном месиве и крошеве, в лагерной скученности, где мертвые с бирками на ноге лежат рядом с живыми, никто никогда не разберется.*
>
> *Никто не видел его мертвым. Никто не обмыл его тело. Никто не положил его в гроб. Горячечный бред лагерных мучеников не знает времени, не отличает действительности от вымысла. Рассказы этих людей не более достоверны, чем всякий рассказ о хождении по мукам. А те немногие, кто сохранился свидетелями – а Д. один из них – не имели возможности проделать исследовательскую работу и на месте проанализировать все данные за и против.*
>
> *Я знаю одно: человек, страдалец и мученик,*

1 Подлинная запись этих сведений, сделанная И.С. Поступальским в 1941 г. в пос. Ягодном на Колыме.

2 На пересылке он был осенью 1940 г. вместе с режиссером Леонидом Варпаховским, неизвестным поэтом Башмачниковым и неким Жоржем Моргуновым. В письме Л.В. Варпаховскому от 24 марта 1957 г. он перечисляет темы их разговоров на пересылке, среди них – разговор о судьбе помешавшегося Осипа Мандельштама (семейный архив Л.В. Варпаховского).

где-то умер. Этим кончается всякая жизнь. Перед смертью он лежал на нарах и вокруг него копошились другие смертники. Вероятно, он ждал посылки. Ее не доставили, или она не успела дойти... Посылку отправили обратно. Для нас это было вестью и признаком того, что О.М. погиб. Для него, ожидавшего посылку, ее отсутствие означало, что погибли мы. А всё это произошло потому, что откормленный человек в военной форме, тренированный на уничтожении людей, которому надоело рыться в огромных, непрерывно меняющихся списках заключенных и искать какую-то непроизносимую фамилию, перечеркнул адрес, написал на сопроводительном бланке самое простое, что пришло ему в голову – «за смертью адресата» – и отправил ящичек обратно, чтобы я, молившаяся о смерти друга, пошатнулась перед окошком, узнав от почтовой чиновницы сию последнюю и неизбежную благую весть.

А после его смерти – или до нее? – он жил в лагерных легендах как семидесятилетний безумный старик с котелком для каши, когда-то на воле писавший стихи и потому прозванный «поэтом». И какой-то другой старик – или это был О.М.? – жил в лагере на «Второй Речке» и был зачислен в транспорт на Колыму, и многие считали его Осипом Мандельштамом, и я не знаю, кто он.

Вот всё, что я знаю о последних днях, болезни и смерти Мандельштама. Другие знают о гибели своих близких еще меньше.[1]

1 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 455, 458–459.

Документы
ТЮРЕМНО-ЛАГЕРНОЕ ДЕЛО О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА 1938 ГОДА

‹1›
Новая обложка дела О.Э. Мандельштама, 1960-е гг.

АРХИВНОЕ ЛИЧНОЕ ДЕЛО
ЗАКЛЮЧЕННОГО

Фамилия: *Мандельштам*
Имя: *Осип*
Отчество: *Эмильевич*

Начато: «__» ____ 196_ г.
Окончено: «__» ____ 196_ г.

Архив № *В-3-2844*

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Обложка.

‹2›
Подлинная обложка дела О.Э. Мандельштама, 1938 г.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № *662*

НА АРЕСТОВАННОГО

БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ ГУГБ НКВД

Мандельштам

Осип Эмильевич

Прибыл: *4/VIII* 193*8* г.

В/3-2844

***УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 1.* Штампы: « Год ____Опись ____ Архив____ Срок хран‹ения› ПОСТОЯННО», «ПРОВЕРЕНО. Секретарь», пометы: *117794* (первоначальный номер дела), *В 3/2844*.**

‹3›
Тюремная фотография на формуляре: фас, профиль, 1938 г.

Тюремная фотография: фас, профиль. На фотографии надпись белой краской: *93145 Мандельштам О.Э.*

Незаполненный формуляр:

Прибыл ____
________193 г. из ________________
при отношении за №_________________________________
подлинное отношение в деле__________________________
Числится за
____

Делопроизвод‹итель› Бутырской тюрьмы

ГУГБ НКВД

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 1 об.

‹4›
Учетно-статистическая карточка

Форма № 1

Управление Сев‹еро-›Восточных исправительно-трудовых лагерей Н.К.В.Д.
Учетно-статистическая карточка
Личное дело № 117794

Прибыл в лагерь «12» X 1938 г.

Категория содержания				
Категория трудоспособности	*СФТС*[708]			

Место для фотокарточки

1. Фамилия и кличка *Мандельштам* 2. Имя и отчество *Осип Эмильевич* 3. Год рожд‹ения› *1891* Место рождения и приписки *Польша* 4. Образование Специальное Общее *Высшее* 5. Гражданство *СССР* Национальность *еврей* 6. Специальность Общая *писатель* Узкая *поэт* Стаж *29 л.* 7. Постанов‹ление› квалификац‹ионной› комиссии: 8. Какие языки знаете кроме родного *рус‹ский›, фр‹анцузский›, нем‹ецкий›, итальян‹ский›, испанск‹ий›* 9. Социальное происхождение: *сын купца* 10. Социальное положение: *писатель* 11. Партийность: *б/п*	*ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ* *1. Рост средний* *2. Телослож‹ение› норм‹альное›* *3. Цвет волос седые* *4. Цвет глаз карие* *5. Нос с горбинкой* *6. Прочие приметы грудь и живот покрыты волосами, на голове — лысина*

Оттиск большого пальца правой руки ‹имеется отпечаток›

12. Служба в армиях Старой —
Белой —
Красной —

13. Служба в судебн‹ых› орган‹ах› и НКВД —

14. Время ареста: 3–5–1938 г.

15. Прошлая судимость: *с‹пециально›/судим 58*
Который раз в лагере

16. Семейное положение *женат*. Указать фамилии и адреса ближних родственников ж‹ена› *Надежда Яковлевна, г. Москва, Фурманов пер., 5, кв. 26*

17. Постоянное и последнее местожительства:
Калинин, 3-я Никит‹инская›

Работа до заключения

Учреждение или предприятие	Занимаемая должность	От	До
Драм Театр г. Воронеж, по ссылке	*Лит‹ературный› консульт‹ант›*	*1938 г.*	*Ареста*

Об ответственности за дачу ложных показаний мне объявлено.

Подпись заключенного: *О.Э. Мандельштам*

Подпись

‹На обороте:›

Заполняется администрацией

1. Кем осужден ОС НКВД СССР 2. Когда 2.08 38
3. За что и статья: КРД 4. Срок 5 с «30» 04 1938
по «30» 04 1943

Начальник УРЧ Исполнитель Подпись

Зачет рабочих дней по лагерям

‹Далее следует незаполненная таблица учета рабочих дней›

Регистратор

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 2–2 об. **Пометы: вверху – *Московс‹кая обл.› 3*. В деле имеется также копия этой учетно-статистической карточки (*лл.16–16 об*).**

‹5›

Выписка из протокола ОСО при НКВД СССР от 2 августа 1938 года

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР

от «*2*» *августа* 193*8* г.

Слушали	*Постановили*
77. Дело 19390/ц о МАНДЕЛЬШТАМ Осипе Эмильевиче, 1891 г. р., сын купца, б‹ывший› эсер	*МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича за к.-р. деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ПЯТЬ лет, сч‹итая› срок с 30/IV–38 г. Дело сдать в архив.*

Отв. секретарь Особого совещания *‹Печать-факсимиле:› И. Шапиро*

Круглая печать НКВД

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 3–3 об.* Бланк с машинописными вставками. На обороте штамп: «Постановление особого совещания читал *О.Э. Мандельштам». Далее рукой регистратора: *«Объявлено 8/8–38 г. Подпись».*

‹6›
Талон ордера № 2817 от 30 апреля 1938 года на арест О.Э. Мандельштама

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Талон ордера № *2817*

30 апреля 193*8* г.

Начальнику приема арестованных

Примите арестованного *Мандельштам Осипа Эмильевича*
‹дело› которого находится

Заявка: *64*

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР *М. Фриновский*

Начальник Второго отдела ГУГБ *Попашенко*

Круглая печать НКВД

***УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 4.* Штамп: «Сфотографирован».**

‹7›
Служебная записка о препровождении О.Э. Мандельштама в Бутырскую тюрьму

СОВ. СЕКРЕТНО

ПЯТЫЙ ОТДЕЛ ГУГБ НКВД СССР

‹…› *8* 193*8* г. № *16023*

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Начальнику *Внутр‹енней› тюр‹ьмы›*
лейтенанту государственной безопасности
тов. Миронову[1]

Начальнику *Бут‹ырской›* тюрьмы ГУГБ
лейтенанту ‹государственной безопасности›
тов. *Пустынскому*[2]

1 Миронов Александр Николаевич (1896–1968) – в 1938–1953 гг. начальник внутренней (Лубянской) тюрьмы.
2 Лейтенант ГБ А.Л. Пустынский и позднее оставался начальником Бутырской тюрьмы.

Арестованн*ого Мандельштама О.Е.*
‹доста›вьте *в Бут‹ырскую›* тюрьму ГУГБ.

‹Возьми›те из В‹нутренней›/т‹юрьмы›
‹и по›местите *в общую камеру,*
‹изол›ировав от арестованн
Арестованн‹ого› числить за « » отделением «*4*» отдела
1 Уп‹равления› ГУГБ.

Начальник 10-го отдела ГУГБ НКВД
майор государственной безопасности *Подпись*

Начальник отделения
государственной безопасности

Треугольная печать: «Тюремный Отдел № 2 НКВД СССР».

***УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 5.* Помета: *65 об*.**

‹8›
Тюремная фотография О.Э. Мандельштама: фас, профиль, 1938 г.

***УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 6.* Тюремная фотография О.М.: фас, профиль, 1938 г. Идентична с фотографией на л. 1 об.**

‹9›
Дактограмма О.Э. Мандельштама, снятая во Внутренней тюрьме 14 мая 1938 года

Пол: *муж.*

‹Фамилия› *Мандельштам* дакт‹илоскопическая› *13 83495*
‹Имя› *Осип* форм‹ула› *17 73565*
‹Отчество› *Эмильевич*

Год рождения: *1891* Место рождения: *Г. Варшава*

‹Далее следуют отпечатки пальцев и контрольный оттиск›

‹Карта› заполнена: «*14*»/*V* 193*8* г. в (указать, где и в каком органе НКВД) ‹Штамп:› «Внутренняя тюрьма ГУГБ НКВД, г. Москва».
‹Карту с›оставил (должность и подпись) *Дактил‹оскопист› Подпись*
‹Провери›л (должность и подпись)
Подпись зарегистрированного: ***О.Э. Мандельштам***

‹Примечание: В карте› должны быть четко заполнены: ‹1) фамилии›я, имя, отчество, установочные данные регистрируемого и его подпись. 2) Когда, где и в каком аппарате НКВД ‹карта была› составлена и кем проверена. 3) В квадратиках каждый палец прокатать на своем

месте полностью и ясно, ‹на прод›ольных оттисках левой и правой руки сделать оттиски 4-х пальцев каждой руки без большого.

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 8.

‹10›
Справка от 27 декабря 1938 года о пребывании О.Э. Мандельштама в больничном стационаре лагеря и о его смерти

СПРАВКА

З/к Мендельштам[1] *находился на излечении с 26/XII. Скончался 27/XII в 12 ч. 30 м. При осмотре трупа оказалось, что на левой руке в нижней трети плеча имеется родинка.*

27/XII.38 Подпись

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 9–9б. **Записано на клочке бумаги, с двух сторон.**

‹11›
Дактограмма О.Э. Мандельштама, снятая в пересыльном лагере после его смерти, 27 декабря 1938 года

ПОЛ *М.*

1 Так в тексте.

13 83495

‹Фамили›я *Мандельштам* **Д‹акто-**›форм‹ы› *17 73565*

‹Имя› *Осип*

‹Отчество› *Эмильевич*

Место рождения *умер 27/XII–38 г.* Год рожд‹ения› *1891 г.*

‹Далее следуют отпечатки пальцев и контрольный оттиск›

Подпись зарегистрированного

‹Карта› заполнена (указать, где и в каком органе НКВД) «*27*» *декабря* 193*8* г. ‹в› *п.п. СВИТЛ НКВД, Владивосток*

‹Карту с›оставил (должность и подпись) *Регист‹рат›ор Подпись*

‹Провери›л (должность и подпись)

ПРИМЕЧАНИЕ: В верхней половине карты, на лицевой стороне в каждом квадратике должны быть прокатаны пальцы. В нижней половине – в квадратах под надписью «Контрольный оттиск» помещаются непрокатанные оттиски 4-х пальцев каждой руки без большого.

***УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 10–10 об*. На обороте помета: *«з/к Мендельштам»*.**

‹12›

Акт о смерти О.Э. Мандельштама 27 декабря 1938 года.

Прибыл ‹из› Москвы 12/X–38 Положен в стационар 26/XII–38

АКТ № 1911

‹27/XII–›38. Мы, нижеподписавшиеся, ВРАЧ КРЕСАНОВ, деж‹урный› медфельдшер …………… деж‹урный› ком‹ендант› ……………. составили настоящий акт о смерти ‹уме›ршего в больнице ОЛП СВИТЛ НКВД.

Фамилия, имя, отчество: МОНДЕЛЬШТАМ[1] Осип Эмильевич

Год рождения: 1891

Откуда происходит: Польша

Кем и когда осужден: О/с. НКВД СССР 2/VIII–38 г.

Статья и срок: КРД, 5 л.

Последнее место жительства: г. Калинин

Причина смерти: паралич сердца, а/к склероз.

Труп дактилоскопирован 27/XII–38 г.

‹Ввиду› ясности смерти труп вскрытию не подвергался.

Врач *Кресанов*

Деж. медфельдшер *Подпись*

27/XII

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 11.

1 Так в тексте.

‹13›
Протокол отождествления отпечатков пальцев О.Э. Мандельштама

ПРОТОКОЛ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ

193‹*8*› г. *декабря* м-ца *31* дня, г. ВЛАДИВОСТОК

Я, старший дактилоскоп ОУР РО УГБ УНКВД по «ДАЛЬСТРОЮ» ПОВЕРЕННОВ произвел сличение с отождествленными пальце-отпечатками, снятыми на дакто-карте умершего з/к *27 декабря 1938 г.,* числящегося в санчасти ОЛП согласно ротной карточке под фамилией *Мондельштам*[1] *Осип Эмильевич*, с пальце-отпечатками на дакто-карте, зарегистрированной на имя *Мондельштам Осипа Эмильевича,* взятой из личного дела № *117794*.

ОКАЗАЛОСЬ: что строение папиллярных линий, узоров и характерных особенностей пальце-отпечатков по обоим сличаемым дакто-картам[2] между собой *совершенно тождественны. Обозначаются дактоформулой 13/17 83445 /73565* и принадлежат *одному и тому же лицу.*

Ст. дактилоскопист ОУР РО УГБ НКВД[3]
по «ДАЛЬСТРОЮ»: *Повереннов* /ПОВЕРЕННОВ/

УМВД по Магаданской обл.

1 Так в тексте.

2 Стандартная карточка для хранения снятых с помощью краски отпечатков папиллярных узоров всех десяти пальцев человека, а также отпечатков обеих ладоней.

3 Отделение уголовного розыска Районного отдела Управления госбезопасности НКВД.

Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 7.

Наркомат связи СССР и «сарафанная почта» (1939–1955): Вести и слухи о смерти поэта

1

Вестницей смерти стала овестка в почтовое отделение у Никитских ворот. Почтовая барышня вернула Надежде Яковлевне посланный во Владивосток перевод, пояснив: «За смертью адресата». Это произошло 5 февраля – в тот самый день, когда газеты опубликовали огромный список писателей, награжденных орденами[1]. Надежда Яковлевна поехала к Харджиеву в Марьину Рощу и вызвала туда Эмму Герштейн, а Евгений Яковлевич поехал в тот праздничный день в Лаврушинский переулок, чтобы сообщить горестную весть Шкловскому. Тот был внизу, кажется у Катаева, где писатели отмечали награды. «*Это тогда Фадеев пролил пьяную слезу: какого мы уничтожили поэта!.. Праздник новых орденоносцев получил привкус нелегальных, затаившихся поминок*», – вспоминала Н.М.[2]

Весть о смерти О.М. разлетелась довольно быстро и широко. Надежда Яковлевна написала в Воронеж Наташе Штемпель, а Эмма Герштейн – в Ленинград Рудакову и Ахматовой.

В «Листках из дневника» Анны Ахматовой есть такое место: «*В начале 1939 года я получила короткое письмо от*

1 Указом за подписью М. Калинина и А. Горкина от 31 января 1939 г. орденом Ленина был награжден 21 писатель, в том числе Катаев, Фадеев и Павленко; орденом Трудового Красного Знамени – 48 (в том числе Шкловский), а орденом «Знак Почета» – 97 писателей (Литературная газета. 1939. 5 февр.).

2 Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 443.

московской приятельницы. “У подружки Лены родилась девочка, а подружка Надя овдовела”, – писала она».[1]

Московская приятельница – это Эмма Григорьевна Герштейн, подружка Лена – Елена Константиновна Гальперина-Осмеркина, девочка – дочь Осмеркиных Лиля, родившаяся 30 января 1939 г. «Подружка Надя» – Надежда Яковлевна Мандельштам[2].

Встретив в скверике у Казанского собора Тынянова, Ахматова поделилась новостью с ним: «Осип умер», – только и произнесла[3].

«*Слыхали ли Вы, что умер О. Мандельштам?»* – спрашивал 9 марта 1939 г. литературовед А.Б. Дерман А.Г. Горнфельда[4].

19 февраля об этом же М.М. Шкапская спрашивала Е.Г. Полонскую: *«Знаете ли Вы, что умер Мандельштам?»*[5]

В тот же день Л.В. Шапорина записала в своем дневнике: «*19 февраля 1939 г. Умер Мандельштам в ссылке. Кругом умирают, бесконечно болеют – у меня впечатление, что вся страна устала до изнеможения, до смерти, и не может бороться с болезнями*»[6].

Спустя месяц, 20 марта, – запись о том же самом в дневнике Л. Андреевской (жены Б.М. Энгельгардта):

> *Умер Мандельштам. Потеря для поэзии непоправимая. Скольких их не стало – поэтов моего времени и поколения: Блока, Гумилева, Маяковского, Есенина, Кузмина, а теперь Мандельштама!*[7]

---

1 Ахматова, 2005. С. 121.

2 Герштейн, 1998. С. 56.

3 Об этом Тынянов рассказывал Каверину (Каверин В. Уже написана первая фраза… // Литературная газета. 1988. № 24. 15 июля. С. 5). См. также: Каверин В. Счастье таланта. М., 1989. С. 305.

4 РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 299. Л. 84.

5 Сообщено Б. Фрезинским.

6 Сажин В. Еще не умер ты… // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 96 (со ссылкой на РНБ. Ф. 1086. Д. 6. Л. 28).

7 Тименчик, 2008. С. 550.

Двадцать седьмого марта об этом же А.В. Звенигородскому писал Е.А. Архиппов[1].

Две записи о смерти О.М. есть в дневнике Э.Ф. Голлербаха за 1939 год:

> *Умер О.Э. Мандельштам, – как рассказывают, смерть застигла его в ста верстах от концлагеря, куда он был отправлен из Москвы. Он был амнистирован, но амнистия уже не застала его в живых…*

> *Всеволод Рождественский, обедая вместе со мной в «Метрополе», сообщил мне о смерти поэта Клюева (умер, возвращаясь из очень дальней ссылки[2]) и Баршева (умер тоже в изгнании)[3]. Очень удивился, узнав от меня о смерти Мандельштама*[4].

25 июля 1944 года, как о чем-то общеизвестном, говорил о смерти О.М. Михаил Зощенко, причем не где-нибудь, а в беседе с сотрудником Ленинградского управления НКГБ[5].

2

…А вот официальное свидетельство о смерти О.М. заставило себя долго ждать.

В июне 1940 года А.Э. Мандельштама вызвали в ЗАГС

1 Сообщено М.А. Торбин.

2 В действительности расстрелян в 1937 г.

3 Баршев Николай Валерьянович (1888 – 1937) – писатель; был арестован 11 января 1937 г. в Ленинграде и 7 мая того же года осужден к 7 годам лишения свободы. Попал на Колыму. Умер 30 марта 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

4 О.Э. Мандельштам в архиве Э.Ф. Голлербаха // Слово и судьба. Исследования. Документы. Материалы. М., 1991. С. 110 (публ. Е.А. Голлербаха). Р. Тименчик полагает, что и запись в дневнике М. Пришвина от 24 июня 1939 г. (Октябрь. 1998. № 2. С. 157) фиксирует слух о смерти О.М., содержавшийся в письме Иванова-Разумника (Тименчик, 2008. С. 562).

5 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 40. Л. 13. См. также: Дело об «отравлении». Михаил Зощенко объясняется с начальством / Публ. Д.Л. Бабиченко) // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1. М., 1992. С. 134.

Бауманского района и вручили ему для вдовы свидетельство о смерти старшего брата: возраст – 47 лет, дата смерти – 27 декабря 1938 года, причина смерти – паралич сердца и артериосклероз. В своих мемуарах Надежда Яковлевна недоумевала, почему ей вдруг оказали такую милость и выдали свидетельство о смерти?

Вероятнее всего, здесь сработал ее собственный запрос, посланный 7 февраля 1939 года в Главное управление лагерей НКВД, то есть через два дня после получения почтового извещения.

Но еще за три недели до этого – 19 января 1939 года, – не зная наверняка, но уже догадываясь о смерти мужа, Н.М. обратилась к новоназначенному наркому внутренних дел Лаврентию Берия с чисто «мандельштамовским» по своим тону и дерзости письмо: «*Мне неясно, каким образом велось следствие о контрреволюционной деятельности Мандельштама, если я – вследствие его болезни в течение ряда лет не отходившая от него ни на шаг – не была привлечена к этому следствию в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы. <…>*

Я прошу Вас: <…> Наконец, проверить, не было ли чьей-нибудь личной заинтересованности в этой ссылке. И еще – выяснить не юридический, а скорее моральный вопрос: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожать поэта и мастера в период его активной и дружественной поэтической деятельности»[1]

Не исключено, что за фразой о «личной заинтересованности» прячется фигура Николая Костарева.

В письме в ГУЛАГ Надежда Яковлевна просит уже только об одном – об официально заверенной дате смерти мужа. При этом установленный ею интервал – от 15 декабря 1938 года до 10 января 1939 года – скорее всего, соответствует штемпелям на денежном переводе (очевидно, телеграфном), обозначающим дату его поступления в лагерное почтовое

1 См. Документы в настоящем разделе.

отделение и дату его отправки обратно в Москву.

По этому письму был сделан из Москвы соответствующий запрос, ответом на который явились служебная справка от 25 июня и официальный ответ (август 1939 года) на бланке Севвостлага НКВД[1].

Самое удивительное, что не была оставлена без ответа и жалоба Н.Я. Мандельштам Л.П. Берии (с его приходом в НКВД поначалу наметился некий спад репрессий и даже небольшой поток возвращающихся из лагерей).

Как видим, оперуполномоченный 2 отдела Главного экономического управления НКВД СССР сержант госбезопасности Никиточкин, перечитав дело поэта, нашел, что «материалами дела антисоветская деятельность Мандельштама доказана» и никакого оправдания этот «до ареста писатель-поэт» не заслуживает.

При этом поразительно, что он даже не запросил сведений о том, жив означенный «писатель-поэт» или нет, и, в соответствии с обвинительным заключением, – не моргнув и не перекрестившись (а ответ окончательно был утвержден лишь в январе 1941 года), – написал, что О.М. «наказание отбывает в Колыме»[2]. В деле, между прочим, есть и другая – столь же фантастическая – версия: «Умер: 21 декабря 1938 г. в Севвостоклаге (Магад. обл.) (по справке МВД)».

Наконец, как уже упоминалось, в июне 1940-го брату поэта выдали справку, что О.М. умер в возрасте 47 лет, 27 декабря 1938 года от паралича сердца. Аналогичную справку выдали и Н.М. в июне 1949 года, причем основанием послужила регистрация смерти О.М. в книге записей гражданского состояния в Бауманском ЗАГСе Москвы от 23 мая 1940-го!

Всё, что удалось собрать, свести и сопоставить, говорит за то, что официальная версия и истина в данном случае на

1 См. Документы 3 и 4.
2 См. раздел «Документы».

удивление совпадают.

3

Разумеется, это весть докатилась и до заграницы, но шла туда она долго и сложно. Первой обобщающей сводкой об этом явилась статья Р. Тименчика «О мандельштамовской некрологии» (1997)[1]. Тема была продолжена в публикациях Л. Кациса[2] и Н. Богомолова[3], а также Д. Зубарева[4] и пишущего эти строки[5].

Крайне интересно, что самым первым по времени и довольно точным (наполовину!) источником информации о смерти О.М. мог бы стать Иванов-Разумник. 25 апреля 1942 года, отвечая Георгию Иванову на его «вопрос об Ахматовой, Лозинском и Мандельштаме», Иванов-Разумник писал: «*Последний – погиб в ссылке (в Воронеже, в сумасшедшем доме) еще в 1937–* <193>*8 году*”[6].

Мог бы стать, но не стал. Эта информация еще 60 лет оставалась «глухонемой»: ни один из корреспондентов не сделал ее достоянием общественности. Особенно странно это для Г. Иванова, боготворившего О.М. (в эстетических святцах Иванова-Разумника Мандельштам, напротив, был пигмеем). Еще труднее понять Г.Иванова, когда спустя 11 лет ему все же пришлось как-то соотнестись с обстоятельствами смерти поэта. В очерке «Закат над Петербургом» (1953) он описал ее совершенно иначе: «*О его трагической смерти известно только, что он выбросился из окна, чтобы избежать*

1 Впервые: Даугава. 1997. № 2. С. 132–138 (в переработанном виде в кн.: Тименчик, 2008. С. 550–566).

2 Впервые – в: Кацис, 2008. Второй раз – в рецензии на книгу П.Нерлера: Кацис, 2011. Полный вариант этих статей см.: Кацис Л. Смена парадигм и смена парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М., 2012. С. 170-186.

3 Богомолов Н. Что видно сквозь «железный занавес» // Новое литературное обозрение. 2009. №100. С.367-376.

4 Зубарев Д. Вести о гибели: из Конница в Биарриц и обратно // Другой гид. 2010. № 12. С.32-33.

5 Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений / При участии Д.Зубарева и Н.Поболя. Ред.: С.Василенко. М.: Петровский парк, 2010. С.158-164. Книга, вышедшая в 2010 году, была завершена еще в 2008 году. См. также несколько более раннюю публикацию соответствующей главы: Нерлер П. «Сарафанная почта»: вести и слухи о смерти Осипа Мандельштама // Пермяковский сборник. М.: Новое издательство, 2010. Ч. 2. С. 548-560.

6 Встреча с эмиграцией: из переписки Иванова-Разумника 1942-1944 годов / Публ., вступит. статья, подготот. текста и комм. О.Раевской-Хьюз. М.-Париж, 2001. С.27-30.

“окончательной ликвидации”». Он явно отталкивался от другого источника, возможно, показавшегося ему более солидным.

Сама же весть достигла Париж и Нью-Йорк иными путями, и произошло это лишь в 1945 году, хотя до конца войны.

В 1945 года в Париже состоялось собрание, на котором со словом, посвященным О.М., выступил Константин Мочульский, назвавший О.М. «*самым замечательным из современных русских поэтов после Блока*»[1]. О том, жив он или нет, докладчик еще не знал.

Тем не менее в Париже обнаружилось сразу два «источника» этих и других сведений о репрессированных или умерших писателях. Первый – режиссер Театра им. Ленсовета и свойственник О.М. Сергей Эрнестович Радлов, захваченный немцами вместе с труппой в Пятигорске и докочевавший вместе с ней до Парижа, а второй – дипломат-перебежчик Михаил Михайлович Коряков. В интервью первого газете «Русский патриот», опубликованном 3 марта 1945 года, имеется фраза: «*Скончался поэт О.Э. Мандельштам (вне Ленинграда)*»[2], а второй, по предположению Р. Тименчика, стал источником информации для другой парижской газеты – «Последние новости»: «*Поэт Осип Мандельштам скончался в г. Ельце*»[3]. Он же говорил Шмелеву о смерти в ссылке Мандельштама и Клюева и об «исчезновении» Пильняка[4].

Мифическая «информациия» о Ельце с той поры долго еще сопровождала посмертную легенду об О.М. на Западе. Так, она пересекла океан и из Парижа перекочевала в Нью-Йорк, в заметку Андрея Седых (Я. Цвибака), лично

---

1 Мочульский К. О.Э. Мандельштам // Встреча. Париж, 1945. С. 30–31. Автор, учившийся вместе с О.М. в Петроградском университете, тогда еще не знал его стихов 1930-х гг. Впрочем, точной даты лекции Мочульского мы не знаем. Об О.М., наряду с Маяковским, Есениным и Ахматовой, говорил в Париже и Г. Адамович (октябрь 1945 г.), но из отчетов неясно, что именно было известно лектору о смерти поэта.

2 С.М. Беседа с ленинградцем // Русский патриот (Париж). 1945. 3 марта. Личности как «ленинградца», так и интервьюера-парижанина (поэта М.А. Струве) убедительно атрибутированы Р. Тименчиком (Тименчик, 2008. С. 551–554).

3 Б.Б. [Б. Бродский] Литературная Москва. Беседа с приезжим // Русские новости (Париж). 1945. 15 июня.

4 Шмелев рассказал это Р. Гулю, а Гуль сообщил Б.И. Николаевскому (в письме от 25 июля 1945 г.).

знавшего О.М. еще по врангелевской Феодосии:

> *Коротенькая телеграмма: «В Ельце умер поэт Осип Мандельштам». Почему в Ельце? Жизнь безжалостно трепала Осипа Мандельштама, несла его, как щепку, попавшую в водоворот, и всегда выбрасывала где-нибудь в глухом, неожиданном месте.*[1]

В № 1 выходившего в Нью-Йорке «Социалистического вестника» за 1946 год О.М., на пару с Н. Эрдманом, стал героем обзора Б. Николаевского[2]. Наряду с совершенно фантастическими сведениями об аресте О.М. за эпиграмму на Сталина она содержит и ряд достоверных деталей, восходящих, по некоторым предположениям, не к кому-нибудь, а к Бухарину, с которым Николаевский встречался в 1936 году по вопросам о судьбе рукописей К. Маркса[3]. К «фантастике» относится, в частности, утверждение о том, что Сталин сам допрашивал столь дерзкого поэта и засадил его в Курский централ, о выбрасывании из окна с третьего этажа – попытке самоубийства О.М., закончившейся сломанными ногами и инвалидностью: передвигаться О.М. мог только на костылях. После этого-де Сталин «*смилостивился и отдал распоряжение об отправке Мандельштама в ссылку, под надзор. Местом ссылки был назначен город Елец (недалеко от Орла). Мандельштаму было разрешено для заработка работать в местной газете, – в “Известиях” местного Совета, но только под псевдонимом. Писать в центральных изданиях разрешено не было, – равно как не было разрешено*

1 Седых А. Осип Мандельштам // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1945. 12 авг.

2 Николаевский, 1946. Этой публикации предшествовал своеобразный «анонс» в выпуске того же журнала за 10 ноября 1945 г.: «В редакцию С.В. поступили материалы о судьбе ряда писателей в Советской России: в частности, сообщены подробности ссылки и гибели Мейерхольда, убийства его жены Зинаиды Райх, расстрела Пильняка, самоубийства Марины Цветаевой, заключения в централ, покушения на самоубийство и долгих скитаний поэта О. Мандельштама и др.»

3 Кацис, 2008.

вообще печатать стихи… Не пиши эпиграмм!

В таком положении дело находилось в 1941 году, – перед началом войны. Осенью 1941 года Елец был занят немцами, и в литературных кругах Москвы поползли туманные слухи о гибели Мандельштама. После изгнания немцев из Ельца слухи эти получили полное подтверждение, – но никаких подробностей не оглашено. Вначале слухи говорили, что в спешке эвакуации М. не успели вывезт; сам он уйти на костылях, конечно, не мог, – а потому попал в руки немцев и уничтожен ими, как еврей. Но теперь всё настойчивее говорят, что обстановка гибели была совсем другой: для эвакуации действительно не было времени, но у НКВД была совершенно “твердая” инструкция никого из политических поднадзорных на месте не оставлять, а в случае невозможности эвакуации уничтожать. Тот факт, что М. был секретарем официальной газеты, положения не менял, – и агенты НКВД точно выполнили предписание инструкции…

Так или иначе, но М. погиб в Ельце, и эта гибель была заключительным звеном тех испытаний, которые на него обрушились за составление эпиграммы на Сталина… Можно ли в истории многострадальной русской литературы найти хотя бы одного поэта, который так дорого заплатил бы за эпиграмму на какого-либо самодержца?»[1]

Смесь достоверного и недостоверного здесь такова, что Л. Кацис предположил, что публикация – сознательная дезинформация, прикрывающая «источник»[2].

В № 6 того же издания – анонимная поправка к сообщенному Николаевским:

> *...Ваши сведения о поэте Мандельштаме не вполне точны: он погиб, но в несколько иной обстановке. Из Ельца он был освобожден в 1939 году, когда Бериа освободил из ссылки ряд*

1 Николаевский, 1946. С. 23.
2 Кацис, 2011.

> *писателей, артистов и т. д. Зиму 1939–1940 годов он прожил в Москве и, несмотря на физическое нездоровье, был в очень бодром, оживленном настроении. Много писал, – и люди, которые читали его стихи этого периода, в один голос говорят, что это была пора расцвета его творчества. В конце 1940 года Мандельштам попал под новую полосу арестов и после нескольких месяцев тюрьмы был отправлен на Колыму. До Магадана не дошел: в пути схватил тиф и умер где-то на Дальнем Востоке, в тюрьме.*[1]

Здесь уже хотя бы нет Холокоста и, если Елец заменить на Воронеж, Москву на Калинин, а 1939–1940 на 1937–1938 годы, то верна и общая последовательность событий (бесценно здесь указание на взлет творчества накануне смерти).

«Коряковско-елецкая версия» не без труда, но узнаваема и в изложении Эммануила Райса, в 1949 году записанном с его слов С. Маковским: О.М. «*написал эпиграмму на Сталина и прочел ее своим друзьям-поэтам: Пастернаку, на дому которого это было, и трем другим. ГПУ, однако, тотчас было осведомлено об этой политической шалости Мандельштама. Он был арестован. Тогда начались за него хлопоты. Дело дошло до Сталина. Ходатаи за Мандельштама ссылались на то, что он, хоть и немного написал, но является самым гениальным из современных поэтов. Сталин, будто бы, лично звонил по телефону Пастернаку и спросил его, правда ли это? Пастернак так опешил от звонка самого "отца народов", что не сумел защитить репутацию Мандельштама… Его выслали на юг России (может быть в Эривань, которой посвящено одно из*

1 Еще о гибели поэта Мандельштама. (Из письма) // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 6. 21 июня. С. 157.

его поздних стихотворений?). Он оставался в этой ссылке до 39 года, когда ему разрешили вернуться в Москву. В этот приезд свой он читал какие-то свои стихи, будто бы всех поразившие блеском. Затем поэт опять оказался где-то в провинции, там и застала его война. При наступлении германских войск он с перепугу собирался бежать куда глаза глядят, выскочил во двор дома, где проживал, и сломал себе ногу. Как раз в это время оказались у дома немцы и пристрелили его (этот конец в 1941 году как-то мало вероятен, иначе бы большевики не замалчивали бы трагическую смерть поэта»[1].

В 1951 году, в № 1 «Литературного современника», литературно-критического журнала «второй волны» русской эмиграции[2], имя О.М. встречается в публикации «Голоса погибших. Траурный список литераторов, убитых или сосланных на каторгу советской властью» – с пометой: «Умер в заключении»[3].

Началом 1950-х датируется и интереснейшая, но явно фантастическая версия еще одного бывшего ленинградца – Валерия Завалишина, утверждавшего, что О.М. посадили даже не за эпиграмму на Сталина, а за стихотворение (или поэму) «Вий», имеющую, в его изложении, некоторое сходство разве что с «Четвертой прозой»[4].

Среди слухов, достигших эмиграции, был и, по выражению Р. Тименчика, самый желанный – слух о том, что О.М. всё еще жив. В августе 1955 года Ю. Терaписано сообщал Г. Струве именно такой слух: «*О.М. жив, но полуоглох, полуослеп. ‹…› Не очень верится, но в СССР всё возможно!*»[5]

Струве и не поверил. К 1959 году, когда в «Дневнике читателя», сославшись на «Социалистический вестник», он

1 Даугава. 1997. № 2. С. 131–132. Публикация О. Лекманова.

2 Издавался в Мюнхене при поддержке Фонда интеллектуальной свободы (Fund for intellectual Freedom), основанного А. Кестлером и др. западными писателями для помощи писателям-беженцам.

3 Литературный современник. Мюнхен. 1951. № 1. С. 45.

4 Тименчик, 2008. С. 560–561.

5 Его «автором» был, скорее всего, такой ненадежный источник как Юрий Трубецкой (Там же. С. 562).

пересказал воспоминания анонимного англичанина[1] о телефонном звонке Сталина Пастернаку по поводу О.М.

Общим, хотя и расплывчатым местом стало представление об аресте О.М. где-то в 1937 году и о его смерти где-то в Сибири[2].

P.S. Неплохим завершением этой главки о «мандельштамовских» слухах могла бы послужить новелла Григория Агеева о том, как еще в марте 1953 года, на дне рождения своего солагерника – украинского поэта Андрея Михайловича Патруса-Карпатского и спустя несколько дней после смерти Сталина, ему привелось слышать из уст Патруса-Карпатского нечто совершенно для этого времени невероятное – стихи «Мы живем, под собою не чуя страны…»…[3]

Документы

‹1›
Обращение Н.Я. Мандельштам от 19 января 1939 года к Наркому внутренних дел СССР генеральному комиссару госбезопасности СССР Л.П. Берии

Москва,19 января 1939 г.
Уважаемый товарищ Берия!

В мае 1938 года был арестован поэт Осип Эмильевич Мандельштам; из его письма мне известно, что он осужден Особым совещанием на пять лет СВИТЛ за контрреволюционную деятельность (в прошлом у Мандельштама имелась судимость по 58-й статье за контрреволюционные стихи).

1 По-видимому, Исайи Берлина.
2 Струве Г. Сталин и Пастернак. [Дневник писателя] // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1959. 15 февр. С. 8.
3 Агеев Г. Ввиду отмены смертной казни. М.: Совинтех, 2010. С.147-148.

Вторичный арест 1938 г. явился полной неожиданностью. К этому времени Мандельштам закончил книгу стихов, вопрос о печатании которой неоднократно ставился С.С.П. Мы скорее могли ожидать его полного восстановления и возвращения к открытой литературной деятельности, чем ареста.

Мне неясно, каким образом велось следствие о контрреволюционной деятельности Мандельштама, если я – вследствие его болезни в течение ряда лет не отходившая от него ни на шаг – не была привлечена к этому следствию в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы.

Прибавлю, что во время первого ареста в 1934 г. Мандельштам болел острым психозом – причем следствие и ссылка развернулись во время болезни. К моменту второго ареста Мандельштам был тяжело болен, физически и психически неустойчив.

Я прошу Вас: 1. Содействовать пересмотру дела О.Э. Мандельштама и выяснить, достаточны ли были основания для ареста и ссылки.

2. Проверить психическое здоровье О.Э. Мандельштама и выяснить, закономерна ли в этом смысле была ссылка.

3. Наконец, проверить, не было ли чьей-нибудь личной заинтересованности в этой ссылке. И еще – выяснить не юридический, а скорее моральный вопрос: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожать поэта и мастера в период его активной и дружественной поэтической деятельности.

Надежда Мандельштам

Ул. Фурманова, № 3/5, кв. 26
Тел. 2.64.667

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 25.

‹2›

Запрос Н.Я. Мандельштам от 7 февраля 1939 года в ГУЛАГ об уточнении даты смерти О.Э. Мандельштама

7/II 39 г.
В Главное управление лагерей

Мне известно, что мой муж, заключенный Мандельштам Осип Эмильевич, умер во Владивостоке (С.В.И.Т.Л. 11 барак 5 лет КРД), т. к. мне был возвращен денежный перевод «за смертью адресата». Дата смерти определяется между 15/XII–38 г. и 10/I–1939 г.[1]

Прошу управление лагерей проверить мои сведения и выдать мне официальную справку о смерти О.Э. Мандельштама.

Надежда Мандельштам.

Ответ прошу сообщить по адресу:
Москва, Старосадский, № 10, кв. 3,
Александру Эмильевичу Мандельштаму.

У меня в данное время адреса нет, т. к. временная моя прописка в Москве кончилась и я ищу помещение под Москвой.

1 По всей видимости, этим датам соответствуют штемпели на денежном переводе, очевидно, телеграфном, обозначающие дату его поступления в лагерное почтовое отделение (О.М. был еще жив!) и дату перевода обратно в Москву.

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 12*. Автограф, коричневые и фиолетовые (после подписи) чернила. Штамп и отметка и регистрации письма 9 февраля 1939 г., пометы: *«В3/2844», «I-ое отдел‹ение›».

‹3›
Справка от 25 июня 1939 года о дате и месте смерти О.Э. Мандельштама

В-3/2844
СПРАВКА

Фамилия: *Мандельштам*
Имя и отчество: *Осип Эмильевич*
Соцположение до ареста:
Кем и когда осужден: *ОС НКВД СССР 2/VIII–38 г.*
Статья: *КРД* Срок: *5 лет*
Дата смерти: *Умер 27/XII–38 г.*
Место смерти: *в‹о› Владивостоке*

Рук. группы Жилачева

25/VI–39 г.

УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 15*. Вверху слева – штамп: «Испол‹нено›» и первоначально неправильно указанный номер дела, обведенный в кружок и перечеркнутый: *«В

***3/2899»*, а затем помета: *«В-3/2844»*.**

‹4›
Ответ УНКВД «Дальстроя» 10 июля 1939 г. на запрос ОАГС[1] УНКВД по АС[2] гор. Магадана об уточнении даты смерти О.Э. Мандельштама

Ф. № 77
НКВД–СССР
СЕВВОСТЛАГ Начальнику *ОАГС* УНКВД
‹Бухта› Нагаево по *АС* гор. *Магадан*
Д. В. К.[3]
10 VII 193*9* г.
№ 8–10440

При этом направляется переписка родных с извещением о смерти з/к *Мондельштама О.Э.*[4] л/д[5] № *В-3/2844* для непосредственного ответа заявителю.

Приложение: По тексту, на «*2*» п/листах.

Начальник *I отд‹ела›*[6] УСВИТЛ НКВД
лейтенант ГБ / Бондаренко

Начальник *I отд‹еления› I отд‹ела›*[7] / *Барбатин*

УМВД по Магаданской обл.

1 Отдел актов гражданского состояния.
2 АС
3 Дальневосточный край.
4 Так в тексте.
5 Личное дело.
6 Вписано поверх аббревиатуры: УРО – Учетно-регистрационный отдел.
7 Вписано поверх аббревиатуры: УСО УРО.

***Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 13*. Печатный формуляр с рукописными вставками. Вверху слева помета: *«Трофимов»*.**

‹5›
Ответ УНКВД «Дальстроя» (август 1939 г.) на запрос ОАГС по УНКВД по Московской области об уточнении даты смерти О.Э. Мандельштама

Ф. № 77
НКВД–СССР
СЕВВОСТЛАГ Начальнику *ОАГС* НКВД
Бух‹та› Нагаево по *Московск‹ой› обл‹асти›*, г. *Москва*
Д. В. К.
‹…› *8* 193*9* г.
№ *8–28421*

При этом направляется переписка родных с извещением о смерти з/к *Мондельштам*[1] *Иосиф Эмильевич* л/д № *В-3-2844* для непосредственного ответа заявителю.

Приложение: По тексту, на «*2*» п/листах.

Начальник *I отд‹ела›*[2] УСВИТЛ НКВД
лейтенант Госбезоп‹асности› / Бондаренко

Начальник *I отд‹еления› I отд‹ела›*[3] / *Барбатин*

1 Там в тексте.
2 Вписано поверх аббревиатуры: УРО.
3 Вписано поверх аббревиатуры: УСО УРО.

***УМВД по Магаданской обл. Тюремно-лагерное дело О.Э. Мандельштама В-3-2844. Л. 14.* Печатный формуляр с рукописными вставками (копия).**

‹6›

Постановление оперуполномоченного 2-го отдела Главного Экономического Управления НКВД СССР, сержанта государственной безопасности Никиточкина от 31 января 1941 года об оставлении без удовлетворения заявления Н.Я. Мандельштам о реабилитации О.Э. Мандельштама по делу 1934 года

«УТВЕРЖДАЮ» «УТВЕРЖДАЮ»

Зам. Наркома вн‹утренних› дел СССР Начальник Секретариата

комиссар Госуд‹арственной› Безопасности ОСО при НКВД СССР

3-го ранга

Меркулов[1] *Подпись*

1940 года *31/I–1941*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1 Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953). Образование: 3-я мужская гимназия, Тифлис, 1913; физико-математический ф-т Петроградского ун-та, 1913–1916; Оренбургская школа прапорщиков, 1916–1917. В органах ВЧК–ОГПУ с 1921 по 1932 г., в органах НКВД–НКГБ–МГБ с 1938 г. С 1938 г. – комиссар ГБ 3-го ранга, с 1943 г. – 1-го ранга, с 1945 г. – генерал армии. С 17 декабря 1938 г. по 3 февраля 1941 – 1-й зам. наркома внутренних дел СССР, начальник ГУГБ НКВД СССР, с 3 февраля по 20 июля 1941 г. – нарком ГБ СССР, с 31 июля 1941 по 14 апреля 1943 г. – 1-й зам. наркома внутренних дел СССР, с 14 апреля 1943 по 4 мая 1946 г. – нарком-министр ГБ СССР, с февраля 1947 г. – зам. начальника, а затем начальник Главного управления советского имущества за границей при Министерстве внешней торговли СССР, с 27 октября 1950 по 17 сентября 1953 г. – министр госконтроля СССР. Арестован 18 сентября 1953 г., 23 декабря 1953 г. специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к расстрелу и расстрелян. Не реабилитирован.

Я, оперуполномоченный 2 отдела ГЭУ[2] НКВД СССР, сержант Госуд‹арственной› Безопасности НИКИТОЧКИН, рассмотрев архивно-следственное дело № 298468 на осужденного МАНДЕЛЬШТАМА О.Э. по жалобе его жены гр-ки Мандельштам Н., –

НАШЕЛ:

Мандельштам Осип Эмильевич, 1891 г. р., ур‹оженец› гор. Варшавы, еврей, сын купца I гильдии, гр-н СССР, б/парт., в 1907 примыкал к партии эсеров, в 1934 был выслан за к-р агитацию на 3 года.

До ареста писатель-поэт, проживал в г. Калинине. Арестован 30 апреля 1938 года.

Осужден Особым Совещанием НКВД СССР 2 августа 1938 г. к 5 г. ИТЛ. Наказание отбывает в Колыме.

Арестован и осужден за контрреволюционную деятельность. Виновным себя не признал.

Предварительным следствием по делу установлено, что Мандельштам О.Э., несмотря на то, что ему после отбытия наказания запрещено было проживать в Москве, часто приезжал в Москву, останавливался у своих знакомых, пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем демонстрирования своего «бедственного» положения и болезненного состояния.

Антисоветские элементы из среды литераторов использовали Мандельштама в целях враждебной агитации, делая из него «страдальца», организовывали для него денежные сборы среди писателей.

Мандельштам до момента ареста поддерживал

2 Главное экономическое управление.

связь с врагами народа Стеничем и Кибальчичем до момента высылки последнего за пределы СССР и др. (л. д. 11–15, 19–20).

В поданной жалобе жена осужденного пишет, что ей неизвестно, за что арестован ее муж, т. к. за к.-р. стихи он отбывал высылку, а другого за ним ничего не было. Просит дело пересмотреть.

Принимая во внимание, что материалами дела антисоветская деятельность Мандельштама доказана, а потому –

ПОСТАНОВИЛ:

Жалобу гр-ки Мандельштам Надежды как необоснованную оставить без удовлетворения, о чем сообщить жалобщице через 1 Спецотдел НКВД СССР.

Опер/упол‹номоченный› 2 отдела ГЭУ НКВД СССР,

сержант ГБ НИКИТОЧКИН

«Согласен»

Зам. нач. секретариата ОСО НКВД СССР,

ст. лейтенант ГБ БОРОВКОВ

ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 26-27.

‹7›

Свидетельство о смерти О.Э.Мандельштама 27 декабря 1938 г.

Первичное

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР

Отдел Актов Гражданского Состояния

Место для штампа:
СССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел
Управление НКВД по М/О
Бюро Актов
Гражданского состояния
Бауманского района

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти № *515/кр*
3 июня 1*949* г.

Гр. *Мандельштам Иосиф Эмильевич* умер 27 декабря 1938 г. *Тысяча девятьсот тридцать восьмого года*

О чем в книге записей гражданского состояния о смерти за 19*40* г. *23 мая* м-ца произведена соответствующая запись

Возраст и причина смерти: 47 л. Паралич сердца Артериосклероз

[Круглая печать]
/ Завед Бюро Загса [Подпись]
Делопроизводитель [Подпись]

РГАЛИ. Ф.1893. Оп.3. Д.83 (предлварительная нумерация). **Подлинник.**

Управление МГБ по Ленинградской области (1951): «Все книги Мандельштама… необходимо из библиотек изъять»

В постскриптуме к главе «Призывом к террору были и стихи Мандельштама…» была упомянута позднейшая «метастаза» ленинградского дела о заговоре писателей под руководством Тихонова и Эренбурга.

Подразумевалась при этом поэтесса Ида Моисеевна Наппельбаум (1900 – 1992), ее арест 9 января 1951 года и ее осуждение 11 августа 1951 года к 10 годам ИТЛ все по тем же статьям 58.10 и 58.11.

Как справедливо замечает А. Дмитренко, дело это было не просто «*рецидивом карательных компаний против писателей, осуществлявшихся в предвоенное время*»[1], но и их систематическим продолжением, своего рода исправлением недоработок коллег из эпохи Большого Террора. В качестве источника карательного вдохновения и отправной точки преследования гумилевской ученицы и дочери знаменитого фотографа послужил протокол допроса Ю.И. Юркуна от 9 мая 1938 года (в котором, кстати, был назван и О.М.).

Новым элементом технологии ведения следствия стал своеобразный «Акт экспертизы», заказанный следователем И.А. Диевым от имени Следственного отдела Управления МГБ по Ленинградской области специальной экспертной комиссии в составе директора Лендетгиза Дмитрия Ивановича Чевычелова (председатель) и кандидата исторических наук, преподавателя Ленгосуниверситета Андрея Васильевича Хилькевича и цензора Леноблгорлита Людмилы Даниловны Микитич (члены)[2]. «Экспертизе» были подвергнуты добытые в результате двух обысков материалы, причем не только стихи и записи самой И.М. Наппельбаум и ее покойного первого мужа М.А. Фромана (Фракмана), но и подборка из 16 книг разных авторов, одной из которых была и мандельштамовская – «О поэзии» 1928 года.

Соответствующее место из экспертизы, бесспорно,

1 «Подвергнутая экспертизе литература…», 2005. С. 391.

2 «Экспертиза», заказанная в 1938 году Ставским Павленко, имела все же иную – еще более гнусную – природу. Использование такого рода экспертиз нашло себе наиболее широкое применение в практике КГБ в 1970-е и 1980-е гг.

заслуживает воспроизведения.

Оно завершается очень интересным «месседжем» уже 13 лет как изъятому к этому времени поэту: а теперь, Мандельштам, мы изымем еще и твои книги!..

Документы

Выдержка из акта экспертизы Комиссии под председательством Д.И. Чевычелова

<...>

III. О литературе, изъятой у Наппельбаум.

Литература, изъятая у НАППЕЛЬБАУМ, в подавляющей части – идеологически чуждая, вредная, враждебная советскому читателю, социалистическому миру.

Авторы ее в огромном большинстве принадлежали к разным упадочным и враждебным социализму литературным течениям, – таким, как символизм, акмеизм, футуризм и пр., отражавшим распад буржуазной культуры.

Как говорил тов. А.А.ЖДАНОВ в докладе о журналах «ЗВЕЗДА» и «ЛЕНИНГРАД»[24]:

«Все эти «модные» течения канули в Лету и были сброшены в прошлое вместе с теми классами, идеологию которых они отражали».

В числе представителей этих направлений – писателей реакционеров и заклятых врагов советского народа – тов. А.А.ЖДАНОВ называл и Ф.СОЛОГУБА, и О.МАНДЕЛЬШТАМА и М.КУЗМИНА, произведения которых изъяты у НАППЕЛЬБАУМ.

Остановимся сжато на подлежащих оценке

книгах и их авторах:

<…>

3. О. МАНДЕЛЬШТАМ

Один из главных деятелей акмеизма. В своих произведениях выражал звериную злобу против Октябрьской революции и Советского государства.

Рецензируемая книга его статей «О поэзии» (стр. 97) – проповедует пессимизм и содержит враждебные выпады против советского народа, который клеветнически изображается чудовищно невежественным и тупым:

«Легче провести в СССР электрификацию, чем научить всех грамотных читать Пушкина, как он написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности»

(стр. 15).

В книге пропагандируются империалистические взгляды на отношения между людьми по принципу «человек человеку – волк». Мир между людьми невозможен. Война – нечто врожденное и свыше данное человеку.

«Век – барсучья нора, и человек своего века живет и движется в скупо отмеренном пространстве, лихорадочно стремится расширить свои владения и больше всего дорожит выходами из подземной норы»

(стр. 59).

Книгу «О поэзии» (как и вообще все книги МАНДЕЛЬШТАМА) необходимо из библиотек изъять.

<…>[1]

АУ ФСБ СПбиЛО. Дело П-48512.

---

1 «Подвергнутая экспертизе литература…», 2005. С. 406-407.

Генеральная прокуратура СССР: Наблюдательные дела О.Э. Мандельштама 1955–1956 гг. и 1987 г. Этапы реабилитации

1

Реабилитация (от лат. rehabilitatio – восстановление) – понятие многостороннее, с множеством значений и коннотаций, например, медицинских. В СССР, однако, основным и до самого недавнего времени бесспорно доминирующим его значением было политическое, а именно: восстановление попранных репутации и прав граждан, репрессированных самим же советским государством. Этот сложный и многосторонний процесс начался уже весной 1953 года, чуть ли не назавтра после смерти Сталина.

Формально его инициаторами были Берия с Маленковым: первый усиленно настаивал на реабилитации тех, кого репрессировали другие[1] – по делам Еврейского антифашистского комитета и «кремлевских врачей», «мингрельской националистической группы»[2], а также руководителей артиллерийского управления и авиационной промышленности; второй – на июльском 1953 года пленуме ЦК КПСС впервые употребил термин «культ личности». Первой юридически оформленной акцией стала реабилитация пятидесяти четырех осужденных генералов и адмиралов Советской Армии – своего рода «реверанс» партии в сторону армии за деятельную поддержку и участие в смещении и ликвидации Берии.

Но массовый, хотя отнюдь и не систематический характер,

1 Между 29 декабря 1945 г. и 5 марта 1953 г. Берия не контролировал НКВД-МВД!

2 В этом «деле» он справедливо усматривал интригу, направленную лично против него.

реабилитация приняла только при Н.С. Хрущеве, личная власть которого постепенно утвердилась в начале 1954 года. Хрущев охотно использовал реабилитацию и как инструмент в борьбе за власть: та стремительность, с которой реабилитировали участников т.н. «ленинградского дела», совершенно неотрывна от его борьбы с Маленковым.[1]

Перевод реабилитации на рельсы массовости связан с установлением, начиная с 1 сентября 1953 года, судебного порядка пересмотра дел: Верховный Суд СССР получил право пересматривать по протесту Генпрокурора СССР решения коллегии ОГПУ, Особого совещания и двоек и троек, со временем был введен и упрощенный порядок. В 1954 году органы прокуратуры получили право затребовать из КГБ архивно-следственные дела.

Не меньшую роль играла и политическая воля партийного руководства: в мае 1954 года начала работу так называемая «Комиссия Поспелова» – Центральная комиссия по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении. Ей было предоставлено право пересматривать дела на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД–МГБ или Коллегией ОГПУ. Аналогичные комиссии были созданы на местах, их наделили функциями пересмотра дел осужденных двойками и тройками НКВД.[2]

Сам механизм принятия решений о реабилитации был многоступенчатым:

> *Прокурорам, следственным работникам, военным юристам полагалось провести так называемую проверку дела, в ходе которой собиралась разнообразная информация о*

---

1 Реабилитация неотрывна от предания гласности закрытых материалов, вполне могущих иметь компрометирующее значение.

2 Для изучения положения спецпоселенцев была образована комиссия под председательством Ворошилова, результатом деятельности которой стало известное постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» от 5 июля 1954 г.

репрессированном, вызывались свидетели, запрашивались архивные справки. Особую роль при этом играли справки Центрального партийного архива, в которых отмечалась принадлежность репрессированного лица к той или иной оппозиции либо отсутствие таких данных.

Проводивший проверку работник составлял заключение. На основании этого документа Генеральный прокурор СССР, его заместители, Главный военный прокурор вносили (а могли этого и не делать) на Пленум, Коллегию по уголовным делам или Военную коллегию Верховного суда СССР протест по делу.[1]

Определение же выносил суд. И оно тоже совсем не обязательно было реабилитационным. Охотнее всего суд ограничивался переквалификацией предъявленных обвинением статей и, соответственно, изменением меры наказания и т. п. – все эти послабления реабилитацией еще не являлись.

23–25 июня 1955 года в Москве состоялось совещание руководящих прокурорских работников, в котором приняли участие около четырехсот работников аппарата Генпрокуратуры и прокуроров с мест, то есть тех, от кого зависело главное – реализация политики реабилитации.

Скорее всего, именно эти дни и это совещание имела в виду Надежда Яковлевна, когда писала:

Новая эпоха началась с того дня, когда мы шли с ней по улице – в церковный садик, куда я водила ее гулять, – и заметили на улице множество шпиков. Они торчали из всех подворотен, всюду и везде. «Это за нас, а не против нас, – сказала А.А., – вы не бойтесь – там

1 Реабилитация: как это было, 2000. С. 9.

что-то делается хорошее». Иначе говоря, это шло какое-то совещание, предварявшее знаменитый съезд.[1]

На совещании с докладом «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности и усилению прокурорского надзора» выступил Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко. Он говорил сразу о двух крайностях в практике реабилитации – и недопустимой ее жесткости, и о недопустимой ее мягкости:

В ряде случаев решения об оставлении ранее вынесенных приговоров и постановлений в силе принимаются без необходимой проверки доводов жалобщиков, только на основании материалов дела, в то время как имеющиеся данные свидетельствуют о необходимости проверки материалов следствия. ‹…› В других случаях, наоборот, необоснованно ставится вопрос об отмене приговоров и решений по тем мотивам, что антисоветские действия, такие, например, как контрреволюционная агитация, имели якобы место без контрреволюционного умысла, хотя вывод об этом не вытекает из материалов дела. ‹…› В работе по пересмотру дел о контрреволюционных преступлениях мы должны исходить из того, что это не амнистия, не помилование преступников, а проверка дел с целью реабилитации лиц, невинно осужденных, или отказа в пересмотре дела в отношении преступников.[2]

Сдается всё же, что Анна Андреевна преувеличила

1 Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 116 (XX съезд КПСС состоялся 14–25 февраля 1956 г. в Москве, на нем Н.С. Хрущев выступил с разоблачениями культа личности И.В. Сталина).

2 Реабилитация: как это было, 2000. С. 222–224, со ссылкой на ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 4013. Л. 12–17.

оптимистичность происходящего (да и не оксюморон ли это – «шпики», которые «за нас»?).

2
Реабилитация 1956 года по делу 1938 года

Постепенно волны реабилитации, расходясь во все стороны, достигали берегов и литературы и искусства.

Первыми из репрессированных писателей, насколько можно судить, реабилитировали Михаила Кольцова и Исаака Бабеля – соответственно, 8 и 18 декабря 1954 года. А 26 ноября 1955 года реабилитировали, например, В.Э. Мейерхольда.[1]

Калибр этих имен был таков, что решения по ним принимались, судя по всему, в Кремле и на Старой площади, а не на улице Воровского: заслуга Союза писателей тут была минимальной, если вообще была – по-настоящему волна докатилась сюда только после откровений XX Съезда.

За этот процесс в Союзе писателей отвечал Алексей Сурков.

В фонде В.П. Гроссмана в РГАЛИ сохранились проекты двух постановлений Президиума Правления СП СССР от 19 июля 1956 года[2]. Они были напечатаны 13 июля, растиражированы в восьмидесяти экземплярах и, надо полагать, разосланы каждому члену правления[3].

Первое было посвящено восстановлению реабилитированных писателей в правах членов и кандидатов в члены СП СССР: этот список содержит 91 имя, из них 90 имен – писатели еще живые, а одно имя – писателя умершего.

Второе же постановление звучит, на первый взгляд, несколько странно и даже кощунственно: оно посвящено **посмертному** восстановлению реабилитированных писателей в правах членов и кандидатов в члены СП СССР. Несмотря на

1 Реабилитация: как это было, 2000. С. 172–173, 270–272, 398.
2 РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–7.
3 Их дальнейшую, в том числе бюрократическую, судьбу, проследить не удалось.

всю макаберность формулировки, смысл в этом постановлении, определенно, был – по крайней мере, социальный: фактически «восстанавливались в правах» не сами мертвецы, а по случаю здравствующие члены их семей – жены или дети. Отныне они приравнивались к родственникам писателей, здравствовавших себе на тот момент, а если и умерших, то в своей постели: всем им причитались определенные – и, в общем-то, по советским масштабам, немалые – льготы и блага, например, постановка на ведомственное (вместо районного) социальное и медицинское обслуживание, вступление в права наследства и т. п. Этот второй список покороче первого – всего пятьдесят девять имен. Но на своем экземпляре Гроссман вписал еще десять имен, и последним среди них, за № 68, – имя Осипа Эмильевича Мандельштама.

Известны, впрочем, и другие списки, составлявшиеся к тому же организациями, много более влиятельными, нежели Союз писателей, – НКВД или Прокуратурой. Так, 7 марта 1957 года Ахматова давала в НКВД свидетельские показания по делу Б.К. Лившица. Ей показали список из 79 оговоренных и оклеветанных писателей (среди них почему-то и Федин), попросив высказаться о каждом[1]. Спросили ее и об О.М., фигуранте и этого дела. Анна Андреевна сообщила следователю, подполковнику юстиции Разумову:

> *Мандельштам О.Э. в 1938 году был репрессирован, но в 1956 году реабилитирован посмертно. В данное время создана комиссия по подготовке к изданию его литературного наследия. Членом этой комиссии являюсь и я.*[2]

---

1 См. об этом в позднейшей – 1967 г. – дневниковой записи Л.В. Шапориной (Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. Москва–Торонто, 2005. С. 48). Скорее всего, это были те, кто проходил или упоминался в деле «ленинградских писателей», фигурантами которого, действительно, были и репрессированная Тагер, и нетронутая Ахматова (Шнайдерман, 1996. С. 82–126).

2 Разумов А.Я. Дела и допросы. 1. «Я закрывала дело Лившица»: допрос свидетеля Ахматовой» // «Я всем прощение дарую....». Ахматовский сборник. Сост. Н.И. Крайнева. М.– СПб., 2006. С. 262–263.

Однако в отдельных случаях писательское начальство начинало действовать, не дожидаясь Съезда. На языке прокуроров последующих поколений такого рода случаи и назывались по-особому – «крупняк». Видимо, Алексей Сурков относил О.М. именно к этой категории, – иначе бы он не инициировал и не пробивал бы такие деяния, как создание Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама, как однотомник О.М. в «Библиотеке поэта» и как юридическая реабилитация поэта.

Не приходится сомневаться, что именно он посоветовал Надежде Яковлевне подать на посмертную реабилитацию О.М.[1]

Совету она вняла и 24 августа 1955 года заявление о реабилитации подала. Саму «процедуру» подачи она описала 31 августа в письме Суркову:

> *Уважаемый Алексей Александрович! Передаю Вам стихи, как мы сговорились. Не хватает, может, десятка потерянных стихотворений. Заявление о реабилитации подала. Я должна была сообщить Вам, кому я его передам. Но техника такая – первое заявление опускается в ящик, и для всех справок служит дата его передачи (24 августа – для всех справок). Заявление могут отсеять при первом отборе (еще до прокуроров). (Нет обязательных данных – года и места рождения, и места последней службы. Слово «поэт» обычно вызывает вопрос: «а где же он служил?)»*[2]

‹1›

1 В сущности, она затеяла процесс реабилитации О.М. еще в январе 1939 г., когда написала свое дерзкое письмо Берии (см. выше).

2 Три письма Надежды Мандельштам к Алексею Суркову / Публ. и предисл. С. Шумихина // Окна (Иерусалим). 1999, 2 дек. С. 4–5 (со ссылкой на РГАЛИ. Ф. 1899. Оп. 1. Д. 418).

Заявление Н.Я. Мандельштам в Прокуратуру от 24 августа 1955 года о пересмотре дела О.Э. Мандельштама и его посмертной реабилитации

В ПРОКУРАТУРУ СССР

от вдовы поэта Мандельштама
Осипа Эмильевича,
Мандельштам Надежды Яковлевны
Москва, проездом.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу пересмотреть дело моего мужа поэта Мандельштама Осипа Эмильевича с целью посмертной реабилитации.

Мандельштам был арестован 2 мая 1938 года в доме отдыха «Саматиха» под Москвой. Умер он в пересыльном лагере во Владивостоке 27 декабря 1938 года. В письме из лагеря он сообщил, что осужден Особым Совещанием на пять лет. Те же сведения получены и мной.

По моему глубокому убеждению никакого дела у Мандельштама не было: он был больным человеком, и я неотлучно находилась при нем все последние годы. Я неизбежно оказалась бы соучастницей любого преступления, если бы оно было совершено. Между тем никто меня не трогал.

Я считаю этот арест лишь «повторным», механически вызванным тем обстоятельством, что Мандельштам в 1934 году был выслан на три года в Воронеж за стихотворение, которое он в первые дни после сочинения (1933 г., ноябрь) имел неосторожность прочесть нескольким людям

(поодиночке) из ближайшего окружения. Это стихотворение никогда не было записано, и больше Мандельштам никогда никому его не читал.

Книги Мандельштама до его высылки неоднократно издавались. Он сотрудничал в советской периодике с 1917 года. Реабилитация Мандельштама необходима, чтобы поставить вопрос о печатаньи его поэтического наследства и о его месте в советской литературе.

Для литературной характеристики Мандельштама прошу обратиться к следующим писателям:

Суркову Алексею Александровичу (секретарь Союза Советских Писателей);

Чуковскому Корнею Ивановичу;

Эренбургу Илье Григорьевичу.

Мандельштам Надежда Яковлевна

В данное время я жду от Министерства Просвещения РСФСР назначения на периферию и сообщу свой адрес дополнительно. Сейчас я временно прописана в Москве, Лаврушенский переулок, д. № 17, кв. 47.

24.VIII. 1955

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 8–8 об. **Машинопись, подпись и дата – автограф (черные чернила). Штампы и пометы – в правом верхнем углу: «Прокуратура Союза ССР. Приемная из ящика.** ***25/8*** **1955. Референт** ***Захар‹ова?›*****»; в левом верхнем углу красным карандашом: «*****13/в 25/VIII*****»; на оборотной стороне: «Картотека**

Прокуратуры СССР. ***27/8.*** **1955. Сведений нет.** ***‹нрзб›*** **Тимошкова».**

Копия отправителя: АМ. Короб 3. Папка 104. **Машинопись без подписи и без даты. Внизу л. 2 карандашная помета:** ***«Бургомистров К 69026».***

В своем заявлении Надежда Яковлевна (и, возможно, тоже по совету Суркова) порекомендовала для аттестации О.М., кроме самого Суркова, еще и Чуковского и Эренбурга. Но ни Чуковского, ни Эренбурга никто, насколько нам известно, по этому поводу не беспокоил.

Первая реакция прокуратуры была скорой, если не сказать стремительной: 31 августа прокурор отдела по спецделам, старший советник юстиции Лебедев написал, а 1 сентября канцелярия Прокуратуры СССР отправила Надежде Яковлевне просьбу об уточнении некоторых сведений о ее муже:

‹2›

Письмо прокурора Отдела по спецделам Прокуратуры СССР старшего советника юстиции Лебедева Н.Я. Мандельштам от 1 сентября 1955 года с запросом дополнительных сведений об О.Э. Мандельштаме

Прокуратура Союза Советских Социалистических республик

Москва-центр, Пушкинская, 15-а

1 IX 1955
13/1–13471–55

МАНДЕЛЬШТАМ Надежде Яковлевне

г. Москва, Лаврушенский пер., д. 17, кв. 47

Дополнительно к Вашему заявлению от 24.VIII–55 года сообщите в Прокуратуру СССР, где проживал и работал Мандельштам О.Э., а также год и место его рождения.

После получения от Вас этих сведений будут приняты меры к проверке дела.

Прокурор отдела по спецделам
старший советник юстиции /Лебедев/

30.31.VIII.
лс

АМ. Короб 3. Папка 104. **Вверху помета Н.М.: «Улица Воровского 4/6 июня 1956. Верховный Суд» (4 июня 1956 г. – дата внесения прокурорского протеста по делу Мандельштама 1938 г.).**

Заверенная копия отправителя: ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 1. **Слева пометы Лебедева (синий карандаш): «*‹Нрзб› в 20/IX*» – и далее, через черту: *«30/VIII – 1/IX. Леб‹едев›»*, внизу и вверху – с пометами заверителя (фиолетовые чернила): «1/IX. 13/I –13471–55» (№ надзорного дела О.М.) и «Верно. Милованова».**

Одновременно запрос об уточнении сведений ушел в Отдел Прокуратуры по спецделам (впоследствии аналогичные запросы уходили туда же еще дважды), и вскоре у прокурора Никулина начали скапливаться уточняющие ответы – один от Надежды Яковлевны и еще два – от своего ведомства. А главное – ему на стол легли следственные дела О.М.!.

‹3›
Письмо Н.Я. Мандельштам прокурору Отдела по спецделам Прокуратуры СССР старшему советнику юстиции Лебедеву от 3 сентября 1955 года с сообщением дополнительных сведений об О.Э. Мандельштаме

Прокурору Отдела по спецделам
Старшему советнику юстиции т. Лебедеву
от Мандельштам Надежды Яковлевны,
Москва, Лаврушенский пер.,17, кв.47

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ответ на Ваш запрос № 13/1–13471–55 сообщаю дополнительные сведения:

1. Год рождения Мандельштама Осипа Эмильевича – 1891 г.

2. Место рождения Мандельштама мне неизвестно, но всю жизнь он провел в Ленинграде и в Москве.

С мая 1934 год‹а› по май 1937 года Мандельштам жил в Воронеже, куда был выслан. В Москву вернулся в мае 1937 года, но получил отказ в прописке (в своей квартире в писательском доме на Фурмановом переулке); после этого был прописан в Калинине вплоть до своего ареста. Адреса в Калинине не знаю. Арестован он был в доме отдыха «Саматиха» Муромского района. (Послан он был туда Литературным фондом.)

3. Мандельштам нигде не служил, но жил литературной работой (изданием своих книг, редактурой, переводами, статьями, рецензиями и т. п.).

Последние договоры он заключал с

Гослитиздатом. Был он также пенсионером Совнаркома (кажется, за заслуги в русской литературе)[1]. Но в 1936 году пенсию отобрали. В Воронеже он жил остатками старых гонораров, отчасти моими литературными заработками и помощью товарищей (писателей и других деятелей искусств).

4. Сообщаю добавочно телефон Эренбурга (Б.9.34.06) и Чуковского (Б.9.42.09).

3.IX.1955 г.
Мандельштам (Н. Мандельштам)

Я выезжаю на работу в Пединститут в Чебоксары, меня можно вызвать по адресу: Чебоксары, Пединститут, старшему преподавателю Мандельштам, или по московскому адресу: Страстной бульв., № 6, кв. 34, Фрадкиной Елене Михайловне, Б.9.46.90, для Мандельштам Н.Я.

***ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 7–7 об.* Оригинал. Машинопись, подпись – автограф. С регистрирующими штампами и пометами – в правом верхнем углу: «Прокуратура СССР. Приемная из ящика. *5/IX*–1955. Референт Захар‹ова?›», в левом верхнем углу красным карандашом: *13/вр. 5.IX*, чуть ниже: «К переписке *26/8–55* г. О *Мандельштам О.Э.*».**

‹4›
Запрос зам. начальника Отдела по спецделам Прокуратуры СССР в 1-й спецотдел МВД СССР от 13

1 О персональной пенсии, назначенной О.Э. Мандельштаму в 1932 г., см.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 66. Л. 326.

сентября 1955 года о проверке О.Э. Мандельштама по учету

Секретно
П
Прокуратура СССР
Отдел по спецделам

Исполн‹итель› (фамилия) *Никулин*. Тел. № *К–6–90–58*

Запрос
о проверке по учету 1 Спецотдела МВД СССР

Просьба проверить и выдать справку:
1. Фамилия *Мальдештам*[1]
2. Имя и отч‹ество› *Осип Эмильевич*
3. Год рожд‹ения› *1891*
4. Место рожд‹ения›
5. Адрес места жительства и работы, должность
6. Дополнительные сведения *арестован 2.V.–1938 г. под Москвой. Осужден на 5 лет.*
7. Какая нужна справка (нужное подчеркнуть): сведения об аресте, о судимости, о местонахождении проверяемого, о местонахождении следственного дела.
8. Проверяется в связи ‹с› *жалобой жены*

Зам. нач‹альника› Отдела по спецделам *Подпись*

«*13*» *IX* 195*5* года

1 Так в тексте.

№ *13/1–13471–55*
ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 2.

‹5›
Запрос зам. начальника Отдела по спецделам Прокуратуры СССР в 1-й Спецотдел МВД СССР от 3 октября 1955 года о проверке О.Э. Мандельштама по учету

Секретно
П

Прокуратура СССР
Отдел по спецделам

Исполн‹итель› (фамилия) *Воронкова*. Тел. №

Запрос
о проверке по учету 1 Спецотдела МВД СССР

Просьба проверить и выдать справку:

1. Фамилия *Мандельштам*
2. Имя и отч‹ество› *Осип Эмильевич*
3. Год рожд‹ения› *1891*
4. Место рожд‹ения›
5. Адрес места жительства и работы, должность *Литератор, пенсионер*
6. Дополнительные сведения *арестован в 1938 года в доме отдыха «Саматиха»*
7. Какая нужна справка (нужное подчеркнуть): сведения об аресте, о судимости, о местонахождении проверяемого, о

местонахождении следственного дела.

8. Проверяется в связи *с жалобой жены*

Зам. начальника отдела по спецделам *Подпись*

«*3*» *X* . 195*5* года

№ *13/1 –13471–55*

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 3. **Бланк-формуляр, с рукописными вставками исполнителя и подписью отправителя. На обороте – бланк-формуляр справки.**

‹6›

Справка 1-го отделения 1-го Спецотдела МВД СССР от 5 октября 1955 года по результатам запроса о проверке О.Э. Мандельштама по учету

Справка о результатах проверки:

Ур‹оженец› г. Варшавы

1. Арестован *Осужд‹ен› 26/V–34 г. О/сов., выслан в г. Чердынь на 3 г. Арх‹ивно-›сл‹едственное› д. № 604671. КГБ СССР.*

2. Осужден *2/VIII–38 г. О/сов. за крд на 5 л. ИТЛ*

3. Наказание отбывает *Умер 2/XII–38 г. в Севвостлаге*

4. Архивно-следственное дело № *298468* хранится *‹в› КГБ СССР*

Зам. нач‹альника› 1 отделения 1 спецотдела МВД СССР *Подпись*

Справку наводила (Горшкова В.)

5 окт‹ября› 1955 г.

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 3 об.
Бланк-формуляр, с рукописными вставками исполнителя и подписью отправителя в надпечатке для его должности. Оборотная сторона бланка-формуляра запроса.

‹7›

Письмо зам. начальника Отдела по спецделам Прокуратуры СССР, государственного советника юстиции 3 класса Ю.У. Никитина заместителю прокурора по спецделам В.В. Зотову от 17 октября 1955 года о направлении жалобы Н.Я. Мандельштама

Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик

Москва-центр, Пушкинская, 15а

17/X–1995 г.
№ 13/1–13471–55 г.

Зам. прокурора по спецделам *г. Москвы*
ст. советнику юстиции тов. *Зотову В.В.*

Направляю жалобу гр. *Мандельштам Н.Я.* для проверки правильности [выселения] (осуждения) *ее мужа Мандельштама О.Э.* с учетом изложенных в жалобе доводов.

О результатах проверки прошу сообщить жалобщику.

Приложение: по тексту на « » листах.

Зам. начальника Отдела по спецделам
государственный советник юстиции 3 класса *Ю.У. Никитин*

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 4.

‹8›
Запрос зам. начальника Отдела по спецделам Прокуратуры СССР в 1-й Спецотдел МВД СССР от 25 октября 1955 года о проверке О.Э. Мандельштама по учету

Секретно
П

Прокуратура СССР

Прокуратура Москвы

Отдел по спецделам

Исполн‹итель› (фамилия) *Фунтов*. Тел. № *К–6–38–81*

Запрос
о проверке по учету 1 Спецотдела МВД СССР

Просьба проверить и выдать справку:
1. Фамилия *Мандельштам*
2. Имя и отч‹ество› *Осип Эмильевич*
3. Год рожд‹ения› *1891*
4. Место рожд‹ения›
5. Адрес места жительства и работы,

должность

6. Дополнительные сведения *арестован 2 мая 1938*.

7. Какая нужна справка (нужное подчеркнуть): сведения об аресте, о судимости, о местонахождении проверяемого, о местонахождении следственного дела.

8. Проверяется в связи *‹с› жалобой*

Пом. начальника отдела по спецделам *Фунтов*
«*25*» октября 195*5* года
№ *64–1448*

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 6.
Бланк-формуляр с рукописными вставками исполнителя-отправителя. На обороте – бланк-формуляр справки.

‹9›

Справка 1-го отделения 1-го Спецотдела МВД СССР от 26 октября 1955 года по результатам запроса о проверке О.Э. Мандельштама по учету

Справка о результатах проверки:

1. Арестован *16/V–34 г. ОГПУ НКВД.*

2. Осужден *Осужд‹ен› Особ‹ым› Сов‹ещанием› 26/V 34, выс‹лан› в г. Чердынь на 3 г. Особ‹ое› Сов‹ещание› 10/VI–34 во измен‹ение› прежн‹его› постан‹овления› запрет‹ило› прож‹ивание› в Московск‹ой›, Ленинградск‹ой›, Харьковск‹ой›, Киевск‹ой›, Одесск‹ой› областях на оставш‹ийся› срок. Особ‹ым› Сов‹ещанием› 31/I–41 в пересмотре дела отказано.*

Арх‹ивно›-сл‹едственное› д. 604671 – КГБ СССР.

3. Наказание отбывает *Арест‹ован› 3/V 38 НКВД СССР. Осужд‹ен› Особ‹ым› Сов‹ещанием› 2/8–38 за крд ср‹оком на› 5 лет.*

Умер 21/XII 38 в Севвостлаге

4. Архивно-следственное дело № *298468* хранится *‹в› КГБ СССР*

Зам. нач‹альника› 1 отделения 1 спецотдела МВД СССР *Подпись*

Справку наводила Зайцева А.

26/X 1955

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 6 об.

Оборотная сторона бланка-формуляра запроса, с рукописными вставками исполнителя и подписью отправителя в надпечатке для его должности.

Об этих уточнениях и микроскопических подвижках Надежда Яковлевна, конечно же, ничего не знала. А время шло – осень, зима, весна. И вот 21 мая она вновь обращается в Прокуратуру.

‹10›
Заявление Н.Я. Мандельштам от 21 мая 1956 года с запросом о состоянии дела о посмертной реабилитации О.Э. Мандельштама

В Прокуратуру СССР

от Мандельштам Н.Я.

Заявление

24 августа 1955 года я подала заявление в прокуратуру с просьбой о посмертном пересмотре дела моего мужа – поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. 3 сентября 1955 года сообщила добавочные сведенья, потребовавшиеся прокуратуре. Ответа до сих пор не получила. Прошу сообщить мне, в каком положении находится это дело.

В 1934 году Мандельштам О.Э. был арестован и выслан за стихотворение, которое в период культа личности должно было привести к гибели; в 1938 году, после вторичного ареста, он умер в пересыльном лагере во Владивостоке.

Мандельштам Надежда Яковлевна

Чебоксары, Кооперативная, 8, кв. 16а
Прилагаю копии первых двух заявлений[1].

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 13. **Автограф (фиолетовые чернила), без даты. Датируется по регистрации. С регистрирующими штампами и пометами в разных частях листа: «Прокуратура СССР. 21 V 56»; «Получено. 22/V 56»; «13471–55. Московской. *24.V. Подпись*» (простой карандаш); «*‹нрзб› / 21/V Подпись*» (синий карандаш) и «*21.V–56. Т. Бородин. Дело*» (простой карандаш).**

И уже 4 июня в мандельштамовском реабилитационном деле произошло ключевое событие – ознакомившаяся с

1 См. эти авторизованные копии в: ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 14–15 об.

делами, прокуратура внесла в Судебную коллегию Верховного Суда СССР протест и потребовала реабилитации О.М. В Верховном Суде эта позиция нашла полное понимание, и 31 июля было вынесено соответствующее определение. О чем уже прокуратура проинформировала Надежду Яковлевну 6 августа 1956 года.

‹11›
Протест зам. Генерального Прокурора СССР, государственного советника юстиции I класса Д.Е. Салина от 4 июня 1956 года в Судебную Коллегию Верховного Суда СССР по делу Мандельштама О.Э.

Секретно
Экз. №

В Судебную Коллегию по уголовным делам
Верховного суда СССР

ПРОТЕСТ
(в порядке надзора)
по делу Мандельштама О.Э.

По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 2 августа 1938 года заключен в ИТЛ сроком на 5 лет

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич, 1891 года рождения, еврей, гражданин СССР, беспартийный, поэт, в 1907 году примыкал к эсерам, в 1934 году высылался за написание антисоветского стихотворения.

Он осужден за контрреволюционную деятельность.

Конкретных обвинений Мандельштаму

предъявлено не было.

По делу допрошен только сам Мандельштам, который виновным себя в преступной деятельности не признал.

Какие-либо доказательства о проводимой им антисоветской работе в деле отсутствуют.

При таких обстоятельствах следует признать, что осужден Мандельштам неправильно, в связи с чем указанное выше постановление подлежит отмене, а настоящее уголовное дело – прекращению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 16 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, –

прошу:

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 2 августа 1938 года отменить, уголовное дело против Мандельштама О.Э. за недоказанностью предъявленного ему обвинения производством прекратить.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело № 298468 в I томе.

Зам. Генерального Прокурора СССР,

Государственный советник юстиции I класса *Подпись* (Д. Салин)

«*4*». *6*. 1956 года
№ 13/1–13471–55
/ 15866

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 11. **Машинописная заверенная копия. Со следующими пометами: в правом верхнем углу (карандашом) – «Удовлетворен. Дело прекращено по ст. 4 и 5 УК РСФСР. 61/**

Подпись **31/VII–56 г.»; слева (рукой заверителя, фиолетовыми чернилами) – «*‹нрзб›. 30.VI.56*».**

‹12›
Определение Верховной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 июля 1956 года об отмене Постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 2 августа 1938 г. в отношении О.Э. Мандельштама.

2.VIII Надзорное производство № 02/ДСП–4974–56

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в составе: председательствующего *Былинкиной А.П.* и членов *Владимировой М.П., Ивановой Н.М.* рассмотрела в заседании от «*31*» июля 195*6* г. протест *Генерального прокурора СССР* на приговор *постановление Особого совещания при Наркоме Внутренних дел СССР* от «*2*» *августа* 193*8* г., которым *заключен в исправительно-трудовой лагерь на пять лет –*

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич, 1891 года рождения, еврей, беспартийный, поэт, в 1934 году высылался за написание антисоветского стихотворения.

Протест внесен на предмет отмены постановления Особого совещания и прекращения дела производством.

Заслушав доклад члена Верховного суда СССР

тов. Владимировой М.П. и заключение помощника Генерального прокурора СССР тов. Никулина Е.С., поддержавшего протест, Судебная коллегия по уголовным делам

установила

По обвинительному заключению Мандельштам вменяется в вину то, что он проводил антисоветскую агитацию.

Постановление Особого совещания подлежит отмене по следующим основаниям.

Конкретных обвинений Мандельштаму предъявлено не было.

По делу допрошен толькосам Мандельштам, который виновным себя не признал.

Какие-либо доказательства о проводимой им антисоветской агитации в деле отсутствуют.

При таких обстоятельствах следует признать, что осужден Мандельштам неправильно, в связи с чем постановление Особого совещания подлежит отмене, а дело прекращению производством.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам

***определелила**:*

Постановление Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР от 2-го августа 1938 года в отношении Мандельштама Осипа Эмильевича отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления в его действиях.

Председательствующий – Былинкина
Члены – Иванова, Владимирова

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-13864 (Мандельштам О.Э.). Л. 28–29. **Автограф Владимировой с тремя подписями. Список рассылки: «*1–3 – пр‹оизводст›во, 4 – дело, 5 – МВД, 6 – пр‹окурату›а, 7 – наряд*». См. другой экз-р в:** ***ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 19.***

‹13›
Извещение Н.Я. Мандельштам о посмертной реабилитации О.Э. Мандельштама, сделанное Прокурором отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Е.С. Никулиным 6 августа 1956 года

6.8.56
13/1–13471–55

г. Чебоксары, Чувашской АССР
ул. Кооперативная, 8, кв.16-а

МАНДЕЛЬШТАМ Н.Я.

Сообщаю, что по протесту Прокуратуры СССР постановление от 2 августа 1938 года Верховным судом СССР 31 июля 1956 года отменено и дело в отношении Мандельштам Осипа Эмильевича прекращено.

О результатах рассмотрения дела, по которому Мандельштам О.Э. был осужден в 1934 году, Вам будет сообщено дополнительно.

Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Никулин

2–3/V–нб.

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 17.
Заверенная копия, машинопись.

Итак, прошел почти целый год, прежде чем мандельштамовское дело добралось до Верховного Суда. По ходу выяснилось, что дел не одно, а два – 1934 и 1938 гг. Реабилитировать О.М. сразу и окончательно по обоим делам – возможным всё же не сочли и ограничились тем, что – определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 июля 1956 года оно было «*прекращено производством за отсутствием состава преступления*» – сняли с поэта «пятно» лишь второго дела: Э.Г.Герштейн, сопровождавшая Н.М. в прокуратуру, вспоминала с ее слов, что это «дело» умещалось в тоненькой папке: поэту якобы вменялось в вину, что в 1937–1938 годах, незаконно ночуя у друзей в Москве и Ленинграде, он грубо нарушал предписанный ему паспортный режим; кроме того, он ходил по редакциям и забрасывал их своими стихами[1].

Где-то в начале июня 1956 года – возможно, вследствие своего майского письма – Надежда Яковлевна впервые побывала в прокуратуре.[2] Там ей открыли глаза на проблему существования двух мандельштамовских дел и на вытекающие из этого последствия, в частности, на необходимость второго разбирательства.

20 июня 1956 года Надежда Яковлевна написала Суркову:

Положительное решение прокуратуры есть. Дело за формальностями. Я должна была подать

1 В самом надзорном деле этих подробностей и деталей нет, но их вполне могли привести Надежде Яковлевне и Эмме Григорьевне представители прокуратуры, знакомые, в отличие от вдовы и ее подруги, с самим следственным делом.

2 Как и Союз писателей, Прокуратура размещалась на ул. Воровского.

два заявления, а не одно, так как было два дела: 1934 – высылка 3 года; 1938 – 5 лет. В обоих случаях – стихотворение против культа личности. Второе «повторное». Протест прокуратуры должен быть послан шестого июня. Прокурор – Климова (Пушкинская, 15а; дело № 13/1–13471–55) сказала мне, чтобы я не беспокоилась. Но мне очень больно, что это всё так долго тянется. Как это вынести? Ведь теперь ясно всё.[1]

Всё уже ясно?
Ну-ну…

3
Отказ в реабилитации 1956 года по делу 1934 года

Ко времени, когда Анне Андреевне с Надеждой Яковлевной примерещились в подворотнях «шпики, которые за них», по крайней мере одной из них уже было что сказать о реалиях реабилитации и было с чем сравнивать. Задолго до этого летнего дня 1955 года, 8 февраля 1954 года (и, по всей видимости, одной из самых первых), Ахматова обратилась к Клименту Ворошилову с заявлением о реабилитацию своего сына – мольбой о его спасении:

8 февраля 1954 ‹года›

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Умоляю Вас спасти моего единственного сына, который находится в

1 Ф. 1899. Оп. 1. Д. 418. Л. 1–7. Впервые: Три письма Надежды Мандельштам к Алексею Суркову / Публ. С. Шумихина // Окна (Приложение к газ. «Вести»). 1999, Тель-Авив. 2 дек. С. 34.

исправительно-трудовом лагере (Омск, п/я 125) и стал там инвалидом.

Лев Николаевич Гумилев (1912 г. р.) был арестован в Ленинграде 6 ноября 1949 г. органами МГБ и приговорен Особым Совещанием к 10 годам заключения в ИТЛ.

Ни одно из предъявленных ему на следствии обвинений не подтвердилось – он писал мне об этом. Однако Особое Совещание нашло возможным осудить его.

Сын мой отбывает срок наказания вторично. В марте 1938 года, когда он был студентом 4-го курса исторического факультета Ленинградского университета, он был арестован органами МВД и осужден Особым Совещанием на 5 лет. Этот срок наказания он отбыл в Норильске. По окончании срока он работал в качестве вольнонаемного в Туруханске. В 1944 году, после его настойчивых просьб, он был отпущен на фронт добровольцем. Он служил в рядах Советской Армии солдатом и участвовал в штурме Берлина (имел медаль «За взятие Берлина»).

После Победы он вернулся в Ленинград, где в короткий срок окончил университет и защитил кандидатскую диссертацию. С 1949 г. служил в Этнографическом музее в Ленинграде в качестве старшего научного сотрудника.

О том, какую ценность для советской исторической науки представляет его научная деятельность, можно справиться ‹у› его учителей – директора Государственного Эрмитажа М.И. Артамонова и профессора Н.В. Кюнера.

Сыну моему теперь 41 год, и он мог бы еще

потрудиться на благо своей Родины, занимаясь любимым делом.

Дорогой Климент Ефремович! Помогите нам! До самого последнего времени я, несмотря на свое горе, была еще в состоянии работать – я перевела для юбилейного издания сочинений Виктора Гюго драму «Марьон Делорм» и две поэмы великого китайского поэта Цю-й-юаня. Но чувствую, что силы меня покидают: мне больше 60-ти лет, я перенесла тяжелый инфаркт, отчаяние меня разрушает. Единственное, что могло бы поддержать мои силы – это возвращение моего сына, страдающего, я уверена в этом, без вины.

Анна Ахматова[1]

Председатель Президиума Верховного Совета СССР наложил тогда на письмо Ахматовой следующую резолюцию Генпрокурору: «*Руденко Р.А. Прошу рассмотреть и помочь. К. Ворошилов. 12.II.54*». 6 июля 1954 года, то есть приблизительно через пять месяцев, Ворошилов получил от Руденко ответ – с обоснованием отказа в просьбе Ахматовой, а с учетом резолюции Ворошилова – отказа и в его просьбе:

Произведенной проверкой дела по обвинению Гумилева Льва Николаевича установлено, что он 13 сентября 1950 года бывшим Особым Совещанием при МГБ СССР был осужден за принадлежность к антисоветской группе, террористические намерения и антисоветскую агитацию к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

1 Реабилитация: как это было, 2000. С. 91–92, со ссылкой на ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 251. Л. 16–16 об (первопубликация: Шпион. 1994. № 3. С. 20–21).

Ранее, 26 июля 1939 года он был осужден Особым Совещанием при НКВД СССР за участие в 1937 году в антисоветской группе к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

На следствии в 1949–1950 гг. Гумилев показал, что антисоветские взгляды у него возникли еще в 1933 году под влиянием антисоветски настроенных поэта Мандельштама и отчима Гумилева – Пунина. Он и Пунин сгруппировали вокруг себя единомышленников в лице студентов Борина, Полякова, Махаева и к 1934 году у них сложилась антисоветская группа. Практически они на его, Гумилева, квартире неоднократно высказывали различные клеветнические измышления в отношении руководителей партии и правительства, охаивали условия жизни в Советском Союзе, обсуждали методы борьбы против советской власти и вопрос о возможности применения террора в борьбе против Советского правительства, читали стихи контрреволюционного содержания. Он, Гумилев, читал сочиненный им в связи с убийством С.М. Кирова такого же характера пасквиль «Экабатана», в котором возводил гнусную клевету на И.В. Сталина и С.М. Кирова. Он же высказывался за необходимость установления в СССР монархических порядков.

По поводу антисоветской деятельности в период 1945–1948 гг. Гумилев показал, что после освобождения его из места заключения в 1944 году его взгляды оставались враждебными советской власти, он клеветал на карательную политику советской власти и в антисоветском духе высказывался в отношении отдельных

мероприятий ВКП(б) и Советского правительства.

Так, после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» он осуждал это постановление, заявлял, что в Советском Союзе нет свободы печати, что настоящему писателю делать нечего, ибо нужно писать так, как приказывают – по стандарту.

Факты антисоветской деятельности Гумилева, изложенные в его показаниях, подтверждаются показаниями Пунина, Борина, Полякова, Махаева, Мандельштама[1] *и Шумовского.*

В 1951 году Гумилев обращался с просьбой пересмотреть решение по его делу, указывая, что его осуждение явилось результатом отрицательного отношения к его матери – поэтессе Ахматовой, а также отрицательного отношения к нему, как к молодому ученому-востоковеду.

В пересмотре решения Особого Совещания Главным Военным Прокурором Гумилеву было отказано.

Ахматова в жалобе на Ваше имя написала, что предъявленное Гумилеву Л.Н. обвинение на следствии не подтвердилось, однако, это ее утверждение не соответствует действительности.

Исходя из того, что Гумилев Л.Н. осужден правильно, Центральная Комиссия по пересмотру уголовных дел 14 июня 1954 года приняла решение отказать Ахматовой А.А. в ее ходатайстве о пересмотре решения Особого Совещания при МГБ

---

1 Похоже на то, что следователи, готовя ответ, привлекали для этого дело и самого Мандельштама 1934 г., где тот называл в числе слушателей антисталинского «пасквиля» и Льва Гумилева.

СССР от 13 сентября 1950 года по делу ее сына – Гумилева Льва Николаевича.

Действительный государственный советник юстиции Р. Руденко[1]

Надо сказать, что и вообще полная реабилитация была всё же не правилом, а исключением. Так, по состоянию на 1 апреля 1955 года, из 237412 заново рассмотренных уголовных дел на осужденных лиц в 125202 случаях, или в 52,7 %, было отказано в пересмотре. И лишь в 8973 случаях (или в 3,8 %!) решения были действительно пересмотрены и дела полностью прекращены[2].

Так что (забежим слегка вперед!) «внутримандельштамовская» статистика – реабилитация по одному делу и отказ в реабилитации по другому – это, в общем, неплохо для своего времени и соответствует общесоюзной картине.

‹1›
Заявление Н.Я. Мандельштам (начало июня 1956 года) в Прокуратуру СССР о пересмотре и посмертной реабилитации Мандельштама О.Э. по делу 1934 года

В Прокуратуру СССР

вдовы поэта Мандельштама Осипа Эмильевича
Мандельштам Надежды Яковлевны

1 Реабилитация: как это было, 2000. С. 159–160, со ссылкой на ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 251. Л. 17–18 (первопубликация: Шпион. 1994. № 3. С. 22–23).

2 Докладная записка Р.А. Руденко в ЦК КПСС о результатах работы Центральной комиссии по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении» (Реабилитация: как это было, 2000. С. 212, со ссылкой на: АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 39.). Не вполне ясно, входят ли в эту статистику и те осужденные, кого к этому времени уже не было в живых.

ЗАЯВЛЕНИЕ

У вас в приемной я узнала, что муж мой – Мандельштам Осип Эмильевич был осужден не только в 1938 году, но и в мае 1934 года (что я считала административной высылкой). Приговор Особого Совещания в 1934 году – три года высылки в Чердынь, замененной высылкой в Воронеж.

Я прошу Прокуратуру пересмотреть и дело 1934 года, так как знаю, что Мандельштам был совершенно невиновен, а выслали его за стихотворение против культа личности, которое он имел неосторожность прочесть нескольким людям из ближайшего окружения. Прошу о посмертной реабилитации.

Мандельштам Н.Я.

Чебоксары, Кооперативная, 10, кв. 13 (дом Пединститута).

‹…› июня 1956 г.

Дело № 13/1–13471

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 12. **Машинопись; последняя фраза, подпись и дата (из-за сгиба полностью не прочитывается) – автограф (фиолетовые чернила). С надпечаткой (вверху): «С приема.** ***Подпись.*** **6/VII–56». Датируется интервалом времени между 1 и 3 июня 1956 г.**

‹2›

Сопроводительное письмо от 25 июля 1956 года к

пересылке документов для приобщения к оперативно-следственному делу О.Э. Мандельштама № 604671

Секретно
СССР
КГБ при СМ СССР

Уч‹етно›-арх‹ивный› отдел
25 июля 1956 г.
№
Москва

Начальнику с‹екретного› отделения
учетно-архивного отдела КГБ при СМ СССР
подполковнику т. Кирину

Направляются архивные материалы, согласно справки № 23[1], для приобщения к оперативно-следственному делу № 604671(по обвинению Мандельштамп[2] Осипа Эмильевича).

Начальник 7 отделения подполковник Демин

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 39.

‹3›

Постановление прокурора отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности старшего советника юстиции А. Федорова от 24 октября 1956 года о признании

1 Справка № 23 о контрреволюционных стихотворениях «Холодная весна» и «Мы живем» О. Мандельштама от 2 июля 1935 г., выданная оперуполномоченным УСО ГУГБ Кравцовым, находится в следственном деле О.Э. Мандельштама 1934 г. (ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 40–41 и 42–49).

2 Так в тексте.

обоснованным постановления особого совещания об О.Э. Мандельштаме от 26 мая 1934 года и об оставлении ходатайства Н.Я. Мандельштам о его реабилитации без удовлетворения

Секретно, в н/пр на 6 листах

Согласен
Зам. Н‹ачальни›ка отдела
по надзору за
следствием в
органах госбезопасности Постановление
Государ‹ственный› Сов‹етник› юстиции
3 класса 1956 года Октября 24 дня
октября 24 дня 56 г. прокурор отдела по надзору
гор. Москва за следствием в органах
госбезопасности стар‹ший› советник юстиции А. Федоров, рассмотрев дело по обвинению Мандельштам

Нашел:

Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 26 Мая 1934 года по ст. 58-10 УК РСФСР осужден к ссылке в гор. Чердынь сроком на 3 года. Затем постановлением особого совещания от 10 июня 1934 г. лишен права проживания в Москов‹ской›, Ленингр‹адской› областях, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове, Пятигорске, Минске, Тифлисе, Баку, Хабаровске и Свердловске на оставшийся срок[1].

1 Так называемый режим «минус двенадцать». Документы, регламентирующие применение этого и других различных режимов, до сих пор не рассекречены.

Мандельштам Осип Эмильевич
1891 года рождения, беспартийный,
ранее несудимый, сын купца
1-ой гильдии, литератор, до ареста
нигде не служил.

Мандельштам обвинялся в том, что занимался составлением и распространением антисоветских произведений.

Дело затребовано по тяжбе жены осужденного гр. Мандельштам Н.Я., которая просит о пересмотре дела и реабилитации мужа.

По учету 1-го спецотдела МВД СССР Мандельштам умер в 1938 году.

Рассмотрев дело, нахожу: постановление особого совещания по делу Мандельштама обосновано и жалоба гр. Мандельштам является неосновательной.

На предварительном следствии Мандельштам показал: «Да, я признаю себя виновным в том, что я являюсь автором контрреволюционного пасквиля против вождя Коммунистической партии и Советской страны. Я прошу разрешить мне отдельно написать этот пасквиль и дать его как приложение к настоящему протоколу допроса» (л. д. 12).

Содержание пасквиля

Мы живем, под собою не чуя страны
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца
Там припоминают кремлевского горца.

Его толстые пальцы как черви жирны,
И слова как пудовые гири верны,
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову дарит за указом указ,
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз,
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

(л. д. 23).

На предварительном следствии Мандельштам показал, что означенный пасквиль он читал родственникам и знакомым и подробно указал их фамилии.

(л. д. 12)
Содержание другого пасквиля

Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым
Как был при Врангеле, такой же виноватый,
Комочки на земле, на рубищах заплаты,
Всё тот же кисленький, кусающийся дым,
Всё также хороша рассеянная даль,
Деревья почками набухшие на малость,
Стоят как пришлые и вызывают жалость
Пасхальной глупостью украшенный миндаль
Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украйны и Кубани
На войлочной земле голодные крестьяне

Калитку стерегут не трогая кольца.
Лето 32 года, Москва
После Крыма
О. Мандельштам

(л. д. 16).

Вина Мандельштама доказана, осужден он правильно и нет оснований для пересмотра.

Руководствуясь ст. 428 УПК РСФСР,
Постановил:

Жалобу Мандельштам Н.Я. оставить без удовлетворения, о чем ей сообщить.
Дело возвратить по миновании надобности.

Прокурор Москвы,
Ст‹арший› советник юстиции А. Федоров

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 20–25. **Рукопись (синие чернила), с подписью и датой. Помета: «24.10.56. С. Анкудинов».**

‹3›
Извещение Н.Я. Мандельштам об отказе в посмертной реабилитации О.Э. Мандельштама, сделанное Прокурором отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности А. Федоровым 29 октября 1956 года

29 октября 56
13/1–13471–55

Гр. МАНДЕЛЬШТАМ Н.Я.

г. Чебоксары, Чувашской АССР,
ул. Кооперативная, 8, кв. 16-а

Сообщаю, что по Вашей жалобе дело, по которому осужден 26 мая 1934 года Ваш муж – Мандельштам О.Э., проверено.

Установлено, что осужден Мандельштам правильно и нет оснований для протеста.

Ваша жалоба по делу Мандельштам оставлена без удовлетворения.

Прокурор отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности старший советник юстиции /Федоров/

26–27.X.рс

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 27. **Машинописная копия. Помета: «В 4 отдел.** ***Подпись*. 29/X 56».**

Итак, обескураживающий результат: О.М. по первому делу в октябре 1956 года не реабилитировали! Но не реабилитировали ровным счетом за то же самое, за что реабилитировали в июле по второму!

Что же произошло в эти неполные три месяца, если не только решение (кстати, внесудебное), но и сама лексика прокурорской речи – те же самые «пасквиль», «тяжба», – столь радикально изменились?

Быть может, одно из заседаний еще одной Комиссии ЦК КПСС – по изучению материалов открытых судебных процессов 30-х гг., под председательством Молотова? Созданная в апреле 1956 года, она выгородила большой загон, где для реабилитации по-прежнему не было места: троцкисты и бухаринцы. В результате ее работы в моду всё больше входило словосочетание: «Оснований для пересмотра не

имеется». И в конце октября 1956 года она уже наверняка приближалась к тем выводам и формулировкам, что легли в основу итогового доклада Комиссии от 10 декабря.[1]

Или же молниеносно сказались венгерские ли события, начало которых пришлось на 23 октября и практически совпало с завершением этого витка мандельштамовской реабилитации, а точнее, как в данном случае, не-реабилитации?..

4
Реабилитация 1987 года по делу 1934 года

Окончательная реабилитация Осипа Мандельштама по его «первому делу» – делу 1934 года – состоялась в 1987 году. И это, во многом, заслуга Роберта Ивановича Рождественского – третьего председателя Комиссии по литературному наследию О.М.[2].

Пишущий эти строки был ответственным секретарем этой комиссии, – и вот история второй реабилитации, какой она предстает из общения секретаря с председателем и из тонюсенького «реабилитационного дела» О.М., хранившегося в Верховном суде СССР[3].

Самое интересное, что, обращаясь 11 марта 1987 года к Генеральному прокурору СССР А.М. Рекункову, Рождественский хлопотал вовсе не о реабилитации: суть просьбы была в выяснении судьбы архива поэта, изъятого у него при арестах.

Но бюрократические ходы иногда тоже бывают неисповедимыми.

Уже назавтра кто-то из помощников Рекункова

1 Реабилитация: как это было, 2000. С. 204–207. Со ссылкой на: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 446. Л. 53–60.

2 См. об этом подробнее: Нерлер П. Председатель Мандельштамовской комиссии // Роберт Рождественский: удостоверение личности. М., 2002. С. 407–414.

3 Ныне передано в ГАРФ.

переадресовал письмо В.И.Андрееву, начальнику отдела (впоследствии Управления) по надзору за исполнением законов в органах государственной безопасности, а 24 марта Рождественскому позвонили из Прокуратуры и устно предупредили, что письму его дан ход именно как инициации нового пересмотра мандельштамовского дела.

‹1›
Обращение Председателя Комиссии по литнаследию О.Э. Мандельштама при СП СССР Р.И. Рождественского от 11 марта 1987 года к Генеральному Прокурору СССР А.М. Рекункову с просьбой выяснения судьбы архива поэта, изъятого при аресте

Союз Писателей СССР
Правление

121825 Москва, ул. Воровского, 52 Тел. 291–63–07

№ *965* «*11*» *марта* 1*987* г.

Генеральному Прокурору СССР тов. Рекункову А.М.

Уважаемый Александр Михайлович!

В 1991 году исполняется сто лет со дня рождения прекрасного русского советского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. Обращаюсь к Вам от имени не так давно созданной Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама при СП СССР.

Наша просьба состоит вот в чем: нельзя ли

выяснить судьбу архива поэта, изъятого при его аресте 15 мая 1934 года? После Двадцатого Съезда КПСС О.Э. Мандельштам был посмертно реабилитирован, однако дальнейшая судьба его изъятых рукописей до сих пор никому неизвестна.

Возвращение этих материалов, их тщательное изучение было бы крайне важно для нашей культуры, тем более, что к столетнему юбилею поэта в ряде издательств готовятся к печати его книги, в том числе и второе издание лирики в популярной серии «Библиотека поэта».

Мы надеемся на Вашу помощь, Александр Михайлович, и желаем Вам всего самого доброго.

С уважением, *Р. Рождественский* Р. Рождественский

Секретарь Союза писателей СССР
Председатель Комиссии по литнаследию
О.Э. Мандельштама при СП СССР.

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 30. **Штамп внизу: «Прокуратура СССР. 11.03.87.** ***Подпись. 12/III 87*». Резолюция неустановленного лица (зеленые чернила): «*Т. Андрееву В.И. Прошу Вас разобраться по этому вопросу и дать для Рекункова А.М. 12.3.87*». Помета неустановленного лица (черные чернила): «*т. Рождественскому Р.И. сообщено по телефону, что в связи с его обращением будет произведена проверка обоснованности осуждения Мандельштама и о результатах ему будет сообщено. Подпись. 24.03.87*».**

Андреев взялся за дело довольно-таки решительно:

затребовав, получив и изучив все предыдущие реабилитационные материалы из своего ведомства, он 30 июня обратился в КГБ. Просьб к генерал-майору Баркову у него было две: одна – о дополнительном расследовании судьбы и местонахождения рукописей Мандельштама, в количестве 48 листов, изъятых при первом аресте (она, собственно, и была сформулирована в письме Р.И.Рождественского), другая – о пересмотре дела 1934 года в целом.

Без заключения следственного органа процедура реабилитации невозможна.

‹2›

Распоряжение начальника Отдела по надзору за исполнением законов в органах государственной безопасности государственного советника юстиции 2 класса В.И.Андреева от 30 июня 1987 года начальнику Следственного отдела КГБ СССР генерал-майору Л.И. Баркову о проведении дополнительной должностной проверки обвинений против О.Э. Мандельштама и судьбы его архива, изъятого при аресте в 1934 году

Прокуратура СССР
Секретно
Экз. № 1

Начальнику следственного
отдела КГБ СССР
генерал-майору
Баркову Л.И.

30.06.87
№ 13–471–55 / 548 с.

О проведении дополнительного расследования по делу Мандельштама О.Э.

В связи с письмом Союза писателей СССР о розыске изъятых в 1934 году при обыске рукописей поэта Мандельштама О.Э. в Прокуратуре Союза ССР в порядке надзора проверено архивное уголовное дело в отношении Мандельштама О.Э.

Установлено, что постановлением Особого Совещания Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 года Мандельштам Осип Эмильевич выслан в г. Чердынь сроком на три года, а постановлением того же Особого Совещания от 10 июня 1934 года во изменение прежнего постановления он лишен права проживания в Московской, Ленинградской областях, городах Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Минске, Тифлисе, Баку, Хабаровске и Свердловске на оставшийся срок.

По обвинительному заключению Мандельштаму вменялось в вину то, что он занимался составлением и распространением контрреволюционных литературных произведений, т. е. совершение преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР.

Обвинение Мандельштама в антисоветской агитации и пропаганде основано на его показаниях, данных на предварительном следствии, в которых он признал себя виновным (л. д. 4–5, 9–17). Других доказательств его вины в деле не имеется. Родственники и знакомые Мандельштама, которым он читал свои произведения, по делу не допрашивались.

В связи с изложенным прошу Вас организовать

по делу дополнительную проверку обоснованности привлечения к уголовной ответственности Мандельштама О.Э. и установить место нахождения его рукописей, в количестве 48 листов, изъятых при обыске 16 мая 1934 года.

Материалы дополнительной проверки с Вашим заключением прошу представить в Прокуратуру Союза ССР.

Приложение: архивные уголовные дела № Н-9284 и Р-13864 в отношении Мандельштама О.Э., всего в двух томах, секретно, от н‹ашего› /вх‹одящего› № 13/4873/с.

Начальник Отдела
государственный советник
юстиции 2 класса *В.И. Андреев*

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 50–51.* Со штемпелем регистрации: «Следственный отдел КГБ СССР. Входящий № *22/3877* от *6.07.87*» и тремя резолюциями: «*Тов. Палкину Ф.Г. Прошу провести дополнительную проверку по данному делу. А. Барков. 6.VII.87*», «*Тов. Насонову К.Г. Для организации исполнения указаний начальника отдела пр‹ошу› переговорить. Расторгуев. 6.07*», «*Т. Панфилову Д.А. На исполнение. 7.VII.87*». Другой экз-р: *ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 33–34.* В конце письма – помета: «В н/п. К– 01.08.87»**

В какой-то момент само письмо Рождественского, видимо, затерялось в дебрях Прокуратуры, – иначе не объяснить наличия в реабилитационном деле второго обращения, от 14

июля 1987 года[1], практически идентичного первоначальному, от 11 марта (оно потом нашлось).

‹3›
Обращение Председателя Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама при СП СССР Р.И. Рождественского от 14 июля 1987 года к Генеральному Прокурору СССР А.М. Рекункову с просьбой выяснения судьбы архива поэта, изъятого при аресте

Союз Писателей СССР
Правление

121825 Москва, ул. Воровского, 52 Тел. 291–63–07

№ *2436* «*14*» *июля* 19*87* г.

Генеральному Прокурору СССР тов. Рекункову А.М.

Уважаемый Александр Михайлович!

В 1991 году исполняется сто лет со дня рождения прекрасного русского советского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. И я обращаюсь к Вам от имени не так давно созданной Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама при СП СССР.

Наша просьба состоит вот в чем: нельзя ли выяснить судьбу архива поэта, изъятого при его

---

1 ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 44. Машинопись, подпись – автограф. Надпечатка внизу: «Прокуратура СССР. 15.7.87. Подпись». Помета неустановленного лица (черные чернила): «т. Рождественскому Р.И. сообщено по телефону, что Верховным Судом СССР 28.10.87 Мандельштам О.Э. полностью реабилитирован. Подпись. 29.10.87».

аресте 19 мая 1934 года? После Двадцатого Съезда КПСС О.Э. Мандельштам был посмертно реабилитирован, однако дальнейшая судьба его изъятых рукописей до сих пор никому не известна.

Возвращение этих материалов, их тщательное изучение было бы крайне важно для нашей культуры, тем более, что к столетнему юбилею поэта в ряде издательств готовятся к печати его книги, в том числе и второе издание лирики в популярной серии «Библиотека поэта».

Мы надеемся на Вашу помощь, Александр Михайлович, и желаем Вам всего самого доброго.

С уважением, *Р. Рождественский* Р. Рождественский

Секретарь Союза писателей СССР
Председатель Комиссии по литнаследию
О.Э. Мандельштама при СП СССР

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 44. **Оригинал (практически идентичный обращению от *11.3.1987*). Машинопись. Штамп внизу: «Прокуратура СССР. *15.7.87. Подпись*». Помета неустановленного лица (черные чернила): «*т. Рождественскому Р.И. сообщено по телефону, что Верховным Судом СССР 28.10.87 Мандельштам О.Э. полностью реабилитирован. Подпись. 29.10.87*».**

Именно на втором обращении Рождественского со временем и была сделана отметка о реабилитации как о состоявшемся факте, а главное – начиная с 13 июля (то есть даже не дожидаясь второго письма из Комиссии!) Прокуратура и КГБ приступили к непосредственным

действиям по подготовке реабилитации О.М. Работа эта была поручена как минимум двум исполнителям – старшему следователю Следственного отдела КГБ майору юстиции Д.А. Панфилову и помощнику начальника Следственного отдела КГБ СССР полковник юстиции К.Г. Насонову.

Панфилов в первую очередь занялся самообразованием и ознакомился со статьями об О.М. в «Советском энциклопедическом словаре» и с предисловием А. Дымшица в «Библиотеке поэта», а также с Уголовным кодексом РСФСР, принятым 2-й сессией ВЦИК XII созыва и введенным в действие Постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 года – начиная с 1 января 1927 года. Вот почерпнутая из него формулировка статьи 58.10 с комментариями:

Статья 58.10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 58.2–58.9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой –

– лишение свободы на срок не менее шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою –

– меры социальной защиты, указанные в ст. 58.2 настоящего Кодекса.

Постатейные материалы к статье 58.10

§ 1. Обратить внимание судов на абсолютную

недопустимость расширительного применения ст. 58.10 УК. По ст.5810 УК должны квалифицироваться лишь действия, содержащие в себе прямые признаки, предусмотренные этой статьей и носящие контрреволюционный характер.

(Пост‹ановление› Пленума Верховного Суда РСФСР 16 декабря 1930, пр. № 16)[1] .

Но этого, разумеется, было недостаточно. При рассмотрении вопроса о реабилитации О.М. необходимо было учесть и книги его вдовы. Поэтому отдельного рассказа заслуживает трогательная история ознакомления следователей с этими опасными объектами. Помощник начальника следственного Отдела КГБ СССР подполковник А.Г. Губинский обратился к начальнику отдела Управления КГБ СССР полковнику Р.Е. Рыбину со следующей просьбой:

Согласно Информационного Бюллетеня Управления КГБ СССР № 5 1982, на Западе изданы книги супруги поэта – Мандельштам Н.Я. – «Воспоминания» и «Вторая книга».

На основании изложенного прошу Вашего указания проверить и сообщить в Следственный отдел КГБ СССР о наличии данных книг в отделе Управления КГБ СССР и в положительном случае направить их в наш адрес для проведения следственного осмотра.

По миновении надобности книги будут Вам возвращены.[2]

12 августа, после того как необходимые указания были

1 Соответствующие выписки и копии, заверенные самим Панфиловым 15, 20 июля, а также 20 августа 1987 г., также подшиты к делу (ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 52–57).

2 Там же. Л. 92.

получены и формальности соблюдены[1], состоялся собственно сеанс осмотра Панфиловым книг писательницы: начавшись в 9 утра, он закончился в 17.30[2]. При осмотре присутствовали двое понятых, которым было разъяснено их «*предусмотренное ст. 135 УПК РСФСР право делать замечания, подлежащие занесению в протокол, и обязанность удостоверить факт, содержание и результаты осмотра*». На ознакомление с самим делом О.М. (архивно-учетное дело № Р-13864), состоявшееся 21 августа, потребовалось всего два часа – от 9 до 11 утра[3].

Чекисты, видимо, ничего нового для себя из книг Н.М. не узнали. Поэтому к собственно следственным и розыскным действиям они приступили первыми и времени не теряли. Для начала они проверили «своих». 13 июля помощник начальника Следственного отдела КГБ СССР полковник юстиции К.Г. Насонов направил Начальнику отдела Управления кадров КГБ СССР полковнику В.П. Колесникову запрос № 15667:

> *В расследовании наст‹оящего› уголовного дела в 1934 году принимали участие сотрудники 4 отд‹еления› СПО ОГПУ – Шиваров, Герасимов и Вепринцев (других данных в деле не имеется).*
>
> *В связи с изложенным просим Вашего указания проверить и сообщить, не располагает ли Управление кадров КГБ СССР сведениями о нарушении указанными лицами соц‹иалистической› законности, а также установочные данные на них.*[4]

Ответ пришел через две с половиной недели – 30 июля

1 Там же. Л. 97–98.
2 Там же. Л. 99–101.
3 Там же. Л. 102–103.
4 Письмо помощника начальника Следственного отдела КГБ СССР полковника юстиции К.Г. Насонова Начальнику отдела Управления кадров КГБ СССР полковнику В.П. Колесникову № 6/13341 от 13 июля 1987 г. с приложением запроса № 15667 (Там же. Л. 82).

1987 года – из Центрально-оперативного архива КГБ. Начальник этого архива полковник Н.К. Грищенко сообщал, что «*сведений о нарушении соц-законности Шиваровым Н.Х. и Вепринцевым С.Н. в материалах б‹ывшей› Особой инспекции УК КГБ СССР не имеется*»[1], а «*проверить Герасимова без дополнительных установочных данных не представляется возможным*»[2].

На отдельном формуляре была заполнена, в соответствии с запросом, следующая справка:

> *1. Шиваров Николай Христофорович, 1898 года рождения, урож. г. Пещеры (Болгария), на 1934 г. – оперуполномоч‹енный› 4 отделения СПО ГУГБ НКВД, на 1935 – ст. лейт‹енант› госбезопасности, на 1937 – зам. нач‹альника› 4 отдела НКВД Свердловской области, приказом НКВД СССР № 1961 от 21.10.1937 уволен по ст. 38, п. «в».*
>
> *2. Вепринцев Сергей Николаевич, 1893 г. р., уроженец Москвы, на 1934 – уполномоченный 4 отделения н/шт*[3] *СПО ГУГБ НКВД, 1937 – лей-т ГБ, приказом № 315 от 21.‹…›.1939 уволен по ст. 38, п. «в». Последнее место службы на 1939 г. – уполномоченный по н/шт СПО ГУГБ НКВД.*[4]

В тот же день – 13 июля – Насонов обратился и во все региональные управления КГБ СССР, к которым О.М. имел или мог иметь хоть какое-то касательство. Так, запрос в Воронеж выглядел так:

> *Из материалов уголовного дела*

---

1 Напомним, что Шиваров – за отсутствием состава преступления (это у него-то!) – был определением Военного трибунала Московского военного округа от 27 июня 1957 г. реабилитирован.

2 Письмо начальника ЦОА КГБ СССР полковника Н.К. Грищенко № 10/АН–01138 (ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 83).

3 Нештатный.

4 ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 84. Исполнитель Л.Н. Иваншинкина.

усматривается, что после отбытия наказания до 1938 г. Мандельштам О.Э. проживал в гор. Воронеже.

В связи с изложенным прошу Вашего указания проверить и сообщить, не располагает ли отделение Управления КГБ СССР по Воронежской обл. архивными материалами в отношении Мандельштама О.Э., и в положительном случае направить их в наш адрес.

По миновании надобности материалы будут Вам возвращены.[1]

23 июля Воронеж уже ответил: «*Направляем вам спецпроверку УКГБ–УВД по Воронежской области в отношении Мандельштама О.Э. Материалов в Управлении на него не имеется. 23 июля 1987*». К ответу была приложена справка за подписью начальника спецгруппы подполковника Ф.Ф. Соловьева: «*Есть Иосиф Эмильевич, 1891, о/с* [2] *при Кол‹легии› ОГПУ 10/6 34: лишен права проживания в Московской, Ленинградской областях, Киеве, Одессе, Ростове, Пятигорске, Минске, Тбилиси, Баку, Харькове, Хабаровске и Свердловске на оставшийся срок без прикрепления. От регистрации освобожден*»[3] (кстати, то обстоятельство, что О.М. в ссылке был официально освобожден от регистрации, ранее не было известно, – по существу, в сочетании с предоставленным О.М. в Чердыни правом выбора по своему усмотрению города дальнейшего отбывания ссылки, это не что иное как замена ссылки высылкой, то есть серьезное смягчение режима).

Из Перми ответили, что «*УКГБ СССР по Пермской*

---

1 Письмо № 6/3339 Начальнику Управления КГБ СССР по Воронежской области, генерал-майору Борисенко А.И. Адресат наложил на него резолюцию: «тт. Соловьеву Ф.Ф., Базарову В.И.

К исполнению. Кр‹атко› доложить. 21/VII–87 А. Борисенко» (Там же. Л. 85).

2 Осужден.

3 При письме штемпели: «Информ‹ационный› центр УВД Воронежской области. По фонду регистрационных дел не значится. По фонду прекращенных уголовных дел не значится» (ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 85 об.–86).

области архивными материалами в отношении Мандельштама О.Э. не располагает. По ИЦ[1] *УВД Пермского облисполкома в отношении его сведений также нет*»[2].

То же – из Чебоксар: «*В отношении Мандельштам О.Э. Сообщаем, что Мандельштам О.Э. по учетам группы КГБ Чувашской АССР не проходит, архивными материалами на него не располагаем*»[3].

Не будет преуменьшением сказать, что запросы в регионы ничего ценного не принесли (кстати, точно такие же – нулевые – результаты дали и усилия, предпринятые в 2006 году, уже по нашей просьбе. И ЦА ФСБ, и ЦА МВД разослали тогда запросы в свои Пермское и Воронежское областные управления о возможном наличии у них оперативных или иных материалов об О.Э. Мандельштаме. Письма, полученные из этих управлений летом 2006 года, содержали только отрицательные ответы).

Тем значимее и желаннее для следствия становились те, кто непосредственно знал О.М. и могли бы подтвердить или опровергнуть то или иное обвинение.

Но в 1987 году оставалось уже не так много таких людей: но кто именно и к кому обратиться?

В письме начальника следственного отдела КГБ СССР Л.И. Баркова[4] начальнику Управления КГБ СССР генерал-лейтенанту И.П. Абрамову от 27 июля 1987 года сквозит даже легкая растерянность по этому поводу:

> *По делу сам Мандельштам допрашивался дважды. Свидетельских показаний в материалах дела не имеется. Родственники Мандельштама умерли. Судьба знавших его лично людей не*

1 Информационный центр.

2 ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 86–87.

3 Из письма начальника КГБ Чувашской АССР генерал-майора А.Я. Позднякова К.Г. Насонову от 11 августа 1987 г. (Там же. Л. 89). Поводом же для данного запроса, очевидно, послужило следующее допущение Насонова: Из материалов уголовного дела усматривается, что в 1956 году Мандельштам О.Э. вместе со своей супругой – Мандельштам Н.Я. – проживал в г. Чебоксары, ул. Кооперативная, д. 8, кв. 169.

4 Барков Леонид Иванович (1928 – ?) – в органах с 1946 г. Возглавлял Следственный отдел КГБ с декабря 1986 по январь 1989 гг.

известна. В этой связи в настоящее время сделать вывод об авторстве и виновности Мандельштама О.Э. в составлении и распространении инкриминируемых ему в 1934 г. стихотворений затруднительно. ‹...›

На основании изложенного прошу Вашего указания об установлении лиц, знавших Мандельштама по совместной творческой деятельности, изучающих его наследие, которых можно было бы допросить в качестве свидетелей по интересующим следствие вопросам.[1]

Немного успокоил его ответ заместителя начальника Управления генерал-майор Ю.В. Денисова от 14 августа 1987 года:

Сообщаем, что в январе 1986 года Правление ССП создало Комиссию по литературно-творческому наследию О. Мандельштама, в состав которой вошли следующие писатели ‹перечислены›.

Кроме того, для решения организационных вопросов в Комиссию включены Андрианова О.В., Нерлер П.М. (отв. секретарь) и Штемпель Н.Е.

По информации Рождественского, из числа членов Комиссии близко знал

О. Мандельштама только Каверин Вениамин Александрович, 1902 г. р. Однако в силу его преклонного возраста проведение беседы с ним затруднено.

Выяснено также, что отдельные встречи с Мандельштамом имели московский драматург Прут Иосиф Леонидович и ленинградский историк Гумилев Лев Николаевич.

1 Там же. Л. 93.

Для сведения сообщаем, что зам. директора ЦГАЛИ Сиротинская Ираида Павловна привлекалась в 1984 г. Управлением КГБ СССР для оценки отдельных архивных материалов Мандельштама.[1]

Одновременно Панфилов направил в Центральное адресное бюро Управления милиции г. Москвы несколько запросов относительно актуальных адресов лиц, упоминаемых в следственных делах[2].

Эти запросы принесли несколько удивительный результат: среди тех, чьи имена и адреса не значились в картотеке милиции, были как умершие к тому времени М.С. Петровых, Е.Я. Хазин, А.Э. Мандельштам, Е.Э. Мандельштам и В.И. Нарбут, так и здравствовавшая Э.Г. Герштейн. Вместо Б.С. Кузина отыскался его полный однофамилец, но 1945 года рождения и проживавший в Серпухове. По поводу Н.Я. Мандельштам было получено даже два ответа (второй из Дирекции по эксплуатации зданий № 3 Севастопольского района г. Москвы): они содержали адрес ее кооперативной квартиры на Большой Черемушкинской, а также дату прописки – с 13 декабря 1965 года (данные на апрель 1978 года). Не было адресных сведений и о двух чекистах, представлявших в деле Мандельштама ОГПУ, – ни о Сергее Николаевиче Вепринцеве, арестовывавшем поэта, ни о Николае Христофоровиче Шиварове, допрашивавшем его.

Тогда Панфилов обратился к трем экспертам, хорошо, как ему представлялось, знавши Мандельштама: двум москвичам – писателю Вениамину Каверину и драматургу Иосифу Пруту и одному ленинградцу – историку Льву Гумилеву[3]. Первые двое представили свои письменные отзывы, датированные 13 и 14 июля, а Гумилев дал свой отзыв во время устной беседы

1 Там же. Л. 94.
2 Там же. Л. 58–68.
3 Почему он не обратился к той же Эмме Григорьевне Герштейн, например, – загадка!

с Панфиловым (строго и формально говоря – допроса[4]).

Так уж сложилось, что именно в это время Гумилев был не в Ленинграде, а в Москве, где его уже искали, да еще и со статьей 127 Уголовно-процессуального кодекса!

‹4›
Отзыв В.А. Каверина от 13 августа 1987 года

В следственный отдел КГБ СССР
В. Каверин

Отзыв

Я знал О.Э. Мандельштама с 1920 или 21 года, когда я мальчиком или юношей явился к нему с моими стихами. Он внимательно прочел их при мне, и я был поражен прямотой его отзыва. Он прямо сказал мне, что мои надежды на поэтическое будущее совершенно неосновательны, и посоветовал мне бросить писать стихи. Эта прямота, как я выяснил впоследствии, была характерной чертой Мандельштама. Он никогда не скрывал того, что он думал, и всегда откровенно сообщал свои мысли собеседнику. Мы были люди разного возраста, но впоследствии, будучи учеником и другом Ю.Н. Тынянова, я стал довольно часто встречаться с Мандельштамом, который любил и ценил моего учителя и друга. Тынянов был самого высокого мнения о поэзии Мандельштама и, разумеется, не он один. Прошло много лет с тех пор, как появились его произведения, и теперь каждый русский литератор

4 Странно, что Д.А. Панфилов пригласил именно Л.Н. Гумилева, старого лагерника со стажем, именно на допрос.

считает, что не только его поэзия, но и проза, и теоретические статьи – бесспорное украшение русской литературы. Его благотворное влияние на многих молодых поэтов сказалось еще в 20-х годах и продолжает сказываться сегодня. Он принимал деятельное участие в литературной жизни первых двух десятилетий, прошедших после Октябрьской революции, и никогда я не слышал от него ни одного слова, которое бы указывало на то, что он не принимает революцию и не уверен в ее исторической необходимости, сказавшейся, между прочим, и на его собственном творчестве, как и на всей нашей литературе в целом. Таков он был как поэт. Что касается человеческих свойств его, то я бы назвал их несколько странными. Он был гордо независимый человек с высоко поднятой головой, без сомнения, высоко ценил себя, что не мешало ему быть отчаянно смелым. Жизнь он вел, можно сказать, несчастную: зарабатывал, главным образом, публикацией своих произведений и переводами, но часто ему приходилось брать деньги в долг у друзей. Человеку с его гордостью и даже надменностью это было, без сомнения, трудно, но в этом ему помогала его жена.

В конце 20-х годов он жил то в Москве, то в Ленинграде, не знаю даже, была ли у него отдельная квартира. Он был очень близок с Ахматовой, которая так потрясена была его смертью, что, сообщив о ней Тынянову (это было на моих глазах), не могла произнести ни одного слова и на все его вопросы отвечала молчанием, а потом ушла.

В 30-х годах я его почти не встречал. О том, что он написал стихотворение, безжалостно характеризовавшее Сталина, я узнал, когда Сталин

звонил Пастернаку и спрашивал его мнение о Мандельштаме. Со стороны Мандельштама это было поступком, совершенно невероятным по смелости, если вспомнить те времена. Не помню, когда именно я узнал об упомянутом стихотворении. Оно в рукописных списках ходило по рукам. Текста его у меня не было. Я прочитал его только лет десять назад. О его судьбе, о высылке в Воронеж мы, разумеется, сразу же узнали и, должен отметить, поразились мягкости приговора. Конечно, мы старались узнать о его положении в Воронеже и первое время получали довольно успокоительные вести. Говорили даже, что он где-то устроился на работу. Не знаю, правда ли это. Вторичный арест был совершенно неожиданным для всех, кто знал и ценил поэта. Но уже всем было ясно, что он едва ли вернется, уже потому, что никто не сомневался в том, что новый арест ни на чем не был основан. Так погиб Мандельштам.

Любой советский поэт согласится со мной, что эта потеря невознаградимая. Его творчество обозначило совершенно новую полосу в русской и мировой поэзии. Он погиб в расцвете лет и сил, и доброе имя его, без всякого сомнения, должно быть восстановлено.

Авторство Мандельштама в стихах против Сталина для меня несомненно. Никто не мог написать о Сталине с такой выразительностью и силой. Да и никто бы никогда не посмел.

Что касается мемуаров его жены, то я, одобрив с большими оговорками первую часть, решительно возразил против второй. Более того. Я написал открытое письмо Н.Я. Мандельштам, которое широко распространилось и в Сов‹етском› Союзе,

и за рубежом. В нем я обвинял ее во лжи, клевете, бессмысленном непризнании успехов советской литературы, которая продолжала жить, несмотря на тяжкие удары, нанесенные ей, о несправедливостях и грубостях по поводу таких замечательных писателей, как Тынянов и Булгаков.

Для меня совершенно ясно было, что эта книга продиктована злобой, чувством мщения за неудавшуюся жизнь и вообще мстительностью за ничтожные поступки писателей по отношению к Мандельштаму, поступки, которым она придавала болезненно-преувеличенное значение. Мое письмо было встречено за рубежом, можно сказать, в штыки. Против него выступили многие и, в частности, известный Никита Струве. Конечно, их возражения не убедили меня.

13 августа 1987 года.
В.А. Каверин *В. Каверин*

Отзыв получен от писателя Каверина Вениамина Александровича, 1902 года рождения, автора нравственно-психологических романов, члена Союза писателей СССР.

Ст. следователь Следственного отдела
КГБ СССР, майор юстиции Д.А. Панфилов

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 73–75.* Авторизованная машинопись.**

‹5›

Ответы И.Л. Прута на вопросы следователя Д.А. Панфилова от 13 августа 1987 года

В следственный отдел КГБ СССР

Ко мне обратился Ваш сотрудник, следователь т. Панфилов Дмитрий Анатольевич с просьбой ответить на ряд вопросов, связанных с моим знакомством с Осипом Эмильевичем Мандельштамом.

Вопрос первый: Мое отношение к Мандельштаму?

Я познакомился с Осипом Эмильевичем в 1925 году. Будучи журналистом, обслуживающим прессбюро нескольких московских газет, и дружа с рядом писателей, мне неоднократно приходилось присутствовать на выступлениях Мандельштама (в Кафе поэтов, лит‹ературно›-худ‹ожественном› кружке, Политехническом ин-те и др.), а также находиться в его обществе и после окончания вечеров поэзии. Он был на девять лет старше меня, всегда вызывал мое уважение своим безукоризненным поведением (в отличии от некоторых его коллег), удивлял тем успехом, который он имел в самой разнообразной аудитории. Я не могу считать себя знатоком стихосложения, но мне всегда казалось, что в стихах Мандельштама (казалось бы, так мало созвучных с громовыми раскатами революционной поэзии) была большая любовь его к России, к ее земле и ее культуре.

Вопрос второй: Его отношение к действительности тех лет.

На этот вопрос я некоторым образом ответил уже выше. Но хочу добавить: несмотря на то, что к некоторым литераторам О.Э. относился иронически, а иногда и с тревогой – за судьбу

русской литературы (в частности, к РАППу), никогда я не слышал из его уст что-либо оскорбляющее или порочащее наше государство.

Вопрос третий: Что я знаю о стихотворении Мандельштама о Сталине? Ничего не знаю, никогда не слышал.

Вопрос четвертый: О повторном аресте О.Э. Мандельштама в 1938 г.

В этом году было арестовано столько писателей, поэтов, журналистов, что в общем потоке трудно было выделить особое удивление по поводу исчезновения Мандельштама. Но всё же какое-то особое сочувствие горю его семьи было высказано, ибо Осип Эмильевич (по своему телосложению и полному отсутствию малейшей физической подготовки) выглядел человеком слабым, отнюдь не готовым к предстоящим ему тяжким испытаниям. Я узнал об его аресте два месяца спустя, ибо находился в командировке: писал пьесу для театра Красной армии. Рассказал мне о событиях Семен Кирсанов. А уж совсем конфиденциально добавил: якобы Борису Пастернаку позвонил Поскребышев и сказал:

– Сейчас с Вами будет говорить товарищ Сталин! – и действительно, трубку взял Сталин и сказал:

– Недавно арестован поэт Мандельштам! Что Вы можете сказать о нем, товарищ Пастернак?

Борис, очевидно, сильно перепугался и ответил:

– Я очень мало его знаю! Он был акмеистом, а я придерживаюсь другого литературного направления! Так что ничего о Мандельштаме сказать не могу!

– А я могу сказать, что вы очень плохой

товарищ, товарищ Пастернак! – сказал Сталин и положил трубку.

Иосиф Прут, член Союза писателей СССР со дня его основания.

Москва, 14 августа 1987 г.

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 78–81.* Автограф.**

Третьим, кого расспросили (точнее, допросили) об О.М., был Лев Гумилев. 18 августа 1987 года А.Г. Губинский[1] поручил начальнику Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области полковнику В.И. Третьякову разыскать Л.Н. Гумилева и, в порядке ст. 127 УПК РСФСР, допросить Гумилева Л.Н. по следующим вопросам:

– знал ли он лично Мандельштама О.Э. и в положительном случае, какой характер носили их отношения?

– как отзывалась Анна Андреевна Ахматова о творчестве поэта и какого мнения по этому поводу придерживается свидетель?

– что свидетелю известно о политических взглядах и отношении Мандельштама к советской действительности тех лет?

– читал ли Мандельштам О.Э. ему стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...», и если да, – то когда и при каких обстоятельствах, кто при этом присутствовал и какую это вызвало реакцию у слушателей?

– кто является автором этого

---

1 Александр Георгиевич Губинский в 1970-е и 1980-е гг. вел дела А. Щаранского, Л. Бородина, Т. Осиповой, Г. Суперфина, Л. Тимофеева и мн. др. В 1980-е гг. – подполковник, начальник группы следственного отдела КГБ. Изымая «Воспоминания» Н.М. на обыске у Г. Суперфина он сознательно прочитывал фамилию Мандельштама как Мендельштам (сообщено Г. Суперфином). В годы перестройки работал в Юридической консультации № 10 Московской коллегии адвокатов.

стихотворения, если Мандельштам, то чем было вызвано написание им этого стихотворения?[1]

Ответ из Большого дома на Шпалерной пришел 25 августа, ровно через неделю, причем не от Третьякова, а от его заместителя – В.В. Черкесова, сообщившего: *«Принятыми мерами установлено, что Гумилев Л.Н. ‹. . .› в настоящее время находится у своих знакомых в Москве по адресу: Зеленый пр., д. 60/35, кв. 132. Т. 301–32–54»*[2] . И уже назавтра, 26 августа, состоялся допрос!

‹6›
Допрос Л.Н. Гумилева следователем Д.А. Панфиловым 26 августа 1987 года

Комитет Государственной Безопасности СССР

Протокол
допроса свидетеля

«*26*» *августа* 1*987* г. гор. Москва

Ст‹арший› Следователь СО КГБ ССР, майор юстиции Панфилов

с соблюдением требований ст.ст. 72–74, 157, 158 и 160 УПК РСФСР

допросил в качестве свидетеля

Гумилева Льва Николаевича, род. 1.X.1912 в г. Пушкино Л‹енинградской› О‹бласти›, русский, гр. СССР

Допрос начат в 12.00, кончен в 15.30

1 Там же. Л. 95. К письму прилагалась выписка из допроса О.М. в 1934 г.
2 Там же. Л. 96.

По существу дела показываю следующее:

Осипа Эмильевича Мандельштама я не более 2–3 раз встречал в начале 1930-х годов во время его посещений Ленинграда. Эти встречи носили эпизодический характер.

Со слов моей матери – Анны Андреевны Ахматовой – мне известно о том, что она с искренней симпатией относилась к творчеству Мандельштама, тем более, что они оба представляли довольно-таки малочисленную группу поэтического течения, так называемого акмеизма, стремившуюся к вершинам творческого совершенства.

В январе 1934 года я в течение 5–6 месяцев проживал в квартире Мандельштама на Нащекинском переулке гор. Москвы, куда приехал отдохнуть после археологической экспедиции.

Лично у меня о Мандельштаме сложилось впечатление как о человеке, абсолютно чуждом стяжательству и лицемерию. При небольшом количестве пищи он много курил, что замечали все знавшие его люди.

Мне запомнился случай, когда я по просьбе ныне покойной супруги поэта – Надежды Яковлевны Мандельштам – даже продал только что купленную буханку хлеба какому-то нищему и купил Осипу Эмильевичу папиросы.

Также к характерной его особенности могу отнести несколько неуравновешенный и эмоциональный характер, тем не менее никаких отклонений от нормальной психики у Мандельштама никогда не замечал.

Правда, мне приходилось слышать, что он боялся преследования со стороны сотрудника

ОГПУ Блюмкина, у которого поэту удалось выхватить и сжечь ордера на производство арестов и обысков.

В начале 1934 года, более точно я не запомнил, в своей квартире и в присутствии А.А. Ахматовой, других знакомых, меня и его супруги поэт прочел свое стихотворение «Мы живем…» о личности И.В. Сталина.

Хочу показать, что в то время мне исполнился 21 год и в окружении Мандельштама ко мне относились именно как к молодому человеку, по этой причине серьезные разговоры в моем присутствии не велись, да и Мандельштам, по моему убеждению, не был их сторонником.

На мой взгляд, к прочтению этого стихотворения никто из присутствовавших, и я в том числе, серьезно не отнесся, так как на нем внимание не акцентировалось и разговор продолжался на другие темы.

Что побудило Мандельштама к сочинению «Мы живем…», кроме как несерьезная эмоция, я показать затрудняюсь, однако, по-моему, ничего антисоветского в этом стихотворении не содержится.

При аресте О.Э. Мандельштама в мае 1934 года я не присутствовал, а когда пришел домой к нему после ареста, находившаяся там моя мать буквально выгнала меня прочь.

В мае 1934 года я возвратился в гор. Ленинград, где поступил на исторический факультет Университета и с Осипом Эмильевичем больше не встречался.

Со слов Надежды Яковлевны Мандельштам в конце 1950-х годов я узнал о смерти поэта, однако, как я понял, точной даты его гибели она не знала.

Также хочу показать, что последняя поставила меня в известность о том, что написала воспоминания о Мандельштаме, однако читать их мне не давала.

Протокол мною прочитан; с моих слов показания записаны правильно. Дополнений и поправок нет. Л. Гумилев.

Допросил и протокол составил:

Старший следователь Следственного отдела КГБ СССР майор юстиции Д.А. Панфилов

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 70–72.

Очевидно, что именно эти три экспертных суждения и легли в основу последующего прохождения реабилитационного дела Мандельштама.

Ибо уже 31 августа заключение Следственного отдела было полностью готово и в тот же день переправлено в Прокуратуру, вместе с обоими следственными делами.

Еще полтора месяца ушло на подготовку Прокуратурой протеста. 14 октября, за подписью А.Ф. Катусева, заместителя Генерального прокурора, протест, наконец, был отправлен в Верховный суд. Суду же потребовалось всего две недели, чтобы вынести свое определение и окончательно снять с Мандельштама его «судимость».

‹7›
Заключение старшего следователя Следственного отдела КГБ СССР, майора юстиции Д.А. Панфилова от 31 августа 1987 года по архивному уголовному делу № Н-9284 и материалам дополнительной проверки

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по архивному уголовному делу № Н-9284
и материалам дополнительной проверки

Город Москва 31 августа 1987 года

Старший следователь Следственного отдела КГБ СССР майор юстиции Панфилов, рассмотрев материалы архивного уголовного дела № Н-9284 и материалы дополнительной проверки в отношении

Мандельштама Осипа Эмильевича, 1891 года рождения, уроженца гор. Варшавы, еврея, беспартийного, с незаконченным высшим образованием, литератора, –

УСТАНОВИЛ:

Мандельштам был арестован 16 мая 1934 года Оперативным отделом ОГПУ и обвинялся по ст. 58.10 УК РСФСР в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений».

л. д. 25, 25–27

В ходе предварительного следствия ему вменялось в вину написание стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны…» Помимо признательных показаний Мандельштама о том, что именно он «является автором контрреволюционного пасквиля против вождя коммунистической партии и советской страны», других доказательств его противоправной

деятельности в деле не имеется.

л. д. 4–5, 9–16

Несмотря на это, постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 года Мандельштам был выслан в гор. Чердынь Воронежской области сроком на три года; 10 июня того же года высылка заменена ему лишением права проживания в Московской, Ленинградской областях и в ряде крупных городов страны на оставшийся срок.

л. д. 29, 32

В процессе дополнительной проверки осмотрено инкриминированное Мандельштаму сочинение «Мы живем…» Оно не содержит предусмотренных диспозицией ст. 58.10 УК РСФСР призывов «к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений». Установить место хранения изъятых у него при обыске в мае 1934 года рукописей на 48 листах не представилось возможным.

л. д. 91–97

Допрошенный в качестве свидетеля Гумилев Л.Н., лично знавший Мандельштама, показал, что в начале 1934 года он присутствовал при прочтении последним своего стихотворения «Мы живем…», в котором «ничего антисоветского… не содержится».

л. д. 70–72

По отзыву писателя Каверина В.А., в конце 1920-х годов встречавшегося с Мандельштамом, последний «принимал деятельное участие в литературной жизни первых двух десятилетий, прошедших после Октябрьской революции… Его творчество обозначило совершенно новую полосу в русской и мировой поэзии и доброе имя его, без всякого сомнения, должно быть восстановлено».

л. д. 73–75

В своем отзыве драматург Прут И.Л. подчеркнул, что знает Мандельштама с 1925 года и никогда «не слышал из его уст что-либо оскорбляющее или порочащее наше государство».

л. д. 76–81

Сотрудники ОГПУ Шиваров Н.Х. и Вепринцев С.Н., расследовавшие дело в отношении Мандельштама, соответственно в 1937 и 1939 гг. из органов безопасности уволены. Установить и допросить их в настоящее время не представилось возможным.

л. д. 82–84

Осмотром архивного уголовного дела № Р-13864 установлено, что 30 апреля 1938 года Мандельштам вновь был арестован ГУГБ НКВД СССР и без предъявления обвинения заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет. В том же году Мандельштам умер в местах лишения свободы. Определением Судебной

коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 июля 1956 года данное уголовное дело прекращено за отсутствием в действиях Мандельштама состава преступления.

л. д. 102–103

Принимая во внимание, что Мандельштам О.Э. был осужден в 1934 году необоснованно, –

ПОЛАГАЛ БЫ:

Направить архивное уголовное дело № Н-9284 по обвинению Мандельштама Осипа Эмильевича в Прокуратуру СССР для внесения протеста в судебные органы на предмет отмены постановлений Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая и 10 июня 1934 года в отношении Мандельштама О.Э. и прекращения дела за отсутствием в его действиях состава преступления.

Старший следователь Следственного
отдела КГБ СССР
майор юстиции Д.А. Панфилов

Согласны:

Помощник начальника Следственного
отдела КГБ СССР
подполковник А.Г. Губинский

Первый заместитель начальника
Следственного отдела КГБ СССР
полковник юстиции В.Н. Расторгуев

***ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 36–38.* Машинопись. Помета вверху (синие чернила): «В н/п *Подпись*. 07.09.87».**

**** Это место в документе отчеркнуто на полях.***

‹8›
Письмо начальника Следственного отдела КГБ СССР генерал-майора Л.И. Баркова от 31 августа 1987 года начальнику отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры Союза ССР государственному советнику юстиции 2 класса В.И. Андрееву о направлении в отдел двух следственных дел О.Э. Мандельштама

Секретно
Экз. № 1

Комитет Государственной безопасности СССР

Следственный отдел
31.08.87 г. № 6/3988
Москва

Начальнику отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности Прокуратуры Союза ССР
государственному советнику юстиции 2 класса
тов. Андрееву В.И.

На Ваш исх. № 13–471–55 от 30 июня 1987 года направляем архивные уголовные дела №№ Н-9284 и Р-13864 по обвинению Мандельштама

Осипа Эмильевича с материалами дополнительной проверки и нашим заключением.

Приложение: архивные уголовные дела № Р-13864 на 33-х листах и № Н-9284 с материалами дополнительной проверки на 107-ми листах – секретно, копия заключения на 3-х листах.

Начальник Отдела, генерал-майор *Л. Барков* Л.И. Барков

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 35.

‹9›

Протест заместителя Генерального прокурора СССР, государственного советника юстиции 1 класса А.Ф. Катусева от 14 октября 1987 года по делу О.Э. Мандельштама 1934 года

Верховный Суд СССР

Прокуратура Союза ССР
Судебная коллегия по
уголовным делам
Верховного Суда СССР

ПРОТЕСТ
(в порядке надзора)

14.10.87 № 13/471–55
По делу Мандельштама О.Э.

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 года – Мандельштам Осип Эмильевич, 1891 года

рождения, уроженец г. Варшавы, еврей, беспартийный, с незаконченным высшим образованием, женат, до ареста был литератором и проживал в г. Москве, Нащекинский пер., д. 5, кв. 26, ранее несудимый, – выслан в г. Чердынь сроком на три года, а постановлением того же совещания от 10 июня 1934 года во изменение прежнего постановления лишен права проживания в Московской, Ленинградской областях, городах Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Минске, Тифлисе, Баку, Хабаровске и Свердловске на оставшийся срок.

В 1938 году Мандельштам вновь был арестован и постановлением Особого Совещания при Наркоме Внутренних дел СССР от 2 августа 1938 года за проведение антисоветской агитации заключен в исправительно-трудовой лагерь на 5 лет. В том же году Мандельштам умер в местах лишения свободы. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 июля 1956 года данное уголовное дело прекращено за отсутствием в действиях Мандельштама состава преступления.

По обвинительному заключению в 1934 году Мандельштаму вменялось в вину составление и распространение контрреволюционных литературных произведений, т. е. совершение преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР.

Обвинение Мандельштама в антисоветской агитации и пропаганде основано на его показаниях, данных на предварительном следствии, в которых он признал себя виновным (л. д. 4–6, 9–17). Других доказательств его противоправной деятельности в деле не имеется.

Проведенной по делу дополнительной проверкой установлено, что инкриминируемое Мандельштаму сочинение «Мы живем…» не содержит предусмотренного диспозицией ст. 58-10 УК РСФСР состава преступления (л. д. 105–107).

На основании изложенного и руководствуясь ст. 35 Закона СССР «О прокуратуре СССР»

ПРОШУ:

Постановления Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 года и 10 июня 1934 года в отношении Мандельштама Осипа Эмильевича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Заместитель Генерального прокурора СССР

государственный советник юстиции 1 класса А.Ф. Катусев

Справка: Дело проверялось в связи с письмом

т. Рождественского Р. о подготовке

к столетнему юбилею поэта Мандельштама О.Э.

Дело после рассмотрения подлежит возврату в КГБ СССР.

***ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 108–109.* Копия (оригинал, по всей видимости, в Верховном суде СССР). Другой экз-р: *ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 41–42.* Машинописная копия без точной даты. Датируется по пометам внизу: «*В н/п. Подпись. 14.10.87*» (синие чернила) и «*Подпись. 14.10.87 г.*» (черные чернила).**

‹10›
Определение Верховной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 октября 1987 года об отмене Постановлений Особого Совещания при НКВД СССР от 26 мая и 10 июня 1934 г. в отношении О.Э. Мандельштама

Надзорное производство № 02ДСП–4974–56

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР

в составе: председательствующего Тихомирнова Р.Г.

и членов Арестовича Н.П., Ромазина С.Б.

рассмотрела в заседании от 28 октября 1987 г. протест заместителя Генерального прокурора СССР на Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 года, которым осужден Мандельштам Осип Эмильевич, 1891 года рождения, уроженец г. Варшавы, еврей, с незаконченным высшим образованием, несудимый, по ст. 58-10 УК РСФСР (составление и распространение контрреволюционных литературных произведений) к высылке в г. Чердынь сроком на три года.

Постановлением того же совещания от 10 июня 1934 г. во изменение прежнего постановления Мандельштам был лишен права проживания в Московской, Ленинградской областях, городах Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Минске, Тбилиси,

Баку, Хабаровске и Свердловске на оставшийся срок.

В протесте ставится вопрос об отмене Постановлений Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая и 10 июня 1934 года и прекращении дела производством за отсутствием в действиях Мандельштама состава преступления.

Рассмотрев материалы дела, заслушав доклад члена Верховного Суда СССР Тихомирнова Р.Г., заключение прокурора управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры СССР Овчарова Ю.Е., полагавшего протест удовлетворить,

УСТАНОВИЛА:

Мандельштам признан виновным в составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Обвинение Мандельштама в антисоветской агитации и пропаганде основано на его показаниях, данных на предварительном следствии, в которых он признал себя виновным. Других доказательств его противоправной деятельности в деле не имеется.

Проведенной по делу дополнительной проверкой установлено, что сочинение Мандельштама «Мы живем…» не содержит предусмотренного диспозицией ст. 58-10 УК РСФСР состава преступления.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 27 Закона о Верховном Суде СССР, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Постановления Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 и 10 июня 1934 года в отношении Мандельштама Осипа Эмильевича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Председательствующий Р.Г. Тихомирнов
Члены суда С.Б. Ромазин
Н.П. Арестович

ЦА ФСБ. Следственное дело № Р-33487 (Мандельштам О.Э.). Л. 110–111. **Оригинал с тремя подписями-автографами. Заверенная машинописная копия:** ***ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 47–48.***

‹11›
Письмо старшего помощника Генерального прокурора СССР В.И. Андреева от 9 ноября 1987 года Председателю Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама при СП СССР Р.И. Рождественскому с сообщением о полной реабилитации О.Э. Мандельштама

Секретарю правления
Союза писателей СССР
т. Рождественскому Р.И.

09.11.87 13/471–55

Уважаемый Роберт Иванович!

В связи с Вашим письмом о судьбе рукописей советского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, изъятых у него при обыске в мае 1934 года, проведена тщательная проверка.

О.Э. Мандельштам дважды в 1934 и 1938 годах привлекался к уголовной ответственности. Дело, по которому он был осужден в 1938 году, прекращено Верховным Судом СССР в 1956 году за отсутствием состава преступления.

В процессе дополнительной проверки, проведенной по делу в отношении О.Э. Мандельштам за 1934 год, установлено, что он также был осужден необоснованно, поэтому по протесту заместителя Генерального прокурора СССР Верховный Суд СССР 28 октября 1987 года дело прекратил.

Таким образом, О.Э. Мандельштам полностью реабилитирован.

К сожалению, принятыми мерами розыска установить место нахождения и содержание текста рукописей О.Э. Мандельштама, изъятых при обыске в 1934 году, не представляется возможным.

С уважением,
Старший помощник
Генерального прокурора СССР В.И. Андреев

***Текущий архив СП СССР. Вх. № 4800. Копия: ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 33. Д. 66629. Л. 45.* Заверенная машинописная копия. Помета внизу (синие чернила): «*В н/п. К–2011. Подпись. 05.11.87*».**

Так была поставлена точка в деле реабилитации Осипа Эмильевича Мандельштама.

Она произошла спустя 53 с половиной года после вынесения Особым совещанием приговоров по первому делу и на 21 год позже – зато почти что день в день! – после отказа в реабилитации по нему в 1956 году.

Замечу, что судимость и «вина» О.М. могли бы продлиться еще дольше, когда бы не те спокойные, но требовательные письма, которые в необходимые адреса отправлял Роберт Рождественский.

Страница из дела 1934 года с ксерокопией тюремного автографа О. Мандельштама (ЦА ФСБ)

Р. Рождественский (ГЛМ)

Комитет государственной безопасности СССР и Федеральная служба безопасности Российской Федерации (1939–1955): В поисках архива

1

Но вернемся к тому, с чего, собственно, началась история со второй реабилитацией О.М., – к выяснению судьбы его архива.

Его поисками, как мы знаем, также занялся КГБ. Соответствующие следственные действия пришлись на конец июля и август 1987 года, то есть на промежуток между установочными запросами в служебный архив и снятием показаний с живых очевидцев событий 1934 года. Действий было, прямо скажем, немного.

‹1›
Запрос Начальника Следственного отдела КГБ СССР, генерал-майора Л.И. Баркова Начальнику отдела КГБ СССР генерал-майору А.И. Фокину от 27 июля 1987 года по поводу выяснения судьбы архива поэта, изъятого при аресте

27.07.87 № 6/3509

Начальнику отдела КГБ СССР
Генерал-майору т. Фокину А.И.

По поручению Прокурора СССР Следственным отделом КГБ проводится проверка обоснованности привлечения к уголовной

ответственности в 1934 году по ст.58-10 УК РСФСР Мандельштама О.Э.

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 Мандельштам О.Э. был выслан из Москвы в г.Чердынь Воронежской области сроком на 3 года.

Согласно протоколу обыска № 512 от 16 мая 1934 у Мандельштама с места его жительства по адресу: Москва, Нащекинский пер., д. 5, кв. 26 изъяты паспорт № 336920, записи и рукописи на 48 отдельных листах.

На этом же протоколе имеется запись: «Переписка взята в Отдел Уп‹равления› 4 СПО» и неразборчивая подпись

Другие сведения о судьбе этих документов в деле отсутствуют.

На основании изложенного прошу Вашего указания проверить и сообщить, имеются ли в архивах отдела КГБ СССР изъятые у Мандельштама О.Э. в ходе обыска документы и в положительном случае направить их в Следственный отдел КГБ СССР.

Начальник Следственного отдела КГБ СССР, генерал-майор Л.И. Барков

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 90.

‹2›

Ответ начальника Центрального оперативного архива КГБ СССР Н.К. Грищенко от 6 августа 1987 года о судьбе документов, изъятых при обыске у О.Э. Мандельштама 16 мая 1934 года

КГБ СССР
Центрально-оперативный архив Баркову
6.08.1987 № 10/ АН–0115

На № 6/3509 от 27.7.87

В Центральном оперативном архиве КГБ СССР дополнительных сведений о судьбе документов, изъятых при обыске у Мандельштама О.Э. 16 мая 1934 г., кроме отраженных в материалах, находящихся в Следственном отделе КГБ СССР, арх‹ивных› угол‹овных› дел № АН-9284 и № Р-13864 не имеется.

Начальник ЦОА, полковник Грищенко Н.К.

ЦА ФСБ. Следственное дело Р-33487. Л. 91.

На всякий случай – и, очевидно, памятуя о практике своего ведомства в прошлом, – Барков позвонил и в Центральный архив литературы и искусства. Наталья Борисовна Волкова, директор архива, ответила ему 21 августа: «*На Ваш устный запрос сообщаем, что в ЦГАЛИ СССР не имеется материалов, изъятых следственными органами у О.Э. Мандельштама в 1934–1938 гг.*»[1]

Все эти усилия и выкристаллизовались в поразительной по своей обтекаемости фразе из письма В.И. Андреева к Р.И. Рождественскому от 9 ноября 1987 года: «*К сожалению, принятыми мерами розыска установить место нахождения и содержание текста рукописей О.Э. Мандельштама, изъятых при обыске в 1934 году, не представляется*

1 Там же. Л. 104. Секретное письмо № 029.

возможным»[2].

2

Но еще за месяц до получения этого письма Рождественский обратился в Верховный суд к Теребилову с письмом, специально посвященным архиву О.М.

‹3›

Письмо Председателя Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама Р.И. Рождественского от 10 октября 1987 года Председателю Верховного Суда СССР В.И. Теребилову с просьбой разрешить ответственному секретарю Комиссии П.М. Нерлеру ознакомиться с материалами реабилитационных и следственных дел О.Э. Мандельштама

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Правление

10 октября 1988

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
тов. ТЕРЕБИЛОВУ В.И.

Уважаемый Владимир Иванович!

От имени Комиссии по литературному наследию поэта О.Э. Мандельштама обращаюсь к Вам с большой просьбой – дать разрешение ознакомить, если это возможно, ответственного

2 См. «Документы» в разделе о реабилитации.

секретаря нашей Комиссии Павла Марковича Поляна (Нерлера) с материалами реабилитационных и следственных дел О.Э. Мандельштама.

Это необходимо для уточнения данных о смерти поэта и других биографических фактов.

С уважением

Секретарь правления Союза писателей СССР

Председатель Комиссии по литнаследию О.Э. Мандельштама Р. Рождественский

Собрание П.М. Нерлера.

‹4›

Письмо Председателя Судебной коллегии по уголовным делам Р.Г. Тихомирнова (середина октября 1988 года) Председателю Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама Р.И. Рождественскому с отказом в ознакомлении с делами О.Э. Мандельштама

Секретарю правления
Союза писателей СССР
Рождественскому Р.И.

Уважаемый Роберт Иванович!

В связи с вашим письмом сообщаю, что Верховный Суд СССР не располагает возможностью ознакомить т. Поляна (Нерлера) с делом О.Э. Мандельштама, так как после рассмотрения протеста оно было 6 ноября 1987 г. возвращено по принадлежности в

Прокуратуру СССР.

Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Р.Г. Тихомирнов

Собрание П.М. Нерлера.

Ответ этот свидетельствует об одном – о прямом нежелании органов и суда углубляться в детали: реабилитация получена? – получена! запрос о нахождении архивов исполнен? – исполнен! И нечего вам самим, господа хорошие, сувать нос в это дело, вернее, в эти дела свои носы, нечего вам нас проверять и перепроверять, мы и сами с усами, нас тоже не на помойке нашли, нас и так распирает от своей либеральности – скажите нам громкое спасибо и валите отсюдова!..

3

А между тем события развивались – и несколько неожиданным для всех образом. По инициативе Виталия Шенталинского в декабре 1988 года была создана Всесоюзная комиссия по литературному наследию репрессированных и погибших писателей при СП СССР («Большом союзе», как его тогда называли). Ее председателем стал председатель «Большого союза» В.В. Карпов, а заместителями председателя – А.В. Жигулин и В.А. Шенталинский[1]. Наверху ее поддерживал и курировал Александр Николаевич Яковлев, давший прокуратуре и КГБ СССР четкие поручения о поиске и о возврате рукописей лиц, репрессированных в годы культа личности[2].

1 См. записку В.А. Шенталинского общему собранию Московской писательской организации от 5 января 1988 г. и его рассказ о дальнейшем прохождении этой идеи (Шенталинский В.А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 14–15).

2 См. письмо Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева В.И. Андрееву от 25 июля 1988 г. (Там же. С. 11).

Пробивая в течение целого 1988 года идею такой комиссии, Шенталинский приложил к какому-то из обращений список из тринадцати писательских имен, вопрос о наследии которых общественность волнует больше всего. Компанию О.М. в этом списке составили Бабель, А. Веселый, Воронский, Гумилев, Катаев, Клюев, Кольцов, Пильняк, Приблудный, Святополк-Мирский, Флоренский и Чаянов. И на каком-то этапе, реагируя на поручение секретаря ЦК, Прокуратура обработала этот списочек:

Секретно

Секретарю ЦК КПСС товарищу Яковлеву А.Н.

Уважаемый Александр Николаевич!

Во исполнение Вашего поручения о розыске и возвращении в литературный оборот рукописей и писем ряда писателей, репрессированных в 30-е годы, Прокуратурой Союза ССР совместно с КГБ СССР проведена работа по розыску и изучению соответствующих архивных материалов.

Проверкой установлено, что указанные в представленном списке писатели были действительно незаконно осуждены в 30-е годы. Согласно имеющимся документам, изъятая при аресте Кольцова (Фридлянда) Михаила Ефимовича переписка с писателем И.Г. Эренбургом и другие материалы были направлены 21 января 1965 года в Институт мировой литературы имени А.М. Горького для постоянного хранения.

При арестах Воронского А.К. и Овчаренко Я.П. (Ивана Приблудного) рукописи не изымались.

Что касается личных записей, рукописей и

писем Бабеля И.Э., Кочкурова Н.И. (Артема Веселого), Катаева И.И., Святополка-Мирского Д.П., Чаянова А.В. и Пильняка (Вогау) Б.А., изымавшихся при их аресте, то установить их судьбу в результате тщательных поисков и дополнительной проверки, осуществленной КГБ СССР, не представилось возможным.

Генеральный прокурор СССР А.Я. Сухарев[1]

Разумеется, и этот результат был подобен прорыву плотины.

Пролился свет на то, что происходило или, по крайней мере, что могло происходить, с писательскими архивами, изымавшимися при арестах. Но в большинстве случаев найти их «не представлялось возможным», то есть – по миновании надобности – их попросту уничтожали. Но в некоторых случаях их могли и передать на государственное хранение, как это произошло, например, с архивом М. Кольцова.

Но одна деталь в письме Сухарева, по меньшей мере, изумляет: это отсутствие упоминаний об О.М.! Ведь только что, – и года не прошло! – Прокуратура реабилитировала его и выяснила судьбу его архива. Почему же молчок об этом в письме? И почему о реабилитации Мандельштама уважаемой комиссии стало известно не от Роберта Рождественского или хотя бы того же В. Андреева, а только из уст прокуроров А.Н. Омельченко и А.В. Валуйского? И почему так поздно – спустя почти два года после того, как она произошла?[2]

Вместе с тем и Комиссия Карпова-Шенталинского столкнулась с той же проблемой, что и Мандельштамовская комиссия Союза Писателей: с нежеланием органов знакомить посторонних с первоисточниками. Но с какой стати мы должны им верить, если до сих пор они только и делали, что

1 Там же. С. 15.
2 Даты у Шенталинского нет, но из контекста вытекает, что речь идет самое раннее о середине 1989 г.

нас обманывали?..

Со всей остротой это почувствовал В. Шенталинский, говоривший своему председателю В.В. Карпову:

> *Это надувательство, нас просто водят за нос. Мы сами должны познакомиться с делами. Иначе люди скажут: ваша комиссия – только ширма для того, чтобы закрыть, а не открыть архивы. И будут правы!..*[1]

Потребовалось еще немало усилий и времени, прежде чем и эту плотину прорвало. А точнее – смыло цунами распада СССР.

Уже в 1990 году доступ к самим делам получил В.А. Шенталинский, по мере освоения материала публиковавший его в периодике[2], а еще раньше – в 1989 году – доступ к гумилевским материалам в таганцевском деле получил Сергей Лукницкий – писатель и юрист, немало потрудившийся для политичесой реабилитации кумира своего отца и своего собственного кумира[3]. А весной 1991 года доступ к архивам КГБ получил и Станислав Куняев, работавший над биографией Есенина и запросивший в КГБ несколько десятков уголовных дел, заведенных на людей есенинского круга. Потеряв терпение, он позвонил по вертушке из СП СССР в Секретариат начальника КГБ, и его неожиданно соединили с «самим» Владимиром Александровичем Крючковым, председателем КГБ и будущим гэкэчэпистом, распорядившимся выдать Куняеву необходимые дела. Несколько месяцев работы в читальном зале Архива КГБ на Кузнецком мосту обернулись, не считая рукописных выписок и ксерокопий, десятками кассет текста, наговоренного на диктофон прямо из дел[4].

1 Там же. С. 16.

2 Позднее он выпустил на этом материале несколько интересных книг, не раз цитировавшихся выше.

3 См. об этом: Лукницкий С. Я защищаю Гумилева // Российский адвокат. 1999. № 2. С. 36–39.

4 Этот материал лег в основу книги, написанной Станиславом Куняевым вместе с его сыном Сергеем: «Растерзанные тени. Избранные страницы из “дел” 20–30-х годов ВЧК–ОГПУ–НКВД, заведенных на друзей,

Позднее приоткрыл свои архивы и Большой дом в Ленинграде–Санкт-Петербурге, где специалисты смогли ознакомиться с делами Б.К. Лившица, Н.Олейникова и многих других писателей[5].

Если же вернуться к О.М. и собственным усилиям, то совершенно иначе, нежели в ЦА КГБ, обернулась аналогичная наша хлопота так? в ЦА МВД.

‹5›

Письмо Начальника отдела Центрального архива МВД СССР В.П. Коротеева от 30 января 1989 года Председателю Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама Р.И. Рождественскому об ознакомлении секретаря комиссии с тюремно-лагерным делом О.Э. Мандельштама

Министерство внутренних дел
Информационный центр
От 30.01.89 г. № 35/5–72
На № 3815 от 05.12.88 г.

Секретарю Правления Союза писателей СССР
Т. Рождественскому Р.И.
121825 г. Москва, ул. Воровского, 52

Уважаемый Роберт Иванович!

В Центральном архиве МВД СССР материалов об О.Э. Мандельштаме в хранении не имеется.

Принятыми мерами в ОВД Магаданского облисполкома найдены материалы об О.Э.

родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов Сергея Есенина» (1995). Книга содержит большой и широкий материал, но необычайно поверхностно проанализированный, а иногда дурно пахнущий. Фразы типа «Революция пожирала своих еврейских детей» (с. 428) говорят сами за себя.

5 См., например, публикацию: Шнейдерман, 1996.

Мандельштаме, относящиеся к 1938 году. Эти документы 27 января с. г. были предоставлены для ознакомления П.М. Поляну. По его просьбе проводятся дополнительные мероприятия по розыску материалов об О.Э. Мандельштаме.

Начальник отдела В.П. Коротеев

Текущий архив СП СССР. Вх. № 498. 07.02.89 г.

Никогда не забыть того щемящего чувства, того ужаса и оцепенения, которые я испытал в тот миг, когда передо мной на стол в кабинете начальника архива МВД СССР легла бежевая казенная папка с надписью: «Личное дело № 662 заключенного О.Э. Мандельштама» – его тюремно-следственное дело, запрошенное и присланное из Магадана.

Неба из окон коротеевского кабинета, находившегося на втором или третьем этаже, почти не было видно. Едва ли не весь оконный окоем занимал боковой фасад здания Лубянки.

4

Процитируем теперь еще раз маленький шедевр прокурора В.И. Андреева, писавшего что «принятыми мерами розыска установить место нахождения и содержание текста рукописей О.Э. Мандельштама, изъятых при обыске в 1934 году, не представляется возможным». Приведенная только что переписка Баркова с Фокиным и Волковой, казалось бы, полностью это подтверждает.

И все-таки это не так.

Разве в самом следственном деле 1934 года не было «творческих рукописей» поэта?

Еще с 1970-х гг., из воспоминаний Н.М., было

определенно известно, что – было: О.М. в кабинете следователя записал текст своей эпиграммы на Сталина. Стало быть, как минимум этот «автограф» не мог не быть не приобщенным к делу!

Это же в конце октября 1988 года устно подтвердил и председатель Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Р.Г. Тихомирнов, занимавшийся реабилитацией О.М. по делу 1938 года[1]. Он сообщил, что представления о реабилитации и соответствующие решения формируются на основании следственных дел, запрашиваемых и возвращаемых в КГБ, где они и хранятся. В следственном деле, с которым Р.Г. Тихомирнову пришлось ознакомиться, по его словам, имелись тюремная анкета О.М. с фотографией, протоколы допросов, а также несколько(!) экземпляров стихотворения о Сталине.

Кроме того, в соответствии с ритуальной практикой 30-х годов по отделу литературы и искусства, в следственном деле О.М. непременно должен был быть и донос – тоже чей-то «творческий материал».

Но в особенно вопиющем противоречии с формулировками письма В.И. Андреева Р.И. Рождественскому находится факт получения последним… автографа стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны…»! Он был вручен председателю мандельштамовской комиссии заместителем председателя КГБ СССР Ф.Т. Бобковым в феврале 1989 года, и в тот же вечер Роберт Иванович, председатель мандельштамовской комиссии, позвонил ее секретарю (обычно инициатива наших встреч исходила от меня).

Говорил Рождественский негромко, с короткими паузами между словами и фразами и еще с легкой улыбкой, как бы помогающей преодолевать врожденное заикание. Но на этот раз он не следил за голосом и не скрывал своего возбуждения: «Можете ли Вы ко мне приехать?». – «Когда?» – «Прямо

1 Разговор с ним состоялся 25 октября 1988 г.

сейчас!»

Это, кажется, был единственный раз, когда мы не просто поговорили о текущих делах, но еще и выпили по стопке, если не ошибаюсь, коньяка.

А повод был и впрямь выдающийся – вырвавшийся на свободу автограф рокового стихотворения!..

Уже 9 апреля он был факсимильно воспроизведен в газете «Московские новости»[1]. А позднее от имени Комиссии по литературному наследию О.М. при Союзе Писателей СССР Рождественский передал его в РГАЛИ (тогда ЦГАЛИ).

Этот сенсационный документ потрясает: недаром десятки людей буквально плакали в то апрельское утро перед стендами «Московских новостей» на Пушкинской площади!

И дело не только в беспрецедентности факта обнаружения в деле – как, впрочем, и передачи! – этого документа. Он был еще и первой ласточкой, пусть и не делающей весны, но все-таки вселяющей надежду[2].

Этот вырванный из школьной тетрадки в клеточку листок, с шестнадцатью строчками стихотворного текста и подписью поэта – страшный человеческий документ, главный обвинительный материал, основание для приговора. Вглядываясь в нервные чернильные строчки, видишь, что происходило с О.М., когда он решился это записать, как дрожала его рука, как не слушалось перо. По четыре, по пять раз окунал он ручку в чернильницу, чтобы записать одну строчку!

P. S. Казалось бы, на новых материалах об О.М. в архивах ФСБ уже можно поставить крест. Ничего у них нет – и нечего там больше искать!.. Это же подтвердил и сегодняшний

---

1 Московские новости. 1989. 9 апр. С. 16.

2 Впоследствии еще не раз будут обнаруживаться творческие материалы, отобранные при аресте или же собственноручно записанные авторами непосредственно по ходу следствия. На страницах книги Ст. и С. Куняевых «Растерзанные тени» упоминаются, цитируются или полностью приводятся тексты Алексея Ганина (политические тезисы «Мир и свободный труд народам»), стихотворения Леонида Мартынова («Колчаку» и др.), стихотворение «Адмирал Колчак» Сергея Маркова, стихотворение «Адмирал Колчак» Евгения Забелина, стихи, басни и эпиграммы Павла Васильева, поэмы «Деревня» и «Каин» Николая Клюева.

руководитель архивного ведомства ФСБ генерал В.С. Христофоров, сделавший в мае 2005 года доклад о следственных делах Мандельштама в своей организации. Он еще раз заверил в том, что были посланы запросы в Воронеж и Пермь и вообще сделано всё возможное для того, чтобы найти хоть какие-то следы О.М. – но ничего нового обнаружено так и не было. Не на что больше надеяться!..

Но!.. Случайная находка оперативного донесения о поэте за 1933 год и публикация его А. Береловичем в 2001 году[1] вновь возвращает нас на исходные рубежи – в состояние ожидания и надежды на новые находки в архивном чреве чудовища, семьдесят лет тому назад погубившего великого и бессмертного русского поэта.

«Губ шевелящихся отнять вы не могли!» Вместо заключения

И это будет вечно начинаться…
О. Мандельштам

До революции и в годы Гражданской войны разные власти пробовали поэта Мандельштама «на зубок» – посылали запросы, арестовывали, выпускали, укоризненно качали головой.

И только советская власть отнеслась к нему с подобающей серьезностью – не печатала, травила, засылала сексотов, арестовывала, ссылала, казнила и миловала, миловала и казнила.

Осип Эмильевич, с интуитивной тревогой приветствовавший обе революции – этот, как он выразился, «скрипучий поворот руля», в 20-е годы постоянно искал правильный формат личных отношений с этой чуждой ему властью, но дальше деловых дело никогда не заходило. Как

1 См. выше. Не все ее и заметили: лично я, например, только в конце 2008 года!

поэт О.М. на долгие годы замолчал, и только травля-«уленшпигелиада», наложившаяся на путешествие в Армению, вернула ему поэтические правоту и голос. Голос оказался окрепшим и пророческим – поэт перешел на циклы, и из «армянского» плавно перешел в «волчий» с его пафосом «гремучей доблести».

Когда же в тридцать третьем, увидав своими глазами голодомор, Мандельштам написал то, чего не написать не мог («Мы живем, под собою не чуя страны…») и приготовился к смерти, Сталин в тридцать четвертом наградил его самым чудесным и щедрым образом – подарил жизнь.

Подарил не из прихоти и небескорыстно – чтобы прослыть чудотворцем и ожидая от «мастера» встречной творческой благодарности. Чтобы иметь потом возможность усмехнуться в тараканьи усы и лишний раз сказать (между прочим – секретарю комиссии по Сталинским премиям): «Наша сила в том, что мы и Мандельштама, как потом и Булгакова, заставили работать на нас»[1].

Мандельштам действительно написал в тридцать седьмом «Оду», длинную и двусмысленную. Адресату, как и Павленко, она не понравилась (или не понравилась бы), зато из ее строк соткалось целое направление современного мандельштамоведения, исследующее вопросы коллаборационализма поэта: когда, на чем и насколько О.М. «сломался», к чему сводились его «стилистические» разногласия с эпохой.

Поэтому в тридцать восьмом чудо не повторилось. Полоса заигрывания с мастерами слова кончилась: ни в «дочки-матери», ни даже в «кошки-мышки» играть было некогда и незачем. Да и не с кем: аудитория, на которую это могло бы произвести впечатление, изрядно поредела.

Тем не менее государство всё еще по достоинству ценило индивидуальность и талант поэта Мандельштама, посему

1 Парафраз более позднего высказывания Сталина о Булгакове, написавшем о нем пьесу (Смелянский А. Уход (Булгаков, Сталин, "Батум"). М., 1988. С. 45)

удостоило его не коллективного, в составе высосанного из пальца заговора, а сугубо персонального «Дела», инициированного высшим писательским начальником и проэкспертированного столь же доверенным и доверительным пером.

2 мая 1938 года в мещерской Саматихе поэта арестовали, заведя на него сначала следственное, а потом и тюремно-лагерное дела. В тюрьме, в пересылке, в эшелоне и в лагере под Владивостоком его плоть мололи и перемалывали жернова НКВД. В пересыльно-перемольном лагере он и умер 27 декабря 1938 года, окончательно став искомой, в сущности, субстанцией – лагерною пылью.

И только стихи – армянские, московские, воронежские, савеловские – избежали такой же участи, они уцелели и прижились – с тем, чтобы со временем вернуться, обернувшись «виноградным мясом» творческой свободы гения и непередаваемым счастьем самовольного самиздатского чтения. Еще немного – и они проросли дивным лесом журнальных и книжных публикаций, пластинок с голосом поэта, а с недавних пор еще и мемориальными досками и памятниками.

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

…В 1915 году, взволнованный смертью Скрябина, юный Мандельштам вдруг осознал и произнес вслух несколько крайне выразительных слов:

Я хочу говорить о смерти Скрябина как о высшем акте его творчества. Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать

как последнее, заключительное звено. С этой вполне христианской точки зрения смерть Скрябина удивительна. Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной. Если сорвать покров времени с этой творческой жизни, она будет свободно вытекать из своей причины – смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет.

Слова не только выразительные, но и крайне ответственные. Смерть как телеологический источник жизни, личная судьба – как генетический код, как своего рода слепок или ключ к творческой эволюции! Выбирая и примеряя на себя тот или иной вид смерти, поэт выступает как бы орудием высшего промысла, предначертанного ему чуть ли не с пеленок.

Немедленно возник соблазн «опрокинуть» этот тезис на самого Мандельштама. И тогда всплывает ставшая уже почти привычной картинка: поэт, нахлеставший своей эпиграммой Сталину по щекам, обречен выпить цикуту из его рук и не может не умереть в ГУЛАГе!

Тем более, что так оно, в сущности, и произошло – да еще в обрамлении пророческих слов про «гурьбу и гурт»! Бессмертие отыскало Мандельштам, но взяв с него за это непомерно высокую цену – неотвратимого самоубийства!

Но действительно ли Мандельштам сознательно искал именно этой судьбы?

Вся мандельштамовская жизнь явила нам образцы потрясающего жизнелюбия, и добровольное заклание – пусть и трижды значимое социально или исторически – плохо вписывается в его живой образ. Быть «к смерти готовым» и искать ее – не одно и то же.

Ни клятва верности четвертому сословью, ни осознанье невозможности – для себя – «просвистать жизнь скворцом» и «заесть ореховым пирогом», ни уж тем более чувство поэтической правоты никак не исключали того, что их носитель жив и предполагает жить, без чего, согласитесь, слышать и писать стихи затруднительно. Его раздирают и внутренние противоречия – Мандельштам-миф, Мандельштам-поэт и Мандельштам-человек ладят друг с другом не всегда.

И все-таки не телеологический промысел убил поэта и не снятие с него чудотворной (из когтей чудовища!) защиты из Кремля, а истертые и окровавленные жернова российской государственной машины, всего лишь на время персонифицированной в «кремлевском горце», но легко перевоплощающиеся в любую иную оболочку – с бородкою или лысиной, в бровастую или безликую.

Самоубийство на самом деле совершала и власть – не просто отвратительный и нерукопожатный брадобрей, а голодное государство-трупоед, то сытое, то голодное, но никогда не жалеющее ни холопов, ни поэтов. И усатый тиран ему явно был к лицу.

Иная мифологема вынесла Мандельштама и Сталина на самый гребень другого упрощения: Поэт и Тиран. Тиран-поэтомор, убивающий живое слово во плоти, и поэт-тираноборец, в конце концов якобы побеждающий его силой своей песни.

Но и это самообольщение. Потому что и тут победа не за Мандельштамом и не за Пушкиным. Вон какой памятник воздвиг себе усатый горец – бронзовый (а судя по блеску на сапогах – и золотой) призер всея номинации «Имя России».

Но Мандельштаму не до величаний: он держит свой фронт. Ибо продолжается, не кончаясь, та битва, в которой музыка и стихи едва ли не единственное противоядие от бесчеловечности.

Вот почему поэзия, как он однажды выразился, это война!

Postscriptum.

В 1980 году в ограде могилы Надежды Яковлевны на Старокунцевском кладбище в Москве, как бы в сени ее дубового креста с вырезанной на нем молитвой, был поставлен небольшой серый **камень** – своеобразный античный кенотаф[1]. На нем высечено:

Светлой памяти Осипа Эмильевича Мандельштама

В 1991 году в Москве, Ленинграде, Воронеже, в 1993 – в Париже, а в 1994 – в Гейдельберге и в 1999 году – в Чердыни открылись мемориальные доски в честь Осипа Мандельшама. В 2009 году пришедшая в негодность чердынская мемориальная доска была заменена новой. А в 2010 году мемориальная доска открылась и в Кимрах.

В 1998 году во Владивостоке, в 2007 – в Санкт-Петербурге, а в 2008 году в Воронеже и Москве открылись памятники поэту. В 2011 году – совместный памятник Осипу и Надежде Мандельштаму в Санкт-Петербурге.

В 2012 году открылась первая в мире улица Мандельштама – на его родине, в Варшаве.

1 Кенотаф – у древних эллинов – ложная могила, не содержавшая останков умершего.